

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Archaeological news

16
(2009)

St.-PETERSBURG

2010

Археологические вести

16
(2009)

ДБ

Санкт-Петербург
2010

УДК 902/904
ББК 63.4

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. НОСОВ (главный редактор),
академик РАН В. Л. ЯНИН, Н. В. ХВОЩИНСКАЯ (зам. главного редактора), М. Ю. ВАХТИНА,
Т. С. ДОРОФЕЕВА (ответственный секретарь), Н. Ю. СМИРНОВ, Л. Г. ШАЯХМЕТОВА

Рецензенты:

доктор исторических наук С. В. БЕЛЕЦКИЙ,
кандидат исторических наук В. Н. СЕДЫХ

Археологические вести / Ин-т истории материальной культуры РАН. — 1992– .
Вып. 16 / [Гл. ред. Е. Н. Носов]. — СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. — 320 с., ил.
ISBN 978-5-86007-660-0

«Археологические вести» № 16 — очередной выпуск ежегодника ИИМК РАН.

В выпуск вошли статьи, посвященные изучению искусства малых форм от палеолита вплоть до средневековья. В частности рассматриваются «мобильное» искусство позднего палеолита, спиральные мотивы в орнаментации неолитической керамики Восточной Азии, художественный металл Боспорского царства, средневековая торевтика малых форм с территории Саяно-Алтая, мотив птицы в изделиях художественного ремесла Белоруссии XII–XIII вв. Анализируются вариативность конского снаряжения пазырыкского времени и серебряные монеты Пантикапея с надчеканкой. Публикуются материалы исследований верхнего культурного слоя палеолитической стоянки Гарчи I и уникальные находки тканей из Пскова. Представлены работы по актуальным проблемам археологии — на материалах каменных индустрий Южной Африки прослеживается направленность культурной динамики в среднем палеолите, а также рассматриваются актуальные вопросы исследования средневековых поселений Северного Киргизстана. Дается информация о важнейших международных конференциях и обзор отечественных и зарубежных публикаций по археологии. Один из разделов посвящен истории науки. Среди авторов ежегодника ученые из России (Москва, Санкт-Петербург, Псков, Новгород, Анапа, Владивосток), Украины, Белоруссии, Киргизстана, Туркменистана, Франции и Германии.

Для археологов, этнографов, историков.

ISBN 978-5-86007-660-0

© Институт истории материальной культуры РАН, 2010
© Коллектив авторов, 2010
© Российская академия наук и издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»,
продолжающееся издание «Археологические вести» (разработка, оформление,
предпечатная подготовка), 1992 (год основания), 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Наши юбиляры

Кирпичников Анатолий Николаевич. К 80-летию со дня рождения	11
Бочкарев Вадим Сергеевич. К 70-летию со дня рождения	12
Марченко Константин Константинович. К 70-летию со дня рождения	13
Щелинский Вячеслав Евгеньевич. К 70-летию со дня рождения	15

Новые открытия и исследования

<i>П. Ю. Павлов</i> Стоянка Гарчи I — памятник костенковско-стрелецкой культуры на Верхней Каме (Северный Урал)	16
<i>В. С. Ветров</i> Искусство малых форм позднего палеолита степей Северного Причерноморья и Приазовья	29
<i>И. В. Калинина</i> Веревка в орнаментации дзёмонской керамики	38
<i>О. Н. Данилова, И. С. Жуциховская</i> Спиральный мотив в орнаменте неолитической керамики Восточной Азии и Дальнего Востока: формализованно-аналитический подход	44
<i>Е. И. Гак, А. Н. Егорьков</i> Латунь Ергенинского могильника и ее историко-металлургический контекст	57
<i>А. М. Новичихин</i> Бронзовый «терафим» с территории древней Синдики	63
<i>А. Е. Терещенко</i> Серебряные монеты Пантикапея с надчеканкой	66
<i>М. Ю. Трейстер</i> Ремонт, «усовершенствование» инокультурных вещей в скифской и сарматской среде и использование инокультурного орнамента в декоре собственных произведений скифов и сарматов (на примере памятников художественного металла).	72
<i>Е. В. Степанова</i> Распределители уздечных ремней скифского и гунно-сарматского времени	95

<i>Ю. Г. Семенова</i> Кенотаф Гая Цезаря в Лимирах. К вопросу интерпретации памятника	109
<i>А. А. Липатов</i> Заметка о соотношении толщин плинфы и растворного шва в кирпичных кладках памятников византийской архитектуры	115
<i>М. М. Казанский</i> Реки восточной части Балтийского бассейна и античные географы. Еще раз о Турунте и Хесине	123
<i>Г. Г. Король, Л. В. Конькова</i> Коллекции Отдела Востока Государственного Эрмитажа в исследованиях средневековой торевтики малых форм Саяно-Алтая и прилегающих территорий	135
<i>К. А. Михайлов</i> Детские погребения в некрополе первых древнерусских городов	151
<i>Е. А. Зубкова, О. В. Орфинская</i> Результаты исследования текстиля из раскопок в Пскове в 2006 г.	160
<i>К. А. Лавыш</i> Мотив птиц в изделиях художественного ремесла XII–XIII вв., найденных на территории Белоруссии	173

Актуальные проблемы археологии

<i>Л. Б. Вишняцкий</i> К вопросу о направленности культурных изменений в среднем палеолите (на примере Южной Африки)	179
<i>В. А. Кольченко</i> Средневековые поселения Северного Киргизстана: история изучения и актуальные вопросы исследования	197

Обзоры и рецензии

Палеолит на четырех языках <i>С. А. Васильев, Г. Бозински, Б. А. Бредли, Л. Б. Вишняцкий,</i> <i>Е. Ю. Гиря, Ю. Н. Грибченко, М. Н. Желтова, А. Н. Тихонов.</i> Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 264 с. in 8о, 82 рис.	206
Дальневосточная археология: достижения и проблемы <i>Archaeology of the Russian Far East. Essays in Stone Age Prehistory.</i> S. M. Nelson, A. P. Derevianko, Y. V. Kuzmin, R. L. Bland (Eds.). British Archaeological Reports international series, no. 1540. 191 pages. 2006. Oxford: Archaeopress. (Рец. С. А. Васильева, О. В. Яншиной)	208
Кожаные изделия в Турку XIV–XV вв.: чехлы для ножей, ножны мечей и покрытия рукоятей <i>Janne Harjula.</i> Sheaths, Scabbards and Grip Coverings: The use of leather for portable personal objects in the 14 th –16 th century Turku. (<i>Archaeologia Medii Aevi Finlandiae</i> , X). Suomen keskiajan arkeologian seura. 163 P., 269 ill. 2005. (Рец. А. В. Курбатова)	212

- Ключевые понятия археологии в британском представлении
 Archaeology: The Key concepts / *C. Renfrew, P. Bahn (Eds.)*.
 London; New York, 2005. 298 pages. (Рец. Л.С. Клейна) 223

Сотрудничество Восток–Запад

- С. А. Васильев*
 XV конгресс Международного Союза
 доисторических и протоисторических наук
 (Лиссабон, Португалия, 4–9 сентября 2006 г.) 227
- Г. И. Зайцева, А. А. Сеницын*
 5-й Международный симпозиум «Радиоуглерод и археология»
 (Цюрих, Швейцария, 26–28 марта 2008 г.) 229
- Н. Н. Скакун, С. А. Васильев, Г. Плиссон, Э. Клод*
 К истокам трасологии: «Первобытная техника» 40 лет спустя:
 функциональные исследования и русское наследие»
 (Верона, Италия, 20–23 апреля 2005 г.) 234
- М. А. Мамедов*
 Краткий обзор новейших археологических исследований
 в Туркменистане 244
- А. Е. Мусин*
 Византия как «культурный слой».
 21-й Международный конгресс Византийских исследований
 (Лондон, Великобритания, 21–26 августа 2006 г.) 249
- А. Н. Киртичников, К. А. Жуков*
 Семинар «Военная археология» 264

История науки

- А. В. Шаманаев, А. Е. Мусин*
 Исследования Херсонеса
 и Императорская Археологическая Комиссия в 1860 г. 267
- Е. В. Торопова*
 Археолого-антропологические исследования
 Новгородской земли в 70-е гг. XIX в. 283
- С. А. Скорый*
 Выдающийся археолог Алексей Иванович Тереножкин:
 к 100-летию со дня рождения 290

Хроника

- С. А. Кулаков*
 Институт истории материальной культуры РАН в 2007 году 301
- Т. С. Дорофеева*
 Содержание сборников «Археологические вести», № 11–15 305
- Т. С. Дорофеева*
 Алфавитный указатель авторов сборников «Археологические вести», № 11–15 312
- Список сокращений 314

CONTENTS

Our Jubilees

Anatoliy N. Kirpichnikov. To the 80 th Anniversary	11
Vadim S. Bochkarev. To the 70 th Anniversary	12
Konstantin K. Marchenko. To the 70 th Anniversary	13
Vyacheslav E. Shchelinsky. To the 70 th Anniversary	15

New discoveries and studies

<i>P. Yu. Pavlov</i> Garchi I – the Kostenki-Streletskian (Sungirian) site on Upper Kama (Northern Urals)	16
<i>V.S. Vetrov</i> Mobiliary Art of the Late Paleolithic Age in the Steppes of the Northern Black Sea Littoral and Azov Region	29
<i>I. V. Kalinina</i> Cord in Decoration of the Jōmon Pottery	38
<i>O. N. Danilova, I.S. Zhushchikhovskaya</i> Spiral Motifs on the Neolithic Pottery of East Asia and the Far East of Russia	44
<i>E. I. Gak, A. N. Yegor'kov</i> Ergeninsky Cemetery in Kalmykia: Additional Evidence of the Use of Brass in Antiquity	57
<i>A. M. Novichikhin</i> Bronze «Teraphim» from Ancient Sindica	63
<i>A. E. Tereshchenko</i> Panticapaeum Silver Coins with Countermarks	66
<i>M. Yu. Treister</i> Repairs and Modifications of Imports and the Use of Foreign Ornamental Patterns in Decoration of Homemade Items in the Scythian and Sarmatian Milieu (by Examples of Artistic Metalwork)	72
<i>E. V. Stepanova</i> Distributors of Bridle Straps of the Scythian and Hun-Sarmatian Period	95
<i>Yu. G. Semenova</i> The Cenotaph of Gaius Caesar in Limyra. The Problem of the Identification of the Monument	109
<i>A. A. Lipatov</i> The Ratio between the Thicknesses of Plinthoi and Mortar Joints in Byzantine Constructions	115

- M. M. Kazansky*
Rivers of the Eastern Part of the Baltic Basin
and Ancient Geographers. Once Again about the Turuntus and Chesinus 123
- G. G. Korol', L. V. Kon'kova*
Collections of the Oriental Department
of the State Hermitage in Studies of the Medieval Toreutic Small Art
of the Sayan-Altai Region and Nearby Areas 135
- K. A. Mikhaylov*
Child Burials at the Necropoleis of the First Russian Cities 151
- E. A. Zubkova, O. V. Orfinskaya*
The Results of Investigation of the Textiles from Excavation of 2006 in Pskov 160
- K. A. Lavysh*
The Bird Motif on Ornamental Articles
of the 12th–13th Centuries from Belarus 173

Topical problems of archaeology

- L. B. Vishnyatsky*
On the Directionality of Cultural Changes in the Middle Paleolithic
(with special reference to the MSA of South Africa) 179
- V. A. Kol'chenko*
Medieval Settlements of North Kyrgyzstan:
the History and Problems of Current Importance for their Studies 197

Review articles and book reviews

- Palaeolithic in Four Languages
S. A. Vasil'ev, G. Bozinski, B. A. Bradly, L. B. Vishnyatskiy, E. Yu. Girya, Yu. N. Gribchenko, M. N. Zheltova, A. N. Tikhonov. Cetyrechjazychnyj (russko-anglo-franko-nemeckij) slovar'-spravocnik po archeologii paleolita (Four Languages Dictionary-Handbook for the Archaeology of Palaeolithic). 264 pages, 82 ill. 2007. SPb., Peterburgskoe vostokovedenie. (Rev. by L.S. Klein) 206
- The Far East Archaeology: Advances and Problems
Archaeology of the Russian Far East. Essays in Stone Age Prehistory. S. M. Nelson, A. P. Derevianko, Y. V. Kuzmin, R. L. Bland (Eds.). (British Archaeological Reports: international series; No. 1540). 191 pages. 2006. Oxford: Archaeopress. (Rev. by S. A. Vasil'ev, O. V. Yanshina) 208
- Leather Objects of Everyday Use in the Late Medieval Turku
Janne Harjula. Sheaths, Scabbards and Grip Coverings: The use of leather for portable personal objects in the 14th–16th century Turku. (Archaeologia Medii Aevi Finlandiae; X). Suomen keskiajan arkeologian seura. 163 P., 269 ill. 2005. Saarijärvi: Gummerus Kirjapaino Oy. (Rev. by A. V. Kurbatov) 212
- The Key Notions in Archaeology from the British Viewpoints
Archaeology: The Key concepts / C. Renfrew, P. Bahn (Eds.). London; New York, 2005. 298 pages. (Rev. by L. S. Klein). 223

The East-West cooperation

- S. A. Vasil'ev*
The XV Congress of the International Union for Prehistoric
and Protohistoric Sciences (Lisbon, Portugal, September 4–9, 2006). 227

<i>G. I. Zaitseva, A. A. Sinitsyn</i> 5-th International Symposium «Radiocarbon and Archaeology» (Zurich, Switzerland, March 26–28, 2008)	229
<i>N. N. Skakun, S. A. Vasil'ev, H. Plisson, E. Claude</i> The Roots of Use-Wear Analysis: «'Prehistoric Technology' 40 years later: Functional Studies and the Russian Legacy» (Verona, Italy, April 20–23, 2005)	234
<i>M. A. Mamedov</i> Brief Review of Recent Archaeological Investigations in Turkmenistan	244
<i>A. E. Musin</i> Byzantium as a «Cultural Layer». The 21 st International Congress of Byzantine Studies (Great Britain, London, August 21–26, 2006)	249
<i>A. N. Kirpichnikov, K. A. Zhukov</i> Seminar «Military Archaeology»	264

History of science

<i>A. V. Shamanaev, A. E. Musin</i> Studies of Chersonesos and The Imperial Archaeological Commission in 1860	267
<i>E. V. Toropova</i> Archaeological and Anthropological Studies of the Novgorod Land in the 1870s	283
<i>S. A. Skoryi</i> Prominent Archaeologist Aleksey Ivanovich Terenozhkin: to the 100 th Anniversary	290

Chronicle

<i>S. A. Kulakov</i> Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences in 2007	301
<i>T. S. Dorofeeva</i> Bibliography: Archaeological news No. 11–15	305
<i>T. S. Dorofeeva</i> Index of authors Archaeological news No. 11–15	312
List of abbreviations	314

Наши юбиляры

Кирпичников Анатолий Николаевич. К 80-летию со дня рождения

Летят годы, все мы проходим их вместе, но Анатолий Николаевич живет в других измерениях. Всегда подтянутый, бодрый, молодой, он олицетворяет кипучую, жизненную силу нашего института. В коллективе его воспринимают как символ развития науки, как человека, далеко от меркантильных интересов, искренне служащего науке, всем сердцем любящего Россию и борющегося за ее историческое наследие. Возможно, в этом и есть секрет его молодости.

Однако жизненный путь Анатолия Николаевича в «большую» науку был тернист, а годы детства и отрочества омрачены войной. Родился он 25 июня 1929 г. в Ленинграде. Когда началась Великая Отечественная война, ему было 12 лет. Анатолий Николаевич чудом выжил в блокадном Ленинграде. В 1948 г. он поступил на исторический факультет Ленинградского университета. С 1955 г. его творческий путь неразрывно связан с ИИМК РАН. За годы работы в институте им опубликовано более чем 600 печатных работ, включая 18 монографий. Все они посвящены истории, культуре, археологии, архитектуре, фортификации и военному делу исторической России и сопредельных стран. С 1974 г. Анатолий Николаевич успешно руководит Отделом славяно-финской археологии.

Значительна роль А.Н. Кирпичникова в сохранении культурного наследия России. Он возглавляет Ленинградское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, является членом, советником и экспертом многих других межведомственных, областных и краевых советов, занимающихся вопросами охраны культурного наследия.

Несмотря на высокие звания заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора, награжденного орденом «Почета», различными медалями, знаками отличия и грамотами, Анатолий Николаевич всегда открыт для активного, дружественного общения, для установления новых научных связей с коллегами из различных стран, для участия в общественных мероприятиях по пропаганде отечественной истории, защите памятников национальной культуры и выработке строго научных методов их изучения и охраны. В деятельности юбиляра невозможно поставить точку, учитывая его неукротимое стремление вперед к решению новых задач. Можно только пожелать Анатолию Николаевичу крепкого здоровья, плодотворных творческих успехов на благо России и ее народа.

**БОЧКАРЕВ
ВАДИМ СЕРГЕЕВИЧ.
К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

26 сентября 2009 г. исполнилось 70 лет известному исследователю древностей Восточной Европы эпохи энеолита и бронзового века Вадиму Сергеевичу Бочкареву.

Еще будучи студентом Ростовского государственного университета, куда он поступил в 1957 г., Вадим Сергеевич проводил археологические раскопки курганов эпохи бронзы в Ростовской области и в совершенстве овладел методикой их исследования.

В 1962 г. Вадим Сергеевич поступил в аспирантуру Ленинградского государственного университета, после завершения которой в 1966–1967 гг. плодотворно работал в археологических экспедициях Академии наук СССР и Академии наук Украинской ССР. В 1968 г. Вадим Сергеевич был зачислен в постоянный штат Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. С этого времени его научная и научно-организационная работа протекала в стенах ИИМК РАН, где он прошел путь от лаборанта до старшего научного сотрудника.

Область научных интересов Вадима Сергеевича весьма разнообразна: археология Восточной Европы эпох энеолита и бронзового века, вопросы древнейшей металлургии Старого Света, а также проблемы культурогенеза. Особое место в научной деятельности Вадима Сергеевича занимают разработки в сфере теории и методологии археологической науки. В этой области

исследований он по праву стал ведущим отечественным специалистом.

Научные труды В. С. Бочкарева фундаментальны и получили самую высокую оценку специалистов. Достаточно упомянуть такую фундаментальную монографию, как «Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы» (Кишинев. 2002), написанную в соавторстве с В. А. Дергачевым.

С 1977 г. по 1992 г. Вадим Сергеевич возглавлял крупнейшую в России Кубанскую новостроечную экспедицию, которая развернула масштабные исследования курганных могильников и поселений эпохи бронзы и железного века в Краснодарском крае и Адыгее. Обобщив археологические материалы, добытые в течение многолетних раскопок на Кубани, Вадиму Сергеевичу удалось создать периодизацию древних культур, существовавших в Предкавказье, что явилось существенным вкладом ученого в решение дискуссионных проблем кавказской археологии.

Нельзя не отметить многолетний труд Вадима Сергеевича на поприще преподавателя кафедры археологии Санкт-Петербургского университета. Талантливый лектор-воспитатель, он дал «путевку в жизнь» многим студентам, учившимся у него и на университетской скамье, и в экспедициях.

От всей души поздравляя юбиляра, желаем ему новых научных достижений и чтобы никогда не иссякал в нем задор юности.

**МАРЧЕНКО
КОНСТАНТИН
КОНСТАНТИНОВИЧ.**

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

6 сентября 2009 г. исполнилось 70 лет ведущему научному сотруднику Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, доктору исторических наук Константину Константиновичу Марченко. Вся жизнь К.К. Марченко связана с нашим городом. Лишь трагические блокадные годы (1941–1944 гг.) он вместе с родителями провел в эвакуации в Нижнем Тагиле. В 1961 г. Константин Константинович поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета, где с увлечением принялся за изучение античной истории и культуры. Своими учителями в области античной археологии К.К. Марченко считает Е.И. Леви и А.Н. Карасева.

В 1967 г. Константин Константинович был принят на работу в институт (в то время ЛОИА АН СССР), где он прошел долгий путь от научно-технического сотрудника, лаборанта до ведущего научного сотрудника и заведующего Отделом, который он возглавлял в 1998–2005 гг. В стенах института К.К. Марченко вырос в одного из ведущих специалистов в области античной археологии Северного Причерноморья, при этом его всегда увлекала фундаментальная проблема взаимоотношения греческих колоний с местными племенами. По этой тематике в 1974 г. он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1991 г. — докторскую. Хорошо

известно, что сердце Константина Константиновича всегда было отдано «жемчужине» северопричерноморской античности — Ольвии. Именно здесь он вырос в высококвалифицированного полевого исследователя, им была создана Нижнебугская античная экспедиция, проводившая масштабные работы на ольвийской сельскохозяйственной округе. Благодаря этим работам был получен ценнейший археологический материал, предложены модели его интерпретации, без которых невозможно представить современную античную археологию, создана принципиально новая периодизация истории Скифии.

На протяжении многих лет юбиляру пришлось работать в Донской дельте, а затем возглавить Южно-Донскую экспедицию нашего института, проводившую систематические раскопки Елизаветинского городища и принадлежащего ему могильника. Благодаря раскопкам была детальнейшим образом изучена материальная культура памятника, определены основные этапы его истории. Стало вполне очевидным, что Елизаветинское городище было крупнейшим городским центром в восточной части Скифии. Огромное научное значение имело также открытие остатков греческой колонии, основанной в начале III в. до н. э. на руинах города, оставленного местным населением. Все

эти результаты опубликованы в прекрасно изданной монографии «Елизаветинское городище на Дону» (2000 г.).

Константин Константинович воспитал большое количество учеников, многие из которых сейчас занимают ведущие позиции в различных отраслях науки, так или иначе связанных с античной археологией. Из-под пера К.К. Марченко

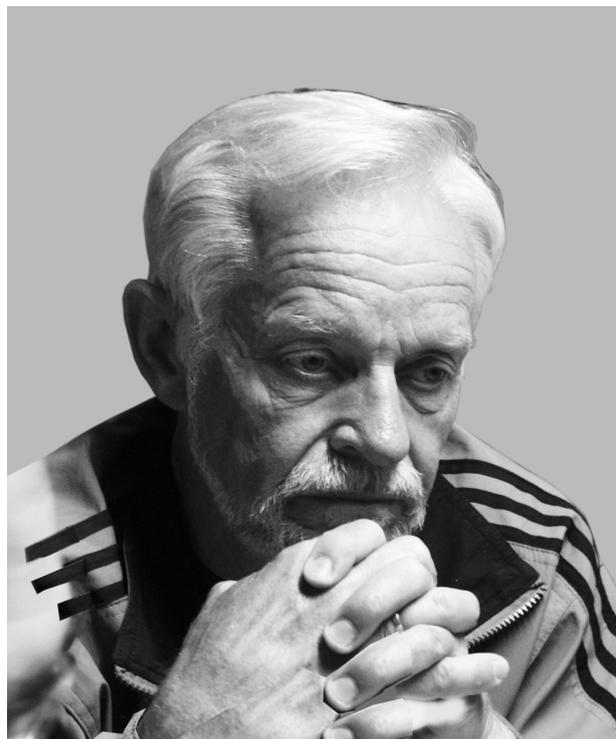
вышло почти 200 научных работ, в том числе несколько монографий. Многие его публикации стали, в полном смысле этого слова, классическими, заслужив признание не только в нашей стране, но и за ее рубежами.

Искренне поздравляя юбиляра, желаем Константину Константиновичу крепкого здоровья, бодрости, новых успехов и достижений.

**ЩЕЛИНСКИЙ
Вячеслав Евгеньевич.
К 70-летию со дня рождения**

27 ноября 2009 г. исполнилось 70 лет известному трасологу доктору исторических наук Вячеславу Евгеньевичу Щелинскому. Вячеслав Евгеньевич поступил на работу в ЛОИА АН СССР в 1968 г., где прошел за годы работы путь от младшего лаборанта до ведущего научного сотрудника и заведующего экспериментально-трасологической лабораторией ИИМК РАН. В 1975 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию, а в 1995 г. — докторскую.

Вячеслав Евгеньевич является признанным специалистом по нижнему и среднему палеолиту и одним из ведущих трасологов мира. В круг его интересов входят проблемы изучения орудий труда с привлечением экспериментально-трасологической, технологической и типологической методик, реконструкция хозяйства палеолитического общества, исследования настенной живописи, технологии и функциологии древних производств. Вячеслав Евгеньевич является одним из основателей отечественной трасологической школы, впервые предложившим четкую

аналитическую структуру функционального анализа изделий из кремня и обсидиана. Он принимал участие в работе многих международных проектов в Польше, Болгарии, Бельгии и Англии. Его научные труды, опубликованные в зарубежной и отечественной печати, получили высокую оценку специалистов.

Вячеслав Евгеньевич никогда не ограничивал свою научную жизнь лабораторией: полевая работа и до сегодняшнего дня играет важную роль в его исследованиях. Его работы по изучению Ильской среднепалеолитической стоянки, раскопки Каповой пещеры получили признание отечественной и международной общественности. В последние годы особый интерес для Вячеслава Евгеньевича представляет исследование памятников древнейших этапов заселения человеком Южного Приазовья.

Желаем нашему юбиляру здоровья, творческих достижений и успешных экспедиций, которые помогут раскрыть новые страницы в древнейшей истории человечества.

Новые открытия и исследования

Стоянка Гарчи I — памятник костенковско-стрелецкой культуры на Верхней Каме (Северный Урал)

П. Ю. Павлов¹

Костенковско-стрелецкая культура, выделенная в 50–60-х гг. прошлого столетия А. Н. Рогачевым и Г. П. Григорьевым, является одной из древнейших культур начала верхнего палеолита Восточной Европы (Аникович, 2005). Ареал ее памятников в широтном направлении охватывает почти всю Восточно-Европейскую равнину:

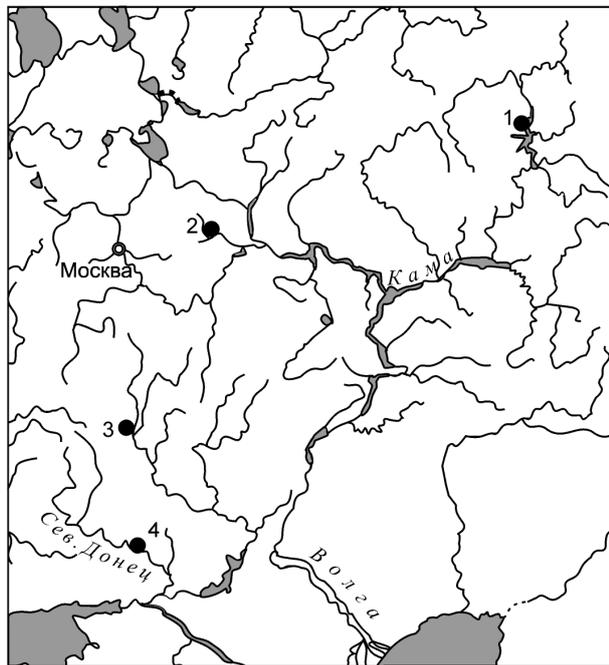

Рис. 1. Карта памятников костенковско-стрелецкой культуры
1 — Гарчи I; 2 — Сунгирь; 3 — Костенки; 4 — Бирючья Балка II

Fig. 1. Distribution of Kostenki-Streletskian sites on Russian Plain
1 — Garchi I; 2 — Sungir; 3 — Kostenki; 4 — Biruchia Balka II

¹ Россия, 167982, ГСП-2, Сыктывкар, Коммунистическая ул., 26. Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

© П. Ю. Павлов, 2010

от Северского Донца на юге (стоянка Бирючья Балка) до верховьев Камы на севере (Аникович, 2007; Вишняцкий, 2008) (рис. 1).

Самым северным и одним из опорных памятников культуры является стоянка Гарчи I (см. Аникович, 2003, 2005; Павлов, 2008). Ее научное значение определяется не только географическим положением, но и хорошей сохранностью культурного слоя.

Материалы раскопок памятника в 1990–1991 гг. были частично опубликованы в региональном издании (Павлов, Макаров, 1998). В статье публикуются материалы раскопок памятника, проведенные автором в 1990–1991 и 1995 гг.

Стоянка Гарчи I, открытая в 1989 г. Э. Ю. Макаровым, расположена на правом берегу р. Кама (в настоящее время Камского плеса Камского водохранилища) в 3 км южнее пос. Усть-Пожва (Юсьвенский район Коми-Пермяцкого автономного округа Пермского края) на 59°02' с. ш. и 56°10' в. д. (рис. 1). На стоянке выявлено два горизонта залегания находок. Верхний относится к ранней поре верхнего палеолита, второй — к мустьерской эпохе (Павлов, 2008). В статье публикуются материалы только о верхнем культурном слое стоянки.

Памятник приурочен к останцу мыса III террасы Камы, ограниченного с востока руслом Камы, с севера, юга и запада — логами, и расположен на его площадке (рис. 2). В северной части стоянки ширина сохранившейся площадки минимальна — 1–2 м, далее к югу она расширяется и у южного лога составляет 60 м. Северо-восточная оконечность мыса протяженностью около 80 м подверглась значительным разрушениям

в результате волновой абразии берега (рис. 2). Площадь распространения верхнего культурного слоя в южной части площадки террасы составляет не менее 2000 кв. м, исследовано около 170 кв. м (8% площади памятника).

Стратиграфия отложений и возраст памятника. Верхний культурный слой залегает на глубине 1,50–1,80 м от поверхности и приурочен к погребенной почве, перекрытой лессовидным суглинком, в котором зафиксированы мощные мерзлотные клинья (рис. 3). Почва, по мнению Ю.Н. Грибченко (*Gribchenko, 2006*), имеет характерные морфотипические признаки средневалдайской брянской почвы центральных районов Русской равнины. Для верхнего культурного слоя стоянки Гарчи I имеется одна AMS дата — $28\,750 \pm 795$ (TUa-941), полученная по древесному углю (*Pavlov, Indrelid, 2001*). Кроме того, для него имеется одна OSL дата — 33 000 лет назад. Таким образом, по стратиграфическим данным и результатам абсолютного датирования памятник относится ко второй половине среднего валдая, вероятно, к началу брянского интервала.

Фауна. В верхнем культурном слое стоянки фаунистические остатки имеют очень плохую сохранность. Удовлетворительно сохранились только зубы животных. Трубчатые и плоские кости посткраниального скелета практически полностью разрушены и сохранились в виде отпечатков во вмещающей породе. Особенно это характерно для первого скопления, где культурный слой залегает на незначительной глубине. Во втором скоплении сохранность костей немного лучше, и часть из них (32 экз.) была определена как принадлежащих лошади (20), северному оленю (11) и мамонту (1) (определение А.-К. Хуфтхаммер, Бергенский музей, Норвегия). Палинологический анализ образцов культурного слоя результатов не дал.

Культурный слой. Верхний культурный слой на стоянке залегает скоплениями и имеет различную насыщенность и мощность. В центральных частях скоплений культурный слой с древесным углем, крошками охры, каменными изделиями и костями животных имел мощность до 0,25 м. В периферийных частях скоплений мощность культурного слоя резко сокращалась до толщины отдельных находок.

Тафономия культурного слоя. На большей части исследованной площади культурный слой достаточно четко подразделялся на два горизонта: в его верхней части мощностью 0,10–0,15 м встречались единичные мелкие каменные изделия, находившиеся во «взвешенном» состоянии.

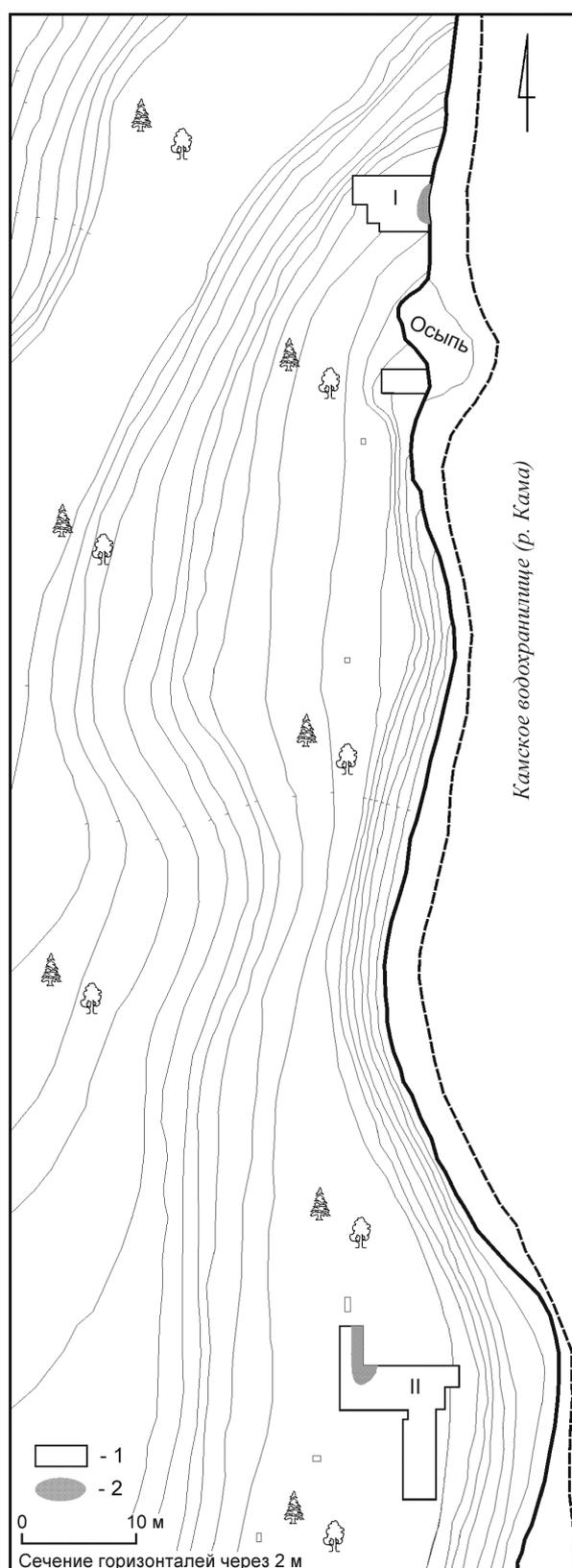

Рис. 2. Стоянка Гарчи I. План
Условные обозначения: 1 — раскопы и шурфы;
2 — скопления культурных остатков

Fig. 2. Garchi I site. Plan
Notations: 1 — excavation pits and trenches;
2 — accumulations of cultural remains

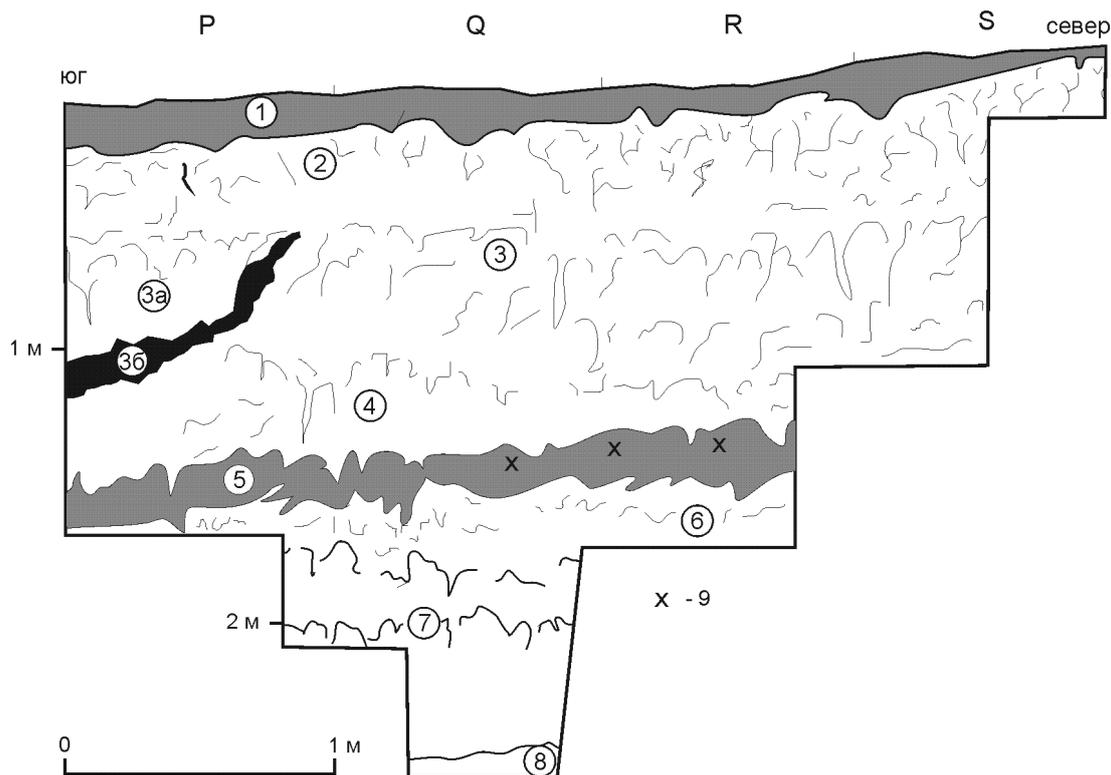

Рис. 3. Стоянка Гарчи I. Разрез отложений

Условные обозначения: 1 — гумусовый горизонт современной почвы; 2 — суглинок буровато-серый, белесый; 3 — суглинок серовато-бурый; 3а — суглинок серовато-бурый, заполнитель крупной клиновидной структуры; 3б — темноокрашенный суглинок со значительным содержанием древесного угля; 4 — суглинок коричневатого-бурый; 5 — суглинок буровато-серый, темный, гумусированный; 6 — суглинок серый со слабым коричневатым оттенком; 7 — суглинок буровато-серый; 8 — суглинок сизовато-серый; 9 — культурный слой

Fig. 3. Garchi I site. The section of the deposits

Notations: 1 — humic horizon of the modern soil; 2 — brownish-grey sandy loam; 3 — grey-brownish sandy-loam; 3a — brownish-grey sandy loam filling the large ice-wedge; 3b — dark grey sandy loam containing significant amount of charcoal; 4 — brownish sandy loam; 5 — fossil soil, grey-brownish humic sandy-loam; 6 — grey-brownish sandy loam; 7 — brownish-grey sandy loam; 8 — bluish-grey sandy-loam; 9 — cultural layer

Основание культурного слоя представлено горизонтом мощностью около 0,05–0,10 м, в котором встречались плохо сохранившиеся кости и каменные изделия, залегавшие горизонтально.

Формирование верхней части культуросодержащих отложений, очевидно, связано с постгенетическими вертикальными криогенными смещениями в слое («вымораживанием находок»). К постгенетическим нарушениям относятся и линейные разрывы культурного слоя мощными мерзлотными клиньями (рис. 4). Клинья образуют полигональную решетку со стороной в 8–9 м. К постгенетическим относятся и разрушения культурного слоя в результате размыва отложений, которое происходило при эрозионном росте логов. Следы эпигенетических разрушений культурного слоя в результате локальных размывов и солифлюкции не выявлены.

Большое количество подборок каменных предметов внутри скоплений свидетельствует об отсутствии существенных горизонтальных смещений в культурном слое.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что основание культурного слоя на стоянке залегает *in situ*. Криогенные вертикальные смещения материала незначительны. Культурный слой разрушен лишь на очень ограниченных участках развития линейных криогенных деформаций.

Планиграфия культурного слоя. В раскопах 1990, 1991 и 1995 гг. выявлено два скопления культурных остатков. Первое скопление, почти полностью разрушенное абразионными процессами, исследовано в раскопе I (рис. 2). Второе, сохранившееся очень хорошо, частично исследовано в раскопах III и IV. Расстояние между скоплениями около 100 м (рис. 2). Выраженный культурный слой между ними отсутствует, что было установлено в результате разведочной шурфовки площадки террасы.

Первое скопление было выявлено на площадке и западном склоне мыса в 20 м южнее его окончания (рис. 2). Основная часть скопления разрушена в результате абразии берега. Из этого скопления происходит обильный подъемный

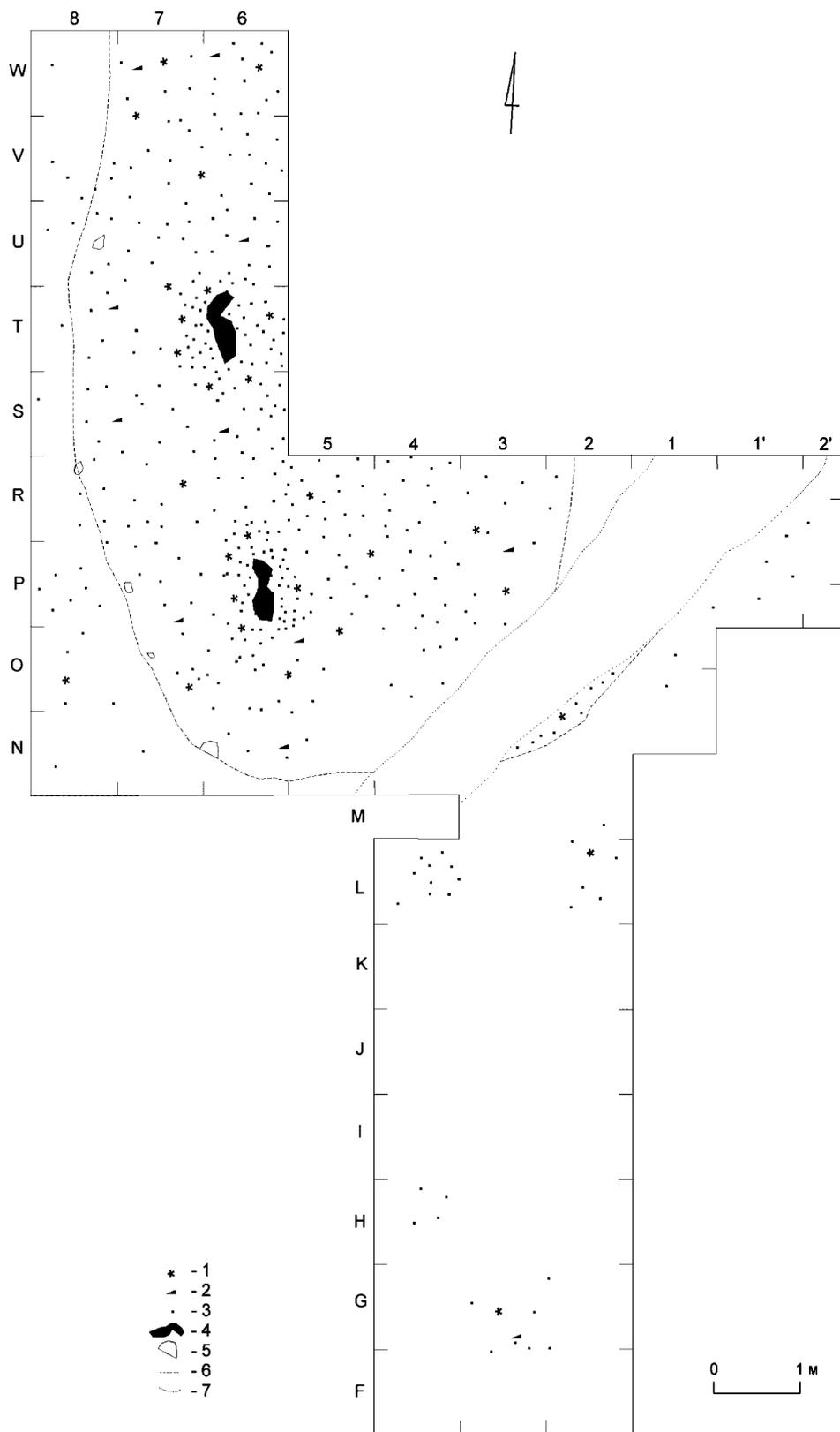

Рис. 4. Стоянка Гарчи I. План второго скопления культурных остатков

Условные обозначения: 1 — скребок; 2 — наконечник; 3 — отщеп; 4 — кострище; 5 — камень; 6 — границы скопления; 7 — границы мерзлотной трещины на уровне культурного слоя

Fig. 4. Garchi I site. Plan of the second living floor

Notations: 1 — end-scrapers; 2 — triangular projectile; 3 — flake; 4 — bonfire remains; 5 — stone; 6 — boundaries of dwelling area; 7 — boundaries of an ice-wedge

материал, собранный на пляже под обнажением террасы.

Культурный слой *in situ* зафиксирован только на восточных участках раскопа, непосредственно у кромки обнажения. Ширина сохранившегося участка культурного слоя составляла не более 1,2 м, длина вдоль края обнажения — около 6 м. В раскопе выявлено кострище, которое имело восьмеркообразную форму. Мощность зольно-углистого заполнения кострища составляла до 0,13 м, а в среднем — 0,7–0,10 м. В верхней части заполнения расчищено скопление очень плохо сохранившихся фаунистических остатков. Под зольно-углистым слоем залегал обожженный до оранжевого цвета суглинок мощностью 0,02–0,03 м. Под прокаленным слоем, на глубине 0,20 м от его основания, в лессовидном суглинке был найден череп лошади очень плохой сохранности. Череп залегал ниже культурного слоя. Рядом с кострищем найдено большое количество изделий со вторичной обработкой, в том числе три треугольных наконечника.

Основное скопление культурных остатков, представленное исключительно каменными изделиями, в основном отходами кремнеобработки, располагалось в 0,50 м северо-западнее кострища. Насыщенность слоя в пределах скопления достаточно высокая — 100–150 находок на один квадратный метр.

Второе скопление частично исследовано в раскопах III и IV, расположенных в 100 м к югу от раскопа I (рис. 4). Изучена большая часть скопления, которое имеет овальную форму. Длина исследованной части около 10 м, ширина около 5 м. Скопление имело четкие границы, иногда подчеркнутые крупными камнями. По его центральной линии располагались наземные кострища (выявлено два) характерной восьмеркообразной формы с углистым заполнением, насыщенным мелкими фрагментами сырых и обожженных костей, расщепленным кремнем и крошками охры (рис. 4). Одно кострище исследовано полностью. Его размеры составляли

0,80 × 0,30 м, мощность зольно-углистого заполнения не превышала 0,03 м. Второе кострище имеет близкие размеры (0,75 × 0,45 м). Исследована только верхняя часть его заполнения, мощностью около 0,05 м. На приочажном пространстве слой насыщен каменными изделиями (до 400 экз. на один квадратный метр), фаунистическими остатками плохой сохранности, угольками и крошками охры. Здесь же найдена большая часть изделий со вторичной обработкой. К краям скопления мощность культурного слоя сокращается до 0,05 м, и находки встречаются реже — около 10–20 на квадратный метр. За пределами скопления выраженный культурный слой отсутствует, найдены лишь единичные каменные изделия, не более 10 на квадратный метр (рис. 4). Таким образом, в границах скопления культурный слой залегает в виде линзы, что более всего характерно для структур, имевших искусственные границы, — наземных жилых сооружений (А. Н. Рогачев).

Таким образом, исследованные на стоянке скопления культурных остатков, вероятно, являются остатками наземных жилых сооружений. Вопрос о синхронности существования этих объектов остается открытым. Аналогичная стратиграфическая позиция культурного слоя, идентичная структура скоплений и тождественный типологический облик каменного инвентаря свидетельствуют в пользу их существования в пределах достаточно узкого хронологического интервала.

Каменный инвентарь. Всего при раскопках верхнего культурного слоя памятника найдено 5644 экз. каменных изделий. Костяных орудий и украшений на стоянке не найдено. Подъемный материал насчитывает более 3000 предметов, среди них около 100 орудий. В статье проанализирована только часть коллекции, происходящая из культурного слоя. Ее гомогенность не вызывает сомнений и поэтому она является надежным источником. Основные данные по составу каменного инвентаря и его распределению по скоплениям приведены в таблице 1.

Таблица 1. Стоянка Гарчи I (верхний слой).

Каменный инвентарь и его распределение по скоплениям

Table 1. Garchi I site (upper layer). Stone assemblages categories and their distribution over the concentrations

Категории инвентаря	Скопление 1	Скопление 2	Всего	% от инвентаря
Куски, осколки	262	1051	1313	23,26 %
Расколотые гальки	64	205	269	4,68 %
Отщепы	359	647	1006	17,76 %
Пластины	9	9	18	0,31 %
Чешуйки	778	2066	2844	50,38 %
Нуклеусы	15	23	38	0,67 %
Орудия	44	112	156	2,76 %
Всего	1531	4113	5644	100 %

Сырье. Для изготовления орудий обитатели стоянки использовали почти исключительно галечное каменное сырье из аллювиальных отложений р. Кама, весьма разнообразное по составу: кремнистый сланец черного цвета (62%); кремль разнообразных цветов, в основном серо-голубой девонского возраста (24%); яшму и яшмовидные породы (10%); аргиллит (1%); кварцитопесчаник (1%), другие кремнистые породы (2%). Очень редко использовался трещиноватый красно-коричневый и желтый плитчатый кремль из пермских отложений, слагающих цоколь IV террасы Камы в ближайших окрестностях памятника.

Первичное расщепление. Технология первичного раскалывания представлена плоскими нуклеусами — 31 экз. (рис. 5, 1–3). Кроме этих изделий в коллекции имеются пять нуклеусов, которые можно отнести к торцовым (рис. 5, 4). Несмотря на достаточно большое количество нуклеусов, сколы их систематического расщепления в качестве заготовок использовались редко.

По данным Е. Ю. Гири (ИИМК РАН), в коллекции верхнего слоя стоянки Гарчи I представлена и особая технология первичного расщепления, направленная на получение специализированных заготовок для производства скребков высокой формы и, возможно, орудий иных типов из мелких галек кремня и яшмы.

Эта технология состояла в продольном расщеплении галечного сырья удлиненной формы на жесткой наковальне жестким (каменным) отбойником. Ее целью было получение максимально длинного скола. В коллекции достаточно широко представлены полученные таким образом относительно толстые сколы-заготовки и расколотые вдоль гальки-нуклеусы. Техника скола может быть определена как контрударная с использованием каменного отбойника и наковальни. По всей видимости, с таких нуклеусов обычно снималось очень небольшое количество сколов-заготовок. После получения нескольких сколов ядрище приходило в негодность.

Несмотря на естественную исходную форму и отсутствие следов предварительной подготовки (изготовления пренуклеуса определенного вида), данное расщепление можно признать стадильным, поскольку для обработки отбирались достаточно стандартные по форме и размерам овальные гальки удлиненных пропорций. Сколы с таких нуклеусов также имеют достаточно определенную (повторяющуюся) форму.

Продукты расщепления очень четко разделяются на две группы, относящиеся к двум самостоятельным технологическим контекстам, отражающим применение двух различных по сути технологий расщепления, — получение специализированных заготовок методом контрударного расщепления небольших галек и производство тонких бифасов.

Облик индустрии верхнего слоя стоянки Гарчи I определяется подавляющим преобладанием бифасиальной обработки. Ее продукты составляют основную часть отщепов (897 экз. — 89%).

Орудия на пластинчатых заготовках представлены в коллекции единичными экземплярами, а среди сколов систематического расщепления пластин нет.

На технологический облик коллекции памятника наложила большой отпечаток функциональная особенность стоянки, где в основном изготавливались предметы охотничьего вооружения — наконечники стрел (?) и копий.

Орудийный набор. Для орудийного инвентаря верхнего слоя стоянки Гарчи I характерен ограниченный набор категорий изделий. Около половины орудий (49%) составляют треугольные, двусторонне обработанные наконечники и скребки. Для инвентаря стоянки характерно также большое количество единичных форм, которые представлены в основном незаконченными бифасами. Ведущая форма заготовки — мелкая галька и отщеп, орудий на пластинчатых заготовках всего 4 экз. (2,5%). Состав орудийного набора стоянки приведен в таблице 2.

Таблица 2. Стоянка Гарчи I (верхний слой). Основные категории изделий с вторичной обработкой и их распределение по скоплениям
Table 2. Garchi I site (upper layer). Main categories of stone tools and their distribution over the concentrations

Категории орудий	Скопление 1	Скопление 2	Всего	% от орудий
Скребки	11	37	48	30,8 %
Наконечники	9	20	29	18,58 %
Скребла	4	13	17	10,9 %
Резцы	6	9	15	9,61 %
Острия, проколки	3	1	4	2,56 %
Единичные формы	11	32	43	27,55 %
Всего	44	112	156	100 %

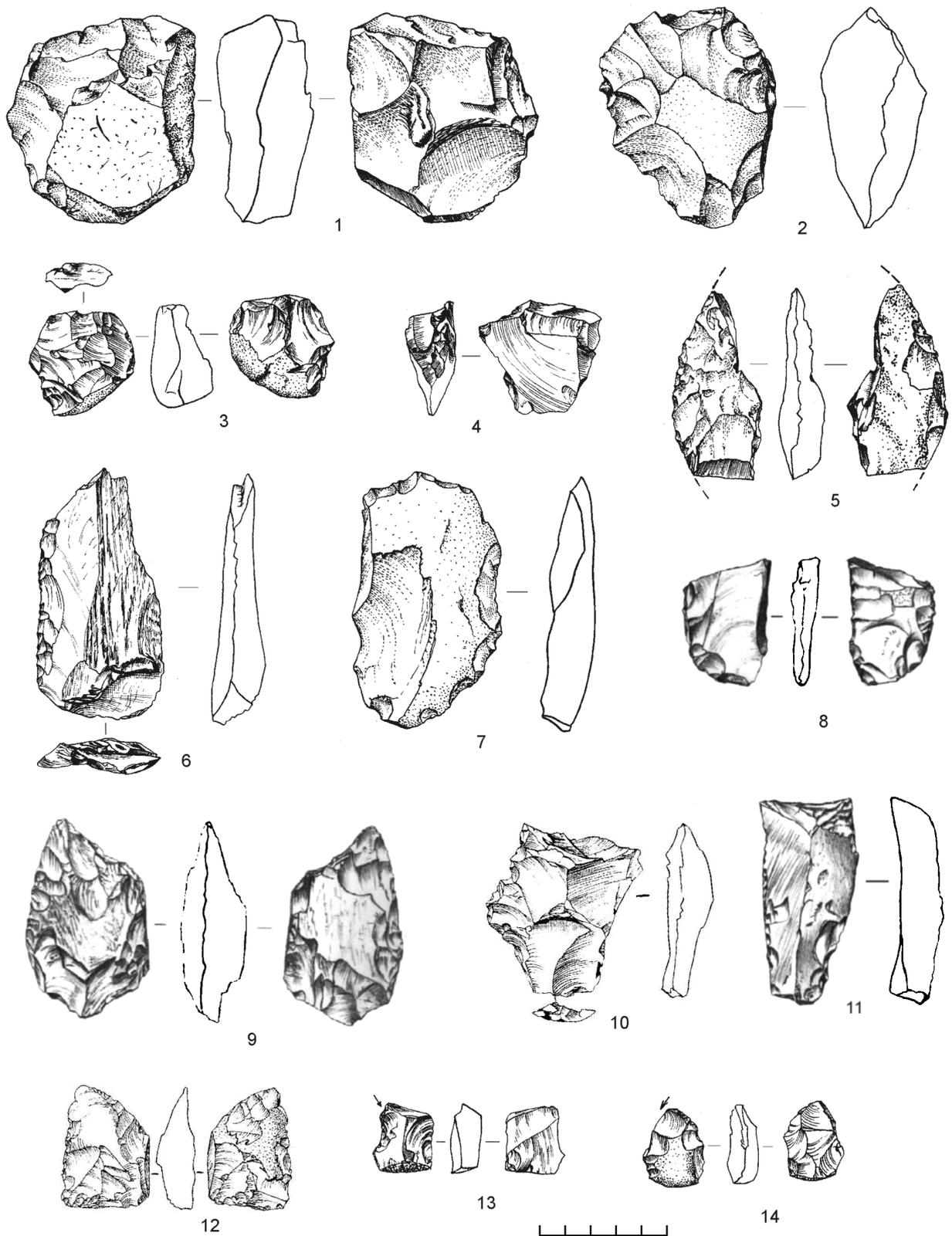

Рис. 5. Стоянка Гарчи I. Каменный инвентарь:

1-3 — нуклеусы; 5-7 — скребла; 8 — плитка кремня с двусторонней ретушью; 9 — обушковый нож; 10 — зубчато-выемчатое орудие; 11 — стамеска; 12 — бифас; 13-14 — резцы

Fig. 5. Garchi I site. Stone assemblage:

1-4 — cores; 5-7 — side scrapers; 8 — flint plate with bifacial retouch; 9 — backed bifacial knife; 10 — denticulate tool; 11 — «chisel»; 12 — biface; 13-14 — burins

Наиболее выразительной категорией каменного инвентаря памятника являются треугольные двусторонне обработанные наконечники (рис. 6). В коллекции среди 29 изделий этой категории представлены как целые орудия — 13 экз., так и фрагменты наконечников (12 экз.), заготовки или неудавшиеся изделия (4 экз.) (рис. 6, 13–18). Среди фрагментов больше всего (9 экз.) остриёв наконечников, обломившихся на стадии отделки.

Выделяется несколько подтипов треугольных наконечников.

Первый представлен типичными для костенковско-стрелецкой культуры треугольными наконечниками со слабой выемкой в основании и оттянутым углом базы. Наиболее близкие аналогии имеются в коллекциях V слоя Костенок I и стоянки Сунгирь (рис. 6, 2–3, 11).

Второй подтип — треугольные вытянутые наконечники с прямой базой (рис. 6, 5, 7). Этот подтип среди стрелецких индустрий найден на стоянках Сунгирь и Бирючья Балка. Заготовка подобного наконечника с одним выпуклым, а вторым вогнутым краем идентична сунгирьской (рис. 6, 6).

Довольно большую серию (5 экз.) составляют треугольные наконечники с необработанной базой (рис. 6, 9–10, 12). Окончательной уверенности в том, что это законченные изделия, нет, поэтому они в отдельный подтип не выделены. Подобные наконечники представлены и в инвентаре стоянки Сунгирь. О. Н. Бадером они также рассматривались как незаконченные изделия (Бадер, 1978).

Два наконечника, найденные на стоянке Гарчи, представляют особые подтипы. Один из них — удлиненный крупный наконечник с выраженным оттянутым шипом базы (рис. 6, 1). Особым подтипом, вероятно, является и крупный наконечник с частичной двусторонней обработкой и глубокой пологой выемкой в основании, образующей два шипа (рис. 6, 4). Аналогий этому наконечнику в памятниках стрелецкой культуры нет.

Несмотря на типологическую близость с изделиями перечисленных выше индустрий, наконечники стоянки Гарчи I, по данным Е. Ю. Гири, несколько отличны по технологии изготовления от наконечников в иных памятниках стрелецкой культуры (Bradely et al., 1995). Изделия из верхнего культурного слоя стоянки Гарчи изготавливались с применением более простой технологии. Эта особенность лишь частично может быть объяснена спецификой местного сырья и, скорее всего, отражает особенности технологии.

Скребки (рис. 7) составляют самую многочисленную категорию орудий в коллекции. Преобладают концевые скребки на подтреугольных отщепах с вентральной подтеской (рис. 7, 1, 4–9). В коллекции представлены и обычные концевые скребки на отщепах (рис. 7, 17–20). Выделяются небольшие округлые скребки с вентральной подтеской, изготовленные на небольших гальках (рис. 7, 12–13). Оригинальной формой являются также скребки с шипом на лезвии (рис. 7, 10).

Важной особенностью каменного инвентаря верхнего слоя стоянки Гарчи I является присутствие в нем «ориньякских» форм скребков, в том числе кареноидных (рис. 7, 2–3, 15–16).

Выделяются характерные для костенковских памятников подтреугольные острия (2 экз.) с обработанным скребковой ретушью основанием и произведенной с него вентральной подтеской. Вентральная подтеска, как и на костенковских «остриях», произведена с лезвия орудия.

Скребла представлены продольными однолезвийными формами на пластинчатых заготовках (рис. 5, 5–7). Одно из орудий, изготовленное на плитке кремня, имеет лезвие, обработанное плоско-выпуклой ретушью (рис. 5, 5).

Среди изделий с резцовым сколом, большая часть которых аморфна, выделяется серия трансверсальных резцов (рис. 5, 13–14). В коллекции есть несколько резцовых сколов, снятых с ретушированной площадки, которые свидетельствуют о достаточно развитой технике изготовления резцов.

Острия или проколки представлены единичными аморфными изделиями.

Среди единичных форм выделяется массивная стамеска на крупном пластинчатом сколе. Выемчатый рабочий край расположен на дистальном конце заготовки и обработан чешуйчатой ретушью, формирующей массивное высокое лезвие с угловыми шипами (рис. 5, 11). Найдены также плитки кремня с двусторонней ретушью (рис. 5, 8). В коллекции имеется нож на первичном отщепе с рабочим краем, обработанным двусторонней плоской ретушью (рис. 5, 9). Орудие имеет диагональный обушок, образованный грубой оббивкой. Эта форма типична для мустьерских комплексов восточного микоча. Остальные изделия единичных форм представлены зубчато-выемчатыми изделиями (рис. 5, 10), обломками и заготовками бифасов (рис. 5, 12).

Тип памятника. Особенности распространения культурного слоя и состав коллекции каменного инвентаря на стоянке позволяют

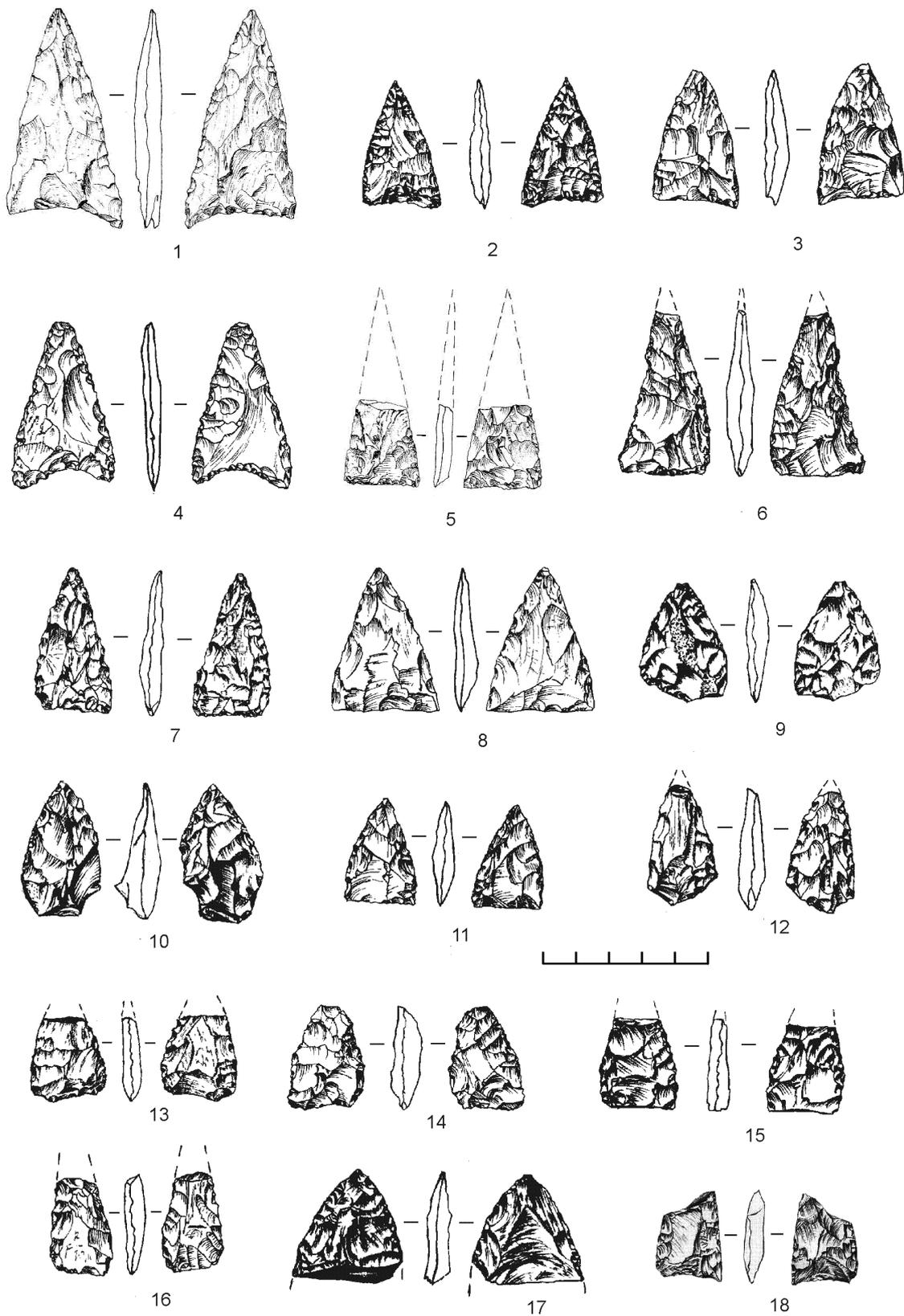

Рис. 6. Стоянка Гарчи I. Каменный инвентарь
 1–18 — треугольные наконечники

Fig. 6. Garchi I site. Stone assemblage
 1–18 — triangular bifacial projectiles

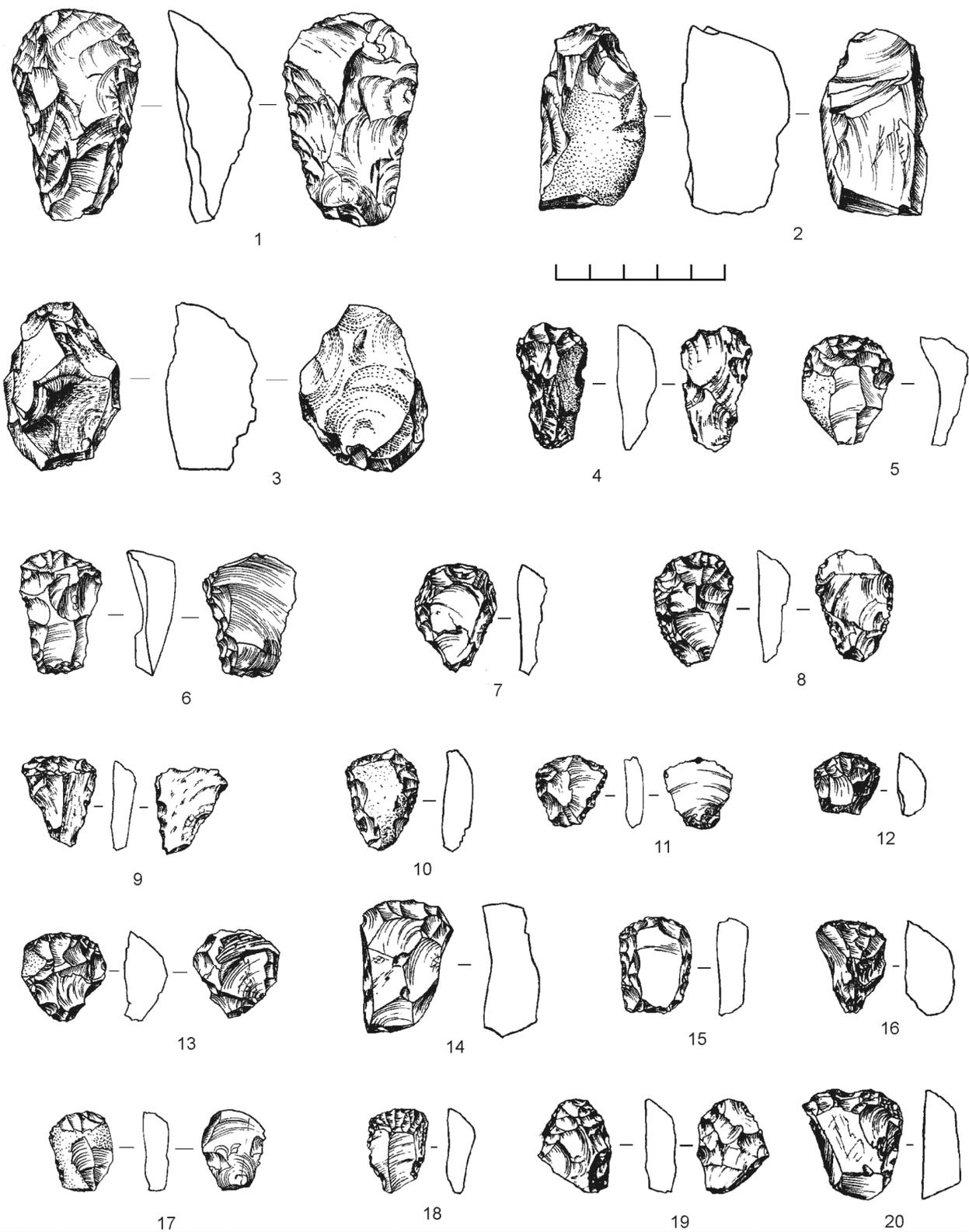

Рис. 7. Стоянка Гарчи I. Каменный инвентарь
1–20 — скребки

Fig. 7. Garchi I site. Stone assemblage
1–20 — end-scrapers

предположить, что памятник представляет неоднократно посещавшуюся охотничью стоянку с полным производственным циклом изготовления каменных орудий. На достаточно узкую функциональную специализацию стоянки указывают технологические особенности коллекции каменных изделий, основная часть которой является отходами производства предметов охотничьего вооружения (наконечники стрел и копий).

Подтверждает такую интерпретацию, на наш взгляд, и топографическое положение памятника. Стоянка располагалась на мысе террасы, который является исключительно выгодным местом для наблюдения за устьевыми частями двух крупных логов. Они служили естественным спуском к водопю для крупных стадных травоядных, прежде всего лошадей. Специализацию обитателей стоянки на охоту на лошадей подтверждает состав небольшой коллекции фауны, найденной в культурном слое стоянки, в которой преобладают кости лошади.

Интересно отметить, что под обнажениями III террасы Камы в ближайших (до 300 м) окрестностях памятника найдено несколько небольших треугольных наконечников без сопутствующих находок. Не исключено, что это утерянные во время охоты наконечники промыслового вооружения, вполне вероятно, стрел.

Таким образом, тип памятника можно определить достаточно уверенно — это временный охотничий лагерь, видимо посещавшийся несколько раз в течение ограниченного временного интервала.

Обсуждение материалов. Стоянка Гарчи I безоговорочно относится к костенковско-стрелецкой культуре ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы. Основные характеристики ее каменного инвентаря полностью соответствуют особенностям коллекций костенковско-стрелецких памятников.

Значительная коллекция каменного инвентаря верхнего культурного слоя Гарчи I позволяет определить позицию стоянки среди памятников костенковско-стрелецкой культуры. Ее древнейшие стоянки, расположенные в костенковско-борщевском районе, относятся ко времени около 40 000 лет назад (Аникович, 2007).

Периодизация культуры разработана М. В. Аниковичем (Аникович, 1991; Аникович и др., 2007). В ней выделяются четыре хронологических этапа: первый — 40 000–36 000 лет (Костенки XII, III слой и Костенки VI), второй — 32 000–28 000 лет (в Костенках представлен материалами V слоя

Костенок I и немногочисленными коллекциями из V слоя Костенок XI и слоя Ia Костенок XII), на северо-востоке Европы к нему относится стоянка Гарчи I; третий — представленный материалами комплекса стоянок в Бирючьей Балке — 31 000–27 000 лет; четвертый финальный этап — 27 000–25 000 лет (стоянка Сунгирь).

Стоянка Гарчи I по своему возрасту (около 29 000 лет) относится ко второму этапу развития костенковско-стрелецкой культуры. По мнению М. В. Аниковича (Аникович, 2003; Аникович и др., 2007), индустрия стоянки Гарчи I типологически наиболее близка к V слою Костенок I. Присоединяясь в целом к этому мнению, все же необходимо отметить ряд важных особенностей коллекции стоянки Гарчи I, не укладывающихся полностью в типологическую характеристику второго этапа костенковско-стрелецкой культуры.

В технологии первичной обработки стоянки Гарчи I наряду с типичным для культуры плоскостным расщеплением выделен особый прием получения стандартизированных заготовок — контрударное расщепление галек, совершенно неизвестный на других памятниках культуры. Эта специфика, впрочем, может объясняться особенностями сырьевой базы стоянки.

Типология орудийного набора стоянки Гарчи I демонстрирует сочетание типов, характерных для всех трех хронологических этапов костенковско-стрелецкой культуры. С памятниками первого этапа (Костенки XII, слой III) ее сближает наличие таких редких форм, как массивные стамески с поперечным выемчатым лезвием, «острия» с основанием, обработанным скребковой ретушью, и кремневые плитки с прямым лезвием, обработанным двусторонней ретушью. С памятниками второго этапа (Костенки I, слой V) стоянку Гарчи I сближают некоторые подтипы наконечников и присутствие в их коллекциях трансверсальных резцов. С памятниками третьего и финального этапов — наконечники вытянутой треугольной формы с прямым основанием и небольшие округлые скребки. Таким образом, индустрия верхнего слоя стоянки Гарчи I включает типы орудий, характерные для всего периода существования костенковско-стрелецкой культуры. Преобладающими являются типы изделий, более характерные для второго, третьего и финального этапов ее существования. Более того, крупные треугольные наконечники с выраженным оттянутым углом базы, найденные в Гарчах, в костенковском районе встречены совершенно в ином и более позднем культурном контексте — в III слое стоянки Костенки XI (аносовско-тельманская культура),

впрочем, имеющей, по мнению М. В. Аниковича, генетическую связь с костенковско-стрелецкими памятниками (Аникович, 2005).

Существенно отличает Гарчи от памятников костенковской группы присутствие «ориньякских» форм в инвентаре — кареноидных скребков, двойных скребков с ретушью по продольным краям и скребков с шипом на углу лезвия.

К стоянке Гарчи I хронологически очень близок позднейший памятник костенковско-стрелецкой культуры — стоянка Сунгирь, расположенная в бассейне р. Клязьмы и имеющая возраст около 27 000 лет (Там же). Эти памятники имеют несомненные черты сходства, хотя различия между ними также значительны. Сходство выражается, прежде всего, в аналогичных типах наконечников — треугольных со слабой выемкой и выделенным углом базы и вытянутых треугольных с прямым основанием. В коллекциях обеих стоянок присутствуют небольшие округлые скребки и скребки карене. Архаичный компонент выражен очень слабо и представлен продольными скреблами и обушковыми ножами. В то же время между этими памятниками наблюдается кардинальное отличие — сравнительно развитая пластинчатая техника стоянки Сунгирь и ее практически полное отсутствие на стоянке Гарчи I.

Индустрия южной группы костенковско-стрелецких памятников — стоянок Бирючья Балка II, III (возраст 27 000–31 000 лет назад) на Северском Донце (Матюхин, 2006) отличается значительнее: наряду с подтреугольными и сердцевидными скребками в коллекции присутствуют скребки на пластинах с параллельными краями, овальные, округлые; приостренные пластины; сильно вытянутые треугольные наконечники с прямым основанием особого подтипа (Аникович, 2005).

Таким образом, стоянка Гарчи I является памятником костенковско-стрелецкой культуры практически в ее классическом варианте. Каменный инвентарь памятника имеет много общего с индустриями второго этапа хронологической шкалы этой культуры, что хорошо согласуется с возрастом памятника — около 29 000 лет. В то же время каменный инвентарь стоянки демонстрирует поразительную схожесть с более ранними индустриями этой культуры костенковско-борщевского района на верхнем Дону. Практически все основные типы орудий, возникшие еще на первом этапе существования культуры, присутствуют и в этом памятнике, имеющем значительно более поздний возраст. По существу, *fossil directeur* культуры — треугольный наконечник с вогнутым

основанием и короткий подтреугольный скребок с вентральной ретушью, практически не изменяясь, составляют типологическое ядро каменного инвентаря культуры на протяжении 10 000 лет. Это еще раз подчеркивает тот факт, что эволюция культуры происходила очень медленно, что более характерно для особенностей развития предшествующей мустьерской эпохи (Аникович, 1991).

Раскопки стоянки в 1995 г. проводились в рамках российско-норвежского проекта «PECHORA», в 2003 и 2005 гг. исследования памятника финансировались за счет гранта The Wenner Gren Foundation «Colonization of the Northern World» (ICRG41). Работа выполнена при финансовой поддержке Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (П–21), проект «Основные этапы освоения человеком северо-востока Европы в каменном веке».

Аникович, 1991. — Аникович М. В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1991.

Аникович, 2003. — Аникович М. В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2 (14).

Аникович, 2005. — Аникович М. В. Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2 (22).

Аникович, 2007. — Аникович М. В. Пути становления верхнего палеолита Восточной Европы и Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1 (29).

Аникович и др., 2007. — Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб., 2007.

Бадер, 1978. — Бадер О. Н. Сунгирь — верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978.

Вишняцкий, 2008. — Вишняцкий Л. Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб., 2008.

Матюхин, 2006. — Матюхин А. Е. Многослойные палеолитические памятники в устье Северского Донца // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Материалы Международной конференции к 125-летию открытия палеолита в Костенках. СПб., 2006 (ТКБАЭ. Вып. 4).

Павлов, 2008. — Павлов П. Ю. Палеолит северо-востока Европы: Новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1 (33).

Павлов, Макаров, 1998. — Павлов П. Ю., Макаров Э. Ю. Гарчи I — памятник костенковско-стрелецкой культуры на северо-востоке Европы // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998 (МАЕСв. Вып. 15).

Bradely et al., 1995. — Bradely B., Anikovich M., Giryа E. Early Upper Palaeolithic in the Russian Plain: Streletskian flake stone artefacts and technology // Antiquity. 1995. Vol. 69.

Gribchenko, 2006. — Gribchenko Yu. N. Lithology and Stratigraphy of loess-soil series and cultural layers of Late Palaeolithic campsites in Eastern Europe // Quaternary International. 2006. Vols. 152–153.

Pavlov, Indrelid, 2001. — Pavlov P., Indrelid S. Human Occupation in North-eastern Europe during the period 35 000–18 000 // Hunters of the Golden Age: The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30 000–20 000 BP/W. Roebroeks (ed.). Leiden, 2001.

**Garchi I — the Kostenki-Streletskian (Sungirian) site
on Upper Kama (Northern Urals)**

P. Yu. Pavlov

The site Garchi I (59°02'N; 56°10'E) is located at the shore of the Kama reservoir (Perm district, Russia). The find-bearing strata are exposed in a 200 m long cliff along the shore of the reservoir. Nearly 20 meters of Quaternary sediments are exposed in the section. The field investigations were carried out during the course of 3 summer seasons; 1990, 1991, 1995. Two adjacent find concentrations were investigated. Nearly 6000 artefacts were found during the excavations that covers a total area of 169 m².

A single radiocarbon date, conducted on charcoal from an excavated hearth, provided an age of about 29 ¹⁴C ka (34 cal ka). This age is in fairly good agreement with the luminescence dating of the corresponding sediments (about 33 ka). The find distribution seems to correspond with

dwelling structures and fireplaces suggesting that this was a camp site area. This interpretation is also supported by the artefact assemblage that was uncovered. The primary flaking technique is characterized by flat, parallel cores. Flakes form the dominant type of blank; there are virtually no tools on blades. Among the tools there are also numerous characteristic bifacial triangle projectiles with concave or straight bases (of Streletskaya/Sungirian type). The assemblage contains a high frequency of scrapers. In particular there are many scrapers with a characteristic sub-triangular shape and a ventral retouch, but circular ones with retouch along the perimeter of the blank are also common. The stone artifacts represent a typical Kostenki/Streletskaya, or Sungirian, complex.

ИСКУССТВО МАЛЫХ ФОРМ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА СТЕПЕЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ПРИАЗОВЬЯ

В. С. Ветров¹

Физико-географическое положение. Регион, который мы рассмотрим в нашей работе, в основном находится в границах юго-запада Приазовскую возвышенность, часть Донецкого кряжа и Прикубанскую низменность. Современный рельеф возвышенностей характеризуется

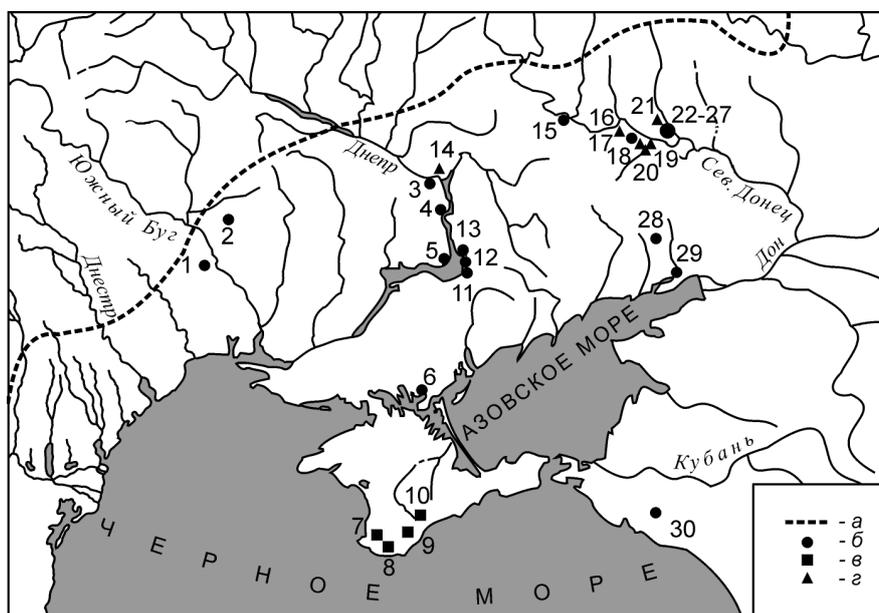

Рис. 1. Карта расположения стоянок позднего палеолита и случайных местонахождений мобильного искусства в Северном Причерноморье и Приазовье

1 — Анетовка-2; 2 — Владимировка-1; 3 — Романково; 4 — Ямбург; 5 — Мира; 6 — Солёное Озеро-9; 7 — Сюрень-1; 8 — Шан-Коба; 9 — Балин-Кош; 10 — Буран-Кая-3; 11 — Осокоровка-1; 12 — Кайстрова Балка; 13 — Дубова Балка; 14 — Шевченко; 15 — Миньевский Яр; 16 — Родаково; 17 — Говоруха; 18 — Ворошиловград; 19 — Веселая Гора; 20 — Лутугино; 21 — Роголик 11; 22–27 — Роголик 1, 2-А, 3, 3-В, 7, 12; 28 — Амвросиевка; 29 — Мураловка; 30 — Ильская

Условные обозначения: а — граница степной зоны; б — стоянки степной зоны; в — стоянки горного Крыма; з — случайные находки

Fig. 1. Map of late Paleolithic sites and chance finds of mobiliary art in the northern Black Sea and Azov region

1 — Anetovka-2; 2 — Vladimirovka-1; 3 — Romankovo; 4 — Yamburg; 5 — Mira; 6 — Solenoe Ozero-9; 7 — Syuren-1; 8 — Shan-Koba; 9 — Balin-Kosh; 10 — Buran-Kaya-3; 11 — Osokorovka; 12 — Kaistrova Balka; 13 — Dubova Balka; 14 — Shevchenko; 15 — Min'evsky yar; 16 — Rodakovo; 17 — Govorukha; 18 — Voroshylovgrad; 19 — Veselaya gora; 20 — Lutugino; 21 — Rogalik 11; 22–27 — Rogalik sites; 28 — Amvrosievka; 29 — Muralovka; 30 — Il'skaya

Notations: a — boundary of the steppe zone; b — camp sites of the steppe zone; v — sites of the mountainous Crimea; z — chance finds

России и юга, юго-востока Украины между 45°–48° с. ш. и 28°–40° в. д. (рис. 1). Эта территория включает в себя Причерноморскую низменность, южную часть Приднепровской возвышенности, южную часть Приднепровской низменности,

в основном чередованием уплощённых водоразделов с глубокими (до 60–80 м), нередко каньоннообразными долинами рек. Средняя высота возвышенностей около 200 м над уровнем моря. Ландшафт всего региона в целом преимущественно степной.

¹ Украина, 91051, Луганск, Кв. Якира, 6-А. Археологическая студия Центра творчества детей и юношества (ЦТДЮ).

Источники. Развитие палеолита Северного Причерноморья шло таким образом, что, несмотря на наличие в этом регионе Крымских

гор, изобилующих пещерами и стоянками в них, наскального искусства здесь нет. Это фундаментальное несомненное отличие этого региона от Франко-Кантабрии, где наскальное искусство получило колоссальное развитие, и от Кавказа и Уральских гор, где наскальное искусство также встречается. В степной зоне Северного Причерноморья и Приазовья есть культовые (по мнению авторов раскопок) участки стоянок. Такие участки обнаружены на памятниках Анетовка-2 и Каменная Балка (Станко, 1999; Миньков, 2001). Это значительные по размерам или локальные скопления костей разных частей скелета животных, или однотипных анатомических групп, покрытые охрой. Иногда в таких скоплениях встречаются кости человека. Некоторые авторы считают возможным относить их к монументальному искусству (Яковлева, 2003).

Мы рассмотрим искусство малых форм степей Северного Причерноморья и Приазовья. Это украшения (подвески из просверленных зубов животных, раковин моллюсков), различные изделия и орудия со знаками или орнаментом, предметы неясного назначения (фрагменты изделий или костей с нарезками), женские статуэтки.

К сожалению, характер исследования палеолита степей Северного Причерноморья и Приазовья за последние сто лет был таков, что вопросам публикации произведений искусства не всегда уделялось достаточное внимание. Часто мы располагаем ограниченными сведениями лишь о самом факте находки. Почти всегда в публикациях отсутствует информация об условиях обнаружения артефакта и его описание. Кроме того, часть материалов, найденных до Великой Отечественной войны, не была опубликована, а некоторые находки и отчетная документация утрачены во время войны.

Предметы искусства малых форм территории Северного Причерноморья и Приазовья упоминаются в работах З. А. Абрамовой, посвященных палеолитическому искусству (Абрамова, 1962; 1966); обобщающих работах по палеолиту Украины, Приазовья и Крыма П. И. Борисковского, Н. Д. Праслова, С. Н. Бибикова, В. Н. Станко, А. К. Филиппова, В. Ю. Коена (Борисковский, 1953; Борисковский, Праслов, 1964; Бибиков и др., 1994; Филиппов, 1983; 1997); в публикациях О. П. Черныша (Черныш, 1953), В. Н. Станко, Г. В. Григорьевой, Т. Н. Швайко (Станко и др., 1989), С. А. Локтюшева (Локтюшев, 1947), А. Ф. Горелика, Н. И. Тарасенко (Горелик, Тарасенко, 1993; Горелик, 2001), В. Н. Степанчука

(Степанчук, 2004), Н. Д. Праслова, А. К. Филиппова (Праслов, Филиппов, 1967), Д. Ю. Нужиного, Д. В. Ступака, П. С. Шидловского (Нужный и др., 2000), посвященных результатам полевых исследований; в работах А. А. Кротовой (Кротова, 2002), Н. П. Оленковского (Оленковский, 2001–2002), Ю. Э. Демиденко (Демиденко, 2003), М. Миллера (Миллер, 1948), И. А. Пислария, А. П. Филатова (Писларий, Филатов, 1972), Т. И. Щербаковой (Щербакова, 2001–2002), Н. Н. Карлова, С. К. Накельского (Карлов, Накельский, 1975), посвященных проблемам археологических исследований этого региона.

Поскольку количество предметов искусства в рассматриваемом регионе невелико (на каждый из описываемых нами памятников их, как правило, приходится по одному-два), мы систематизировали материал и представили его в виде сводных таблиц. Таким образом отдельными категориями выделены подвески, предметы со знаками и орнаментами, женские статуэтки.

Отдельной группой мы рассматриваем случайные находки. Ранее предметы искусства из культурного слоя позднепалеолитических стоянок рассматривались нами вместе с аналогичными находками из подъемного материала (Ветров, 2007). К настоящему времени количественный и качественный состав предметов искусства, найденных вне культурного слоя палеолитических памятников, таков, что может оказать существенное влияние на обобщенное описание стилистики региональной совокупности. Эта ситуация заставляет нас изменить подход к систематизации находок палеолитического искусства.

Безусловно, мы не должны игнорировать такой важный и количественно значимый источник, как подъемный материал. Мы помним, что в свое время на формирование представлений о раннем и среднем палеолите Донбасса большое влияние оказали находка В. М. Евсеевым ашельского рубила возле Амвросиевки и сборы подъемного материала П. П. Ефименко и С. Н. Замятинным на мустьерских местонахождениях возле Колесниковки и Луганска. Никому бы и в голову не пришло игнорировать такие важные источники только потому, что культурный слой памятника уже разрушен или мы не можем его найти. Однако правомерность отнесения той или иной находки предмета искусства к эпохе палеолита не всегда так очевидна и определена как, скажем, ашельского рубила. Вероятно, здесь необходим индивидуальный подход к каждой находке. В целом же очевидно, что учет подъемного

материала количественно и качественно расширяет наши представления о палеолитическом искусстве исследуемого региона.

Хотя в нашей работе рассматривается искусство палеолитических памятников степной зоны, мы будем учитывать еще одну группу источников — предметы палеолитического искусства со стоянок горного Крыма. Это обусловлено тем, что в плейстоцене береговая линия Черного моря была южнее современной на 100 и более километров. Таким образом, Крымские горы находились едва ли не в центре степного региона. Поэтому, на наш взгляд, влияние степных охотников могло распространяться и на горный участок. Однако искусство памятников горного Крыма описывается отдельной группой и дается в сравнении с искусством степной зоны.

Предметы палеолитического искусства из культурного слоя памятников. Подвески. Эта категория предметов искусства наиболее широко представлена на стоянках степной зоны Северного Причерноморья и Приазовья. Кроме приведенных на рис. 2 подобные украшения были обнаружены на стоянке Романково и местонахождении Шевченко (рис. 3, 1). На памятниках горного Крыма аналогичные украшения также не являются редкостью (рис. 4). Таким образом, украшения на территории Северного Причерноморья встречаются повсеместно. М. Миллер, изучавший материалы днепровских памятников (Дубова и Кайстрова Балки, Осокоровка), указывает на то, что некоторые подвески из просверленных морских раковин были со следами охры (Миллер, 1948. С. 16).

Предметы со знаками и орнаментами. На стоянках степной зоны предметов с ярко выраженными орнаментами не встречается. Эта категория в основном характеризуется целыми изделиями и фрагментами изделий с линейными нарезками (рис. 5, 1–4, 6–8, 11–12). Вероятно, более представительный орнамент из крестов и прочерченных линий был на костяной пластине, обнаруженной на стоянке Ильская (рис. 5, 5). Однако незначительные размеры дошедшего до нас фрагмента не позволяют уточнить это предположение. Несколько иную картину мы видим на стоянках горного Крыма. В их материалах также присутствуют линейные нарезки на кости (рис. 4, 1–17), а на стоянке Балин-Кош мы видим представительную группу изделий с выразительными геометрическими и растительными орнаментами (рис. 4, 18–21).

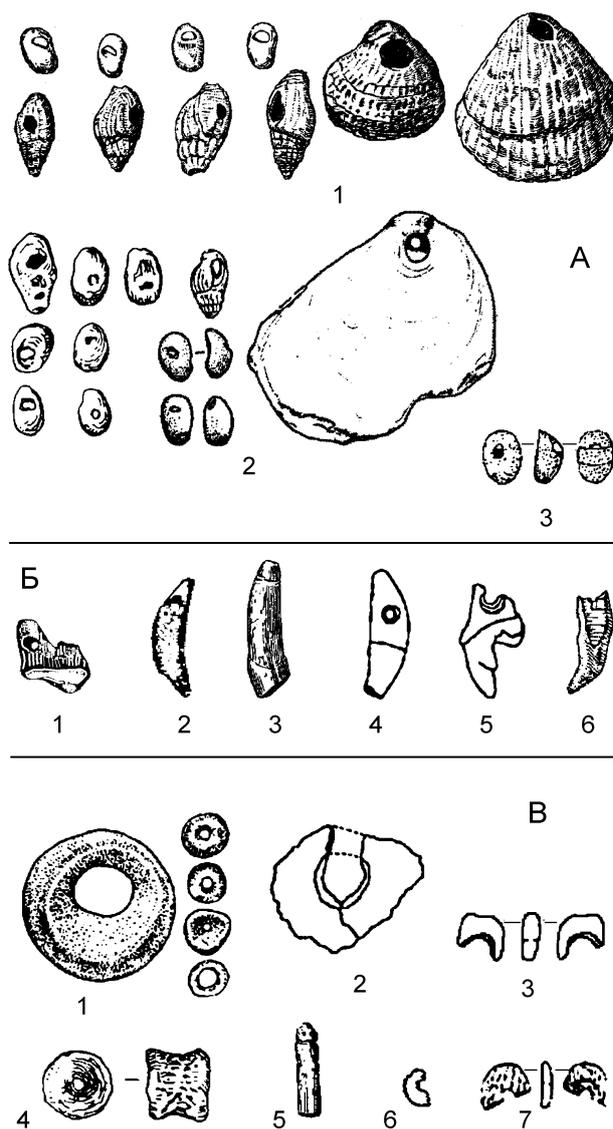

Рис. 2. Подвески

А — Просверленные морские раковины: 1 — Дубова Балка (Борисковский, 1953); 2 — Роголикские стоянки (Борисковский, Праслов, 1964); 3 — Солёное Озеро-9 (Оленковский, 2001–2002. С. 383–392)

Б — Просверленные зубы животных: 1 — Анетовка-2 (Станко и др., 1989); 2 — Владимировка-1 (Черниш, 1953); 3 — Дубова Балка (Борисковский, Праслов, 1964); 4–5 — Мира (Степанчук, 2004. С. 79–89); 6 — Мураловка (Праслов, Филиппов, 1967. С. 24–30)

В — Другие подвески: 1 — Амвросиевка (Борисковский, 1953); 2–3 — Мира (Степанчук, 2004. С. 79–89); 4 — Роголикские стоянки (Горелик, 2001); 5 — Дубова Балка (Борисковский, Праслов, 1964); 6 — Говоруха (Кротова, 2002. С. 68–80); 7 — Солёное Озеро-9 (Оленковский, 2001–2002. С. 383–392)

В — 1 — камень; 2, 3, 5, 7 — кость; 4 — позвонок рыбы; 6 — перламутр

Fig. 2. Pendants

А — drilled shells: 1 — Dubova Balka; 2 — Rogalik sites; 3 — Solenoe Ozero-9

Б — drilled animal teeth: 1 — Anetovka-2; 2 — Vladimirovka-1; 3 — Dubova Balka; 4–5 — Mira; 6 — Muralovka

В — other objects: 1 — Amvrosievka; 2–3 — Mira; 4 — Rogalik sites; 5 — Dubova Balka; 6 — Govorukha; 7 — Solenoe Ozero-9

В — 1 — stone; 2, 3, 5, 7 — bone; 4 — fish vertebra; 6 — nacre

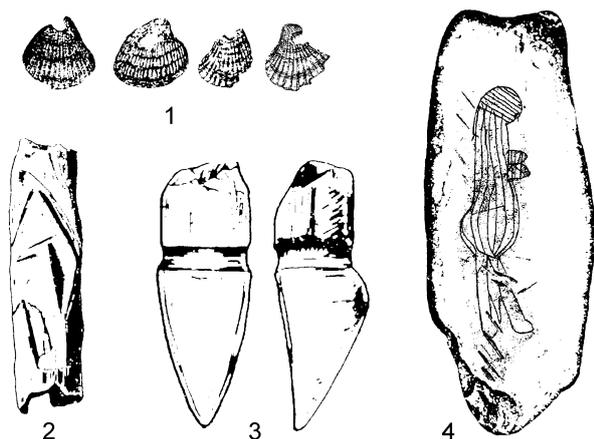

Рис. 3. Случайные находки:

1 — Шевченко (Карлов, Накельский, 1975. С. 273–278); 2 — Ворошиловград (Писларий, Филатов, 1972); 3 — Родаково (Писларий, Филатов, 1972); 4 — Рогалик 11 (Горелик, 2001)

1 — раковины; 2 — кость; 3 — кварцит; 4 — сланец

Fig. 3. Chance finds:

1 — Shevchenko; 2 — Voroshylovgrad;

3 — Rodakovo; 4 — Rogalík-11

1 — shells; 2 — bone; 3 — quartzite; 4 — slate

В группе изделий со знаками, безусловно, выделяются рогаликские стоянки. Интересной находкой со стоянки Рогалик-12 является диск из песчаника с ямками на одной из сторон.

Другая интересная находка со стоянки Рогалик-2 А — красная пластина из лимонита, покрытая с двух сторон сложным геометрическим орнаментом. А.Ф. Горелик в своей монографии ошибочно называет эту пластину женской статуэткой (Горелик, 2001. С. 263–264). Г.П. Григорьев справедливо отмечает, что эта «поделка с орнаментом... не имеет отношения к статуэткам (она плоская)» (Григорьев, 2004. С. 182). В поисках аналогий А.Ф. Горелик обращается к памятникам, расположенным севернее и северо-восточнее рассматриваемого нами региона, ссылаясь на общие элементы знаковых композиций в виде зигзага, шеврона и елочки, которые широко распространены на стоянках Елисеевичи, Супонево, Межиричи, Мезин и Гонцы. Мы, со своей стороны, уже указывали и продолжаем придерживаться мнения о том, что орнаментированная пластина со стоянки Рогалик-2 А имеет не абстрактное сходство, а прямую аналогию в орнаменте одной из статуэток (Бибиков, 1981. С. 31, рис. 17, 4) со стоянки Мезин (рис. 6, 1–2). Здесь мы видим явное совпадение основных элементов изображения. Прежде всего совпадают внешний абрис (треугольник с закругленной верхней стороной) и направленность основных элементов внутренней штриховки. В обоих случаях от левого верхнего угла треугольника прочерченные линии идут

слева направо, сверху вниз; под верхней стороной треугольника линии прочерчены горизонтально; от правого верхнего угла треугольника линии идут справа налево, сверху вниз. Что касается несовпадения отдельных деталей, то необходимо учесть технологическую разницу в прорезывании линий резцом по твердой поверхности статуэтки из бивня мамонта со стоянки Мезин и в прочерчивании линий по достаточно мягкой лимонитовой пластине со стоянки Рогалик-2 А. Допуская многоплановость интерпретации этого треугольного знака, мы предполагаем в нем возможное изображение женской символики. Таким образом, его присутствие на стоянке Рогалик-2 А, вероятно, свидетельствует о буферной роли этих поселений и их контактах с кочевыми охотниками на стадных копытных и более оседлыми племенами, обитающими севернее и северо-западнее. Кроме того, такая гипотеза соответствует предположению о практическом существовании на территории Восточной Европы информационных систем, в которых приоритет принадлежал предметам искусства малых форм (Ветров, 2003). Также это согласуется с нашим представлением об особенностях распространения женской символики в позднем палеолите (Ветров, 2001).

Интересна найденная на стоянке Рогалик-7 гравировка креста, нанесенная с трех сторон на массивную каменную плитку, использовавшуюся в качестве ретушера (рис. 5, 14).

Женские статуэтки. На стоянке Рогалик-12 был обнаружен фрагмент стилизованной женской статуэтки из песчаника (рис. 7). Обратим внимание, что хотя находка и происходит из нижней части средневековой постройки салтово-маяцкой культуры, ее характерный вид имеет широкую аналогию в материалах позднепалеолитического искусства Европы. Таким образом, отнесение этой находки к эпохе палеолита считается нами вполне обоснованным.

Еще одна женская статуэтка, найденная в палеолитическом слое стоянки Миньевский Яр, упоминается З.А. Абрамовой. Схематическая статуэтка, по свидетельству А.А. Формозова, напоминала статуэтки из Костенок I (Абрамова, 1966. С. 195).

Случайные находки предметов палеолитического искусства. К этой группе находок относятся упоминавшиеся выше подвески из просверленных морских раковин (рис. 3, 1), найденные вместе с палеолитическими кремнями возле п. Шевченко Днепропетровской обл. (Карлов, Накельский, 1975. С. 273–278).

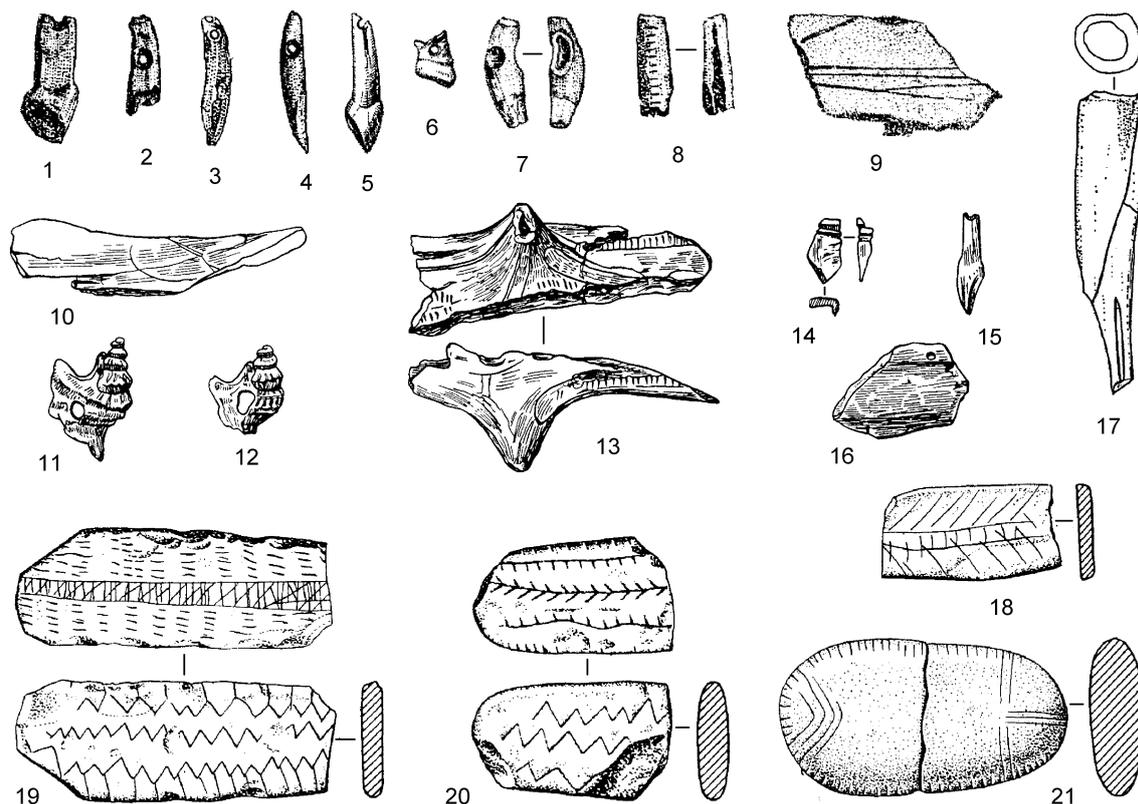

Рис. 4. Предметы искусства на стоянках горного Крыма:

1–9 — Шан-Коба (Абрамова, 1962; Бибигов и др., 1994); 10–16 — Стурень-1 (Абрамова, 1962); 17 — Буран-Кая-3 (Демиденко, 2003. С. 36–50); 18–21 — Балин-Кош (Абрамова, 1962)

1–17 — кость; 18–21 — камень

Fig. 4. Objects of art from sites in the mountainous Crimea:

1–9 — Shan-Koba; 10–16 — Syuren-1; 17 — Buran-Kaya-3; 18–21 — Balin-Kosh

1–17 — bone; 18–21 — stone

Ряд случайных находок относится к территории Луганской обл. В 1919 г. возле с. Веселая Гора вместе с палеолитическими кремнями обнаружен фрагмент нижней челюсти бизона треугольной формы с намеренно грубо стесанным отростком. Этот предмет служил проколкой. Поверхность кости сильно заглажена от частого употребления в работе. На широкой ее части имеются четкие следы гравировки. Другой находкой был дротик длиной 25 см из бивня молодого мамонта, с одного конца заостренный, с другого — заглаженный в виде лопаточки. На поверхности видны следы орнамента в виде насечек и точек (Писларий, Филатов, 1972. С. 30).

В 1930 г. в Балке Долгой на территории г. Ворошиловграда (ныне г. Луганск) был обнаружен материал эпохи палеолита и, в частности, костяная пластинка из рога гигантского оленя (рис. 3, 2). На ней, по мнению автора находки С. А. Локтюшева, выгравировано изображение фигуры человека. Также упоминается еще одно антропоморфное гравированное изображение на кости гигантского оленя.

Интересно описание палеолитических находок, обнаруженных С. А. Локтюшевым в 1941 г. во время строительных работ в п. Лутугино. Среди костей имелись экземпляры со следами красной и желтой красок. Одна из них представляла собой обломок плечевой кости мамонта, который имел с боковой стороны стёс, а сверху — круглую ямку диаметром 6 см. По стенкам ямки шли линейные нарезки (Локтюшов, 1930. С. 7). Конусовидный конец другой кости был отбит и несколько заглажен. В одном месте был процарапан силуэт животного с подогнутыми ногами. На третьей кости находилось изображение квадрата (Там же. С. 34).

В 1969 г. во время строительных работ неподалеку от станции Родаково была найдена стилизованная женская статуэтка, изготовленная из кварцита (рис. 3, 3). Поверхность ее сильно заглажена (Писларий, Филатов, 1972. С. 33–34). Несмотря на расположенный чуть выше тора поперечный перехват, являющийся интересной особенностью, статуэтка имеет вполне классический вид.

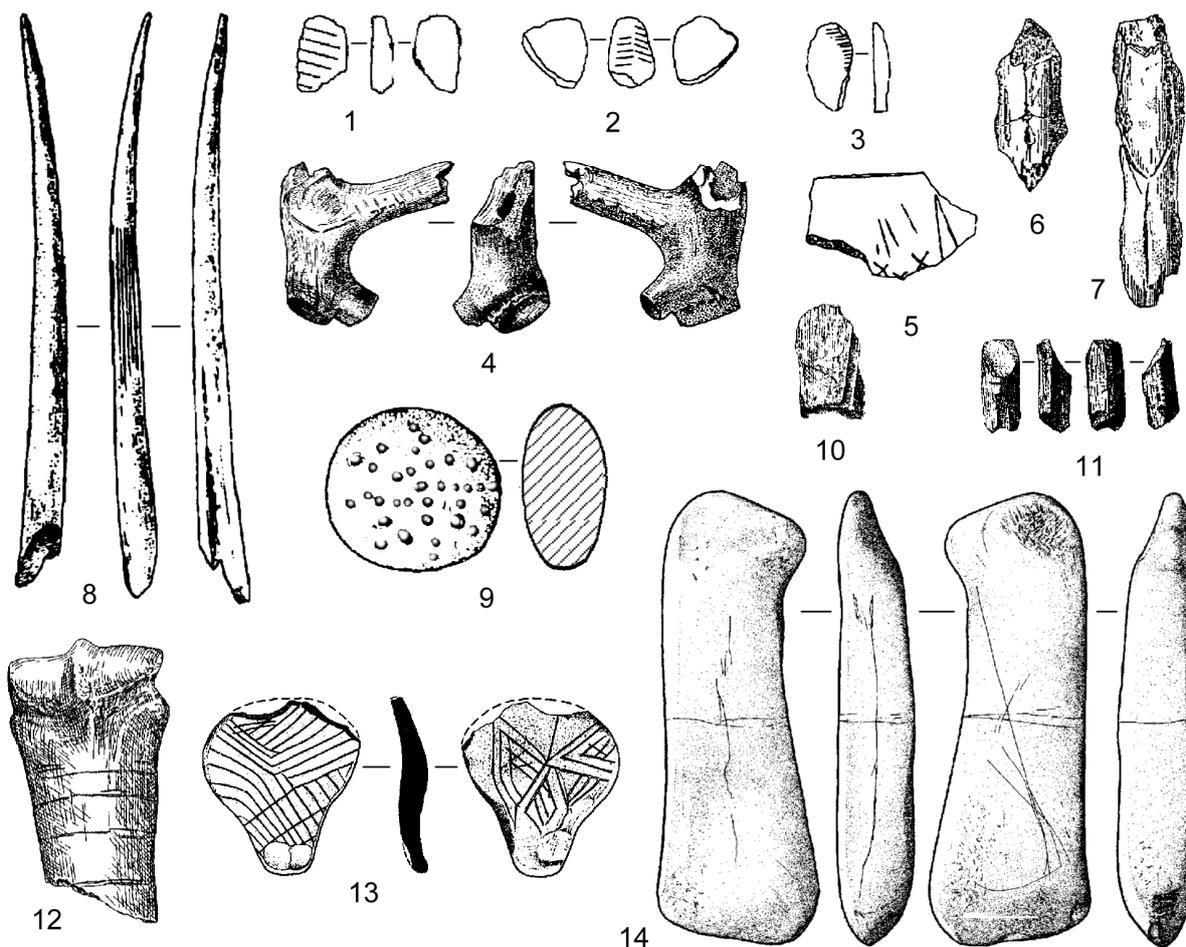

Рис. 5. Знаково-орнаментальные композиции:

1-3 — Мира (Степанчук, 2004. С. 79-89); 4, 8 — Анетовка-2 (Станко и др., 1989);

5 — Ильская (Абрамова, 1962); 6-7 — Мураловка (Праслов, Филиппов, 1967. С. 24-30); 9, 12-14 — Роголикские стоянки (Горелик, 2001);

10-11 — Владимировка-1 (Черниш, 1953)

1-8, 10-12 — кость; 9, 13-14 — камень

Fig. 5. Symbolical and ornamental compositions:

1-3 — Mira; 4, 8 — Anetovka-2; 5 — Il'skaya; 6-7 — Muralovka; 9, 12-14 — Rogalik sites; 10-11 — Vladimirovka-1

1-8, 10-12 — bone; 9, 13-14 — stone

Значительно более сложной и неоднозначной представляется нам интерпретация гравировки женского изображения на ретушере (рис. 3, 4). Находка была сделана во время разведок Н. И. Тарасенко в 1978 г. вблизи полностью разрушенного культурного слоя стоянки Роголик-11 (8 А). Основанием отнесения этого предмета к эпохе палеолита, как пишет А. Ф. Горелик, стало мнение А. К. Филиппова о палеолитическом возрасте следов ретуширования поверх гравировки (Горелик, 2001. С. 267). Однако официального заключения А. К. Филиппова нет. К сожалению, нет и детальных фотографий поверхности ретушера, подтверждающих эту версию. Сам предмет утерян, и, следовательно, всесторонняя проверка утверждения А. Ф. Горелика невозможна. Что же касается стилистического анализа, то следует отметить, что несомненную

трудность в интерпретации находки представляет необычность изображения с точки зрения известных традиций палеолитического искусства этого региона.

Во-первых, интересен основной художественный прием данного изображения — продольно и наискось заштрихованный контур женской фигуры. Разумеется, мы не хотим сказать, что такой стиль вообще не встречается в европейском палеолитическом искусстве. Он известен, например, по гравировке антропоморфной фигуры на одной из сторон известняковой гальки из грота Ла Мадлен (Столяр, 1985. С. 247), но такая стилистика неизвестна нам по материалам памятников Причерноморья, бассейна Днепра и Дона. В то же время импортное происхождение рассматриваемого нами женского изображения практически исключается. Такие каменные

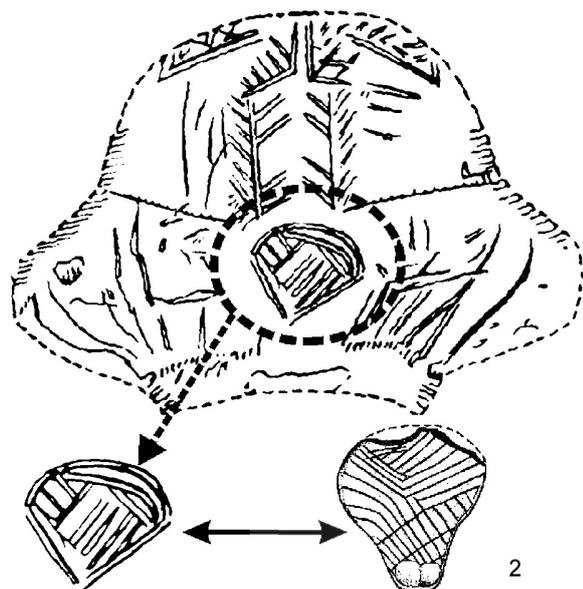

Рис. 6. Сопоставление символики стоянок Мезин и Роголик 2-А:

1 — статуэтка со стоянки Мезин (Бибиков, 1981); 2 — развернутый орнамент статуэтки со стоянки Мезин и сравнение с орнаментированной пластиной стоянки Роголик 2-А
1-2 — кость

Fig. 6. Comparison of the symbolism from the sites of Mezin and Rogalik-2A:

1 — statuette from Mezin; 2 — unwrapped pattern of a statuette from the site of Mezin and its comparison with the symbolism of the ornamented plate from the site of Rogalik-2A
1-2 — bone

плитки, как та, на которой сделана гравировка, часто использовались на роголикских стоянках в качестве ретушеров и имели, очевидно, местное происхождение.

Во-вторых, обращает на себя внимание особенность изображения высокой груди женщины. Такой прием вообще не характерен для палеолитического искусства.

В-третьих, следует отметить, что до настоящего времени на территории Северного Причерноморья и Приазовья все предметы искусства, изображающие человека (или те находки,

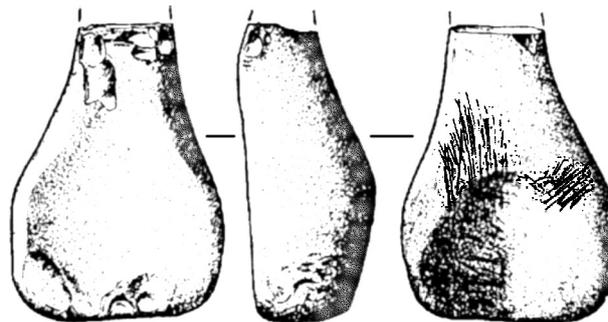

Рис. 7. Фрагмент женской статуэтки со стоянки Роголик 12, песчаник (Горелик, 2001)

Fig. 7. Fragment of a female statuette from the site of Rogalik-12, sandstone

которые мы интерпретируем таким образом), независимо от того, происходят ли они из культурных слоев позднепалеолитических памятников или найдены вне их на поверхности, в целом демонстрируют определенное стилистическое единство и имеют аналогии в палеолитических материалах этого или соседних регионов. Отсутствие не только прямых аналогий, но и основных стилистических приемов в искусстве палеолитических памятников, территориально близких к роголикской группе, заставляет нас с большей осторожностью отнести к атрибуции этого женского изображения. Вероятно, определенность в этом вопросе возможна лишь со временем, когда накопление большего количества антропоморфных изображений позволит нам полнее описать региональную стилистику искусства позднего палеолита.

Заключение. Заканчивая работу, мы хотели бы остановиться на взаимосвязи искусства севера Причерноморских и Приазовских степей с хозяйственной деятельностью социумов позднего палеолита. Мы придерживаемся мнения П. И. Борисковского и Н. Д. Праслова об особой экономике степной зоны в позднем палеолите (Борисковский, Праслов, 1964. С. 13), полагая, что искусство в какой-то степени является отражением экономической модели общества. Поэтому в целом мы видим однородность искусства степной зоны, выразившуюся, прежде всего, в его крайней простоте. Наиболее представительна группа украшений, самых примитивных по изготовлению. Фактически мы видим только две более или менее значительные серии знаково-орнаментального искусства: на стоянке Балин-Кош в Крыму и в группе роголикских стоянок, наиболее удаленных на северо-восток от центра степной зоны. На наш взгляд, крайнее северо-восточное расположение роголикских стоянок и их

ландшафтная и территориальная близость к зоне ХКТ охотников на мамонтов с ее разнообразным и многочисленным искусством малых форм объясняет и наличие женской символики на этих стоянках. Косвенным подтверждением этого предположения может служить упоминание о находке женских статуэток на стоянке Миньевский Яр, расположенной несколько северо-западнее рогаликских стоянок, и возле станции Родаково, расположенной рядом с Рогаликом. И наконец, искусство палеолитических памятников степной зоны резко отличается от смежных регионов. В частности, мы видим значительные отличия от юго-западной зоны Поднестровья и Карпат, представленных, например, развитым искусством молодовских стоянок, которое имеет генетическую подоснову в мустьерской эпохе. Так же велико отличие от северной и северо-восточной зон с высокоразвитым косторезным искусством в самом широком диапазоне: от бусин и орнаментированных пластин из бивня мамонта до антропоморфных и зооморфных статуэток.

Таким образом, данная работа может ставить вопрос о выделении зоны степей Северного Причерноморья и Приазовья в отдельную специфическую область палеолитического искусства со своими индивидуальными особенностями, часть из которых мы раскрыли в настоящей работе.

- Абрамова, 1962. — Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л., 1962 (САИ. А 4-03).
- Абрамова, 1966. — Абрамова З. А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л., 1966.
- Бибиков, 1981. — Бибиков С. Н. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта: Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. Киев, 1981.
- Бибиков и др., 1994. — Бибиков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю. Финальный палеолит и мезолит горного Крыма. Одесса, 1994.
- Борисковский, 1953. — Борисковский П. И. Палеолит Украины: Историко-археологические очерки. М.; Л., 1953.
- Борисковский, Праслов, 1964. — Борисковский П. И., Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. М.; Л., 1964 (САИ. А 1-05).
- Ветров, 2003. — Ветров В. С. Мобильное искусство палеолита в контексте локальных информационных систем // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох: Материалы археологической экспедиции СОИКМ им. П. В. Алабина и Международ. археологической конф. Самара, 2003.
- Ветров, 2007. — Ветров В. С. Искусство позднего палеолита степей Северного Причерноморья и Приазовья // Искусство и религия древних обществ. Луганск, 2007.
- Горелик, 2001. — Горелик А. Ф. Памятники Рогаликско-Передельского района: Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев; Луганск, 2001.
- Горелик, Тарасенко, 1993. — Горелик А. Ф., Тарасенко Н. И. Женское изображение на палеолитическом ретушере из местонахождения

- Рогалик VIII-а на Северском Донце // Древние культуры Подонцовья. Луганск, 1993. Вып. 1.
- Григорьев, 2004. — Григорьев Г. П. Рец. на: А. Ф. Горелик. Памятники Рогаликско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев; Луганск, 2001. 366 с. // РА. 2004. № 2.
- Демиденко, 2003. — Демиденко Ю. Э. Верхний палеолит Крыма: Индустриально-хронологическая варибельность // Каменный век. Ростов-на-Дону, 2003 (Археологические записки. Вып. 3).
- Карлов, Накельский, 1975. — Карлов Н. Н., Накельский С. К. Позднепалеолитические подвески из ростров белемнитов и каспийских раковин с р. Самары // СА. 1975. № 1.
- Кротова, 2002. — Кротова А. А. Связи позднепалеолитического населения бассейна Северского Донца и центра Восточно-Европейской равнины // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2002 (Тр. Костенковской экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1: Костенки в контексте палеолита Евразии).
- Локтюшов, 1930. — Локтюшев С. А. Доисторический очерк Средней Донетчины. Луганск, 1930.
- Локтюшев, 1947. — Локтюшев С. О. Палеолітична стоянка Якімівська Балка на р. Євсуг Ворошиловградської області // Палеоліт і неоліт України. Київ, 1947. Вып. 1.
- Миньков, 2001. — Миньков Е. В. О культовой деятельности на стоянке Каменная Балка II // Археологический альманах. Донецк, 2001. Вып. 10.
- Миллер, 1948. — Миллер М. Палеоліт Надпоріжжя. Авсбург, 1948.
- Нужный и др., 2000. — Нужный Д. Ю., Ступак Д. В., Шидловский П. С. Пізньопалеолітичний комплекс Семенівни-3 та особливості весняно-літніх поселень межріччяської культури в Середньому Подніпров'ї // Археологический альманах. Донецк, 2000. Вып. 9.
- Оленковский, 2001-2002. — Оленковский Н. П. О происхождении и развитии северо-приазовской позднепалеолитической культуры // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2001-2002. № 1.
- Писларий, Филатов, 1972. — Писларий, И. А., Филатов А. П. Тайны степных курганов. Историко-краеведческий очерк. Донецк; Донбасс, 1972.
- Праслов, Филиппов, 1967. — Праслов Н. Д., Филиппов А. К. Первая находка палеолитического искусства в южнорусских степях // Исследования памятников каменного века. М., 1967 (КСИА. № 111).
- Станко, 1999. — Станко В. Н., Анетовка 2 — позднепалеолитическое поселение и святилище охотников на бизонов в Северном Причерноморье // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. № 1.
- Станко и др., 1989. — Станко В. Н., Григорьева Г. В., Швайко Т. Н. Позднепалеолитическое поселение Анетовка. Киев, 1989. Вып. 2.
- Степанчук, 2004. — Степанчук В. М. Житлова конструкція стоянки Міра // Археологія. Київ, 2004. № 2.
- Столяр, 1985. — Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
- Филиппов, 1983. — Филиппов А. К. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983.
- Филиппов, 1997. — Филиппов А. К. Происхождение изобразительного искусства. СПб., 1997.
- Черниш, 1953. — Черниш О. П. Володимирівська палеолітична стоянка. Київ, 1953.
- Щербакова, 2001-2002. — Щербакова Т. И. Фаунистические композиции на местонахождении Анетовка-2 в Северном Причерноморье // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2001-2002. № 1.
- Яковлева, 2003. — Яковлева Л. А. Мистецтво верхнього палеоліту як об'єкт дослідження. Системний аналіз // Кам'яна доба. Київ, 2003. Вип. 2.
- Vetrov, 2001. — Vetrov V. S. About the identical works of art in Paleolithic // 7th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists (Germany, Esslingen am Neckar, 19.-23. September 2001). Esslingen, 2001.

Mobiliary Art of the Late Paleolithic Age in the Steppes of the Northern Black Sea Littoral and Azov Region

V.S. Vetrov

The Paleolithic art of the steppes in the Northern Black Sea region and the lowland of the Sea of Azov is represented exclusively by mobiliary art. The latter includes statuettes, various ornamented objects and tools, adornments (pendants made from drilled animal teeth or shells) and objects of unclear purpose (bones with indentations).

The available publications link the art of the northern Black Sea and Azov steppes with economic activities of the late Paleolithic communes of the region. An analysis of these publications leads us to the following conclusion. The differences caused by differing economic strategies and hunting of different animal species had resulted in variation of the types of the archaeological sites and complexes considered here. At the same time we must agree with the opinion P. I. Boriskovskiy and N. D. Praslov about a special character of the economy of the steppe zone during the late Paleolithic Age. Assuming that art is a reflection of the economic activities of people who created it we find certain uniformity of the art of the steppe zone. This uniformity is expressed firstly in the extreme poverty of that art. The ornaments are of the exceptionally primitive type and constitute the most representative group of the finds. Probably, the nomadic mode of life associated with regular contacts between populations, promoted the wide circulation of particular symbols and ornamental patterns throughout the entire steppe region. In fact, we are dealing here only with two more or less representative

series of the symbolically ornamental arts, *viz.* at the site of Balin-Kosh in the Crimea and the group of the Rogalik sites which is the most distant to the northeast from the centre of the steppe zone. The present author supposes that it is the extreme northeastern location of the Rogalik sites and their territorial affinity to the zone of the mammoth hunters with their variable and lavish mobiliary art that explains the presence of female symbolism at these sites. An indirect confirmation of this hypothesis may be found *e. g.* in records of female figurines found at the site of Minyevskiy Yar which lies further northwest of the Rogalik group. Finally, the Paleolithic art of the steppe zone differs essentially from that of the neighboring regions. In particular, there are significant differences from the southwestern zone of the Dniester River and Carpathian Mts represented *e. g.* by the advanced art of the Molodova sites tied genetically with Moustier epoch. Equally considerable is the difference from the northern and northeastern zones marked by the highly developed art of bone-carving covering a wide range of objects from beads and ornamented plates from mammoth ivory to anthropomorphic and zoomorphic figurines.

Thus, it is proposed in the present paper to segregate the steppe regions of the northern Black Sea littoral and those around the Sea of Azov into a separate specific area of the Paleolithic art with its own individual features some of which are described here.

ВЕРЕВКА В ОРНАМЕНТАЦИИ ДЗЕМОНСКОЙ КЕРАМИКИ

И. В. Калинина¹

В отечественной археологической литературе в последние десятилетия XX в. наряду с понятием «археологическая культура» все чаще стало встречаться понятие «технологическая традиция», которое задает иное научное пространство, иной масштаб видения материала, иную перспективу исследованиям. Изучение технологических традиций, их сравнительно-исторический анализ возможен в контексте исследований лишь региональных технологий. Относительно традиций изготовления неолитической керамики в настоящее время имеются достаточно убедительные археологические свидетельства независимости очагов генезиса производства керамики.

Целью моей командировки в октябре–ноябре 2003 г. в Национальный Исторический музей Японии в Сакуре являлось изучение технологии орнаментации дземонской керамики. В частности, в связи с моей научной темой — семантика архаических орнаментов, меня интересовало использование в Японии на протяжении тысячелетий для орнаментации керамики веревки. Всего было просмотрено более 200 сосудов из коллекций, происходящих с археологических памятников префектуры Аомори и Чиба. Некоторое представление о развитии древних керамических традиций на Японских островах дало посещение археологических выставок и фондов муниципальных музеев в Матсудо, Точиги, Ичикава, а также музеев в окрестностях г. Сакуры и Традиционного центра гончарного производства в Масико. Результаты технологического анализа керамики удалось проверить и уточнить благодаря организованной профессором Хироми Ситаро поездке в Касори — археологический научно-просветительский центр. В ходе изготовления аналога древнего сосуда, под руководством опытных мастеров, прояснились некоторые

технологические признаки, не вполне понятные при визуальном осмотре археологических образцов. В Касори были получены ответы на вопросы об источниках сырья, рецептуре глиняных масс. Особо ценными для изучения технологии оказались наблюдения за практическими навыками гончаров. Выяснилось, что глина, приготовленная для лепки сосудов, прежде чем ее используют, должна пять лет «гнить» в яме. Обжиг сосудов в костре возможен не только в сухую погоду, но для этого требуется особая подготовка площадки для обжига. Интерес вызвал процесс приготовления мяса оленя в глиняном сосуде, изготовленном по архаической технологии. Однако внимание, в первую очередь, привлекли навыки использования для орнаментации сосудов веревки. При сравнении дземонской керамики с керамическими комплексами культур Евразии региональные особенности в развитии неолитических традиций очевидны. Вместе с тем прослеживаются и некоторые общие закономерности. По ряду технологических признаков керамика раннего дзедмона — 5000–3500 В.С. — обнаруживает типологическое сходство с камской неолитической керамикой — 5000–4200 В.С. (рис. 1, 1, 2).

Если рассматривать орнаментацию неолитической керамики лесной зоны Евразии в рамках развития древнего искусства, то для этой территории на протяжении тысячелетий существования археологических культур господствующим остается звериный стиль. Позднее он находит свое продолжение в «звериной» тематике искусства традиционных культур. Наряду с так называемым геометрическим орнаментом на неолитической керамике встречаются зооморфные изображения, выполненные гребенчатыми, ямочными вдавлениями или прочерченными линиями. Для эпохи неолита–бронзы известны также сосуды с рельефной пластикой — зооморфными налестками по внешнему или внутреннему краям венчика. На основании экспериментального моделирования выделена особая группа зооморфных орнаментов, у которых изобразительные

¹ Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.

прототипы отсутствуют. Эти орнаменты выполнялись костями животных, птиц, рыб.

Формирование традиций орнаментации в Уральском регионе, как выяснилось, связано с приспособлением навыков к природным формам орнаментиров. Нанесение орнаментов костями животных требует определенного умения. Естественные формы, в частности анатомическое строение челюстей разных животных, ограничивают возможные положения орудия относительно поверхности сосуда, диктуют в некоторых случаях кинематику движения. Тем самым создаются условия для возникновения соответствующих приемов орнаментации.

Изучение технологии орнаментации неолитических сосудов показало, что орнамент не был случайным предметом. Смысловое значение — семантику — имел не только орнамент: «что изображалось», но и орудие, которым наносился орнамент. В орнаментации керамики на разных памятниках прослеживается предпочтение, отдаваемое костям определенных видов животных. Выявлена взаимосвязь орнаментов и архаических подвесок — «амулетов», «оберегов». Этнографические материалы, а также данные этимологии свидетельствуют о семантическом родстве амулета-оберега (части зверя) и орудия для нанесения орнамента (Калинина, Гаджиева, 1993. С. 84–85).

Для орнаментации керамики наряду с природными формами использовались гребенчатые штампы. Существование на неолитических поселениях сосудов с орнаментами, выполненными челюстями животных и гребенчатыми штампами, находит объяснение в докерамическом генезисе, семантике гребенчатых штампов. Гребенчатый штамп исследователи возводят «к гребням, применявшимся в некоторых видах плетения и ткачества для разделения нитей основы» (Кожин, Иванова, 1974. С. 125). Гребень и гребенчатый штамп генетически восходят к челюсти животного. В языке, по мнению лингвистов, «не удастся... найти достаточно ранних подтверждений наличия в древности современного специализированного значения “гребень для волос”, принадлежность человеческого туалета... праслав. grebo, и.-е. għrebho — “рыть, царапать, драть, прочесывать”» (Трубачев, 1966. С. 77; 78). Древневерхненем. kamb — «гребень, расческа» (нем. kamn), др.-англ. comb — «гребень, расческа» (буквально: «зубчатый»), *k'em-b — «разрывать, раздроблять»; тохарское А kam, В keme — «зуб» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 815). Семантическое

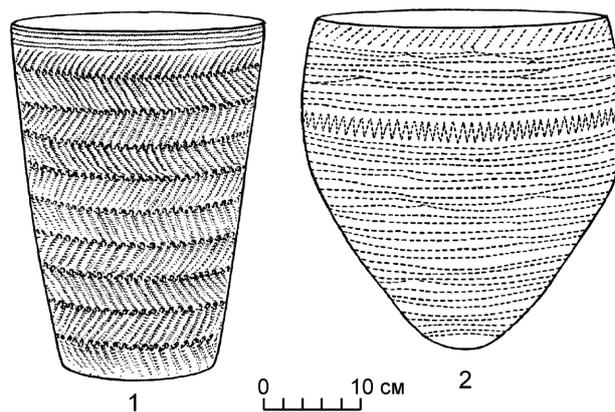

Рис. 1. 1 — ранний дзэмон; 2 — камский неолит

Fig.1. 1 — Early Jōmon; 2 — Kama Neolithic culture

сближение «прочесывать, расчесывать» и «зуб» подтверждают этнографические материалы. Так, к примеру, обитатели Огненной земли расчесывали свои волосы зазубренными челюстными костями дельфина (Лунс, 1954. С. 66). По археологическим данным гребень, а в более древние времена челюсти животных подвешивались к поясу. В неолитических могильниках встречаются челюсти животных с просверленными отверстиями (Гурина, 1956. С. 60–144; Фосс, 1938. С. 78; Цветкова, 1973. С. 142–143). В период раннего средневековья в состав погребального инвентаря входят костяные гребни: «Материалы погребений свидетельствуют, что женщины использовали гребни в составе амулетов, дополняющих наконечники, а мужчины носили их на поясе. ... все ранние формы гребней отличаются зооморфным украшением спинки» (Крыласова, 2004. С. 51–52). В одном из погребений черняховской культуры III–IV вв. н. э. бронзовый гребень был найден вместе с подвеской из челюсти лосося и двумя раковинами *Surgrea pantherina* (Тиханова, 1957. С. 184). Амулеты в виде гребешков обычны в ожерельях из античных и средневековых памятников Северного Причерноморья (Лунс, 1954. С. 75).

Орнаменты, восходящие в генезисе к зооморфным «украшениям», родовым «оберегам», стадияльно доживают до эпохи металла, когда тотемические представления уступают место космологическим. В позднем неолите намечается тенденция к разреженности орнаментальных композиций. «Старый» орнамент уступает место «новым», сначала в зоне венчика, а затем и тулова сосудов, сохраняясь при этом в придонных частях сосудов. Заметим, что в Японии в среднем дзэмон (3500–2300 В.С.) изменение орнаментов, усложнение наклепного

декора происходит в первую очередь также в зоне венчиков сосудов. В орнаменте наблюдается появление графических формул — «символов», что позволяет рассматривать орнаментацию глиняных сосудов уже как определенные знаковые системы, сопоставимые по семантике с письменными текстами.

Зооморфная семантика орнаментов в лесной зоне Евразии со временем утрачивается, но орнаментальные мотивы «след зверя», «отпечатки зубов», а также орнаменты, включающие названия тех или иных костей зверей, птиц, рыб, доживают до этнографической современности. «По верхнему течению р. Ляпин, населенному манси, принадлежащими к тотему “щуки”... встречаемся, — по свидетельству этнографов, — с чрезвычайно распространенностью орнамента... “щучья челюсть” ... изображаемого на верхней меховой одежде. По этому орнаменту манси сразу распознают ляпинские вещи, а об орнаменте так и говорят: “это ляпинского народа орнамент...”», точно так же по р. Тапсую и отчасти по верхней Сосве распространен орнамент, изображающий соболя... — тотема одного из больших тапсуйских родов» (Чернецов, 1947. С. 170). Племенной орнамент включал изображения зверя или частей зверя — тотемов разных родов (Фосс, 1952. С. 71). «Знаком рода» мог быть «след зверя» в широком смысле, включающий не только следы когтей, но и следы зубов, рогов зверя. Древние орнаменты выполняли функцию «оберегов» и являлись «знаками родов» — по ним устанавливалась принадлежность человека к определенному коллективу. Даже при значительном усложнении орнаментального мотива за ним сохраняется его название (Лукина, Рындина, 1983. С. 130). Орнаменты — это «записи» генеалогий родов, в развитии орнамента находят отражение история рода, сегментация родов. Народы, сохраняющие племенную структуру, имели традиционные племенные орнаменты, но «потеря самостоятельности той или иной племенной группы лишала ее права и возможности воспроизводить свой независимый орнамент» (Мошкова, 1964. С. 151–152).

Связь сосудов лесного неолита с образом зверя, возможно, прослеживается не только в орнаментации сосудов челюстями, костями животных. Предположение, что приемы обработки поверхностей сосудов — технологический декор и орнаменты, сплошь единообразно покрывающие стенки сосудов, восходят к изобразительным приемам передачи шерсти, волос шкуры зверя, косвенно подтверждается сопоставлением

морфологии декора керамики и стилистических особенностей деревянных зоо-антропоморфных изображений в Уральском регионе (Калинина, 2002. С. 241–247). С технологической точки зрения семантика орнаментов как «покрова» — «шкур зверя» оправдана. В развитых гончарных производствах орнаментация сосудов не является обязательной ступенью в структуре технологии (Бобринский, 1999. С. 9–11), но в древних производствах навыки орнаментации неотделимы от навыков обработки поверхностей сосудов. На ранних этапах становления гончарного производства орнаментация способствовала уплотнению стенок сосудов, препятствовала их растрескиванию при сушке. В ходе экспериментального изучения различных способов орнаментации получены данные по изменению механических свойств поверхностного слоя сосудов в зависимости от применяемого способа орнаментации (Калинина, Устинова, 1988. С. 7). Орнамент в эпоху неолита выступает в роли приемов уплотнения поверхностей глиняных сосудов, приемы обработки поверхностей сосудов, в свою очередь, используются для декорирования сосудов. Обработка поверхностей сосудов, их орнаментация обнаруживают единство и в смысловом содержании, по семантике, выполняя защитную функцию шкуры зверя.

Отпечатки веревки на керамике археологических культур от Кольского полуострова до Западно-Сибирской низменности, то есть на территории, на которой зафиксированы орнаменты, выполненные костями животных, представляют собой вспомогательные элементы. Появление веревочных отпечатков на этой керамике объясняется, возможно, тем, что веревка являлась неотъемлемой частью амулетов-оберегов, а также наличием веревки на орнаментах в качестве обмотки (Калинина, 2002. С. 267). Далее к востоку соотношение гребенчатой и веревочной орнаментации изменяется. На Дальнем Востоке гребенчатая керамика сосуществует с другими типами неолитической керамики, в том числе и с веревочной. В Японии веревочный орнамент стал «своего рода визитной карточкой неолитической культуры» (Жуциховская, 2001. С. 11). Само название неолитической культуры «дзэмон» происходит от японского слова *дзе*, что означает «веревка», «шнур».

Веревочные орнаменты на дзэмонской керамике создавались путем прокатывания по поверхности сосуда коротких, соответствующих расстоянию между пальцами — около

10 см — отрезков веревки. Веревоочный орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов. Морфология орнаментов отражает разные способы вития веревок, узлов. Поверх веревоочных отпечатков наносился иногда прочерченный орнамент. В технологическом отношении орнаментация неолитической керамики раннего дзедмона представляет собой вариант обработки поверхности, тем самым обнаруживает определенное сходство с керамикой лесного неолита Евразии.

В неолитических культурах Евразии за семантикой орнамента, его значимостью угадывается образ зверя. Понять семантику веревоочных отпечатков на керамике в Японии — это значит понять, как «видел» веревку древний человек, то есть попытаться понять образные представления изготовителей дзедмонской керамики. На дзедмонской керамике «следы» зверя отсутствуют. По крайней мере, с эпохи неолита зверь не был доминантным образом в культуре Японии, что предостерегает от абсолютизации тотемизма как универсальной мировоззренческой системы. В мировоззрении японцев зверя, в тотемическом его понимании, не было, напротив, веревке, судя по памятникам разных периодов японской культуры, отводилась определенная роль.

В современной Японии веревка — это общепринятый знак — «ограждение» и религиозный символ. Веревокой разделены места парковки машин, свисающая на стойках веревка является знаком, что проход закрыт. В экспозиции Национального Исторического музея в г. Сакура представлены варианты веревоочных знаков для границ селений. Рисовая веревка (*симэнава*) с подвешенными на ней зигзагообразными полосками бумаги (*сидэ*), ограждающая синтоистские храмы, «служит символической границей священного пространства» (*Накорчевский*, 2003. С. 271). Самый древний тип синтоистского святилища — дерево или камень-скала, вокруг которых обвита соломенная веревка, — «символ снисхождения *ками* в этом месте» (Там же. С. 183–184). В Японии и сегодня можно увидеть дерево, обвитое священной веревкой *симэнава*. Именно такой веревкой, с которой свисают сложенные зигзагом полоски белой бумаги, подпоясывается «сильнейший из сильных» в традиционной борьбе сумо. Она используется также для гадания о будущем урожае. Правила сумо «просты — надо вытолкнуть соперника за пределы круга, обозначенного... рисовой веревкой *симэнава*... либо свалить его на пол. ...Высший титул, который может получить борец сумо-экодзуна,

переводится... “поперечная веревка”» (Там же. С. 284–286). Веревока — это священный символ не только в синтоизме, но и в индуизме (*Кирло*, 2007. С. 86).

В древней Японии веревка, тростник, позднее рисовая солома обрели важное для жизни значение. Они заменяли дерево, бересту, шкуры животных, используемые человеком в лесной зоне, где со шкурой зверя соотносилась семантическая функция «защиты». В Японии веревка укрепляла, связывала, соединяла тростниковые крыши, стены домов, тем самым «защищая» и «оберегая» человека. Первичная семантическая функция веревки «защита» = «укрепление» (ср.: *strong* (англ.) — «крепкий», «сильный») совпадала с практической функцией. Заметим, что и сегодня обмотанная вокруг дерева веревка в Китае имеет практическое назначение — защищает кору деревьев от палящих лучей солнца. Семантическая функция «защиты» увязывалась с мужским началом. В Западной Сибири на неолитических поселениях быстринской культуры найдены фрагменты сосудов, по определению Е. Н. Дубовцевой, орнаментированные веревкой и челюстью щуки. На поселении Быстрый Кульёган 66 все без исключения сосуды с орнаментами, нанесенными челюстями щук, встречены в «женской» половине обоих жилищ, а большинство сосудов, орнаментированных веревоочным орнаментом, обнаружены в «мужской» зоне жилищ (*Дубовцева*, 2006. С. 66). «В египетских иероглифах знак веревки обозначает принадлежность к мужскому роду» (*Кирло*, 2007. С. 86).

К функции веревки «связывать воедино» → «соединение» восходит ее семантическая функция «создания нового» («порождение»). В именах двух божеств японской мифологии Такамусуби (Бог Высокого Священного творения) и Ками-мусуби (Бог Божественного творения) «присутствует слово “мусуби”, которое переводится как “творение”, но в своей глагольной форме означает дословно “связывать воедино”» (*Накорчевский*, 2003. С. 37–38). Можно предположить, что архаичные японские мифы сохранили следы образных представлений изготовителей дзедмонской керамики, видение веревки древним человеком. В японских мифах, описывающих устройство мира, людьми заселена «Срединная страна тростниковых долин». Пять божеств считаются первотворцами и официально именуется «особыми богами небесной заводи». Два божества образуются из нечто похожего на ростки тростника, появившиеся из еще не затвердевшей, подобной медузе, земли (Там же. С. 37–39).

Веревка, несомненно, восходит к истокам японской культуры. Веревочная орнаментация дзёмонской керамики обусловлена, полагаю, семантической значимостью веревки, ее широким применением в быту, в том числе в создании докерамических емкостей. Веревочный орнамент, в отличие от гребенчатого (зубчатого) орнамента, не связан с образными представлениями о звере, с тотемическим мировоззрением. Тем не менее по семантике орнаменты — веревка и кости зверя — типологически явления одного порядка, отражающие общие закономерности развития человеческой культуры. В древней Японии веревке, как и зверю в лесной зоне, отводилось определенное место в мировоззренческой концепции «жизни-смерти».

Данные, полученные на основании изучения технологии орнаментации неолитических сосудов, подтверждают единство технологии и мировоззрения в древности. Слитностью, нерасчлененностью мировоззренческого и собственно технологического аспектов в процессе орнаментации определяются условия и реальный механизм выработки изобразительного языка.

- Бобринский*, 1999. — *Бобринский А. А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Под ред. А. А. Бобринского. Самара, 1999.
- Гамкрелидзе*, *Иванов*, 1984. — *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. 1–2.
- Гурина*, 1956. — *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956 (МИА. № 47).
- Дубовцева*, 2006. — *Дубовцева Е. Н.* Керамика // Поселение Быстрый Кульган 66: Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Коллективная монография под ред. Л. Л. Коссинской, А. Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут, 2006.
- Жуциховская*, 2001. — *Жуциховская И. С.* История керамики Восточной Азии: Учеб. пособие. Владивосток, 2001.

- Калинина*, 2002. — *Калинина И. В.* Морфология декора неолитических сосудов и стилистические особенности деревянной зоо-антропоморфной скульптуры // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5.
- Калинина*, *Гаджиева*, 1993. — *Калинина И. В., Гаджиева (Устинова) Е. А.* Архаические орнаменты для керамики // AD POLUS: Сб. статей памяти Л. П. Хлобыстина. СПб., 1993 (Археологические изыскания ИИМК РАН. Вып. 10).
- Калинина*, *Устинова*, 1988. — *Калинина И. В., Устинова Е. А.* Опыт использования метода экспериментального моделирования для технологического анализа керамики по материалам неолитических памятников Полуденка I и Хуторская стоянка // Материалы и исследования по археологии и искусству древних народов Евразии / Под ред. Б. Б. Пиотровского. Л., 1988 (АСГЭ. № 29).
- Кирло*, 2007. — *Кирло Х.* Словарь символов // 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М., 2007.
- Кожин*, *Иванова*, 1974. — *Кожин П. М., Иванова Л. А.* Океанийская керамика в собраниях МАЭ // Культура народов Австралии и Океании. Л., 1974 (Сборник МАЭ. Т. 30).
- Крыласова*, 2004. — *Крыласова Н. Б.* Гребни из материалов Рождественского городища на р. Обва как показатель этнокультурных связей // Пути средневековых торговцев. Пермь, 2004.
- Леви*, 1956. — *Леви Е. И.* Ольвийская агора // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху / Под ред. Г. Ф. Гайдукевича. М.; Л., 1956 (МИА. № 50).
- Липс*, 1954. — *Липс Юлиус.* Происхождение вещей. Из истории культуры человечества: Vom Ursprung der Dinge / Пер. с нем. В. М. Бахта. М., 1954.
- Лукина*, *Рындина*, 1983. — *Лукина Н. В., Рындина О. М.* О семантике орнаментов восточных хантов // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.
- Мошкова*, 1964. — *Мошкова В. Г.* Племенные «голи» в туркменских коврах // СА. 1964. № 1.
- Накорчевский*, 2003. — *Накорчевский А. А.* Синто. СПб., 2003.
- Трубачев*, 1966. — *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966.
- Тиханова*, 1957. — *Тиханова М.* О локальных вариантах черняховской культуры // СА. 1957. № 4.
- Фосс*, 1938. — *Фосс М. Е.* Погребение на стоянке Кубенино // Труды Государственного Исторического музея. М., 1938. Вып. 8.
- Фосс*, 1952. — *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР. М.; Л., 1952 (МИА. № 29).
- Цветкова*, 1973. — *Цветкова И. К.* Неолитические племена рязанского течения р. Оки // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита / Под ред. Н. Н. Гуриной. Л., 1973 (МИА. № 172).
- Чернецов*, 1947. — *Чернецов В. Н.* К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. М.; Л., 1947. Т. 6–7.

Cord in Decoration of the Jōmon Pottery

I. V. Kalinina

Comparison of the Jōmon pottery with ceramic assemblages of Eurasian cultures demonstrates distinctly regional peculiarities in the development of the Neolithic traditions. However, certain general regularities are also traceable. In terms of a number of technological features, the pottery of the Early Jōmon (5000–3500 BC) displays typological similarity to the Neolithic Kama pottery (5000–4200 BC).

The decorations of the Neolithic earthenware from the forest zone of Eurasia occasionally include, along with the so-called geometric designs, zoomorphic representations rendered in combed and pitted impressions or scratched lines. For the Neolithic epoch and Bronze Age, also vessels with relief plastics are known — zoomorphic appliqués around the outer or internal edge of the rim. Using experimental

modelling, an additional special group of zoomorphic designs executed by means of bones of animals, birds and fishes has been recorded.

Studies of the technology of decoration of the Neolithic pottery have demonstrated that the ornament, or the tool for making decorations, was not just a casual object. Semantic meaning was intrinsic not only to the pattern itself, i. e. to «what was represented», but also to the tool for decorating. Moreover, an interrelation has been established between the ornamenters and archaic pendants — «amulets» or «talismans».

In the forest zone of Eurasia, zoomorphic semantics of the ornamenters were lost with time, but decorative motifs of «imprints of paws or teeth of animals» have survived until the ethnographically recordable period.

The links of the pottery of the Forest Neolithic with the image of beast are traceable not only in stamping the surface of vessels with animal mandibles and bones. Treatment of the surface with technological decorations and patterns continuously and monotonously covering the walls of the vessels is possibly rooted in the artistic techniques of rendering the hair of animal skin.

On the pottery of archaeological cultures where the patterns made with animal bones have been recorded, the imprints of cords are only secondary elements. However in Japan, the cord decoration covers the entire surface of the Jōmon vessels.

In the Neolithic cultures of Eurasia, it is possible to guess the image of beast behind the semantics of the pottery-decorating tool. On the Jōmon pottery, no

animal «imprints» are found. In the notions of the Japanese there was no beast in its totemic conception. On the contrary, the cord held an important role as may be judged from evidence of different periods of the Japanese culture. In ancient Japan, cord, thatch and, later, rice straw substituted wood, birchbark and hides used by man in the forest zone, where a semantic function of «protection» was related with the animal skin. In Japan, the cord strengthened and tied the thatched roofs and house walls, thus «protecting» and «defending» humans. The primary semantic function of cord implying «strengthening» or «protection» coincided with its practical function. The cord decoration of the Jōmon pottery in ancient Japan seems to have originated from the semantic importance of cord and its wide use in the everyday life, including the making of pre-ceramic vessels.

In their semantics, the ornamenters (cord and animal bones) are phenomena of a single typological rank reflecting the general regularities of the development of human culture. In ancient Japan, to the cord, like to the beast in the forest zone, a certain place was assigned in the world-view concepts of «Life–Death». The function of cord as intended to «tie together» → «to join» engendered its semantic function of «creating the new».

The evidence obtained through studies of the technology of decorating Neolithic vessels confirms the unity of technology and Weltanschauung in prehistory. The blending of the conceptual and properly technological aspects in the process of decorating defined the conditions and real mechanism of elaboration of the artistic language.

СПИРАЛЬНЫЙ МОТИВ В ОРНАМЕНТЕ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ Восточной Азии и Дальнего Востока: ФОРМАЛИЗОВАННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

О. Н. Данилова, И. С. Жушиховская¹

В орнаментальном искусстве многих районов Евразии, начиная с эпохи неолита, получают развитие криволинейные мотивы и элемен-

ты. В публикациях, посвященных древнему и традиционному орнаменту, геометрический образ спирали описывается, как правило, в самом обоб-

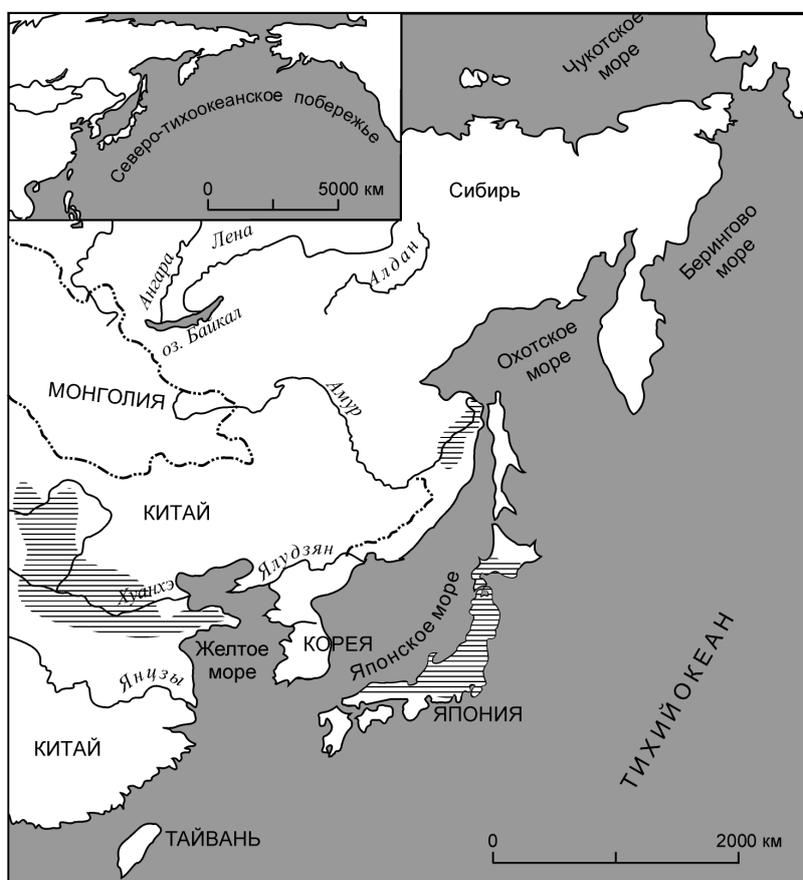

Рис. 1. Карта районов исследования: восточный Китай, Японские острова, Нижний Амур

Fig. 1. Map of the studied regions: eastern China, Japan islands, Lower Amur River

ты. К наиболее известным и имеющим широкое распространение мотивам относится спираль.

ценном виде. Типология спиралей сводится в основном к их идентификации как общепринятых визуальных образов — буквенных символов «S» и «С», математических символов «8» и «ε», узора волноты, «бараньих рогов» и «бегущей волны» (Иванов, 1962. С. 347, 349, 353; Кашина, 1977. С. 138–140; Кызласов, Король, 1990. С. 22, 49, 53; Симонов, 1995. С. 32–34; Kobayashi, 2004. P. 43, 48; Мильникова, 1999. С. 61). С точки зрения

¹ Данилова О.Н. — Россия, 690990, Владивосток, ул. Гоголя, 41. Государственный университет экономики и сервиса. Кафедра сервиса и моды.

Жушиховская И.С. — Россия, 690600, Владивосток, ул. Пушкинская, 89. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

© О.Н. Данилова, И.С. Жушиховская, 2010

семантики спиральный мотив обычно трактуется как выражение идеи движения, динамики, изменения (Малявин, 2000. С. 484; Рыбаков, 1994. С. 51, 195; Shepard, 1985. Р. 302–304).

Настоящая статья продолжает тему спирали как орнаментального мотива в древнем декоративно-прикладном искусстве. Объектом исследования служит орнамент на керамических сосудах культур неолита Восточной Азии и Дальнего Востока (рис. 1). Это культуры круга яншао в Китае, культура дземон на Японских островах, мальшевская, кондонская и вознесенская культуры на Нижнем Амуре. Авторы публикаций, посвященных этим культурам, достаточно много внимания уделяют криволинейной орнаментике керамики, ее внешним характеристикам и внутреннему содержанию (Кашина, 1977; Медведев, 2003; Мильникова, 1999; Окладников, 1984; Kobayashi, 2004; Derevyanko, Medvedev, 2006). Однако, на наш взгляд, возвращение к уже известному источнику с новых, нетрадиционных исследовательских позиций всегда представляет интерес, поскольку позволяет выявлять неизвестные ранее пласты информации. В статье предлагается подход к характеристике мотива спирали в орнаменте керамики Восточной Азии, основанный на формализации ее геометрических признаков, использовании математического аппарата, а также растровой и векторной компьютерной графики. Заметим, что сама идея исследования орнамента посредством принципов геометрии и алгебры не нова, она достаточно успешно позиционирована в современной науке (Яблан, 2006).

Согласно принятому в математике определению, спираль (от латинского *spira* — виток) — это плоские кривые линии, бесчисленное множество раз обходящие некоторую точку, с каждым обходом приближающиеся к ней или с каждым обходом удаляющиеся от нее (БЭС, 2000. С. 557). Спираль можно рассматривать как геометрическую фигуру, образованную вращением и поступательным движением точки. Одна из основных характеристик спирали — направление вращения или движения. Вращению против часовой стрелки соответствует правая спираль, по часовой стрелке — левая спираль. Подчеркнем, что направление вращения — это не только математический признак, но и отражение закономерностей физиологического характера, то есть движения правой и левой рук человека (Шатино, 1972. С. 149). Существует несколько базовых типов спирали, выделенных и описанных в разное время учеными-математиками (БЭС, 2000. С. 80,

216, 294, 328, 448, 557, 607; Выгодский, 2005. С. 131, 906–907).

Архимедова спираль выражается формулой $p=a\varphi$ (БЭС, 2000. С. 80). Ее фигура показана на рис. 2, 1. Спираль данного типа выглядит как раскручивающаяся витками от центра или, наоборот, сходящаяся к центру линия. Особенность архимедовой спирали — постоянная величина расстояния между витками.

Логарифмическая спираль как геометрическая фигура была описана Р. Декартом, Я. Бернулли (рис. 2, 2). Ее математическая формула $p=ae^{k\varphi}$ (БЭС, 2000. С. 328). Расстояние между витками логарифмической спирали, в отличие от архимедовой, неравномерно и определяется коэффициентом роста. Структура логарифмической спирали обуславливает ее сходство с некоторыми биоформами животного и растительного происхождения. Так, спиральную конфигурацию имеет строение раковины брюхоногих моллюсков — например, *Nautilus sp.*, *Cinctina*, *Stephanocerus humphryi*, *Argonauta argo* (Прозорова, Старобогатов, 1998; БЭС, 1999. Табл. 32, 9, 36–38).

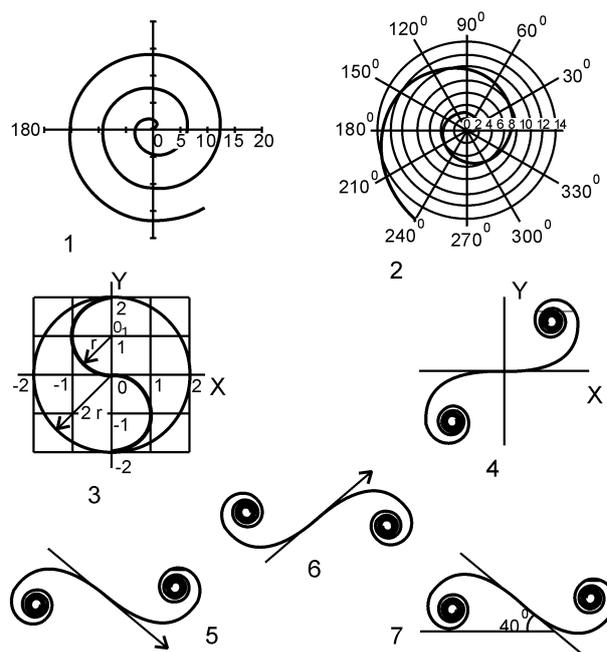

Рис. 2. Типы математических спиралей-эталонов: 1 — архимедова спираль; 2 — логарифмическая спираль; 3 — спираль, образованная сопряжением дуг окружностей (символ «инь-ян»); 4 — клотоида; 5–6 — определение восходящего и нисходящего движения клотоиды; 7 — определение направления касательной и угла наклона клотоиды

Fig. 2. Mathematical types of standard spirals: 1 — Archimedean spiral; 2 — logarithmic spiral; 3 — spiral formed by conjugation of the arcs of semicircles (the «in-yang» symbol); 4 — clothoid; 5–6 — ascending and descending movements of the clothoid; 7 — determining the direction of the tangent line and angle of slope of the clothoid

Названные типы спирали, если они используются в качестве орнаментального мотива, могут быть охарактеризованы таким признаком, как направленность движения. В зависимости от направления движения линии по отношению к точке различаем правую и левую архимедову и логарифмическую спирали. Общим свойством является то, что при повороте фигуры спирали на 180° направление движения не изменяется. Фигуры архимедовой и логарифмической спиралей по своему начертанию близки рисунку таких известных орнаментальных мотивов, как волота и «баранья рога».

Клотоида представляет собой пластическое сопряжение двух противоположно направленных симметричных ветвей — спиральных элементов (рис. 2, 4). Этот тип спирали описан Л. Эйлером, М. А. Корню, Э. Чезаро. Формула клотоиды (БЭС, 2000. С. 294):

$$x = a \int_0^s \cos \frac{S^2}{2k} ds, \quad y = a \int_0^s \sin \frac{S^2}{2k} ds.$$

Фигура клотоиды соответствует начертанию широко известного узора «бегущая волна» (Иванов, 1962. С. 347, 349). Для описания клотоиды как орнаментального мотива мы предлагаем использовать два признака. Первый — направленность движения, которая определяется посредством линии, касательной к обеим ветвям и совпадающей с серединной частью фигуры (рис. 2, 5, 6). Направление касательной от правой спирали по диагонали вверх соответствует возрастающей функции или восходящему движению (восходящая клотоида), от левой спирали по диагонали вниз — убывающей функции или нисходящему движению (нисходящая клотоида). При повороте фигуры на 180° направление движения не изменяется. Второй признак — угол наклона касательной по отношению к условной горизонтальной оси клотоиды. Величина угла зависит от расстояния между ветвями клотоиды (рис. 2, 7).

Спираль, образованная сопряжением дуг полуокружностей разных диаметров, описана А. Дюрером в XVI в. (Лидоу, 1979. С. 35). Отличительной особенностью этой спирали является то, что она строится не на основе математической формулы, а инструментально-механическим путем, при помощи циркуля. Существуют различные варианты этой спирали, конкретный вид которых зависит от длины дуг полуокружностей.

В истории декоративно-прикладного искусства может быть найден аналог этой спирали — китайский символ «инь-ян» (рис. 2, 3) (Малявин, 2000. С. 203; Williams, 2003. Р. 385).

Математические типы спиралей являются основой для описания и систематизации тех форм спирального мотива, которые присутствуют в орнаменте керамики неолитических культур Восточной Азии. Источниками исследования послужили материалы публикаций — в первую очередь, графические изображения и фотоиллюстрации керамики неолитических культур Восточной Азии. Учитывая выборочный характер опубликованных материалов, мы не используем какие-либо количественные показатели для оценки степени значимости признаков. Наши наблюдения и заключения носят относительный характер. Применение растровой и векторной компьютерной графики (программы *Adobe Photoshop*, *CorelDraw*) при работе с источниками позволило оптимизировать процесс оценки идентичности спиралей на археологической керамике алгебраическим типам, обеспечить высокую точность результатов при минимальных затратах времени.

Спиральный мотив в орнаменте керамики культур круга яншао. Культура яншао была открыта в бассейне р. Хуанхэ в 20–30-х гг. XX в. Изучение ее памятников дало обширную информацию для характеристики неолита восточного и центрального Китая. Самой яркой чертой культуры яншао исследователи единодушно признавали керамику — весьма развитую по технике и технологии изготовления, сложную и разнообразную по морфологии, необычайно красочную и изысканную по декору. К настоящему времени в обширном ареале бассейна р. Хуанхэ от ее среднего течения до впадения в Желтое море идентифицирован целый ряд памятников не только культуры яншао, но и близких ей культур мацзяо и давэнькоу. Хронологические рамки этих культур определяются следующим образом: яншао — 4115 ± 110 – 2065 ± 100 , мацзяо — 2500–2100 лет до н.э., давэнькоу — 3500–1900 лет до н.э. (Кашина, 1977; Кучера, 1977. С. 29–30; Чжан Яцин, 1984. С. 76).

Декор керамики названных культур выполнялся полихромной и монохромной орнаментальной росписью по лощеным стенкам сосудов. Применялись черная, коричневая, зеленая, белая краски, полученные из природных минеральных пигментов. Орнаментация характеризуется разнообразием элементов, мотивов и композиционных

приемов. В частности, достаточно ярко представлена криволинейная орнаментика с использованием мотива спирали.

Насколько можно судить по материалам публикаций, в орнаментации керамики яншао мотив спирали очень близок типу клотоиды (рис. 3, 3). Возможно, одним из наиболее ранних свидетельств существования этого мотива являются композиции на керамике поселения Мяодигоу, 3280±100 лет до н.э. (Кашина, 1977. С. 114, рис. 51, 3). Горизонтальный ряд последовательно соединенных восходящих клотоид образует широкий непрерывный бордюр на верхней половине округлого тулова сосуда — это классическая «бегущая волна». Орнамент выполнен многократным параллельным повторением фигуры мотива при помощи красок различных цветов. Инструментом, вероятно, служили кисти, позволявшие получать полосы определенной ширины (Там же. С. 115; Малявин, 2000. С. 201). Этот тип композиции и способ нанесения декора достаточно характерны для более поздних памятников яншао, а также других культур (рис. 3, 1, 2, 5–8).

Бордюрный орнамент на основе клотоиды, но уже нисходящей, характерен для керамики яншаоского памятника Баньшань. Декор выполнялся чередованием полос красной и черной красок. Интересно, что сосуды, орнаментированные подобным образом, интерпретируются исследователями как погребальные урны (Кашина, 1977. С. 124–140). Отдельные экземпляры керамики Баньшань показывают также использование правой архимедовой спирали, параллельным переносом которой, то есть без изменения направления движения, создается горизонтальный бордюр по тулову сосуда (Там же. С. 134, рис. 66, 5). На опубликованных фотографиях сосудов из памятника Мачан на нескольких сосудах можно отметить наличие восходящей и нисходящей клотоид. При этом фигуры восходящих клотоид служат структурной основой для стилизованных зооморфных изображений (Там же. С. 132, рис. 64, 1, 5).

Керамика неолитической культуры мацзяо дает примеры построения орнамента по мотиву клотоиды в виде широкого горизонтального полихромного бордюра (рис. 3, 5), аналогичного декору на сосудах яншао. Помимо восходящей клотоиды в орнаментации используется нисходящая клотоида (рис. 3, 4, 6). Так, на одном из сосудов четыре нисходящие клотоиды образуют бордюр по тулову. В фигуры клотоид включены стилизованные изображения лягушек, нередкие для орнаментального искусства неолитического

Китая (Там же. С. 117, рис. 53, 9 а, 9 б). В отдельных случаях на керамике мацзяо отмечен также сетчатый орнамент, образованный из кругов и восходящих клотоид (Там же. С. 113, рис. 50, 1). Керамика культуры давэнькоу также дает примеры спирального мотива, аналогичного спиралям яншао (рис. 3, 8). Это широкий расписной горизонтальный бордюр, состоящий из соединенных друг с другом восходящих или нисходящих клотоид (Кучера, 1977. Фиг. 11; Чжан Яцин, 1984. С. 94, рис. 26).

Спиральный мотив в орнаменте керамики культуры дземон. Культура дземон существовала и последовательно развивалась на островах Японского архипелага в очень широких хронологических рамках — от 13 500 до 900 лет до н.э. Выделяется шесть периодов или этапов этой культуры — от начального до финального (Kobayashi, 2004. P. 5). Периодизация культуры в значительной степени базируется на изменениях в морфологии и декоре керамических сосудов. Керамика дземон — явление уникальное в масштабах неолитического гончарства не только Восточной Азии, но и всего Евразийского континента. Ее самая яркая черта — широкое использование для декорирования веревочных штампов. Сосуды, украшенные оттисками веревки, характерны для начального, раннего, среднего, позднего и финального периодов. В целом же декор керамики разнообразен по техническим приемам — в каждом из периодов существовали свои предпочтения в способах эстетического оформления сосудов. В подавляющем большинстве случаев декор представлен орнаментальными композициями различной сложности с использованием как прямолинейных, так и криволинейных мотивов (Aikens, Higuchi, 1982. P. 95–186; Kobayashi, 2004; Ancient Japan, 1992. P. 69–75; Primitive Arts..., 1964).

Спиральный мотив появляется на керамике дземон приблизительно в конце раннего периода, который датируется около 5300–3500 лет до н.э. (Kobayashi, 2004. P. 5). Сосуды этого времени характеризуются простой морфологической структурой, невыделенной и слабо выделенной горловиной. Зона декора, как правило, занимает почти всю поверхность стенок. Судя по опубликованным данным, в ряде случаев можно говорить лишь о довольно неопределенных спиралевидных элементах, включенных в общую композицию (Catalogue..., 1999. P. 16, fig. 1, 2; Primitive Arts..., 1964. Fig. 48, 51). Однако есть примеры

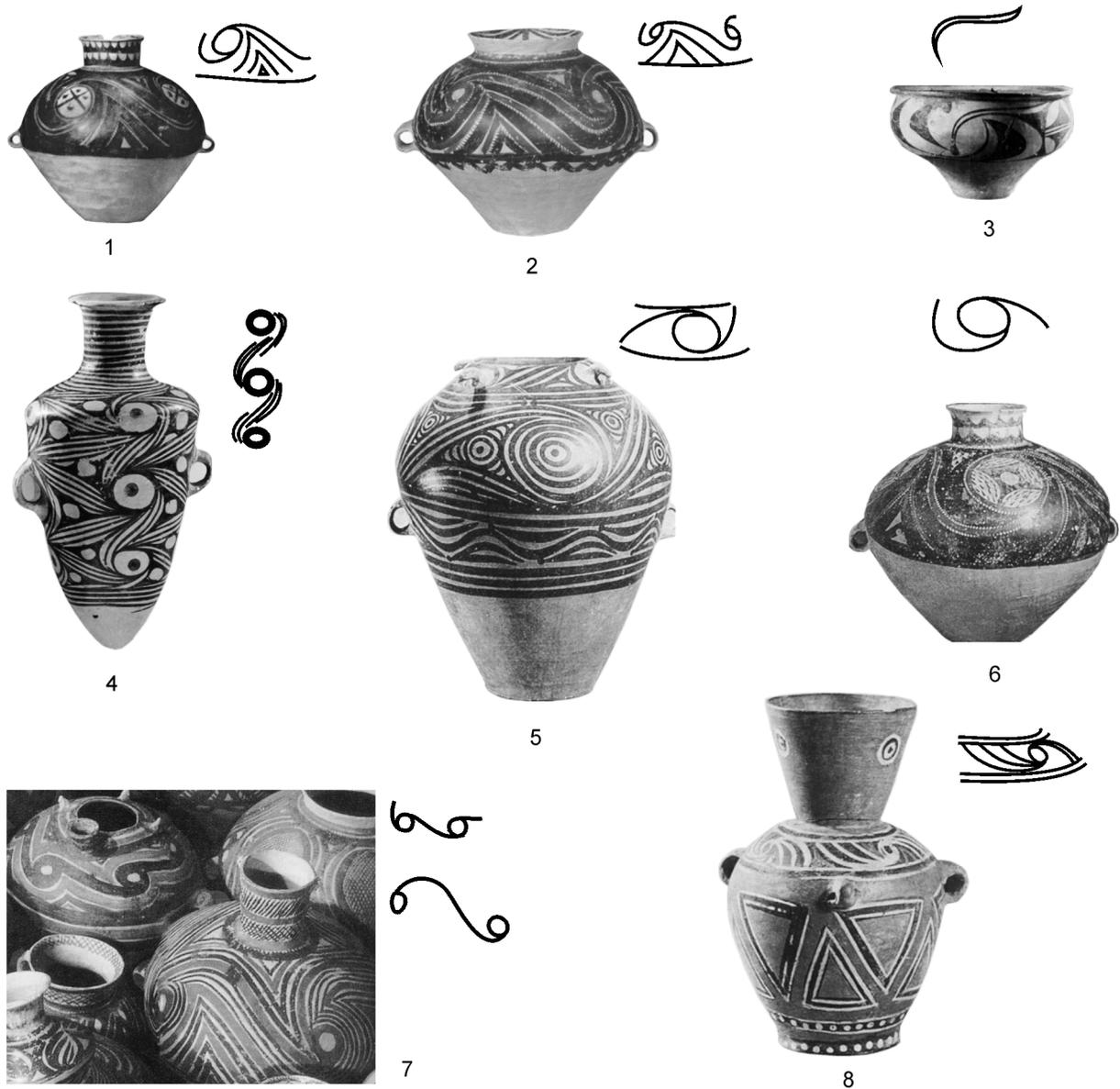

Рис. 3. Образцы спирального мотива на керамике культур яншао, мацзяо, давэнькоу:

1 — поселение Баньшань, культура яншао (Кашина, 1977. С. 139, рис. 69, 8); 2 — поселение Баньшань, культура яншао (Кашина, 1977. С. 134, рис. 66, 10);

3 — поселение Мяодигоу, культура яншао (Кашина, 1977. С. 118, рис. 54, 24); 4 — культура мацзяо (Искусство Китая..., 2007);

5 — поселение Саньпин, культура мацзяо (Кучера, 1977. Рис. 4, цв. вкл.); 6 — поселение Баньшань, культура мацзяо (Кучера, 1977. Рис. 7, цв. вкл.); 7 — культура яншао (Погребенные царства Китая, 1998. С. 10–11);

8 — поселение Баотоу, культура давэнькоу (Кучера, 1977. Рис. 23, 3)

Fig. 3. Examples of spiral motifs on pottery of the Yangshao, Majiayao and Dawenkou cultures:

1 — settlement of Banshan, Yangshao culture; 2 — settlement of Banshan, Yangshao culture; 3 — settlement of Myadigou, Yangshao culture;

4 — Majiayao culture; 5 — settlement of Sanping, Majiayao culture; 6 — settlement of Banshan, Majiayao culture; 7 — Yangshao culture;

8 — settlement of Baotou, Dawenkou culture

и выразительных, завершенных фигур. Техника выполнения орнамента — в основном тиснение веревочными штампами, иногда — прочерчивание. Гибкая структура веревки или шнура, вдавленных в пластичную стенку сосуда, позволяла легко получать спиральный узор. На сосудах раннего периода спираль всегда сочетается в общей композиции с другими орнаментальными элементами или мотивами.

Можно идентифицировать спирали, приближающиеся по типу к архимедовой, то есть с равномерным расстоянием между витками. Так, в верхней половине тулова слабопрофилированного сосуда стиля *моросо* из памятника Яманаси на о. Хонсю располагается широкий горизонтальный бордюр, состоящий из парных левосторонних спиралей. Орнамент выполнен веревочным тиснением (рис. 4, 1). Фигура спирали

Рис. 4. Образцы спирального мотива на керамике культуры дзэмон:

1 — памятник Яманаси, о. Хонсю (*Kobayashi*, 2004. P. 38, fig. 3.13); 2 — памятник близ г. Юдза, префектура Ямагата (*Primitive Arts...*, 1964. Fig. 42); 3 — памятник близ г. Фукуока, префектура Сайтама (*Primitive Arts...*, 1964, fig. 43); 4 — памятник Цунаги, префектура Иватэ (*Kobayashi*, 2004. P. 44, fig. 3.17); 5, 6, 8 — памятник Ковасимицу, префектура Чиба (*Catalogue...*, 1999. P. 11, fig. 2, 1, 4); 7 — памятник Нисикоси, префектура Канагава (*Kobayashi*, 2004. P. 43, fig. 3.16); 9 — памятник Симоппара, префектура Канагава (*Kobayashi*, 2004. P. 40, fig. 3.14); 10 — памятник Ичинотаниниси, префектура Чиба (*Catalogue...*, 1999. P. 29, fig. 3); 11 — памятник Каваразука, префектура Чиба (*Catalogue...*, 1999. P. 31, fig. 1); 12 — памятник Наказавахама, префектура Иватэ (*Catalogue...*, 1999. P. 47, fig. 1); 13 — памятник Кайнохана, префектура Чиба (*Catalogue...*, 1999. P. 33, fig. 5)

Fig. 4. Examples of spiral motifs on the pottery of the Jomon culture:

1 — site of Yamanashi, i. Honshu; 2 — site near the city of Yuza, Yamagata prefecture; 3 — site near the city of Fukuoka, Saitama prefecture; 4 — site of Tsunagi, Iwate prefecture; 5, 6, 8 — site of Kowasimitsu, Chiba prefecture; 7 — site of Nishikoshi, Kanagawa prefecture; 9 — site of Shimoppara, Kanagawa prefecture; 10 — site of Ichinotaninishi, Chiba prefecture; 11 — site of Kawarazuka, Chiba prefecture; 12 — site of Nakazawahama, Iwate prefecture; 13 — site of Kainohana, Chiba prefecture

образована семью витками (*Kobayashi*, 2004. P. 38, fig. 3.13). Построение горизонтального бордюра из прочерченных спиралей, близких к архимедовой и чередующихся по направлению движения (правая — левая) (рис. 4, 3), фиксируется на сосуде из памятника близ г. Фукуока, префектура Сайтама (*Primitive Arts...*, 1964. Fig. 43). В отдельных случаях спирали в бордюре могли соединяться между собой пластичной линией по принципу соединения между ветками клотоиды (рис. 4, 2) — пример такого декора мы видим на сосуде из памятника близ г. Юдза, префектура Ямагата (*Ibid.* Fig. 42).

В период среднего дзэмон, 3500–2500 лет до н. э., мотив спирали получает развитие в орнаментации керамики стилей *синбо нинзаки*, *каракусамон*, *каен* (пламевидный), *кэсори Е*, *атамадай*, *дайдзи*, выделенных исследователями на памятниках о. Хонсю. В этот период наряду с постепенным развитием морфологии сосудов усложняются структура и технические приемы декора керамики. Весьма характерным для гончарства среднего периода дзэмон является принцип выполнения достаточно сложного аппликативного или прочерченного орнамента на поверхности сосуда, предварительно покрытой оттисками веревочного штампа. Орнамент с использованием спирального мотива также выполнялся, как правило, высокой рельефной аппликацией или желобчатым прочерчиванием на фоне монотонных веревочных оттисков.

Основываясь на данных публикаций, мы выделяем для керамики среднего дзэмон криволинейные фигуры типа архимедовой спирали, логарифмической спирали и клотоиды (рис. 4, 4–8). В орнаменте спиральная фигура может нести основную композиционную нагрузку, являясь центральным, доминирующим мотивом, но нередко выступает и как акцентный, дополнительный мотив.

Наиболее часто встречается тип архимедовой спирали с равномерным расстоянием между витками (рис. 4, 4–6, 8). Фигура типа логарифмической спирали отчетливо идентифицируется лишь в отдельных случаях (*Catalogue...*, 1999. P. 11, fig. 2; *Ancient Japan*, 1992. P. 102, fig. 53). Есть серия образцов спирального мотива, который четко не определяется, представляя собой нечто среднее между архимедовой и логарифмической спиралями. Как правило, фигура спирали образована витками в полтора, два, реже — в три оборота. Многовитковая спираль — до пяти–шести оборотов — отмечена

в нескольких случаях (*Primitive Arts...*, 1964. Fig. 122; *Tabl. VIII*).

Орнаментальная композиция с участием мотива архимедовой или логарифмической спирали (рис. 4, 6) строится чаще всего как горизонтальный бордюр, расположенный обычно в верхней половине сосуда (*Catalogue...*, 1999. P. 11, fig. 1; *Primitive Arts...*, 1964. Fig. 78, 82, 84–87, 92). Бордюр может быть образован простым переносом мотива либо его зеркальным отображением (центрально-осевой симметрией). В последнем случае фигуры-спирали чередуются по направлению движения (правая — левая) (*Primitive Arts...*, 1964. Fig. 107, 109). Есть примеры, когда спиральные фигуры в бордюре соединены между собой прямой горизонтальной или слегка наклонной линией, что создает эффект непрерывности рисунка (*Ibid.* Fig. 82, 84, 107, 109).

В период среднего дзэмон появляется прием вертикальной ориентации орнаментального бордюра, состоящего из нескольких спиральных фигур (*Ibid.* Fig. 121). Иногда орнаментальная композиция, занимающая значительную часть поверхности тулова сосуда, представляет собой сочетание крупных и мелких криволинейных фигур типа архимедовой и логарифмической спиралей (*Kobayashi*, 2004. P. 46, fig. 3.18; P. 47, fig. 3.19; *Ancient Japan*, 1992. Fig. 52, 53; *Primitive Arts...*, 1964. Fig. 122). Не всегда можно четко проследить построение подобного декора, но отдельные образцы показывают, что он в целом тяготеет к бордюроному принципу (рис. 5, 1). Можно отметить отдельные случаи использования спиральной фигуры из полутора-двух витков в качестве дополнения, своего рода акцента в общей орнаментальной композиции на сосуде (*Aikens, Higuchi*, 1982. P. 144, fig. 3.26; *Primitive Arts...*, 1964. Fig. 112).

Клотоида как тип спирали, по-видимому, не имела широкого распространения на керамике среднего периода культуры дзэмон. Опубликованные материалы дают немногочисленные примеры этого мотива. Фигура восходящей и нисходящей клотоид присутствует в орнаменте сосудов, относящихся к стилю *кэсори Е* из памятника Нисикоси в районе Канто на о. Хонсю (*Kobayashi*, 2004. P. 43). Близка к клотоиде фигура из двух архимедовых спиралей — правой и левой, соединенных между собой плавной наклонной линией (*Primitive Arts...*, 1964. Fig. 108). По имеющимся данным можно полагать, что мотив клотоиды образует бордюр — спиральная фигура повторяется вдоль горизонтальной

оси параллельным переносом или зеркальным отражением. Спирали в бордюре обычно разделены интервалом, который может быть иногда заполнен менее выразительными декоративными элементами (*Kobayashi*, 2004. P. 43, fig. 3.16). Характерной особенностью мотива клотоиды в орнаменте керамики среднего периода является небольшой угол наклона касательной к горизонтальной оси — от 20° до 40° . Фигура спирали выглядит несколько растянутой, плавной, не такой «энергичной», как в клотоиде яншао (рис. 4, 7; 6, 2).

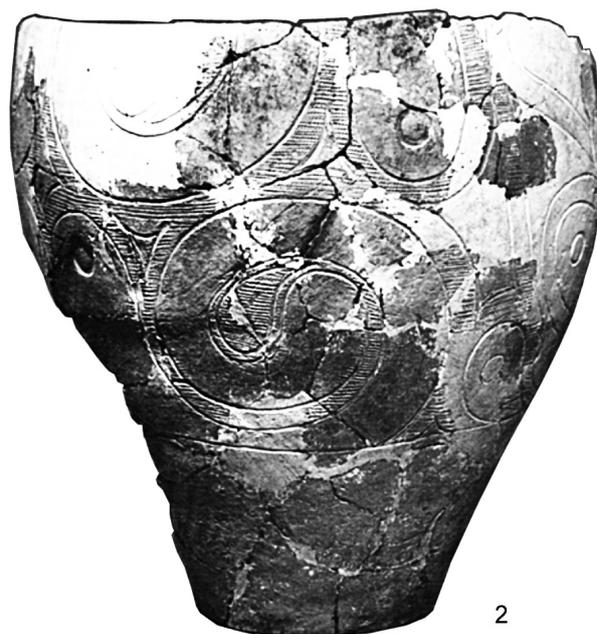
Поздний (2500–1200 лет до н. э.) и финальный (1200–900 лет до н. э.) периоды культуры дзэмон отмечены значительными качественными изменениями в стандартах гончарства. Керамика памятников этого времени свидетельствует о прогрессе в технико-технологических навыках, показывает необычайное морфологическое разнообразие и новые тенденции в декоративном оформлении. Орнаментальные мотивы и композиции отличаются эстетическим совершенством, органично сочетаясь с формой изделия. Технические приемы орнаментики — желобчатое и бороздчатое прочерчивание, низкий сглаженный аппликативный рельеф, веревочные отпечатки, используемые как фон на локальных участках зоны декора.

Криволинейная орнаментация представлена на керамических сосудах стилей *хориноути-II*, *финальный андэ*, *камэгаока* и некоторых других. Наши источники дают серию выразительных примеров фигур, ассоциирующихся с архимедовой, логарифмической спиралями либо с их промежуточными формами. Они имеют много общих признаков с аналогичными орнаментальными мотивами керамики среднего периода (рис. 4, 12). Доминирует спираль из двух или двух с половиной витков (*Catalogue...*, 1999. P. 47, fig. 1; *Primitive Arts...*, 1964. Fig. 164), хотя в отдельных случаях количество витков может достигать до шести (*Primitive Arts...*, 1964. Fig. 178, 181, 191). Спиральная фигура образует горизонтальные и вертикальные бордюры (рис. 4, 10, 11) посредством параллельного переноса либо зеркального отображения (*Catalogue...*, 1999. P. 29, fig. 3; P. 31, fig. 1; *Primitive Arts...*, 1964. Fig. 178, 181), может сочетаться в композиции с другими элементами (*Ancient Japan*, 1992. P. 97, fig. 47; P. 99; *Primitive Arts...*, 1964. Fig. 164), иногда используется как дополнительный акцент (*Primitive Arts...*, 1964. Fig. 202).

Отличительной чертой спиральной орнаментики на керамике позднего и финального

1

2

Рис. 5. 1 — Спиральный мотив типа архимедовой и логарифмической спиралей. Керамический сосуд из поселения Ямагата, префектура Нагано. Средний дзэмон (*Kobayashi*, 2004. P. 46, fig. 3.18)

2 — Спиральный мотив типа символа инь-ян. Керамический сосуд из поселения Кондон, Хабаровский край. Кондонская культура (*Okladnikov*, 1981. Fig. 91)

Fig. 5. 1 — Spiral motif of the Archimedean and logarithmic spiral types. Ceramic vessel from the settlement of Yamagata, Nagano prefecture. Middle Jomon

2 — Spiral motif of the in-yang symbol type. Ceramic vessel from the settlement of Kondon, Khabarovsk kray. Kondon culture

периодов является то, что мотив типа клотоиды получает заметное развитие по сравнению с периодом среднего дзэмон. Это касается и частоты встречаемости данного мотива на опубликованных образцах сосудов, и его композиционных характеристик. Однако по своим изобразительным признакам фигура клотоиды на керамике позднего и финального периодов близка к спиральному мотиву среднего периода. В большинстве отмеченных случаев клотоида очерчена плавной линией, угол наклона касательной к горизонтальной оси варьирует от 15° до 35° (Ancient Japan, 1992. P. 107; Primitive Arts..., 1964. Fig. 209).

Можно выделить два основных композиционных варианта организации орнамента на основе мотива клотоиды. Первый — горизонтальный бордюр «бегущая волна», в котором спиральные фигуры связаны одна с другой, создавая эффект непрерывного движения (рис. 4, 13). Например, сосуд-миска из памятника финального периода Кайнохана декорирован широким бордюром из прочерченных нисходящих клотоид (Catalogue..., 1999. P. 33, fig. 4). «Бегущая волна» из восходящих прочерченных спиралей-клотоид украшает приустьевую зону сосуда в виде глубокой чаши на поддоне из памятника Корэкава, также относящегося к финальному периоду (Ancient Japan, 1992. P. 107). Подобные примеры можно продолжить (Primitive Arts..., 1964. Fig. 209, 250, 252).

Второй вариант образования орнамента с использованием мотива клотоиды — горизонтальный бордюр из одиночных спиральных фигур, разделенных интервалами, как это практиковалось в декоре керамики среднего периода. Новшество, однако, состоит в том, что фигура клотоиды в бордюре имеет наклонную ориентацию, под углом к горизонтальной оси бордюра. Подобным образом орнаментировано тулово сосуда с горловиной из памятника финального периода в уезде Кадзуно, префектура Акита (Ibid. Fig. 235), поддон у ритуального сосуда сложной композитной формы (рис. 4, 9) из памятника Симоппара в префектуре Канагава (Kobayashi, 2004. P. 40, fig. 3.14). Есть также случаи использования фигуры клотоиды как дополнительного, акцентного элемента в орнаментальной композиции. Так, на сосуде-чайнике из памятника позднего периода близ г. Эдосаки, префектура Ибараки, декор, выполненный прочерчиванием, занимает всю поверхность тулова. В изощренный геометрический узор, построенный по мотиву меандра,

включены мелкие вертикально ориентированные спирали-клотоиды (Primitive Arts..., 1964. Fig. 185).

Спиральный мотив на керамике неолитических культур Нижнего Амура. В районе Нижнего Амура на территории Российского Дальнего Востока выделены три основные культуры неолита, связанные между собой хронологической и, вероятно, генетической преемственностью. Это малышевская, кондонская и вознесенская культуры. Их общие временные рамки определяются примерно с VI тыс. до н.э. до середины II тыс. до н.э. (Медведев, 2003; Derevyanko, Medvedev, 2006). Керамическая посуда является наиболее представительной и яркой категорией артефактов на памятниках каждой культуры. Орнаментация сосудов оригинальна и разнообразна. Специфика декора амурской керамики, отличающая ее, например, от неолитических керамических комплексов соседнего Приморья, в значительной мере определяется присутствием криволинейных мотивов и построенных на их основе композиций (Okladnikov, 1981; Okladnikov, 1984).

Керамика малышевской культуры, датированной около VI–рубежа IV–III тыс. до н.э., представлена в основном фрагментарным материалом, позволяющим в общих чертах судить о форме изделий. Это сосуды слабой профилировки, без структурно выделенной горловины, с широким открытым устьем. В декоре использовались различные штампы, в частности «гребенка», «зубчатое колесико», также была известна техника прочерчивания (Медведев, 2003; Okladnikov, 1984; Derevyanko, Medvedev, 2006). По данным публикаций идентифицируются немногочисленные образцы криволинейной орнаментики по мотивам спирали (рис. 6).

На керамических сосудах из поселения на о. Сучу можно идентифицировать фигуры типа архимедовой спирали и клотоиды. В двух случаях обе эти фигуры соединены в одном орнаментальном мотиве — ветви клотоиды образованы двойными правыми архимедовыми спиралями, как бы вписанными одна в другую под углом 180° (рис. 6, 1, 2). На одном из сосудов горизонтальный бордюр из соединенных между собой восходящих клотоид опоясывает верхнюю половину тулова (рис. 6, 1). Криволинейный мотив типа правой двойной архимедовой спирали прослеживается также на фрагменте сосуда из этого же поселения (рис. 6, 3). Фигуры спирального орнамента малышевской керамики выполнены двойным параллельным прочерчиванием либо

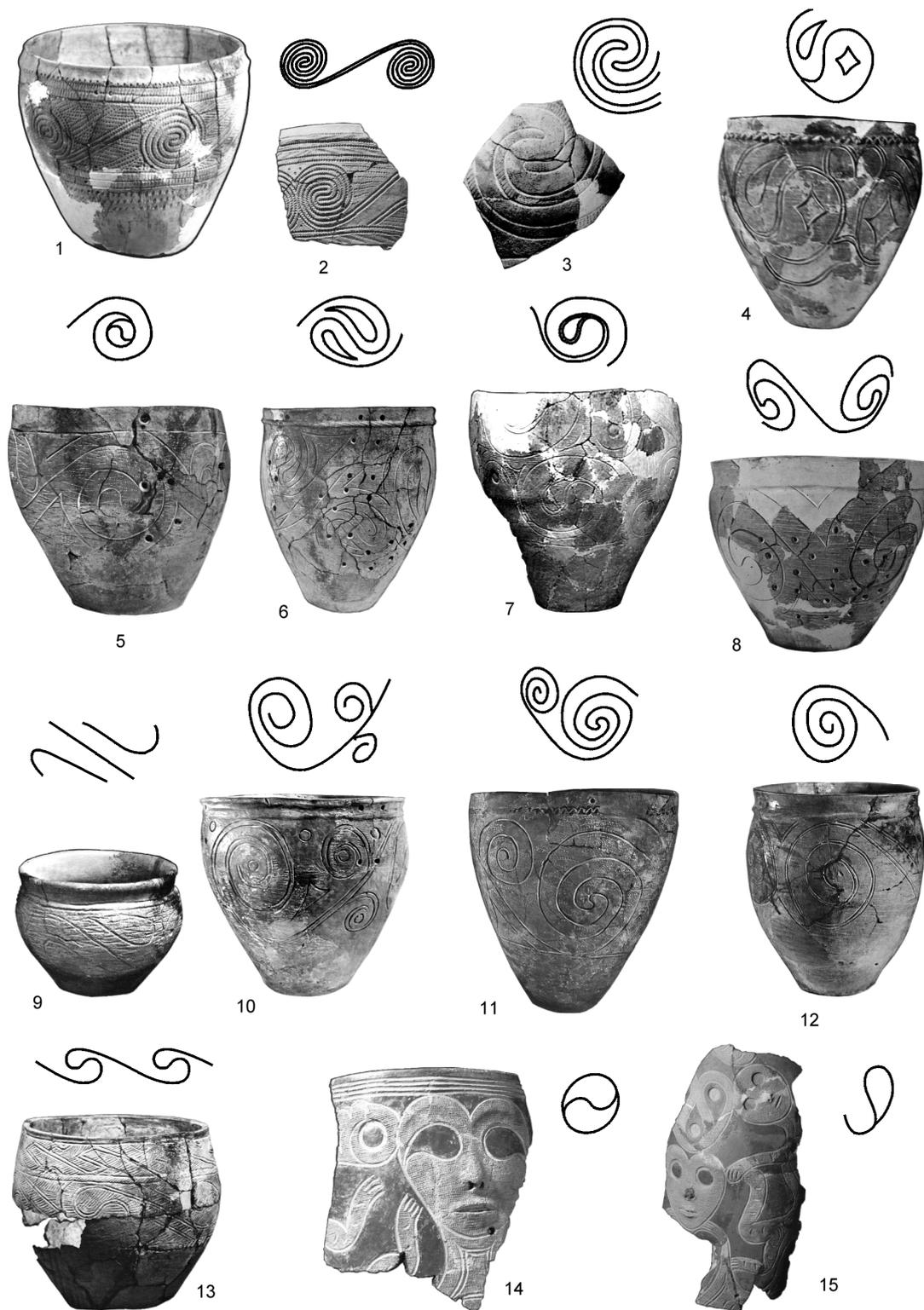

Рис. 6. Образцы спирального мотива на керамике малышевской и вознесеновской культур:

1, 2, 3 — поселение о. Сучу, Хабаровский край, малышевская культура (Okladnikov, 1981. Fig. 89, 85, 62); 4, 5, 6, 8, 10, 11, 12 — поселение Кондон, Хабаровский край, вознесеновская культура (Okladnikov, 1984. Табл. LVII, XX, XIX, XXI, XXII, XV, XLVI); 7, 9 — поселение Кондон, Хабаровский край, вознесеновская культура (Okladnikov, 1981. Fig. 91, 92); 13, 14, 15 — поселение Вознесенское, Хабаровский край, вознесеновская культура (Okladnikov, 1981. Fig. 89, 19, 18)

Fig. 6. Examples of spiral motifs on pottery of the Malyshevskaya and Voznesenovskaya cultures:

1, 2, 3 — settlement on i. Suchu, Khabarovsk kray, Malyshevskaya culture; 4, 5, 6, 8, 10, 11, 12 — settlement of Kondon, Khabarovsk kray, Voznesenovskaya culture; 7, 9 — settlement of Kondon, Khabarovsk kray, Voznesenovskaya culture; 13, 14, 15 — settlement of Voznesenskoye, Khabarovsk kray, Voznesenovskaya culture

техники тиснения. Фон между линиями мотива заполнен мелкими гребенчатыми оттисками.

Гончарная традиция кондонской культуры, существовавшей на Нижнем Амуре в IV–III тыс. до н.э., характеризуется широким распространением штампованного, тисненого орнамента. Преобладают простые, однообразные элементы и мотивы, составляющие широкие горизонтальные бордюры на тулове сосудов. Исследователи отмечают, что на кондонской керамике встречается орнамент по мотиву спирали (*Derevyanko, Medvedev, 2006*). Однако пока опубликованные материалы не позволяют четко идентифицировать криволинейные узоры, соответствующие тому или иному типу спиральной фигуры.

Керамика позднеолитической вознесенской культуры середины III–середины II тыс. до н.э. известна по коллекциям из соответствующего культурного горизонта многослойных памятников Кондон, Вознесенское, Сучу (*Мильникова, 1999; Окладников, 1984*). Особенно интересна выразительная серия целых и частично целых изделий из поселения Кондон. Хорошо сохранившиеся сосуды имеют слабую профилировку, приближающийся к усеченно-коническому контур стенок, широкое устье. Тулово украшено изящным декором, выполненным желобчатым прочерчиванием, сочетающимся в большинстве случаев с фоном из зигзагообразно расположенных оттисков мелкозубчатой «гребенки». В орнаментике опубликованных сосудов преобладают криволинейные мотивы и элементы (*Окладников, 1984*. Табл. XV–LXIV).

Идентифицируются фигуры типа архимедовой и логарифмической спиралей, клотоиды и спирали, образованной сопряжением дуг полуокружностей (тип символа «инь-ян»). Характерной особенностью орнаментики является совмещение в одном мотиве и в одной композиции разных типов спиралей. Принцип построения орнамента — бордюрный. Фигура спирали-клотоиды может образовывать непрерывный узор «бегущая волна» (Там же. С. 117, табл. LXIV) либо повторяться в орнаментальном бордюре с определенными интервалами. Ветви клотоиды сформированы архимедовой спиралью (рис. 6, 10–12) либо спиралью из сопряженных дуг (символ «инь-ян») (рис. 6, б). На некоторых сосудах в бордюр «бегущая волна», образованный восходящими клотоидами, вписаны фигуры архимедовой спирали.

Отмечены примеры создания орнаментально-го бордюра повторением фигуры типа архимедовой спирали (рис. 6, 11). Спираль — символ

«инь-ян» — также могла служить основным мотивом в композиции (рис. 6, 4–7). В ряде случаев трудно выявить определенный порядок организации орнамента — в нем достаточно свободно сочетаются разные типы спирали и другие криволинейные элементы (рис. 6, 7).

Из поселения Вознесенское² происходят широко известные фрагменты сосудов, покрытых красной охристой краской и украшенных изображениями антропоморфных личин (*Okladnikov, 1981*. Fig. 18, 19). Именно в этих композициях отчетливо фиксируется мотив спирали, образованной сопряжением дуг полуокружностей, или символ «инь-ян» (рис. 6, 14, 15). В орнаменте на хорошо сохранившемся сосуде из этого памятника использован мотив нисходящей клотоиды, ветви которой преобразованы в спираль типа символа «инь-ян» (рис. 6, 13).

Заключение. Материалы, изложенные в статье, позволяют предложить следующие обобщения. Во-первых, к описанию и систематизации спирального орнамента на древних артефактах применимы математические принципы характеристики спирали как геометрической фигуры. Это способствует большей точности и корректности процедуры исследования источника.

Во-вторых, орнаментация керамики неолитических культур Восточной Азии и Дальнего Востока дает примеры вариантов спирального мотива, соответствующих всем известным сегодня математическим типам фигуры спирали.

В-третьих, спиральная орнаментация неолитической керамики каждого из трех рассмотренных регионов — Восточного Китая, Японского архипелага и Нижнего Амура — обнаруживает отчетливое своеобразие. В спиральном орнаменте на сосудах культур круга яншао доминирует мотив типа клотоиды. Спираль-клотоида всегда «сжатая», «энергичная» благодаря незначительному расстоянию между ветвями. В композициях фигуры спирали связаны между собой, образуя узор «бегущая волна». Орнаментация керамики культуры дземон показывает тенденцию к преобладанию спирали типа архимедовой или логарифмической. Подобная фигура характерна для орнаментики сосудов всех периодов, начиная с раннего. Спираль типа клотоиды представлена более скромно. Однако прослеживается постепенное развитие этого мотива в рамках

² В публикациях встречаются разные варианты названия данного памятника — Вознесенское (*Мильникова, 1999*. С. 17), Вознесенское (*Окладников, 1984*. С. 12), Вознесенка [*Voznesenovka*] (*Derevyanko, Medvedev, 2006*).

раннего—финального периодов культуры дземон. В отличие от клотоиды на керамике Китая, спираль на древних японских сосудах более плавная, «растянутая». Особенности криволинейной орнаментики на неолитической керамике Приамурья являются: комбинация разных типов спирали в одном мотиве и одной композиции, присутствие в декоре сосудов вознесенновской культуры спирали, образованной сопряжением дуг полуокружностей (символ «инь-ян»). В целом, отмеченная региональная специфика спирального мотива в орнаментации керамики может быть интерпретирована как отражение различных культурных стереотипов декоративно-эстетического творчества.

- БЭС, 1999. — Большой энциклопедический словарь. Биология. М., 1999.
- БЭС, 2000. — Большой энциклопедический словарь. Математика. М., 2000.
- Выгодский, 2005. — *Выгодский М.Я.* Справочник по высшей математике. М., 2005.
- Иванов, 1962. — *Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л., 1962.
- Искусство Китая: Расписная керамика типа маздяо. 2007. Электронная версия: /Библиотекарь.ру./<http://www.bibliotekar.ru/china1/3.htm>.
- Кашина, 1977. — *Кашина Т.И.* Керамика культуры яншао. Новосибирск, 1977.
- Кучера, 1977. — *Кучера С.* Китайская археология. М., 1977.
- Кызласов, Король, 1990. — *Кызласов Л.Р., Король Г.Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.
- Малявин, 2000. — *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М., 2000.
- Медведев, 2003. — *Медведев В.Е.* Академик А.П. Окладников и неолит Нижнего Амура: Развитие идей // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск, 2003.

- Мыльникова*, 1999. — *Мыльникова Л.Н.* Гончарство неолитических племен нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-Почта). Новосибирск, 1999.
- Окладников*, 1984. — *Окладников А.П.* Керамика древнего поселения Кондон (Приамурье). Новосибирск, 1984.
- Пидоу*, 1979. — *Пидоу Д.* Геометрия и искусство / Пер. с англ. М., 1979.
- Погребенные царства Китая / Пер. с англ. М., 1998.
- Прозорова, Старобогатов*, 1998. — *Прозорова Л.А., Старобогатов Я.И.* Подрод *Sibirovalvata* рода *Cincinnati* (*Pectinibranchia, Valvatidae*) в России и на сопредельных территориях // Бюллетень Дальневосточного малакологического общества. Владивосток, 1998. Вып. 7.
- Рыбаков*, 1994. — *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1994.
- Симонов*, 1995. — *Симонов М.Д.* Основные элементы удэгейского орнамента // Орнаментальное искусство народов Дальнего Востока: Сб. докл. Региональной науч.-практ. конф. Комсомольск-на-Амуре, 1995.
- Чжан Яцин*, 1984. — *Чжан Яцин.* Керамика неолитических культур Восточного Китая: Ceramics of neolithic cultures of East China / Предисл. В.Е. Ларичева. Новосибирск, 1984.
- Шapiro*, 1972. — *Шapiro М.* К проблемам семиотики визуального искусства. Семиотика и искусствоведам. М., 1972.
- Яблан*, 2006. — *Яблан С.* Симметрия, орнаменты и модулярность. М.; Ижевск, 2006.
- Aikens, Higuchi*, 1982. — *Aikens C. M., Higuchi T.* Prehistory of Japan. New York, 1982.
- Ancient Japan, 1992. — Ancient Japan / R. Pearson (ed.). Washington, 1992.
- Catalogue..., 1999. — Catalogue of Special Exhibition: Studying of Shellmound. Matsudo, 1999.
- Derevyanko, Medvedev*, 2006. — *Derevyanko A.P., Medvedev V.E.* Neolithic of the Nizhnee Priamurye (Lower Amur River Basin) // S.M. Nelson, A.P. Derevyanko, Y.V. Kuzmin, R.L. Bland (eds.) Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory. Oxford, 2006 (BAR: International Series. No. 1540).
- Kobayashi*, 2004. — *Kobayashi T.* Jomon Reflections. Oxford, 2004.
- Okladnikov*, 1981. — *Okladnikov A.* Ancient Art of the Amur Region. London, 1981.
- Primitive Arts..., 1964. — Primitive Arts of Japan / S. Yamanouchi (ed.). Tokyo, 1964. Vol. 1: Jomon Pottery.
- Shepard*, 1985. — *Shepard A.O.* Ceramics for the Archaeologist. Washington: D. C., 1985.
- Williams*, 2003. — *Williams C.A.S.* Chinese Symbolism and Art Motifs. Tuttle Publishing. Boston, 2003.

Spiral Motifs on the Neolithic Pottery of East Asia and the Far East of Russia

O. N. Danilova, I. S. Zhushchikhovskaya

Herein we consider the spiral design on the pottery of Neolithic cultures of East Asia (China and the Japan Islands) and the Far East of Russia (Lower Amur River) (Fig. 1). The chronological frame of this study spans from the 6th to the turn of the 2nd and 1st millennia BC. The new approach to description and systematization of spirals as an ornamental motif consists of characterizing them from the point of view of geometry and algebra. There are four basic types of spirals differing in the method of their construction: the Archimedean spirals, logarithmic spirals, the clothoid and a spiral formed by superposition of semicircles (Fig. 2).

The studies under discussion have shown that all of the enumerated spiral types are present in the decoration of pottery of Neolithic cultures of East Asia and of the Russian Far East. Moreover, there are regional variations in the distribution of the types of spirals and in their artistic and compositional

features. The predominant spiral type on the pottery of cultures of Eastern China (Yangshao, Majiayao, Dawenkou) is the clothoid constituting the «running wave» pattern (Fig. 3, 4). The pottery of the Jomon culture of Japan islands is characterized by the Archimedean and logarithmic spirals, occasionally there are clothoids, which however differ drastically in their artistic and compositional features from those on the pottery of Eastern China (Fig. 5, 6). The spiral decorations of the Neolithic cultures of the Lower Amur River (Malyshevskaya, Kondon, Voznesenovskaya) are peculiar for combining different types of spirals in a single motif and in a single composition, as well as for the presence of a figure formed by conjugation of semicircles (the «in-yang» symbol) (Fig. 7, 8). The variety mentioned above probably reflects regional cultural specifics of the artistic/aesthetic creative work of decorating ceramic ware.

ЛАТУНЬ ЕРГЕНИНСКОГО МОГИЛЬНИКА И ЕЕ ИСТОРИКО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ¹

Е. И. Гак, А. Н. Егорьков²

В хронологическом ряду использования в древности меди и медных сплавов латунь стоит на последнем месте, что, по единодушному мнению исследователей, связано с большей сложностью технологии ее получения по сравнению с бронзой, хотя самому появлению латуни способствовала распространенность и доступность цинковых руд. Сложность получения латуни связывают с тем, что температура кипения цинка ниже температуры плавления меди, в результате чего, даже при получении металла из медных руд с высоким содержанием цинка, последний теряется при выплавке и лишь в редких случаях сохраняется в меди в низких концентрациях (Moore, 1994. P. 254). Каждая последующая плавка латуни может приводить к утрате ею до 10% цинка (Craddock, 1978a. P. 12–13).

Начало регулярного производства латуни отмечено незадолго до наступления нашей эры в Анатолии (Ibid. P. 3), после чего она приобрела широкое использование в государствах Причерноморья и Средиземноморья, в частности как монетный металл (Craddock et al., 1980; Смекалова, Дюков, 2001). В дальнейшем в Европе латунь была столь же популярна, как и оловянная бронза, и обращение металлургов к получению того или другого сплава для производства утвари и ювелирных изделий в значительной степени

определялось доступностью сырья и степенью освоения металлургических технологий. В частности, среди медных сплавов ювелирных изделий раннеславянских кладов VII в. н. э. из Поднепровья латунь играет ведущую роль (Егорьков, Щеглова, 2001).

Несмотря на широкое внедрение латуни в практику лишь в позднее время, существует немало свидетельств ее использования в древности, в том числе и в период развитой бронзы. Обзор находок цинка и латуни в древности дает в ряде работ, выходящих с 70-х гг. прошлого века, английский исследователь П. Т. Крэдок (Craddock, 1978a; 1978b; 1985; Craddock et al., 2003). Совсем недавно вышла в свет посвященная этой же теме монография азербайджанской исследовательницы А. М. Гасановой (Гасанова, 2002). При более широком обзоре имеющихся древних артефактов цинка и латуни в поле зрения азербайджанской исследовательницы тем не менее не попали работы самого П. Т. Крэдока. Кроме того, из поля зрения обоих авторов выпала, например, работа А. Ц. Геворкяна, в которой приводятся анализы металла поздней бронзы с территории Грузии и Армении, где цинк в нескольких случаях определен в концентрации до нескольких процентов (Геворкян, 1980. С. 80, 118).

Рассматривая один и тот же материал, авторы приходят к разным выводам. Так, А. М. Гасанова не сомневается в использовании латуни во II тыс. до н. э., в то время как П. Т. Крэдок (Craddock, 1978a. P. 3) считает многие медно-цинковые артефакты недостоверными — поддельными, неверно датированными из-за нарушенной стратиграфии, неправильно проанализированными или происходящими из коллекций, куда могли попасть разными путями.

Вопросами происхождения и распространения древнейших латуней в последние годы предметно занимается американский исследователь К. П. Торнтон. В ряде работ (Thornton et al.,

¹ Основные положения работы доложены на проходившей в марте 2004 г. в Москве конференции «Древний Кавказ: ретроспекция культур», тезисы опубликованы (Гак, 2004; Егорьков и др., 2004). К сожалению, в опубликованных тезисах (Егорьков и др., 2004) издатели не сочли нужным включить в издание приложенную таблицу с результатами анализа металла, обратив тем самым доказательства существования древней калмыцкой латуни лишь в декларацию.

² Гак Е. И. — Россия, 109012, Москва, Красная пл., 1. Государственный Исторический музей. Отдел комплексных археологических исследований.

Егорьков А. Н. — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория археологической технологии.

© Е. И. Гак, А. Н. Егорьков, 2010

2002. P. 1451–1460; *Thornton et al.*, 2003. P. 3–8; *Thornton*, 2005. P. 45) он приводит собственные доводы в пользу искусственного характера ранних медно-цинковых сплавов Ближнего Востока, для которых отмечает две особенности: 1) очень высокую (до 19%) концентрацию цинка; 2) присутствие олова. Последняя особенность, по мнению К.П. Торнтон, позволяет предполагать взаимосвязь между ранними медно-цинковыми и медно-оловянными сплавами Ближнего Востока, а учитывая их одновременное появление и совместную встречаемость в периферийных районах, искать источник происхождения латуней в металлургически более развитых культурах Центральной Азии.

Обсуждение проблемы ранних латуней до недавнего времени касалось только южной зоны Евразии, откуда, как постулируется, распространились основные технологические новации в сфере металлургии и металлообработки. Применительно к безрудным степным районам Восточной Европы возможность использования в эпоху бронзы цинкосодержащих медных сплавов даже не рассматривалась. Убедительными здесь могут быть только хорошо документированные и проверенные серийные данные, полученные на паспортизированном и надежно атрибутированном археологическом материале.

Всем этим условиям отвечает металл Ергенинского курганного могильника, исследованного в 1981–1986 гг. на территории современной Калмыкии. Могильник приурочен к средней части Ергенинской возвышенности, характеризуемой сухостепными ландшафтами с развитой овражно-балочной сетью. В.П. Шиловым

раскопано 12 насыпей высотой от 0,5 до 5,45 м (*Шилов*, 1981; 1982; 1984; 1986). Основными почти во всех курганах являлись погребения восточноманычской катакомбной культуры (ВМКК). К этой же культуре принадлежит и подавляющее большинство других погребений могильника. Конструктивное и обрядовое сходство комплексов ВМКК, присутствие в них сопоставимых наборов погребального инвентаря создает впечатление родового кладбища, сооружение которого по данным радиоуглеродного анализа относится к XXV–XXII вв. до н.э. (*Александровский и др.*, 1997. С. 16, 18; *Shishlina et al.*, 2000).

По концентрации крупных и массовости редко встречающихся предметов из металла Ергенинский могильник не имеет аналогов в кругу памятников катакомбной общности. Металлические изделия (табл. 1) обнаружены здесь в 16 погребениях, что составляет более половины всех комплексов ВМКК могильника. Морфологические характеристики ергенинских вещей в целом соответствуют стереотипам манычского очага катакомбной металлообработки Предкавказья, причем многие из представленных типов отражают тенденции позднего этапа ее развития (ножи с рельефной расковкой лезвия, стержни-шилья с массивным упором, тесла кнышевского и костромского типов, овальные в плане височные кольца с желобчатыми концами).

Впервые с помощью спектрального анализа металл Ергенинского могильника был исследован в конце 1980-х гг. в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР. Из 53 образцов 23 показали содержание в меди высоких концентраций цинка

Таблица 1. Распределение металлических изделий ВМКК Ергенинского могильника по погребальным комплексам

Table 1. Distribution of metal objects in burial complexes of the East-Manych Catacomb Culture at the Ergeninsky cemetery

Предмет Кург./погр.	Нож	Стержень	Игла	Тесло	Долото	Крюк	Височ. кольцо	Бусы, пронизи	Скрепы, обоймы
2/1	2	1	–	–	–	–	–	–	–
3/4	1	2	–	–	–	–	–	–	–
3/5	1	1	–	–	–	–	–	–	много
5/2	–	–	–	–	–	–	–	>1	–
5/4	1	–	–	–	–	–	–	–	–
5/8	1	1	–	1	1	1	1	4 низки	–
6/2	2	1	–	1	1	1	1	>1	много
6/3	1	1	–	1	1	1	–	–	–
6/5	–	1	–	–	–	–	1	–	–
8/3	1	1	1	–	–	–	–	3	–
9/1	1	–	–	1	1	–	–	2	–
10/1	–	–	–	–	–	–	–	61	–
10/2	2	1	–	1	1	–	3	–	–
10/4	2	–	–	–	–	–	–	–	–
11/1	1	3	1	1	1	1	1	25	3
12/1	–	1	–	–	–	–	–	–	–

(от 1,1 до 16%). В 17 случаях цинк сочетался с мышьяком (1,2–3,5%). Концентрации прочих элементов незначительны. Примечательно, что высокое содержание цинка было определено исключительно в металле орудейного инвентаря погребений ВМКК.

Результаты оказались настолько поразительны, что вызвали у аналитиков сомнения в достоверности полученных данных и потому не были введены в научный оборот.³ Наиболее вероятной

Исторический музей. Образцы 11 металлических орудий (рис. 1) были повторно подвергнуты оптико-эмиссионной спектрографии в ИИМК РАН (А. Н. Егорьков). Ее результаты приведены в табл. 2. Медь во всех случаях основа сплава. Все анализы показали присутствие цинка, причем наибольшему его содержанию (обр. 5) соответствует наименьшее содержание мышьяка, и наоборот (обр. 6), что исследователями расценивается как осознанное введение легирующего элемента.

Таблица 2. Результаты оптикоэмиссионной спектрографии металла могильника Ергенин, %

Table 2. Results of optical emission spectrography of metals from the Ergeninsky cemetery, %

№ п/п	Год раск.	Место находки	№ по описи	Предмет	Шифр лаб.	Ag	As	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn	№ по рис. 1
1	1986	курган 11, погр. 1	2111/12	шило	690-22	–	0,1	–	–	0,04	0,03	–	0,01	–	–	5,6	6
2	1981	курган 5, погр. 8	2280/1	крюк	726-21	0,08	0,3	–	–	–	–	–	0,02	–	–	8,0	8
3	1986	курган 11, погр. 1	2280/16	нож	726-22	0,03	0,5	–	–	0,1	–	0,01	0,05	–	–	2,0	5
4	1981	курган 3, погр. 5	2280/14	нож	726-23	–	0,2	–	–	–	–	–	–	0,04	–	3,3	2
5	1981	курган 5, погр. 4	2280/7	нож	726-24	0,01	0,1	–	–	–	–	–	–	–	–	11	3
6	1981	курган 3, погр. 4	2280/12	нож	726-25	0,04	2,8	–	–	–	–	0,01	–	–	–	0,5	1
7	1981	курган 5, погр. 8	2280/5	нож	726-26	–	0,2	–	–	–	–	0,02	0,03	–	–	4,8	4
8	1984	курган 6, погр. 2	2280/15	зубильце	726-27	0,05	0,1	–	–	0,02	–	–	–	–	–	5,5	7
9	1981	курган 5, погр. 8	2280/10	тесло	726-28	0,01	0,1	–	–	–	–	–	0,02	–	–	1,3	9
10	1984	курган 6, погр. 3	2280/11	долото	726-30	0,02	0,3	–	–	0,08	–	–	–	–	–	1,3	11
11	1981	курган 5, погр. 8	2280/6	долото	726-32	0,1	0,1	–	–	–	–	–	0,04	0,05	–	0,7	10

причиной попадания цинка в состав металла тогда сочли проведенную еще до спектроаналитических исследований реставрационную чистку ергенинской коллекции цинкосодержащим раствором едкого натрия.

В 2000 г. часть коллекции Ергенинского могильника поступила на хранение в Государственный

Проверка определений цинка в металле пяти «случайных» предметов ергенинской серии методом рентгено-флюоресцентного анализа на геологическом факультете МГУ (Р. А. Митоян) подтвердила принадлежность исследованных образцов латуням (табл. 3). Несовпадения в значениях, полученных разными лабораториями, свя-

Таблица 3. Результаты рентгено-флюоресцентного анализа металла изделий ВМКК могильника Ергенинский

Table 3. Results of x-ray fluorescence analysis of the metal of objects of the East-Manych Catacomb Culture from the Ergeninsky cemetery

№ лабор. анализа	Предмет кург./ погр.	Элемент	Изотоп	Линия	Площадь	С, %
1207	нож 3/5	Cu	Am	Ka	78461	91,74
		Zn	Am	Ka	6636	4,98
		As	Am	Ka	1115	3,15
		Sb	Am	Ka	1914	0,14
1208	тесло 5/8	Cu	Am	Ka	84596	92,68
		Zn	Am	Ka	10423	7,32
1209	нож 11/1	Cu	Am	Ka	80103	95,52
		Zn	Am	Ka	5856	4,48
1210	крюк 5/8	Cu	Am	Ka	20040	89,55
		Zn	Am	Ka	3647	10,45
1211	шило 11/1	Cu	Am	Ka	20040	89,55
		Zn	Am	Ka	3647	10,45

³ Выражаем признательность Е. Н. Черных и Л. Б. Орловской, предоставившим возможность ознакомиться с результатами этих исследований.

заны с зональным распределением концентраций цинка в толще металла. Об этом свидетельствует и микроструктура металла короткого четырехгранного стержня-шильца с массивным упором (рис. 1, б). В центральной части орудия, на фоне

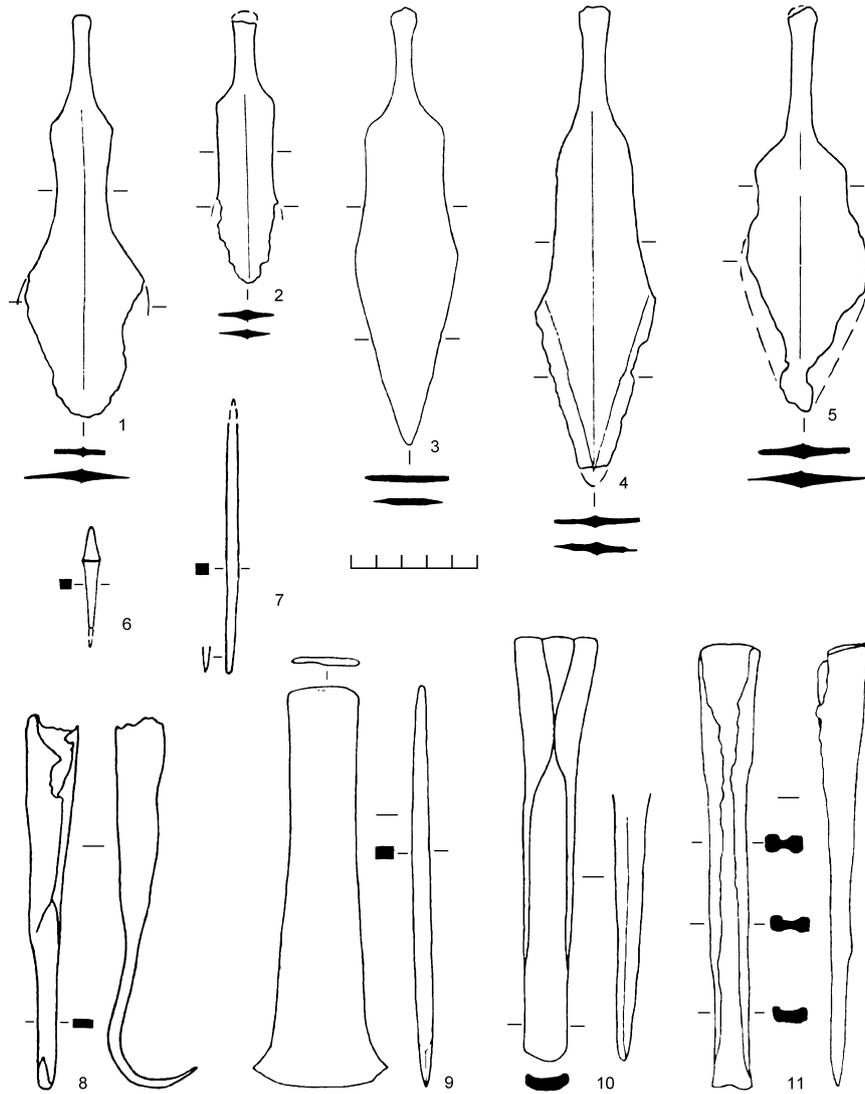

Рис. 1. Металлические изделия Ергенинского могильника, исследованные методом эмиссионно-спектрального анализа в ИИМК РАН:

1–5 — ножи; 6 — стержень-шило; 7 — зубильце; 8 — крюк; 9 — тесло; 10, 11 — долота

Fig. 1. Metal objects from the Ergeninsky cemetery analyzed by means of optical emission spectrography at the laboratory of ИИМК RAS:

1–5 — knives; 6 — rod-awl; 7 — small chisel; 8 — hook; 9 — adze; 10, 11 — gouges

полиэдрических кристаллов и коррозионных язв, замечена область обесцинкования и участки ярко-желтого цвета, явно обогащенные цинком (рис. 2).

Металлографическое изучение позволило также полностью исключить вероятность влияния реставрационной чистки на химический состав ергенинского металла. У всех исследованных предметов (ножи 5/4, 11/1, стержни-шилья 3/4, 11/1–3, тесло 5/8) оно выявило ненарушенную гомогенную структуру.

Таким образом, использование латуни в производстве орудий ВМКК Ергенинского могильника можно считать вполне доказанным. Кроме того, есть основания предполагать определенную

распространенность цинкосодержащего металла в культурах средней бронзы степной зоны Предкавказья и юга Волго-Донского междуречья. На это указывают факты выявления медных сплавов с высоким содержанием цинка (1–5%), часто в паре с мышьяком (до 7%), в материалах ряда местных катакомбных памятников (рис. 3).⁴ Далее к северу и западу такие примеры нам неизвестны. На Северном Кавказе они единичны. Южнее, в Закавказье, цинкосодержащие сплавы, напротив, весьма многочисленны и воспринимаются исследователями как обычное явление (*Chernykh*, 1992. Р. 171). Высокий цинк (до 14%)

⁴ Определения Е. Н. Черных (ИА РАН) и А. Н. Егорькова (ИИМК РАН) разных лет.

здесь определен уже в десятках изделий. Характерным для их металла является присутствие (наряду с мышьяком) лигатур олова, сурьмы и/или свинца. Эта особенность резко отличает закавказский цинкосодержащий металл от степного, сближая его с ранними латунями Ирана и Ближнего Востока (*Thornton et al.*, 2003. Р. 4). Подобные различия могут быть обусловлены спецификой использованного рудного сырья, разными технологиями получения медно-цинковых сплавов или их вторичной переработки. Более обстоятельные заключения на основе имеющихся данных делать пока преждевременно.

Александровский и др., 1997. — Александровский А.Л., Чичагова О.А., Пустовойтов К.Е., Шишина Н.И. Методика и методология радиоуглеродных исследований археологических объектов степных регионов России // *Степь и Кавказ: Культурные традиции*. М., 1997.

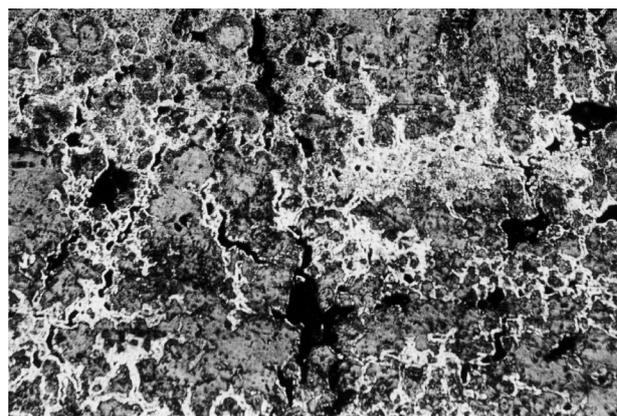

Рис. 2. Микроструктура стержня-шильца из кургана 11 погребения 1 могильника Ергенинский. Светлые пятна в центре — участки металла, обогащенные цинком. Ув. ×500
Fig. 2. Microstructure of an 'awl' from grave 1 in kurgan 11 at the Ergeninsky cemetery. Light spots in the centre are the areas rich in zinc. Magnification ×500

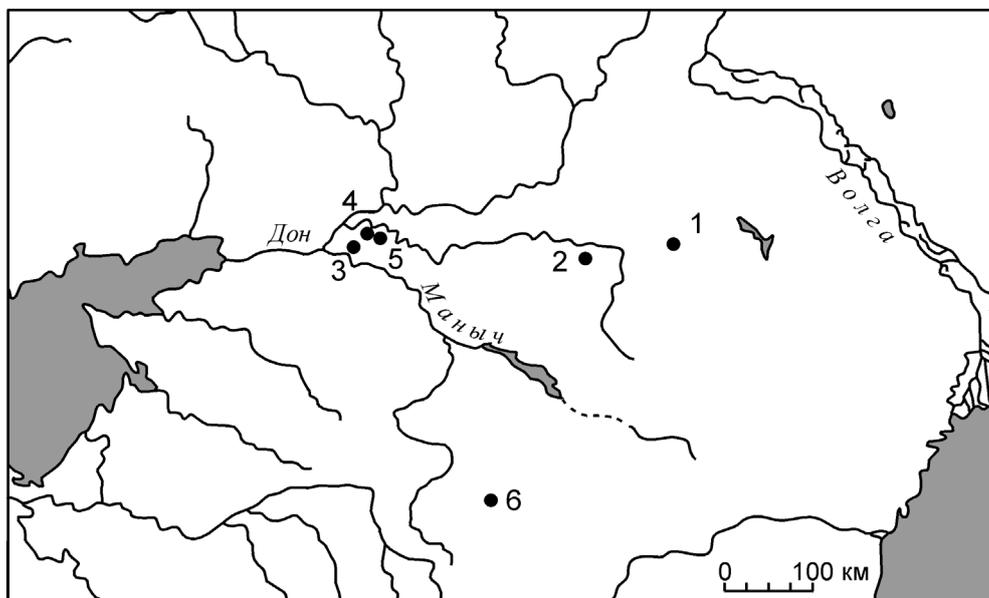

Рис. 3. Карта находок изделий из цинкосодержащих медных сплавов в катакомбных погребениях юга Восточной Европы. Могильники: 1 — Ергенинский; 2 — Спорный; 3 — Шахаевский; 4 — Сагванский; 5 — Балабинский; 6 — Калиновка

Fig. 3. Map of finds of zinc-containing copper alloys in catacomb burials throughout the south of Eastern Europe. Burial grounds: 1 — Ergeninsky; 2 — Sporny; 3 — Shakhayevsky; 4 — Sagvansky; 5 — Balabinsky; 6 — Kalinovka

Гак, 2004. — Гак Е.И. О древнейших латунях Евразии // *Древний Кавказ: Ретроспекция культур*. М., 2004.
 Гасанова, 2002. — Гасанова А.М. История познания и использования цинка и латуни. Баку, 2002.
 Геворкян, 1980. — Геворкян А.Ц. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван, 1980.
 Егорьков и др., 2004. — Егорьков А.Н., Гак Е.И., Шишина Н.И. Могильник Ергени в Калмыкии: Латуни в бронзовом веке // *Древний Кавказ: Ретроспекция культур*. М., 2004.
 Егорьков, Щеглова, 2001. — Егорьков А.Н., Щеглова О.А. Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // *Древние ремесленники Приуралья*. Ижевск, 2001.
 Сmealова, Дюков, 2001. — Сmealова Т.Н., Дюков Ю.Л. Монетные сплавы государств Причерноморья. СПб., 2001.

Шилов, 1981. — Шилов В.П. Отчет о работе Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1981 г. // *Архив ИА РАН*. Р. 1. № 10968.
 Шилов, 1982. — Шилов В.П. Отчет о работе Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1982 г. // *Архив ИА РАН*. Р. 1. № 9516.
 Шилов, 1984. — Шилов В.П. Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1984 г. // *Архив ИА РАН*. Р. 1. № 11785.
 Шилов, 1986. — Шилов В.П. Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР в Приозерском районе Калмыцкой АССР в 1985–1986 гг. // *Архив ИА РАН*. Р. 1. № 11793.
 Chernykh, 1992. — Chernykh E.N. *Ancient Metallurgy in the USSR: The Early Metal Age*. Cambridge, 1992.

- Craddock*, 1978a. — *Craddock P.T.* The composition of the Copper Alloys used by the Greek, Etruscan and Roman Civilizations: 3. Origins and Early Use of Brass // *JAS*. Oxford, 1978. Vol. 5. No. 1.
- Craddock*, 1978b. — *Craddock P.T.* Europe's earliest brasses // *MASCA Journal*. Philadelphia, 1978. Vol. 1. No. 1.
- Craddock*, 1985. — *Craddock P.T.* Medieval copper alloy production and West African bronze analyses. Part 1 // *Archaeometry*. Oxford, 1985. Vol. 27. No. 1.
- Craddock et al.*, 1980. — *Craddock P.T., Burnett A.M., Preston K.* Hellenistic Copper-Base Coinage and the Origins of Brass // *Scientific Studies in Numismatics* / W.A. Oddy (ed.). Occasional Paper No. 18. British Museum, 1980.
- Craddock et al.*, 2003. — *Craddock P.T., Cowell M.R., Stead I.M.* Europe's earliest brasses? // *HMS News*. Oxford, 2003. No. 54.
- Moorey*, 1994. — *Moorey P.R.S.* Ancient Mesopotamian materials and industries. Oxford, 1994.
- Shishlina et al.*, 2000. — *Shishlina N.I., Alexandrovsky A.L., Chichagova O.A., van der Plicht J.* Radiocarbon chronology of the Kalmykia Catacomb culture of the west Eurasian steppe // *Antiquity*. 2000. Vol. 74. No. 286.
- Thornton*, 2005. — *Thornton C.P.* Of Brass and Bronze in the Greater Near East // *Metallurgy — a touchstone for cross-cultural interaction: International conference on metals through history (British Museum, 28–30 April 2005)*. London, 2005. Abstracts: 45.
- Thornton et al.*, 2002. — *Thornton C.P., Lamberg-Karlovsky C.C., Liezers M., Young S.M.M.* On Pins and Needles: Tracing the Evolution of Copper-Base Alloying at Tepe Yahya, Iran, via ICP-MS Analysis of Common-Place Items // *JAS*. Oxford, 2002. Vol. 29. No. 12.
- Thornton et al.*, 2003. — *Thornton C.P., Ehlers C.B.* Early brass in the ancient Near East // *IAMS*. London, 2003. No. 23.

Ergeninsky Cemetery in Kalmykia: Additional Evidence of the Use of Brass in Antiquity

E. I. Gak, A. N. Yegor'kov

The evidence of the early use of zinc and brass is increasing rapidly over the world. Yet recently there existed some doubts concerning the authenticity of the brass specimens from museum collections since these were often acquired from various dealers rather than came directly from excavations. Information on the provenance of these examples was lacking while the reliability of their analysis was arguable. At present it is still uncertain whether the ancient production of brass was actually deliberate and controlled. For these reasons serious attention should be paid to the samples which come from archaeological excavations properly documented.

We have identified copper-zinc alloy by analysis of the metal of eleven tools from the Bronze Age Ergeninsky kurgan cemetery. The items analyzed are now kept among the collections of the State Historical Museum in Moscow. All the examples originate from excavations and each is provided with an inventory number and

archaeological description. The cemetery is situated in the northern region of the Republic of Kalmykia (see map). Most of the barrows belong to the East-Manych Catacomb Culture. The burials, similar in their construction and the sets of grave goods, evidently composed an ancestral burial ground. The radiocarbon date of the graves is 25–22 century BC. All of the metal articles are typical to the steppe production: knives, awls, adze, chisel, hook. The results of optical emission spectroscopy are presented in table 2; in each case copper is the main component of the alloys.

All the eleven alloys analyzed showed a zinc content ranging from 0.5 to 11%. In each sample the highest content of zinc corresponded with the lowest amount of arsenic (no. 5 in the table) or *vice versa* (no. 6). This fact suggests a deliberate introduction of the alloying metal. However, for a few specimens certain doubts that we are dealing here with the controlled alloying remain.

БРОНЗОВЫЙ «ТЕРАФИМ» С ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ СИНДИКИ

А. М. Новичихин¹

Цель настоящего сообщения — введение в научный оборот интересного памятника древней кавказской металлопластики, в настоящее время, судя по всему, уже утраченного для науки.

В 1997 г. автор имел возможность познакомиться с бронзовой фигуркой, находившейся в то время в одной из частных коллекций в г. Анапа. Дальнейшая судьба скульптуры и ее сегодняшнее местопребывание неизвестны. По словам владельца, фигурка была найдена в 1997 г. в окрестностях хутора Большой Разнокол, поблизости от известных Семибратних курганов.

Фигурка представляет собой изображение обнаженной женщины, руки которой упирались в бедра. Высота фигурки с подставкой — 3,6 см (рис. 1). Изображение достаточно реалистичное. На голове надета коническая шапочка, закрывающая уши и затылок и оставляющая открытым лицо. Под вырезом шапочки на лбу прослеживается прерывистый валик. Если это не литейный дефект, то данная деталь может рассматриваться как изображение диадемы. Лицо округлое с широкими выступающими скулами, острым подбородком, крупным носом, дуговидными бровями. Глаза намечены, но детально не проработаны. Локти отставлены в стороны, ладони покоятся на массивных широких бедрах. Грудь обозначена, но помещена слишком высоко, с нарушением анатомических пропорций. Это, пожалуй, единственное, что диссонирует с общей гармоничностью фигурки. Иные признаки пола не подчеркнуты. Ноги с обозначенными ступнями опираются на подставку, представляющую собой три усеченных конуса, помещенных один на другой. В основании подставки сохранился фрагмент обломанного бронзового стержня (диаметр 2 мм). Фигурка несет явные следы отливки

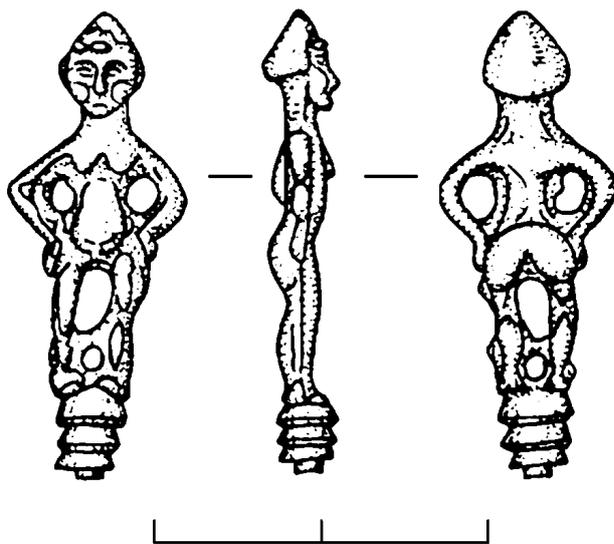

Рис. 1. Бронзовая женская фигурка (навершие булавки) из окрестностей хут. Большой Разнокол

Fig. 1. Bronze female figurine (pin head) from the outskirts of the khutor of Bolshoy Raznokol

в двустворчатой литейной форме, швы которой прослеживаются почти по всему туловищу. После отливки изделие подвергалось определенной доработке: срезались литники, моделировалось лицо, шлифовались голова и шея. Между голеньями литник металла остался невыбранным, в нем просверлено круглое отверстие диаметром 1 мм.

Наличие обломка иглы в основании подставки и небольшие размеры фигурки убеждают в том, что перед нами скульптурное навершие бронзовой булавки. Об этом же свидетельствует и отверстие между голеньями: отверстие в навершии или петелька в верхней части иглы — деталь, хорошо известная у булавок из памятников начала I тыс. до н.э. Западного Закубанья, например у булавок типа «Сукко» (Новичихин, 2006. Рис. 91, 5; 92–95).

Фигурка относится к числу памятников кавказско-ближневосточно-средиземноморской антропоморфной бронзовой пластики II–первой половины I тыс. до н.э., впервые выделенной и изученной в 1986 г. В.И. Марковиным

¹ Россия, 353456, Анапа, ул. Чехова, 69. Анапский филиал Сочинского государственного университета туризма и курортного дела.

(Марковин, 1986. С. 74–124). В одной из последующих работ исследователь сопоставил бронзовые фигурки с известными по библейским (прежде всего, конечно же, ветхозаветным) текстам языческими идолами — терафимами, предложив применять этот термин для обозначения аналогичных находок с территории Кавказа (Марковин, 1999. С. 206–218). Помимо собственно бронзовых статуэток В.И. Марковин включил в число терафимов и антропоморфные навершия некоторых булавок из кавказских находок, что представляется вполне обоснованным, учитывая сакральную семантику этих предметов одежды в древности (Кияшко, 1992. С. 4–57). По данным В.И. Марковина, большинство кавказских и ближневосточных скульптур относится к концу II–началу I тыс. до н.э., хотя отдельные памятники могут быть гораздо более ранними или же более поздними (Марковин, 1999. С. 207).

По классификации В.И. Марковина 1986 г., анапская фигурка относится к четвертой серии — «фертообразные фигуры» (Марковин, 1986. С. 90, рис. 17, 4). По классификации, предложенной им в 1999 г., она относится ко второй группе — «фигуры фертообразных очертаний» (Марковин, 1999. С. 206). У многих кавказских статуэток, как мужских, так и женских, имеется конический головной убор, однако схематизм большинства изображений не позволяет сопоставить его с кроном шапочки фигурки из Разнокола.

Среди памятников Северного Кавказа известно лишь несколько булавок со скульптурными навершиями, изображающими людей. Это, прежде всего, булавка с фигурками трех обнаженных женщин («трех граций») из Сержень-Юртовского могильника кобанской культуры (Козенкова, 1982. С. 58, табл. XXXV, 7; Марковин, 1986. С. 80, 90, рис. 11, 7). Известна также булавка из Кобанского могильника, навершие которой представляет собой фигурку всадника (Марковин, 1986. С. 92, рис. 14, 19). В качестве близкой аналогии следует указать бронзовую булавку из комплекса древних предметов, обнаруженных в с. Чадакобол в горном Дагестане. Она завершается реалистически выполненной миниатюрной скульптурой сидящего обнаженного мужчины. У основания иглы под навершием — отверстие (Доманский, Пиотровский, 1984. С. 36, рис. 3). Высота фигурки на навершии дагестанской булавки — 3,7 см, что практически совпадает с высотой скульптуры из Разнокола. Это позволяет предполагать возможность существования на Кавказе в древности некоего метрического модуля.

Чадакоболская находка по материалам содержащего ее комплекса датируется второй четвертью I тыс. до н.э. (Там же. С. 37). Булавка из Сержень-Юрта отнесена автором раскопок к началу I тыс. до н.э. (Козенкова, 1982. С. 58).

К тому же времени следует отнести и публикуемую фигурку. Дополнительным аргументом в пользу датировки анапского «терафима» начальными столетиями I тыс. до н.э. могут послужить обстоятельства находки. Фигурка, как уже указывалось, была поднята в окрестностях хутора Разнокол неподалеку от Семибратних курганов. Этот некрополь синдской знати функционировал в V–IV вв. до н.э. (Коровина, 1957. С. 186, 187; Власова, 2001. С. 130, 131), но, судя по отдельным находкам из курганных насыпей и с прилегающей к ним территории, был возведен на месте ранее существовавшего, возможно тоже курганного, могильника (Коровина, 1957. С. 185, 186). Среди находок представлены предметы эпохи скифской архаики VII–VI вв. до н.э.: двулопастные наконечники стрел, трехпестельчатый псалий, зеркало сибирского типа (Там же. Рис. 6, 2, 4; Новичихин, 1998. С. 19–22). Однако имеются и более древние находки, датирующиеся VIII–VII вв. до н.э.: в насыпи 1 Семибратнего кургана найдена бронзовая булавка типа Сукко (Коровина, 1957. Рис. 6, 1), а на территории грунтового некрополя Семибратнего городища В.А. Горончаровским поднята деталь колесничной упряжи предскифского времени (Новичихин, 2006. С. 62, рис. 90). Именно к этой группе материалов из разрушенных при сооружении Семибратних курганов древних погребений может быть отнесена публикуемая фигурка.

Находка из Разнокола — уже второй памятник бронзовой антропоморфной пластики, обнаруженный в районе Анапы, на территории древней Синдики. Первая находка представляла собой бронзовую головку с шейей-втулкой, поднятую на распаханном зольном холме близ ст. Гостагаевской. Изделие атрибутировано как скульптурное металлическое навершие деревянного посоха или жезла (Новичихин, 2005. С. 104–106). Следует указать, что для гостагаевской находки возможна и другая интерпретация — металлическая голова деревянного идола. О существовании в древности на Кавказе подобных «комбинированных» изваяний свидетельствуют бронзовые головы-личицы из Моллаисаклы в Азербайджане и из с. Нар в Северной Осетии (Семенов, 1951. С. 140–143; Марковин, 1986. С. 100).

Нельзя не отметить, что, хотя и гостагаевская и разнокольская скульптуры относятся к одному кругу художественных древностей Кавказа, изготовлены они в разной технике: головка из Гостагаевской выполнена с использованием восковой модели, а фигурка из Разнокола отлита в двусторонней форме.

Тем не менее новая находка «терафима» на территории древней Синдики позволяет уверенно включать этот район Северо-Западного Кавказа в ареал распространения кавказско-ближневосточной металлической культовой пластики.

Власова, 2001. — Власова Е. В. Семибратние курганы // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. 2.

Доманский, Пиотровский, 1984. — Доманский Я., Пиотровский Ю. Археологический комплекс бронзовых вещей из Дагестана // СГЭ. Л., 1984. Вып. 49.

Кияшко, 1992. — Кияшко В. Я. К вопросу о молоточковидных булавах // Донские древности. Азов, 1992. Вып. 1.

Козенкова, 1982. — Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант). М., 1982 (САИ. Вып. В 2–05).

Коровина, 1957. — Коровина А. К. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2.

Марковин, 1986. — Марковин В. И. Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.

Марковин, 1999. — Марковин В. И. Бронзовые «терафимы» Кавказа и их почитание // Евразийские древности: 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.

Новичихин, 1998. — Новичихин А. М. Раннескифское бронзовое зеркало из Западного Закубанья // Древности Кубани. Краснодар, 1998. Вып. 11.

Новичихин, 2005. — Новичихин А. М. Бронзовое антропоморфное навершие из окрестностей станицы Гостагаевской // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья: памяти В. С. Ольховского. М., 2005.

Новичихин, 2006. — Новичихин А. М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников). Анапа, 2006.

Семенов, 1951. — Семенов Л. П. Памятник древнего культа Кавказа: бронзовая голова из окрестностей селения Нар // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Под ред. Е. И. Крупнова. М.; Л., 1951 (МИА. № 23).

Bronze «Teraphim» from Ancient Sindica

A. M. Novichikhin

In 1997, a bronze figurine was found by chance near the famous Seven Brothers barrows. In antiquity the figurine served as the head of a pin. It was cast in a two-piece mould and belongs to the

circle of Caucasus/Near East/Mediterranean cult anthropomorphic plastic of the 2nd–first half of the 1st millennium BC. This is already a second similar find from the district of ancient Sindica.

СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ ПАНТИКАПЕЯ С НАДЧЕКАНКОЙ

А. Е. Терещенко¹

Монеты, о которых пойдет речь, принадлежат хорошо известному пантикапейскому типу: л. с. — голова бородатого сатира вправо, о. с. — голова льва с разинутой пастью вправо, внизу надпись ПАНТИ (Шелов, 1956. Табл. III, 36; Анохин, 1986.

Табл. 2, 93) (рис. 1, 1). Серебро, номинал определяется как триобол. В основной коллекции Государственного Эрмитажа хранятся семь подобных экземпляров, на аверсах двух из них (ГЭ 26572 и ГЭ 26573) имеется надчеканка (рис. 1, 2, 3).² Она

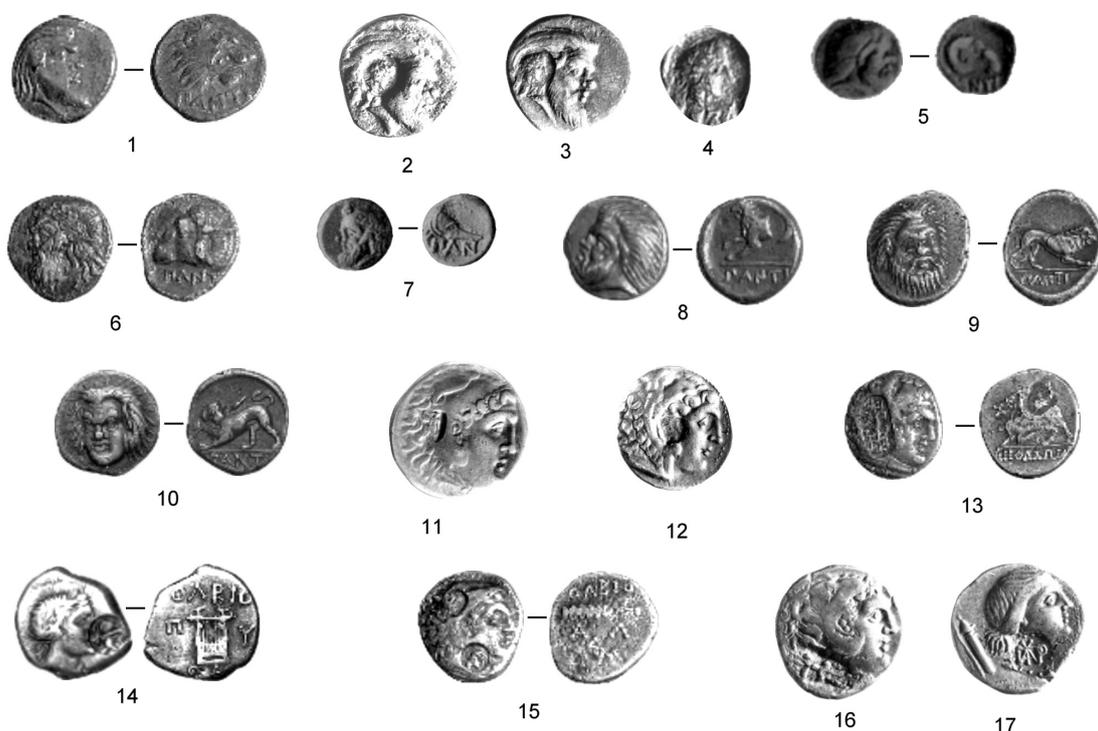

Рис. 1. 1 — Пантикапей. Серебро, IV в. до н.э., ГЭ; 2 — Пантикапей. Медь, IV в. до н.э., ГЭ; 3 — Пантикапей. Серебро, IV в. до н.э., ГЭ; 4 — Пантикапей. Серебро, IV в. до н.э., ГЭ; 5 — Пантикапей. Серебро, IV в. до н.э., ГЭ; 6 — надчеканка с № 5 (увеличена); 7 — Пантикапей. Медь, IV в. до н.э., ГЭ; 15 — Пантикапей. Серебро. IV до н.э., ГЭ; 16 — Пантикапей. Серебро. IV до н.э., ГЭ; 17 — Пантикапей. Серебро. IV до н.э., ГЭ
Монеты с надчеканкой: 8 — Ольвия. Серебро, II в. до н.э., Одесский виртуальный музей нумизматики (ОВНМ); 9 — Ольвия. Серебро, II в. до н.э., ОВНМ; 10 — Херсонес. Серебро, III в. до н.э., ОВНМ; 11 — Херсонес. Серебро, III в. до н.э., ГЭ; 12 — Херсонес. Серебро, ГЭ; 13 — Памфилия. Серебро, II в. до н.э., ГЭ; 14 — Финикия. Серебро, конец IV в. до н.э., ГЭ

Fig. 1. 1 — Pantikapaum. Silver, 4th century BC, State Hermitage (SH); 2 — Pantikapaum. Copper, 4th century BC, SH; 3 — Pantikapaum. Silver, 4th century BC, SH; 4 — Pantikapaum. Silver, 4th century BC, SH; 5 — Pantikapaum. Silver, 4th century BC, SH; 6 — Countermark on no. 5 (magnification); 7 — Pantikapaum. Copper, 4th century BC, SH; 15 — Pantikapaum. Silver, 4th century BC, SH; 16 — Pantikapaum. Silver, 4th century BC, SH; 17 — Pantikapaum. Silver, 4th century BC, SH
Coins with countermarks: 8 — Olbia. Silver, 2nd century BC, Odessa Virtual Museum of Numismatics (OVNM); 9 — Olbia. Silver, 2nd century BC, OVNM; 10 — Chersonesos. Silver, 3rd century BC, OVNM; 11 — Chersonesos. Silver, 3rd century BC, SH; 12 — Chersonesos. Silver, SH; 13 — Pamphylia. Silver, 2nd century BC, SH; 14 — Phoenicia. Silver, late 4th century BC, SH

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Инженерная ул., 4. Государственный Русский музей. Отдел Экспозиционно-выставочной работы.

© А. Е. Терещенко, 2010

² Приношу благодарность старшему научному сотруднику, заведующему антично-восточным сектором Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа Ю.Л. Дюкову за предоставленный материал.

представляет собой вдавленный кружок диаметром 3 мм, в центре — голова безбородого мужчины (юноши?) в лавровом венке вправо. Кудрявые волосы довольно коротко подстрижены (рис. 1, 4).

Необходимо отметить, что регистрация этих монет (к сожалению, происхождение их неизвестно) была проведена не позже начала 30-х гг. прошлого века Евгением Мартыновичем Придином, который сразу зачислил их в основной фонд нумизматической коллекции Государственного Эрмитажа.

Перед тем как подробнее рассмотреть сам факт контрмаркирования, обратимся сначала к составу серии, в которую входят эти монеты, а также к относительной и абсолютной хронологии этого и соседствующих ему выпусков.

А. Н. Зограф и Д. Б. Шелов датировали исследуемые монеты 400–375 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 172; *Шелов*, 1956. С. 217). Надо сказать, что оба автора объединили их в одну серию с монетами типа: л. с. — голова бородатого сатира влево, о. с. — лев, идущий влево, внизу под чертой надпись ΠΑΝΤΙ (*Шелов*, 1956. С. 214, табл. III, 35). Сюда же, по их мнению, входят два медных номинала. Более крупный: л. с. — голова бородатого сатира вправо, о. с. — голова коня вправо, внизу надпись ΠΑΝΤΙ. На меди младшего достоинства (рис. 1, 5) при сходном аверсе на реверсе помещено изображение головы барана вправо, внизу надпись ΠΑΝΤΙ (Там же. С. 214, табл. III, 38, 39; *Анохин*, 1986. С. 139, табл. 2, 87, 88).

В. А. Анохин отнес выпуск интересующих нас экземпляров на период 379–369 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 140). Уважаемый исследователь полагает, что они входят в серию, в которой присутствуют несколько типов монет из разных металлов.

Золото. Статер: л. с. — голова бородатого сатира влево, о. с. — грифон с копьем в пасти влево, внизу колос. Π-Α-Ν. Гекта: л. с. — голова безбородого сатира влево, о. с. — протома крылатого льва влево, внизу колос. Π-Α-Ν.

Серебро. Помимо указанных выше триоболов, по мнению В. А. Анохина, в эту серию следует включить диоболы: л. с. — голова безбородого сатира вправо, о. с. — голова льва с разинутой пастью вправо, внизу надпись ΠΑΝΤΙ. Оболы (?): л. с. — то же, о. с. — протома грифона вправо, Π-Α-Ν.

Медь представлена всего одним экземпляром из частной коллекции: л. с. — голова безбородого сатира вправо, о. с. — лук, тетивой вверх, над ней надпись ΠΑΝ (Там же. С. 140, табл. 2, 91–96).

Однако насколько можно судить, распределение вышеуказанных монет по сериям выглядит несколько иначе. Самый первый выпуск, относящийся к IV в. до н. э. и в котором в качестве аверсного сюжета появляется изображение головы сатира, состоит всего из двух номиналов. Серебряные диоболы: л. с. — голова бородатого сатира в венке влево, о. с. — голова барана влево, внизу надпись ΠΑΝΤΙ. Медные лепты или халки: л. с. — то же, о. с. — голова осетра вправо, под ним надпись ΠΑΝ (рис. 1, 6, 7). Время чеканки этого выпуска, по В. А. Анохину, 393–389 гг. до н. э. (Там же. С. 139, табл. II, 80–81). Согласно датировке А. Н. Зографа и Д. Б. Шелова (но только для серебра), — это 340–330 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 245; *Шелов*, 1956. С. 215). Основанием последней послужил плющевой венки на голове сатира. Эта деталь, по мнению уважаемых исследователей, могла появиться лишь после выпуска золотых статеров с подобным изображением (*Зограф*, 1951. С. 176; *Шелов*, 1956. С. 104).

Тем не менее, как совершенно справедливо отметил В. А. Анохин, «такой формалистический аргумент нельзя признать убедительным» (*Анохин*, 1986. С. 32). Во-первых, на оборотной стороне серебряных монет этого выпуска отчетливо виден *circulum incusum* (вдавленный круг), сменивший, в ходе развития монетного дела, *quadratum incusum* (вдавленный квадрат). Впервые подобный технологический прием был применен при изготовлении монет пантикапейской серии, датируемой концом V в. до н. э. Тип: л. с. — голова льва в фас; о. с. — голова барана влево, снизу осетр, сверху надпись ΠΑΝΤΙ (*Шелов*, 1956. С. 212, табл. I.12; *Анохин*, 1986. С. 139, табл. 2, 68).

Во-вторых, необходимо учесть, что в серии с головой бородатого сатира в венке на лицевой стороне центральной частью реверсной композиции является изображение головы барана влево. Что характерно, этот рисунок представляет собой почти полное повторение реверса монет упомянутого выше типа. Более того, монеты рассматриваемой нами серии являются последним выпуском, в котором присутствуют серебряные номиналы с изображением головы барана. В следующей серии образ этого животного переносится на медные номиналы, а потом и вовсе исчезает из пантикапейской чеканки как самостоятельный монетный тип.

В то же время если можно согласиться с набором монет, выделенных В. А. Анохиным в эту серию, то предложенная им датировка совершенно

неприемлема. Так, по периодизации В. А. Анохина, ее чеканка целиком приходится на последние годы жизни Сатира I, то есть на 393–389 гг. до н. э. Однако указанный выпуск, содержащий непривычные для населения Боспора номиналы из меди, вероятно, был в определенном смысле «экспериментальным». Вместе с тем, как представляется, Сатиру I в разгар боевых действий под Феодосией, скорее всего, было не до сомнительных опытов в сфере финансов. Например, А. А. Завойкин чрезвычайно решительно заявляет, что данная акция, то есть введение в оборот медной монеты, «едва ли была мыслима при жизни этого тирана» (Завойкин, 2004. С. 98), другое дело его сын — Левкон I.

С другой стороны, как считает Ф. В. Шелов-Коведяев, состояние Боспорского государства к моменту воцарения Левкона I (389/8–349/8) было довольно удручающим. Сказались затяжная война с Феодосией, борьба с меотами в Синдике, опасность заговоров и т. д. (Шелов-Коведяев, 1985. С. 118–119). Тем не менее вряд ли следует столь уж драматизировать внутреннее положение Боспора. Во всяком случае, никаких археологических подтверждений упадка в первой четверти IV в. до н. э. на его территории не фиксируется. Единственное, о чем можно определенно говорить, это то, что активная внешнеполитическая деятельность Сатира I и Левкона I требовала больших денежных затрат. Вместе с тем прежняя монетная политика, вероятно, уже не могла удовлетворять требования текущего момента, поэтому Левкон был вынужден предпринять наиболее действенные меры в отношении финансов. В свою очередь, это позволяет, с большой долей уверенности, отнести выпуск серебряных и медных монет (с аверсным изображением головы сатира в лавровом венке влево) на начало его правления.

Судя по минимальному набору номиналов и достаточно скромному количеству известных экземпляров этой серии (например, диоболов, согласно В. А. Анохину, известно только 10 штук), вполне вероятно то, что данный выпуск был довольно кратковременным. Таким образом, наиболее корректной датировкой для него представляется период от 389/8 г. до н. э. до первой половины 80-х гг. IV в. до н. э.

Следующую серию составляют уже упоминавшиеся в начале статьи серебряные триоболы: «голова бородатого сатира вправо — голова льва с разинутой пастью вправо, внизу надпись ПАНТИ» и диоболы «голова безбородого сатира

вправо — голова льва с разинутой пастью вправо, внизу надпись ПАНТИ». А также медные номиналы — дихалк (дилептон?): л. с. — голова бородатого сатира вправо; о. с. — голова коня вправо, внизу надпись ПАНТИ. Халк (лепта?): л. с. — то же; о. с. — голова барана вправо, внизу надпись ПАНТИ (Шелов, 1956. Табл. III, 36, 38–39; Анохин, 1986. Табл. 2, 87–88, 93–94; рис. 1, 1–5).

Главное, что позволяет считать этот выпуск продолжением предыдущей эмиссии, заключается в следующем: 1) На реверсе монет исследуемой серии по-прежнему присутствует вдавленный круг. Впоследствии эта технологическая особенность проявляется в гораздо меньшей степени, постепенно сходя на нет (Шелов, 1956. С. 50).

2) Способ размещения монетной легенды на серебряных номиналах. В нашей серии, как и в предыдущей (с головой барана влево), надпись ПАНТИ располагается прямо под изображением. В дальнейшем на многих серебряных номиналах следующих серий пантикапейской чеканки надпись, если она находится в нижней части монетного поля, отделена от рисунка чертой (рис. 1, 8–10).

В то же время нельзя обойти вниманием и тот факт, что легенда на медных монетах рассматриваемой серии располагается в строчку, а на серебряных — полукругом, охватывая снизу изображение головы льва (рис. 1, 1, 5). Но, вероятно, это можно объяснить желанием пантикапейских монетариев представить серебряные номиналы в более, если так можно выразиться, «изысканном» виде.

Теперь вернемся к вопросу о надчеканке, поскольку его решение, на мой взгляд, поможет наиболее точно установить время выхода данной серии. Контрмаркирование монет было достаточно широко распространенным явлением в эллинистическом мире. Например, довольно часто оно встречается на серебряных монетах александровского типа, изготовленных как во время самого Александра Великого (рис. 1, 11), так и на экземплярах, отчеканенных через столетие после его кончины (рис. 1, 12). Для Боспорского царства наиболее хорошо известны медные номиналы с различного рода надчеканками (Шелов, 1956. Табл. V, 62, VI, 67, 69–71, 75; Анохин, 1986. Табл. 4, 130–131, 139, 143; 5, 151, 157).

Вместе с тем необходимо отметить, что рассматриваемые здесь монеты с головой бородатого сатира влево на лицевой стороне представляют собой единственный случай контрмаркирования

серебра в монетной практике Боспора, по крайней мере, до перехода его под власть Митридата VI Евпатора. Во всяком случае, находок других пантикапейских серебряных монет с надчеканкой пока еще не зафиксировано. Кстати, полную противоположность этой ситуации мы обнаруживаем в монетном деле Ольвии и Херсонеса, где контрмаркированные серебряные номиналы представляли собой вполне обычное явление (рис. 1, 13–17).

С другой стороны, самые ранние медные боспорские монеты с надчеканкой датируются началом III в. до н.э. (Шелов, 1956. С. 216) или 284–275 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 141), а ольвийское (Карышковский, 2003. С. 246) и херсонесское (Туровский, 1997. С. 60–62) серебро и медь еще позднее — второй половиной III–II в. до н.э. Чем же объяснить присутствие надчеканенных экземпляров в пантикапейской эмиссии уже в конце первой четверти IV в. до н.э.?

Вероятнее всего, ответ содержится в известной стратегеме Полизна: «Левкон, нуждаясь в деньгах, возвестил, что намерен чеканить другую монету, и надо, чтобы каждый принес ему все имеющееся, что оказалось бы подходящим для перечеканки. Они же принесли, сколько имели, а он, поставив другой отличительный знак, отчеканил на каждой монете двойную цену так, что, когда была собрана половина, у граждан не было бы отнято никакой прибыли» (Polyaen, VI, 9, 1).

Подавляющее большинство отечественных исследователей считает, что эпизод, отмеченный в этой стратегеме, относится ко времени правления Левкона II, ок. 230–200 гг. до н.э. (Шелов, 1953. С. 37; 1956. С. 157; Молев, 1994. С. 69–72; Мельников, 2002. С. 177; 2006. С. 216; Абрамзон, Фролова, Горлов, 2002. С. 39). Более того, имеется даже версия, согласно которой эта финансовая операция приписывается не Левкону, а династии Левконида в целом. Отсюда предполагается, что она могла быть проведена Перисадом II (Шонов, 2003. С. 354). Другой точки зрения придерживаются Ф. В. Шелов-Коведяев, А. Б. Егоров, а также В. М. Зубарь и В. Н. Зинько, которые увязывают данное мероприятие с политикой Левкона I (Шелов-Коведяев, 1985. С. 120–121; Егоров, 2002. С. 480, сноска 58; Зубарь, Зинько, 2006. С. 123, сноска 46).

Теперь же присутствие в эрмитажной коллекции экземпляров пантикапейского серебра с контрмаркированием позволяет отнести этот эпизод именно на время правления Левкона I.

По поводу самой надчеканки можно сказать следующее.

а) Подлинность ее не вызывает сомнения, поскольку она была поставлена в тот момент, когда монеты-«носители» — активно обращались на денежном рынке, на это указывают различной степени потёртости на их поверхности. И хотя изображения на клеймах выглядят практически непо потревоженными, это вызвано довольно сильным заглуплением штемпеля надчеканки в тело монеты.

б) Сюжет надчеканки — голова безбородого мужчины в лавровом венке вправо, вероятно, должен быть интерпретирован как изображение Аполлона. Отметим, что прецеденты использования этого персонажа греческого пантеона в монетном деле Пантикапея уже имелись. Его изображение в качестве аверсного типа присутствует на двух экземплярах из коллекции ГИМа, относящихся ко времени ранних Спартокидов. Это монеты типа: л. с. — голова Аполлона в лавровом венке вправо, о. с. — вдавленный квадрат с головой барана вправо, вверху надпись ΠΑΝΤΙ (Буррачков, 1884. Табл. XIX.25; Анохин, 1986. Табл. 2, 57–58). Датируются они 431/30—последним десятилетием V в. до н.э. (Терещенко, 2004. С. 14) или 413–403 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 138).

Кроме того, подтвердилось существование монет типа «голова Аполлона в лавровом венке вправо — во вдавленном квадрате надпись ΠΑΝΤ», известных до последнего времени только по рисункам в каталоге П. О. Буррачкова (Буррачков, 1884. Табл. XIX, 24). О. Н. Мельников и В. Л. Строкин опубликовали сведения о семи подобных экземплярах, хранящихся в частных коллекциях (Мельников, 2005. С. 343, рис. 42–43; Строкин, 2007. Рис. 1, 2–11). Предполагается, что их выпуск приходился на 438–433 или 437/6–433/2 гг. до н.э. (Мельников, 2005. С. 344; Строкин, 2007. С. 335).

Итак, начало выпуска серии, в которую входят исследуемые монеты, скорее всего, приходится на первую половину 80-х гг. IV в. до н.э. (то есть сразу после прекращения чеканки монет с изображением головы сатира в лавровом венке вправо). Завершение, на мой взгляд, напрямую связано именно с фактом контрмаркирования. Вполне вероятно, что мероприятие, задуманное Левконом I, было осуществлено незадолго до падения Феодосии, которое произошло по одной из наиболее убедительных версий не позже конца 80-х гг. IV в. до н.э. (Коваленко, 1999. С. 121, сноска 89; Мельников, 2000. С. 212).

Рискну предложить следующую реконструкцию развития событий. По-видимому, в самом конце 80-х гг. IV в. до н. э. Левкон I, испытывавший острую необходимость в денежных средствах для победоносного завершения военного конфликта с Феодосией, решился на, если можно так выразиться, принудительный государственный заём, который, правда, трудно назвать иначе чем «афера». В то же время нет причин подозревать и население Боспора в неукоснительном исполнении этого приказа. Вряд ли стоит сомневаться, что во все века и у всех народов рядовой обыватель не ждал ничего хорошего для своего кошелька от властей предрежащих. Поэтому есть все основания полагать, что достаточно значительная часть монет, из интересующей нас серии, была утаена от администрации Левкона. Кроме того, весьма вероятно, что после урегулирования военно-политической ситуации надчеканенные экземпляры как заведомо неполноценные были немедленно изъяты из обращения. Не исключено, что именно этим объясняется соотношение обычных и контрмаркированных экземпляров, дошедших до наших дней. В частности, на сегодняшний день известно только о 23 монетах исследуемого типа (по данным В. А. Анохина), но лишь две из них имеют надчеканку.

Помимо вышеотмеченного есть еще один момент, позволяющий идентифицировать рассматриваемые экземпляры как свидетельство левкононовской хитрости. В частности, принимая во внимание, что номинал контрмаркированных монет оценивается как триобол, то увеличение достоинства этих монет (в случае наложения надчеканок) вдвое должно было превратить их в драхму. Как представляется, именно такого рода операция могла быть наиболее действенным способом для получения наибольшей прибыли, причем в кратчайшие сроки. Таким образом, контрмаркированию, скорее всего, были подвергнуты только самые крупные номиналы, в нашем случае это — триболы. Необходимо отметить, что надчеканивание медных монет (с целью получения прибыли), несомненно, требовало гораздо больших затрат как по времени, так и по финансам.

Такой, в общих чертах, представляется ситуация, наиболее логично объясняющая присутствие в пантикапейской эмиссии серебряных

монет с надчеканкой уже в начале IV в. до н. э. Вполне вероятно, что это самый первый случай контрмаркирования монеты в греческом мире.

- Абрамзон, Фролова, Горлов, 2002. — Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Горлов Ю. В. Клады античных монет на юге России. М., 2002.
- Анохин, 1986. — Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Бурачков, 1884. — Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884. Ч. 1.
- Егоров, 2002. — Егоров А. Б. Комментарии. Шестая книга // Полиэн. Стратегемы. СПб., 2002.
- Завойкин, 2004. — Завойкин А. А. Фанагория во второй половине V–начале IV вв. до н. э. // Древности Боспора. М., 2004. Supplementum I.
- Зограф, 1951. — Зограф А. Н. Античные монеты. М.; Л., 1951 (МИА. № 16).
- Зубарь, Зинько, 2006. — Зубарь В. М., Зинько В. Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Симферополь; Керчь, 2006.
- Карышковский, 2003. — Карышковский П. О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э.–IV в. н. э.). Одесса, 2003.
- Коваленко, 1999. — Коваленко С. А. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. М., 1999. Т. 16.
- Мельников, 2000. — Мельников О. Н. Монеты античной Феодосии // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. 7.
- Мельников, 2002. — Мельников О. Н. К вопросу о проблемах нумизматики Боспора IV–III вв. до н. э. // Боспор Киммерийский: Понт и варварский мир в период античности и средневековья: Сб. науч. материалов III Боспорских чтений / Ред. В. Н. Зинько. Керчь, 2002.
- Мельников, 2005. — Мельников О. Н. Метрология монет Боспора второй половины VI–начала IV вв. до н. э. // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005. № 6 (2003–2004).
- Мельников, 2006. — Мельников Е. А. Функциональное отклонение монетной системы Боспора III в. до н. э. // VII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oikos: Сб. материалов конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2006.
- Молев, 1994. — Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.
- Строкин, 2007. — Строкин В. Л. АПОЛ[лония Боспорская] или [храм] АПОЛ[лона]? // Древности Боспора. М., 2007. № 11.
- Тереженко, 2004. — Тереженко А. Е. Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI–IV вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.
- Туровский, 1997. — Туровский Е. Я. Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н. э. Севастополь, 1997.
- Шелов, 1953. — Шелов Д. Б. Денежная реформа Левкона II // ВДИ. 1953. № 1.
- Шелов, 1956. — Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора (VI–II вв. до н. э.). М., 1956.
- Шелов-Коведяев, 1985. — Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. М., 1985.
- Шонов, 2003. — Шонов И. В. Боспорские монетные выпуски с 280 по 253 гг. до Р. X. (по материалам находок монет на хоре Феодосии) // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2003. Вып. 3.
- Polyaen. — Полиэн. Стратегемы / Пер. с греч. под общ. ред. А. К. Нефёдкина. СПб., 2002.

Panticapaeum Silver Coins with Countermarks**A. E. Tereshchenko**

The paper of A. E. Tereshchenko is dedicated to the well-known type of Panticapaeum silver dated to the first quarter of the 4th century BC (*Зозраф*, 1951. P. 172; *Шелов*, 1956. P. 217): Av — head of a bearded satyr right; Rv — lion head right, the legend ΠΑΝΤΙ below (fig. 1, 1). The particular peculiarity of this series is the countermarks found on two of the coins from the collection of the State Hermitage (fig. 1, 2, 3). The countermarks have the form of an impressed circle in the centre of which there is the head of a beardless male (young man?) right (fig. 1, 4). Possibly it is Apollo, especially as precedent representations of that deity on Panticapaeum coins have been known as early as the late 5th century BC (*Анохин*,

1986. Plate 2, 57–58). In the present author's opinion, the appearance of such coins may have been connected with the «ruse» of Leucon I mentioned by Polyaeus according to whom Leucon countermarked the coins brought to him doubling thus their denomination (*Polyaen.* VI, 9, 1). Noteworthy is that the value of the coins under consideration is defined as triobol so that after counter-marking they automatically became drachms. It seems that exactly such procedure did enable to get maximum profits in the shortest possible time in contrast to *e. g.* counter-marking of copper. We thus are dealing possibly with the earliest case of countermarking of coins throughout the entire Greek World.

РЕМОНТ, «УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ» ИНОКУЛЬТУРНЫХ ВЕЩЕЙ В СКИФСКОЙ И САРМАТСКОЙ СРЕДЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОКУЛЬТУРНОГО ОРНАМЕНТА В ДЕКОРЕ СОБСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СКИФОВ И САРМАТОВ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТАЛЛА)

М. Ю. Трейстер¹

Статья посвящена проблемам, которые практически не привлекали внимание исследователей. Редкими исключениями являются единичные публикации, посвященные проблемам ремонта импортных произведений торевтики и ювелирного искусства² и использования инокультурного (греческого) орнамента в скифских изделиях.³ Ввиду того, что объем материала весьма велик, задачей данной работы является постановка проблемы и первичная классификация на основании известных автору памятников.⁴

1. Ремонт. Выделяется несколько вариантов ремонта произведений торевтики.

1.1. Заплатки. На конусообразном предмете из Передериевой Могилы (Kat. Schleswig, 1991. No. 90; *Моруженко*, 1992. С. 70 сл., № 5, рис. 3–7; Kat. Zürich, 1993. No. 63; *Schiltz*, 1994. S. 335, abb. 243; S. 370–371, abb. 277; Cat. San Antonio, 1999. No. 124) утраты металла и обломы были реставрированы следующим образом: с внутренней стороны изделия была подложена пластинка 2,5 × 3,0 см, вдоль края утрат с внешней

или внутренней стороны были пробиты круглые отверстия, через которые при помощи заклепок пластины были приклепаны к изделию. С внешней стороны поверхность «заплаток» дополнительно не украшалась (*Моруженко*, 1992. С. 73; изображение — Cat. San Antonio, 1999. No. 124, фото на с. 259–260) (рис. 1).

Рис. 1. Золотой конусовидный предмет из Передериевой Могилы. Деталь (Киев, Музей исторических драгоценностей, инв. АЗС-3765; фото: Cat. San Antonio, 1999. No. 124)

Fig. 1. Gold conical object from Perederieva Mogila (Kiev, Museum of Historical Treasures of Ukraine, inv. AZS-3765)

¹ Mikhail Treister. Weißenburgstr. 59, 53175, Bonn, Germany.

² О перделке меча из Чертомлыка: *Алексеев*, 1984. С. 38–41; о ремонте кульобских подвесок: *Минасян*, 1999. С. 35–39.

³ См., например, *Алексеев*, 1991. С. 31–33 о бронзовом котле из Раскопаной Могилы.

⁴ Автор выражает искреннюю признательность своим коллегам, сотрудникам музеев, любезно предоставившим возможность исследования памятников, описания и фотографии которых приводятся в данной работе: И. П. Засецкой, А. Ю. Алексееву (Государственный Эрмитаж), Н. В. Быковской (Керченский государственный историко-культурный заповедник), Г. Квирквелия, М. Джалабадзе (Тбилиси, Государственный музей Грузии), Е. П. Подвысоцкой, Л. В. Строковой (Киев, Музей исторических драгоценностей), а также В. И. Мордвинцевой и В. К. Гугуеву за предоставленные рисунки и фотографии, использованные автором.

© М. Ю. Трейстер (Mikhail Treister), 2010

1.2. Соединение отломанных частей предмета. Одна из двух диадем, найденных в Келермесском кургане № 1/Ш, орнаментирована рядами малых и крупных жемчужин, прочеканенных с оборота. На месте крупных жемчужин припаяны пятилепестковые цветки с пластинчатыми кастами для вставок в центре (Галанина, 1997. С. 225, № 14, табл. 28; Кисель, 2003. С. 55–56, 127. № 15). Оторванные цветки прикреплены к ленте золотыми скобочками. Эта диадема, как правило, сопоставляется с находками из Зивие (Галанина, 1997. С. 134; Кисель, 2003. С. 55–56). Впрочем, ответить на вопрос о месте ее починки достаточно затруднительно — она могла иметь место как вскоре после изготовления диадемы, так и в тот период, когда диадема уже находилась у скифов.

При помощи заклепок были фиксированы к тулову изначально припаянные ручки бронзового килика из ниши северной могилы Гаймановой Могилы (Kat. Schleswig, 1991. No. 120b) (рис. 2, 1–3). Килик относится к типу, распространенному в середине–третьей четверти IV в. до н. э. в Македонии и Фракии,⁵ предположительно, в Малой Азии⁶ и в Колхиде.⁷ Скифские погребения IV в. до н. э. с находками бронзовых киликов чрезвычайно редки, особенно при сравнении с находками аналогичных серебряных сосудов (три и более 20 экземпляров, соответственно) (Скорый, 2000. С. 124; Мозолевский, Полин, 2005. С. 345). Тот факт, что ручки килика были зафиксированы заклепками, скорее всего, свидетельствует в пользу ремонта в скифской среде. Во всяком случае, мне неизвестны подобным образом починенные хронологически близкие бронзовые сосуды из погребальных комплексов Греции или Македонии.

⁵ Из кургана в Арзосе, в районе Хеброна: Cat. Thessaloniki, 1978. No. 462, pl. 61; Cat. Washington, 1980. No. 108; Zimmermann, 1998. S. 32–34, ann. 215; S. 158, no. SCM 10. К этому же типу относятся два бронзовых килика из гробницы, открытой в 1968 г. у с. Староселска в районе Шумена: инвентарь погребения датируется последними десятилетиями IV–первой четвертью III в. до н. э. (Тачева-Хитова, 1971. С. 44, рис. 42, а–б; 43, № 8–9; Archibald, 1998. P. 281, pl. 46).

⁶ Из комплекса находок, предположительно происходящего из Пруссии в Вифинии, датируемого второй половиной IV в. до н. э.: Strong, 1966. P. 93, pl. 22B; Gabelmann, 1982. S. 251, 253, abb. 7; von Bothmer, 1984. P. 47, no. 73; Zimmermann, 1998. S. 32–34, 158, no. SCM 13.

⁷ Из погребений конца IV–начала III в. до н. э.: а) в Вани (№ 4/1948): Хоутариа, 1972. С. 89–90. Рис. 11–11а; Матвишвили, 1977. С. 108–109, 191, № 10, рис. 105–108; Лордкипанидзе, 1983. № 411; Bill, 2003. S. 113, taf. 162, 9; б) в Даблагами: Толордава, 1977. С. 49–50, № 8; Лордкипанидзе, 1983. № 561; Bill, 2003. S. 113, 162, no. 28.

Рис. 2. Бронзовый килик из северной гробницы Гаймановой Могилы (Киев, Музей исторических драгоценностей, инв. АЗС-2785; фото: М. Трейстер)

Fig. 2. Bronze kylix from the North burial of Gaimanova Mogila. Kiev, Museum of Historical Treasures of Ukraine, inv. AZS-2785)

Бляха из кургана № 2 у с. Верхнего Погромного (Шилов, 1956. С. 43–44; The Dawn of Art, 1974. Pl. 71; Манцевич, 1976. С. 175–176, рис. 10, 3; Damm, 1990. S. 242; Haussig, 1992. Abb. 57; Kat. Hamburg, 1993. No. 154; Cat. Daoulas, 1995. P. 44, No. 62; Мордвинцева, 2003. С. 85, № 45; 135, рис. 20) реставрирована при помощи золотых шайбочек и серебряных заклепок. Золотые шайбочки зафиксированы друг против друга в четырех местах по линии облома. Пластины прямоугольной формы со скругленными углами фиксировали две части бляшки с лицевой стороны, перекрывая лицевую сторону с декором и кастом для вставки (рис. 3). Очевидно, что бляха, выполненная в так

Рис. 3. Золотая поясная пряжка из Верхнего Погромного (погребение № 2, курган № 2/1954) (Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж, инв. 1953/23; фото: Кат. Hamburg, 1993. No. 154)

Fig. 3. Gold belt plaque from Verkhnee Pogromnoe (burial no. 2, barrow no. 2/1954) (St. Petersburg, State Hermitage, inv. 1953/23)

называемом ахеменидском полихромном зверином стиле, значительно древнее погребения, датированного концом II–началом I в. до н. э. (*Мордвинцева*, 2003. С. 41, 51).

Подобным образом могли ремонтировать не только импортные изделия. Так, на золо-

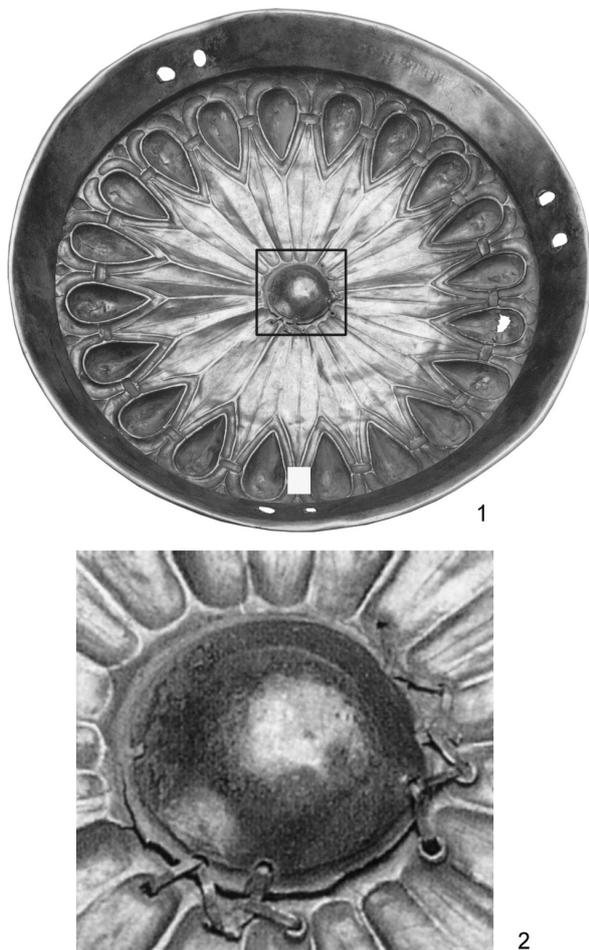

Рис. 4. Серебряная фиала из кургана № 1 у д. Прохоровка (Алма-Ата, Национальный музей; фото: *Cat. Mantua*, 1998. No. 456)

Fig. 4. Silver phiale from the barrow no. 1 near Prokhorovka (Alma-Aty, National Museum)

той бляшке с изображением лошади из кургана № 6/1988 у пос. Комсомольского в Астраханской области VI–V вв. до н. э. (*Дворниченко и др.*, 1997. С. 129–130, рис. 2, 1; *Cat. Rome*, 2005. P. 57 [ill.], 90, no. 21) по краям облома имеются по три круглых отверстия, следов проволоки или крепления нет. Не исключен вариант, что две части бляшки нашивались отдельно.

Многочисленные следы ремонта имеют место на деревянных с золотыми обкладками скульптурах оленей из сарматского кургана IV в. до н. э. № 1 у с. Филипповка на Южном Урале: ремонт осуществлялся при помощи стяжек

из серебряной проволоки или пластинок, украшенных филигранным декором, или накладок из гладких серебряных пластинок, приклепанных по краям к основе; в некоторых случаях такие накладки дополнительно стягивались серебряной проволокой или узкими пластинками с филигранным декором (*Cat. Milan*, 2001. No. 112–115).

Среди прочего богатого инвентаря в погребении № 8 кургана № 55/1954 Калиновского могильника в Нижнем Поволжье, датирующегося второй половиной I–рубежом I в. до н. э.–I в. н. э., была найдена пара золотых спиральных 8-витковых браслетов из круглого в сечении прута с концами в форме рельефного изображения лежащей с подогнутыми ногами лосихи. Один из браслетов с утраченной центральной частью образует два витка, концы соединены при помощи загнутых петель (*Шилов*, 1959. С. 463–464, рис. 51).

1.3. Сшивание оторванных частей предмета. Совершенно иная техника ремонта была использована для починки ахеменидской серебряной фиалы IV в. до н. э. с арамейской весовой надписью, вторично использованной в качестве фалара, найденной в раннесарматском погребении кургана № 1 у д. Прохоровка на Южном Урале (*Ростовцев*, 1918. С. 6, № 7, табл. I, 2; *Rostovtzeff*, 1922. P. 123, pl. 24, 1 [внизу]; *Ebert*, 1927/1928. P. 317, taf. 112A, c; *Luschey*, 1939. P. 43. No. GB 25; *Иессен*, 1952. С. 217–218, рис. 9; *Савельева, Смирнов*, 1972. С. 119; *Абка 'I-Khavari*, 1988. S. 107, 110, 125–126, no. F3c16; *Мордвинцева*, 1996. С. 156, рис. 1 [внизу]; *Берлизов*, 1997. С. 105, рис. 6; *Cat. Mantua*, 1998. No. 456; *Зуев*, 1998. С. 13–14, 22–23, рис. 1, 2; 2, 3 [с ошибочной информацией о похищении фиалы из Музея Казахстана]; *Зуев*, 2000. С. 309, 314–317, табл. III, 1–3; *Зуев*, 2003. С. 21–22, табл. 11; *Лившиц*, 2001. С. 161 [с ошибочной информацией о похищении фиалы из Музея Казахстана]; 162 [ил.]; *Лившиц, Зуев*, 2004. С. 4, рис. 2) (рис. 4, 1–2), а также крупных серебряных с позолотой наплечных фаларов вероятно малоазийского производства конца III–начала II в. до н. э., найденных в 1866 г. у ст. Успенская на Северном Кавказе (*Трейстер*, 2006 а. С. 429–462; особенно с. 441, 450, рис. 1; с. 452, рис. 3, 3). Оторванные части этих фаларов были в древности тщательно соединены с основными частями путем прошивки краев узкими серебряными полосками через отверстия, аккуратно пробитые по краям оторванных частей (рис. 5, 1–2). Перед нами два примера починки способом сшивки импортных произведений торевтики ахеменидского и малоазийского производства

в сарматской среде. Ни греки, ни римляне подобную технику при ремонте металлических изделий не использовали. Способ соединения оторванной части фалара путем прошивки краев узкой серебряной полоской (рис. 4, 2; 5, 2) позволяет предполагать реставрацию не в узкоспециализированной мастерской торефта, а скорее кустарем — подобная система починки характерна, например, для деревянных сосудов IV в. до н. э., происходящих из скифских памятников Северного Причерноморья⁸ и сарматских курганов Южного Приуралья,⁹ в частности, найденных в Филипповских¹⁰ и Прохоровских¹¹ курганах.

1.4. Дополнение утраченной части предмета. Как свидетельствует исследование Р. С. Минасяна (Минасян, 1999. С. 35–39), височные подвески с изображением головы Афины Парфенос из Куль-Обы (*Galanina, Grach, 1986. Fig. 134; Schiltz, 1994. S. 378, abb. 294; Кат. Ст. Петербург, 1995. С. 144–145, № 87; Schwarzmair, 1996. S. 129, abb. 17; Kat. Bonn, 1997. S. 166–167, no. 72*) представляют собой результат позднейшей переработки — от первоначальных подвесок сохранились лишь диски с изображением головы Афины — цепочки, образующие сетчатую подвеску с розетками и зерновидными подвесками, были собраны из разрозненных деталей, при этом «результат ремонта ни в коей мере не соответствует схеме сборки греческих украшений, имеющих цепочки с привесками» (Минасян, 1999. С. 38). Подобным же образом из частей ожерелья в виде тесьмы с трехрядными зерновидными подвесками с добавлением новых элементов: пластинчатых наконечников

⁸ См. в целом: Манцевич, 1966. С. 25. Узкой золотой полоской диагональным швом сшита одна из деревянных чаш из I Завадской могилы (Мозолевский, 1980. С. 105, рис. 44, 5; 111), а также чаша из кургана у ст. Елизаветинской (Манцевич, 1966. С. 24, рис. 1, 9) и деревянное блюдо из погребения № 8 кургана № 4 у д. Первомаевка (Евдокимов, Фридман, 1987. С. 113, № 8; 114, рис. 23, 2). Швами крест-накрест бронзовыми полосками скреплена чаша из боковой могилы Солохи (Манцевич, 1966. С. 24, рис. 1, 7; 1987. С. 50, № 5), золотыми полосками — чаша из кургана № 2 у с. Малая Лепетиха (Манцевич, 1966. С. 24, рис. 1, 8).

⁹ Например, фрагментированная деревянная чаша, чиненная крестообразно наложенными бронзовыми полосками из погребения № 4 кургана № 8 у д. Покровка: Яблонский и др., 1995. С. 34, 159, рис. 56, 2.

¹⁰ См., например, крестообразно сложенные золотые полоски вместе с золотой накладкой от деревянной чаши из тайника № 1 кургана № 1 (Cat. Milan, 2001. P. 202, no. 144).

¹¹ Из погребения № 3 кургана Б происходят крестообразно сложенные полоски вместе с золотыми накладками на сосуды (Яблонский, Мещеряков, 2005. С. 67, рис. VI, 4).

ожерелий, а также пронизей-бляшек с изображением пегасов и в форме контурных изображений орлов было реставрировано ожерелье из гарнитура, найденного в женском погребении гробницы № 1 Старшего Трехбратнего кургана под Керчью, при этом вместо золотых цепочек в качестве основы ожерелья были использованы шнуры с золотыми реберчатыми пронизями (Трейстер, 2006б. С. 170–173, № 3, рис. 9–16; 187–188, № 5–8 с литературой) (рис. 6).

Ремонты куль-обских подвесок и ожерелья из Старшего Трехбратнего кургана осуществлялись с использованием элементов первоначального украшения, однако нам известны примеры, когда утраченные элементы украшений воссоздавались заново.

В Ногайчинском кургане было найдено ожерелье из трех сплетенных между собой цепочек с подвесками в виде столбиков из зерни и пластинчатыми наконечниками, украшенными волютами (Симоненко, 1993. С. 70, 72, № 3, табл. 5 [ошибочно названо диадемой]; Šćepinskiĭ, 1994. S. 103, abb. 17 [внизу]; 105, no. 19; Treister, 1997a. S. 142–146, figs. 12–13; Трейстер, 2000.

Рис. 5. Серебряный с позолотой фалар из с. Успенская (Тбилиси, Гос. Музей Грузии, инв. 2986; фото: М. Трейстер)

Fig. 5. Silver-gilt phalera from Uspenskaya (Tbilisi, State Museum of Georgia, inv. 2986)

Рис. 6. Реконструкция ожерелья из гробницы № 1 Старшего Трехбратнего кургана (элементы ожерелья — Киев, Музей исторических драгоценностей, инв. № АЗС-2275-2277, 2283-2284, 2290; фото элементов ожерелья: М. Трейстер; реконструкция: М. Трейстер)

Fig. 6. Reconstruction of the necklace from the tomb no. 1 of the Elder Three Brothers Barrow (elements of the necklace — Kiev, Museum of Historical Treasures of Ukraine, inv. № AZS-2275-2277, 2283-2284, 2290)

С. 194–196, рис. 11–12; *Зайцев, Мордвинцева*, 2003. С. 70, рис. 5, 2; 92; *Mordvintseva, Zaitsev*, 2003. S. 205, fig. 5, 2; 207 f.; 242 f.; *Зайцев, Мордвинцева*, 2004. С. 292, рис. 1, 2). Оно находит ближайшие параллели в Италии, в частности, из Tomba degli Ori в Канозе (Cat. Milan, 1984. P. 201, 219–220, no. 152), а также в комплексе ювелирных изделий, найденных в Таренте в XIX в. вместе с серебряной монетой 219–212 гг. до н. э. (*Hoffmann, Davidson*, 1965. P. 274–275, no. 127; Cat. Milan, 1984. P. 452–453, no. 4; *Deppert-Lipnitz*, 1985. S. 217, abb. 153; *Formigli, Heilmeyer*, 1990. P. 50–54, abb. 23–28; *Platz-Horster*, 2003. No. 42), которые, вероятнее всего, являются изделиями мастерских Тарента последней трети III в. до н. э. Я уже рассматривал (*Трейстер*, 2000. С. 195–196) прототипы застежек со вставками ожерелья из Ногайчинского кургана на ожерельях тарентского типа из Моттолы первой четверти III в. до н. э. (Cat. Milan, 1984. P. 201, 217–218, no. 151) и на ожерелье из Фессалии начала II в. до н. э. (Cat. Dallas, 1990. P. 46, fig. 18; *Despini*, 1996. Fig. 155–156; Cat. Athens, 1999. No. 70). Наиболее близкой, правда, еще более схематизированной, аналогией застежкам ожерелья из Ногайчинского кургана являются застежки ожерелья из двух сплетенных между собой цепочек, найденного в Соколовой Могиле (*Ковпаненко*, 1986. С. 28–31, рис. 25–27; Kat. Schleswig, 1991. No. 149). Действительно, довольно примитивный характер оформления застежек ожерелья

из Ногайчинского кургана с неаккуратно посаженными вставками-кабошонами в простых пластинчатых кастах отличает их от застежек ожерелий из Италии и Фессалии, которые можно рассматривать как прототипы застежек ногайчинского ожерелья, но не более того. Это дает основание согласиться с наблюдениями В. И. Мордвинцевой и Ю. П. Зайцева о том, что застежки являются позднейшим элементом, добавленным в результате ремонта ожерелья.¹²

В других случаях мастера отказывались от замены утраченных элементов изделия, как это имело место в случае с серебряным ахеменидским сосудом из раннесарматского погребения № 4 кургана № 4/2006 у с. Филипповка. Сосуд относится к типу амфор-ритонов (*Amandry*, 1959. P. 38–56; *Pfrommer*, 1990. S. 191–209; *Boardman*, 2000. P. 188–189, 246, note 129; *Treister*, 2007. P. 97–98, note 109), известных по находкам из Куковой Могилы под Дуванлы во Фракии (*Filow*, 1934. S. 46, no. 14, figs. 55–59, 199 ff., pl. III; *Маразов*, 1978. С. 14–18; *Pfrommer*, 1990. S. 193, taf. 40, 2; anm. 13; Cat. Saint Louis, 1998. No. 117; *von Gall*, 1999. S. 154, 156 f., abb. 7–8; *Boardman*, 2000. P. 190, fig. 5, 71), и двум экземплярам, предположительно из Южного Причерноморья: района Синопы — Трапезунда (*Amandry*, 1959. P. 48–50, 52–54,

¹² Об италийском происхождении ожерелья см.: *Treister*, 1997a. P. 143–144, 154; *Трейстер*, 2000. С. 194–195; 201; *Зайцев, Мордвинцева*, 2004.

pl. 24; Cat. Paris, 2001. No. 675, pl. LIII; *Summerer*, 2003. P. 32, abb. 10), и клада, найденного в окрестностях Синопы (Кат. Ст. Петербург, 1993. № 205; Kat. Berlin, 1996. No. 205; *Summerer*, 2003. P. 30–31, abb. 9). Аналогичные сосуды изображены в руках лидийцев (*Calmeyer*, 1993. S. 152 f., taf. 44, вверху; Cat. London, 2005. P. 106, fig. 46; Cat. Speyer, 2006. 132, abb. 7) и армян (*Calmeyer*, 1993. 153, taf. 43, слева внизу; *von Gall*, 1999. S. 158, abb. 9; *Boardman*, 2000. P. 188, fig. 5, 69; *Summerer*, 2003. P. 33; Cat. Speyer, 2006. S. 198, abb. 5) на рельефах Ападаны в Персеполе. Одна из двух ручек сосуда была утрачена в древности и место ее крепления к корпусу было тщательно запаяно и зашлифовано (*Яблонский, Мецгеряков*, 2007. С. 57, рис. 3; цв. вкл. № 1).

1.5. Кардинальная переделка вещи. Вероятно, такая переделка имела место в случае с ахеменидским мечом, найденным в Чертомлыке. Меч в ножнах имеет рукоять, украшенную в ахеменидском стиле (*Artamonow*, 1970. Taf. 183–184; Cat. New York, 1975. P. 108, no. 67; *Алексеев*, 1984; *Galanina, Grach*, 1986. Pl. 220; *Алексеев и др.*, 1991. С. 234, № 192; Kat. Hamburg, 1993. S. 104–105, no. 54; Kat. Zürich, 1993. S. 134–135, no. 69; Cat. New York, 2000. P. 233, no. 163; Cat. Milan, 2001. P. 122, no. 71; *Alekseyev*, 2005. P. 55, fig. 4, 5; *Alekseev*, 2007. S. 250, abb. 7), которая диссонирует с золотой обкладкой ножен (*Artamonow*, 1970. Taf. 183, 185; Cat. New York, 1975. P. 109, no. 68; *Galanina, Grach*, 1986. Pls. 221–222; *Алексеев и др.*, 1991. С. 230, 234, № 191; Kat. Hamburg, 1993. S. 104–107, no. 55; Kat. Zürich, 1993. S. 114–115, no. 60; Cat. New York, 2000. P. 233–235, no. 164; Cat. Milan, 2001. P. 122–123, no. 72; *Alekseev*, 2007. S. 252–253, abb. 9), выполненной в так называемом греко-скифском стиле. Помимо этого несоответствия отмечается, что у меча нехарактерный для ахеменидских мечей клинок, сохранившаяся верхняя часть которого имеет ряд прямоугольных прорезей по вертикальной оси — Е. В. Черненко (*Черненко*, 1975. С. 163) отмечает, что ажурные клинки характерны только для мечей, происходящих из скифских курганов IV в. до н. э. Предположение А. Ю. Алексеева о переделке более раннего (V в. до н. э.) ахеменидского меча в Скифии в IV в. до н. э. (*Алексеев*, 1984. С. 38–41; *Алексеев и др.*, 1991. С. 99–103, рис. 69) косвенно подтверждается технологическими наблюдениями Р. С. Минасяна, который, однако, отмечает, что «окончательное подтверждение версии о вторичном использовании обкладки рукояти чертомлыцкого меча кроется

на ее внутренней поверхности, пока недоступной для осмотра» (*Минасян*, 1991. С. 382).

Если в случае с чертомлыцком мечом более или менее очевидно, что переделка (если она имела место) состоялась в Скифии, то по поводу места переделок ритона с протомой Пегаса, найденного в уляпском кургане № 4 (Кат. Москва, 1987. № 101; *Leskov*, 1990. No. 240, abb. 191–197; Kat. Zürich, 1993. No. 28; *Schiltz*, 1994. S. 57, abb. 108, 264; *Ксенофонтова*, 1997. С. 60–78; *Ксенофонтова, Zajtseva*, 1997. P. 265–293; *Nieswandt*, 1997. S. 137–148; Кат. Москва, 2002. С. 124–125, № 613; *Власова*, 2002. С. 141–150, рис. 3–5) исследователи высказывают различные точки зрения.¹³

II. «Усовершенствование» инокультурных вещей.

2.1. Обкладки, украшенные в зверином стиле. В кургане Куль-Оба было найдено бронзовое зеркало аттического типа, рукоять которого украшена золотой обкладкой с изображениями животных в скифском зверином стиле (*Artamonow*, 1970. Taf. 213; *Билимович*, 1973. С. 42–43, рис. 1; *Galanina, Grach*, 1986. Fig. 178; *Jacobson*, 1995. P. 186–187, № V.C.2, fig. 73). Интересно, что золотая обкладка ручки лишь частично перекрывает гравированный декор диска в виде пальметты с волютами по сторонам (рис. 7, 1–2). Это позволяет предполагать, что заказчик переделки зеркала был не столько озабочен тем, чтобы закрыть греческий орнамент, к которому он отнесся достаточно пренебрежительно, лишь частично перекрыв его, сколько тем, чтобы снабдить ручку изображениями выполненных в зверином стиле животных. Учитывая магический характер зеркала (*Кузнецова*, 2002. С. 9, 43, 62), весьма вероятно, что таким образом было совершено надделение импортного изделия сакральными функциями предмета скифской культуры. Впрочем, нельзя исключать и того, что перед мастером, который украсил ручку зеркала золотой накладкой, аналогичной накладкам рукоятей мечей, типа найденных в Куль-Обе, Чертомлыке и некоторых других скифских курганах середины–третьей

¹³ См. их обзоры: *Treister*, 2001. P. 155; *Власова*, 2002. С. 143. Х.-Х. Нисвандт предположил, что ритон был изготовлен в греческой мастерской, а впоследствии был переделан в скифской, где он был украшен накладками и снабжен ножкой (*Nieswandt*, 1997. S. 147). По мнению автора, переделка ритона (дополнение фризом со сценами гигантомахии) могла иметь место в боспорской мастерской после 400 г. до н. э. (*Treister*, 2001. P. 152–156). Е. В. Власова (*Власова*, 2002. С. 149–150) предполагает, что ритон, созданный в Афинах в конце VI в. до н. э., мог быть переделан там же около 470–460 гг. до н. э.

Рис. 7. Бронзовое зеркало с золотой обкладкой рукояти из Куль-Обы (Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж, инв. КО 9; фото: Galanina, Grach, 1986. Fig. 178)

Fig. 7. Bronze mirror with the gold overlay of the handle from Kul-Oba (St. Petersburg, State Hermitage, inv. KO 9)

четверти IV в. до н.э.,¹⁴ а также ножа из Куль-Обы (Galanina, Grach, 1986. Fig. 174), ставилась задача создания оформленного в одном стиле гарнитура, которую он успешно и выполнил. Таким образом, превращение могло преследовать как сакральную, так и вполне практическую цель.

2.2. Украшение поверхности импортного изделия гравированными изображениями в зверином стиле. Куль-обское зеркало было не единственным греческим зеркалом, подвергшимся

¹⁴ См. о таких мечах в связи с находками в Чертомлыке: Алексеев и др., 1991. С. 102–103, 222–223; № 184–187. Меч из 8-го Пятибратнего кургана: Кат. Frankfurt, 2003. С. 83, no. 43. Мечи из Подонья: Гуляев, 2000. С. 150, рис. 4, 1, 3.

переработке в скифской среде. На украшенных гравированными пальметтами у выступов для ручек зеркалах, происходящих из некрополей Нимфея, Пантикапея и из Семибратнего кургана № 6, на дисках дополнительно выгравированы изображения животных: оленя, пантер, львов, лисицы или собаки (Билимович, 1976. С. 42, рис. 8–9; 43–44; 61, № 28–30; зеркало из Нимфея см. также: Кат. Ст. Петербург, 1999. С. 94–95, № 228). По поводу последнего зеркала З.А. Билимович было высказано предположение о том, что изображения животных были гравированы скифским мастером, тогда как все три зеркала были сделаны в северопричерноморской мастерской, вероятно, во второй четверти–середине V в. до н.э. (Билимович, 1976. С. 44).

Типологически предполагаемое сакральное превращение греческого зеркала в скифское можно сопоставить с превращением фиалы из так называемого «майкопского комплекса», хранящегося в Берлине. Серебряная фиала с омфалом, обрамленным пластиной с перьевым декором, дополнительно украшена прочерченным изображением головки хищной птицы (Luschey, 1939. S. 138, no. 2; 142, 162, no. 12, abb. 12; Strong, 1966. P. 75, pl. 14A; Greifenhagen, 1970. S. 56; taf. 29: 2; Cat. New York, 1975. P. 156, no. 1; Platz-Horster, 2003. S. 228, 278, taf. 36, 1; Platz-Horster, Nagler, 2007. S. 223, abb. 3) (рис. 8, 1–2), находящей параллели в скифском искусстве VI–V вв. до н.э.¹⁵ По своей форме фиала относится к типу, получившему распространение в V в. до н.э. (Luschey, 1939. 139 ff.), ее ближайшей параллелью является фиала с фризом в виде головок силен в округ омфала из Семибратнего кургана № 2 (Кат. Ленинград, 1985. С. 14, № 5; Анфимов, 1987.

¹⁵ В составе «майкопского» комплекса также имеются золотые бляшки в виде подобной головки (Greifenhagen, 1970. S. 58, no. 2, Taf. 32; Cat. New York, 1975. P. 157, no. 5; Schiltz, 1994. S. 372, abb. 282). См. также аналогичные изображения в памятниках из Прикубанья: бронзовая бляшка из Семибратнего кургана № 2 (Galanina, Grach, 1986. Fig. 95; Schiltz, 1994. S. 31, abb. 13). Подобным же образом оформлены окончания псалиев из окрестностей Майкопа (Borovka, 1928. Pl. 8D; Переводчикова, 2000. 234–35, рис. 3, 4). Об этом мотиве в искусстве звериного стиля Среднего Поднепровья V в. до н.э. см.: Шкурко, 1976. С. 94–96, рис. 2: 1–3. В частности, находки из кургана № 401 у с. Журовка: Galanina, Grach, 1986. Fig. 71; Schiltz, 1994. S. 48, abb. 31. Наконец, подобный мотив использовался как элемент зооморфных превращений (см. об этом: Канторович, 2002. С. 20–33), будучи вписанным как элемент в изображения животных, в том числе на бляшках в виде ног кабанов из «майкопского» комплекса (Schiltz, 1994. S. 374, abb. 285; Platz-Horster, Nagler, 2007. S. 224, abb. 5).

С. 111), датирующегося серединой–третьей четвертью V в. до н. э. К этому же типу фиал относят экземпляр, предположительно найденный в 1930-е гг. в грабительских раскопках курганов в бассейне р. Белой, дополнительно украшенный гравированными дионисийскими изображениями с позолотой (Ксенофонта, 2005. С. 150–152). Таким образом, «майкопская» фиала примерно одновременна рассмотренным выше зеркалам.

Подобным же образом дополнительными прочерченными изображениями была украшена нижняя внешняя часть тулова серебряного килика из раннего погребения Солохи (Манцевич, 1987. С. 34–35, № 7; Алексеев, 2003. С. 231–232, 409, рис. 35, 1; Alekseyev, 2005. Р. 48–49, fig. 4, 2; 2006. Р. 164, fig. 7, a–b), по краю которого вырезана надпись ЛΥΚΟ, которая, по предположению А. Ю. Алексеева, принадлежала скифскому царю Орику (Алексеев, 2003. С. 232; Alekseyev, 2005. Р. 49; 2006. Р. 164). Сохранились две композиции — на одной половина бегущее влево копытное животное, за ним передняя часть фигуры зайца, на другой, противоположной композиции — часть крыла. При этом изображения ориентированы верхом к ножке килика.

Интересно, что с типологически близким явлением — дополнительным украшением импортного произведения торевтики гравированными изображениями в зверином стиле — мы встречаемся и в памятниках из сарматских погребальных комплексов. В тризне кургана № 11/1977 у Ново-Александровки на Нижнем Дону, датирующейся I в. н. э., были найдены две парные фиалы диаметром 18 см и высотой 5,8 и 6,0 см с аналогичными центральными медальонами диаметром около 6 см, вероятно, изготовленными в одной и той же матрице. На медальонах представлена в рельефе головы Медузы с позолоченными прядями волос и крылышками, обрамленная валиком с косыми насечками (в виде веревочки) и широким плоским краем. Внутреннюю поверхность одной фиалы украшают четыре примитивные гравированные позолоченные внутри контура изображения двух пар прыгающих животных — льва и оленя, пантеры и собаки (Cat. Tokyo, 1991. No. 144; Cat. Glasgow, 1996. P. 41; Максименко, 1998. С. 234, рис. 51, 4; Cat. Paris, 2001. No. 211) (рис. 9, 1–2). На второй фиале в аналогичной манере и технике изображены две лошади и два кошачьих хищника (Cat. Tokyo, 1991. No. 145; Максименко, 1998. С. 234, рис. 51, 7; Cat. Paris, 2001. No. 212).

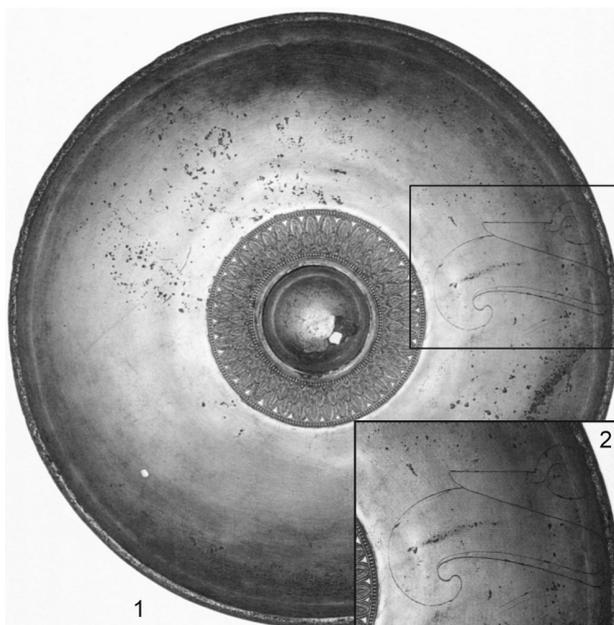

Рис. 8. Серебряная с позолотой фиала из так называемого майкопского клада (Берлин, Антикное собрание, инв. 30221; фото: Platz-Horster, Nagler, 2007. S. 223. Abb. 3)

Fig. 8. Silver-gilt phiale from the so-called Maikop Treasure (Berlin, Antikensammlung, inv. 30221)

2.3. Крепление дополнительных ручек или петель. Интересно, что из того же сарматского погребения в кургане у с. Верхнее Погромное, в котором была найдена рассмотренная выше починенная бляха в ахеменидском зверином стиле, происходят две серебряные чаши эллинистических типов, и на одной из них, конической формы (Шилов, 1956. С. 43; Кропоткин, 1970. № 728), типа, распространенного во II–I вв. до н. э. (Strong, 1966. P. 108–109),¹⁶ имеется дополнение в виде пластинчатой серебряной ручки петлевидной формы, которая была прикреплена к чаше при помощи заклепок (рис. 10). Возможно, и ремонт бляхи, и «усовершенствование» импортной чаши конической формы были осуществлены одним и тем же мастером.

2.4. Крепление дополнительных ручек, украшенных в зверином стиле. Такие дополнения изменяли не только функцию предметов, но и символическое значение. Так, серебряные таз (Cat. Paris, 2001. No. 210) и черпак (Cat. Tokyo, 1991. No. 147; Cat. Paris, 2001. No. 214) из упомянутой

¹⁶ См. такие чаши из Греции и Малой Азии: Cat. Toledo, 1977. No. 47; Cat. Malibu, 1994. No. 115, c–d; Mellink, 1960. P. 69, pl. 14, fig. 16; из Западного Причерноморья: Horedt, 1973. S. 143–144, abb. 8, G3a; Cat. Montreal, 1987. No. 484–497; из Северного Причерноморья: Максимова, 1979. С. 73–74, рис. 23, B1; С. 80, № 4–5, рис. 26; Кропоткин, 1970. № 718, рис. 45, 3; Костенко, 1978. С. 79, 85, табл. 2; из Грузии и Армении: Прудик, 1914. С. 100, № 2–3, табл. V (в третьем ряду); Khachatryan, 1989. P. 297–298, no. 4–7, pl. I, b, d.

Рис. 9. Серебряная с позолотой фиала из кургана № 11/1977 у с. Ново-Александровка (Азов, Краеведческий музей, инв. КП-15161: 1 — фото: Cat. Токуо, 1991. No. 144; 2 — рисунок В. И. Мордвинцевой)

Fig. 9. Silver-gilt phiale from barrow no. 11/1977 near Novo-Aleksandrovka (Azov, Local Lore Museum, inv. КП-15161)

выше тризны кургана у с. Ново-Александровка украшены зооморфными ручками.

Таз был снабжен двумя вертикальными ручками в форме литой фигурки пантеры, туловище которой украшено глубокими прочерченными насечками (при реставрации таза была припаяна лишь одна из них). Очевидно, что зооморфные ручки являются поздним дополнением — изначально таз имел лишь две горизонтальные ручки с миндалевидными вырезами под пальцы, конструктивно напоминающие оформление ручек (другого типа)

Рис. 10. Серебряная коническая чаша из Верхнего Погромного (погребение № 2, курган № 2/1954) (Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж, инв. 1953/28; фото: М. Трейстер)

Fig. 10. Silver conical bowl from Verkhnee Pogromnoe (burial no. 2, barrow no. 2/1954) (St. Petersburg, State Hermitage, inv. 1953/28)

бронзовых тазов из Помпей (*Tassinari*, 1993. P. 211, тип S2300; No. 14005, pl. CLXXV, 1) и Геркуланума (*Kat. Haltern*, 2005. S. 327, no. 8.64). Форма сосуда находит почти точное соответствие в маленькой серебряной чаше из Палеокастро в Фессалии, предположительно, туалетном сосуде для масла или благовоний (*Arvanitopullos*, 1912. S. 105, abb. 3; *Miller*, 1979. P. 186, no. 17). Таким образом, есть основание предположить, что таз, выполненный в позднеэллинистическую эпоху, был усовершенствован в I в. н. э. сарматским мастером, украсившим его дополнительными фигурками пантеры. Типологически таз из Ново-Александровки с вертикальными зооморфными ручками и носиком-сливом можно сопоставить с упомянутым выше деревянным сосудом из склепа № 595/1996 Усть-Альминского могильника (*Зайцев и др.*, 1997. С. 160–161, рис. 1, 3; *Мордвинцева, Зайцев*, 2002. С. 58, 61, 66, рис. 4, 1–2).

Черпак из Ново-Александровки, у которого длинная горизонтальная ручка с уплощенным отогнутым вниз концом оформлена в виде фигурки хищной птицы с маленькой головкой и большим клювом, оперение которой показано гравировкой, и вместилище в виде гладкой литой полусферической чаши относится, вероятно, к изделиям круга сарматских мастерских. В качестве вместилища черпака мастер использовал позднеэллинистическую полусферическую чашу. Завершение ручки в виде фигуры хищной птицы находит параллели на найденных в сарматских погребениях сосудах и кубках различных форм и выполненных из различных материалов. Сплошная орнаментация тулова и крыльев птицы параллельными глубокими насечками на ручке черпака из Ново-Александровки находит ближайшую параллель в оформлении литых фигурок пантер на тазе со сливом из того же комплекса.

Серебряный кувшин со сливом на кольцевом поддоне с крышкой и с полой обтянутой золотой фольгой ручкой в виде сидящей фигурки пантеры или гиены, украшенный гравированными фризами с позолотой в пределах контуров изображений на тулове, был найден в тайнике 1 кургана № 28 группы Высочино-VII (*Беспалый*, 1985. С. 163, 165, № 2; С. 167, рис. 4; *Bespaly*, 1986. P. 77, no. 2, pls. 66–67; Cat. Tokyo, 1991. No. 103; *Трейстер*, 1994. С. 172 сл.; Cat. Glasgow, 1996. P. 34; *Treister*, 1997b. P. 58; *Максименко*, 1998. С. 235, рис. 52; *Лукьяшко*, 2000. С. 163–171; Cat. Paris, 2001. No. 208; *Treister*, 2004. P. 134, 137, ill. 5). Изначально кувшин имел две ручки (Cat. Paris, 2001. P. 190). Тот факт, что ручка сосуда посажена на сюжетный фриз, при этом частично перекрывая изображения, в частности, фигуру рыбака и птицу (рис. 11), отличает крепление ручки на кувшине из Высочино от других сосудов с сюжетными фризами и зооморфными ручками. Так, например, на сосуде из погребения № 1 у с. Косика в Нижнем Поволжье нижние атташи ручек закреплены на уровне гладкой золотой полосы в центре тулова, а верхние — между фигурами верхнего фриза (*Дворниченко, Федоров-Давыдов*, 1993. С. 148–151, рис. 5; *Трейстер*, 1994. С. 176–198, рис. 1, 7–11; *Fedorov-Davydov*, 2001. P. 13 f., fig. 6; P. 114 f., pls. 22–26; P. 146, no. 7; Cat. Rome, 2005. No. 95). Также и на цилиндрическом сосуде из московской частной коллекции ручки в виде фигурок грифонов хоть и перекрывают орнаментальную полосу меандра, но при этом разделяют парные сцены верхнего и нижнего фризов, не перекрывая изображений (*Treister*, 2005). Возможно, указанное несоответствие местоположения ручки и орнаментальных фризов сосуда — это свидетельство вторичного крепления ручки в результате или утраты, или преднамеренного демонтажа первоначальной ручки. Учитывая форму сосуда (кувшин) и его функциональное назначение, можно предположить, что изначально он мог скорее иметь одну вертикальную ручку. Впоследствии сосуд мог быть переделан (дополнен) в мастерской, в которой изготавливались кубки с зооморфными ручками. При этом ручки были закреплены высоко на тулове сосуда, ближе к его горлу. Тот факт, что ручки перекрывали фризы с изображениями, вероятно, говорит о том, что наличие зооморфной ручки на драгоценном сосуде значительно больше интересовало заказчика, нежели содержание фигурных фризов.

Рис. 11. Серебряный с позолотой кувшин из Высочино (тайник 1 кургана № 28 группы Высочино-VII) (Азов, Краеведческий музей, инв. КП-195532/170; фото: Cat. Paris, 2001. No. 208)

Fig. 11. Silver gilt jug from Vysochino (cache 1, barrow no. 28, group Vysochibo-VII) (Azov, Local Lore Museum, inv. 195532/170)

2.5. Вставки, приклепанные к ювелирным изделиям, возможно, изменяющие их конструкцию, символическое значение и сакральную функцию. Примером такой модификации является гривна (общепринятая трактовка) или диадема (по мнению В. И. Мордвинцевой), происходящая из погребения сарматской жрицы (?) конца I–начала II в. н. э. в кобяковском кургане № 10 на окраине Ростова-на-Дону (*Гугуев*, 1990; Cat. Tokyo, 1991. No. 130, *Прохорова, Гугуев*, 1992. С. 143 сл., рис. 5–6; *Гугуев*, 1992. С. 121 сл., рис. 4–8; Kat. Zürich, 1993. No. 140; *Guguev*, 1994. P. 77–78; *Прохорова*, 1994. С. 178–182, рис. 2; Cat. Daoulas, 1995. No. 91; *Guguev*, 1996. P. 53–56, figs. 3–8; *Treister*, 1997b. P. 46 ff.; P. 79 ff., figs. 8–10; *Treister, Yatsenko*, 1998. P. 58, 104, fig. 16; Cat. Paris, 2001. No. 240; *Ustinova*, 2002; Kat. Frankfurt, 2003. No. 110; *Мордвинцева*, 2003. № 69, рис. 28). Украшение двухчастное на шарнирном соединении, при этом центральная часть передней пластины с изображением мужского персонажа анфас, сидящего со скрещенными ногами, с кубком в руках и мечом на коленях, выполнена отдельно

и припаяна позже. На той же пластине по обеим сторонам персонажа, а также на задней пластине изображены две одинаковые сцены нападения обезьяноподобных существ на дракона (рис. 12, 1).

По мнению В. И. Мордвицевой (*Мордвицева*, 2003. С. 42–43), большинство формальных признаков указывает на близость кобьяковского украшения изделиям группы Тилля-тепе, вместе с тем детали его декора не соответствуют украшениям типа тилля-тепинских. Это наблюдение, по мнению исследовательницы, дает возможность предположить либо то, что предмет был изготовлен в производственном центре с другой художественной традицией, возможно, северо-китайской, либо то, что рассматриваемая гривна (диадема) могла быть изготовлена в Бактрии, а ее стилистические отличия от золото-бирюзовых предметов Тилля-тепе обусловлены хронологическими различиями.

В центральной части украшения была приклепана ажурная пластина с изображением сидящего со скрещенными ногами персонажа азиатского облика и европеоидными чертами лица. В руках он держит кубок, а на его коленях лежит меч (рис. 12, 2). Трудно сказать, была ли пластина просто отремонтирована подобным образом или

Рис. 12. Золотая со вставками гривна или диадема из Кобьяково (курган № 10/1987) (Ростов-на-Дону, Ростовский областной краеведческий музей, инв. 18957/2-2а/373); 1 — фото: Cat. Paris, 2001, no. 240; 2 — фото: В. К. Гугуев

Fig. 12. Gold inlaid torque or diadem from Kobyakovo (barrow no. 10/1987) (Rostov-on-Don, Local Lore Museum, inv. 18957/2-2a/373)

вставка изначально ей не принадлежала. В пользу второго предположения могут свидетельствовать не только европеоидные черты лица персонажа, но и полное отсутствие вставок на изображении центрального персонажа, что бросается в глаза при сравнении с фигурами боковых частей украшения.

III. Инокультурный орнамент в декоре вещи. Механизм сакрализации. Наше наблюдение о том, что обтягивание рукоятки куль-обско-го зеркала обкладкой ставило задачу не закрыть греческий орнамент зеркала, а украсить зеркало изображениями животных, возможно, для придания ему дополнительных сакральных функций, подтверждается анализом декора бронзовых котлов из Раскопаной Могилы (*Schefold*, 1938. S. 25, 35, abb. 26; *Онайко*, 1966. С. 57, № 35, табл. XVI; *Artamonow*, 1970, abb. 21; *Galanina, Grach*, 1986. Fig. 161; *Алексеев*, 1991. С. 31–33; *Алексеев и др.*, 1991. С. 119–120, рис. 81; *Boardman*, 1994. P. 212, fig. 6, 37; *Jacobson*, 1995. P. 191, no. VI. A.3, fig. 75; *Kat. Bonn*, 1997. S. 98, no. 23; *Cat. Milan*, 2001. P. 125, no. 76) (рис. 13, 2) и Чертомлыка (*Алексеев и др.*, 1991. С. 256–257, № 229; *Алексеев*, 1991. С. 31; *Jacobson*, 1995. P. 191) (рис. 13, 1). В данном случае речь идет об изделиях скифских по форме, в декоре которых использованы греческие декоративные мотивы. Сравнительно примитивное их исполнение позволяет предполагать, что модели котлов были выполнены скифским бронзолитейщиком.¹⁷ А. Ю. Алексеев, посвятивший специальное исследование котлу из Раскопаной Могилы, справедливо отмечая использование в его художественном оформлении греческих мотивов, подчеркивает тот факт, что «смысловое... содержание, заключающееся в подборе и сочетании декоративных элементов трех его фризов, является совершенно скифским» (*Алексеев*, 1991. С. 31).

На мой взгляд, А. Ю. Алексеев не использовал всю информацию, которую представляет исследователю декор котла из Раскопаной Могилы (рис. 13, 2). Так, очевидно, что верхний фриз не является набором чередующихся элементов в виде букраниев и солярных знаков, как это предполагает А. Ю. Алексеев и вслед за ним Э. Якобсон (*Алексеев*, 1991. С. 31; *Алексеев и др.*, 1991. С. 119; *Jacobson*, 1995. P. 191). Фриз образован чередующимися изображениями букраниев и фиал, на что уже вскользь обращали внимание некоторые

¹⁷ Котел из Раскопаной Могилы по технике изготовления — отливка по плавким выгораемым моделям — не отличается от других скифских котлов V–IV вв. до н. э. (*Минасян*, 1986. С. 69).

исследователи (Frazer, 1990. P. 199–200, note 134; Boardman, 1994. P. 212). Такие фризы, именно в таком сочетании, были распространены в архитектурном декоре. Вероятно, они, как предполагал в свое время Дж. Бизли, действительно отражали реальный обычай украшать стены храмов черепами животных (Beazley, 1939. P. 37–38). Есть основания полагать, что подобным же образом вывешивались на стенах и посвященные в храмы фиалы, чему мы имеем подтверждения как в изображениях, например, на терракотовой пинаке первой половины V в. до н.э. из Локр Эпизефирских (Kat. Köln, 1998. S. 166, № 96), так и в реальных археологических находках в Малой Азии,¹⁸ Греции¹⁹ и в Причерноморье, в частности, у серебряной фиалы V в. до н.э. из храма Аполлона Гегемона в Фазисе, обнаруженной в погребении второй половины I в. до н.э. кургана у хутора Зубова в Прикубанье (Думберг, 1901. С. 98–100, рис. 18, a–b; Minns, 1913. P. 231, fig. 136–137; Potratz, 1963. Taf. 72; Strong, 1966. P. 75–76, pl. 14B; Гущина, Засецкая, 1989. С. 115, № 120, табл. XII; Щукин, 1994. С. 177; Tsetskhladze, 1994. P. 199–215; Vickers, Gill, 1994. P. 57–58, fig. 3, 1; Лордкипанидзе, 1997. С. 15 сл., рис. 1–2; Archibald, 1998. P. 181, note 31; Treister, 2002. P. 355, fig. 3; 2005. P. 241, fig. 16, 5–8), сохранилась приклепанная петля для подвешивания. Две петли имеются и у золотой фиалы из Куль-Обы (Artamonow, 1970. S. 70, taf. 207, 210; Galanina, Grach, 1986. Figs. 164–165; Kat. Zürich, 1993. S. 80–81, no. 34; Kat. Hamburg, 1993. S. 118–121, no. 59; Schiltz, 1994. S. 146–147, abb. 109; Jacobson, 1995. P. 215–216, VI.F.2, fig. 94; Kat. Bonn, 1997. No. 70).²⁰ Чередующиеся изображения фиалы и букрания или розетты и букрания представлены на фрагментах фризов, сохранившихся от Северных пропилей в Эпидавре конца IV в.

¹⁸ См. посвящения различным божествам на металлических фиалах: Афродите — на бронзовой фиале из раскопок Жейтин-тепе в Милете (Sennf, Heinz, 1997. S. 116 f., abb. 2); Афине Ассесии — на бронзовой фиале, предположительно происходящей из Ассесоса в округе Милета (Kunstwerke der Antike, Auktion I, 15. Juni 1998. S. 42 f., no. 102, taf. 32; Lohmann, 1999. S. 442, anm. 7; 2007. S. 371, anm. 53, taf. 43, 2). О надписи на этой фиале — Wachter, 1998. 1 ff.

¹⁹ См. серебряную фиалу первой половины V в. до н.э. с надписью, выполненной по венчику, из некрополя Козани в Македонии: ΑΘΑΝΑΙΑΣ: ΙΑΡΑ: ΤΑΣ ΜΗΕΓΑΡΟΙ (из храма Афины в Мегаре) (Cat. Thessaloniki, 1978. No. 45, pl. 10; Gill, 1990. P. 625; Vickers, Gill, 1994. P. 57).

²⁰ Ю.П. Калашник (Kat. Bonn, 1997. S. 165, no. 70) полагает, что фиала могла подвешиваться на поясе. На мой взгляд, это предположение маловероятно, учитывая как значительные размеры фиалы (диаметр 23,1 см), так и ее вес (698,55 г).

Рис. 13. 1 — бронзовый котел из Северной Могилы Чертомлыка (Киев, Институт археологии Нац. Академии наук Украины; фото: Алексеев и др., 1991, № 229); 2 — бронзовый котел из Раскопаной Могилы (Ст. Петербург, Гос. Эрмитаж, инв. Дн 1897 2/14; фото: Galanina, Grach, 1986. Fig. 161)

Fig. 13. 1 — bronze cauldron from Chertomlyk (Kiev, Institute of archaeology, National Academy of Sciences of the Ukraine); 2 — bronze cauldron from Raskopana Mogila (St. Petersburg, State Hermitage, inv. Дн 1897 2/14)

до н.э. (Frazer, 1990. P. 198, fig. 155), пропилей Птолемея II (Ibid. P. 199–209, fig. 161b), и ротонды Арсиной II (Ibid. P. 199–209, figs. 156–157, 161a, 162) (рис. 14, 1) на о. Самофракия (рис. 14, 1), храма Деметры в Пергаме, датирующегося между 269–263 гг. до н.э. (Ibid. P. 208–209, fig. 164), а также неизвестного здания в Ересосе на о. Лесбос (рис. 14, 2), который А. Фрезер датирует 270-ми гг. до н.э. (Ibid. P. 209, fig. 165). Таким образом, приведенные примеры архитектурного декора датируются в диапазоне конца IV–второй четверти III в.

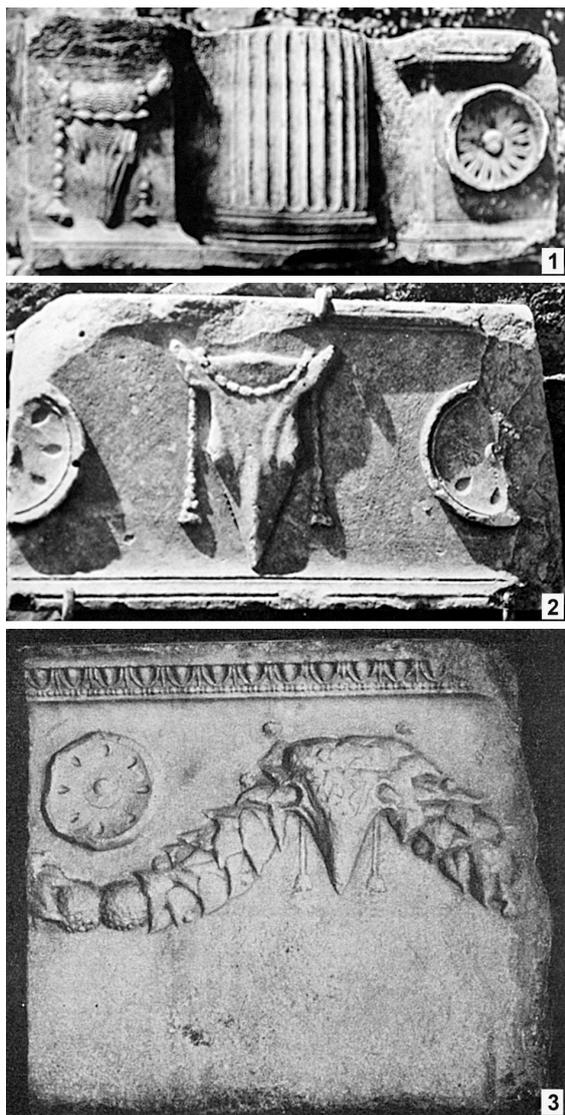

Рис. 14. 1 — блок парапета ротонды Арсинои II на о. Самофракия (фото: The Rotunde of Arsinoe II. Samothrace VII. P. 60, fig. 38B); 2 — фрагмент фриза с декором в виде букраниев и фиал из Ересоса на о. Лесбос (фото: *Frazer*, 1990. P. 209, fig. 165); 3 — торцовый блок алтаря с надписью сакрального басилевса Пасиада из Херсонеса (Одесса, Археологический музей; фото: *Пичилян*, 1984. С. 200, рис. 74)

Fig. 14. 1 — Parapet block from the rotunde of Arsinoe II on Samothrace; 2 — frieze fragment with bukrania and phialai from Eresos on Lesbos; 3 — end block of the altar with the inscription of the sacral basileusos Pasiades from Chersonesos (Odessa, Archaeological Museum)

до н.э. Интересно, что в вазовой живописи рассматриваемый мотив появляется раньше, причем такие фризы украшают апулийские вазы середины–второй половины IV в. до н.э. (рис. 1, 4; *Ibid.* P. 199, note 134; P. 203–204, figs. 158–159).

Трудно сказать, какие именно прототипы были использованы мастером, изготовившим модель котла. Во всяком случае, насколько мне известно, находки апулийских vaz IV в. до н.э. в Северном Причерноморье до сих пор

не зафиксированы, хотя исключать попадание италийской расписной керамики в Северное Причерноморье не следует, а этот путь заимствования хорошо объяснял бы близкий уровень стилизации мотива на расписных вазах и на котле. Нельзя исключать, что в качестве прототипа мог использоваться архитектурный декор одного из северопричерноморских храмов. Декор в виде чередующихся фиал, розетт и букраниев, соединенных гирляндами, представлен на алтаре с надписью сакрального басилевса Пасиада из Херсонеса (рис. 14, 3) (*Пичилян*, 1984. С. 199–203, рис. 73–76; *Крыжский*, 1993. С. 142–143, рис. 98, 5–7; Херсонес Таврический, 2005. С. 353–354, рис. 191), датированном И. Р. Пичиляном концом IV–III в. до н.э. (*Пичилян*, 1984. С. 206).

Средний фриз из пальметт, поочередно ориентированных в разные стороны и соединенных между собой S-видными дугами, находит прототипы в торевтике: подобные фризы из филигрании украшают по краю диски височных подвесок с изображением Нереиды на гиппокампе из Большой Близницы (Кат. Ст. Петербург, 1995. № 120), а также обкладку точила из Малой Близницы (*Galanina, Grach*, 1986. Fig. 177); аналогичный гравированный фриз украшал крышку серебряного сосуда из Куль-Обы, по мнению Е. В. Власовой, переделанную из крышки пиксиды V в. до н.э. (Кат. Ленинград, 1985. С. 18–19, № 9; *Власова*, 2003. С. 63, 65–66, рис. 5), а также «малый» серебряный ритон из Карагодеуашха (рис. 15) (*Лаппо-Данилевский, Мальмберг*, 1894. С. 44, рис. 11; 145–146, рис. 19–20; *Artamonow*, 1970. Abb. 156 (справа); *Анфимов*, 1987. С. 162–163). Вариант подобного декора с пальметтами своеобразной формы представлен на внутреннем

Рис. 15. «Малый» серебряный ритон из Карагодеуашха. Деталь декора раструба (Ст. Петербург, Гос. Эрмитаж, инв. 2492/57; фото: *Анфимов*, 1987. С. 163)

Fig. 15. The so-called small silver rhyton from Karagodeuashkh. Detail of the upper part (St. Petersburg, State Hermitage, inv. 2492/57)

фризе пекторали середины IV в. до н. э. из Мал-Тепе во Фракии (*Venedikov, Gerassimov, 1973. Taf. 230; Treister, 2001. P. 384, note 55*). В подобной же композиции фриз из полупальметт украшают манжеты гривен из Куль-Обы (*Galanina, Grach, 1986. Fig. 127*) и из Архангельской слободы (*Leskov, 1974. S. 73, abb. 103; Петренко, 1978. Табл. 31, 2; Kat. Schleswig, 1991. No. 105*). Вероятно, в качестве прототипа этого декора можно рассматривать украшение рога с протомой Пегаса из Уляпского кургана № 4 с доминирующими S-видными волютами (*Ksenofontova, Zajtseva, 1997. P. 275–276. Figs. 6–7; Власова, 2002. С. 144, рис. 4*), а также декор краснофигурных ваз V в. до н. э., например, аттического кратера вазописца Диноса из Болоньи ок. 420 г. до н. э. (*Cat. Baltimore, 1995. P. 365 ff., № 117*).²¹

Совершенно очевидно, что и верхний, и средний фризы котла являются «цитатами» из произведений современного греческого искусства, а проведенный анализ подтверждает вывод А. Ю. Алексеева о датировке котла из Раскопаной Могилы IV в. до н. э.²² Анализ декора позволяет считать *terminus post quem* его изготовления серединой IV в. до н. э.

Что же касается бронзового котла из Северной Могилы Чертомлыка (рис. 13, 1), то в сильно схематизированных и «варваризованных» изображениях угадываются цветок лотоса и пальметта, которые, как правило, образовывали непрерывные фризы из соединенных между собой элементов, однако в ряде случаев, например, на фризе, обрамляющем омфал фиалы из погребения конца V в. до н. э. № 599 в Лавелло в Южной Италии (*Cat. Venice, 1996. P. 687, no. 112; Cat. Triest, 2002. P. 218, no. 44; Platz-Horster, 2003. S. 278, taf. 36, 2*), изображались и отдельно. Что касается изображения, расположенного между ними, признанного авторами публикации «букранием», то с гораздо большим, на мой взгляд, основанием в этом изображении можно видеть неумело переданный вариант цветка лотоса, представленный, например, на фризе двух серебряных стаканов из Дальбоки во Фракии

²¹ См. также декор: краснофигурного протоапулийского кратера конца V–начала IV в. до н. э. вазописца «Рождения Диониса» из некрополя Тарента (*Cat. Venice, 1996. P. 553, ill.; P. 707, no. 197*); краснофигурной амфоры из Вульчи вазописца Евтимиды ок. 510–510 гг. до н. э. (*Schiltz, 1994. S. 393, abb. 317*).

²² Раскопана Могила датируется А. Ю. Алексеевым в рамках второй–третьей четвертей IV в. до н. э. (*Алексеев, 2003. С. 269*). Эта датировка принимается в настоящее время и другими исследователями (*Мозолевский, Полин, 2005. С. 370–371*).

(рис. 16, 1–2).²³ В любом случае, если орнаменты из чередующихся пальметт и цветков лотоса достаточно хорошо представлены в торевтике V–IV вв. до н. э., то орнамента в таком сочетании, будь

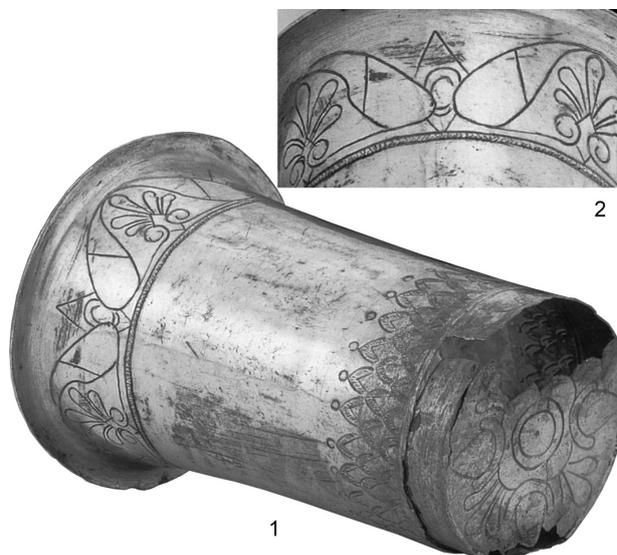

Рис. 16. Серебряный кубок из Дальбоки (Оксфорд, Музей Эшмола, инв. AN.1948.103; фото: *Vickers, 2002. P. 68–69. Plate 26, внизу*)

Fig. 16. Silver goblet from Dalboki (Oxford, Ashmolean Museum, inv. AN.1948.103)

не опознанный нами знак букранием или цветком лотоса, мне неизвестно, и, скорее всего, верхний фриз Чертомлыцкого котла является не «цитатой» из греческого орнамента, а произвольным набором элементов греческого декора, усвоенных и весьма небрежно воспроизведенных мастером.

Я не буду касаться интерпретации декора на котлах, который достаточно обоснованно трактуется А. Ю. Алексеевым (*Алексеев, 1991. С. 32*) как скифская модель мира, отмечу лишь, что в таком случае выражение модели мира скифским мастером могло осуществляться путем прямого цитирования элементов инокультурной орнаментики.

В этом смысле еще одним интереснейшим примером является декор бронзовых псалиев из конской могилы Среднего Трехбратнего кургана. Фрагментированные двудырчатые бронзовые псалии с верхними концами оформлены в виде скульптурных головок быков.²⁴ Хотя по форме их можно отнести к типу так называемых S-видных псалиев, получивших распространение в IV в.

²³ Оксфорд, инв. AN.1948.103: *Venedikov, Gerassimov, 1973. Taf. 147; Vickers, Gill, 1994. P. 50, fig. 2.5a; Vickers, 2002. P. 68–69, pl. 26 (внизу); ГЭ, Д. 1403; Кат. Ленинград, 1985. С. 16–19. № 8; Vickers, Gill, 1994. P. 50, fig. 2.5c.*

²⁴ Не опубликованы. Керчь, КГИКЗ. Инв. № КМ-3193–3194.

до н.э. (Мозолевский, Полин, 2005. С. 301–302), по своим размерам, сечению и декору псалии отличаются от бронзовых псалиев, характерных для скифской узды IV в. до н.э.²⁵ Хотя в своем отчете Д. С. Кирилин (Кирилин, 1965. С. 4, примеч. 11; С. 25. № 5) и называл данные псалии «типичными для Северного Кавказа» или «псалиями кобанского типа», впрочем, не приводя никаких обоснований своих заключений ни среди псалиев кобанской культуры,²⁶ ни среди находок конской узды из скифских комплексов этого и более раннего времени, мне неизвестны параллели публикуемым псалиям. Можно только отметить, что оформление их верхнего конца в виде скульптурной головки быка выглядит чрезвычайно архаично. Заслуживает особого внимания декор

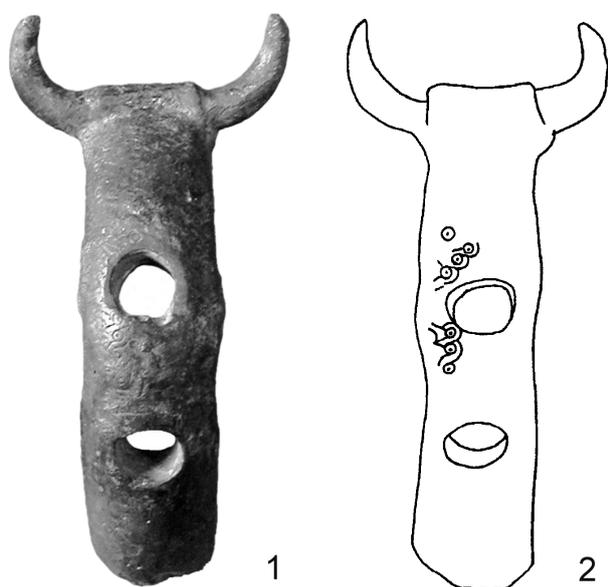

Рис. 17. Бронзовый псалий из конской могилы Среднего Трехбратнего кургана (Керчь, Керченский государственный историко-культурный заповедник, инв. КМ-3194; фото: М. Трейстер)

Fig. 17. Bronze horse-bit from the horse burial of the Middle Three Brothers barrow (Kerch, State Historical-cultural Preserve, inv. КМ-3194)

в виде плетенки (рис. 17), частично сохранившийся на одном из псалиев с внешней стороны на участке между отверстиями. Подобный

²⁵ О конской узде IV в. до н.э. в целом см.: Ильинская, 1973. С. 42–63; о псалиях из скифских комплексов Правобережья Среднего Приднепровья см., например: Петренко, 1967. С. 36–38, табл. 26; о псалиях из курганов лесостепного Побужья: Бессонова, 1994. С. 23–25, рис. 6.

²⁶ О кобанском варианте скифо-сибирского звериного стиля см., например: Виноградов, 1976. С. 147–152.

декор на скифских псалиях до сих пор не был известен.

Мотив пальметт использован в декоре ажурных бронзовых наверший, украшенных сверху фигурками грифонов или оленей и происходящих из боковой могилы Толстой Могилы (Мозолевский, 1979. С. 118–120, № 149, рис. 102–103; Galanina, Grach, 1986. Fig. 149; Kat. Schleswig, 1991. No. 140A-C; Cat. San Antonio, 1999. No. 37). В навершиях другого типа с изображением грифона в прямоугольной рамке — из Александропольского кургана (Artamonow, 1970. Taf. 190; Galanina, Grach, 1986. Fig. 287; Kat. Hamburg, 1993. No. 82) и Краснокутского кургана (Мелюкова, 1981. С. 41, рис. 10) нижний край рамки украшен декором из ов.

Очевидно, что в этом же ключе следует рассматривать и декор некоторых деталей конской упряжи из очень своеобразной группы золотых, серебряных и бронзовых конских нащечников, так называемых птицеклювых, середины-второй половины IV в. до н.э. из некоторых курганов Степной Скифии, в основе формы которых, предположительно, лежит изображение звериной лапы (Мозолевский, 1979. С. 187–189, рис. 132; Мелюкова, 1981. С. 88–94, рис. 27; Мозолевский, Полин, 2005. С. 302). Высказывалось предположение, что некоторые из них являются работой греческих мастеров Северного Причерноморья (Мелюкова, 1981. С. 89). Очевидно, однако, что эти нащечники изготовлялись мастерами различной квалификации и, вероятно, различной этнической принадлежности.

Нащечники одного из типов, найденных в северной гробнице Огуза, практически утрачивают связь с прототипом в форме звериной лапы как по своей форме, так и по декору — отсутствию изображений животных или птиц. Растительный декор в виде побегов с полупальметтами и цветками лотоса прекрасно вписан в форму нащечника (Boltrik, Fialko, 1991. S. 123, abb. 4). Одни, например, происходящие из южного конского захоронения (№ 2) Толстой Могилы (Мозолевский, 1979. С. 41–45, № 77–82, рис. 25–26; С. 187–188, рис. 132, 4), демонстрируют прекрасное знание и использование греческой орнаментики, другие, в частности, из бокового погребения Толстой Могилы (Там же. С. 115–116, № 141–142, рис. 99), свидетельствуют о том, что их создатели не всегда понимали структуру и смысл исходного орнамента.

При этом сюжеты, представленные на нащечниках из южного конского захоронения Толстой Могилы с изображением не только голубя, но и гиппокампа с головой птицы, напоминающей голову голубя (рис. 18), создания неизвестного в античной мифологии и до сих пор не представленного другими изображениями в торевтике греко-скифского стиля, заставляют с большой осторожностью относиться к предположению об изготовлении подобных изделий греческими мастерами. Своеобразие этого существа, изображение которого, кстати, сочеталось с переданными в духе греческой орнаментики декорами в виде растительных побегов, в том числе с цветками арацеи или переплетающихся побегов плюща, особенно ярко видно при сравнении с основной группой птичеклювых нащечников.

Последние представляют изображения птицы с клювом со стилизованными оленьими рогами на золотых нащечниках из центральной гробницы Огуза (раскопки 1981 г.: *Boltrik, Fialko*, 1991. S. 124, abb. 5; *Cat. Rimini*, 1995. P. 88, no. 68; *Boltrik, Fialko*, 2007. S. 275, abb. 10) (рис. 19, 1), а также нащечниках из Мелитопольского кургана (*Ильинская*, 1973. С. 46–51, рис. 2, 6; 4, 3; *Тереножкин, Мозолевский*, 1988. С. 132–136, № 122–123; 138–139, рис. 152, 6–7, 154; 140–142, № 145, рис. 155, 1), Чмыревой Могилы (*Мозолевский*, 1979. С. 187, рис. 132, 5), Страшной Могилы (*Ильинская*, 1973. С. 52, рис. 5, 6), Чертомлыка (*Мелюкова*, 1981. С. 90, рис. 27, 6; *Galanina, Grach*, 1986. Fig. 262; *Алексеев и др.*, 1991. С. 153, № 19 а; 160–166, № 45.2; 48.2; 50.2; 52.2; 53.2; 54.2), Водяной Могилы (*Мозолевский, Полин*, 2005. С. 85–86, № 11; 88, рис. 19, 2–3) и кургана Козел (Кат. Москва, 2002. С. 103, № 461; *Firsov, Žuravlev*, 2007. S. 284, abb. 10, а–b) (рис. 19, 2).

Выводы. Таким образом, анализ способов ремонта и переделки импортных ахеменидских и эллинистических малоазийских изделий из драгоценных металлов сарматами евразийских степей позволяет предполагать существование в IV–II вв. до н.э. кустарных мастерских, в которых поломанные драгоценные чаши и бляхи могли чиниться кустарными способами при помощи накладок, заклепок или стяжек из серебряной проволоки или пластин. Подобным же образом были отреставрированы в древности деревянные скульптуры оленей, обтянутые золотыми обкладками, найденные в сарматском кургане IV в. до н.э. на Южном Урале. Кроме того, используя технику, известную и скифам, и сарматам еще в IV в. до н.э. и употреблявшуюся для ремонта

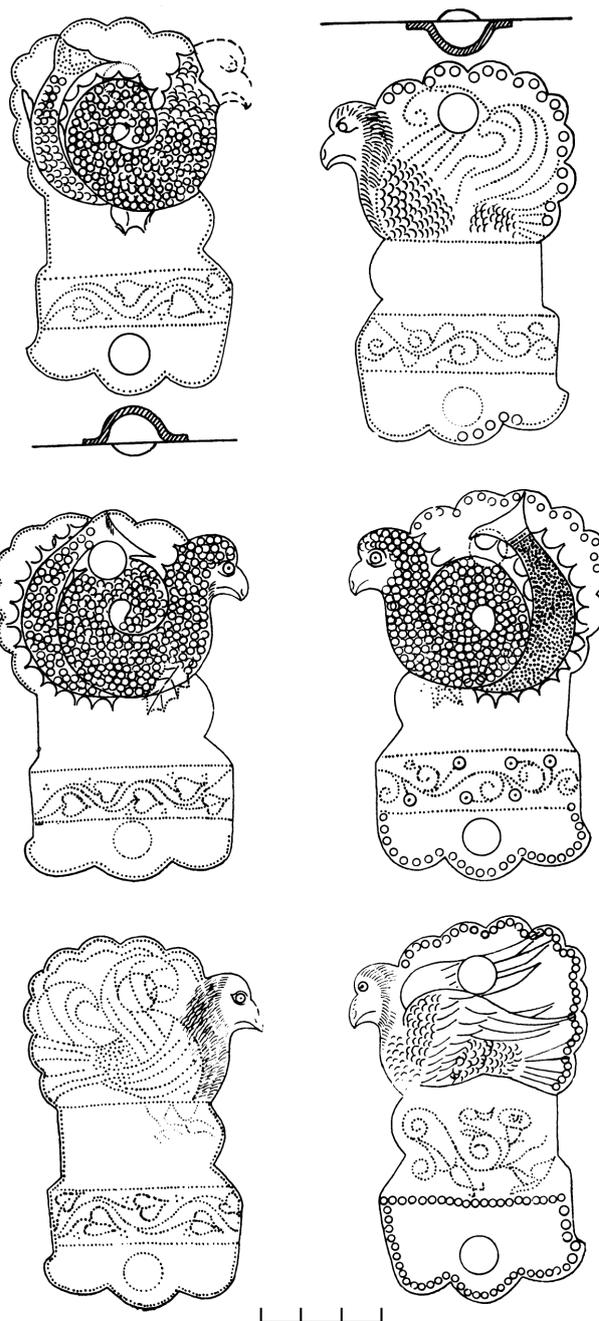

Рис. 18. Золотые нащечники из южной конской могилы Толстой Могилы (Киев, Музей исторических драгоценностей; фото: *Мозолевский*, 1979. С. 43. Рис. 26)

Fig. 18. Gold cheek-pieces from the Southern horse burial of Tolstaya Mogila (Kiev, Museum of Historical Treasures)

деревянных сосудов с золотыми обкладками, оторванные части изделий могли «сшиваться» стежками узких и тонких пластин из золота или серебра. Тот факт, что следы ремонта были хорошо заметны на лицевой стороне изделий, вероятно, ни мастеров, ни заказчиков не беспокоил. Помимо ремонта мастера-кустари, очевидно, выполняли работы по простейшим переделкам импортных изделий, в частности, они могли приклепывать

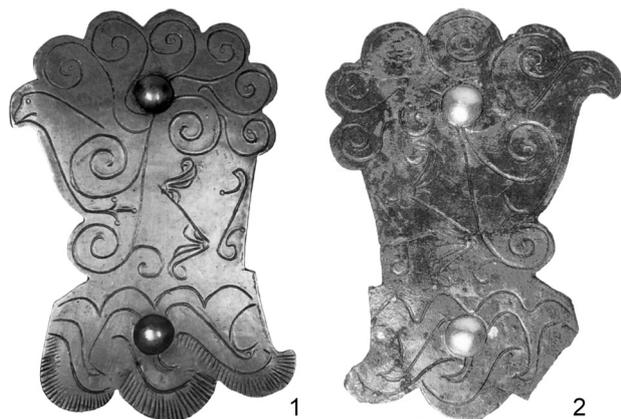

Рис. 19. Золотой нащечник из центральной гробницы Огуза (слева) и серебряный — из кургана Козел (справа) (Огуз: Киев, Институт археологии Нац. Академии наук Украины, инв. 1162; фото: Cat. Rimini, 1995. P. 88. no. 68; Козел: Москва, Гос. Исторический музей, инв. 54746; фото: Firsov, Žuravlev, 2007. S. 284. Abb. 10, a–b)

Fig. 19. Gold cheek-piece from the central tomb of Oguz (left) and a silver cheek-piece from Kozel barrow (right) (Oguz: Kiev, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of the Ukraine, inv. 1162; Kozel barrow: Moscow, State Historical Museum, inv. 54746)

ручки к импортным серебряным чашам, изготовленным в мастерских Малой Азии или античных городов Северного Причерноморья.

Уже в V в. до н. э. существовала практика дополнительного украшения импортных греческих металлических изделий гравированными изображениями в зверином стиле, вероятно, выполненными скифскими мастерами. Не позднее середины I в. до н. э. в сарматской среде появляются собственные мастера, о чем свидетельствует греческая надпись на одном из серебряных сосудов с гравированными фризами, украшенными позолотой в пределах контура изображений (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993. С. 148; Dvornitchenko, Fedorov-Davydov, 1994. P. 72 (вверху); Трейстер 1994. С. 175, рис. 3; 178–179, рис. 6; Treister, 1997b. P. 59, 93, fig. 26; Fedorov-Davydov, 2001. P. 13, 113, pl. 20; P. 146, no. 5; Cat. Rome, 2005. No. 92).²⁷ Изготовивший сервиз серебряных сосудов мастер Амсалак, судя по имени, сармат, выполнивший сосуды по заказу армянского царя Артевазда, вероятно, освоил технику украшения серебряных сосудов контурными изображениями с позолотой, будучи в Армении в составе сарматских отрядов боспорского царя Фарнака во время его похода в Малую Азию в 49–47 гг. до н. э. (Treister, 2005. P. 223–240; Трейстер, 2005. С.

²⁷ Надпись см.: Виноградов, 1994. С. 156 сл., рис. 1–2; Braund, 1994. P. 310–312; Supplementum epigraphicum graecum, XLIV, P. 660; 662; Bulletin épigraphique, 1996. No. 307; Klochkov, 1996. P. 47, note 35; Treister, 1997b. P. 99, fig. 34.

322–330). На импортных изделиях из сарматских комплексов первых веков нашей эры мне не известны ни грубые следы ремонта, подобно имеющимся на бляхе из Верхнего Погромного, ни реставрации при помощи прошивки оторванных краев изделий узкими металлическими пластинками. В то же время «усовершенствования» импортных металлических сосудов путем добавления зооморфных ручек или украшения их поверхности гравированными изображениями животных с позолотой в пределах контура изображений являются одним из доказательств (есть и другие) существования в сарматской среде в I–II вв. н. э. специализированных мастерских торевтов.

Представленные примеры памятников художественного металла, происходящих из Северного Причерноморья, свидетельствуют не только о ремонте и «усовершенствовании» импортных произведений торевтики и ювелирного искусства в скифской и сарматской среде, что косвенно подтверждает наличие собственных мастеров-торевтов и ювелиров и у скифов, и у сарматов. Приведенные наблюдения позволяют также судить, с одной стороны, о многообразии механизмов наделения инокультурной вещи сакральными функциями, с другой — предполагать, что инокультурные мотивы, использованные как «цитаты», в вещах воспринимающей их культуры могли служить для передачи новой информации и наделять вещь новыми сакральными свойствами.

Алексеев, 1984. — Алексеев А. Ю. Рукоять парадного ахеменидского меча из чертомлыцкого кургана // СГЭ. Л., 1984. Вып. 49.

Алексеев, 1991. — Алексеев А. Ю. Котел из кургана Раскопана Могила как реплика легендарного котла скифского царя Арианта // СГЭ. Л., 1991. Вып. 55.

Алексеев, 2003. — Алексеев А. Ю. Хронография европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.

Алексеев и др., 1991. — Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев, 1991.

Анфимов, 1987. — Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.

Берлизов, 1997. — Берлизов Н. Е. К интерпретации ахеменидского импорта в раннепрохоровских погребениях // Stratum plus. ПАВ. СПб.; Кишинев, 1997.

Беспальный, 1985. — Беспальный Е. И. Курганы I в. н. э. у г. Азова // СА. 1985. № 4.

Бессонова, 1994. — Бессонова С. С. Курганы лесостепного Побужья // Древности скифов. Киев, 1994.

Билимович, 1973. — Билимович З. А. Аттические зеркала в Северном Причерноморье // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973.

Билимович, 1976. — Билимович З. А. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // ТГЭ. Л., 1976. Вып. 17.

Виноградов, 1976. — Виноградов В. Б. К характеристике кобанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

- Виноградов, 1994. — Виноградов Ю. Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2.
- Власова, 2002. — Власова Е. В. О рогах для питья из Уляпского кургана № 4 // Таманская старина. СПб., 2002. Вып. 4.
- Власова, 2003. — Власова Е. В. Серебряный сосуд из кургана Куль-Оба // СГЭ. Л., 2003. Вып. 60.
- Галанина, 1997. — Галанина Л. К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.
- Гузев, 1990. — Гузев В. К. Кобяковская гривна (происхождение и датировка) // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов, 1990. Вып. 9.
- Гузев, 1992. — Гузев В. К. Кобяковский курган (к вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н. э.—начала II в. н. э.) // ВДИ. 1992. № 4.
- Гуляев, 2000. — Гуляев В. И. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V–IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.
- Гуцина, Засецкая, 1989. — Гуцина И. И., Засецкая И. П. Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э.—II в. н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989 (Труды ГИМ. Вып. 70).
- Дворниченко и др., 1997. — Дворниченко В. В., Плахов В. В., Очир-Горяева М. А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. 1997. № 3.
- Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993. — Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3.
- Думберг, 1901. — Думберг К. Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области // ИАК. СПб., 1901. Вып. 1.
- Евдокимов, Фридман, 1987. — Евдокимов Г. Л., Фридман М. И. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.
- Зайцев и др., 1997. — Зайцев Ю. П., Лысенко А. В., Пуздровский А. Е., Семин С. В., Татарцев С. В. Охранные исследования грунтово-археологического склепа на Усть-Альминском позднескифском Некрополе // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Вып. 1.
- Зайцев, Мордвинцева, 2003. — Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. 2003. № 3.
- Зайцев, Мордвинцева, 2004. — Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. «Царица» из Ногайчинского кургана: возможности исторических реконструкций // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Т. 2.
- Зуев, 1998. — Зуев В. Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.
- Зуев, 2000. — Зуев В. Ю. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // СУСЭПТА: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000.
- Зуев, 2003. — Зуев В. Ю. Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье. СПб., 2003.
- Иессен, 1952. — Иессен А. И. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. 1952. Т. 16.
- Ильинская, 1973. — Ильинская В. А. Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности. Киев, 1973.
- Канторович, 2002. — Канторович А. Р. К вопросу о стилистических истоках, причинах популярности и назначении приема «зооморфных превращений» в искусстве скифского звериного стиля // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 2002. Вып. 8.
- Кат. Ленинград, 1985. — Античное художественное серебро: Государственный Эрмитаж: Каталог выставки. Л., 1985.
- Кат. Москва, 1987. — Шедевры древнего искусства Кубани: Каталог. М., 1987.
- Кат. Москва, 2002. — На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Евксинского: Каталог. М., 2002.
- Кат. Ст. Петербург, 1993. — Ортис Д. Коллекция Д. Ортиса: Древности от Ура до Византии: Каталог. Берн, 1993.
- Кат. Ст. Петербург, 1995. — Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото: Ювелирное искусство классической эпохи V–IV века до н. э.: Каталог. СПб., 1995.
- Кат. Ст. Петербург, 1999. — Древний город Нимфей: Каталог выставки. СПб., 1999.
- Кирилин, 1965. — Кирилин Д. С. Материалы Ортельской экспедиции у д. Огоньки 1965 г. Охранные раскопки курганной группы «Три брата» или «Б1ч-Оба» // Архив КГИКЗ. Опись № 2, ед. хран. № 1157.
- Кисель, 2003. — Кисель В. А. Шедевры ювелиров древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003.
- Ковпаненко, 1986. — Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев, 1986.
- Костенко, 1978. — Костенко В. И. Комплекс с фаларами из сарматского погребения у с. Булаховка // Курганные древности степного Поднепровья. Днепрпетровск, 1978. Вып. 2.
- Кропоткин, 1970. — Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.—V в. н. э.). М., 1970 (САИ. Вып. Д1–27).
- Крыжиский, 1993. — Крыжиский С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Ксенофонтова, 1997. — Ксенофонтова И. В. Серебряный ритон с протомой Пегаса из IV Уляпского кургана // ВДИ. 1997. № 2.
- Ксенофонтова, 2005. — Ксенофонтова И. В. Серебряная фиала из фондов Национального музея Республики Адыгея // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005.
- Кузнецова, 2002. — Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. М., 2002.
- Латто-Данилевский, Мальмберг, 1894. — Латто-Данилевский А., Мальмберг В. Древности Южной России. Курган Карагодешух // МАР. СПб., 1894. Вып. 13.
- Ливиц, 2001. — Ливиц В. А. О датировке надписей на серебряных сосудах из кургана 1 у деревни Прохоровка // Боспорский феномен: Колонизация региона: Формирование полисов: Образование государства: Материалы междунар. науч. конференции. СПб., 2001. Ч. 2.
- Ливиц, Зуев, 2004. — Ливиц В. А., Зуев В. Ю. О датировке парфянских надписей на фиалах из кургана 1 у деревни Прохоровка // ВДИ. 2004. № 2.
- Лордкипанидзе, 1983. — Лордкипанидзе О. Д. Античный импорт в Вани // Вани. Археологические раскопки: В 8 т. / Под ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1972–1986. Тбилиси, 1983. Т. 7. (На груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.)
- Лордкипанидзе, 1997. — Лордкипанидзе О. Д. Боги Фазиса // ВДИ. 1997. № 1.
- Лукьяшко, 2000. — Лукьяшко С. И. О семантике изображений на серебряном кувшине из кургана 28 группы Высочино VII // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2000. Вып. 3.
- Максименко, 1998. — Максименко В. Е. Сарматы на Дону: археология и проблемы этнической истории // Донские древности. Азов, 1998. Вып. 6.
- Максимова, 1979. — Максимова М. И. Артюховский курган. Л., 1979.
- Манцевич, 1966. — Манцевич А. П. Деревянные сосуды скифской эпохи // Эпоха бронзы и раннего железа. Славяне. Л., 1966 (АСГЭ. Вып. 8).
- Манцевич, 1976. — Манцевич А. П. Находка в Запорожском кургане (к вопросу о Сибирской коллекции Петра I) // Скифо-сарматский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
- Манцевич, 1987. — Манцевич А. П. Курган Солоха. Л., 1987.
- Маразов, 1978. — Маразов И. Ритоните в древна Тракия. София, 1978.
- Матисаивили, 1977. — Матисаивили Н. Н. Металлические сосуды // Археологические раскопки в Вани. Тбилиси, 1977. Т. 3.
- Мелокова, 1981. — Мелокова А. И. Краснокутский курган. М., 1981.
- Минасян, 1986. — Минасян Р. С. Литые бронзовых котлов у народов степей Евразии (VII в. до н. э.—V в. н. э.) // Материалы и исследования по археологии СССР / Под. ред. Б. Б. Пиотровского. Л., 1986 (АСГЭ. Вып. 27).

- Минасян, 1991. — Минасян Р. С. Техника изготовления золотых и серебряных вещей из Чертомлыцкого кургана // Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев, 1991.
- Минасян, 1999. — Минасян Р. С. О первоначальном облике золотых подвесок с изображением головы Афины из кургана Куль-Оба // СГЭ. СПб., 1999. Вып. 58.
- Мозолевский, 1979. — Мозолевский Б. М. Товста Могила. Київ, 1979.
- Мозолевский, 1980. — Мозолевский Б. Н. Скифские курганы в окрестностях Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Мозолевский, Полин, 2005. — Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Киев, 2005.
- Мордвинцева, 1996. — Мордвинцева В. И. О вторичном использовании ахеменидских блюдов из Прохоровского кургана // РА. 1996. № 2.
- Мордвинцева, 2003. — Мордвинцева В. И. Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003.
- Мордвинцева, Зайцев, 2002. — Мордвинцева В. И., Зайцев Ю. П. Деревянные сосуды из Усть-Альминского некрополя // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы 8-го археологического семинара (Краснодар, 13–15 июня 2001 г.). Краснодар, 2002.
- Моруженко, 1992. — Моруженко А. О. Скифский курган Передериева Могила // Археологія. Київ, 1992. № 4.
- Онайко, 1966. — Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. М., 1966 (САИ. Вып. Д 1–27).
- Переводчикова, 2000. — Переводчикова Е. В. К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.
- Петренко, 1967. — Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. М., 1967 (САИ. Вып. Д 1–4).
- Петренко, 1978. — Петренко В. Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. М., 1978 (САИ. Вып. Д 4–5).
- Пичикян, 1984. — Пичикян И. Р. Малая Азия–Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984.
- Придик, 1914. — Придик Е. М. Новые кавказские клады // МАР. Пг., 1914. Вып. 34.
- Прохорова, 1994. — Прохорова Т. А. Некоторые аспекты идеологии сармато-алан (по материалам кургана 10 Кобяковского могильника) // ВДИ. 1994. № 4.
- Прохорова, Гузев, 1992. — Прохорова Т. А., Гузев В. К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1.
- Ростовцев, 1918. — Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. Пг., 1918. Вып. 37.
- Савельева, Смирнов, 1972. — Савельева Т. В., Смирнов К. Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. 1972. № 3.
- Симоненко, 1993. — Симоненко А. В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
- Скорый, 2000. — Скорый С. А. Античная металлическая посуда из Большого Рыжановского кургана // Музейні читання. Київ, 2000.
- Тачева-Хитова, 1971. — Тачева-Хитова М. Тракийско могильно погребение край с. Староселка, Шуменски окръг: Инвентар, ритуал и датировка на погребението от могилна гробница // Археология. 1971. № 3.
- Тереножкин, Мозолевский, 1988. — Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.
- Толордава, 1977. — Толордава В. А. Погребение с черепичным перекрытием из Даблагоми // Античные памятники Колхиды и Иберии. М., 1977 (КСИА. Вып. 151).
- Трейстер, 1994. — Трейстер М. Ю. Сарматская школа художественной торевтики: К открытию сервиза из Косики // ВДИ. 1994. № 3.
- Трейстер, 2000. — Трейстер М. Ю. О ювелирных изделиях из Ногайчикского кургана // ВДИ. 2000. № 1.
- Трейстер, 2005. — Трейстер М. Ю. Сарматские воины Фарнака Боспорского (к вопросу об исторической интерпретации погребения в Косике // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников: Материалы междунар. конференции. СПб., 2005.
- Трейстер, 2006а. — Трейстер М. Ю. Фалары из станицы Успенской (к вопросу о времени появления больших наплечных фаларов эллинистического времени) // Древности Боспора. М., 2006. Т. 10.
- Трейстер, 2006б. — Трейстер М. Ю. Гарнитур украшений из погребения № 1 Старшего Трехбратнего кургана // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в VII–I вв. до н. э.: Материалы междунар. конференции (Россия, Тамань, 9–16 октября 2000 г.). СПб., 2006.
- Херсонес Таврический, 2005. — Херсонес Таврический в третьей четверти VI–середине I вв. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005.
- Хоштариа, 1972. — Хоштариа Н. В. История археологического изучения Вани // Вани. Археологические раскопки: В 8 т. / Под ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1972–1986. Т. 1: Археологические раскопки 1947–1969 гг. Тбилиси, 1972. (На груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.)
- Черненко, 1975. — Черненко Е. В. Оружие из Толстой Могилы // Скифский мир. Киев, 1975.
- Шилов, 1956. — Шилов В. П. Погребение сарматской знати I в. до н. э.–I в. н. э. // СГЭ. Л., 1956. Вып. 9.
- Шилов, 1959. — Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья. М., 1959. Т. 1 (МИА. № 60).
- Шкурко, 1976. — Шкурко А. И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
- Шукун, 1994. — Шукун М. Б. На рубеже эр. СПб., 1994.
- Яблонский и др. — Яблонский Л. Т., Девис-Кимбелл Дж., Демиденко Ю. В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 г. // Курганы левобережного Илека. М., 1995. Т. 3.
- Яблонский, Мецерьяков, 2005. — Яблонский Л. Т., Мецерьяков Д. В. Раскопки курганов раннесарматского времени у д. Прохоровка (предварительное сообщение) // КСИА. М., 2005. Вып. 219.
- Яблонский, Мецерьяков, 2007. — Яблонский Л. Т., Мецерьяков Д. В. Раскопки «царского» кургана в Филипповке (предварительное сообщение) // РА. 2007. № 2.
- Abka 'I-Khavari, 1988. — Abka 'I-Khavari M. Die achämenidischen Metallschalen // AMI. Berlin, 1988. Bd 21.
- Alekseyev, 2005. — Alekseyev A. Scythian Kings and «Roal» Burial Mounds of the Fifth and Fourth Centuries BC // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC–first century AD). Exeter, 2005.
- Alekseev, 2006. — Alekseev A. Scythian Kings and «Roal Barrows» of the Fifth and Fourth Centuries B. C.: Modern Chronology and Interpretation // The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World: The Metropolitan Museum of Art Symposia. New York; New Haven; London, 2006.
- Alekseev, 2007. — Alekseev A. Skythische Könige und Fürstengurgane // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; Berlin; London; New York, 2007.
- Amandry, 1959. — Amandry P. Toreutique achéménide // Antike Kunst. Basel, 1959. Bd 2.
- Archibald, 1998. — Archibald Z. H. The Odrussian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked. Oxford, 1998.
- Artamonow, 1970. — Artamonow M. I. Goldschatz der Skythen. Prag, 1970.
- Arvanitopulos, 1912. — Arvanitopulos A. S. Ein Thessalischer Gold- und Silberfund // Athenische Mitteilungen. Mainz, 1912. Bd 37.
- Beazley, 1939. — Beazley J. The Excavations at Al-Mina, Suedia, III. The Red-Figured Vases // Journal of Hellenic Studies. London, 1939. Vol. 59.
- Bespaly, 1986. — Bespaly E. I. Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in

- 1979–84 // *Raev B. A.* Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford, 1986 (BAR: International Series. No. 278).
- Bill*, 2003. — *Bill A.* Studien zu den Gräbern des 6. bis 1. Jahrhunderts v. Chr. in Georgien unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bonn, 2003. Bd 96.
- Boardman*, 1994. — *Boardman J.* The Diffusion of Classical Art in Antiquity. London, 1994.
- Boardman*, 2000. — *Boardman J.* Persia and the West. London, 2000.
- Boltrik, Fialko*, 1991. — *Boltrik Ju. V., Fialko E. E.* Der Oguz-Kurgan. Die Grabanlage eines Skythenkönigs der Zeit nach Ateas // Hamburger Beiträge zur Archäologie. Hamburg, 1991. Bd 18.
- Boltrik, Fialko*, 2007. — *Boltrik Ju. V., Fialko E. E.* Der Fürstenkurgan von Oguz // Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; Berlin; London; New York, 2007.
- Borovka*, 1928. — *Borovka G.* Scythian Art. London, 1928.
- von Bothmer*, 1984. — *Bothmer D., von.* A Greek and Roman Treasury // Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. 1984. Vol. 42, no. 1.
- Braund*, 1994. — *Braund D.* An Inscribed Bowl from the Volga Region: King Artheouazes and Ampsalakos // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn, 1994. Bd 102.
- Bulletin épigraphique, 1996. — Bulletin épigraphique. 1994–1997. Paris, 1996. T. 13.
- Calmeyer*, 1993. — *Calmeyer P.* Die Gefäße auf den Gabenbringer-Reliefs in Persepolis // AMI. Berlin, 1993. Bd 26.
- Cat. Athens, 1999. — Ελληνικά κοσμηματα. Από τις Συλλογές του Μουσείου Μπενάκη: Cat. Athens, 1999.
- Cat. Baltimore, 1995. — *Reeder E. D.* Pandora. Women in Classical Greece: Cat. Baltimore, 1995.
- Cat. Dallas, 1990. — *Bromberg A. M.* Gold of Greece: Jewelry and Ornaments from the Benaki Museum: Cat. Dallas, 1990.
- Cat. Daoulas, 1995. — Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates: Nomades des steppes dans l'antiquité (17 Juin–29 Octobre 1995): Cat. Abbaye de Daoulas, 1995.
- Cat. Glasgow, 1996. — Treasures of the Warrior Tombs: Cat. Glasgow, 1996.
- Cat. London, 2005. — Forgotten Empire: The World of Ancient Persia: Cat. London, 2005.
- Cat. Malibu, 1994. — A Passion for Antiquities: Ancient Art from the Collection of Barbara and Lawrence Fleischman: Cat. Malibu, 1994.
- Cat. Mantua, 1998. — L'uomo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakistan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni: Cat. Venezia, 1998.
- Cat. Milan, 1984. — Gli ori di Taranto in età ellenistica: Cat. Milano, 1984.
- Cat. Milan, 2001. — Oro. Il misterio dei Sarmati e de gli Sciti: Cat. Milano, 2001.
- Cat. Montreal, 1987. — Gold of the Thracian Horsemen: Treasures from Bulgaria: Cat. Montreal, 1987.
- Cat. New York, 1975. — From the Lands of the Scythians: Cat. New York, 1975.
- Cat. New York, 2000. — The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes: Cat. New York, 2000.
- Cat. Paris, 2001. — Septe mille ans d'art en Iran: Petit Palais: Cat. Paris, 2001.
- Cat. Rimini, 1995. — Dal Mille al Mille: Tesori e popoli dal mar Nero (Rimini, 5 marzo–25 giugno 1995): Cat. Milano, 1995.
- Cat. Rome, 2005. — I Tesori della Steppa di Astrakhan: Cat. Milano, 2005.
- Cat. Saint Louis, 1998. — Ancient Gold: The Wealth of the Thracians: Treasures from the Republic of Bulgaria: Cat. New York, 1998.
- Cat. San Antonio, 1999. — Scythian Gold: Treasures from Ancient Ukraine: Cat. New York, 1999.
- Cat. Speyer, 2006. — Pracht und Prunk der Grosskönige: Das persische Weltreich: Cat. Stuttgart, 2006.
- Cat. Thessaloniki, 1978. — Treasures of Ancient Macedonia: Catalogue: Archaeological Museum, Thessaloniki. Thessaloniki, 1978.
- Cat. Tokyo, 1991. — The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia: Cat. Tokyo, 1991.
- Cat. Toledo, 1977. — *Oliver A.-Jr.* Silver for the Gods: 800 Years of Greek and Roman Silver: Cat. Toledo, 1977.
- Cat. Trieste, 2002. — Le Arti di Efesto: Capolavori in metallo dalla magna Grecia: Cat. Trieste, 2002.
- Cat. Venice, 1996. — The Western Greeks: Cat. Venezia, 1996.
- Cat. Washington, 1980. — The Search for Alexander: An Exhibition: National Gallery of Art, Washington: Cat. Washington, 1980.
- Damm*, 1990. — *Damm I. G.* Ein baktrisches Goldarmband mit Tierfries // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1990. Bd 23.
- The Dawn of Art, 1974. — The Dawn of Art: Palaeolithic, Neolithic, Bronze Age and Iron Age Remains found in the territory of the Soviet Union: The Hermitage Collection. Leningrad, 1974.
- Deppert-Lippitz*, 1985. — *Deppert-Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck. Mainz, 1985.
- Despini*, 1996. — *Despini A.* Greek Art. Ancient Gold Jewellery. Athens, 1996.
- Dvornitchenko, Fedorov-Davydov*, 1994. — *Dvornitchenko V. V., Fedorov-Davydov G. A.* Trésors des tombes de l'aristocratie sarmate au nord de la Caspienne // Les Scythes. Dijon, 1994 (Les Dossiers d'Archeologie; No. 194).
- Ebert*, 1927/1928. — *Ebert M.* Prochorovka // Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, 1927/1928. Bd 10.
- Fedorov-Davydov*, 2001. — *Fedorov-Davydov G. A.* The Silk Road and the Cities of the Golden Horde. Berkeley, 2001.
- Filow*, 1934. — *Filow B.* Die Grabhügelnekropole bei Duvanlij in Südbulgarien. Sofia, 1934.
- Firsov, Žuravlev*, 2007. — *Firsov K., Žuravlev D.* Kul'-Oba, Kozel und Aksjutency: Fürstengräber zwischen Krim und Waldsteppe // Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; Berlin; London; New York, 2007.
- Frazer*, 1990. — *Frazer A.* The Propylon of Ptolemy II. Samothrace. Princeton, 1990. Vol. 10.
- Formigli, Heilmeyer*, 1990. — *Formigli E., Heilmeyer W.-D.* Tarentiner Goldschmuck in Berlin. 130/131 // Winckelmannsprogramm der archäologischen Gesellschaft zu Berlin. Berlin, 1990.
- Gabelmann*, 1982. — *Gabelmann H.* Eine späthellenistische Silberschale in Köln // Bonner Jahrbücher. Bonn, 1982. Bd 182.
- Galanina, Grach*, 1986. — *Galanina L. K., Grach N. L.* Scythian Art. Leningrad, 1986.
- von Gall*, 1999. — *Gall H., von.* Der achämenidische Löwengreif in Kleinasien // AMI. Berlin, 1999. Bd 31.
- Gill*, 1990. — *Gill D. W. J.* A One-Mina Phiale from Kozani // AJA. New York, 1990. Vol. 94.
- Greifenhagen*, 1970. — *Greifenhagen A.* Schmuckarbeiten in Edelmetall. Berlin, 1970. Bd 1.
- Guguev*, 1994. — *Guguev [Gougouev] V.* Tombe d'une reine sarmate // Les Scythes. Dijon, 1994 (Les Dossiers d'Archeologie. No. 194).
- Guguev*, 1996. — *Guguev V.* The Gold Jewelry Complex from the Kobayakov Pit-Burial // Ancient Jewelry and Archaeology. Bloomington; Indianapolis, 1996.
- Haussig*, 1992. — *Haussig H.-W.* Archäologie und Kunst der Seidenstrasse. Darmstadt, 1992.
- Hoffmann, Davidson*, 1965. — *Hoffmann H., Davidson P. F.* Greek Gold: Jewelry from the Age of Alexander. Mainz, 1965.
- Horedt*, 1973. — *Horedt K.* Die dakischen Silberfunde // Dacia. Bucarest, 1973. T. 17.
- Jacobson*, 1995. — *Jacobson E.* The Art of the Scythians: The Interpenetration of Cultures at the Edge of the Hellenic World. Leiden; New York; Köln, 1995.
- Kat. Berlin, 1996. — Faszination der Antike: The George Ortiz Collection: Kat. Berlin, 1996.

- Kat. Bonn, 1997. — Zwei Gesichter der Eremitage: Die Skythen und ihr Gold: Kat. Bonn, 1997.
- Kat. Frankfurt, 2003. — Steppengold: Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don: Kat. Frankfurt am Main, 2003.
- Kat. Haltern, 2005. — Verschütet von Vesuv: Die letzten Stunden von Herculaneum: Kat. Mainz, 2005.
- Kat. Hamburg, 1993. — Gold der Skythen: Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg: Kat. Neumünster, 1993.
- Kat. Köln, 1998. — Die neue Welt der Griechen: Antike Kunst aus Unteritalien und Sizilien: Kat. Köln, 1998.
- Kat. Schleswig, 1991. — Gold der Steppe: Archäologie der Ukraine: Archäologisches Landesmuseum, Schleswig: Kat. Schleswig, 1991.
- Kat. Zürich, 1993. — Aus den Schatzkammern Eurasiens: Kunsthaus Zürich: Kat. Zürich, 1993.
- Khachatrian*, 1989. — *Khachatrian J.D.* Silver bowls and Basins of Armenia in the Late Hellenistic Period // *Iranica Antiqua*. Leuven, 1989. T. 24.
- Klochov*, 1996. — *Klochov I.S.* Two cylinder Seals from a Sarmatian Grave near Kosika // *ACSS*. Leiden, 1996. Vol. 3. No. 1.
- Ksenofontova, Zajtseva*, 1997. — *Ksenofontova I.V., Zajtseva N.G.* A Silver Rhyton with the Protome of Pegasus from the 4th Ulyap Barrow // *ACSS*. Leiden, 1997. Vol. 4. No. 4.
- Kunstwerke der Antike — Kunstwerke der Antike: Auktion I (14–15 Juni). Basel, 1998.
- Leskov*, 1974. — *Leskov A.M.* Die skythische Kurgane // *Antike Welt*: Sondernummer. Küsnacht, 1974.
- Leskov*, 1990. — *Leskov A.M.* Grabschätze der Adygeen: Neue Entdeckungen im Nordkaukasus. München, 1990.
- Lohmann*, 1999. — *Lohmann H.* Survey in der Chora von Milet. Vorbericht über die Kampagnen der Jahre 1996 und 1997 // *Archäologischer Anzeiger*. Berlin, 1999. H. 3.
- Lohmann*, 2007. — *Lohmann H.* Die Chora Milets in archaischer Zeit // *Frühes Ionien: Eine Bestandaufnahme: Panionion-Symposium Güzelçamlı (26 September–1 Oktober 1999)*. Mainz, 2007 (Miletsische Forschungen. Bd 5).
- Luschey*, 1939. — *Luschey H.* Die Phiale. Bleicherode am Harz, 1939.
- Mellink*, 1960. — *Mellink M.J.* Archaeology in Asia Minor // *AJA*. New York, 1960. Vol. 64.
- Miller*, 1979. — *Miller S.* The So-called Palaiokastro Treasure // *AJA*. New York, 1979. Vol. 83.
- Minns*, 1913. — *Minns E.H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
- Mordvintseva, Zaitsev*, 2003. — *Mordvintseva V.I., Zaitsev Yu.P.* The Nogaichik Burial-Mound in the Steppes of the Crimea // *ACSS*. Leiden, 2003. Vol. 9. No. 3/4.
- Nieswandt*, 1997. — *Nieswandt H.* Zum sog. Pegasos-Rhyton aus Kurgan 4 von Aul Ul'jap. I. Formgebung // *Boreas*. Münster, 1997. Bd 20.
- Pfrommer*, 1990. — *Pfrommer M.* Ein achämenidisches Amphorenrhyton mit ägyptischem Dekor // *AMI*. Berlin, 1990. Bd 23.
- Platz-Horster*, 2003. — *Platz-Horster G.* Der Silberfund von Paternò // *JDI*. Berlin, 2003. Bd 118.
- Platz-Horster, Nagler*, 2007. — *Platz-Horster G., Nagler A.* Die Goldfunde von Majkop // *Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. München; Berlin; London; New York, 2007.
- Potratz*, 1963. — *Potratz J.A.H.* Die Skythen in Südrussland. Basel, 1963.
- Rostovtzeff*, 1922. — *Rostovtzeff M.I.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
- Schefold*, 1938. — *Schefold K.* Der skythische Tierstil in Südrussland // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki, 1938. T. 12.
- Schiltz*, 1994. — *Schiltz V.* Die Skythen und andere Steppenvölker. München, 1994.
- Ščepinskij*, 1994. — *Ščepinskij A.A.* Über die Aristokratie der Sarmaten im nördlichen Schwarzmeergebiet // *Zeitschrift für Archäologie*. Berlin, 1994. Jg. 28.
- Schwarzmaier*, 1996. — *Schwarzmaier A.* Die Gräber in der Großen Blizniza und ihre Datierung // *JDI*. Berlin, 1996. Bd 111.
- Sennf, Heinz*, 1997. — *Sennf R., Heinz M.* Arbeiten am Zeyintepe im Jahre 1994 // *Milet 1994–1995: Vorbericht über die Grabungsarbeiten und Geländeerkundungen, die Denkmalrestaurierung und die naturwissenschaftlichen Begleitprogramme der Miletgrabung in den Jahren 1994 und 1995 (Archäologischer Anzeiger*. H. 2).
- Strong*, 1966. — *Strong D.* Greek and Roman Gold and Silver Plate. London; New York, 1966.
- Summerer*, 2003. — *Summerer L.* Achämenidische Silberfunde aus der Umgebung von Sinope // *ACSS*. Leiden, 2003. Vol. 9. No. 1/2.
- Supplementum epigraphicum graecum. — Supplementum epigraphicum graecum. Leiden, 1997 (T. 44: 1994).
- Tassinari*, 1993. — *Tassinari S.* Il vasellame bronzeo di Pompei. Roma, 1993.
- Treister*, 1997a. — *Treister M.Yu.* Concerning the Jewellery Items from the Burial-Mound at Nogajchik // *ACSS*. Leiden, 1997. Vol. 4. No. 2.
- Treister*, 1997b. — *Treister M.Yu.* New Discoveries of Sarmatian Complexes of the 1st Century AD. A Survey of Publications in VDI // *ACSS*. Leiden, 1997. Vol. 4. No. 1.
- Treister*, 2001. — *Treister M.Yu.* Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics // *Colloquia Pontica*. Leiden; Cologne; Boston, 2001. Vol. 8.
- Treister*, 2002. — *Treister M.Yu.* Metal Vessels from Dardanos // *I bronzi antichi: Produzione e tecnologia: Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi (Grado-Aquileia, 22–26 maggio, 2001)*. Montagnac, 2002 (Instrumentum Monographies. Vol. 21).
- Treister*, 2004. — *Treister M.Yu.* Gold Vessels, Perfume Flasks and Pyxides from Sarmatia // *Pontus and the Outside World: Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology*. Leiden; Cologne; Boston, 2004 (Colloquia Pontica. Vol. 9).
- Treister*, 2005. — *Treister M.Yu.* On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and once more on the «Ampsalakos School» // *ACSS*. Leiden, 2005. Vol. 11.
- Treister*, 2007. — *Treister M.Yu.* The Toreutics of Colchis in the 5th–4th centuries BC.: Local traditions, outside influences, innovations: The Colchian School of Toreutics in the system of Artistic Metalworking of the Black Sea area // *ACSS*. Leiden, 2007. Vol. 13.
- Treister, Yatsenko*, 1998. — *Treister M.Yu., Yatsenko S.A.* About the Centres of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in 'Gold-Turquoise Animal Style' of the 1st–2nd Centuries AD // *Silk Road Art and Archaeology*. Kamakura, 1997/98. Vol. 5.
- Tsetskhladze*, 1994. — *Tsetskhladze G.R.* The Silver Phiale Mesomphalos from the Kuban (Northern Caucasus) // *Oxford Journal of Archaeology*. 1994. Vol. 13. No. 2.
- Ustinova*, 2002. — *Ustinova Yu.* Lycanthropy in Sarmatian Warrior Societies: The Kobyakovo Torque // *Ancient West & East*. Leiden, 2002. Vol. 1.
- Venedikov, Gerassimov*, 1973. — *Venedikov I., Gerassimov T.* Thracische Kunst. Wien; München, 1973.
- Vickers*, 2002. — *Vickers M.* Scythian and Thracian Antiquities in Oxford. Oxford, 2002.
- Vickers, Gill*, 1994. — *Vickers M., Gill D.* Artful Crafts. Ancient Greek Silverware and Pottery. Oxford, 1994.
- Wachter*, 1998. — *Wachter R.* Eine Weihung an Athena von Assesos // *Epigraphica Anatolica*. Bonn, 1998. Bd 30.
- Zimmermann*, 1998. — *Zimmermann N.* Beziehungen zwischen Ton- und Metallgefäßen spätklassischer und frühhellenistischer Zeit. Rahden, 1998.

Repairs and Modifications of Imports and the Use of Foreign Ornamental Patterns in Decoration of Homemade Items in the Scythian and Sarmatian Milieu (by Examples of Artistic Metalwork)

M.Yu. Treister

The paper is devoted to imported items of Greek and Achaemenid jewellery and metal-ware with signs of ancient repairs or modifications. The finds from Scythian and Sarmatian barrows of Eurasia are considered.

I. Repairs.

1.1. Patched holes. Holes were often covered with metal patches riveted round the edges of the object (a gold conical object from the 4th century BC Scythian barrow of Perederieva Mogila).

1.2. Fastening broken off parts together. Broken objects were put together with the help of strips of metal and rivets (4th century BC bronze North-Greek or Macedonian kylix from Gaimanova Mogila; gold Achaemenid plaque found in a Sarmatian burial of the late 2nd–early 1st century BC near the village of Verkhneye Pogromnoye).

1.3. Torn off parts «sewn» together. Absolutely different technique of «sewing» the parts together with narrow silver strips was used for repairing a 4th century BC silver Achaemenid phiale from a Sarmatian barrow near the village of Prokhorovka in the southern Ural. The phiale was reused as a phalera. Another example is large silver-gilt phalerae of the late 3rd–early 2nd century BC probably manufactured in Asia Minor. These were found near the village of Uspenskaya in the North Caucasus.

1.4. Addition of the lost or broken parts to an object. Further discussion is concerned with examples of ancient alterations of the original shapes: imported Greek jewellery in the Bosporan Kingdom of the 4th century BC (temple pendants with the image of Athena Parthenos from Kul-Oba, a necklace from a female burial at the Elder Three Brothers barrow) and South Italic jewellery of the 3rd century BC (a necklace from the Nogaichin barrow).

1.5. Objects remade completely. Cardinal remakes of imported objects are illustrated *e. g.* by the Achaemenid sword found in the Chertomlyk barrow.

2. Modifications.

2.1. Additional facings decorated in the animal style. In the Scythian Kul-Oba barrow of the 4th century BC in the Eastern Crimea was found a bronze mirror of the Attic type, decorated with engraved palmette with volutes. Its handle was covered with gold facing with hammered images of running animals in the Scythian animal style. Since mirrors were held to have magical properties, it is probable that certain

sacral functions of an object pertaining to the Scythian culture were thus transmitted to the imported article.

2.2. Engraved motifs of the animal style. Some of the disks of imported bronze mirrors decorated originally with engraved palmettes were later additionally engraved with animal designs. Three such mirrors have been found in the necropoleis of the Bosporan cities of Nymphaion and Pantikapaion, as well as in the Sindian 6th Seven Brothers kurgan in the basin of the Kuban River. As suggested by Z. A. Bilimovich, the animal images on the latter disk were engraved by a Scythian craftsman, whereas all the three mirrors were manufactured at a North Pontic workshop in the second quarter or the middle of the 5th century BC. Dated to approximately the same period is additional decoration of a silver phiale from the so-called Maikop Treasure. The phiale has an omphalos encircled by a silver-gilt plaque with feather pattern. Afterwards it was ornamented with an incised head of a bird of prey which has numerous parallels in the Scythian art of the 6th–5th centuries BC. A silver kylix with the graffito ΛΥΚΟ of the late 5th century BC from the oldest burial of the Solokha barrow was also additionally engraved with two animal compositions. According to A. Yu. Alekseev, the grave belonged to the Scythian king Orik. Decorated with similar additional engravings showing animals gilded within their outlines are silver phialai of the 1st century AD from the Sarmatian burial in a kurgan near Novo-Aleksandrovka.

2.3. Additional handles or loops. Noteworthy the same Sarmatian burial near Verkhneye Pogromnoye where the repaired Achaemenid plaque was found yielded in addition two Hellenistic silver bowls of which one was of conical shape and a type widespread in the 2nd–1st centuries BC. This had an attachment in the form of a silver loop riveted to the bowl. It is quite possible that both the repair of the plaque and modification of the bowl were executed by one and the same craftsman.

2.4. Additional handles ornamented in the animal style. These additions not only altered the function of the objects but also their symbolic meaning. Examples are a silver basin and a ladle from the abovementioned burial near Novo-Aleksandrovka. The two vessels both were transformed by soldering zoomorphic handles to them. The ladle was remade in this way from a late Hellenistic bowl. The position of the attached zoomorphic handle on the silver jug with engraved friezes from

cache no. 1 at barrow no. 28 near Vysochino suggests that the handle was a later addition since it overlapped the subject of the frieze. This fact testifies moreover that the zoomorphic handle was more important for the customer than the figured frieze itself.

2.5. Insertions riveted to the central part of an item of jewellery possibly altering the latter's construction, symbolic meaning and sacral function. An example of such a modification is a torque (or a diadem) from the burial of a Sarmatian priestess (?) of the late 1st–early 2nd century AD in barrow no. 10 at Kobyakovo (outskirts of Rostov-on-Don). The central part of the torque showing a god or a hero sitting *en face* was manufactured separately and attached in the centre of the body of the torque. To the left and right of the central piece, as well as on the back plate of the torque, there are openwork animal combat scenes executed in the Central Asian animal style and richly embellished with turquoise inlays. The central plaque with the image of a sitting individual is rendered in a style differing from the rest of the torque having probably altered its symbolic meaning and sacral function rather than its general construction.

III. Foreign patterns in decoration of objects.

Here analysed are the decorative patterns of the Scythian bronze cauldrons of the 4th century BC from Raskopana Mogila and the North Burial of Chertomlyk. The composition of the upper frieze of the cauldron from Raskopana Mogila (alternating bukrania and phialai) suggests a «citation» of the ornamental pattern used in Greek architecture and in decoration of the Apulian vases. Further examples are the decoration of the horse-bit from the horse burial in the Middle Three Brothers barrow (guilloche pattern) and the bronze pole-tops from Tolstaya Mogila (palmettes), Aleandropol and Krasnyi Kut barrows (ovae). Finally, considered are images and patterns on the so-called «bird-beak» cheek-pieces from the 4th century BC Scythian barrows, in particular the peculiarities of the cheek-pieces from the Southern horse burial of Tolstaya Mogila.

Conclusions. Analysis of imported Greek and Achaemenid objects, as well as those from Hellenistic Asia Minor, found in Scythian and Sarmatian burials shows that these articles of bronze or precious metals were often repaired or modified by local craftsmen. This fact suggests the existence of local workshops in the 4th–2nd centuries BC where it was possible to repair the damaged bowls or belt plaques by primitive means using brackets, rivets or braces made of silver wire or metal strips. Similarly restored in antiquity were the wooden figures of deer covered with gold overlays from the 4th century BC Sarmatian barrow

at Filippovka in the Southern Ural. Furthermore, as early as the 4th century BC the Scythians and Sarmatians knew a technique of repairing wooden vessels with gold appliqué. The parts torn off from such objects were «sewn» to them by means of narrow bronze, silver or gold strips which were passed crosswise through the holes pierced along the edges. The fact, that signs of repair were well recognisable on the front surface of the objects, made anxious, as it seems, neither the craftsmen nor their clients. Along with renewal of various objects, the handicraftsmen probably produced in addition certain simple modifications of the imports. In particular, new handles were riveted to silver bowls manufactured in the workshops of Asia Minor or cities of the northern Black Sea littoral.

As early as the 5th century BC there existed a practice of additional decoration of Greek metal imports by engraved images in the animal style. These alterations were executed probably by Scythian craftsmen. Specialized craftsmen appeared among the Sarmatians at least as early as the mid-1st century BC as attested by a Greek inscription on a silver vessel with engraved friezes gilded within the contours of the images. The vessel, along with some similar ones, came from a burial near the village of Kosika in the Lower Volga area. The craftsman Ampsalakos, a Sarmatian judging by his name, manufactured this set of silver vessels by request of Artevasdes, king of Armenia. The craftsman had mastered the complicated technique of decorating silver vessels with engraved gilded images probably when he visited Armenia with the Sarmatian troops of the Bosporan King Pharnakes during the latter's campaign in Asia Minor in 49–47 BC. The author is informed of no traces of primitive repairs (such as we know from the plaque from Verkhneye Pogromnoye) on imported jewellery from the Sarmatian complexes of the first centuries AD nor about renewal of any objects by «sewing» together the torn edges during that period. Nevertheless, modification of imported silver vessels by addition of zoomorphic handles or their additional decoration by engraved animal representations gilded within their contours suggests (along with other evidence) the existence of specialized toreutic workshops among the Sarmatians in the 1st century BC–2nd century AD.

The considerations presented above enable us, in addition, to form an idea about the variety of mechanisms of introducing a sacral function to objects of foreign cultures. Moreover, they give us grounds to suggest that the foreign ornamental patterns used as «citations» on the objects of the culture that adopted them may have been used to communicate new information and to render them new sacral meaning.

РАСПРЕДЕЛИТЕЛИ УЗДЕЧНЫХ РЕМНЕЙ СКИФСКОГО И ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Е. В. Степанова¹

В последние годы в археологии Южной Сибири наметилась парадоксальная тенденция: скифские памятники, имеющие отдельные аналогии раннескифского времени, автоматически удревняются до рубежа VI–V вв. до н. э., а имеющие аналогии гунно-сарматского времени — омолаживаются до II в. до н. э., невзирая на вещевой комплекс в целом. Между тем время существования каждой группы вещей индивидуально и далеко не всегда укладывается в рамки того или иного хронологического этапа. «Каждое выявленное археологическое явление, будь то типологический ряд, кластеры корреляции или археологические культуры, коренится еще в предшествующих периодах», в какой-то момент оно становится господствующим, получает широкое распространение, а затем неизбежно «начинается период старения, и популярные некогда проявления материальной культуры постепенно сходят на нет, сменяясь новыми. ...Применение “ромбоидальной” парадигмы хронологического мышления, где ступени и фазы относительной хронологии в абсолютном счете времени оказываются частично перекрывающимися друг друга, позволяет снять целый ряд противоречий, неизбежно возникающих при переводе относительных дат в абсолютные» (Шукин, 2004. С. 273).

Рассмотрим это положение на примере опубликованных недавно материалов курганов 2 и 5 могильника Чендек-ба в Уймонской долине (Горный Алтай), раскопанных С. М. Киреевым в 1999 г. По погребальному обряду и инвентарю данные памятники могут быть отнесены к пазырыкской культуре (Киреев, Шульга, 2006).

В кургане 5 под каменной насыпью диаметром около 9,5 м в подпрямоугольной в плане яме 2,7 × 2,15 м, глубиной 2,5 м, ориентированной по линии запад–восток, были похоронены мужчина и женщина. Умерший был уложен у южной

стенки ямы на спину головой на восток. В головах находился развал керамического сосуда, в районе черепа и тазовых костей — около 200 фрагментов золотой фольги, а также округлые обкладки, вероятно, от поясной гарнитуры. На тазовых костях прослежены следы кожаного поясного ремня. У бедренных костей зафиксирован бронзовый чекан с деревянной рукоятью, железный фрагментированный кинжал с антенновидным (?) навершием и бронзовая пластина каплевидной формы (Там же. Рис. 4, 1–2, 4, 7–36).

Женское погребение, сильно потревоженное грабителями, находилось в центре ямы. К сопроводительному инвентарю, по-видимому, относятся золотые проволочные серьги с шаровидными сердоликовыми бусинами, керамический сосуд и железный нож с петельчатым навершием, помещенные в северной, «хозяйственной» части могилы (Там же. Рис. 4, 3, 5–6).

У северной стенки могилы находились костяки двух лошадей. Одна из лошадей была взнуздана и оседлана, полностью сохранились роговые уздечный и седельный наборы. Узда с железными удилами, роговыми двудырчатыми дуговидными псалиями, сложным роговым чумбурным блоком² и копытовидной пронизкой (застежкой подбородного ремня) была украшена 10 бусинами-пронизками с орнаментом из кружков и треугольников; аналогичный орнамент выгравирован на псалиях (Там же. Рис. 3, 1–14). Седло. Седельный набор представлен роговой пряжкой одночастной

² Сложные чумбурные блоки — чумбурные блоки со штифтовым креплением. Изготавливались из кости или дерева. Имели форму, близкую слегка уплощенному усеченному конусу. В широкой части блока параллельно основанию располагалось круглое отверстие для чумбура диаметром 1,0–1,4 см. В узкой верхней части высверливалось отверстие диаметром 0,7–0,9 см, перпендикулярное отверстию для чумбура, тупиковое или соединявшееся с ним. В него вставлялся конец правого повода и закреплялся одним или двумя кожаными штифтами, для которых параллельно основанию блока высверливались специальные отверстия диаметром 0,3–0,4 см, проходящие сквозь канал для повода, и сам повод.

¹ Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел научной документации по учету и хранению.

© Е. В. Степанова, 2010

застежки с двумя поперечными овальными отверстиями и носиком, лежащим в плоскости пряжки. В седельный комплект входили также четыре уплощенные полусферические пронизки, скорее всего (по аналогии с сохранившимися седлами из Пазырыкского могильника), размещавшиеся на упорах (полукруглых выступах в передней и задней частях седла); две каплевидные с округлыми отверстиями подвески к упорам; четыре каплевидные с округлыми отверстиями подвески большего размера к поперечным седельным ремням; одна подвеска, аналогичная подвескам к упорам, возможно, украшала подхвостный ремень; и наконец, две полукруглые накладки на приструги с одним круглым отверстием для привязывания нагрудника и тремя маленькими отверстиями для крепления к приструге (Там же. Рис. 3, 15–28).

В кургане 2 под каменной насыпью диаметром около 7 м в подпрямоугольной в плане яме 2,5 × 1,8 м, глубиной 2,7 м, ориентированной на запад–северо-запад — восток–юго-восток, был расчищен костяк взрослого человека, уложенного на правый бок головой на восток–юго-восток. В придонной части ямы прослежен тлен от деревянного перекрытия, под костяком — деревянный настил. У правой руки, плеч и головы найдены несколько фрагментов золотой фольги, в районе пояса — бронзовый чекан с фрагментом деревянной рукояти и деревянным «втоком», а между бедренных костей — бронзовый кинжал с антенновидным навершием и брусковидным перекрестьем (Там же. Рис. 1, 3–13). В северной «хозяйственной» части могилы зафиксированы развал керамического сосуда и нож плохой сохранности.

У северной стенки могильной ямы находился костяк лошади головой на восток–юго-восток. Узда. У черепа лошади найдены железные удила, два бронзовых двоителя нащечных ремней, три бронзовых распределителя для перекрещивающихся ремней, бронзовая пронизка и простой роговой чумбурный блок. Псалии не обнаружены (возможно, они были деревянными). Седло. Уцелела роговая пластинчатая подпрямоугольная пряжка двухчастной застежки с носиком-крючком, направленным внутрь пряжки, и небольшим овальным отверстием для крепления к подпруге. Седельный роговой комплект также включал: две щитовидные, без декоративных отверстий, подвески к передним упорам; четыре щитовидные с округлым отверстием подвески к поперечным седельным ремням; две щитовидные

с каплевидным отверстием подвески, немного большего размера и несколько расширенные в нижней части, вероятно, украшавшие подхвостник; две большие щитовидные подвески к пристругам, причем одна с большим овальным отверстием диаметром 2,3 см, а другая — с каплевидным, диаметром 0,9 см, аналогичным декоративным отверстиям в подвесках к подхвостнику. Кроме того, сохранилась одна уплощенная полусферическая пронизка, аналогичная пронизкам из кургана 5 (Там же. Рис. 2, 1–20).

Основной сопроводительный инвентарь из курганов 2 и 5, по мнению С.М. Киреева и П.И. Шульги, датируется в рамках всей пазырыкской культуры и не позволяет уточнить последовательность и время возведения курганов.

Уздечный и седельный наборы из конского захоронения кургана 5 типичны для поздних курганов пазырыкской культуры, таких как 3–6-й Пазырыкские курганы, Шибе, Каракол (Степанова, 2006. С. 131–141, табл. 3–7, рис. 9, 11, 14, 16), и, в частности, находят почти полное соответствие в 3-м и 4-м Пазырыкских курганах (Руденко, 1953. Табл. XLVII, 1–3; XLVIII, 2–7, LIX: 1, 4, 7–11; LX, 1–8, 13; LXI, 6, 8–9, 11–12). Седельный набор из конского захоронения кургана 2 также типичен для поздних курганов пазырыкской культуры, однако сочетание седел со щитовидными подвесками и узды с бронзовыми распределителями и двоителями зафиксировано впервые.

Для эталонных (классических) памятников пазырыкской культуры, даже таких ранних как 2-й Башадарский или 1-й и 2-й Туэктинский курганы, ни распределители, ни двоители ремней не характерны. Но в некоторых рядовых курганах они всё же встречаются, правда, выполненные из рога (курган 4 Талдура I; курганы 17, 26 Кок-су I).

Наличие в кургане 2 могильника Чендек-ба бронзовых распределителей и двоителей ремней, а также «округлых» ремней узды и роговой пряжки с носиком-крючком, обращенным внутрь, позволило авторам публикации отнести его к самым ранним памятникам пазырыкской культуры, даже ранее 2-го Башадарского и 1–2-го Туэктинских курганов, и датировать, соответственно, серединой VI в. до н. э. (Киреев, Шульга, 2006. С. 92–93), несмотря на позднепазырыкский декор и фурнитуру седел.

Авторы отвергают предположение о «существовании сбруи раннего типа (как ременной конструкции, так и фурнитуры) без изменений до IV–III вв. до н. э.» (Там же. С. 93). В целом

с этим мнением следует согласиться. Однако факты показывают, что распределители и двoitели уздечных ремней продолжали использоваться, хотя и ограниченно, на протяжении всего скифского и гунно-сарматского времени. Функционально идентичные распределители ремней встречаются даже в средневековых памятниках.³ Двухчастные подпружные застёжки бытовали на Алтае на протяжении всего периода существования пазырыкской культуры (Степанова, 2006. С. 125, 132–133, 146). Что касается «круглых» (свернутых в трубочку) ремней, то они встречаются как в ранних, так и в поздних пазырыкских памятниках (Руденко, 1953. С. 152–158; 1960. С. 70), зафиксированы в тюркское время (Табалдиев, 1996. Рис. 17, 7) и продолжают применяться до сих пор при изготовлении узд, например, монголами и тувинцами (Даржа, 2003. Рис. 30, 40; Викторова, 1980. Рис. 17).⁴

Распределители перекрещивающихся ремней скифского и гунно-сарматского времени. Хотя распределители появились еще в предскифскую эпоху, но наибольшее распространение они получили в раннескифское время. Бронзовые, костяные и золотые распределители перекрещивающихся ремней с разнообразной формой щитков характерны для наборов узд и нагрудников этого времени наряду с трехдырчатыми, напускными, У-видными и дуговидными двудырчатыми псалями с Т-образным шпеньком, бронзовыми удилами, наносниками, бронзовыми пронизками-колечками, клювовидными «застёжками» подбородных ремней. Стандартный седельный набор предполагал с левой стороны двучастную бронзовую или костяную подпружную застёжку, состоящую из петли и пряжки с носиком-крючком, направленным внутрь, или носиком-кнопкой, и крупную бляху-застёжку с правой. Подобная фурнитура обычно датируется VII–VI вв. до н.э.

³ Например, бронзовые распределители с круглым щитком из конского погребения кургана 21 могильника Беш-Таш-Короо II (Внутренний Тянь-Шань), датируемого VII–VIII вв. (Табалдиев, 1996. Рис. 17, 8); серия крестовидных распределителей с укороченными лопастями, петельками на обороте и выпуклостью в центре из памятников Красная речка и Садыр-Курган (Чуйская долина) X в. Благодаря научного сотрудника Государственного Эрмитажа А. В. Торгоева за привлечение внимания к этой интересной группе памятников.

⁴ Подробно технология изготовления таких ремней рассмотрена В. К. Даржой на примере выделки аркана (Даржа, 2003. Рис. 35). Ремни для узды и ремешки «баг» для крепления подпруг и приструг к седлу производятся аналогичным способом (благодарю В. К. Даржу за пояснения).

Она была распространена на всем пространстве Евразийских степей и в прилегающих регионах.

Распределители уздечных ремней, как и двучастные подпружные застёжки, продолжают использоваться и позднее, в скифское и гунно-сарматское время, но утрачивают разнообразие оформления и тщательность отделки. Типологически они представляют собой развитие лишь некоторых раннескифских форм.

Крестовидные распределители с петлями на обороте на концах лопастей из кургана 2 Рогозихи-1 (Барнаульское Приобье) датируются концом VI–началом V в. до н.э. (Уманский и др., 2005. Рис. 3, 4), а аналогичные детали фурнитуры из 5-й могилы Дырестуйского могильника (Забайкалье) и кургана 51 могильника Яломан-II (Алтай) — II–I вв. до н.э. (Миняев, 1998. Табл. 1, 2; с. 73; Могильников, 1992. Табл. 105, 45; Тишкин, Горбунов, 2005. Рис. 1, 9; Тишкин, Горбунова, 2005. С. 118) (рис. 1, 5–7). Характерно, что в уздечные наборы из Яломана-II входили железные прямые двудырчатые псалии с круглыми и «весловидными» окончаниями, подобные деревянным псалям из 1-го, 3-го и 5-го Пазырыкских курганов (Тишкин, Горбунов, 2005. Рис. 1, 3, 4; Тишкин, Горбунова, 2005. Рис. 1, 1; Степанова, 2006. Рис. 16, 67–68, 71–73; Руденко, 1953. XLIII; XLIX, 2, 3; LV, 5; LXVI; LXX, 1). Распределитель, похожий на яломанские и дырестуйский, с круглым, сквозным, окруженным валиком отверстием по центру, происходит из Минусинской котловины, но датировка его неопределенна (Членова, 1967. С. 77, табл. 17, 22).

Крестовидные распределители с петлями на обороте восходят к распределителям раннескифского времени в виде пересекающихся трубочек, найденным в Уйгараке и Южном Тагискене (Западный Казахстан) (рис. 1, 1–2, 4). Распределитель такой же формы, но с небольшой выпуклостью в центре, из кургана 1 Казанково-10 (Кузнецкая котловина) по аналогиям сопроводительного инвентаря (золотая серьга с подвеской из бирюзового бисера, бронзовое зеркало с массивной петлей на обороте) датирован Ю. В. Шириним VI–V вв. до н.э. (Ширин, 2004. Рис. 2, 1, 2; 3, 1; с. 9–10, 21) (рис. 1, 3). Сходный с ним распределитель (несколько укороченные лопасти, выпуклость в центре) известен также из Минусинской котловины (Членова, 1967. С. 77, табл. 17, 23).

Однако большинство поздних бронзовых распределителей относится, с небольшими вариациями, к другому типу — с круглым щитком,

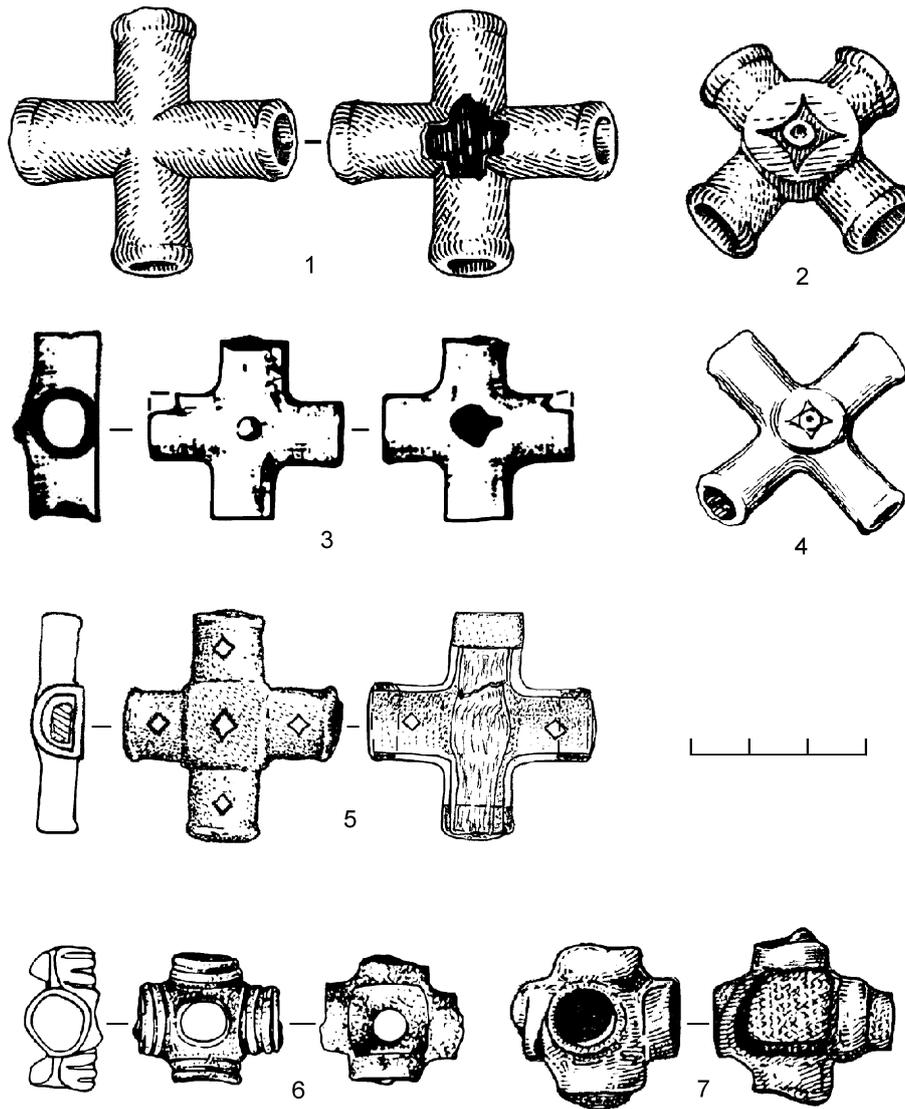

Рис. 1. Крестовидные распределители ремней

Скифского времени: 1 — Уйгарак, курган 83 (Вишневская, 1973. Табл. XIX, XVIII); 2 — Уйгарак, курган 70 (Вишневская, 1973. Табл. XIX, XVIII); 3 — Казанково-10, курган 1 (Шурин, 2004. Рис. 2, 1); 4 — Южный Тагискен, курган 55 (Итина, Яблонский, 1997. Рис. 47, 14); 5 — Рогозиха-1, курган 2 (Уманский и др., 2005. Рис. 3, 4)

Гунно-сарматского времени: 6 — Яломан-II, курган 51 (Тишкин, Горбунов, 2005. Рис. 1, 9); 7 — Дырестуйский могильник, могила 5 (Могильников, 1992. Табл. 105, 45)

1-7 — бронза

Fig. 1. Cross-like strap distributors of the Scythian period: 1 — Uygarak, kurgan 83; 2 — Uygarak, kurgan 70; 3 — Kazankovo-10, kurgan 1; 4 — Southern Tagisken, kurgan 55; 5 — Rogozikha-1, kurgan 2

Cross-like strap distributors of the Hun-Sarmatian period: 6 — Yaloman-II, kurgan 51; 7 — Dyrestui Cemetery, grave 5

1-7 — bronze

полусферическим или уплощенно-конусовидным, и квадратным основанием с ромбической прорезью, меньшего размера, чем декоративный щиток.

С. М. Киреев и П. И. Шульга, описывая уздечную фурнитуру из кургана 2 могильника Чендек-ба, отмечают, что распределители из этого памятника «уже не копия раннескифской формы..., а распределители новой эпохи с зауженным основанием и выделяющимся специфическим коническим щитком» (Киреев, Шульга, 2006.

С. 95), но предполагается, что эти элементы фурнитуры не выходят за пределы первой половины V в. до н.э. (Уманский, Шульга, 2005. С. 128).

По мнению Н. Л. Членовой, распределители с круглым наружным щитком, у которых «нижний кружок представляет собой прорезное кольцо или прорезной квадратик меньшего размера, чем верхняя крышка», появляются в Минусинской котловине в V в. до н.э. и продолжают существовать до таштыкского времени (Членова, 1967. С. 78). Некоторое количество подобных деталей

фурнитуры происходит из случайных находок (Там же. Табл. 17, 27; 1992. Табл. 85, 23), однако они представлены и в датированных комплексах: в поздних тагарских курганах — Большом Тесинском и в кургане 2 могильника Береш, а также входят в состав Знаменского клада (рис. 2, 2–4).

Материалы кургана у с. Тесь, раскопанного И. Р. Аспелиным в 1889 г., были опубликованы в 1922 г. А. М. Тальгреном, датировавшим памятник III–IV вв. н. э. Позднее С. В. Киселев, на основании отдельных аналогий в хуннских памятниках Забайкалья I в. до н. э.–I в. н. э., предложил относить завершение тагарской культуры к I в. н. э. (Киселев, 1949. С. 163). В 1960-е гг. Л. П. Кызласов для тагаро-таштыкского этапа, а М. П. Грязнов для тесинского завершающего этапа тагарской культуры выдвинули еще более раннюю дату — II–I вв.

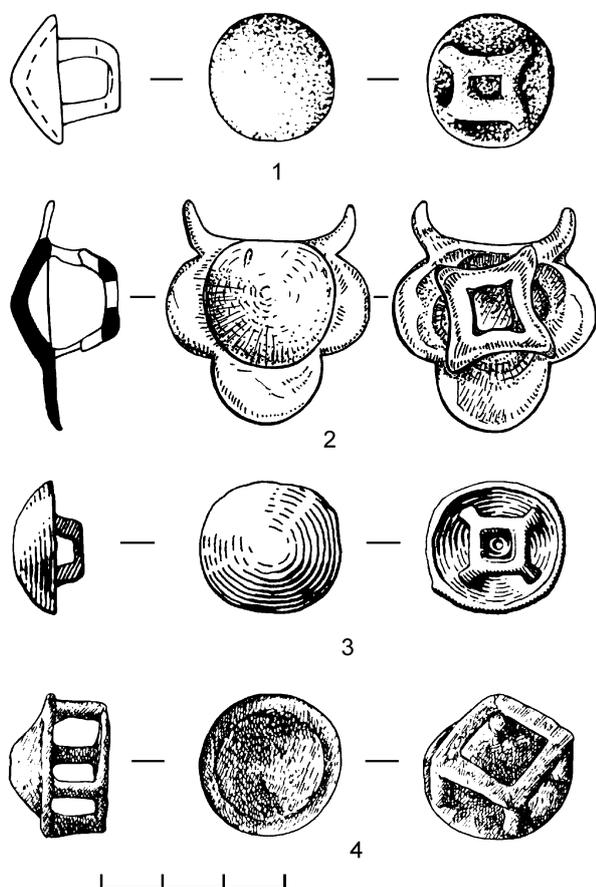

Рис. 2. Распределители ремней из кургана 2 могильника Чендек-6а и их аналогии гунно-сарматского времени: 1 — Чендек-6а, курган 2 (Киреев, Шульга, 2006. Рис. 2, 2); 2 — Знаменский клад (рисунок автора); 3 — Береш, курган 2, могила 1 (Вадецкая, 1999. Рис. 76, 5); 4 — Большой Тесинский курган (Taligren, 1922. Fig. 5, 10)
1, 3–4 — бронза, 2 — серебро

Fig. 2. Strap distributors from kurgan 2 at the cemetery of Chendek-6a and their parallels of the Hun-Sarmatian period: 1 — Chendek-6a, kurgan 2; 2 — Znamensky hoard; 3 — Beresh, kurgan 2, grave 1; 4 — Bolshoy Tesinsky kurgan
1, 3–4 — bronze, 2 — silver

до н. э. Этого мнения придерживается и М. Н. Пшеницына (Пшеницына, 1992. С. 224–225). М. А. Дзвлет, изучившая коллекцию керамики из Большого Тесинского кургана в Хельсинкском музее, отметив тесные связи поздних тагарских памятников с последующими таштыкскими, также относила его к началу I в. до н. э. (Дзвлет, 1961. С. 78).

В последнее время, по мере накопления новых данных и их осмысления, в датировке тесинского этапа тагарской культуры наметилась обратная тенденция (Вадецкая, 1999. С. 133–134). По мнению Э. Б. Вадецкой, поздние памятники тагарской культуры (третья стадия) сооружены не ранее I в. н. э. Основанием такой датировки послужили вещественные аналогии с таштыкскими грунтовыми могилами (сосуды, серьги и т. д.) и импортные бусы, происходящие как из таштыкских, так и тагарских могил. В частности, курган Тесь (Большой Тесинский) может быть датирован I–II вв. н. э., а курган 2 могильника Береш (стратиграфически более поздний, чем курган 1) — III в. н. э. (Там же. С. 147, 151). В могиле 1 кургана 2 могильника Береш помимо бронзового распределителя найден дуговидный двудырчатый псалий из рога козули (Там же. Рис. 75, 4).

Знаменский клад обнаружен в 1978 г. при обследовании рва Знаменского городища, у нижней кромки плиты ограды тагарского кургана, стратиграфически предшествовавшего городищу. Авторами раскопок он определен как клад ювелира гунно-сарматского времени (Подольский, Тетерин, 1979. С. 267; Подольский, 2002. С. 229–231, 233). Открытый в результате археологических раскопок и уже почти тридцать лет хранящийся в Государственном Эрмитаже клад до настоящего времени полностью не опубликован. Помимо первоначального информационного сообщения (Подольский, Тетерин, 1979) краткая информация о нем приведена М. Н. Пшеницыной (Пшеницына, 1992). Позднее в материалах тематической конференции «Клады: состав, хронология, интерпретация» опубликован небольшой доклад М. Л. Подольского (Подольский, 2002). Бусы из состава клада обработаны и опубликованы Э. Б. Вадецкой (Вадецкая, 1999. С. 171–174, табл. 87–88). Однако большинство предметов из состава клада, относящихся к конскому снаряжению, до сих пор не введено в научный оборот.⁵

⁵ Выражаю глубокую признательность автору раскопок М. Л. Подольскому и научным сотрудникам Государственного Эрмитажа Л. С. Марсадолову и Н. Н. Николаеву за возможность непосредственно ознакомиться с материалами клада и консультации по структуре, составу и датировке комплекса.

Между тем Знаменский клад содержит не просто случайные элементы конского снаряжения, а несколько комплектов деталей уздечной фурнитуры — восемь одинаковых распределителей не менее чем от двух комплектов и шесть двойтелей — два одного вида и четыре другого, не менее чем от трех комплектов (рис. 2, 2; 3, 14–15). Кроме того, в состав клада входят восемь блях с круглым щитком с выпуклостью в центре и концентрическими валиками по периметру, с сильно выступающей петлей на обороте, и шесть блях со щитком, аналогичным одному из видов двойтелей, но с петлей без центральной перемычки. Все детали изготовлены из высокопробного серебра с примесью меди с использованием сходных технологических приемов и, вероятно, одним мастером, поэтому на этом памятнике нужно остановиться особо.

Состав клада очень разнообразен. Помимо уздечной фурнитуры клад включает два небольших железных кинжала с клинками, обтянутыми золотом (обкладка ножен?), золотые предметы, каменные и стеклянные бусы и подвески (*Подольский, Тетерин*, 1979. Фото на с. 266; *Подольский*, 2002. Рис. 1; *Пшеницына*, 1992. Табл. 94, 26–27, 30, 32–33, 46). Предметы из золота: золотой спиральный браслет из прутка диаметром около 10 мм с заостренными концами; несколько булавок длиной 15–18 см, двух типов; серьга или подвеска в виде грозди шариков; выпуклые круглые бляхи с различным декором; бисер из золотой проволоки (около 2 тысяч штук); смятая листовая обкладка ножен. Бусы и подвески: из сердолика, нефрита, агата, бирюзы, а также из янтаря, коралла, мелкого жемчуга. Бусины круглые и граненые, подвески в виде маленьких амфорок и крупные когтевидные. Больше всего стеклянных бус и бисера (около 10 тысяч штук). Есть бусы одноцветные различных цветов, с подглазурной позолотой, полихромные (в том числе глазчатые). По форме бусы круглые, граненые и ребристые. Кроме бус имеются стеклянные амфоровидные подвески.

Ямка с кладом была прикрыта обломком стенки сосуда серого цвета, с наlepным спиралевидным орнаментом. Подобная керамика для Минусы нехарактерна (*Подольский*, 2002. С. 230), однако, по мнению Н. Н. Николаева, представлена в хуннских памятниках Забайкалья и Монголии.

М. Н. Пшеницына относит Знаменский клад к тесинскому этапу (II–I вв. до н. э.), однако отмечает аналогии (булавки из золотого листа, обернутого вокруг железного стержня, серьга из полых

шариков с пирамидками из зерни) в памятниках Тувы V–III вв. до н. э. (*Пшеницына*, 1992. С. 233. Табл. 94, 32–33, 46).

Э. Б. Вадецкая, проанализировав состав бус из Знаменского клада, датировала его концом I в. (*Вадецкая*, 1999. С. 174). М. Л. Подольский допускает и более позднюю дату — первую четверть I тыс. — на основании того, что бусы северопричерноморских типов, датируемые в интервале I в. до н. э.–первые века н. э. могли поступать в Сибирь не сразу (*Подольский*, 2002. С. 233–234).

Знаменский клад гунно-сарматского времени особенно интересен тем, что наряду с распределителями для перекрещивающихся ремней в нем присутствуют и двойтели.

Двойтели нащечных ремней (В-образные или восьмеркообразные, с декоративным щитком или без) получили распространение несколько позже, чем распределители для перекрещивающихся ремней, возможно, в конце VI–начале V в. до н. э. (*Суразаков*, 1989. С. 34; *Членова*, 1967. С. 78).⁶ Такие приспособления известны на Алтае, в Минусинской котловине, Казахстане и Приуралье.

Одна из ранних форм двойтелей — со щитком в виде сдвоенных полусферических блях⁷ (рис. 3, 1, 5, 9). В двух памятниках с такими элементами с территории Северного Алтая (Майма-19 и Кайнду, курган 7) в уздечный комплект входили трехдырчатые псалии, которые использовались как двухдырчатые; еще в одном случае псалии отсутствовали (Новый Шарап-I, курган 19). Все памятники датируются серединой VI–первой половиной V в. до н. э. Комплект из Маймы помимо бронзового псалия с намеченным третьим отверстием включал также бронзовые распределители для перекрещивающихся ремней с полусферическим щитком, полукруглые пронизи и подвески с асимметричным листком. Распределители из Нового Шарап-I имели щиток той же

⁶ Однако первые опыты применения подобных деталей относятся к гораздо более раннему времени. В позднем нововочеркасском кургане у с. Квитки в Поросье зафиксирован фрагмент ременной развилки с деревянной (!) восьмеркообразной пронизью-двойтелем (*Иванчик*, 2001. Рис. 106, 63–64). Все остальные детали узды — бронзовые.

⁷ Бляхи в виде «восьмерок» (сдвоенных кружков), выпуклых и плоских, с дополнительными выступами и без выступов, с различными видами крепления — популярный элемент декора конского снаряжения еще с доскифского времени — см., например, украшения из Аржана-1, Хасанлу или Сяллка, некоторых причерноморских и западноевропейских памятников (*Иванчик*, 2001. Рис. 81, 9; 105, 1–4, 8–12, 20–21).

формы, кроме того, в этот комплект входила плоская клювовидная бляха-«застежка» с поперечной петлей на обороте (Уманский и др., 2005. Рис. 64, 10–14; 63, 11–13). Уздечный набор из Кайнду состоял из бронзовых кольчатых удиц, костяных дуго-видных уплощенных псалиев с тремя отверстиями, из которых использовались только два; бронзовых распределителей — двух с полусферическим щитком и двух таких же, но с козырьком в виде асимметричного листка; бронзовой ворворки и нескольких пронизок — овальных и полукруглых. От седла сохранилась костяная двухчастная застежка петля-пряжка (Кирюшин, Степанова, 2004. Рис. 54–56).

Подобная фурнитура типична для памятников, близких по времени или непосредственно предшествующих ранним пазырыкским курганам (2-му Башадарскому, 1-му и 2-му Туэктинским).

Приблизительно в это же время появляются В-образные двоители без декоративного щитка (бронзовые, железные, костяные), которые продолжают использоваться, по крайней мере, до III в. до н. э.

Железный В-образный двоитель (рис. 3, 3) из кургана 63 могильника Южный Тагискен по набору бронзовых трехлопастных втульчатых наконечников стрел из этого кургана датируется серединой VI–началом V в. до н. э. (Итина, Яблонский, 1997. С. 68–70. Рис. 60). Помимо двоителя из конского снаряжения в погребении сохранились только бронзовый распределитель с полусферической шляпкой и железное несомкнутое колечко.

Бронзовый уздечный набор с В-образными двоителями происходит из одного из малых Туэктинских курганов (Центральный Алтай), раскопанных С. В. Киселевым в 1937 г. (Киселев, 1951. С. 295–296, табл. XXVIII, 4, 7, 11, 18). В данный уздечный комплект входили также бронзовые удила с кольчатыми окончаниями, двудырчатые прямые псалии с одним отогнутым концом и восьмеркообразным утолщением вокруг отверстий, распределители с круглым полусферическим щитком, клювовидная «застежка» (один конец оформлен в виде головы хищника, другой — головы хищной птицы). С. В. Киселев отнес данные памятники к концу майэмирского этапа и датировал V–IV в. до н. э. по аналогии с находками в Блюменфельде и Покровке (Там же. С. 300). К сожалению, находки из Туэктинских курганов (№ 6, 8, 10 и 11) в публикации С. В. Киселева (Там же. С. 293) не разнесены по отдельным памятникам («инвентарь ... оправдывает их объединение в одну группу»). Представленные суммарно комплекты конского снаряжения очень близки находкам в кургане

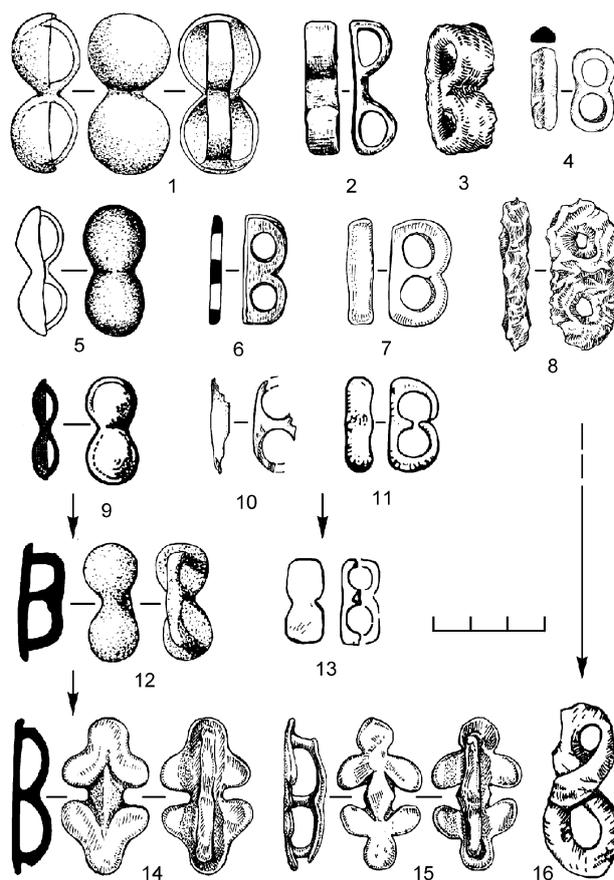

Рис. 3. Двоители ремней Скифского времени: 1 — Кайнду, курган 7 (Кирюшин, Степанова, 2004. Рис. 55, 3); 2 — Кузнецк 1, курган 5, могила 1 (Шурин, 2004. Рис. 18, 9); 3 — Южный Тагискен, курган 63 (Итина, Яблонский, 1997. Рис. 60, 14); 4 — Вторые Пятимары (Смирнов, 1961. Рис. 54); 5 — Майма-19 (Уманский и др., 2005. Рис. 64, 14); 6 — Тыткескень-VI, курган 27 (Кирюшин, Степанова, 2004. Рис. 82, 6); 7, 8 — Туран, курган 93 (рисунки автора); 9 — Новый Шарап-1, курган 19 (Уманский и др., 2005. Рис. 63, 12); 10 — Кок-су 1, курган 26 (рисунки автора); 11 — Талдура 1, курган 4 (Могильников, Елин, 1982. Рис. 2, 8); 12 — Чендек-6а, курган 2 (Киреев, Шульга, 2006. Рис. 2, 7); 13 — Кок-су 1 курган 17 (Сорокин, 1974. Рис. 5, 4) Гунно-сарматского времени: 14, 15 — Знаменский клад (рисунки автора); 16 — Ильмовая падь (Могильников, 1992. Табл. 105, 22) 1, 2, 4, 5, 9, 12 — бронза; 3, 8, 16 — железо; 6, 7, 10, 11, 23 — кость; 14, 15 — серебро

Fig. 3. Strap dividers Scythian period: 1 — Kayndu, kurgan 7; 2 — Kuznetsk 1, kurgan 5, grave 1; 3 — South Tagisken, kurgan 63; 4 — Vtoryye Pyatimary; 5 — Mayma-19; 6 — Tytkesken-VI, kurgan 27; 7, 8 — Turan, kurgan 93; 9 — Novy Sharap-1, kurgan 19; 10 — Kok-su 1, kurgan 26; 11 — Taldura 1, kurgan 4; 12 — Chendek-6a, kurgan 2; 13 — Kok-su 1, kurgan 17 Hun-Sarmatian period: 14, 15 — Znamensky hoard; 16 — Ilmovaya Pad 1, 2, 4, 5, 9, 12 — bronze; 3, 8, 16 — iron; 6, 7, 10, 11, 23 — bone; 14, 15 — silver

93 у с. Туран (Тува), материалы которого будут рассмотрены ниже. Заслуживает внимания редкий способ крепления повода и чумбура к удилам с помощью согнутой вдвойне пластинки из толстой кожи, идентичный вышеописанной туэктинской

узде с бронзовой фурнитурой и одной из туранских узд с бронзовыми удилами и железными псалями (Там же. Табл. XXVIII, 18; *Маннай-Оол*, 1970. Рис. 17, 3⁸).

Узда с бронзовыми В-образными двоителями (рис. 3, 2) из конского погребения могилы 1 могильника Кузнецк-1/5 (Кузнецкая котловина) датирована Ю. В. Шириным еще более поздним временем — IV–III вв. до н. э. От нее также сохранились: железные кольчатые удила, пара железных двудырчатых S-видных псалиев с конусовидными шишечками на концах и бронзовые детали — подвеска-наносник, две овальные пронизки, две полусферические бляшки и зооморфная пронизь. Из основного инвентаря могильника 1 уцелели два железных ножа с петлевидными навершиями и железный топор-тесло (*Ширин*, 2004. С. 37–38. Рис. 17, 18).

Большинство костяных В-образных двоителей происходит с территории Алтая. Из них, пожалуй, самый ранний — из кургана 27 могильника Тыткескень-VI (Северный Алтай) — рис. 3, 6. Погребение неграбленное. Яма по периметру обложена камнями и плитами. Погребенный и его конь ориентированы на запад. Вещи из погребения имеют аналогии, датируемые VII–II вв. до н. э., но большая часть относится к VI–V вв. до н. э. (*Кирюшин, Степанова*, 2004. С. 107. Рис. 81–85). Как во многих комплексах, переходных от раннескифского времени, материал фурнитур конского снаряжения смешанный. *Седло*: бронзовый комплект петля-пряжка (носик оформлен в виде конского копыта), от нагрудника — два распределителя с круглым, уплощенно-конусовидным щитком и многочисленные пронизки: круглые, овальные, полукруглые. *Узда*: бронзовые удила с кольцевидными окончаниями, двудырчатые прямые псалии с одним загнутым концом и «муфточками» вокруг отверстий, две бляхи с круглым, уплощенно-конусовидным щитком и петелькой на обороте, клювовидная бляха-«застежка» с поперечной петлей на обороте;⁹ костяные — простой чумбурный блок и В-образная пронизь-двоитель.

⁸ На рис. 17, 3 в монографии М. Х. Маннай-Оола ошибочно указан материал — бронза. В действительности бронзовые только удила, псалий (фрагмент в кольце удил) — железный, а согнутая вдвое пластинка — кожаная.

⁹ По составу бронз элементы фурнитур из ранних курганов могильников Кайнду и Тыткескень-VI отличаются от пазырыкских. Для них, как и раннескифских памятников Алтая, характерны оловянистые бронзы, тогда как для пазырыкских — мышьяковистые (*Хаврин*, 2003; 2005; *Степанова, Хаврин*, 2005). Спектральный анализ бронз из 2-го Башадарского, 1-го и 2-го Тузгинских курганов выполнен

Костяные В-образные двоители представлены и в памятниках пазырыкской культуры — в могильнике Талдура I (Юго-Восточный Алтай) и Кок-су I (Горный Алтай). Узды из кургана 4 могильника Талдура I и кургана 26 Кок-су I очень похожи. Удила — бронзовые кольчатые (в кургане 4 Талдура I грызло двузвенное, составное, в кургане 26 Кок-су I — однозвенное). Остальные элементы конского снаряжения костяные — двудырчатые дугообразные псалии (на одном конце — голова грифа, на другом — голова кошачьего хищника в кургане 4 Талдура I и волка в кургане 26 Кок-су I), распределители перекрещивающихся ремней с круглым полусферическим щитком, В-образные двоители (рис. 3, 10–11), каплевидные налобники с продольной петлей на обороте. От седла в кургане 26 Кок-су I сохранилась часть костяной пряжки или, скорее всего, петли. Какие-либо следы носика отсутствуют, интерпретация фрагмента как пряжки одночастной застежки (*Сорокин*, 1974. Рис. 7, 12, позиционная таблица) совершенно не обоснованна. Так же ошибочно в позиционной таблице изображен щиток у В-образного двоителя из этого кургана. В действительности щиток отсутствует, пронизь плоская (рис. 3, 10). Основной инвентарь курганов также близок. В обоих памятниках присутствуют: гривны (в кургане 4 Талдура I — деревянная, круглая в сечении, обернутая золотым листком, в кургане 26 Кок-су I — из серебряной проволоки, с головками сайгаков из фольги); одиночные бронзовые прямоугольные обоймы от пояса; бронзовые ворворки; кинжалы (в кургане 4 Талдура I — железный, сильно корродированный, длиной 35 см, в кургане 26 Кок-су I — бронзовый, с бабочковидным перекрестьем и брусковидным навершием, длиной 19 см), бронзовые ножи с невыделенной рукоятью, костяные навершия нагаек (*Могильников, Елин*, 1982. Рис. 2; 1, 4, 9–14; *Сорокин*, 1974. Рис. 7, 1–18).

Оба кургана относятся к ранним памятникам пазырыкской культуры. Авторами раскопок они датированы довольно широко — конец VI–начало IV вв. до н. э. (*Могильников, Елин*, 1982. С. 91; *Сорокин*, 1974. С. 108). Представляется, что их дату можно несколько сузить V–начало IV в. до н. э. Параллели в 1–2-м Тузгинских и 2-м Башадарском курганах: бронзовые кольчатые удила, оформление псалиев, трактовка голов грифов

в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа научным сотрудником С. В. Хавриным. Выражаю благодарность С. В. Хаврину за возможность ознакомиться с результатами исследований.

и зубов хищников, костяные двухчастные застежки, каплевидные бляхи-налобники.

Несколько более поздним временем — IV в. до н.э. — может быть датирован курган 17 Коксу I. От седла сохранилась костяная пряжка одночастной застежки с носиком, лежащим в плоскости рамки. Подобные пряжки получают широкое распространение в качестве подпружных с IV в. до н.э. (Степанова, 2006. С. 124–125). Псалии костяные двудырчатые, слегка изогнутые, сужающиеся к концам. Перекрестья узды были украшены кабаньими клыками (Сорокин, 1974. Рис. 7, 1–19). Костяной В-образный двоитель из этого кургана имеет плоский щиток в виде «восьмерки» (рис. 3, 13).

Хотя все три описанных выше погребения совершены по пазырыкскому обряду (в срубках, конские захоронения в северной части ямы, ориентация погребенных и их коней восточная), оба могильника характеризуются наличием «инокультурных» элементов. В могильнике Талдура I в двух из четырех раскопанных курганах погребения совершены в каменных ящиках, в двух — в срубках, в половине курганов отсутствуют сопроводительные конские захоронения. Ориентация одного из погребенных — западная. В Коксу I два погребения из 17 раскопанных пазырыкского времени также имеют западную ориентацию. Лепной плоскодонный сосуд с наклепными ручками и отверстиями для подвешивания из кургана 4 Талдура I по орнаментации (жемчужины и ногтевые вдавливания) имеет параллели в верхнеобских (большереченских) памятниках (Могильников, Елин, 1982. С. 108).

Костяные В-образные двоители, наряду с железным двоителем в виде «восьмерки», представлены также в кургане 93 у с. Туран (раскопки С. А. Теплоухова в 1927 г.) (рис. 3, 7–8). Насыпь земляная, погребение в квадратном срубе, полностью ограблено. За северо-восточной стенкой череп овцы, за северо-западной — черепа 18 овец и четырех лошадей. При них сохранились наборы от трех узд. Одна имела бронзовые удила и бронзовые двудырчатые S-видные псалии с выступающими «муфточками», вторая — бронзовые удила и железные двудырчатые S-видные псалии, сильно фрагментированные, третья — железные удила и железные двудырчатые S-видные псалии. Все удила кольчатые. Кроме того, сохранились два простых чумбурных блока — костяной и бронзовый, четыре бронзовых распределителя ремней с уплощенно-конусообразным щитком, бронзовая головка сайгака (наносник?),

бронзовые ворворки, два костяных В-образных двоителя и один железный восьмеркообразный. На рисунке в статье В. Н. Полторацкой для него ошибочно указан материал — кожа (Полторацкая, 1966. Рис. 3, 5). К седельной фурнитуре относятся: две бронзовые пряжки с носиком-крючком, направленным внутрь, одна из которых декорирована головками сайгаков или козлов; бронзовое кольцо, очевидно, служившее петлей двухчастной подпружной застежки, с фрагментом ремня приструги; два массивных железных кольца (от нагрудника или петли подпружных застежек); подпрямоугольная костяная петля с узкими овальными отверстиями для ремней; две костяные пряжки оригинальной формы — из плоских роговых пластин со вставными шпеньками. Такие пряжки, обычно с металлическими шпеньками, более характерны для гунно-сарматского времени. Судя по направлению каналов, просверленных для отсутствующих шпеньков, носики пряжек были направлены внутрь, а сами шпеньки были, вероятно, костяные, так как следы окислов не наблюдаются. Из украшений узд и нагрудников нужно отметить 18 просверленных кабаньих клыков, причем на одном из них вырезана схематичная головка птицы — возможно, это подвеска-«застежка» подбородного ремня (Там же. Рис. 3, 4; Маннай-Оол, 1970. Рис. 17, 18; 20, 2–3, 12). По набору сопроводительного инвентаря курган может быть датирован концом VI–началом V в. до н.э.

Бронзовые восьмеркообразные двоители (три экз.) происходят из грабительских раскопок одного из курганов группы Вторые Пятимары (Приуралье) (рис. 3, 4). Вместе с ними были найдены круглые (десять экз.) и продолговатые (пять экз.) бронзовые бляхи с выступающей сбоку головкой грифона и продольной или поперечной петлей на обороте. Похожие бляхи, круглые и продолговатые, найдены в I-м Покровском кургане, наряду с распределителями перекрещивающихся ремней с полусферическими щитками. Оба памятника датируются концом VI–V в. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 94; рис. 49, 10–15; 54). А. П. Уманский, А. Б. Шамшин и П. И. Шульга относят находки из Вторых Пятимар к группе изделий со схематичными изображениями голов грифов в виде асимметричного листка, датируемых ими серединой VI–первой половиной V в. до н.э. (Уманский и др., 2005. С. 55. Рис. 60).

Железные восьмеркообразные пронизи-двоители зафиксированы также в составе конского снаряжения в суннских могильниках

Забайкалья, например, в Ильмовой пади (I в. до н.э.—I в.н.э.) (рис. 3, 16). В этом же могильнике отмечено наличие и сложных чумбурных блоков, характерных для поздних пазырыкских курганов (Степанова, 2006. Рис. 14, 9–16; Руденко, 1962. Табл. XXII, 5).

Очень интересны двоители из Знаменского клада, выполненные из серебра. Все три комплекта имеют плоский щиток в виде сдвоенных трилистников (рис. 3, 14–15). Кроме того, в составе клада имеются шесть одинаковых блях со щитком, как у одного из видов двоителей, но несколько меньшего размера и с В-образной петлей на обороте без центральной перемычки. Возможно, они оформляли переплетение наносного и суголовного ремней от места их пересечения до развилки. В пазырыкских уздах этот участок обычно прикрывался деревянными и костяными развилками или кожаными «гармошками». В Южном Тагискене, наряду с В-образными двоителями, также зафиксированы бронзовые пронизи В-образной формы без центральной перемычки (Итина, Яблонский, 1997. Рис. 73). Если это не дефект литья, то можно предположить их аналогичное использование.

Таким образом, большинство двоителей происходит с Алтая и сопредельных территорий. Двоители получают распространение в памятниках, близких по времени или непосредственно предшествующих формированию пазырыкской культуры, и бытуют в течение всего периода ее существования, продолжая эпизодически использоваться и в гунно-сарматское время.

Хотя точные аналогии бронзовым двоителям из Чендека отсутствуют, можно отметить их сходство с костяным двоителем с плоским щитком в виде «восьмерки» из кургана 17 Кок-су I и с серебряными знаменскими, также имеющими плоский щиток и аналогичную по форме петлю на обороте.

Подводя итог краткому обзору находок двоителей и распределителей для перекрещивающихся ремней скифского и гунно-сарматского времени, можно отметить следующее.

Во-первых, обращает на себя внимание поляризация датировок памятников с подобными элементами фурнитуры — либо рубеж раннескифского, либо уже гунно-сарматский период. Действительно, подобные детали более типичны для раннескифского времени. Однако следует признать тот факт, что некоторые формы продолжают использоваться и значительно позднее, и соответственно не удревнять искусственно

памятники с данными элементами конского снаряжения.

Во-вторых, территориально в скифское и гунно-сарматское время двоители и распределители для перекрещивающихся ремней представлены неравномерно. В некоторых регионах они полностью выходят из употребления, в некоторых сохраняются, например, в Минусинской котловине. Хотя для классического варианта пазырыкской культуры двоители и распределители ремней не характерны, но эпизодически они встречаются, преимущественно в могильниках, в которых отмечена культурная неоднородность погребений.¹⁰

Инокультурность распределителей из кургана 2 могильника Чендек-ба подтверждает и состав их бронз — они оловянистые, в отличие от кинжала из этого же кургана, отлитого из типичной для пазырыкской культуры мышьяковистой бронзы (Хаврин, 2007. С. 280), а также их неполный набор в неграбленном погребении (три экз.).

Относительно неполного набора распределителей интересное наблюдение сделано М. А. Очир-Горяевой. По ее данным, в нескольких конских захоронениях из Приуралья, которые не подвергались ограблению, зафиксировано наличие только трех распределителей для перекрестных ремней: в уборе коня 3 в кургане 8 могильника Пятимары, в кургане 5 могильника Новый Кумак-2 и в погребении на перекрытии кургана 6 могильника Новый Кумак (Очир-Горяева, 2006. С. 119). По предположению автора, это связано с погребальным обрядом, который находит этнографические параллели — обряд «возврата» у калмыков и киргизов. Если данный вывод верен, то он косвенно подтверждает позднюю датировку кургана 2 могильника Чендек-ба, так как недовложение и порча конского снаряжения характерны именно для поздних пазырыкских памятников (Степанова, 2006. С. 141–143).

В-третьих, уздечная фурнитура из кургана 2 могильника Чендек-ба имеет аналогии как в пазырыкских курганах, так и в памятниках гунно-сарматского времени (рис. 2, 1–4; 3, 12–15).

Седельная фурнитура. Ранее высказывалось предположение, что щитовидные подвески

¹⁰ В литературе неоднократно поднимался вопрос о сложном составе населения Алтая в скифскую эпоху и существовании локальных вариантов пазырыкской культуры (см. сводку по данному вопросу: Кирушин, Степанова, 2004. С. 122–136). Помимо центрального ареала наиболее отчетливо в настоящее время выделяются северный, северо-западный (сентелекская группа — по р. Чарыш) и, возможно, юго-восточный варианты.

к пристругам с большими отверстиями использовались в комплекте с пряжками, носик которых направлен внутрь, выступая, по существу, петлями двухчастных застежек (точнее, накладками на кожаные петли) (Там же. С. 132–133, рис. 13). Находки в кургане 2 Чендек-6а подтверждают это предположение. Что касается размещения пряжек двухчастных застежек, то седельный комплект из Чендека-6а проясняет и этот вопрос. Щитовидные подвески, с отверстиями и без них, крепились к пристругам («верхним подпругам», по С. И. Руденко), что фиксируют как находки в пазырыкских курганах, так и наблюдения в Чендеке (Руденко, 1953. С. 200, 214; Киреев, Шульга, 2006. С. 95). Соответственно, при размещении накладки с большим отверстием на приструге пряжка двухчастной застежки может располагаться только на подпруге, как это и изображено на реконструкции по материалам Башадара и Туэкта (Степанова, 2006. Рис. 1, 1–3).

Несколько наблюдений по поводу **основного инвентаря**. Обращает на себя внимание сходство кинжалов из 5-го и 2-го курганов. Одинаковая форма наверший, рукояти с небольшим перехватом (пояском) в верхней части; у обоих, скорее всего, были прямые перекрестья. Антенновидными навершиями этих кинжалов могут быть названы с определенной долей условности, скорее мы видим здесь нечто среднее между антенновидными и серповидными навершиями.

Мечи с серповидными навершиями датируются не ранее III в. до н. э., похожие на чендекские промежуточные формы с Кавказа — тем же временем (Абрамова, 1989. Табл. 110, б).

Близкую чендекской форму навершия имеет железный кинжал из кургана 5 (могила 3) могильника каменной культуры Новотроицкое-2 (Верхнее Приобье). Его длина 29 см. На рукояти под навершием небольшой перехват (поясок), как у чендекских кинжалов. Размер рукояти такой же, как у железного кинжала из Чендека-6а. Перекрестье узкое бабочковидное. В вещевом комплексе данного кургана представлены железный нож с петлевидным навершием, железные трехлопастные черешковые и костяные четырехгранные наконечники стрел с расщепленным (зажимным) насадом. Авторы раскопок считают, что данные предметы «не являются основанием для уверенного датирования III–II вв. до н. э.», их хронология требует пересмотра, и относят данный комплекс к V в. до н. э. (Уманский, Шульга, 2005. Рис. 8, 1, 9, 10. С. 128, 130).

В кургане 5 у пояса погребенного сохранились обкладки из золотой фольги от круглых выпуклых блях, гладких и с концентрическими валиками (Киреев, Шульга, 2006. Рис. 4, 22). Такие бляхи имели широкое распространение в гунно-сарматское время (Трифанова, 2005). В поздних пазырыкских памятниках они использовались для декора узд; подобную форму, в частности, имеют окончания псалиев (Руденко, 1953. Табл. LXVI). Очень похожие золотые накладки из таштыкских грунтовых могильников, по мнению Э. Б. Вадецкой, использовались для оформления ножен кинжалов и их моделей (Вадецкая, 1999. С. 38. Рис. 20, 21).

Мелкие фигурные украшения из золотой фольги, которые, очевидно, применялись в качестве аппликаций, найденные в кургане 5 (Киреев, Шульга, 2006. Рис. 4, 27), имеют аналогии в кургане Шиббе. В этом же кургане представлены и круглые накладки с концентрическими валиками (Баркова, 1979. С. 61. Рис. 2, 3, 10).

Согласно последним уточненным дендрохронологическим и радиоуглеродным датам, полученным для курганов пазырыкской культуры, такой ранний эталонный памятник, как Туэкта, курган 1, воздвигнут около 442 г. до н. э., курганы 1 и 2 Пазырыкского могильника — около 300 г. до н. э., а курган 5 Пазырыкского могильника — около 250 г. до н. э. Большинство исследованных рядовых курганов датируется концом IV–началом III в. до н. э. (Евразия в скифскую эпоху, 2005. С. 165–169).

Основной сопроводительный инвентарь из курганов 2 и 5 могильника Чендек-6а характерен для пазырыкской культуры в целом, но отдельные предметы тяготеют к ее верхней хронологической границе. Детали конского снаряжения из этих курганов имеют близкие аналогии в поздних пазырыкских памятниках, а также памятниках гунно-сарматского времени.

Учитывая вышесказанное, представляется, что наиболее вероятная датировка курганов 2 и 5 могильника Чендек-6а — III в. до н. э.

Абрамова, 1989. — Абрамова М. П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. тома А. И. Мелюкова. М., 1989 (Археология СССР).

Баркова, 1979. — Баркова Л. Л. Погребение коней в кургане Шиббе // Исследования по археологии Евразии: Сб. статей / Под ред. Б. Б. Пиотровского. Л., 1979 (АСГЭ. Вып. 20).

Вадецкая, 1999. — Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.

- Викторова, 1980. — Викторова Л.Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
- Вишневская, 1973. — Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.: По материалам Уйгарака. М., 1973.
- Даржа, 2003. — Даржа В.К. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл, 2003.
- Дэвлет, 1961. — Дэвлет М.А. К вопросу о тагаро-таштыкских взаимоотношениях: По материалам сосудов из Большого Тесинского кургана: Хельсинкский музей // СА. 1961. № 4.
- Евразия в скифскую эпоху, 2005. — Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.
- Иванчик, 2001. — Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы: Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001 (Степные народы Евразии. Т. 2).
- Итина, Яблонский, 1997. — Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.
- Киреев, Шульга, 2006. — Киреев С.М., Шульга П.И. Сбруйные наборы из Уймонской долины // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3, 4.
- Кирюшин, Степанова, 2004. — Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь // Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул, 2004. Ч. 3.
- Киселев, 1949. — Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири М.; Л., 1949 (МИА. № 9).
- Киселев, 1951. — Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Маннай-Оол, 1970. — Маннай-Оол М.Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970.
- Миняев, 1998. — Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб., 1998 (Археологические памятники сунну. Вып. 3).
- Могильников, 1992. — Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. тома М.Г. Мошкова. М., 1992 (Археология СССР).
- Могильников, Елин, 1982. — Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура I // Железный век. М., 1982 (КСИА. Вып. 170).
- Очир-Горяева, 2006. — Очир-Горяева М.А. Погребения с сопровождающими захоронениями коней и предметами конской упряжки скифской эпохи Южного Приуралья // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3, 4.
- Подольский, 2002. — Подольский М.Л. Знаменский клад из Хакасии // Клады: Состав, хронология, интерпретация: Материалы тематич. науч. конф. СПб., 2002.
- Подольский, Тетерин, 1979. — Подольский М.Л., Тетерин Ю.В. Раскопки раннетагарских курганов в зоне Знаменской оросительной системы // АО: 1978 г. М., 1979.
- Полторацкая, 1966. — Полторацкая В.Н. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве (по раскопкам С.А. Теплоухова) // Эпоха бронзы и раннего железа. Славяне. Л.; М., 1966 (АСГЭ. Вып. 8).
- Пишеницына, 1992. — Пишеницына М.Н. Тесинский этап // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. тома М.Г. Мошкова. М., 1992 (Археология СССР).
- Руденко, 1953. — Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Руденко, 1960. — Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Руденко, 1962. — Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.
- Смирнов, 1961. — Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов / Отв. ред. А.П. Смирнов. М., 1961 (МИА. № 101).
- Сорокин, 1974. — Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-су (Южный Алтай) // Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1974 (АСГЭ. Вып. 16).
- Степанова, 2006. — Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // АВ. СПб., 2006. № 13.
- Степанова, Хаврин, 2005. — Степанова Н.Ф., Хаврин С.В. О хронологических особенностях инвентаря из погребальных комплексов скифского времени средней Катунь // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск, 2005. Т. 2.
- Суразаков, 1989. — Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989.
- Табалдиев, 1996. — Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996.
- Тишкин, Горбунов, 2005. — Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии: Сб. науч. трудов. Иркутск, 2005. Ч. 1.
- Тишкин, Горбунова, 2005. — Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Реконструкция уздечных наборов булан-кобинской культуры (по материалам памятника Яломан-II) // Снаряжение кочевников Евразии: Сб. науч. трудов. Барнаул, 2005.
- Трифанова, 2005. — Трифанова С.В. Нашивные бляшки из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005.
- Уманский и др., 2005. — Уманский А.П., Шамишин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005.
- Уманский, Шульга, 2005. — Уманский А.П., Шульга П.И. Предварительные результаты исследования предметов вооружения из Новотроицкого некрополя // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. Вып. 1.
- Хаврин, 2003. — Хаврин С.В. Металл скифских памятников Тувы и кургана Аржан // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) (Санкт-Петербург, 11–15 марта 2002 г.). СПб., 2003. Кн. 2.
- Хаврин, 2005. — Хаврин С.В. Спектральный анализ бронзовых изделий скифского времени Саяно-Алтая и проблемы хронологии тагарской культуры // Археология Южной Сибири: Идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005.
- Хаврин, 2007. — Хаврин С.В. Металл памятников пазырыкской культуры из курганов Чуи и Урсула // Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. Приложение 3.
- Членова, 1967. — Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- Членова, 1992. — Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. тома М.Г. Мошкова. М., 1992 (Археология СССР).
- Ширин, 2004. — Ширин Ю.В. Погребальные памятники эпохи раннего железа на юге Кузнецкой котловины // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 6.
- Щукин, 2004. — Щукин М.Б. Река времени (Некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена и римского времени) // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2004. Ч. 2.
- Taligren, 1922. — Taligren A.-M. Trouvailles isolées siberiennes. Helsinki, 1922. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. 29).

Distributors of Bridle Straps of the Scythian and Hun-Sarmatian Period

E. V. Stepanova

During recent years there is a tendency in the archaeology of South Siberia to shift the dating of the Scythian sites which have a number of analogues of the early Scythian period back to the turn of the 6th and 5th century BC. At the same time, for the sites with Hun-Sarmatian analogues, a younger date *i. e.* that of the 2nd century BC is proposed. Meanwhile, the time span of the use of any group of artifacts is far from falling within the limits of a certain chronological stage.

Here an attempt is presented to discuss the above statement by the example of recently published finds from kurgans 2 and 5 at the burial ground of Chendek-6a (High Altai) excavated by S. M. Kirееv in 1999. In terms of the burial rite and grave goods these sites belong to the Pazyryk culture (Киреев, Шульга, 2006). Items of the bridle and saddle accessories from kurgan 5 and saddle accessories from kurgan 2 are typical to the later sites of the Pazyryk culture such as *e. g.* kurgans 3–6 of Pazyryk and burials of Shibe and Karakol (Руденко, 1953; Степанова, 2006). However, in the horse gear from kurgan 2, **a combination of late saddle with shield-like pendants, as well as of bridle with bronze dividers and links for criss-crossing straps have been first encountered** (fig. 2, 1; 3, 12). The presence of the bronze distributors in the bridle set from kurgan 2 at Chendek-6a, gives us grounds to place the latter among the early sites of the Pazyryk culture with the date of the 6th century BC.

Distributors of bridle straps really are more typical for the early Scythian period. Nevertheless they continued in use later in the Scythian and Hun-Sarmatian Age although without their former diversity of forms and careful execution. Two main forms of late links for crossing straps are noteworthy: 1) cross-like ones with loops on the back side, and 2) those with a round shield (either hemispheric or flattened cone-shaped) and a square base (smaller than the decorative shield) with a lozenge-shaped slit.

Cross-like distributors with loops on the reverse side go back to the distributors in the form of crossing pipes of the 7th–5th century BC — fig. 1, 1–4. Distributors with loops on the back side have been found in the Minusinsk Basin (a chance find), on the Oba River near Barnaul (Rogozikha-1 kurgan 2), in the Altai mountains (Yaloman-II, kurgan 51) and trans-Baikal region, and at the Xiongnu burial

ground of Dyrestui (grave 5) — fig. 1, 5–7. The bridle sets from Rogozikha are dated to the late 6th–early 5th century BC, whereas the date of those from Yaloman and Dyrestui cemetery is the 2nd–1st century BC. Furthermore, along with the strap-distributors, the sets from Yaloman-II included two-hole iron cheek-pieces with round or «oar-like» terminals similar to the wooden cheek-pieces from the 1st, 3rd and 5th Pazyryk kurgans.

The strap-distributors from kurgan 2 of Chendek-6a (fig. 2, 1) belong to another late group with a round flattened-cone shield and a narrow base with a lozenge-shaped slit. In N. L. Chlenova's opinion, such examples appeared in the Minusinsk Basin in the 5th century BC and continued in use until the Tashtyk period. In addition to chance finds they have been uncovered in the late Tagar barrows — the Bolshoy Tesinsky kurgan and kurgan 2 of the Beresh burial ground, as well as among the items of the Znamensky hoard (fig. 2, 2–4). For the Bolshoy Tesinsky kurgan, dates within the span of the 2nd–1st century BC to 1st–2nd century AD were proposed; kurgan 2 of the Beresh cemetery is dated to the 3rd century AD and the Znamensky hoard to the 2nd century BC–first centuries of the 1st millennium AD (Дэвлет, 1961; Вадецкая, 1999; Подольский, 2002; Пишеницына, 1992).

The dividers of cheek straps (B- or 8-shaped, either with a decorative shield or without it) became widely distributed in the Altai, Minusinsk Basin, in Kazakhstan and the Ural region in the late 6th–early 5th century BC. Moreover, some similar objects have been reported also for pre-Scythian times, *e. g.* those from the late Novocherkassk kurgan near v. Kvitki in Porosye (Иванчик, 2001. Fig. 106, 63–64). In the mid-6th–first half of the 5th century BC, 8-like dividers with a shield in the form of doubled hemispheric plaques were in use (Maima-19; Kaindu kurgan 7; Novyi Sharap-1, kurgan 19) — fig. 3, 1, 5, 9. During the same period, dividers devoid of a decorative shield appeared; these were either B-shaped or «eight-like». Dated possibly to the 6th–early 5th century BC are the iron B-shaped divider from kurgan 63 in Southern Tagisken, B-shaped bone ones from kurgan 27 at the cemetery of Tytkesken-VI, B-shaped bone items and an iron 8-shaped divider from kurgan 93 near v. Turan, bronze 8-like examples from robber excavations at kurgans of the Vtoryye Pyatimary

group (fig. 3, 3–4, 6–8). To the 6th–4th century BC belong the bronze B-shaped dividers from the Smaller Tuekta kurgans (*Куселев*, 1951. Pl. XXVIII, 4, 7, 11, 18). In general, the bridle trappings from the barrows enumerated are typical to the sites close in time or directly precedent to the early Pazyryk kurgans (the 2nd Bashadarsk, 1st and 2nd Tuekta).

The dividers without a decorative shield were continuing in use even later. The bridle with bronze B-shaped dividers (fig. 3, 2) from grave 1 at the cemetery of Kuznetsk-1/5 is dated to the 4th–3rd century BC. Iron 8-shaped dividers have been found among the horse gear at the Xiongnu burial ground of Ilmovaya Pad of the 1st century BC–1st century AD (fig. 3, 16) where in addition complicated side-rein blocks characteristic of the late Pazyryk kurgans were uncovered (*Степанова*, 2006. Fig. 9, 16; *Руденко*, 1962. Pl. XXII, 5).

For the standard sites of the Pazyryk culture, even so early as the 2nd Bashadar or 1st and 2nd Tuekta, neither dividers nor other distributors of straps are typical, although in some ordinary barrows they indeed have been found. For instance, at the early Pazyryk sites of the 5th–early 4th century BC — kurgan of Taldur I and kurgan 26 of Kok-su 1, the bridle furnishings include bone distributors with a hemispherical shield and B-shaped dividers without a decorative shield (fig. 3, 10, 11). The B-shaped bone divider from kurgan 17 of Kok-su 1 has a flat shield shaped as an «eight» (fig. 3, 13). In that barrow, a bone buckle of a one-piece clasp with a bill in the plane of its frame was preserved of the saddle — such buckles were used as girth fastenings since the 4th century BC.

Very interesting are the silver dividers from the Znamensky hoard. These three sets all have a flat shield in the form of doubled trefoils — fig. 3, 14–15.

Although there are no exact parallels to the bronze dividers from Chendek, noteworthy is their similarity to the late dividers — the bone example with a flat shield shaped like an «eight» from kurgan 17 at Kok-su 1 and the silver Zna-

mensky ones which also have a flat shield and a loop of an analogous shape on the back side.

Although dividers and distributors for crossing straps are thus more typical for the early Scythian Age, some of their forms continued into the Scythian and Hun-Sarmatian periods. Moreover, while in some regions they went out of use completely, in other (particularly in the Altai) they remained. Bridle distributors from kurgan 2 of Chendek-6a have parallels both in the Pazyryk kurgans and at sites of the Hun-Sarmatian period (fig. 2, 1–4, 3, 13–15).

The possible belonging of the distributors from kurgan 2 of Chendek-6a to some other culture is suggested by the composition of their bronze — it is tin-containing in contrast to the dagger from the same barrow which was cast from arsenical bronze typical to the Pazyryk culture (*Хаврин*, 2007. P. 280). The belonging to another culture is also suggested by incompleteness of the set of distributors (only three items) in the unlooted burial. However, the incomplete assemblage may be connected also with the burial rite (*Очир-Горяева*, 2006. P. 119). In any case, damaged or lacking items of horse gear among the grave goods are characteristic exactly of the late Pazyryk sites (*Степанова*, 2006. P. 141–143).

According to the last dendrochronological and radiocarbon data of high precision, such early site as kurgan 1 at Tuekta was constructed in *c.* 442 BC, kurgans 1 and 2 at the Pazyryk burial ground — in *c.* 300 BC, and the Pazyryk kurgan 5 — about 250 BC. Most of the excavated ordinary barrows are dated to the late 4th–early 3rd century BC (*Евразия в скифскую эпоху (Eurasia during the Scythian Age)*, 2005. P. 165–169).

Most of the grave offerings from kurgans 2 and 5 at Chendek-6a are peculiar to the Pazyryk culture in general. The horse gear from these sites is typical for the late Pazyryk.

Summarizing all that is stated above it seems that the most probable date for kurgans 2 and 5 of Chendek-6a is the 3rd century BC.

КЕНОТАФ ГАЯ ЦЕЗАРЯ В ЛИМИРАХ. К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКА

Ю. Г. Семенова¹

Создание грандиозных мемориальных скульптурно-архитектурных сооружений является особенностью искусства Малой Азии. Такие монументы возводились во многих эллинистических центрах региона, они сохраняли преемственную связь с искусством греческой классики, но вместе с тем сочетали в себе восточные влияния и черты местного стиля. Одним из таких сооружений, построенных в ликийском городе Лимиры, стал кенотаф внука императора Октавиана Августа, Гая Цезаря, умершего здесь в 4 г. до н. э.

Кенотаф с украшавшим его 64-метровым мраморным фризом был одним из крупнейших сооружений эпохи. Открытый сравнительно недавно этот памятник известен археологам, но еще не стал предметом искусствоведческого анализа как в западной, так и в отечественной литературе. Возможно, этому препятствует и его плохая сохранность.

С момента первой публикации памятника Й. Борххардтом в 1975 г. скульптурный фриз, украшавший кенотаф, рассматривался учеными в первую очередь как произведение римского искусства времени правления Юлиев–Клавдиев (*Borchhardt, 1975. S. 218–241*). Возможно, однако, связать кенотаф не только с римской скульптурой, но и с ликийскими мемориальными сооружениями, с которыми кенотаф имеет много общих черт.

Рассматривая памятник под таким углом зрения, мы тем самым сталкиваемся с проблемой, которая занимает уже несколько поколений ученых, — это проблема изучения локальных скульптурных школ на территории Малой Азии, появление которых было обусловлено существованием в этом регионе большого количества отдельных государств. В их искусстве местные традиции взаимодействовали с восточными и греческими, а позднее и римскими влияниями.

Одним из таких государств, расположенным на юго-западе Малой Азии, была Ликия, которая за свою многовековую историю находилась в зависимости от многих держав. В VI в. ее заняли персы, в 333 г. до н. э. Ликия, как многие районы Анатолии, была под гегемонией Александра Македонского, после его смерти она досталась Антигону, а затем перешла под управление династии Птолемеев. В 197 г. до н. э. Ликию завоевал Антиох III из династии Селевкидов, а через 10 лет, после разгрома армии Антиоха, римляне отдали Ликию под управление Родосского государства. В 167 г. до н. э. Ликия получила относительную независимость. 23 города объединились под протекторатом Рима в Ликийский союз со столицей в городе Ксанфе. В 43 г. до н. э. Ликия была объединена с соседней Памфилией в единую римскую провинцию. Несмотря на долгое господство персов, Ликия всегда находилась под сильным влиянием греческой художественной культуры. При непосредственном участии восточнотреческих мастеров создавались знаменитые ликийские памятники, такие как монумент Нереид в Ксанфе (рубеж V и IV вв. до н. э.), украшенный двумя скульптурными фризами (*Никулина, 1994. С. 27, рис. 1–22*). Рельефы другого памятника этого периода, героона Гельбаши, вероятно, были выполнены ликийскими мастерами, «стиль их тоже греческий, но с более определенным восточным оттенком» (Там же. С. 28, рис. 27–29). Более поздний период развития ликийской скульптуры изучен меньше. Среди частично сохранившихся комплексов можно назвать героон в Труссе, героон царя Перикла и Птолемайон в Лимирах (*Oberleitner, 1990. S. 71; Borchhardt, 1990. S. 73; Borchhardt, Stanzl, 1990. S. 79*). В ряду этих монументальных сооружений должен быть назван и памятник, открытый 30 лет назад на территории Лимир, — кенотаф Гая Цезаря.

В 17 г. до н. э. Август усыновил двух внуков, сыновей своей дочери Юлии и полководца Марка Випсания Агриппы, — трехлетнего Гая и младенца Люция и стал готовить их к престолонаследию.

¹ Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел научной документации.

© Ю. Г. Семенова, 2010

Необходимым условием воспитания наследника было его участие в военных походах. Август отправил Гая Цезаря с ответственной миссией на восток, где наследник, по словам Луция Аннея Флора, «подчинил нашим (римским. — Ю. С.) законам Армении, склонявшуюся к парфянам» (*Луций Анней Флор*, Армянская война, XXXI).

При осаде города Артагиры Гай Цезарь был ранен, и хотя взятие города его войском давало ему право на триумф в Риме, он просил Августа о возможности остаться в качестве частного лица на длительный срок в Сирии. Лишь по настоянию принцепса Гай Цезарь поспешил в Рим, но умер в дороге, «в одном из городов Ликии, называемом Лимирой», как свидетельствует находившийся в его войске историк Веллей Патеркул (*Веллей Патеркул*, Римская история, II, СII, 2). Тело Гая было перевезено в Рим в фамильную гробницу Юлиев–Клавдиев. После смерти Гай Цезарь удостоился культового почитания — известно, что памятные монументы находились на острове Кос, в Пизе и в Летооне, в Ликии.

Находка небольшого фрагмента рельефной плиты с изображением ликторов с фасциями, которую датировали временем Августа, в стене разрушенного византийского храма, в западной части Лимир, сделанная в 1967 г., стимулировала поиски римского строения, о существовании которого до тех пор не имелось никаких сведений (рис. 1). Тот факт, что античная традиция связывала смерть Гая Цезаря именно с Лимирами, позволил немецкому археологу Й. Борххардту высказать предположение о том, что находка может относиться к его памятнику (*Borchhardt*, 1975. S. 218).

Рис. 1. Фрагмент рельефа. Ликторы с фасциями (*Borchhardt*, 1975. S. 232, abb. 19)

Fig. 1. Detail of the relief. Lictors with fasces

В 1971 г. Й. Борххардт приступил к исследованиям встроенной в византийскую стену башни, в которой он увидел остатки монументального античного строения. После расчистки завалов перед исследователями предстало руинированное сооружение римского времени, вокруг которого и отчасти на его фундаменте располагалась так же разрушенная византийская постройка. Величина сохранившегося античного фундамента 17×17 м, высота же самого сооружения составляла предположительно от 20 до 25 м (рис. 2).

Предварительная реконструкция, предпринятая Й. Борххардтом (*Ibid.* S. 234–240), базировалась на сравнении лимирского монумента с погребальными памятниками на территории стран Средиземноморского региона. Согласно реконструкции, предпринятой австрийским ученым И. Ганцертом, первый уровень представлял собой высокий цоколь, который был обшит мраморными плитами с рельефным фризом. На цоколе (рис. 3) располагался основной объем строения (*Ganzert*, 1984. Taf. 172; *Dinstl*, 1990. S. 191).

Отличительной чертой большинства малоазиатских погребальных монументов является рустованный цоколь и наличие пирамидального завершения. В лимирской постройке не сохранилось никаких деталей, которые позволяли бы

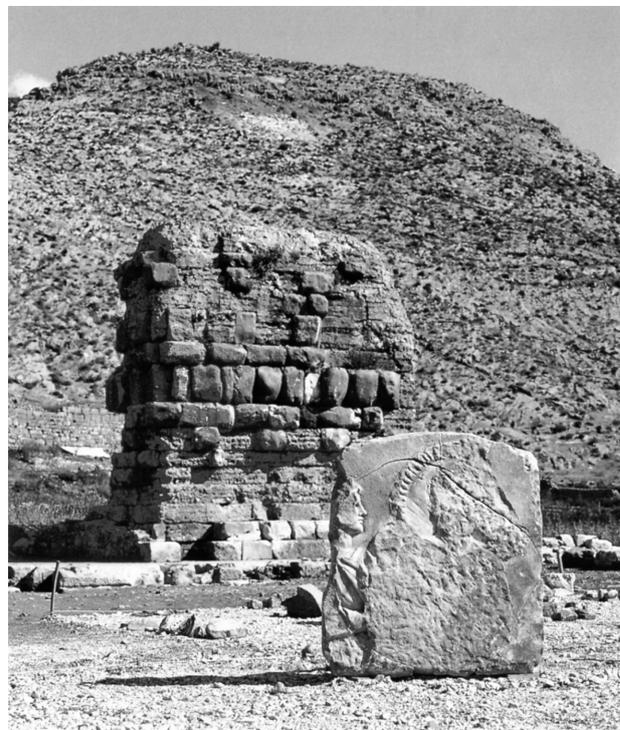

Рис. 2. Фрагмент рельефа фриза с изображением всадника и «ядро» кенотафа (*Ganzert*, 1990. S. 85, abb. 41)

Fig. 2. Detail of the relief of the frieze with representation of a rider and the «nucleus» of the cenotaph

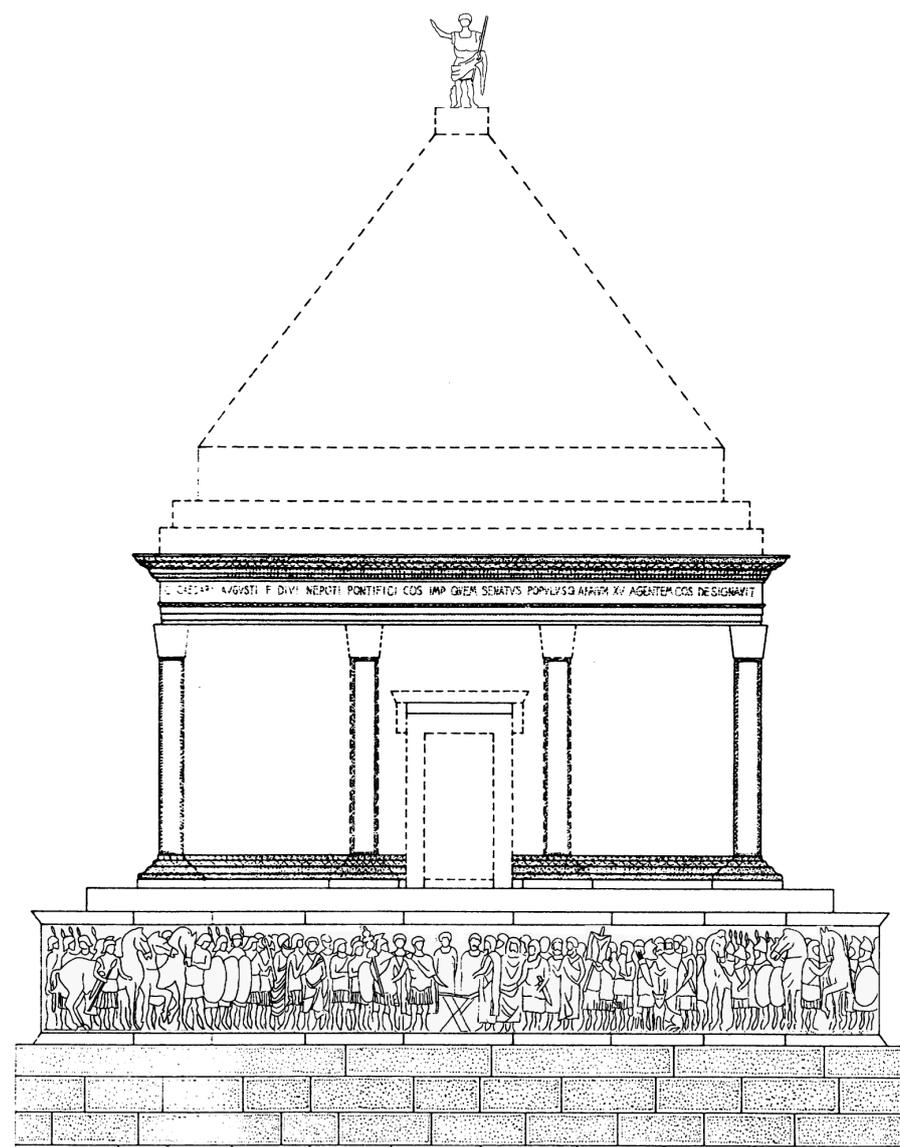

Рис. 3. Кенотаф Гая Цезаря в Лимирах.
Реконструкция И. Ганцера (*Ganzert, 1984; Dinstl, 1990. S. 191*)
Fig. 3. Cenotaph of Gaius Caesar in Limyra.
Reconstruction of J. Ganzert

говорить о существовании последнего, однако в пользу этого предположения свидетельствует наличие массивного ядра кенотафа, которое позволило предположить, что сооружение завершалось именно таким образом. По мнению И. Ганцера, на противоположных сторонах здания существовали две глухие двери, которые определяли лицевую и тыльную стороны постройки и местоположение надписей, находившихся в поле фриза над архитравом. О существовании надписей свидетельствует мраморный фрагмент с четырьмя выбитыми буквами, которые помогли высказать предположение о величине надписи, а также явились косвенным подтверждением датировки и атрибуции памятника. По мнению

ученых, которое представляется весьма обоснованным, буквы ...] AVAS [... с большой долей вероятности указывают на имя собственное Artavasdes — Артабаз (IV), сын которого, Ариобарзан был царем Армении в то время, когда состоялся поход Гая Цезаря (*Borchhardt, 1990. S. 73*).

Орнаментика сохранившихся архитектурных фрагментов служит еще одним подтверждением датировки постройки. Если общая архитектурная форма имеет несомненное родство с малоазийскими и средиземноморскими мавзолеями, то орнаментальный декор ближе всего к убранству храма Конкордии в Риме, построенного в 10 г. н. э. (*Соколов, 1996. Рис. на с. 35*). Обрамленный профилями фриз лимирского кенотафа

Рис. 4. Фрагмент рельефа фриза с изображением военачальников и лошади (Antalia, 1996. P. 108)

Fig. 4. Detail of the relief of the frieze with representation of military leaders and a horse

имел на каждой стороне длину в 16,21 м при высоте 2,06 м. В процессе раскопок были обнаружены 83 фрагмента фриза. Наиболее значительный фрагмент был найден в саду одного из частных домов недалеко от Лимир в 1992 г. Мраморный блок размером 1,9 × 0,9 м с изображением трех римских военачальников и фрагментированным изображением лошади в богатой упряжи (рис. 4), хранящийся ныне в Археологическом музее Анталии (Inv. No: 1.15.92), дает наиболее полное представление о скульптуре кенотафа (Antalia, 1996. P. 108).

На каждой стороне постройки размещалось 17 плит размером чуть больше 90 см. На фризе было изображено не менее 136 человек, а также животные — быки, лошади и пантеры. Эти подсчеты подтверждают, что в Лимирах были найдены остатки одного из самых крупных рельефных произведений эпохи Августа.

При реконструкции фриза Й. Борххардт предположил следующие сюжетные композиции: на западной стороне фриза, по его мнению, были изображены торжественные проводы Гая Цезаря в поход, возглавляемые Августом. К этой сцене

ученый относит фрагмент с ведущим лошадь юношей (Borchhardt, 1990. S. 89). Надо отметить, что изображение оседланной верховой лошади известно лишь в более поздних сюжетах «отъезда императора», иконографической схемы, впоследствии получившей распространение в государственном рельефе.

На восточной стороне, по мнению исследователя, исходявшего из того, что события, упомянутые в строительной надписи, не могли не быть отражены в рельефе, было изображено назначение Гаем Цезарем Ариобарзана царем Армении (Ibid. S. 90).

Одним из главных политических достижений Гая Цезаря была встреча с парфянским царем Фраатаком V на острове на р. Евфрат, описанная Веллеем Патеркулом (*Веллей Патеркул*, Римская история II, CI, 1). Эта сцена, как считает Й. Борххардт, была изображена на северной стороне фриза. Именно к этой реконструируемой сцене Й. Борххардт относит фрагмент головы пожилого варвара, который он интерпретирует как изображение «парфянского генерала». К изображению фракийской конницы может относиться фрагмент виртуозно исполненной лошадиной головы с горячей игрой сплетения артерий под великолепной наборной уздечкой (Borchhardt, 1990. S. 90) (рис. 5).

Реконструкция южного фриза — сцена жертвоприношения — находит, в отличие от других сюжетов, множество аналогий как в римском искусстве, так и в искусстве Ликии (Ibid.). Из четырех сюжетов, предложенных Й. Борххардтом, именно сцена жертвоприношения кажется наиболее вероятной, так как этот универсальный сюжет имеет многочисленные аналогии не только в позднейших, как все предложенные сюжеты, но и в более ранних и в современных рассматриваемому памятнику рельефах.

Подробная реконструкция фриза кенотафа, сделанная Й. Борххардтом, на наш взгляд, не вполне обоснованна из-за недостаточного количества сохранившегося материала. Многие памятники, приводимые исследователем в качестве аналогий, относятся к искусству позднейших периодов и к искусству чисто римскому. Й. Борххардт отмечает, что если его реконструкция оказалась близка к истине, то уже для искусства эпохи Августа были бы доказаны те эпические-повествовательные и символически-политические сюжеты, которые мы видим на рельефах арки Траяна в Беневенто и которые достигают своего апогея в рельефах колонн Траяна и Марка

Аврелия, и приходит к выводу, что на востоке первые римские государственные рельефы появляются в кенотафе Гая Цезаря в Лимирах. Они впоследствии послужили прототипом для грандиозных фризов монумента в Эфесе с апофеозом императора Люция Вера (Ibid. S. 88–92). Относясь со всем уважением к первооткрывателю памятника, надо отметить, что столь уверенное воссоздание рельефов с помощью позднейших аналогий не может быть безусловно принято.

Й. Борххардт отмечает отчетливые ликийские и малоазийские реминисценции в памятниках искусства империи, связанных с трактовкой сюжета смерти Гая Цезаря. Примером может служить изображение на Большой Камее Франции, где Гай Цезарь скачет верхом на Пегасе вверх, в сферу обожествленного Августа: отчетливо фиксируется параллель с изображениями ликийского героя Беллерофонта (Ibid. S. 88, abb. 43). Однако, пытаясь воссоздать сюжеты фриза, Й. Борххардт не находит места для таких параллелей, хотя нам представляется возможным, что они могли быть. Наличие мифологических и аллегорических сюжетов в оформлении скульптурно-архитектурных комплексов эпохи Юлиев–Клавдиев, например Алтаря Мира или более близкого территориально Себастейона в Афродисиасе (Давыдова, 2000. С. 25), позволяет (правда, лишь теоретически) предположить, что они могли быть и в лимирском монументе. И если Гай Цезарь мог быть отождествлен с Беллерофонтом, то можно вспомнить и о том, что со времен похода против Антония, который соотносил себя с Новым Дионисом, Октавиан Август отдавал предпочтение культу Аполлона. Ликия — родина Аполлона — была одним из центров его культа.

Кенотаф Гая Цезаря стал третьим большим сооружением Лимир, где уже существовали героон царя Перикла и Птолемайон. Кенотаф, несомненно, служил важным центром почитания в разрастающейся на равнине римской части города, таким же, как возвышавшийся на горной вершине героон царя Перикла — доминанта старого ликийского поселения. Теперь Лимиры получили новый героон в дополнение к существовавшему ранее.

Без сомнения, рельефы кенотафа должны были служить полем для иллюстрирования и пропаганды неких государственных, политических идей, однако жанр римского государственного рельефа в этот период находился еще в поре сложения, тогда как в искусстве Малой Азии, и Ликии в частности, к этому времени был уже накоплен

Рис. 5. Фрагмент рельефа с изображением конской головы (Dinstl, 1990. S. 194)

Fig. 5. Detail of the relief with representation of horse head

большой опыт в создании подобных памятников. Представляется вероятным, что в поиске иконографических схем, которые могли быть использованы при создании фриза кенотафа, мастера из Лимир могли обратиться и к изображениям на ликийских образцах, таких как рельеф героона в Тресе и рельеф со сценой жертвоприношения на монументе Нерейд (Borchhardt, 1990. S. 71; Никулина, 1994. С. 27, рис. 1–22).

Можно сделать некоторые предварительные замечания, касающиеся стиля скульптурного фриза и связи этого памятника с более ранними ликийскими монументами. Отчетливо выраженная склонность к декоративно-орнаментальному решению характерна для памятников малоазийской, но не римской скульптуры. Не свойственные римской скульптуре этого периода несколько тяжеловесные формы, подчеркнута живописная трактовка объемов восходят к эллинистическим традициям ионийской скульптуры. Свободное живое движение фигур, которое можно проследить на фрагменте из музея Анталии, также нехарактерно для рельефов времени ранней империи, на которых представлено скорее некое «движение — предстояние». Насколько можно судить по этому фрагменту, весь ритм, заданный

на фризе, был иным, чем на римских рельефах. Аналогию с малоазийскими памятниками также позволяют провести сохранившиеся портретные изображения, отмеченные чертами некой возвышенной патетики с оттенком страдания, что нехарактерно для римского столичного портрета.

Кенотоф Гая Цезаря в Лимирах как архитектурное сооружение и стилистические особенности украшавших его рельефов свидетельствуют о сохранении эллинистических традиций в искусстве Ликии в римское время.

Веллей Патеркул, Римская история — цит. по: «Римская история» Веллея Патеркула / А. И. Немировский, Р. Ф. Дашкова. Воронеж, 1985.

Давыдова, 2000. — *Давыдова Л. И.* Греко-римская скульптура Малой Азии (к вопросу характеристики стиля локальных школ) // К исследованиям зарубежного искусства. СПб., 2000.

Луций Анней Флор, Армянская война — цит. по: Луций Анней Флор — историк Древнего Рима / А. И. Немировский, Р. Ф. Дашкова. Воронеж, 1977.

Никулина, 1994. — *Никулина Н. М.* Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана по материалам глиптики V–VI вв. до н. э. М., 1994.

Соколов, 1996. — *Соколов Г. И.* Искусство Древнего Рима. М., 1996. Antalia, 1996. — Antalia, Museum: Guide. Antalia, 1996.

Borchhardt, 1975. — *Borchhardt J.* Ein Kenotaph für Gaius Caesar // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Institut. Berlin, 1975. Bd 89 (1974).

Borchhardt, 1990. — *Borchhardt J.* Das Heroon von Limyra // Götter, Heroen, Herscher in Lykien: Katalog zur Ausstellung auf der Schallaburg. Wien; München, 1990.

Borchhardt, Stanzl, 1990. — *Borchhardt J., Stanzl G.* Ein Hellenistischer Bau des Herrscher-Kultes: Das Ptolemaion in Limyra // Götter, Heroen, Herscher in Lykien: Katalog zur Ausstellung auf der Schallaburg. Wien; München, 1990.

Dinstl, 1990. — *A. D. (A. Dinstl).* Kenotaph für Gaius Caesar // Götter, Heroen, Herscher in Lykien: Katalog zur Ausstellung auf der Schallaburg. Wien; München, 1990.

Ganzert, 1984. — *Ganzert J.* Das Kenotaph für Gaius Caesar in Limyra: Architektur und Bauornamentik // Istanbuler Forschungen. Tübingen, 1984. Bd 35.

Ganzert, 1990. — *Ganzert J.* Die Architektur des Kenotaph für Gaius Caesar in Limyra // Götter, Heroen, Herscher in Lykien: Katalog zur Ausstellung auf der Schallaburg. Wien; München, 1990.

Oberleitner, 1990. — *Oberleitner W.* Das Heroon von Trysa // Götter, Heroen, Herscher in Lykien: Katalog zur Ausstellung auf der Schallaburg. Wien; München, 1990.

The Cenotaph of Gaius Caesar in Limyra. The Problem of the Identification of the Monument

Yu. G. Semenova

This paper is concerned with one of the grandiose monuments erected in Asia Minor — the cenotaph of Gaius Julius Caesar, grandson of the emperor Octavian Augustus. The cenotaph was uncovered in the Lycian city of Limyra during the excavation conducted by Austrian archaeologists in 1974.

On the basis of the evidence obtained from the excavations the author discusses the architectural solutions and sculptural decorations of the monument, and the iconography of the frieze representations. Some tentative hypotheses are presented concerning the style of the sculptural frieze and the relation of the memorial structure under consideration to the earlier Lycian monuments.

The monument is considered within the frame of the studies of local sculptural schools in Asia Minor which appeared due to the existence of numerous independent states in the region. Probably, in the art of these schools, the local traditions interacted in different ways with the oriental and Greek ones, and later with the Roman influences.

The cenotaph of Gaius Caesar in Limyra as an architectural work, and the stylistic features of the reliefs with which it was decorated attest the preservation of the Hellenistic traditions in Lycia during the Roman times.

ЗАМЕТКА О СООТНОШЕНИИ ТОЛЩИН ПЛИНФЫ И РАСТВОРНОГО ШВА В КИРПИЧНЫХ КЛАДКАХ ПАМЯТНИКОВ ВИЗАНТИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

А. А. Липатов¹

Обладателям кирпичей, клейменных подковой, посвящается

Сюжет настоящей работы кажется незначительным при первом взгляде. Связан он с количественными параметрами кирпичных кладок византийских построек: толщиной растворного шва и плинфы. У автора давно складывалось впечатление о существенной, а с точки зрения современных строительных норм и недопустимой толщине растворных швов, наблюдаемых в кирпичных кладках средневековых византийских построек. Толщина растворного шва, разделяющего два соседних ряда кирпичей, оказывается если не превышающей толщину кирпича, то соотносимой с ним по мощности.² Для того чтобы выяснить, является ли такое соотношение нормой или оно характерно лишь для некоторых памятников определенного времени, была составлена таблица с данными, касающимися толщин кирпича и растворного шва. В нее вошли лишь те сооружения, для которых, во-первых, известна, как минимум, датировка в пределах ста лет, во-вторых, в публикациях упомянуты оба интересующих нас параметра. Сооружения, упоминаемые в таблице, расположены в хронологическом порядке (см. табл. 1).

Тенденция к увеличению толщины растворного шва прослеживается уже в поздне римское время и становится особенно отчетливой в средне- и поздневизантийское время: толщина шва постепенно увеличивается от 10–15 мм до 60–70 мм, доходя порой до 120–150 мм. Так, на примере городских стен Никеи К. Фосс и Д. Винфилд показали, что самые тонкие

растворные швы обнаруживаются в конструкциях I в. н. э., а увеличение толщины шва прослеживается и в III в. (Foss, Winfield, 1986. P. 79–110). Причина этого процесса так до конца и неясна: вероятны экономические причины и/или особенности местных строительных традиций и сырьевых баз. Установлено, что увеличение толщины шва было неразрывно связано с увеличением размера вводимых в раствор добавок — кирпичного боя, дробленого известняка, гальки и гравия (Karaveziroglou, Papayianni. 1993. P. 493–500).

Принимая во внимание характер вводимых в раствор добавок, их размер, в ряде случаев возможно говорить не столько о растворе с кирпичным наполнителем, сколько о конгломерате, в котором кирпичная крошка уступает место крупным фракциям кирпичных обломков. Поэтому важным представляется предположение о том, что кирпичные обломки крупных фракций в известковом растворе играют существенную роль, не только и не столько как пуццолановая добавка, но и выполняют функцию структурного элемента, то есть каркаса растворного шва. Так как количественный состав массива кладки смещается в сторону увеличения содержания раствора с упомянутыми выше характеристиками, кирпичная составляющая кладки может рассматриваться как армирующий элемент в бетонном монолите. Благодаря этому материал, связывающий кирпичную кладку, может рассматриваться не как раствор, а как бетон.

Когда толщина растворного шва достигает 40 мм (в Св. Софии Константинопольской зафиксированы швы толщиной 70 мм), размеры наполнителя увеличиваются до 20–25 мм. Всякая пуццолановая реакция в таком растворе может происходить лишь на поверхности взаимодействия известкового вяжущего и кирпичного фрагмента. В этом случае мы можем говорить о том, что кирпичный наполнитель выполняет не только

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

² Отметим, что в этой заметке никак не затрагиваются вопросы, связанные с форматом плинфы византийского времени. Здесь нас в большей степени интересуют величины толщины шва и кирпича, а также их соотношение.

Таблица 1. Данные по толщине кирпича и растворного шва в кладках памятников византийской архитектуры V–XV вв.**Table 1.** Thickness of plinthoi and mortar joints in the brickwork of Byzantine architecture of the 5th–15th century.

Дата	Постройка	Толщина кирпича (a), см	Толщина шва (b), см	Отношение a_{\max} / b_{\max}	Источник
421 г.	Цистерна Аэтия, Константинополь	4,5–4	Ок. 7	0,64	<i>Ward-Perkins</i> , 1958. P. 52–104.
463 г.	Церковь Студийского монастыря, Константинополь. Лицевая сторона стены южного нефа	4,1–4,4	4,1–4,2	1,04	<i>Reusche</i> , 1971. S. 215, Anm. 25.
Перв. пол. V в.	Баптистерий возле церкви Богоматери Халкопрапейской. Opus mixtum: 5 рядов кирп. 42 см	4	5,5	0,72	<i>Kleiss</i> , 1965. S. 158.
Нач. V в.	Константинополь. Круглый зал к юго-востоку от триклиния. Район церкви Св. Евфимии	4–5	5,5	0,81	<i>Naumann</i> , 1965. S. 145; <i>Müller-Wiener</i> , 1977. S. 238.
Нач. VII в.	Фессалоники. Базилика Ахейропейтос. Кладка арки на западном фасаде. Высота 5 рядов = 50–54 см	4,5	5,0–6,5	0,69	<i>Vocotopoulos</i> , 1979. P. 255.
Около 700 г.	Церковь Успения, Никея	3,2 (2,4–4)	Гор. 6 Верт. 2–4	0,53	<i>Ruggieri</i> , 1991. P. 156; <i>Ousterhout</i> , 2001. P. 10–11; <i>Wulff</i> , 1903; <i>Peschlow</i> , 1976. S. 145–186.
После 740 г.	Церковь Св. Ирины, Константинополь	4–5	Верт. 4–5 Гор. 2–4, до 7	1,25 0,71	<i>Ruggieri</i> , 1991. P. 154–55.
VIII в.	Церковь Св. Николая в Демре (Мира). ¹ Есть пристройки XI–XII вв. Opus mixtum: 2–7 рядов камня / 5–7 кирпича	3,5–4,3–5,5	5	1,1	<i>Ruggieri</i> , 1991. P. 155–156; <i>Peschlow</i> , 1975. S. 350; <i>Ousterhout</i> , 2001. P. 9–10.
Около 787 г.	Монастырь Мегас Агрос (?) или два монастыря, Куршунду (Katabolos)	4–5	6,5–8	0,62	<i>Ousterhout</i> , 2001. P. 14; <i>Ruggieri</i> , 1991. P. 159, 217; <i>Mango</i> , 1968a. P. 174–75.
Втор. пол. VIII в.	Церковь Св. Софии, Фессалоники. Opus mixtum	3–5,2 4,8–5,6	6,7–7	0,8	<i>Theoharides</i> , 1988. P. 143–157; <i>Ruggieri</i> , 1991. P. 155. <i>Reusche</i> , 1971. S. 40.
Втор. четв. XI в.	Церковь Св. Софии, Фессалоники. Участок кладки на северо-восточном углу. Высота 4 рядов кирпича = 50 см. Кирпичи углублены на 3,0–3,5 см	3,0	6,0–9,0	0,33	<i>Vocotopoulos</i> , 1979. P. 254–55.
Между 750–850 гг.	Сиде. Часовня в епископском дворце	4	3–5	0,8	<i>Ruggieri</i> , 1991. P. 159; <i>Mansel</i> , 1963. P. 168–169.
Упомянется в 802 г.	Округа Константинополя. Монастырь Вйуük adası (Принцезы о-ва). Две церкви — Богоматери и Св. Николая	3–5	2–7	0,71	<i>Ruggieri</i> , 1991. P. 209–210; <i>Mamboury</i> , 1920. P. 200–209.
Нач. IX в.	Fatih camii, Trilye-Zeytinbağı	4–5	6,3–7	0,71	<i>Mango</i> , <i>Ševčenko</i> , 1973. P. 236–38; <i>Ousterhout</i> , 2001. P. 12–13; <i>Ruggieri</i> , 1991. P. 158, 227–229.
Нач. IX в.	О. Халка, Heubeliada. Монастырь Христа, в Baltacioğlu tepesi	3	5–7	0,43	<i>Ruggieri</i> , 1991. P. 257, 207–208.
Кон. 810-х гг.	St. Glyceria isl. (Incirli adasi). Цистерна (агиасма) монастыря Св. Гликерии	3	2–4–7	0,75	<i>Ruggieri</i> , 1991. P. 157, 208; <i>Janin</i> , 1927. P. 290–292.
После 833 г.	Св. София в Визе (Byzie). Нерегулярная кладка из известняка и кирпича	3–4	5,5–6,5	0,61	<i>Ousterhout</i> , 2001. P. 9; <i>Ruggieri</i> , 1991. P. 155; <i>Mango</i> , 1968b. P. 9–13.

¹ Датировка VIII в. остается наиболее приемлемой для основного объема здания (*Ruggieri*, 1991. P. 240).

Таблица 1. Продолжение

Table 1. Continuation

Дата	Постройка	Толщина кирпича (а), см	Толщина шва (b), см	Отношение a_{\max} / b_{\max}	Источник
После 896 г.	Цистерна под церковью Всех Святых (?), Константинополь	4,0–5,0	5,0–7,0	0,71	<i>Müller-Wiener</i> , 1985. S. 335, Anm. 3.
IX в.	Монастырь Иоанна, Пелекете, возле Trilue. Opus mixtum: 5 рядов кирпича / 4 камня	5	6,5	0,76	<i>Mango, Ševčenko</i> , 1973. P. 242–248; <i>Ruggieri</i> , 1991. P. 158, 214.
От 815 до 1000 г.	Церковь Св. Софии в Охриде. Восточная часть датируется после 815 г., западная — около 1000 г. Кирпич везде идентичен	4,8–5,6	4,5	1,24	<i>Reusche</i> , 1971. S. 55.
					<i>Reusche</i> , 1971. S. 216, Anm. 38.
Нач. X в.	Основной объем церкви в Дерагзи	2,8–5,5	7,7	0,71	<i>Morganstern</i> , 1977. P. 63.
До 922 г.	Церковь Мирелайон (Bodrum samii), Константинополь	4	5,5–6,0	0,66	<i>Striker</i> , 1981. P.16; <i>Müller-Wiener</i> , 1977. S. 103–106.
Рубеж X–XI вв.	Церковь Kılıse samii (основной объем), Константинополь. Южная стена и северная пристройка	3,0–4,0	4,0–5,5 4,5–5,0	0,72	<i>Müller-Wiener</i> , 1977. S. 169; <i>Aran</i> , 1979.
1011–1022 гг.	О. Хиос. Неа Мони. Церковь Св. Луки. Кладка крипты	3,0–5,5	7,0–12,0	0,45	<i>Vocotopoulos</i> , 1979. P. 250; <i>Krautheimer</i> , 1986. P. 338.
Сер.–втор. пол. XI в.	Toklu dede, Константинополь	3,5–4,0	4,0–6,0	0,66	<i>Aran</i> , 1979; <i>Müller-Wiener</i> , 1985. S. 206.
До 1087 г.	Церковь Христа Пантепонтес (Eski İmaret samii), Константинополь. Два формата	3,3–5,2 5,0	8,0 8,0	0,65 0,62	<i>Reusche</i> , 1971. S. 62–63; <i>Ousterhout</i> , 1992. P. 47–56;
					<i>Westphalen</i> , 1998. P. 80; <i>Aran</i> , 1979.
Не ранее XI в.	Агиасма монастыря Одигитрии. Район Манган, Константинополь	3,5	4,0–5,5	0,63	<i>Demangel, Mamboury</i> , 1939. P. 85, an. 3; <i>Müller-Wiener</i> , 1977. P. 126.
XI–XII вв.	Константинополь. Ау карі. Opus mixtum, кирпичные полосы	4,0–5,0	8,0–9,0	0,55	<i>Schneider</i> , 1936. S. 54, Abb. 11; <i>Müller-Wiener</i> , 1977. S. 97; <i>Aran</i> , 1979.
До 1118 г.	Аркадированный проход севернее субструкций Христа Филантропа и восточнее монастыря Георгия, Константинополь	3,5–4,5	7,5–10,0	0,45	<i>Westphalen</i> , 1988. S. 81, Anm. 343; <i>Demangel, Mamboury</i> , 1939. P. Tab. 9.
Кон. XI–перв. пол. XII в.	Константинополь. Гюль джами	4,0	10,0	0,4	<i>Aran</i> , 1979; <i>Müller-Wiener</i> , 1977. S. 140–143.
Между 1104–1161 гг.	Сарды, церковь Е	4–6	3–5	1,2	<i>Buchwald</i> , 1977. P. 270.
Между 1118–1124 гг.	Южная церковь монастыря Пантократора, Константинополь. Апсида	4,0	12,0	0,33	<i>Westphalen</i> , 1998. S. 80, Anm. 3346 338; <i>Aran</i> , 1979; <i>Müller-Wiener</i> , 1977. S. 209.
1120-е гг.	Протесис (северная боковая капелла) церкви Христа в Хоре (Kariye samii). Константинополь	3,5–4,4	10,0–12,0 5,0–6,0	0,36	<i>Reusche</i> , 1971. S. 94; <i>Müller-Wiener</i> , 1977. S. 160–161; <i>Westphalen</i> , 1998. S. 80, Anm. 337; <i>Aran</i> , 1979.
1134–1136 гг.	Константинополь. Северная церковь (Theotokos Eleousa) монастыря Пантократора	3,9–4,4 3,5–5,0 (апсида)	10,0–15,0	0,29 0,33	<i>Reusche</i> , 1971. S. 62; <i>Müller-Wiener</i> , 1977. S. 209–211; <i>Westphalen</i> , 1998. S. 80, Anm. 334, 338.
1136 г.	Константинополь. Церковь Арх. Михаила (героон) монастыря Пантократора. Апсида	4,0–5,0	10,0–12,0	0,41	<i>Westphalen</i> , 1998. S. 80, Anm. 334–338; <i>Müller-Wiener</i> , 1977. S. 211.
Сер. XII в.	Константинополь. Южная пристройка экзонартекса церкви монастыря Пантократора	3,5–5,2 2,0–3,0 (УТР)	10,0–11,0	0,47 0,27	<i>Westphalen</i> , 1998. S. 80, Anm. 334; <i>Müller-Wiener</i> , 1977. S. 211.

Таблица 1. Окончание

Table 1. Ending

Дата	Постройка	Толщина кирпича (a), см	Толщина шва (b), см	Отношение a_{max} / b_{max}	Источник
Между 1150–1175 гг.	Субструкции второго периода церкви Одалар джами, Константинополь. Своды и стены — скрытый ряд	3,5–4,0	8,0–15,0	0,26	<i>Westphalen</i> , 1998. S. 44–53.
	Кирпич лицевой	4,0–5,0	10,5–13	0,38	
Между 1168–1172 гг.	Куршумлия, церковь Св. Николая	5,1	4,9–5,1	1,0	<i>Reusche</i> , 1982. S. 53–58.
Кон. XIII–нач. XIV в.	Церковь Ese kapi mesçidi. Константинополь	3,5–4,0	4,0–7,0	0,57	<i>Müller-Wiener</i> , 1977. S. 118; <i>Aran</i> , 1979.
1310–1315	Парэкслесион с южной стороны церкви Богоматери Паммакарistos (Fethie samii) в Константинополе. Кладка юго-восточного угла	4,0–4,5	4,5–5,0	0,9	<i>Reusche</i> , 1971. S. 87–88; <i>Müller-Wiener</i> , 1977. S. 132; <i>Aran</i> , 1979.
Нач. XIV в.	Константинополь. Капелла Voğdan seray	4,0 2,5 (скрытые)	4,0–4,5	0,88 0,55	<i>Westphalen</i> , 1998. S. 80, Anm. 336; <i>Aran</i> , 1979; <i>Müller-Wiener</i> , 1977. S. 108.
1316–1321	Парэкслесион с южной стороны церкви Христа в Хоре (Kariye samii), Константинополь	3,5–5,4	5,0–7,0	0,77	<i>Reusche</i> , 1971. S. 94; <i>Müller-Wiener</i> , 1977. S. 161; <i>Ousterhout</i> , 1987. P. 54–61; <i>Aran</i> , 1979; <i>Tunay</i> , 1981. P. 78.
	Без топографии замера	4,5	10,0	0,45	
Перв. пол. XIV в.	Константинополь. Sinan pasa mesçidi. Opus mixtum: 3 ряда камня / 4 кирпича	3,0–3,5	7,0–8,0	0,43	<i>Schneider</i> , 1936. S. 72; <i>Müller-Wiener</i> , 1977. S. 198; <i>Aran</i> , 1979.
Перв. пол. XIV в.	Экзонартекс церкви Kilise samii, Константинополь	3,4–4,1	5,5	0,74	<i>Reusche</i> , 1971. S. 88–89; <i>Müller-Wiener</i> , 1977. S. 169; <i>Aran</i> , 1979.
1475 г.	Kefeli mesçidi, Константинополь	4,0	4,5	0,88	<i>Aran</i> , 1979. P. 211–223; <i>Müller-Wiener</i> , 1985. S. 166.

функцию пуццолановой добавки, но и является формообразующим элементом растворного шва: он создает как центр кристаллизации раствора, так и скелет, армирует массив растворного наполнения шва. И тут мы вправе задать вопрос: византийцы увеличивают размер кирпичного наполнителя, следуя римской традиции пуццолановых растворов согласно Витрувию, или это их самостоятельная находка, результат творческой модернизации строительных материалов? Архитектурные трактаты эпохи Возрождения демонстрируют верность традиции, описанной еще Витрувием: Л.-Б. Альберти и вслед за ним А. Палладио говорят именно о кирпичной крошке в известковых растворах, а не об обломках кирпича. По всей видимости, мы вправе утвердительно говорить о творческом подходе византийских строителей к проблеме классических известковых растворов и создании ими известкового раствора с крупным наполнителем, что вызвало к жизни кладку с толстым растворным швом.

Так, проведенными в 50–60-е гг. XX в. исследованиями современных кирпичных кладок

установлено, что их прочность напрямую зависит от толщины горизонтального растворного шва. Основной же параметр, влияющий на толщину шва, — качество поверхности кирпича: если поверхность «правильная», то возможное в такой ситуации уменьшение растворного шва приводит к увеличению прочности кладки в целом. Если же использован кирпич с неровной постелистой стороной, уменьшение толщины шва приводит к снижению прочности кладки (*Поляков*, 1959. С. 26). Таким образом, вполне возможна ситуация, когда при снижении качества кирпичного производства византийские строители были вынуждены увеличивать толщину шва, чтобы компенсировать снижение прочности.

Изучение ранневизантийских растворов церкви Сан Лоренцо в Милане (*Baronio et al.*, 1997. P. 35) показало, что уже в V в. размер кирпичной крошки в растворе значительно превышает тот, что соответствует крошке, имеющей свойства гидравлической добавки: обломки кирпича начинают работать в растворе как элемент, структурирующий известковую смесь. Взаимодействие

кирпича и раствора не ограничивается пуццолановой реакцией: визуальные исследования под микроскопом выявили наличие реакционных кайм на границе взаимодействия кирпича и раствора. Химический анализ этого пограничного новообразования показал, что оно состоит преимущественно из соединений кремния и кальция. В ряде случаев реакция между кирпичными обломками и известковым вяжущим не зафиксирована, однако наблюдается положительная пуццолановая реакция этих кирпичных фрагментов.

Состав раствора из толстых швов равеннской церкви Св. Михаила в Африкиско, освященной в 545 г. (*Deichmann*, 1976. S. 35–37), показывает присутствие кирпичных обломков размером более 15 мм, известняковых и кремнистых обломков (осколки кремня, халцедона). Между кирпичными осколками и известковым вяжущим также прослежены новообразования по границе взаимодействия. Важно отметить, что плотность самого вяжущего и кирпичного наполнителя имела равные значения.

В контексте увеличения растворных швов в кладках византийских построек, когда отношение толщины кирпича к толщине шва эволюционирует сначала к 1 : 1,³ а затем толщина шва увеличивается, роль кирпичных осколков в составе раствора приобретает принципиальное значение. Реакция, происходящая по границе взаимодействия раствора и кирпичного наполнителя, не продвигается внутрь кирпичных осколков и не затрагивает их центр. Однако устанавливается более прочное сцепление между известью и кирпичом, а процесс затворения раствора одновременно с гашением извести (так называемая технология «горячей извести», *hot lime technology*) только способствует такому процессу. Кроме того, присутствие в растворе крупных пористых фрагментов ускоряет процесс гидратического схватывания раствора, что в конечном счете ведет к ускорению процесса ведения кладки стен: раствор схватывается раньше, что позволяет начинать вышележащую кладку раньше, чем в нормальной ситуации. Второе значение, о котором уже говорилось: крупные кирпичные обломки предотвращают усадку и деформацию незатвердевшего раствора. Вместе с тем деформации,

возникающие в толстых растворных швах, на раннем этапе схватывания могут быть значительны и предотвратить их должен крупный кирпичный наполнитель. Количественное соотношение раствора и кирпича в кладках стен с толстым растворным швом колеблется около 1 : 1 (при равных толщинах), но с превышением толщины шва над толщиной кирпича, что часто происходит в постройках средневизантийского времени, это отношение смещается в пользу раствора.

Прочностные характеристики раствора и кирпича в таких кладках находятся приблизительно на одном уровне, раствор в ряде случаев демонстрирует большую жизнеспособность (*Moropoulou et al.*, 2000. P. 45). Другим важнейшим показателем является эластичность кладки и ее составляющих элементов — кирпича и раствора (*Çakmak et al.*, 1995. P. 125–133). Исследования этого параметра были проведены для конструкций Св. Софии Константинопольской и показали, что кирпич имеет более высокий модуль эластичности, чем раствор. Это значит, что структурирующим звеном в такой кладке являются растворные прослойки. Также следует учитывать, что раствор имеет монотонное распределение в составе кладки, растворные швы пронизывают ее на значительную глубину, в отличие от дискретного распределения кирпичей в кладке. Авторы ультразвукового исследования византийских кладок объясняют такой неожиданный результат взаимодействием известкового вяжущего с пуццолановыми добавками и кирпичным наполнителем различного размера (*Moropoulou et al.*, 2002. P. 545; *Çakmak et al.*, 1998. P. 429). Именно прочность соединения известкового вяжущего и активных наполнителей по границе их взаимодействия обеспечивает высокую прочность растворов и позволяет классифицировать их как квазибетоны (*Moropoulou et al.*, 2000. P. 35). Кроме того, использование кладки с толстыми вертикальными швами (до 5–7 см) с крупным кирпичным наполнителем в арках Св. Софии позволяет рассматривать данные участки как армированные квазибетонные конструкции, а само здание Св. Софии — как раннее бетонное сооружение (*Livingston et al.*, 1992. P. 731; *MacDonald*, 1992. P. 12; *Livingstone*, 1993. P. 861).

Таким образом, характеристики византийских растворов и особенности кладки с толстыми растворными швами позволяют сделать существенное заключение: византийские постройки со средневизантийского времени и особенно в поздневизантийский период демонстрируют

³ Анализ данных по раннехристианским постройкам Равенны, опубликованных Ф.-В. Дайхманном (*Deichmann*, 1976. S. 248–249), показывает, что отношение толщины кирпича к толщине шва находится в пределах от 4,6 до 2,1, что означает существенное превосходство толщины кирпича над толщиной шва.

качества, присущие бетонным монолитным конструкциям (*Moropoulou et al.*, 2000. P. 35; *Moropoulou et al.*, 1996. P. 158–159; *Binda, Baronio*, 1986. P. 109–115; *Livingston et al.*, 1992. P. 721–736; *Çakmak et al.*, 1995. P. 128; *Moropoulou et al.*, 2002. P. 543–552). Византийские растворы, созданные на основе извести и кирпичного наполнителя различного размера, безусловно, не являются полным аналогом современных бетонов, однако могут рассматриваться как квазибетон в византийской архитектуре.

В свое время были опубликованы результаты экспериментального исследования толстых растворных швов (где толщина шва превышает толщину кирпича) в византийских кладках: после изучения образцов исторических растворов они были воспроизведены из современных материалов и протестированы на различных возрастных этапах (*Baronio et al.*, 1997. P. 216–235). Как считает ряд ученых (*Falter et al.*, 1998. P. 498–513), именно благодаря особым свойствам кладки с толстыми прослойками раствора, способствующими прочности и долговечности конструкций, сохранились многие постройки византийского времени. Повышенная прочность таких растворных швов также была зафиксирована экспериментально (*Liakouris*, 1988. P. 1510; *Karaveziroglou, Papayianni*, 1993. P. 212–219). Использование известковых растворов со значительным содержанием крупной кирпичной крошки является ключевым фактором в византийском строительстве зданий высокими темпами, когда растворные швы должны твердеть быстро, позволяя быстро наращивать высоту стен.

Эксперименты по увеличению растворного шва в византийской архитектуре совпадают, как мы можем предполагать, с началом использования крупного наполнителя в скрытом ряду: ранние примеры такой техники кладки говорят об использовании камня и гальки, обломков кирпича и черепицы. Такая практика могла преследовать задачу утилизации бракованного и деструктурированного строительного материала, что способствовало и экономии «чистового» кирпича. Вместе с тем в раствор добавляются крупные кирпичные фрагменты. По всей видимости, совпадение этих двух экспериментов в строительном производстве средневизантийского времени — существенное явление, требующее самостоятельного изучения. Однако краеугольным моментом в таком исследовании должна стать хронология построек, данных для создания которой, как мы видим, пока недостаточно.

- Поляков*, 1959. — *Поляков С.В.* Длительное сжатие кирпичной кладки. М., 1959 (Академия строительства и архитектуры СССР: ЦНИИ строительных материалов: Научное сообщение. Вып. 11).
- Aran*, 1979. — *Aran B.* The church of Saint Theodosia and the monastery of Christ Evergetes // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Wien, 1979. Bd 28.
- Baronio et al.*, 1997a. — *Baronio G., Binda L., Lombardini N.* The role of brick pebbles and dust in conglomerates based on hydrated lime and crushed bricks // *Construction and building materials*. 1997. Vol. 11. No. 1.
- Baronio et al.*, 1997b. — *Baronio G., Binda L., Tedeschi C.* Thick mortar joints in Byzantine buildings: Study of their composition and mechanical behaviour // *Studies in Ancient Structures: Proceedings of the International Conference (July 14–18, Istanbul, Turkey) / E.N. Görünöz* (ed.). Istanbul, 1997.
- Binda, Baronio*, 1986. — *Binda L., Baronio G.* Indagine sull'aderenza tra legante e laterizio in malte ed intonaci de 'cocciopesto' // *Bolletino d'Arte*. Rome, 1986. Vol. 35–36.
- Buchwald*, 1977. — *Buchwald H.* Sardis church E: A preliminary report // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Wien, 1977. Bd 26.
- Çakmak et al.*, 1995. — *Çakmak A.S., Moropoulou A., Mullen C.L.* Interdisciplinary study of dynamic behavior and earthquake response of Hagia Sophia // *Soil dynamics and earthquake engineering*. 1995. Vol. 14. No. 2.
- Çakmak et al.*, 1998. — *Çakmak A.S., Natsis M.N., Mullen C.L., Mark R., Livingston R.A.* Influence of effective material properties on dynamic analysis and earthquake response of Hagia Sophia // *Conservation of historic brick structures: Case studies and reports of research / N.S. Baer, S. Fritz, L.A. Livingstone* (eds.). Shaftesbury, 1998.
- Deichmann*, 1976. — *Deichmann F.-W.* Ravenna: Hauptstadt des spätantikes Abendlandes. Wiesbaden, 1976. Bd 2. Tl. 2: Kommentar.
- Demangel, Mamboury*, 1939. — *Demangel R., Mamboury E.* Le Quartier des Manges et la première région de Constantinople. Paris, 1939 (Recherches française en Turquie. Fasc. 2).
- Falter et al.*, 1998. — *Falter H., Baronio G., Binda L., Reinhardt H.W., Tedeschi C.* Experimental tests on the mechanical behaviour of reproduced Byzantine conglomerates // *Proceedings of the 2nd International RILEM/CSIRO/ACRA Conference on Rehabilitation of Structures* (Australia, Melbourne, September 21–23). Melbourne, 1998.
- Foss, Winfield*, 1986. — *Foss C., Winfield D.* Byzantine fortifications: An introduction. Pretoria, 1986.
- Janin*, 1927. — *Janin R.* Autour du cap Acritas // *Échos d'Orient*. Paris, 1927. Vol. 26.
- Karaveziroglou, Papayianni*, 1993. — *Karaveziroglou M., Papayianni I.* Compressive Strength of Masonry with Thick Mortar Joints // *Conservation of Stone and Other Materials: Proceedings of the International RILEM/UNESCO Congress (Paris, 1993, June 29–July 1) / M.-J. Thiel* (ed.). London; New York, 1993.
- Kleiss*, 1965. — *Kleiss W.* Neue Befunde zur Chalkopratenkirche in Istanbul // *Istanbul Mitteilungen*. Tübingen, 1965. Bd 15.
- Krautheimer*, 1986. — *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine architecture / Rev. with Sl. Ćurčić. New Haven; London, 1986.
- Liakouris*, 1988. — *Liakouris D.E.* Le cas de deux monuments byzantins en Grece occidentale: Le cadre géologique, les pierres de construction, leur inondation par les lecs des barrages // *The Engineering geology of ancient works, monuments and historical sites: Preservation and protection: Proc. of Intern. Symposium organized by the Greek National group of IAEG, September 1988 / P.G. Marinos, G.C. Koukis* (eds.). Rotterdam. Vol. 1: Engineering geology and the protection of historical sites and monuments.
- Livingstone*, 1993. — *Livingstone R.A.* Materials analysis of the masonry of the Hagia Sophia basilica, Istanbul // *Soil dynamics and earthquake engineering*, VI / A.S. Çakmak, C.A. Brebbia (eds.). Southampton, 1993.
- Livingston et al.*, 1992. — *Livingston R.A., Stutzman P.E., Mark R., Erdik M.* Preliminary analysis of the masonry of the Hagia Sophia

- basilica, Istanbul//Materials issues in Art and Archaeology III (San Francisco, California, 27 April–1 May 1992) / Pamela B. Vandiver et al. (eds.) Pittsburgh, 1992 (MRS. Vol. 267).
- MacDonald, 1992. — *MacDonald W.L.* Roman experimental design and the Great Church // Hagia Sophia from the Age of Justinian to the present / R. Mark, A. Çakmak (eds.). Cambridge; New York, 1992.
- Mamboury, 1920. — *Mamboury E.* Le convent byzantin de femmes à Prinkipo // *Échos d'Orient*. Paris, 1920. Vol. 19.
- Mango, 1968a. — *Mango C.* The monastery of St. Abercius at Kursunlu (Elegmi) in Bythinia//*Dumbarton Oaks papers*. Washington, 1968. No. 22.
- Mango, 1968b. — *Mango C.* The Byzantine Church at Vize (Bizye) in Thrace and St. Mary the Younger // *Зборник Радова Византолошки Институт*. Београд, 1968. Књ.11.
- Mango, Ševčenko, 1973. — *Mango C., Ševčenko I.* Some churches and monasteries on the Southern shore of the Sea of Marmara // *Dumbarton Oaks papers*. Washington, 1973. No. 27.
- Mansel, 1963. — *Mansel A. M.* Die Ruinen von Side. Berlin, 1963.
- Morganstern, 1977. — *Morganstern J.* The Byzantine church at Dereağzi and its decoration // *Istanbuler Mitteilungen*. Tübingen, 1977. Bd 29.
- Moropoulou et al., 1996. — *Moropoulou A., Tsiourva Th., Bisbikou K., Biscontin G., Bakolas A., Zendri E.* Hot lime technology imparting strength to historic mortars // *Construction and building materials*. 1996. Vol. 10. No. 2.
- Moropoulou et al., 2000. — *Moropoulou A., Bakolas A., Bisbikou K.* Investigation of the historic mortars // *Journal of cultural Heritage*. New York, 2000. Vol. 1.
- Moropoulou et al., 2002. — *Moropoulou A., Çakmak A. S., Biscontin G., Bakolas A., Zendri E.* Advanced Byzantine cement based composites resisting earthquake stresses: the crushed brick/limemortars from Justinian's Hagia Sophia // *Construction and Building materials*. 2002. Vol. 16. No. 8.
- Müller-Wiener W., 1977. — *Müller-Wiener W.* Bildlexikon zur Topographie Istanbuls: Byzantion — Konstantinopel — Istanbul bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts. Tübingen, 1977.
- Müller-Wiener, 1985. — *Müller-Wiener W.* Zur Lage der Allerheiligengirke in Konstantinopel // *Lebendige Altertumswissenschaft: Festgabe zur Vollendung des 70. Lebensjahres von Hermann Vetters*. Wien, 1985.
- Naumann, 1965. — *Naumann R.* Vorbericht über die Ausgrabungen zwischen Mese und Antiochus-Palast 1964 in Istanbul // *Istanbuler Mitteilungen*. Tübingen, 1965. Bd 15.
- Ousterhout, 1987. — *Ousterhout R.* The architecture of the Kariye camii in Istanbul. Washington, 1987 (*Dumbarton Oaks Studies*. Vol. 25).
- Ousterhout, 1992. — *Ousterhout R.* Some notes on the construction of Christos Ho Pantepoptes (Eski Imaret camii) in Istanbul // *Deltion tes Christianikes Archaologikes Etaireias*. Athens, 1992. Vol. 16.
- Ousterhout, 2001. — *Ousterhout R.* Architecture of Iconoclasm: the buildings // *Byzantium in the Iconoclast era (ca 680–850)* / L. Brubaker, J. Haldon (eds.). Aldershot, 2001 (*Birmingham Byzantine and Ottoman monographs*. Vol. 7).
- Papayianni, Karaveziroglou, 1993. — *Papayianni I., Karaveziroglou M.* Aggregate gradation of ancient mortars: Relationships to strength and porosity // *Conservation of Stone and Other Materials: Proceedings of the International RILEM/UNESCO Congress (Paris, 1993, June 29–July 1)* / M.-J. Thiel (ed.). London; New York, 1993.
- Peschlow, 1975. — *Peschlow U.* Die Architektur der Nikolaoskirche // *Myra: Eine Lykische Metropole in antiker und byzantinischen Zeit* / J. Borchard (Hrsg.). Berlin, 1975 (*Istanbuler Forschungen*. Bd 30).
- Peschlow, 1976. — *Peschlow U.* Neue Beobachtungen zur Architektur und Ausstattung der Koimesiskirche in Iznik // *Istanbuler Mitteilungen*. Tübingen, 1976. Bd 22.
- Reusche, 1971. — *Reusche E.* Polychromes Sichtmauerwerk byzantinischer und von Byzanz beeinflusster Bauten Südosteuropas: Überlieferung und Entwicklung einer handwerklichen Technik. Köln, 1971.
- Reusche, 1982. — *Reusche E.* Geschichte der Bau- und Baustofftechnik als Hilfswissenschaft: Forschungsaufgaben im Grenzraum zwischen Architektur-, Wirtschafts- und Sozialgeschichte // *Зорграф*. Београд, 1982. № 13.
- Ruggieri, 1991. — *Ruggieri V.* Byzantine religious architecture (582–867): Its history and structural elements. Roma, 1991 (*Orientalia Christiana analecta*. Vol. 237).
- Schneider, 1936. — *Schneider A. M.* Byzanz: Vorarbeiten zur Topographie und Archäologie der Stadt // *Istanbuler Forschungen*. Berlin, 1936. Bd 8.
- Striker, 1981. — *Striker C. L.* The Myrelaion (Bodrum camii) in Istanbul. Princeton, 1981.
- Theoharides, 1988. — *Theoharides K.* The architecture of Hagia Sophia, Thessaloniki, from its erection up to the Turkish conquest. Oxford, 1988.
- Tunay, 1981. — *Tunay M. I.* Masonry of Late Byzantine and early Ottoman periods // *Зорграф*. Београд, 1981. № 12.
- Vocotopoulos, 1979. — *Vocotopoulos P. L.* The concealed course technique: Further examples and a few remarks // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Wien, 1979. Bd 28.
- Ward-Perkins, 1958. — *Ward-Perkins J. B.* Notes on the structure and building methods of Early Byzantine architecture // *The Great Palace of the Byzantine emperors: Second report* / D. Talbot Rice (ed.). Edinburgh, 1958.
- Westphalen, 1998. — *Westphalen St.* Die Odalar camii in Istanbul: Architektur und Malerei einer mittelbyzantinischen Kirche // *Istanbuler Mitteilungen*. Tübingen, 1998. Beih. 42.
- Wulff, 1903. — *Wulff O.* Die Koimesiskirche in Nicäa und ihre Mosaiken nebst den verwandten kirchlichen Baudenkmalern: Eine Untersuchung zur Geschichte der byzantinischen Kunst im 1. Jahrtausend. Strassbourg, 1903.

The Ratio between the Thicknesses of Plinthoi and Mortar Joints in Byzantine Constructions

A. A. Lipatov

The subject of this article is concerned with the quantitative parameters of brickwork in Byzantine architecture: the thicknesses of bricks-plinthoi and of mortar joints between them. For a long time the author has been impressed by the excessive (as it seems from the modern technical point of view) thickness

of mortar joints often found in Byzantine constructions. The thickness of mortar, which separates two layers of bricks, is sometimes equal to the thickness of the plinthoi themselves, and occasionally is even greater. In order to elucidate whether this correlation was a normal practice in Byzantine architecture or it

was related only with monuments of a certain period with an unusual brick/mortar joint thickness ratio, the data on the thickness of plinthoi and mortar joints were summarized in a table. The constructions, mentioned in the table are arranged in the chronological order.

The tendency to enlarge the thickness of mortar joints is known from the Late Roman period becoming especially expressive in Middle and Late Byzantine times. During these periods, the thickness of mortar joints was increased from 10–15 mm to 60–70 mm amounting occasionally to 120–150 mm. The motives for this process are hardly known even now: probably it was due to some economical reasons and/or the local building traditions and availability of the raw materials. It was stated that the increase of mortar joint thickness was directly linked with the increase in the quantity of the aggregates introduced into the lime mortar, *i. e.* crushed brick, limestone, pebble and gravel (Papayianni, Karaveziroglou, 1993. P. 493–500).

Taking into account the character of the additions to the mortar and their quantities, we are dealing in some cases rather with a conglomerate of coarse pieces of brick than with lime filled with the powder of crushed brick. With the quantitative increase of such mortar in the composition of the brickwork its brick component becomes rather a reinforcing element in a concrete monolith, *i. e.* the material bonding the brickwork may be regarded as monolithic concrete.

When the thickness of the mortar joints reaches 40 mm, the size of the brick aggregates grows up to 20–25 mm. Any pozzolanic reaction in such mortar is possible only within the contact zone between the lime binder and brick inclusions. With the increase of the mortar joints in Byzantine constructions the pieces of crushed brick became of fundamental importance. The reaction which was taking place in the contact zone between the lime and brick aggregates was not affecting the inside of the brick fragments. Instead, a stronger cohesion between the lime and bricks arose while the so-called «hot lime technology» (simultaneous slaking of lime and tempering of the mortar) was contributing to the process. In addition, the presence of coarse porous brick fragments in the mortar accelerated the

hydratic cementation. All these factors quickened the rate of the construction works: the mortar was hardening faster allowing thus to proceed with the next layers of the brickwork earlier. Besides, large fragments of crushed brick prevented shrinkage of the mortar layers and deformation of the hardening mortar.

The strength characteristics of mortar and brick in such brickwork are nearly equal, the mortar sometimes showing even a greater vitality (Moropoulou *et al.*, 2000. P. 45). Another important feature is the elasticity of this brickwork and its components — bricks and mortar (Çakmak *et al.*, 1995. P. 125–133). Investigation of elasticity was carried out for structures of Hagia Sophia in Constantinople: the modulus of elasticity is higher for bricks than for the mortar implying that exactly the mortar layers are the structural elements in the brickwork of this kind.

It is the nature of the bond between the lime binder and active aggregates on the boundary of their interaction that guarantees the high strength of such mortar and allows to classify it as a quasi-concrete material (Moropoulou *et al.*, 2000. P. 35). Moreover, the use of thick vertical joints (up to 50–70 mm) with coarse brick aggregates in the brickwork of Hagia Sophia arches allows us to consider them as re-enforced quasi-concrete constructions, the entire building of Hagia Sophia having been one of the most ancient concrete structures (Livingston *et al.*, 1992. P. 731; MacDonald, 1992. P. 12; Livingstone, 1993. P. 861).

Thus the characteristics of Byzantine building mortars and peculiarities of the brickwork with thick mortar joints allow us to make an important conclusion: Byzantine constructions from Middle Byzantine times on and especially during the Late Byzantine period demonstrate the qualities peculiar to concrete monolithic structures (Moropoulou *et al.*, 2000. P. 35; Moropoulou *et al.*, 1996. P. 158–159; Binda, Baronio, 1986. P. 109–115; Livingston *et al.*, 1992. P. 721–736; Çakmak *et al.*, 1995. P. 128; Moropoulou *et al.*, 2002. P. 543–552). Byzantine mortars based on lime and brick aggregates of different coarseness certainly are not a full analogue of the modern concrete. Nevertheless they may be considered as quasi-concrete in Byzantine architecture.

РЕКИ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ БАЛТИЙСКОГО БАССЕЙНА И АНТИЧНЫЕ ГЕОГРАФЫ. ЕЩЕ РАЗ О ТУРУНТЕ И ХЕСИНЕ

М. М. Казанский¹

Считается, что до Тацита греческие и римские авторы практически ничего не знали о землях к востоку от Вислы. Известные в античной географии, в первую очередь у Плиния (*Плиний*, Естественная история, IV.94), упоминания острова *Baltia/Abalus, Basilia*, скорее всего, соотносятся с западным Шлезвигом и западной Ютландией. Вряд ли имеют отношение к Пруссии и упоминаемые тем же Плинием (*Плиний*, Естественная история, IV.97) остров *Galesaria*, а также земля *Austeravia* (*Svennung*, 1974. P. 34–38. Taf. III; *Kolendo*, 1981. P. 75–83, 96–98).² Первые достоверные сведения о балтийском побережье к востоку от Вислы появляются лишь в конце I в. по Р.Х. (после 98 г.) у Тацита, в описании Германии (*Тацит*, Германия, XLV). Это известный пассаж про эстиев на янтарном острове, содержащий крайне интересную и очень конкретную информацию. Интересно, что примерно там же, на балтийском побережье к востоку от Вислы, эстиев в более позднее время фиксирует историк VI в. Иордан (*Иордан*, *Getica*, 36). Отметим однако, что у Тацита эстии Янтарного берега (Самбии, где находятся самые значимые залежи балтийского янтаря) на востоке самые «крайние», непосредственно после этого текста начинается описание ситонов, проживавших, как считается, на побережье современной Финляндии (*Sitonum gentes*:

Тацит, Германия XLV; *Svennung*, 1974. P. 230–243; *Kolendo*, 1981. P. 83–86, 98, 99).

Информация Тацита, возможно, восходит, как и соответствующий текст Плиния о Балтике, к какому-то общему греческому источнику (*Рекканен*, 1968. P. 47). По мнению Е. Колендо, Тацит для Балтийского региона называет исключительно прибрежные народы, что, согласно польскому историку, свидетельствует о получении данной информации в результате каких-то морских контактов, возможно торговых поездок (*Kolendo*, 1981. P. 100, 101).

Географическое сочинение Птолемея (*Клавдий Птолемей*, Географическое руководство), написанное в первой половине II в., по мнению ряда исследователей, отражает появление в Римской империи какой-то новой информации о Восточной Прибалтике, возможно восходящей к несколько более раннему времени, может быть к Марину Тирскому (*Kolendo*, 1981. P. 99). Другие историки настаивают на вторичном, компилятивном характере труда Птолемея (*Шелов-Коведяев*, 1994. С. 47, 55–58). Но как бы то ни было, у него впервые упоминаются реки Балтийского бассейна к востоку от Вислы — Хрон, Рудон, Турунт, Хесин, — перечисляются ранее неизвестные приморские народы, такие как вельты, карбоны. Сведения Птолемея частично воспроизводятся у более поздних авторов (псевдо?) Маркиана (*Маркиан*, *Объезд внешнего моря*, II.39) и Аммиана Марцеллина (*Аммиан Марцеллин*, Римская история, XXII, 38), которые явно вторичны и сами по себе новой информации о Балтике не дают, хотя сообщение Маркиана позволяет кое в чем, как мы увидим, уточнить Птолемея. Создается впечатление, что информация Птолемея о Балтийском регионе вплоть до VI в., то есть до эпохи Иордана и Прокопия, остается наиболее авторитетной, по крайней мере в глазах античных авторов. Ю. А. Кулаковский отмечает, что Птолемей говорит лишь об устьях балтийских рек, то есть

¹ CNRS-UMR 8167. Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. Collège de France. 52, rue du cardinal Lemoine. 75005. Paris. France.

² По мнению И. Свеннунга, описание Плинием «мертвого» или «стоячего» моря также, скорее всего, связано с реалиями Северного и Норвежского морей. Здесь хорошо известен феномен «неподвижности» вод, образованный особенностями течений в этом регионе и создававший определенные трудности для мореплавателей в эпоху парусного флота (*Svennung*, 1974. P. 26–28), поэтому нельзя признать единственно возможной точку зрения Д. А. Мачинского и В. С. Кулешова о том, что «мертвое море» соответствует балтийским реалиям (*Мачинский, Кулешов*, 2004).

информаторы римлян и греков узнали об этих водных артериях благодаря каботажному плаванию (Кулаковский, 2000. С. 252). В данной статье будет предпринята попытка определить, о каких территориях идет речь у Птолемея.

Особые споры вызывает идентификация перечисленных Птолемеем после Вислы с запада на восток устьев рек: Хрон (*Χρόνου ποταμοῦ ἔχβολάι*, *Chronus*), Рудон (*Ρούωνος ποταμοῦ ἔχβολάι*, *Rudon*), Турунт (*Τουρούντου ποταμοῦ ἔχβολάι*, *Turuntus*), Хесин (*Χεσίνου ποταμοῦ ἔχβολάι*, *Chesinus*) (Клавдий Птолемей, Географическое руководство, III.5.1). Так, Хрон интерпретируется как Неман (Мачинский, 1984. С. 9; 1986. С. 4; Булкин, 1983) или Прегола (Кулаковский, 2000. С. 252; Ельницкий, 1961. С. 196; Kolendo, 1984. Р. 643; 1992. Р. 188). Рудон соотносят как с Западной Двиной (Булкин, 1983), так и с Неманом (Кулаковский, 2000. С. 252; Ельницкий, 1961. С. 196; Kolendo, 1984. Р. 643; 1992. Р. 188; Мачинский, 1984. С. 11). Турунт считается как Западной Двиной (Мачинский, 1984. С. 11; 1986. С. 4; Kolendo, 1984. Р. 643), так и водной системой Полота–Дрисса–Великая–Псковское и Чудское озера–Нарова (Булкин, 2003), и наконец, Виндавской (Кулаковский, 2000. С. 252; Ельницкий, 1961. С. 196; Kolendo, 1992. Р. 188). Что касается Хесина, то он тоже интерпретируется как система Полота–Дрисса–Великая–Псковское и Чудское озера–Нарова (Мачинский, 1984. С. 11), или же как Пернова (Мачинский, 1986. С. 4), или Западная Двина (Кулаковский, 2000. С. 252; Ельницкий, 1961. С. 196; Kolendo, 1992. Р. 188).

Приведенные точки зрения можно разделить на две группы. Первая группа исследователей (в первую очередь Ю. А. Кулаковский, Л. А. Ельницкий, Е. Колендо) полностью следует за К. Мюлленгофом и локализует реки Птолемея в юго-восточной Прибалтике на пространстве между Вислой и Западной Двиной (рис. 1; 2). Вторая группа — это современные петербургские исследователи В. А. Булкин и Д. А. Мачинский, которые считают, что Птолемей располагал сведениями и о более удаленных территориях между Западной Двиной и Финским заливом.

Отметим, что далеко не все современные прибалтийские реки пользуются равной популярностью у исследователей. Чаще всего, естественно, вспоминают о наиболее крупных, таких как Неман и Западная Двина, реже вспоминают Преголу, Венту, Пернову/Пярну, Дриссу и Нарову и почему-то совсем оставляют без внимания такие реки как Лиелупе или Гауя, которые, судя

по археологическим данным, являлись важными путями сообщения в римское время (*Moora*, 1938. Р. 645–647, Abb. 91; *Graudonis*, 1974. Р. 56. att.; *Кулаков*, 2003. Рис. 38) и уже поэтому могли попасть в поле зрения информаторов Птолемея.³

Разумеется, локализация древних географических названий на современной карте дело чрезвычайно сложное, здесь трудно ожидать каких-то неопровержимых доказательств. Может быть, именно поэтому цитированные выше авторы иногда ограничиваются декларативным изложением своих взглядов, не прибегая к развернутой системе аргументации. Чаще всего они либо руководствуются созвучиями древних и современных гидронимов, либо просто исходят из собственных общих представлений об истории Восточной Европы. Думается, что в изучении данного вопроса некоторый интерес может представлять сопоставление данных Птолемея о прибалтийских реках с его информацией об этногеографии данного региона. Действительно, в «Географии» Птолемея для интересующего нас региона дается не только список рек, но и список этнонимов вдоль «Венедского залива» к востоку от Вислы,⁴ там, где находятся устья Хрона, Рудона, Турунта и Хесина. Если мы установим наиболее вероятную локализацию этих народов, то станет более ясно, где искать реки Птолемея.⁵

Самый западный из перечисленных народов — это венеды (*Οβενέδαι*, *Venedai*), которые живут «по всему Венедскому заливу» (Клавдий Птолемей, Географическое руководство, III.5.7). Ниже их уже в глубине материка указываются

³ Напомним, что в 1812 г. р. Лиелупе стала даже ареной боевых действий российской флотилии, выбившей французов из Митавы (сейчас г. Елгава).

⁴ Вряд ли справедливо мнение Т. Пекканена, что лист народов, перечисленных Птолемеем в гл. III.5.8 — финны-сулоны-фругундионы-аварины-омброны, — отражает этнографию Балтийского побережья, причем перечисление идет якобы с северо-востока на юго-запад (*Pekkanen*, 1968. Р. 50). В источнике на этот счет нет никаких указаний. Более того, прямыми соседями финнов у Птолемея указаны гитоны на Висле, а аварины характеризуются как народ у истоков Вислы. Речь здесь явно идет о варварах, проживавших вдоль Вислы, хотя и непонятно, как в их числе оказались финны.

⁵ Ю. А. Кулаковский (последнее издание: *Кулаковский*, 2000) на основании данных Птолемея и с учетом его градусной сетки составил карту, на которой Хрон–Рудон–Турунт–Хесин находятся к востоку от Вислы на том же участке побережья, где живут перечисленные венеды, вельты, оссии и карбоны (рис. 1). Очень похожие карты, практически полностью совпадающие на балтийском участке с картой Ю. А. Кулаковского, опубликовали В. В. Латышев (рис. 2) (приложена к *SC I*) и А. Эллегард (*Ellegard*, 1987. Р. 14, 15).

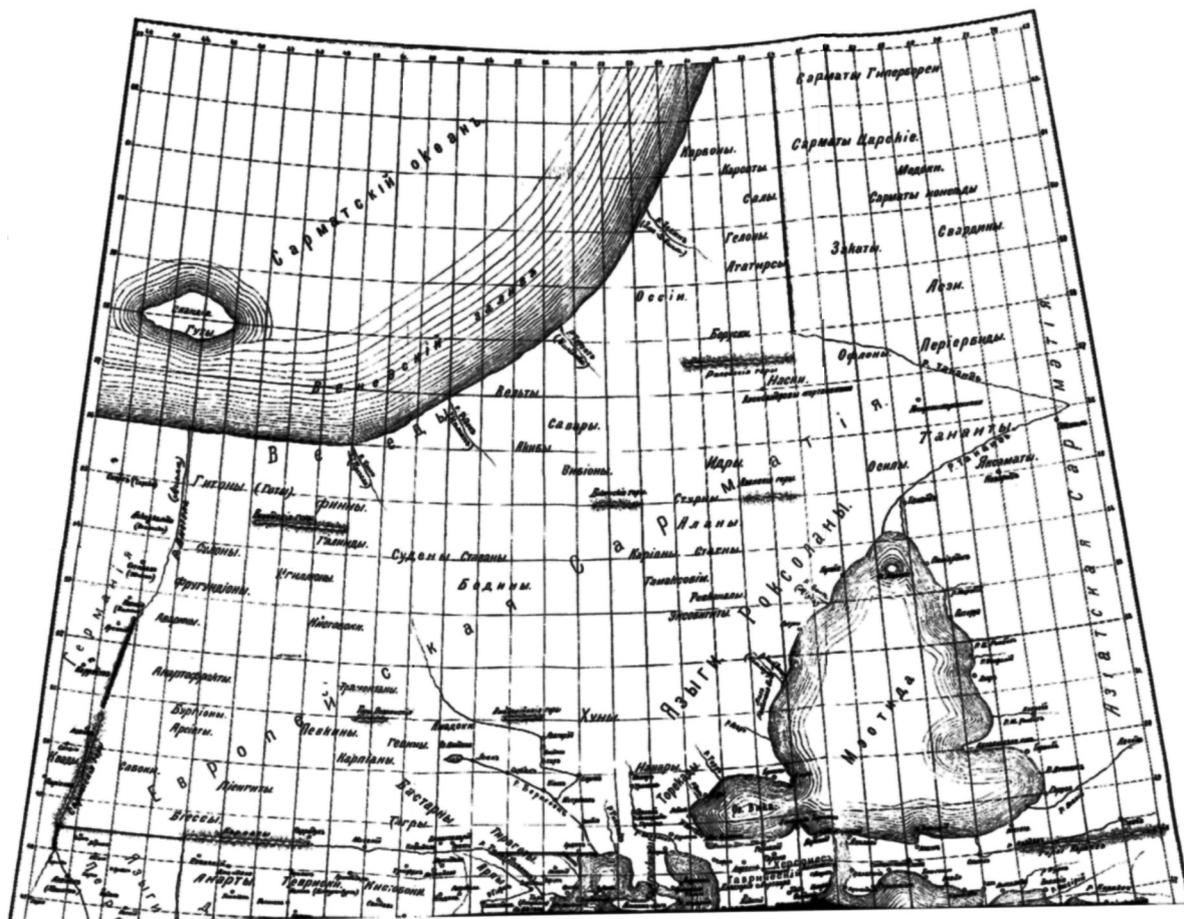

Рис. 1. Восточная Европа в географии Птолемея, по Ю. А. Кулаковскому (Кулаковский, 2000)

Fig. 1. East Europe in Ptolemy's geography

гитоны (*Γύθωνες, Gythones*), галинды (*Γαλινδαί, Galindai*), судины (*Σουδινοί, Soudinoi*) и ставаны (*Σταvanoί, Stavanoi*) «до алан» (III.5.9). Северо-восточнее венедов на побережье живут вельты (*Ουέλται, Veltai*), выше их, судя по контексту, по морскому берегу — оссии (*Οσσιοί, Ossioi*). Затем еще севернее, вне всякого сомнения, тоже на морском берегу, называются карбоны (*Κάρβωνες, Karbones*) — самый дальний из бесспорно прибрежных народов, известных Птолемею. Отсюда, из конечной точки известной части побережья Венедского залива, Птолемей начинает лист народов, идущий *grosso modo* с северо-запада на юго-восток (Шелов-Коведяев, 1994. С. 60). За карбонами, восточнее их, то ли на побережье, то ли в глубине материка, называются кареоты (*Καρεόται, Kareotai*) и салы (*Σάλοι, Saloi*), а ниже их (кареотов и салов или только салов?) локализуются несомненно континентальные народы, частично известные по другим античным источникам (Клавдий Птолемей, Географическое руководство, III.5.10). Некоторые — гелоны, гиппоподы, меланхлены, агафирсы и пр. — явно

взяты из письменной традиции, восходящей к Геродоту. Другие, такие как аорсы и аланы, отражают реалии уже римского времени. Некоторые же нигде, кроме текста Птолемея, более не упоминаются. Этот список народов переваливает Рипейские горы, идущие у Птолемея с запада на восток, и, в конечном счете, упирается в изгиб Танаиса. Стало быть, кареоты и салы живут в том месте или недалеко от него, где Меотиды ближе всего подходит, в представлении античных авторов, к Балтийскому морю, где-то, как они думали, к востоку от Днепра и к западу от Дона.

Маркиан, сведения которого явно восходят к тому же источнику, что и у Птолемея, уточняет, что Хесин и Турунт текут с Рипейских гор, при этом агафирсы живут по реке Хесин (Маркиан, Объезд внешнего моря, II. 39). Это замечание позволяет «привязать» список Птолемея — карбоны–кареоты–салы–гелоны–гиппоподы–меланхлены–агафирсы — или к самому Хесину или, по крайней мере, к близлежащему региону. Река Рудон, по Маркиану, течет из «Аланских гор», из области алан–сармат, откуда также вытекает

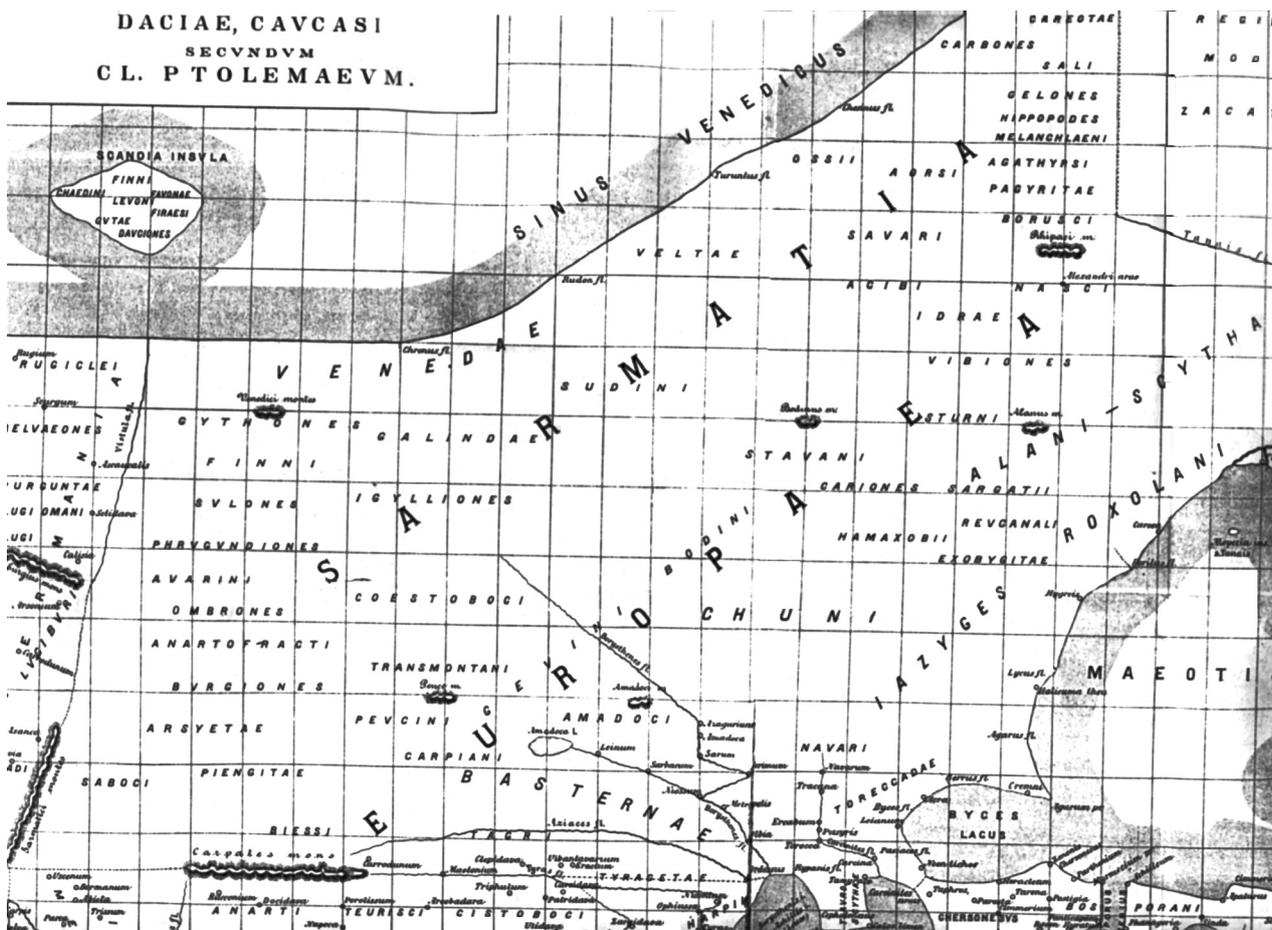

Рис. 2. Восточная Европа в географии Птолемея, по В. В. Латышеву (по SC I)

Fig. 2. East Europe in Ptolemy's geography according to V. V. Latyshev (in SC I)

и Борисфен/Днепр (Маркиан, *Объезд внешне-го моря*, II. 39). Знает «Аланские горы» (или «гору») и Птолемей, они у него находятся, по его градусной сети, где-то между Доном и Днепром (Клавдий Птолемей, *Географическое руководство*, III.5.5). Упоминание алан в связи с Рудоном заставляет вспомнить еще один список народов, приведенный у Птолемея. Это уже упоминавшийся лист — венеды-гитоны-галинды-судины-ставаны-аланы. Может быть, он «привязан» к Рудону?

Венеды привлекают особое внимание исследователей, поскольку в них часто видят прямых предков исторических славян: именно так называли славян в раннем средневековье их западные германские соседи, а Иордан прямо указывает на славянство венедов (Иордан, *Getica*, 34). Мы не будем касаться здесь сложного вопроса этнической принадлежности венедов раннеримского времени (см. подробнее: Wolągiewicz, 1981; Щукин, 1994. С. 232–244; Kazanski, 1999. Р. 9–17). Нас интересует лишь их возможная географическая локализация по Птолемею, которая особых

дискуссий не вызывает. Исследователи обычно помещают венедов на Вислинский залив (Kolendo, 1992. Р. 187). При этом венедов иногда отождествляют с эстиями Тацита, то есть с балтами (Pekkanen, 1968. Р. 88, 89). Но если такая локализация верна, то на этой территории венеды вместе с ругами, точнее ульмеругами («островными ругами»), археологически, скорее всего, соответствуют ранней части любовидзской фазы вельбаркской культуры, которая к балтам прямого отношения не имеет (Wolągiewicz, 1981. Р. 101).⁶ В раннеримское время памятники вельбаркской культуры сосредоточиваются между Вислой и р. Пассарг/Пасленк (Prahistoria..., 1981. Р.с. II; Nowakowski, 1996. Karte 16) (рис. 3).

⁶ Общеизвестна германская, даже конкретно — готско-гепидская принадлежность вельбаркской культуры. Напомним, однако, что, когда речь идет о готах, имеются в виду прежде всего памятники поздней части любовидзской фазы (B2-B2/C1) и цельской фазы (C1-D) (Wolągiewicz, 1981. Р. 101). Для предшествующего любовидзского периода культурная и, видимо, этническая многокомпонентность вельбаркского массива признаются практически всеми исследователями (Ibid. Р. 102).

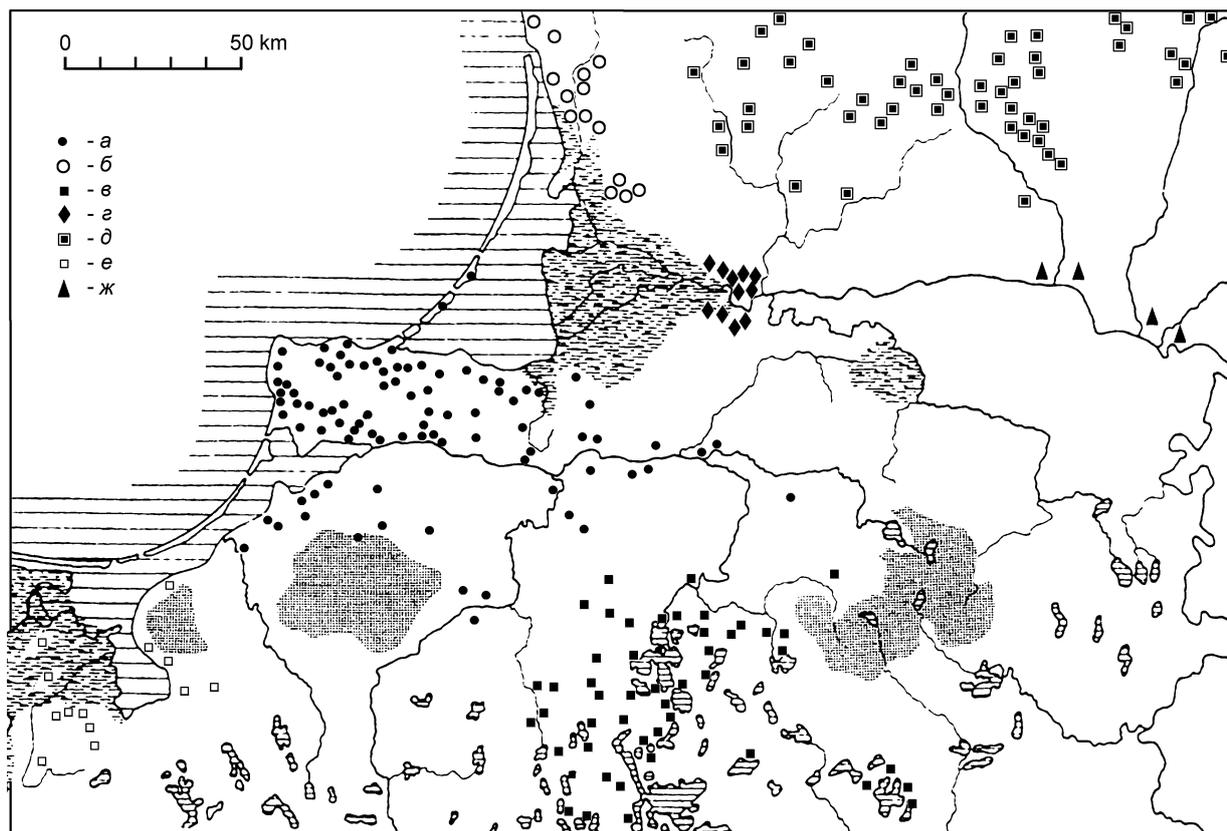

Рис. 3. Археологическая ситуация раннеримского времени в Восточной Пруссии (Nowakowski, 1996; с дополнениями — Кулаков, 2003)

а — культура Долькейм-Коврово (самбийская или самбийско-натынганская группа); *б* — западнолитовская группа (грунтовые могильники с каменными венцами); *в* — богачевская культура (мронговская и венгожевская группы); *г* — нижнемемельская группа (грунтовые могильники Нижнего Немана); *д* — литовско-южнолатвийский круг курганных могильников; *е* — вельбаркская культура; *ж* — центральнолитовская группа (грунтовые могильники)

Fig. 3. Archaeological situation of the Early Roman period in eastern Prussia (Nowakowski, 1996; addenda in Кулаков, 2003)
a — Dolkeim-Kovrovo culture (Sambian or Sambia-Natangin group); *b* — West-Lithuanian group (flat-grave cemeteries with stone rims);
v — Bogachevo culture (Mrongov and Vengozhev groups); *g* — Lower Memel group (flat-grave cemeteries on the Lower Neman River);
d — Lithuanian and South-Latvian circle of barrow cemeteries; *e* — Welbark culture; *zh* — Central-Lithuanian group (flat-grave cemeteries)

Но в любом случае привязка венедов к Вислинскому заливу и территории около устья Вислы очевидна. Подтверждает такую локализацию и соседство венедов Птолемея с гитонами (готами) Нижней Вислы (и Поморья?), а также с галиндами и судинами, проживавшими около Мазурских озер (Nowakowski, 1995. P. 83–85; Kulakov, 2005. P. 10).⁷

⁷ Здесь нельзя не вспомнить о проблеме латвийских вендов, четко зафиксированных письменными источниками для начала XIII в. и ставших в наше время предметом специальных исследований Э. Мугуревича (Мугуревич, 1973), В. Б. Вилинбахова (Вилинбахов, 1973) и В. В. Седова (Седов, 1995. С. 170–186). Речь идет об очень небольшой группе населения, проживавшей сначала на Венте, а потом под давлением куршей переселившейся в Ригу. Здесь они занимали так называемый «Древний холм» (Мугуревич, 1973. С. 291), что свидетельствует о крайней малочисленности вендского анклава. Особую важность для нашей темы представляет вопрос, являются ли эти венды реликтовым остатком древнего населения римского времени. Тогда их локализация на Венте существенно меняет все представления об этногеографии Балтики в римское время — придется перемещать в Курзем

не только венедов, но и их близких соседей — готов, галиндов и судинов, на что, видимо, не решится ни один здравомыслящий исследователь. Вторая возможность: венеды представляют собой потомков какой-то группы мигрантов более позднего времени, например, раннего средневековья. Эту группу причисляли к славянам, балтам, финнам. Э. Мугуревич пришел к выводу, что латвийские венды — это финноязычные ливы, поскольку регион Венты вплоть до X в. входит в зону финских каменных могильников (Там же). Если это так, то сведения Птолемея о венедах на Балтике могут относиться к какой-то финской приморской группе и, таким образом, его список народов придется значительно «передвинуть» на север, в Латвию и Эстонию. Возможно, однако, и иное решение. В. В. Седов привел находку пальчатой дунайской фибулы VII в. из Варвес Стрики, некрополя близ устья Венты, славянская принадлежность которой вполне вероятна (Седов, 1994. 2.3 раз.). Действительно, фибулы, подобные найденной в Варвес Стрики, распространены на Дунае (Vagalinski, 1994. Abb. 6), в зоне активности славян. Вместе со славянами малые пальчатые фибулы попадают и в лесную зону Восточной Европы (Kazanski, 2000. P. 27). Как известно, в архаических обществах элементы традиционного женского убора не являются предметом

Вельтов, которых заманчиво сопоставить с волотами севернорусского фольклора, никто толком не идентифицировал, хотя иногда их соотносят со славянами (библиография: *Шелов-Коведяев*, 1994. С. 59, 60; см. также: *Jażdżewski*, 1988. Р. 98, 99). По логике списка Птолемея они находятся к востоку от венеков, то есть, скорее всего, где-то на территории побережья Пруссии или Литвы. Если отождествление венеков с вельбаркскими памятниками у устья Вислы справедливо, то вельтов надо искать непосредственно к востоку от них. Это может быть территория, соответствующая исторической Натангии, где на побережье в бассейнах рек Пассарг/Пасленк и Фришинг/Прохладная есть могильники раннеримского времени (*Nowakowski*, 1996. Karte 16; *Кулаков*, 2003. Рис. 1 В, 2) (рис. 3), или Самбия, там, где, по Тациту, жили эстии и где польские исследователи выделяют балтскую культуру «Долькейм/Коврово»⁸ (*Nowakowski*, 1996; критика принципов выделения: *Кулаков*, 2003. С. 20, 21, 272 и др.). Не исключены и другие возможности — вельты вместе с венедами могут быть представлены вельбаркскими памятниками Нижней Вислы. Какая версия правильнее, можно лишь гадать.

Оссиев помещают к северу от Самбии на северной границе балтского мира (*Nowakowski*, 1995. Р. 82; 1996. Р. 111), то есть на Куршской косе и клайпедском побережье, во всяком случае где-то на участке побережья от Самбии до Курземе, не далее (*Žulkus*, 2000. Р. 92, Abb. 3). Отмечается, что в балтийских языках *usta*, *osts*, *uosts* означает «дельта», а созвучные имени оссиев топонимы известны в районе дельты Немана и в окрестностях Клайпеды (*Ibid.* Р. 92). Это река Осса, приток Лаукне, впадающая в Куришгаф (*Удальцов*, 1946). Не исключено, что с оссиями сопоставимы нелокализуемые оксионы (*Oxionas*)

торговли и перемещаются в основном вместе с их носителями, точнее носительницами (см. подробнее: *Werner*, 1970). С другой стороны, славянство раннесредневековых венеков Восточной Европы бесспорно, об этом свидетельствует вся совокупность данных письменных источников, и у нас нет никаких оснований полагать, что латвийские венеды должны были составлять исключение. Таким образом, вполне вероятно появление в Прибалтике в VII в. какой-то небольшой группы дунайского, вероятнее всего славянского населения, не имевшей никакого отношения к венедам Птолемея.

⁸ В польской историографии двойные имена — довоенное немецкое и новое русское — прилагаются к прусским археологическим памятникам, находящимся на территории Российской Федерации. Для прусских же памятников, оказавшихся ныне на территории Польши, польскими коллегами почему-то употребляются только современные польские названия.

Тацита — мифический народ с человеческим лицом и звериным телом (*Taquitum*, Германия, XLVI.6).

Напрашивается соотношение оссиев Птолемея и эстиев Тацита и Иордана. Тождество этих двух народов кажется очень вероятным (*Kolendo*, 1992. Р. 188; *Nowakowski*, 1995. Р. 82). Тогда имеются основания локализовать оссиев Птолемея там же, где и эстиев Тацита, то есть на янтарном самбийском берегу. Балтская принадлежность эстиев наиболее аргументированна (*Nowakowski*, 1996. Р. 111–115); предполагается, что эстии — это собирательное имя целой группы балтских народов (*Nowakowski*, 1995. Р. 82, 83). К эстиям В. Новаковский относит прежде всего население Самбии (*Nowakowski*, 1996. Р. 115). В ряде работ В.И. Кулаков постарался показать присутствие в Самбии в римское время германского культурного, а может быть, и этнического компонента. Однако, по В.И. Кулакову, предполагаемая германизация Самбии происходит с конца II в. (*Кулаков*, 2003. С. 57, 58), то есть уже в постптолемеевское время. Таким образом, оссии в число германцев в любом случае не попадают.

Карбоны, самый дальний по балтийскому берегу народ, известный Птолемею. Возможно, как полагает Е. Колендо, это не этноним, а название корпоративной профессиональной группы, что-то вроде «углежогов», «поставщиков угля», и поэтому надежно идентифицировано быть не может. Действительно, если это так, группа прибрежных «угольщиков» могла быть очень маленькой (*Kolendo*, 1992. Р. 188–190). Странно, конечно, что столь малая и в общем социально не значимая группа прибалтийского населения попала в поле зрения античных географов. Но, как бы то ни было, располагались карбоны где-то не дальше куршского побережья, поскольку у Птолемея они названы сразу после оссиев.

Некоторый свет на локализацию карбонов может пролить анализ названий их южных или восточных соседей — кареотов и салов. Действительно, как уже давно замечено (см. например: *Удальцов*, 1946), эти два названия очень напоминают средневековые балтские этнонимы.⁹

⁹ Впрочем, надо учитывать и другие возможности. Это могут быть какие-то степные народы, попавшие в соседство с карбонами только потому, что античные географы часто представляли себе Восточную Европу в виде сравнительно узкого перешейка между Меотидой и Северным Океаном (*Ellegerd*, 1987. Р. 17). Не исключено и дублирование этнонимов, ср. степной народ Καρίωνες (Cariones) у того же Птолемея (*Клавдий Птолемей*, Географическое руководство, III.5.10).

В кареотах узнаются средневековые курши (*Žulkus*, 2000. Р. 92), жители клайпедского побережья и южного отрезка приморской полосы Курземе. В раннем средневековье они известны как *Cori* из Жития Св. Анггария (ок. 870) (*Svenning*, 1967. Р. 174). Имеется, правда, некоторая неувязка — средневековые курши, в первую очередь, — приморский народ, а кареоты Птолемея расположены, кажется, на некотором удалении от побережья, восточнее или юго-восточнее карбонов. Однако вполне возможно, что в римское время курши проживали не там, где их застали средневековые авторы. Мы вернемся к этому обстоятельству при рассмотрении археологических данных.

Салы Птолемея в этом случае есть не кто иные как селы (*Žulkus*, 2000. Р. 92), жившие в средневековье на Западной Двине. О них напоминают река Салаца на современной границе между латышами и эстонцами, на восточном побережье Рижского залива (*Удальцов*, 1946), а также, возможно, топонимика в районе Риги и выше по Двине — Саласпилс, Сала, Салиена. Зона обитания средневековых селов не совсем ясна. Она располагалась, судя по языковым данным, где-то между латгалами и литовцами, на левобережье Двины. С селами идентифицируют курганные могильники II–VI вв. (см. ниже), которые совпадают с диалектной картой говоров с восходящей интонацией, последние считаются типичными для селов (*Седов*, 1987. С. 365). В целом на основании археологических, исторических и языковых данных со средневековыми селами идентифицируют территорию в основном к югу от Западной Двины, в глубине материка (об их территории и формировании в средневековье см. *Simniškytė*, 2005).

На древность названия селов указывает присутствие *Caput fluminis Selliani* на Певтингеровой карте (рис. 4), восточноевропейская часть которой изучена А. В. Подосиновым¹⁰ (*Подосинов*, 2002). Эта река вытекает из Северного Океана и в то же время является правым притоком Гипаниса/Южного Буга, соединяя, таким образом, Балтийский и Черноморский бассейны. Учитывая вышеизложенное о локализации средневековых селов, можно предположить, что данные Певтингеровой карты отражают в искаженном виде какие-то сведения о Западной Двине. К востоку от «реки селов» находится еще один рукав Гипаниса — *Ca(pu)t. (Hyp)anis paludis* или *Caput fluminis paludis*. На карте четко написано *Cap. Fl.*

¹⁰ Пользуюсь случаем поблагодарить Александра Васильевича Подосинова за ценные замечания к моей статье.

Nis. paludis, то есть «исток болота Гипаниса» или «исток болотной реки» (*Segm. VII.4; Подосинов*, 2002. С. 336). Может быть, это Гауя, важная речная дорога римского времени? За ней, в соседнем *Segm. VII.5.*, находится верхний Танаис/Дон, а несколько юго-восточнее — Рипейские горы. Таким образом, эти две водные артерии, соединяющие Балтику с Черноморьем, «Река селов» и «Болотная река», располагаются на Певтингеровой карте примерно там же, где карбоны, кареоты и салы у Птолемея. За ними, в сегменте VIII, показано пустынное побережье, а затем, далеко на востоке, еще какая-то безымянная река, идентификация которой может быть только гадательной.

Получается, что все известные Птолемею народы побережья Венедского залива идентифицируются с населением Юго-Восточной Прибалтики на взморье между Вислой и Западной Двиной. Итак, правы те исследователи, которые локализируют Хрон, Рудон, Турунт и Хесин в пространстве к югу от Западной Двины, поскольку нет никаких оснований думать, что гидрографические сведения Птолемея о Балтийском регионе были шире, чем его данные об этногеографии этих территорий. Все сказанное, разумеется, относится и к сообщениям Маркиана и Аммиана Марцеллина, которые по отношению к Птолемею явно вторичны.

Рассмотрим, как археологические данные о народах Прибалтики римского времени соотносятся с этногеографией Птолемея. Нас в данном случае в первую очередь интересуют памятники населения к северу от устья Немана, которые можно было бы сопоставить с оссиями, карбонами, кареотами и селами.

Для I–IV вв. (рис. 5 А) в интересующем нас регионе выделяются, если не считать немногочисленных грунтовых могильников Понеманья, следующие большие группы археологических памятников (*Мора*, 1954. Рис. 1; *Graudonis*, 1974. Р. 37. Att.; *Таутавичюс*, 1980. Рис. 2):

1. Грунтовые некрополи побережья от устья Немана до бассейна Барты, содержащие ингумации в могилах с каменными венцами (*Moora*, 1938. Р. 599–603; *Таутавичюс*, 1980. С. 81; *Žulkus*, 2000. Abb. 1). Только здесь в Литве зафиксированы для римского времени погребения с конем, типичные для более южных территорий, в Пруссии (*Волкайте-Куликаускаене*, 1979. Рис. 5; *Žulkus*, 2000. Р. 90). Культура куршского побережья формируется, как и в Пруссии, при участии пшеворской и вельбаркской культур (*Ушинская*, 1988. С. 12, 13). По В. И. Кулакову, это скорее балтские

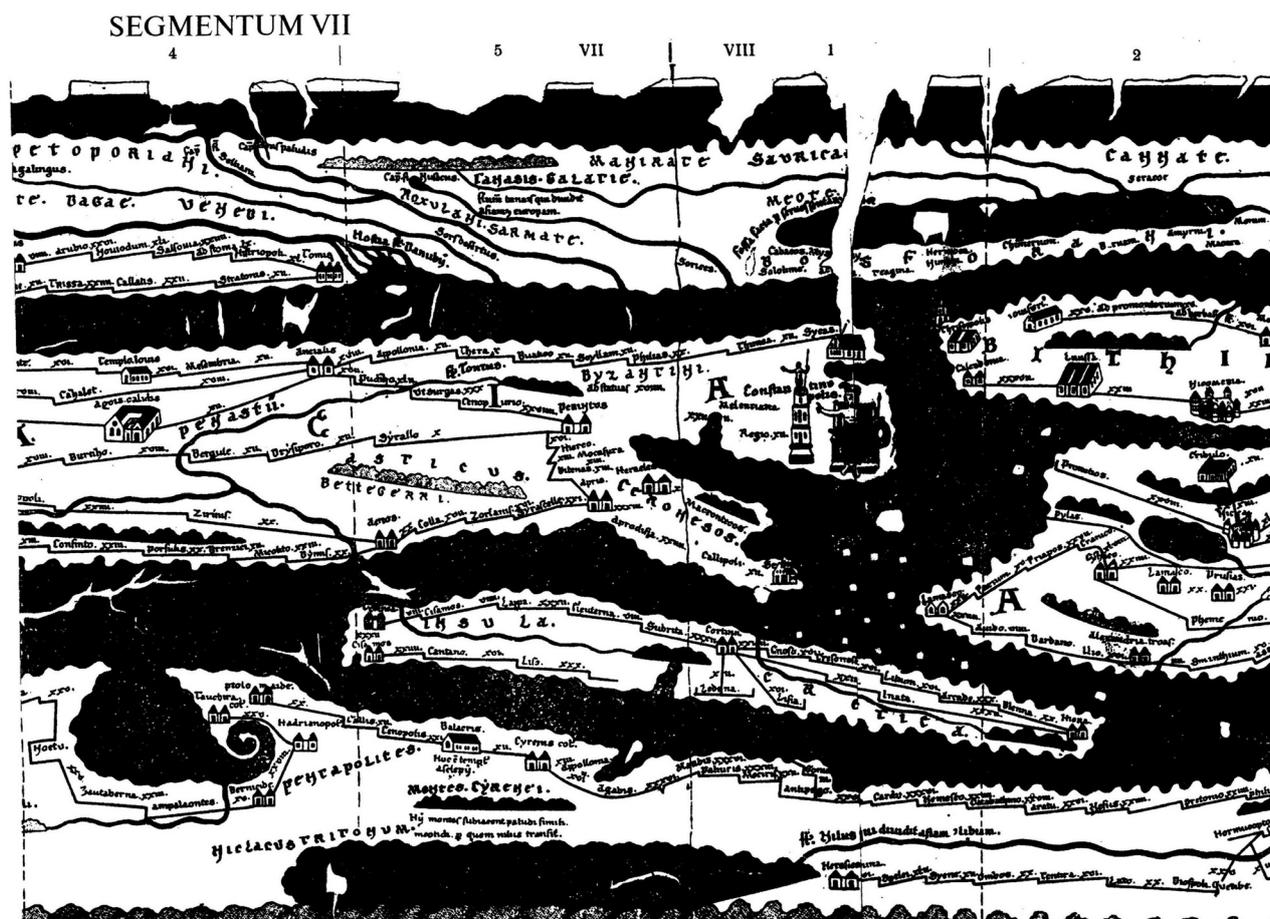

Рис. 4. Карта Певтингера (Подосинов, 2002)

Fig. 4. Map of Pevtinger

мигранты из Пруссии, вытесненные отсюда германцами (Кулаков, 2003. С. 58).

Могильники побережья обычно идентифицируют как куршские (Таутавичюс, 1980. С. 81; Седов, 1987. С. 404, 405), хотя преемственность памятников римского времени с достоверно куршскими могильниками VIII–XIII вв. не доказана (Таутавичюс, 1980. С. 86). Кстати, непосредственно перед тем, когда в письменных источниках на балтийском побережье фиксируются курши, на могильниках с ингумациями и каменными венцами прекращают совершать захоронения, но появляются грунтовые могильники с кремацией и ранее неизвестные «дружинные» погребения, то есть здесь налицо культурный разрыв.

По одной из версий, носители раннесредневековой куршской культуры могли прийти с юга, через территорию сувалкской и ольштынской групп, где имеются биритуальные грунтовые могильники без каменных венцов (Ушинская, 1988. С. 10–12). Если это так, то становится понятной внутриконтинентальная локализация кареотов у Птолемея.

По В. Жулкусу, курши скорее формировались на месте в римское время и в эпоху переселения народов под влиянием внешних факторов, в частности, скандинавского и «жемайтско-земгалского» (курганы с каменными венцами, см. ниже) (Žulkus, 2000. Р. 96–104). Как видим, и в этой гипотезе, которая ныне является доминирующей в литовской археологии, предполагается наличие некоего южного импульса, а стало быть, и возможность продвижения сюда каких-то групп населения, до этого проживавшего вдали от морского побережья.

2. Могильники с коллективными захоронениями-кремациями в каменных оградках в Западной Курземе, в Видземе и в северной Латгалии (Moora, 1938. Р. 606–612; Graudonis, 1974. Р. 37. Att.). Их принадлежность финнам — «ливам» — признается единогласно, поскольку они составляют единую группу с эстонскими, несомненно финскими могильниками культуры «таранд» (Moora, 1938. Р. 662, 663).

3. Грунтовые могильники Восточной Курземе, между Вентой и Лиелупе (Дицмани-Пильсинти, Скаре, Русиши, Штури). Их традиционно соотносят с земгалами (Атгазис, 1980. С. 93; Радиньш,

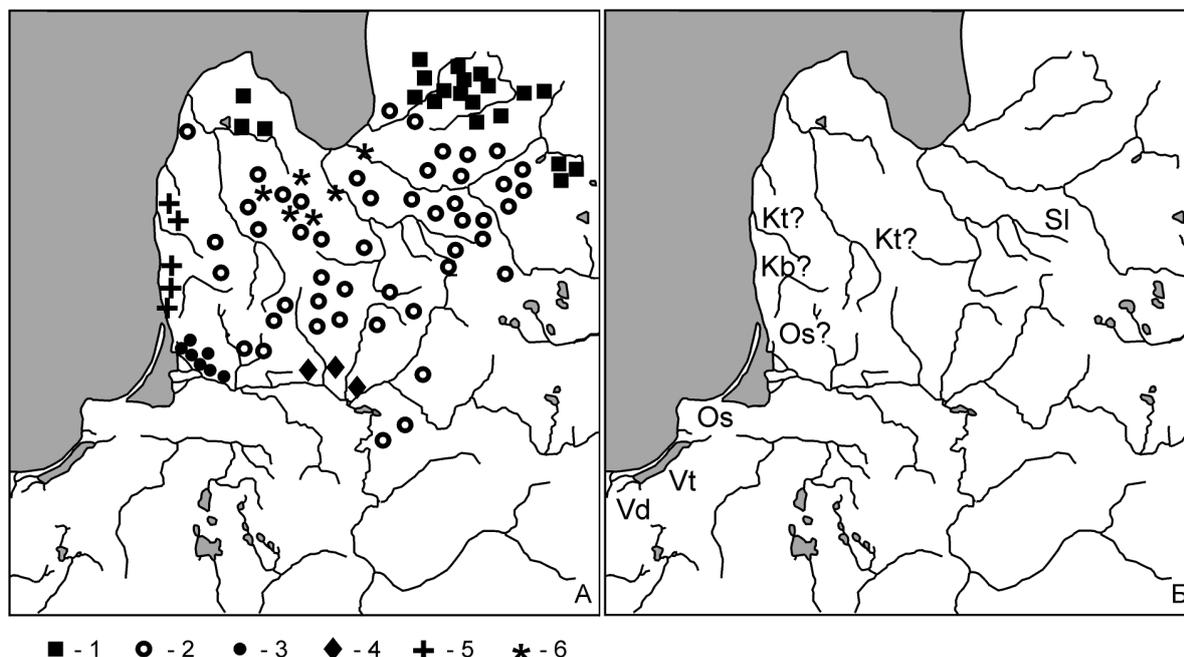

Рис. 5. А — Археологическая ситуация римского времени на территории Юго-Восточной Прибалтики к востоку от Немана (*Graudonis, 1974; Таутавичюс, 1980*): 1 — зона могильников с каменными оградками (таранд); 2 — зона курганов с ингумациями и каменными венцами; 3 — зона грунтовых могильников нижнего Немана с ингумациями; 4 — зона грунтовых могильников Центральной Литвы с ингумациями; 5 — зона грунтовых могильников с каменными венцами и ингумациями; 6 — зона грунтовых могильников Земгалии с ингумациями

Б — Возможная локализация приморских народов Птолемея на современной карте: *Vd* — веныды; *Vt* — вельты; *Os* — оссии; *Kb* — карбоны; *Kt* — кареоты; *Sl* — салы

Fig. 5. A — Archaeological situation of the Roman period in south-eastern Baltic region east of the Neman River (*Graudonis, 1974; Таутавичюс, 1980*): 1 — zone of cemeteries with stone fences (tarand); 2 — zone of barrows with inhumations and stone rims; 3 — zone of flat-grave cemeteries with inhumations on the Lower Neman; 4 — zone of flat-grave cemeteries with inhumations in Central Lithuania; 5 — zone of flat-grave cemeteries with stone rims and inhumations; 6 — zone of flat-grave cemeteries with inhumations in Zemgalia

Б — Hypothetical localization of the coastal peoples of Ptolemy on the modern map: *Vd* — Venedi; *Vt* — Velti; *Os* — Ossii; *Kb* — Karboni; *Kt* — Kareoti; *Sl* — Sali

1997. С. 208), хотя этот этноним известен лишь со средневековья.

4. Курганы с каменными венцами и ингумациями в Латгалии, Земгалии, Курземе, Северной и Западной Литве (*Moora, 1938. P. 603–606; Таутавичюс, 1980. С. 82*). На западе, в бассейне Венты, они соседствуют с грунтовыми могильниками побережья, а на севере, от бассейна Венты до бассейна Гауи, — с каменными могильниками. Курганные могильники обычно соотносят с балтами (*Moora, 1938. P. 665–668*), даже конкретно с земгалами/жемайтами, селами и латгалами (*Амгазис, 1980. С. 92. Рис. 1; Таутавичюс, 1980. С. 82*), хотя существование латгалов и жемайтов/земгалов в римское время еще надо доказать.¹¹ Однако

в латвийской археологии еще в 1920-е гг. сформировалось мнение, что эти курганы на Западной Двине в римское время принадлежат селам, в то время как латгалы — позднее образование, сложившееся не ранее VII–VIII вв. Эта точка зрения существует и в наше время (*Радиньш, 1997. С. 207, 208, 212*).¹²

Если отрешиться от современных диалектических и топонимических карт, которые в первую очередь отражают ситуацию средневековья и нового времени, то можно предложить следующие сопоставления (рис. 5 Б).

Несомненно, балтские (пусть и германизированные) оссии по археологическим данным должны располагаться если не в Самбии или

¹¹ Такая «модернизация» древней этногеографии Прибалтики типична для литовских и латвийских археологов. Никаких данных, позволяющих говорить о реальном существовании земгалов, латгалов, жемайтов и пр. в римское время или в эпоху переселения народов, на сегодняшний день нет. Иными словами, это то же самое, что рассуждать, скажем, о полянах, древлянах или кривичах для I–II вв.

¹² Интересно отметить, что побережье Рижского залива, от Ирбенского пролива и до бассейна речки Витрупе, соответствует зоне археологической пустоты, в которую попадает стратегически важный участок устьев Лиелупе, Западной Двины и Гауи (*Graudonis, 1974. P. 37. Att.*). Трудно сказать, связано это с уровнем археологического обследования данной территории, или же здесь отражена демографическая реальность римского времени.

в устье Немана, то, самое дальнее, на куршском побережье, где в бассейне Барты проходит северная граница грунтовых могильников с каменными венцами. Выше по берегу, в бассейне Венты, начинается зона финских могильников с каменными оградками.¹³ На куршском побережье В. Жулкус выделяет две компактные группы грунтовых могильников (*Žulkus*, 2000. P. 92–95). Одна из них — южная, как полагает В. Жулкус, скорее всего, и соответствует оссиям. Не будем, однако, забывать и возможность прямого отождествления оссиев Птолемея и эстиев Тацита, а стало быть, и возможность локализации тех и других в Самбии.

Карбоны, северные соседи оссиев, оказываются либо на территории тех же балтских грунтовых могильников куршского взморья (если принять возможность идентификации оссиев как самбийских эстиев), либо в зоне уже финских могильников с каменными оградками (если встать на точку зрения В. Жулкуса и соотносить оссиев с грунтовыми могильниками куршского побережья). Живущие вроде бы внутри материка кареоты могут быть сопоставлены либо с грунтовыми могильниками Восточной Курземе, либо с летто-литовскими курганами с каменными венцами и ингумациями. Последняя версия предпочтительнее, поскольку, как уже говорилось, в куршской раннесредневековой культуре выделяется компонент, связанный по происхождению с курганной культурой. Салы, скорее всего, могут быть отождествлены с населением той же курганной балтской культуры, может быть, привязанным к бассейну Западной Двины, где позднее фиксируются исторические селы.

Конечно, все эти сопоставления носят сугубо предварительный, гипотетический характер. Надо учитывать, что имена народов, появляющиеся в письменных источниках, могут быть не только племенными, но и, как уже говорилось по поводу карбонов, корпоративными или же принадлежать полиэтническим формированиям. Их списки у древних авторов часто носят случайный характер, что в полной мере относится к Птолемею. Тем не менее представляется, что

¹³ Исключение составляет найденный близ устья Венты курган с каменными конструкциями Варвес Стрики (*Moora*, 1938. P. 716, 717, no. 63), вроде бы балтского типа. Однако в этом кургане четко фиксируется труположение только времени до нашей эры; из случайных находок отсюда происходят вещи IV–VI вв. (*Мугуревич*, 1973. С. 293, 294), а также «малая» дунайская фибула VII в., о которой уже шла речь (*Sedov*, 1994: 2.3 rav.; *Sedov*, 1995. С. 173, 174). Итак, материалы римского времени здесь не отмечено.

рассмотрение этногеографии балтийского побережья у Птолемея позволяет привязать его сведения, в том числе и о реках Хрон, Рудон, Турунт и Хесин, в первую очередь к территории между Западной Двиной и Вислой.¹⁴

Агеева, 1989. — *Агеева П. А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.

Аммиан Марцеллин, Римская история. — Цит. по: *Ammien Marcellin*. Histoire, livres XIV–XXVIII / Éd. J. Fontaine et alii. Paris, 1968–1996.

Атгазис, 1980. — *Атгазис М. К.* Вопросы этнической истории земгалов // Из древнейшей истории балтских народов. Рига, 1980.

Булкин, 1983. — *Булкин В. А.* Некоторые данные об исторической географии центральной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.

Булкин, 2003. — *Булкин В. А.* Турунт // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб., 2003.

Вилинбахов, 1973. — *Вилинбахов В. Б.* Славяне в Ливонии. Некоторые соображения о вендах Генриха Латвийского // Acta Baltico-Slavica. Warszawa, 1973. Vol. 8.

Волкайте-Куликаускаене, 1979. — *Волкайте-Куликаускаене П. К.* Образование литовской народности (по данным археологии) // СЭ. 1979. № 3.

Ельницкий, 1961. — *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961.

Иордан, *Getica*. — Цит. по: *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов, *Getica* / Латинский текст, вступ. статья, перевод, коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб., 2001.

Клавдий Птолемей, Географическое руководство. — Цит. по: SC I. *Кулаков*, 2003. — *Кулаков В. И.* История Пруссии до 1283 года. М., 2003.

Кулаковский, 2000. — *Кулаковский Ю. А.* Карта Европейской Сарматии по Птолемею (приветствие XI Археологическому съезду) // *Кулаковский Ю. А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000.

Маркиан, Объезд внешнего моря. — Цит. по: SC I.

Мачинский, 1984. — *Мачинский Д. А.* О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.

Мачинский, 1986. — *Мачинский Д. А.* Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси // Русский Север. Л., 1986.

Мачинский, *Кулешов*, 2004. — *Мачинский Д. А.*, *Кулешов В. С.* Северные народы середины IV–первой половины VI в. в «Getica» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004.

Мора, 1954. — *Мора Х. А.* Археологические памятники I–IV вв. в Прибалтике // КСИИМК. 1954. Вып. 53.

Мугуревич, 1973. — *Мугуревич Э.* Проблема венеков в период раннего феодализма в Латвии // Berichte über den II Internationalen Kongress für Slawische Archäologie. Berlin, 1973. Bd 2.

Плиний, Естественная история. — Цит. по: *Plinius l'Ancien*. Historiae naturalis libri XXXVII / Éd. E. de Saint-Denis. Paris, 1972.

Подосинов, 2002. — *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002.

¹⁴ На подобную локализацию указывают и балтские гидронимы, созвучные названиям Рудона (Радея, Рудея, Рудия, Рудзия, Рудоманка, Рудомья, Рыдага: *Топоров*, *Трубачев*, 1962. С. 203, 205; Рудома: *Агеева*, 1989. С. 195), Турунта (Турейка, Турия, Туросна: *Топоров*, *Трубачев*, 1962. С. 210) и Хесина (Касинка, Касна: Там же. С. 190).

- Радиньш*, 1997. — *Радиньш А.* К вопросу об этнической истории латгалов // Гістарычна-Археалагічны Зборнік. Мінск, 1997. № 12.
- Седов*, 1987. — *Седов В. В.* Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- Седов*, 1995. — *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Таутавичюс*, 1980. — *Таутавичюс А. З.* Балтские племена на территории Литвы в I тысячелетии н. э. // Из древнейшей истории балтских народов. Рига, 1980.
- Тацит*, Германия. — Цит. по: *Tacite. La Germanie* / Éd. J. Perret. Paris, 1983.
- Топоров*, *Трубачев*, 1962. — *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Удальцов*, 1946. — *Удальцов А. Д.* Племена Европейской Сарматии II в. н. э. // СЭ. 1946. № 1.
- Ушинская*, 1988. — *Ушинская В. А.* Формирование раннегосударственной территории Литвы I–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Шелов-Коведяев*, 1994. — *Шелов-Коведяев Ф. В.* Птолемей // Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин (сост.). Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. 1 (I–VI вв.).
- Щукин*, 1994. — *Щукин М. Б.* На рубеже эр. СПб., 1994.
- Ellegerd*, 1987. — *Ellegerd A.* «Who were the Eruli?» // Scandia. Tidskrift för historisk forskning. Lund, 1987. Vol. 53. No. 1.
- Graudonis*, 1974. — *Graudonis J.* Agrais Dzelzs laikmets (Primestnējas kopienas sairšana) 2–4 gs. // Latvijas PSR Arheologia. Riga, 1974. Vol. 4.
- Jażdżewski*, 1988. — *Jażdżewski K.* Drogi przemieszczeń niektórych plemion zachodniosłowiańskich, głównie nadbałtyckich // Pomorania Antiqua. Gdańsk, 1988. T. 13.
- Kazanski*, 1999. — *Kazanski M.* Les Slaves. Les origines, Ier–VIIe siècle après J.-C. Paris, 1999.
- Kazanski*, 2000. — *Kazanski M.* Les Slaves dans la zone forestière d'Europe orientale au début du Moyen Age // Les Centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000.
- Kolendo*, 1981. — *Kolendo J.* A la recherche de l'ambre baltique. L'expédition d'un chevalier romain sous Neron. Warszawa, 1981.
- Kolendo*, 1984. — *Kolendo J.* Wenetowie w Europie środkowej i wschodniej. Lokalizacja i rzeczywistość etniczna // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1984. T. 75. Z. 4.
- Kolendo*, 1992. — *Kolendo J.* Roman Acquaintance with the South–East Baltic Coast. The Karbones of Ptolemy // Barbaricum. Warszawa, 1992. T. 2.
- Kulakov*, 2005. — *Kulakov V. I.* The Amber Lands in the Time of the Roman Empire. Oxford, 2005.
- Moora*, 1938. — *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Tartu, 1938. Chr. II. Teil: Analyse (Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. XXIX).
- Nowakowski*, 1995. — *Nowakowski W.* Od Galindai do Galinditae. Z badań nad pradziejami bałtyjskiego ludu z Pojezierza Mazurskiego // Barbaricum. Warszawa, 1995. T. 4.
- Nowakowski*, 1996. — *Nowakowski W.* Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa, 1996.
- Pekkanen*, 1968. — *Pekkanen T.* The ethnic origin of the Δουλοζποροι (Arctos Suppl. I). Helsinki, 1968.
- Prahistoria...*, 1981. — *Prahistoria Ziem Polskich.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981. T. V: Późny okres lateński i okres rzymski.
- Sedov*, 1994. — *Sedov V. V.* Venedai-vendai kurių žemėje // Klaipėdos miesto ir regiono archeologijos ir istorijos problemos. Klaipėda, 1994.
- Simniškytė*, 2005. — *Simniškytė A.* Sėlos kraštas VI/VII–XIII/XIV amžiais: teritorinė struktūra ir hierarchija // Lietuvos Archeologija. Vilnius, 2005. T. 27.
- Svennung*, 1967. — *Svennung J.* Jordanes und Scandia. Kritisch-exegetische Studien. Stockholm, 1967.
- Svennung*, 1974. — *Svennung J.* Skandinavien bei Plinius und Ptolemaios. Kritisch-exegetische Forschungen zu den ältesten nordlischen Sprachdenkmälern. Uppsala, 1974.
- Vagalinski*, 1994. — *Vagalinski L.* Zur Frage der ethnischen Herkunft der späten Strahlenfibeln (Finger- oder Bügelfibeln) aus dem Donau-Karpaten-Becken (M. 6–7 Jh.) // Zeitschrift für Archäologie. Berlin, 1994. Bd 28. Heft 2.
- Werner*, 1970. — *Werner J.* Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt-Wanderhandwerk-Handel-Familienverbindung) // Early Medieval Studies. Stockholm, 1970. T. 1 (Antikvariskt Arkiv. T. 38).
- Wolagiewicz*, 1981. — *Wolagiewicz R.* Kultura wielbarska — problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981.
- Žulkus*, 2000. — *Žulkus V.* Die Völkerwanderung und die Westbalten: die Entstehung der Kuren // Archaeologia Baltica. Vilnius, 2000. Vol. 4.

Rivers of the Eastern Part of the Baltic Basin and Ancient Geographers. Once Again about the Turuntus and Chesinus

M. M. Kazansky

The geographic work of Ptolemy written in the first half of the 2nd century is believed by a number of scholars to have reflected the appearance of some new information about the eastern Baltics in the Roman Empire. That information possibly derived from slightly earlier times, perhaps, from Marinus of Tyre. Ptolemy was the first who is known to mention the rivers of the Baltic basin east of the Vistula and to enumerate the coastal peoples unknown before. In this paper, an attempt is presented to define to what territories did Ptolemy really refer. An object of particular controversy is the identification of the

estuaries of the rivers Chronus, Rudon, Turuntus and Chesinus listed by Ptolemy from west to east beyond the Vistula. Thus the Chronus is interpreted as the Neman or Pregolya. The name of Rudon is attributed either to the Western Dvina or Neman. The Turuntus is thought to be either the West Dvina or the aquatic system of the Polota — Drysa — Velikaya — lakes Pskov and Peipus — the Narova, or, finally, it may be the Venta River. As to the Chesinus, it also was interpreted either as the system of the Polota — Drysa — Velikaya — lakes Pskov and Peipus — the Narova, or as the Pernova or Western Dvina rivers. One group

of scholars agrees completely with K. Müllenhof localizing the rivers of Ptolemy in the south-eastern Baltic region between the Vistula and Western Dvina. A second group assumes that Ptolemy had information even on the remoter territories between the Western Dvina and the Gulf of Finland.

Possibly, of some interest concerning this problem would be to compare Ptolemy's information about Baltic rivers with his description of the ethnogeography of the region. Indeed, Ptolemy's «Geography» gives us not only a list of rivers in the region under consideration but also an enumeration of ethnonyms along the «Venedic Gulf» east of the Vistula where the mouths of the Chronus, Rudon, Turuntus and Chesinus are situated. If we define the most probable localization of these peoples we will understand where the rivers of Ptolemy should be searched for. Analysis of these ethnonyms has shown that all the peoples of the Venedic Gulf known to Ptolemy — Veneds, Veltae, Ossi, Carbones, Careotae, Sali — are identified as the population of the south-eastern Baltics in the area between the Vistula and Western Dvina. So, right are the researchers who place the Chronus, Rudon, Turuntus and Chesinus in the area south of the Western Dvina since there are no grounds to suppose that the hydrographic notions of Ptolemy on the Baltic region were more comprehensive than his knowledge of the ethnic geography of those territories.

Examination of the archaeological evidence for the population of the Baltics of the Roman period gives us grounds to associate Ptolemy's peoples east of the Vistula Estuary with sites of the Wielbark culture as well as with the Baltic antiquities from Lithuania and south Latvia such as the flat grave cemeteries on the Curonian seacoast, flat-grave burial grounds in eastern Courland, and barrows with stone circles and inhumations in Latgale, Zemgale, Courland, north and west Lithuania, and perhaps the Finnish sites of the Tarand culture in western Courland.

The Veneds and Veltae are most probably to be placed within the territory of the Wielbark culture. According to archaeological evidence, the Baltic Ossi undoubtedly must be located if not in Sambia or at the Neman Estuary then at least no farther

than the Curonian coast where, in the basin of the Bartuva River, the northern limits of the flat grave cemeteries with stone circles lie. Higher along the coastline, in the basin of the Venta River, the zone of Finnish burial grounds with stone fences begins. On the Curonian coast, two compact groups of flat grave cemeteries are distinguished. The southern one is possibly concerned with the Ossi. We should not however forget the possibility of a direct identification of Ptolemy's Ossi with the Aestii of Tacitus (late 1st century AD) who inhabited the area directly to the east of the Vistula so that the two must both be localized in Sambia. The Carbones, northern neighbours of the Ossi, are then to be found either within the area of the mentioned Baltic flat grave cemeteries on the Curonian coast (if the Ossi were the Sambia Aestii) or further on in the zone of the Finnish burial grounds with stone fences (if the Ossi are associated with the flat grave cemeteries of the Curonian seaside). The seemingly inland Careotae may be associated either with the flat cemeteries in eastern Courland or with the Letto-Lithuanian barrows with stone circles and inhumations. The latter hypothesis is more convincing since in the early medieval Curonian culture a component is distinguished connected by its origins with the tumulus culture. The Sali may probably be identified with the population of the same Baltic tumulus culture related perhaps with the basin of the Western Dvina known to have been inhabited afterwards by the historical Sels.

Naturally, all the above comparisons are only preliminary and hypothetical. It must be allowed for the fact that the names of the peoples mentioned in written sources may have been not tribal in some cases but corporative, as it has been already stated concerning the Carbones, or belonging to some polyethnic formations. Their lists by ancient authors often appear in a chance way. This is wholly true as Ptolemy is concerned. Nevertheless, it seems that consideration of Ptolemy's ethnic geography of the Baltic coast gives us grounds to connect his information, in particular that about the Chronus, Rudon, Turuntus and Chesinus rivers, primarily with the area between the Western Dvina and the Vistula.

КОЛЛЕКЦИИ ОТДЕЛА ВОСТОКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТОРЕВТИКИ МАЛЫХ ФОРМ САЯНО-АЛТАЯ И ПРИЛЕГАЮЩИХ ТЕРРИТОРИЙ

Г. Г. Король, Л. В. Конькова¹

В рамках изучения декоративного убранства коня и всадника эпохи средневековья степной Евразии авторами в течение ряда лет проводились работы в фондах Государственного Эрмитажа, в том числе в Отделе Востока. Данная публикация является продолжением результатов исследования коллекций другого подразделения Эрмитажа — Отдела археологии Восточной Европы и Сибири (ОАВЕиС), посвященного изучению торевтики малых форм Южносибирского региона (Западный и Восточный Саяны с предгорьями (Тува) и «Минусинский край» (старое название юга бывшей Енисейской губернии)) рубежа I–II тыс. (материалы этого исследования, к сожалению, пока не опубликованы). Ниже будут рассмотрены две коллекции (с включением двух предметов из третьей) Отдела Востока на основе комплексного исследования художественных особенностей предметов, в том числе обзора идентичных им предметов и аналогий, технологии их изготовления на основе макроанализа, а также химического состава металла.

Коллекция П. Н. Корнилова (по описи) XIX в. из района Минусинска на юге Красноярского края (случайные находки, номера: СК 129–342). Вероятно, мы имеем дело с ошибкой в описи коллекций, и речь, скорее всего, идет о И. П. Корнилове, видном общественном деятеле, который в пору военной службы побывал в Сибири, где изучал историю и этнографию, проявляя интерес к древностям, делал зарисовки петроглифов. В 1848 г. он совершил поездку по Южной Сибири, и, вероятно, в это время и была собрана коллекция, о которой идет речь (подробнее о И. П. Корнилове см.: *Дэвлет Е., Дэвлет М., 2000. С. 18–20*).

¹ Король Г. Г. — Россия, 117036, Москва, Дм. Ульянова ул., 19. Институт археологии РАН.

Конькова Л. В. — Россия, 690950, Владивосток, Пушкинская ул., 89. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

© Г. Г. Король, Л. В. Конькова, 2010

Из этой обширной коллекции разновременных предметов рассмотрены 14 ременных украшений из цветного металла конца I–начала II тыс. н. э. и фрагмент зеркала.

Коллекция из Западной Сибири (СК 877–882), собрание Ромашова, 1892 г. (авторство коллекции и год под вопросом). Нами исследованы 18 предметов второй половины XIII–XIV в., возможно, одного поясного набора из погребения.

Из собрания П. К. Фролова, горного инженера и общественного деятеля, бывшего в 20–30-е гг. XIX в. начальником округа Колывано-Воскресенских горных заводов на Алтае (коллекция включает «бляхи сбруи танского времени» из района Змеиногорска, северо-западные предгорья Алтая, Алтайский край), привлечены два предмета XIII–XIV вв. (СК 728, 742), сопоставимых с набором из предыдущей коллекции.

Таким образом, комплексному изучению подверглись 35 предметов, 34 из них были исследованы не только с точки зрения морфологии, декора и технологии изготовления, но и химического состава металла. Исследовательский подход по системе «декор–технология» (исходная позиция в нем — орнаментация и декор) подробно рассмотрен при анализе коллекций из ОАВЕиС Эрмитажа. Материалы из Отдела Востока исследуются в том же ключе: за основу взята система «декор–технология»; кроме орнаментированных ременных украшений дополнительно проанализированы и неорнаментированные. Рассмотрено и зеркало, которое относится к другой категории предметов, но также является изделием торевтики малых форм. При анализе исследуемых предметов мы опираемся на типологию орнамента и декора (геометрический, растительный, зооморфный). Учитываются и выделенные ранее для Минусинского края (культура енисейских кыргызов IX–X вв.) 12 наиболее выразительных художественных групп, часть которых была распространена по всему Саяно-Алтаю, отдельные

предметы изредка попадали и на отдаленные территории (Конькова, Король, 2004; Король, Конькова, 2004; 2007б).

Технология изготовления подавляющего большинства исследованных нами ранее предметов торевтики малых форм Саяно-Алтая и прилегающих территорий (более 2 тыс. образцов) характерна для большого пласта изделий раннесредневековых культур степной Евразии и прилегающих территорий. Они изготовлены путем литья с использованием восковой модели, дающей широкие возможности для художественного моделирования поверхности и создания тонкостенного объемного предмета с рельефным изображением декоративной композиции. Тиражирование изделий происходило за счет использования преимущественно литого штампа-матрицы, оттиснутого в пластической массе. Дополнительно поверхность могла покрываться позолотой, серебром и с помощью лужения. В изученном нами базовом комплексе реманных украшений Саяно-Алтая (Конькова, Король, 2001) выделены четыре уровня качества (Конькова, Король, 2006; Король, Конькова, 2007а). Два из них — основные. Первый — группы изделий высокого качества, вероятно, изготовленные в ремесленных центрах с развитыми традициями. Второй — массив изделий, выполненный на другом, не столь высоком уровне качества. В нем есть свои подуровни качества изображения декора, вплоть до очень низкого, при этом металл может быть хорошим.

Для анализа состава металла применялся эмиссионный спектральный полуколичественный анализ с использованием серии специальных эталонов. Анализ проводился в Лаборатории ИИМК РАН В. А. Галибиным. В итоге получены количественные данные (до тысячных долей процента) для следующих 11 элементов: олово (Sn), свинец (Pb), цинк (Zn), висмут (Bi), серебро (Ag), сурьма (Sb), мышьяк (As), железо (Fe), никель (Ni), кобальт (Co), золото (Au). За точку отсчета границы легирующего компонента в сплаве мы принимаем 0,5%. В предшествующих исследованиях статистически выявлено, что в исследовании раннесредневековой торевтики малых форм большую роль играет геохимическая характеристика металла. Особенно информативными являются показатели группы «сурьма–мышьяк» наряду с некоторыми другими (Конькова, Король, 2004). В данном исследовании учитывается именно эта группа.

Еще в XIX в. исследователи саяно-алтайских средневековых древностей обратили внимание

на художественные предметы-украшения, в том числе ременные, изготовленные из сплавов на основе меди. Особо отмечена разница в качестве изготовления и составе металлов, которые можно зафиксировать визуально (грубые изделия, изделия с тонким и изящным декором, белый металл и пр.). Показательное описание подобных украшений и металлов, из которых они изготовлены, приводится в книге В. В. Радлова (Радлов, 1989. С. 467). Автор описывает различные типы сплавов, различающиеся по цвету: чисто медные для простых изделий; для более сложных — желтый сплав, белый, серый. Интересны данные химических исследований составов подобных предметов (анализы Гёбеля и данные Струве), которые говорят о том, что наиболее распространен был сплав с суммарным содержанием олова и свинца в пределах 20% (наиболее оптимальный для отливок). Приведен также редкий случай сплава меди (89,7%), олова (0,63%) и железа (9,1%) — нам такой сплав неизвестен. Исследователи металла средневековых украшений обращали внимание и на характер структуры сплавов, показатели твердости, то есть подход был высокопрофессиональным. Уделено внимание и зеркалам «железного века с самыми разнообразными украшениями», отмечено их повсеместное распространение и китайское происхождение, судя по декору тыльной стороны. «Отлиты они из различных сплавов, чаще всего беловатого и серо-желтого цвета» (Там же). Но исследование состава металла средневековых бронзовых украшений носило единичный характер и не создавало цельной картины, хотя основные сплавы были намечены верно. Тем интереснее, что в настоящее время удалось подобрать серийные образцы металла и соотнести их с художественными особенностями, территорией и хронологией.

В последние несколько лет исследованием составов металла средневековых реманных украшений Алтая занимается группа исследователей Алтайского государственного университета (Барнаул) и Государственного Эрмитажа (Горбунова и др., 2005; 2006).

Коллекция П. Н. (И. П.) Корнилова (из района Минусинска). Из 15 исследованных предметов у 14 проанализирован состав металла. Реманные украшения характеризуются тем, что являются действительно разнородными (по всей видимости, случайными) находками, не составляющими комплектов, которые можно было бы считать одним набором и предполагать происхождение его из разрушенного или поврежденного погребения.

Исключение составляют две неорнаментированные ромбовидные по форме бляшки с разными прорезями и фестончатым оформлением краев (СК 272, 271). Они составляют *Группу 1, подгруппу б* (рис. 1, 2, 3). В эту группу включены и другие неорнаментированные накладки: две концевые прямоугольные (*подгруппа а*), одна с фестончатым краем — СК 270 (рис. 1, 5); одна сердцевидная с сомкнутыми концами и овальной прорезью — СК 273 (*подгруппа в*, рис. 1, 4); одна в форме розетки с четырьмя округлыми выступами-«лепестками» вокруг центрального ромба — СК 274 (*подгруппа г*, рис. 1, 8). Все формы распространены в IX–середине XI вв. в Саяно-Алтайском регионе, последняя известна из памятников рубежа VIII–IX вв., и ее варианты популярны повсюду в степной Евразии: от мелких обувных бляшек VIII–IX вв. с Северного Кавказа

до крупных накладок XII в. из Приморья (здесь и далее информация дается по материалам исследованных авторами музейных коллекций). Сердцевидные накладки с сомкнутыми краями и отверстием также распространены на огромных территориях (см., например: *Мурашева*, 2000. Рис. 27; *Excavation...*, 1996. P. 21, fig. 4 — нижний рис.).

Технология изготовления. *Группа 1, подгруппа а.* Оба предмета изготовлены с помощью литья в односторонние формы с сердечниками-вставками (для образования бортиков). Литье некачественное, есть литейные браки в виде отверстий. Накладка СК 267 (рис. 1, 1) имеет на поверхности грубые следы напильника. На другой накладке (рис. 1, 5) с помощью резцовых инструментов дополнительно были проработаны плохо отлитые фестончатые грани. Система

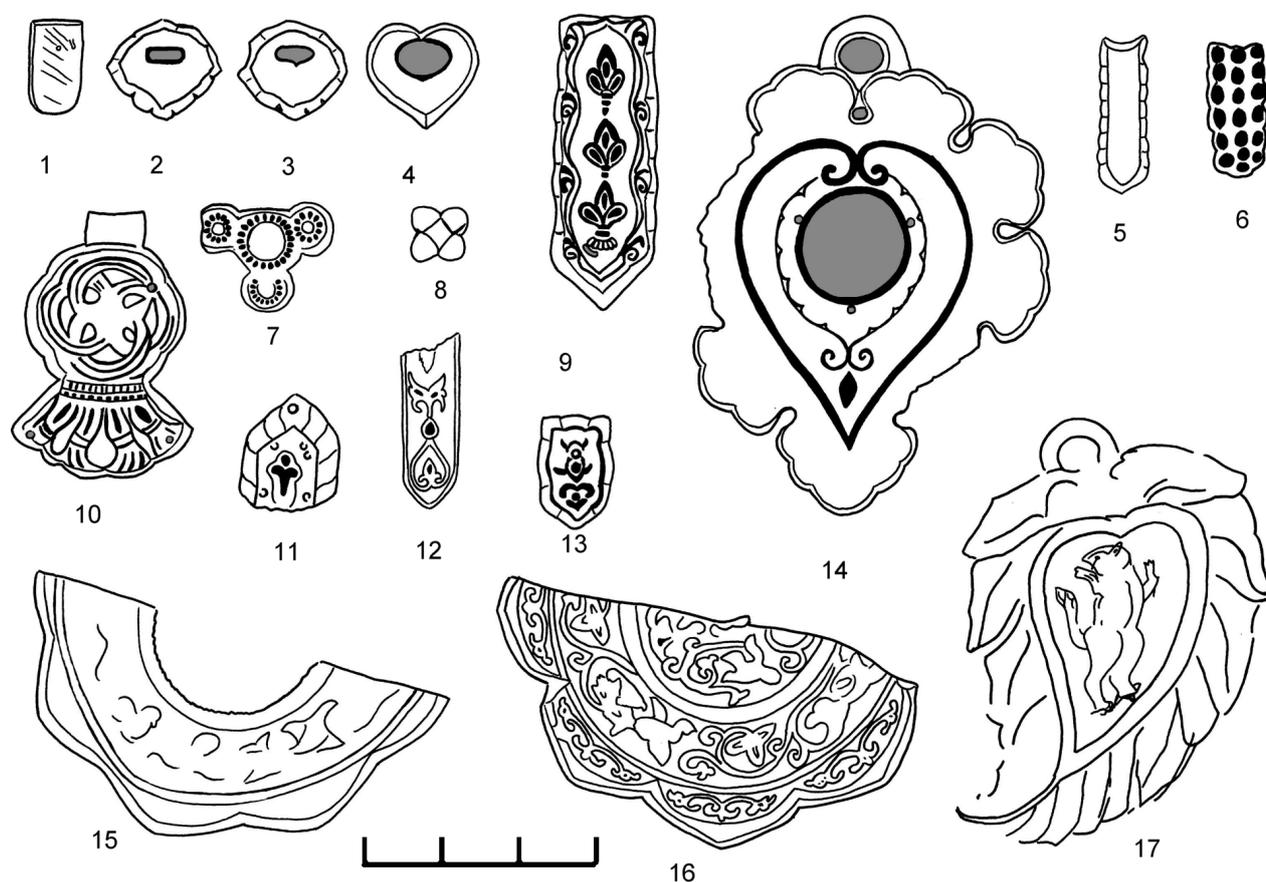

Рис. 1. 1–15 — Коллекция П. Н. (И. П.) Корнилова, район Минусинска, Красноярский край (1 — СК 267; 2 — СК 272; 3 — СК 271; 4 — СК 273; 5 — СК 270; 6 — СК 269; 7 — СК 208; 8 — СК 274; 9 — СК 277; 10 — СК 275; 11 — СК 327; 12 — СК 326; 13 — СК 268; 14 — СК 266; 15 — СК 260); 16–17 — аналогии (16 — Кирилловка V, курган 1, погребение 1, Алтайский край); 17 — рисунок бляхи «из Сибири» Д. Г. Мессершмидта)
1–17 — Бронза

Fig. 1. 1–15 — P. N. (I. P.) Kornilov's collection, from the region of Minusinsk, Krasnoyarsk krai (1 — СК 267; 2 — СК 272; 3 — СК 271; 4 — СК 273; 5 — СК 270; 6 — СК 269; 7 — СК 208; 8 — СК 274; 9 — СК 277; 10 — СК 275; 11 — СК 327; 12 — СК 326; 13 — СК 268; 14 — СК 266; 15 — СК 260); 16–17 — parallels (16 — Kirillovka V, kurgan 1, burial 1, Altai krai); 17 — drawing of the plaque «from Siberia» by D. G. Messerschmidt)
1–17 — Bronze

крепления — с помощью штифтов, вставленных во время отливки. На накладке СК 267 — один центральный, на другой — два вертикально расположенных штифта.

Подгруппа б. Предметы отлиты также в односторонних формах со вставками, изготовлены не очень качественно, накладка СК 271 (рис. 1, 3) имеет отчетливо выраженный литейный брак в виде смятого левого края. Система крепления накладок одинаковая — два штифта расположены по горизонтали.

Подгруппа в. Накладка (рис. 1, 4) отлита аналогичным образом, но при этом стоит отметить высокое качество изготовления. На обороте два штифта по горизонтали, на одном из них сохранилась квадратная медная шайба для фиксации на ремне.

Подгруппа г. Накладка (рис. 1, 8) отлита с применением тех же приемов, на высоком уровне, на оборотной стороне имеет один центральный штифт.

Состав металла рассмотрим по выделенным на основе орнамента или его отсутствия группам. Паспортные данные каждого предмета и состав металла представлены в таблице 1 (А и Б).

такими как сурьма (0,5 и 0,45%) и мышьяк (1,3 и 0,55%); довольно большое содержание серебра (0,7 и 0,45%). Металл второго образца (ан. 521–9) отличается повышенным содержанием висмута (0,5%); в первом образце повышенное содержание цинка (0,7%). Вероятно, в обоих случаях использовался переплавленный металл, изначально насыщенный микропримесями.

Подгруппа б (СК 271, СК 272). Одинаковые ромбовидные накладки с разными прорезями имеют в целом близкий состав металла, но с разными концентрациями элементов. Они изготовлены из сложной латуни, включающей в себя в качестве легирующих компонентов олово, свинец и цинк. В одном (ан. 521–10, СК 271) при среднем содержании олова (5,6%) и свинца (5%) довольно много цинка (8%), в другом (ан. 521–11, СК 272) повышенное содержание олова (10%), свинца всего 2,3%, цинка — 1,8%. В геохимическом отношении металл однотипный, насыщенный микропримесями. Сердцевидная с прорезью накладка (*подгруппа в*) изготовлена из сложной латуни (ан. 521–12, СК 273): олово — 3,3%, свинец — 3%, цинк — 10%, металл насыщен микропримесями. Накладка с четырьмя

Таблица 1. Торевтика малых форм из коллекции П. Н. (И. П.) Корнилова (район Минусинска, Красноярский край)

Table 1. Toreutic small art in P.N. (I.P.) Kornilov's collection (the region of Minusinsk, Krasnoyarsk krai)

А. Паспортные данные предметов

№ п/п	№ анализа	Предмет	№ коллекции ОВ, ГЭ
1	520–52	Накладка	СК 268
2	520–54	Накладка	СК 267
3	521–8	Накладка концевая	СК 269
4	521–9	Накладка концевая	СК 270
5	521–10	Накладка с прорезью	СК 271
6	521–11	Накладка с прорезью	СК 272
7	521–12	Накладка с прорезью	СК 273
8	521–13	Накладка	СК 274
9	521–14	«Зажим», половинка	СК 275
10	521–15	Накладка концевая	СК 277
11	521–16	Накладка Т-образная	СК 208
12	521–17	Зеркало, фрагмент	СК 260
13	521–18	Накладка концевая, фрагмент	СК 326
14	521–19	Накладка концевая, фрагмент	СК 327
15	520–38	Зеркало (Алтайский край, Кирилловка V, курган 1, погребение 1)	Материалы В.А. Могильникова

Группа 1. Подгруппа а (СК 267, СК 270). Обе концевые накладки изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы (ан. 520–54, СК 267; 521–9, СК 270) с достаточно высоким содержанием олова (12 и 11%) и разным содержанием свинца (12 и 2,2%). Металл насыщен микропримесями,

выступами (*подгруппа г*) по составу металла (ан. 521–13, СК 274) представлена оловянно-свинцовой бронзой: олово — 8%, свинец — 10%.

Выделились два типа сплавов — сложная латунь и многокомпонентная бронза. Разница в составе металла может свидетельствовать

Б. Состав металла

№ п/п	№ анализа	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
1	520–52	6,5	11,0	0,07	0,11	0,07	0,65	1,6	1,1	0,12	0,04	0,11
2	520–54	12,0	12,0	0,7	0,16	0,7	0,5	1,3	0,55	0,14	0,0	0,02
3	521–8	13,0	10,0	0,7	0,15	0,6	0,35	1,3	0,45	0,08	0,045	0,05
4	521–9	11,0	2,2	0,033	0,5	0,45	0,45	0,55	0,033	0,08	0,022	0,13
5	521–10	5,6	5,0	8,0	0,067	0,45	0,21	0,7	1,1	0,045	0,036	0,02
6	521–11	10,0	2,3	1,8	0,053	0,18	0,45	1,0	0,05	0,037	0,07	0,0
7	521–12	3,3	3,0	10,0	0,4	0,5	0,1	0,4	0,65	0,05	0,045	0,022
8	521–13	8,0	10,0	0,3	0,16	0,4	0,23	0,6	0,45	0,08	0,04	0,05
9	521–14	8,3	2,3	0,04	0,11	1,4	0,11	2,3	0,14	0,14	0,016	0,085
10	521–15	5,6	0,35	0,0	0,013	0,15	0,05	0,6	0,0	0,04	0,0	0,12
11	521–16	15,0	9,0	0,027	0,1	0,9	0,5	0,6	0,45	0,09	0,06	0,055
12	521–17	29,0	6,7	0,4	0,05	0,5	0,23	0,45	0,33	0,1	0,037	0,04
13	521–18	5,7	10,0	2,8	0,05	0,6	0,4	0,85	0,25	0,09	0,025	0,025
14	521–19	0,9	1,3	0,0	0,018	0,06	0,1	0,22	0,09	0,11	0,01	0,013
15	520–38	34,0	9,0	0,0	0,13	0,7	0,6	0,5	0,6	0,05	0,0	0,008

о разнице в происхождении вещей. Проведенные ранее исследования состава металла того же времени из Минусинской котловины свидетельствуют о том, что латунь связана с коллекциями, выделяющимися по декору и хорошему качеству его исполнения (элементы буддийской символики, зооморфные, антропоморфные сюжетные изображения и др.). Отметим, что в комплексе Успенское из Тувы (ОАВЕиС) также зафиксированы неорнаментированные латунные изделия декоративной формы (лировидные подвески). Напомним, что производство латуни в раннем средневековье связано преимущественно с Индией и Средней Азией. Предположительно в Китае освоили изготовление латуни лишь в XI в. в эпоху Сун (конец X–XIII вв.), получая ее ранее из других источников в качестве привозного товара (Конькова, 1990; Король, Конькова, 2007 а).

Группа 2. Изделия с геометрическим орнаментом представлены тремя предметами, разными по форме и декору. Это концевая прямоугольная накладка с тремя (по краям и центру) вертикальными рядами псевдозерни — СК 269 (рис. 1, б). Идентичные и близкие накладки известны из Сросткинского могильника кимаков IX–X вв. на Северном Алтае, близкие — из памятников северо-западных предгорий Алтая (огузы рубежа VIII–IX–начала X в., см.: Могильников, 2002. С. 153, 351) и на Южном Урале VIII–IX вв. (I Бекешевские курганы). Миниатюрная Т-образная накладка СК 208 (рис. 1, 7) имеет нехарактерные для известных из Минусинской котловины накладок размеры. Орнаментирована геометрически многолепестковыми розетками. Идентичные

предметы нам неизвестны, близкие по форме, размерам и композиционной идее предметы есть в Верхнем Прииртышье (Восточный Казахстан, могильник Славянка IX–X вв.) и на Южном Урале (VIII–IX вв., I Бекешевские курганы, на одном сбруйном ремне вместе с бляшками в виде розетки с четырьмя выступами вокруг центрального ромба). Третий предмет — «зажим для кистей» или игольник представлен одной половиной (эти полые предметы состоят из двух одинаковых частей) — СК 275 (рис. 1, 10). Декор нижней широкой части (имитация свисающих кистей, «перевязанных» в нижней трети) и суженного перехода (два горизонтальных пояска с вертикальными насечками) к верхней широкой части характерен для таких зажимов. Центральная часть обычно имеет сложный декор хорошего качества исполнения (подобный предмет из могильника Тора-Тал-Арты в Туве рассмотрен среди материалов коллекций из ОАВЕиС). Представленный на рассматриваемом предмете декор в виде вихревой розетки единичен и не имеет точных аналогий. Мотив вихревой розетки — не самый распространенный в Саяно-Алтайском регионе, известен на Т-образной бляхе из Курайского могильника VIII–IX вв. из Чуйской степи в Горном Алтае, на маленьких бляшках из памятников VIII и IX–X вв. Верхнего Прииртышья в Восточном Казахстане (Орловка, Кондратьевка I), на Т-образной бляхе и маленьких бляшках IX–X вв. из Минусинского края (случайные находки).

Технология изготовления. Группа 2. Накладка СК 269 (рис. 1, б) изготовлена с помощью литья в односторонней форме с использованием

сердечника. Отливка качественная. Для изготовления орнамента использовалась восковая модель, что фиксируется по следам инструмента на лицевой стороне. На обороте накладки — два штифта по вертикали. Т-образная накладка СК 208 (рис. 1, 7) также изготовлена по восковой модели, с использованием односторонней формы с сердечником. На обороте — три штифта по центру концов накладки, сохранились кожаные шайбы для фиксации на ремне. Зажим или игольник СК 275 (рис. 1, 10) представляет, как уже говорилось, одну половину изделия и изготовлен с помощью литья по восковой модели в односторонней форме с использованием сердечника. Необходимо отметить высокое качество отливки и проработки орнамента. Имеются три небольшие сквозные отверстия правильной формы. Назначение этих отверстий остается до конца не выясненным. В качестве варианта можно предположить соединение двух половинок с помощью проволочек, вставленных в отверстия и расклепанных. По наблюдению О. А. Митько, половинки с такими же тремя отверстиями соединялись шпеньками (Митько, 1991. С. 106, рис. 3, 1). Отверстия на нашем предмете малы для обычных крепежных шпеньков, которые использовались при изготовлении торевтики малых форм.

Состав металла. Группа 2. Все три предмета изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы, различающейся концентрациями олова и свинца (олово — от 8,3 до 15%, свинец — от 2,3 до 10%: ан. 521–14, СК 275; 521–8, СК 269; 521–16, СК 208). В целом необходимо отметить геохимическую насыщенность металла, особенно выделяется образец 521–14 с высокой концентрацией серебра (1,4%) и мышьяка (2,3%). Напомним, что предметы такой формы — полые из двух составных частей — обычно имеют как сложный декор, о чем уже упоминалось, так и высокое качество отливки.

Группа 3. Изделия с растительным орнаментом представлены четырьмя разными концевыми накладками с разным декором. Две имеют характерный для конца I–начала II тыс. н. э. рельефный декор. Одна из них, СК 268 (рис. 1, 13), украшена композицией из обычных элементов (трилистник, пальметта со сложным центральным бутонем), но идентичные или близкие по декору предметы нам неизвестны. Другая, СК 277 (рис. 1, 9), наоборот, представляет предмет из выделенного нами ранее блока «серийных изделий»² и одну

из 12 наиболее выразительных художественных групп, выделенных для территории Минусинского края, — группа 4 «трилистники со штрихом в каждом листе в вертикальной композиции». Идентичные предметы (32 экземпляра) известны из Минусинского края (21), Тувы (6), северо-западных предгорий Алтая (3), Семиречья (1) и, вероятно, с юга Восточной Европы (1) (Король, Конькова, 2004. С. 127, 128). Популярность этой композиции проявляется и в наличии неумелых подражаний ей, вплоть до повторения фестончатого края и отметин на фестонах, имитирующих растительные завитки оригинальных изделий: накладка из могильника Имшегал (X–XI вв.) в Среднем Прииртышье (Конинов, 1980. Рис. 2, 9; Финно-угры..., 1987. Табл. LXXXI, 15; хранится в музее Омского гос. пед. университета).

Две другие накладки (фрагментированы) украшены углубленным (врезным) орнаментом, нехарактерным для основного массива ременных украшений рассматриваемого времени. Возможно, они чуть более поздние, близкие или одновременные раннему этапу аскизской культуры конца X–начала XI в., когда происходит смена ременных украшений из цветного металла на железные. Края накладки СК 327 (рис. 1, 11) также оформлены врезными кривыми линиями, декор представлен простым трилистником, поле вокруг него украшено круглыми пуансонными вдавлениями. Идентичные целые концевые накладки и бляхи других форм с декоративным оформлением этого же стиля представлены набором из Минусинского края (р. Аскиз), хранящимся в Национальном музее Хельсинки (Fettich, 1937. Taf. XX, 1–12; XXI, 13–18). Другая накладка, СК 326 (рис. 1, 12), украшена сложной растительной композицией, идентичная ей целая известна из случайных находок в Минусинском крае (Бейское; Мм, № 6211).

Крупная листовидная подвесная бляха СК 266 (рис. 1, 14) с круглым отверстием в центре, декоративным оформлением краев и бордюра вокруг центрального отверстия, простейшим криволинейным орнаментом и «свисающей» геометризованной пальметтой, подчеркивающими форму и изящность изделия, исследованию состава металла не подвергалась. Точные аналогии ей нам неизвестны. В памятниках VIII–IX вв. и среди случайных находок IX–X вв. в Минусинском крае есть подвесные листовидные бляхи (без

² Напомним, что под «серийными изделиями» мы понимаем не просто аналогичные, а идентичные, то есть практически одинаковые по форме (размер может чуть

варьироваться) и декору. Именно предметы таких серий встречаются во всех регионах Саяно-Алтая и даже за его пределами (Король, 2005. С. 123).

бубенчиков) с ровными и волнистыми краями (могильники Капчалы I, Копенский чаатас — *Евтюхова*, 1948. Рис. 66, 82, 92; случайные находки — *Salmony*, 1934. Abb. 1, 1 — предмет из Китая, 4, 5; *Кызласов, Король*, 1990. Рис. 30, 46, 55; Мм, № 7099, 7105). Подобные подвесные бляхи известны из погребений с концом VIII–IX вв. в Новосибирском Приобье (*Троицкая, Новиков*, 1998. Рис. 23, 2, 3), Монголии (*Евтюхова*, 1957. Рис. 5, 1–3, 7), памятников чжурчжэней Приамурья конца I–начала II тыс. (*Медведев*, 1986. Рис. 21, 16; 49, 17, 18; 50, 23). Рассматриваемый вариант с трехчастным делением края каждого пальметтоподобного «цветка» по краям бляхи можно считать промежуточным по сложности резных краев между экземплярами с просто волнистым краем и со сложным оформлением краев в виде отдельных листов, исполненных в реалистичной манере и имеющих в свою очередь резные или волнистые края. Последние происходят из Китая (*Salmony*, 1934. Abb. 1, 2, 3; *Gyllensvärd*, 1957. Fig. 29, c), одна — «из Сибири» (рис. 1, 17), известная по рисунку Д. Г. Мессершмидта (*Спицын*, б/г. Л. 11), руководившего первой научной экспедицией в Сибирь 1720–1727 гг. (рисунок воспроизведен и В. В. Радловым: 1861. Табл. XLV, 3). Центр всех четырех блях украшен изображениями разных животных и птицы. Бляхи с едва намеченной волнистостью края, чуть загнутым в сторону концом и фигурами дракона и феникса, символами императора и императрицы, добродетельного правления в Китае с эпохи Тан (начало VII–начало X вв.), в качестве основного декора известны из ляоского погребения 941 г. из Внутренней Монголии знатной супружеской пары (*Excavation...*, 1996. P. 19, fig. 1, 2). Трехчастное деление цветочных лепестков, как на бляхе СК 266, в орнаментальных композициях часто используется в декоре танских зеркал VIII в. (*Gyllensvärd*, 1957. Fig. 50, g; *Loehr*, 1968. T. 12; *Лубо-Лесниченко*, 1975. Рис. 30).

Технология изготовления. Группа 3. Разные предметы этой группы изготовлены также с применением различных приемов обработки поверхности на основе литья в одностороннюю форму со вставкой. Накладка СК 277 (рис. 1, 9) представляет образец качественного тонкого литья, но с небольшим недоливом в виде отверстия в концевой части (под нижним трилистником). Для изготовления орнамента использовалась качественная матрица, создающая рельефное изображение с уплощенной поверхностью. Такой рельеф мог возникнуть в случае использования

матрицы из твердого материала (камень, дерево). На обороте — два штифта по вертикали. Накладка СК 268 (рис. 1, 13) изготовлена, возможно, по восковой модели, так как имеет более выпуклый рельефный орнамент. На обороте штифты не сохранились, но имеется железный штифт, которым накладку пробита насквозь, что нарушило орнамент. Вероятно, это следы ремонта предмета подручными средствами.

Накладка (фрагментирована) СК 327 (рис. 1, 11) позолочена, отлита по стертому оригиналу, на котором, по-видимому, не сохранилось изображение, но, судя по аналогиям из Национального музея Хельсинки, о которых говорилось выше, первоначальная накладку имела фестончатые края с декоративными выступами. На поверхность отлитой заготовки был нанесен врезной орнамент с помощью резцовых инструментов и пуансонов. В целом композиция в грубой форме воспроизводила оригиналы с литым растительным орнаментом и фестончатыми краями, которые в нашем случае воспроизводятся параллельными врезными линиями, окаймляющими накладку в виде бордюра. Возможно, данный фрагмент представляет часть набора, опубликованного Н. Феттихом, так как совпадают все приемы изготовления. Последние свидетельствуют о более позднем, чем основной рассматриваемый материал коллекции, происхождении. Приемы обработки поверхности соответствуют следующему хронологическому этапу, для которого характерны железные ременные украшения и врезной орнамент. На обороте рассматриваемого фрагмента наклада имеет один штифт. Необходимо отметить, что на лицевой поверхности у самого конца наклада сохранился след (в виде кружка) ремонта с помощью штифта, пробившего оригинал, по которому изготовлен этот образец, насквозь.

Накладка (фрагментирована) СК 326 (рис. 1, 12) отлита в виде заготовки без орнамента, дополнительно поверхность была украшена врезным орнаментом. На обороте сохранился один штифт в концевой части. Подобная технология нехарактерна для основного массива торевтики малых форм рубежа I–II тыс. н. э. и, по-видимому, относится к более позднему времени.

Листовидная накладку СК 266 (рис. 1, 14) повреждена, изготовлена с помощью одностороннего литья без применения вставки для образования бортиков, то есть отливка плоская, с большим круглым отверстием в центре. На лицевой стороне глубокий рельефный орнамент, качество

изготовления высокое. Вся поверхность покрыта толстым слоем золота, который по краям отслоился (возможно, использовалась золотая фольга).

Состав металла. Группа 3. По составу металла все четыре предмета отличаются. Один из пары с литым декором изготовлен из оловянной бронзы (ан. 521–15, СК 277): 5,6% олова и геохимически достаточно чистого металла, за исключением микропримеси мышьяка (0,6%). Второй из этой пары — из оловянно-свинцовой бронзы (ан. 520–52, СК 268): 6,5% олова и 11% свинца, с повышенным содержанием сурьмы (0,65%) и мышьяка (1,6%). Один из пары с врезным орнаментом (ан. 521–19, СК 327) изготовлен из свинцовой бронзы: 1,3% свинца, с небольшим содержанием олова — 0,9%. Такой металл очень мягок и хорошо поддается обработке резцами, пуансоном и другими инструментами. Подобный состав металла и техника его обработки нехарактерны для исследованного нами массива металла IX–начала XI вв. из Минусинского края. Второй предмет (ан. 521–18, СК 326) изготовлен из сложной латуни: 5,7% олова, 10% свинца, 2,8% цинка, металл насыщен микропримесями.

Зеркало. Входящий в коллекцию фрагмент, по-видимому, восьмилепесткового зеркала (СК 260 — сохранилась половина зеркала без внутреннего круга) имеет на тыльной стороне очень стертые и плохо различимые изображения порхающей птички и, возможно, сидящей мандаринской утки между растительными побегами с цветами (рис. 1, 15). Подобные мотивы в разных композициях украшают китайские зеркала эпохи Тан из Минусинского края, отнесенные Е. И. Лубо-Лесниченко к VIII–IX вв. (*Лубо-Лесниченко, 1975. С. 55*). Обломок «8-лепесткового зеркала из белого металла с изображением мандаринских уток» был найден в могильнике Гилево XVI в северо-западных предгорьях Алтая (*Могильников, 2002. С. 45*). Наиболее близкой аналогией по форме, размещению орнаментальной композиции и, возможно, самой композиции можно назвать находку половины зеркала с хорошо сохранившимся декором из могильника Кирилловка V (курган 1, погребение 1) второй половины IX–первой половины XI вв. в степной зоне Обь-Иртышского междуречья, Алтайский край (раскопки В. А. Могильникова, материалы автора раскопок, см. также: *Могильников, 1985. Л. 34–37*). Находки танских и более поздних китайских зеркал хорошо известны и на прилегающих к Китаю территориях (*Конькова, 1989. С. 78, 79*).

Технология изготовления. Зеркало отлито с использованием восковой модели, но изображение плохо сохранилось, по-видимому, в результате длительного использования.

Состав металла. Предмет (ан. 521–17, СК 260) изготовлен из оловянно-свинцовой бронзы с высоким содержанием олова (29%) и 6,7% свинца, металл насыщен микропримесями. Приведенный в качестве аналогии фрагмент зеркала из раскопок В. А. Могильникова проанализирован по составу металла (ан. 520–38). Это также оловянно-свинцовая бронза с достаточно высоким содержанием олова (34%) и 9% свинца. Подобный состав характерен для зеркальной бронзы средневекового Китая (*Богданова-Березовская, 1975. С. 140*).

Коллекция из Западной Сибири. В этой коллекции исследовано 18 предметов, все они проанализированы на предмет определения состава металла. Коллекция интересна тем, что представляет, по всей видимости, наборные украшения одного комплекса. Это 12 одинаковых накладок лунниц, под одним номером СК 877 (рис. 2, 1), с декорированной поверхностью (**Группа 1**); две накладки (СК 880 а, б, рис. 2, 2) с небольшим бортиком и петлей для подвешивания, основания петли с внешней стороны выполнены в декоративном пластическом литом рельефе, с оборотной стороны бортик накладки украшен врезными вписанными дугами с насечками (**Группа 2**); две обоймы (СК 881 а, б, рис. 2, 4) с высоким литым рельефом на лицевой стороне, оборотная сторона в виде гладкой пластины (**Группа 3**); две крупные подпрямоугольные накладки (СК 882 а, б, вторая повреждена; рис. 2, б) с бортиками и литым декором, фон которого сплошь заполнен врезными линиями, образующими подобие вписанных треугольников, одна из разновидностей так называемого чешуйчатого орнамента, символизирующего водную поверхность, стихию изображенного персонажа (**Группа 4**). Основной декор всех предметов представлен одним мотивом — дракон — в разных вариантах. В основании петель — морда дракона с характерным чуть приподнятым кверху носом, выполненная в пластическом рельефе. В рассматриваемую группу мы включили и два близких предмета (**Группа 5**) из собрания П. К. Фролова из района Змеиногорска: обломок накладки СК 728 (рис. 2, 5) с высоким рельефом на лицевой стороне (мотив дракона, композиционно и иконографически отличающийся от изображений на других предметах, с тщательно проработанным крылом и,

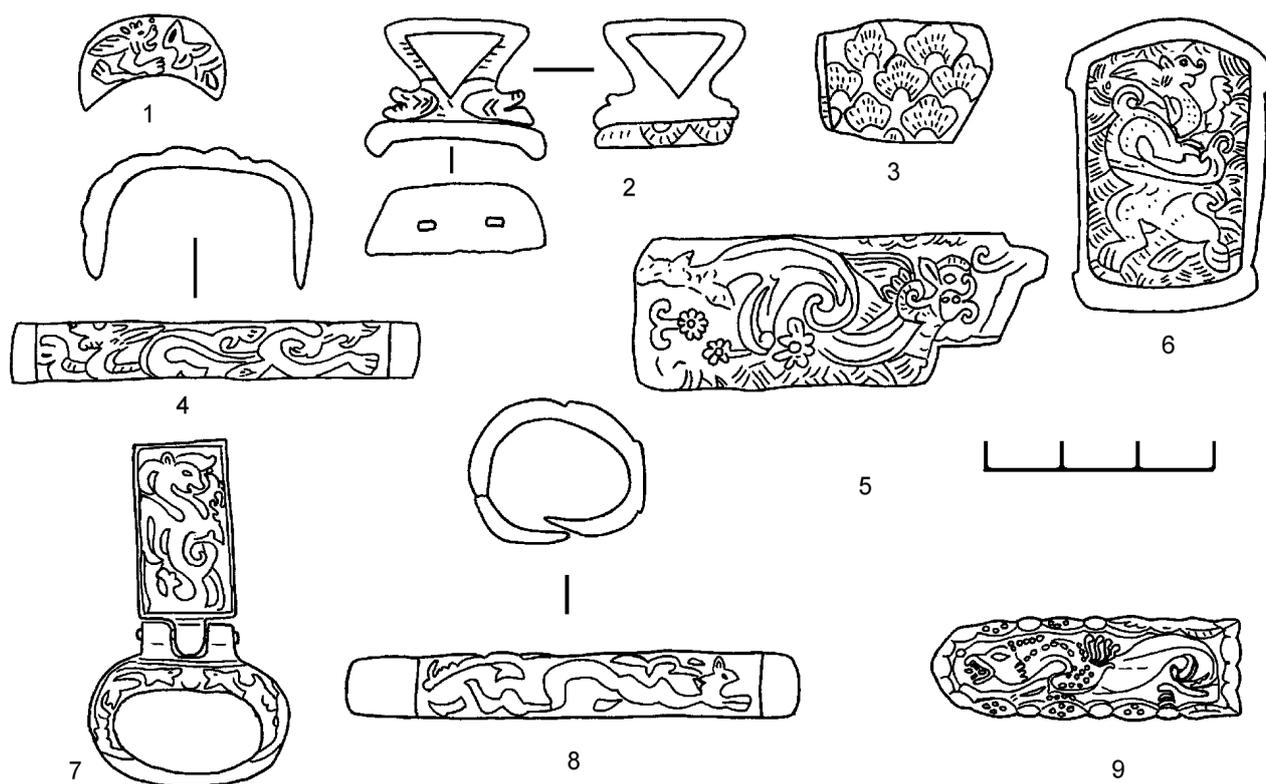

Рис. 2. 1–2, 4, 6 — Коллекция из Западной Сибири (1 — СК 877; 2 — СК 880 а; 4 — СК 881 а; 6 — СК 882 а); 3, 5 — предметы из коллекции П. К. Фролова, район Змеиногорска, Алтайский край (3 — СК 742; 5 — СК 728); 7–9 — аналогии (7 — Аймырлыг, Тува (Мандельштам, 1970. Рис. 10, 2)); 8 — Минусинская котловина, случайная находка (Мм, № 6553); 9 — Зевакино, Верхнее Прииртышье (Усть-Каменогорский музей, Казахстан)
1–6 — серебро; 7–9 — бронза

Fig. 2. 1–2, 4, 6 — Collection from Western Siberia (1 — СК 877; 2 — СК 880 а; 4 — СК 881 а; 6 — СК 882 а); items from P. K. Frolov's collection, the region of Zmeinogorsk, Altai kraï: 3 — СК 742; 5 — СК 728; 7–9 — parallels (7 — Aymyrlyg, Tuva); 8 — Minusinsk Basin, chance find (Мм, № 6553); 9 — Zevakino, Upper Irtysh River (Ust-Kamenogorsk Museum, Kazakhstan)
1–6 — silver; 7–9 — bronze

возможно, второй головой?), с цветочными розетками, криволинейными пальметтовыми фигурами и обычным чешуйчатым оформлением фона, подобным рассмотренной выше крупной накладке; обломок тонкой пластины СК 742 (рис. 2, 3) с другой разновидностью врезного чешуйчатого орнамента в виде трехлепестковых цветов с 2–3 рядами насечек внутри лепестков. Подобным образом декорирована сохранившаяся часть пластины, закрывающей обратную сторону фрагментированной крупной накладки СК 882 б.

«Дракон — крылатый змей, мифологическое существо, представляющееся в виде сочетания элементов разных животных, обычно головы (часто нескольких голов) и туловища пресмыкающегося (змеи, ящера, крокодила) и крыльев птицы; иногда в состав такого комбинированного образа входили и части тела других животных (рыбы, пантеры, льва, козла, собаки, волка и др.)» (Мифы..., Т. 2, 1994. С. 394). Образ дракона является поистине одним из символов китайской

культуры и распространен во всех ее проявлениях, в том числе в искусстве (Решетов, 1981). Подчеркивается связь дракона с водой, урожаем и плодородием. Часто дракон выступает как помощник людей, дающий им воду и богатство, в китайской мифологии он воспринимается как символ добра, мира и процветания, с эпохи Хань (конец III в. до н. э.—начало III в. н. э.) становится символом императора. Зеленый дракон *цин-лун*, символ Востока, с древности имеет благопожелательный смысл, а его изображение (Мифы..., Т. 1, 1988. С. 622) сопоставимо с теми, что мы видим на обоях, где представлена стилизация именно такого, движущегося вперед широким шагом зверя. При этом мощные лапы дракона на наших изображениях соответствуют «лапам тигра» в каноническом облике дракона китайской мифологии (Васильев, 2001. С. 407, 408). Образ дракона популярен на раннемонгольских поясах второй половины XIII–XIV в. Аналогии рассматриваемым ременным украшениям (как формам отдельных предметов, так и декору) известны

преимущественно с территории европейской части степей (Крамаровский, 2001. С. 37, рис. 14,³ 16, 18), отдельные предметы попадали и в лесостепную зону (Археологическая карта..., 2004. Рис. 105, 9, 11 — могильник Сарлей). Врезной чешуйчатый орнамент в виде трехлепестковых цветов близок и находкам из Таласской долины в Киргизии (Крамаровский, 2001. Рис. 20, 6 б).

Дракон как основной образный мотив декоративной композиции представлен на обкладках луки седла конца XIV–XV в. «из района реки Енисей» (Там же. С. 23, рис. 5). Среди случайных находок средневековых ременных украшений из Саяно-Алтайского региона нам известны лишь два предмета, вероятно, оба монгольского времени. Одна сегментовидная накладка, близкая по форме луннице, с чрезвычайно схематичным рисунком (Радлов, 1861. Табл. XLII, 29). Сравнивая ее с рассмотренными лунницами, на которых дракон представлен фактически деталями, можно предположить, что эта «схема» имеет отношение к трансформированному изображению дракона. Другой бронзовый предмет — кольцо, возможно, переделанное из обоймы, — происходит из Минусинского края, д. Калы (рис. 2, 8). Лицевая

³ Обратим особое внимание на рис. 14, 1–9 (находки с острова Березань в Днепровском лимане). Автор сообщает, что комплекс утрачен, а предметы известны по фотографии из фотоархива ИИМК РАН (Крамаровский, 2001. С. 37). При детальном сопоставлении рисунков с рассматриваемыми нами предметами (набор накладок и обоймы, фрагмент крупной накладки и особенно излом фрагмента накладки на рис. 14, 1 — ср. с нашим рис. 2, 5; некоторые утраты, в том числе представленные в нашей коллекции отдельно накладки с петлей и крупные накладки, которые на рис. 14, 5 являются единым предметом, могли возникнуть со временем) мы предположили, что речь идет об одном и том же комплексе. Возможно, ошибка возникла в описи фотоархива (судя по нашему опыту, подобное случается). Для нас важно, что в приведенном М. Г. Крамаровским комплексе, то есть на фотографии из архива, вместе представлены и предметы из нашей коллекции «из Западной Сибири», и предметы «из коллекции П. К. Фролова» (рис. 14, 1, 4 — в коллекции есть лишь один фрагмент тонкой пластины). Это наводит на мысль, что и в музейной коллекционной описи возможны «нестыковки». Можно предположить, что коллекция с нечеткими паспортными данными («из Западной Сибири», авторство и год под вопросом) — это часть довольно обширной коллекции П. К. Фролова, специально рассмотрению ременных украшений рубежа I–II тыс. н. э. которой (номера СК 642–767, 887, 888) будет посвящена наша отдельная работа. Заметим, что номера коллекции «из Западной Сибири» (СК 877, 880, 881, 882) логично должны «попадать внутрь» коллекции П. К. Фролова. Это наши «кабинетные» наблюдения. Заинтересованный исследователь сможет провести собственное «расследование» по книгам описей и фотоархива, и музея.

поверхность украшена высоким рельефом, дракон чрезвычайно схематичен и композиционно напоминает «шагающего» дракона с рассмотренных выше обойм.

Дракон с характерно изогнутым туловищем (вертикальная композиция, сравнимая с композицией на крупных подпрямоугольных бляхах из рассматриваемой коллекции), раскрытой пастью представлен на щитке двух пряжек (рис. 2, 7) из погребения 4 в кургане V могильника Аймырлыг в Туве (Мандельштам, 1970. Рис. 10, 2). По мнению Г. В. Длужневской, к которой мы обратились за консультацией, за что выражаем ей искреннюю признательность, погребение по обряду и набору сопровождающего инвентаря предварительно можно датировать второй половиной XIII–началом XIV в. Над головой дракона различим силуэт, похожий на вторую голову (?). Фигуры на пряжках повернуты в противоположные стороны. Кроме того, на рамке плохо видны, но все же угадываются еще две изогнутые фигуры, обращенные мордами друг к другу. Такая композиция сразу ассоциируется с сюжетом из тувинского эпоса, где мы находим описание назначения украшений воинского снаряжения, а именно — лука, украшенного резьбой. Изображены животные, которые «оживают» и усиливают своей энергией, даже борьбой между собой, боевую мощь оружия. «Когда вырезанные на нижнем конце/Шестьдесят драконов зарычали на [козерогов на нижнем] упоре,/Когда вырезанные на верхнем конце/Тридцать драконов зарычали на [козерогов на нижнем] упоре,/Когда козлы-козероги на упорах/Стали биться друг с другом, лягаться,/А на спинке тигры и львы/Оскалились и ощерились,/... Отпустив тетиву, пустила стрелу — ...» (Тувинские ..., 1997. 1055–1065; варианты: 1803–1810; см. также: Сказания ..., 1960. С. 67, 88).

Вариант изображения дракона в горизонтальной композиции можно предположить в декоре четырех одинаковых ременных накладок из кургана 145 могильника Зевакино IX–X вв. в Верхнем Прииртышье (раскопки Ф. Х. Арслановой, 1970 г.). Этот фантастический зверь (рис. 2, 9) имеет крыло с четырьмя вертикальными отростками с загнутыми концами, вытянутое туловище с мощной изогнутой шеей, открытую пасть с двумя рядами зубов. Шея и крыло оформлены рядами кружков и овалов, что, по-видимому, является попыткой изобразить чешую (ср. с танскими изображениями драконов — *Gyllensvärd*, 1957. Fig. 56). На раннемонгольских накладках чешуя

передана мелкими точками (рис. 2, б). Отметим окаймление декоративного поля чередующимися удлинненными, подовальными и небольшими округло-овальными фигурами — деталь, не используемая в декоре основной массы саяно-алтайских находок, но характерная для южноуральских и восточноевропейских средневековых находок торевтики малых форм из памятников, определяемых как венгерские (*Fettich*, 1937. Taf. XCIII, 1–11; Финно-угры..., 1987. Табл. СШ, 4, 9, 13, здесь же на рис. 12 представлена накладка с драконоподобным существом совершенно другого облика; *Бокий, Плетнева*, 1988. Рис. 5, б). При этом на ряде овалов рамки-бордюра, как и на центральном изображении, помещены по 3–4 кружка-овала, что подчеркивает единый декоративный стиль.

Технология изготовления. *Группа 1* (накладки-лунницы, рис. 2, 1). Все предметы изготовлены с применением единой технологии и, возможно, одной матрицы. Они сделаны из серебряных пластинок с помощью тиснения, создающего тонкое изделие с глубоким рельефом. Поверхность была позолочена. На оборотной стороне накладок имелось по два припаянных на одном уровне (по горизонтали) штифта. Дополнительно внутренняя часть лунниц заполнялась некой массой, создающей основу и позволяющей сохранять форму и изображение накладок. В качестве варианта, возможно, использовались деревянные вставки. *Группа 2* (накладки с петлей, рис. 2, 2). Изготовлены с применением комбинированной технологии, в основе которой лежит литье в односторонней форме со вставкой. В результате часть декора (довольно грубая) — литая, а часть нанесена с помощью резцовых инструментов. *Группа 3* (обоймы, рис. 2, 4). Изготовлены из серебра с помощью литья, поверхность была позолочена. Отливка грубая, дополнительные детали изображения нанесены с помощью резцовых инструментов. *Группа 4* (две крупные накладки, рис. 2, б). Изделия изготовлены из серебра с помощью глубокого тиснения, покрыты позолотой. Поверхность основного декоративного изображения (дракон) и поля вокруг него дополнительно обработаны. Основное изображение украшено точками, а фон — с помощью характерных врезных линий. Накладки изготовлены одинаково, но на обороте одной из них (СК 882 б), как уже говорилось, сохранилась «крышка», закрывающая наладку. Она представляет собой тонкую серебряную пластину, припаянную к основной накладке. Украшена чешуйчатым декором в виде

трехлепестковых цветов, нанесенных с помощью специального инструмента. Фрагмент именно такой пластины (*Группа 5*) представлен образцом СК 742 из коллекции П. К. Фролова (рис. 2, 3).

Вторая фрагментированная накладка (СК 728, рис. 2, 5) из этой же коллекции представляет собой образец другой формы, но с аналогичным сюжетом (дракон) и изготовлена из серебра в аналогичной технике с применением тиснения с дополнительной обработкой фона с помощью резцов или штампов, создающей фоновую поверхность, изображающую воду, и дополнительные элементы (розетки и пр.). Возможно, полное изображение (вместе с фоном) было нанесено на поверхность матрицы, после оттиска дополнительно прорабатывались некоторые детали.

Технология изготовления всех рассмотренных предметов соответствует их датировке (вторая половина XIII–начало XIV в.).

Рассмотрим состав металла по выделенным на основе морфологии и декора предметов группам. Паспортные данные каждого предмета и состав металла представлены в таблице 2 (А и Б).

Группа 1. Все 12 накладок-лунниц (ан. 521–35–521–46) изготовлены из серебра с его содержанием от 87 до 96%. Они были позолочены (золото — от 0,9 до 2,2%). Это высокопробное серебро с минимальными микропримесями — десятые доли процента свинца и сотые доли олова, цинка и висмута. В одном случае свинец достигает 1,3% (ан. 521–46).

Группа 2. Металл двух накладок с петлей (ан. 521–47 и 521–48) близок металлу группы 1. Серебро (87 и 92%) высокой пробы с позолотой (1,4 и 1,2%), олово, цинк и висмут — сотые доли процента, свинец — 0,55 и 1%. Возможно, использовалась свинцово-серебряная руда (галенит).

Группа 3. Обе обоймы (ан. 521–52 и 521–51) изготовлены также из высокопробного серебра (89 и 88%); золото — 1 и 1,1%. Металл отличается от предыдущих групп повышенным количеством микропримесей: десятые доли процента олова, свинца и цинка. Между собой они отличаются наличием микропримесей, в частности, сурьмы и кобальта.

Группа 4. Две крупные накладки изготовлены (ан. 521–49 и 521–50) из высокопробного серебра (91 и 90%) с содержанием золота (1,2 и 1,1%), сотыми долями олова, свинец — 1,3 и 0,8%, микропримесями цинка и висмута.

Все предметы этого набора, вероятно, происходят из одного производственного центра,

Таблица 2. Торевтика малых форм коллекций «из Западной Сибири» (1–18) и П. К. Фролова, район Змеиногорска, Алтайский край (19, 20)**Table 2.** Toreutic small art in collections from «Western Siberia» (1–18) and Frolov's collection from the region of Zmeinogorsk, Altai krai (19, 20)**А. Паспортные данные предметов**

№ п/п	№ анализа	Предмет	№ коллекции ОВ, ГЭ
1	521–35	Накладка-лунница	СК 877
2	521–36	Накладка-лунница	СК 877
3	521–37	Накладка-лунница	СК 877
4	521–38	Накладка-лунница	СК 877
5	521–39	Накладка-лунница	СК 877
6	521–40	Накладка-лунница	СК 877
7	521–41	Накладка-лунница	СК 877
8	521–42	Накладка-лунница	СК 877
9	521–43	Накладка-лунница	СК 877
10	521–44	Накладка-лунница	СК 877
11	521–45	Накладка-лунница	СК 877
12	521–46	Накладка-лунница	СК 877
13	521–47	Накладка с петель	СК 880а
14	521–48	Накладка с петель	СК 880б
15	521–49	Накладка крупная	СК 882а
16	521–50	Накладка крупная, фрагмент	СК 882б
17	521–51	Обойма	СК 881б
18	521–52	Обойма	СК 881а
19	523–23	Накладка, фрагмент	СК 728
20	523–27	Пластина, фрагмент	СК 742

Б. Состав металла

№ п/п	№ анализа	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
1	521–35	0,01	0,1	0,09	0,028	89,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,9
2	521–36	0,027	0,0	0,07	0,032	94,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,2
3	521–37	0,018	0,25	0,0	0,028	95,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,0
4	521–38	0,018	0,0	0,0	0,027	92,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	2,0
5	521–39	0,04	0,65	0,035	0,028	87,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,6
6	521–40	0,04	0,4	0,03	0,03	93,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,9
7	521–41	0,013	0,016	0,03	0,025	94,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,2
8	521–42	0,022	0,25	0,022	0,028	92,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,7
9	521–43	0,016	0,14	0,028	0,03	96,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,8
10	521–44	0,016	0,1	0,025	0,03	90,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	2,2
11	521–45	0,032	0,5	0,036	0,03	87,0	0,0	0,0	0,15	0,0	0,0	1,8
12	521–46	0,037	1,3	0,05	0,043	90,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	2,2
13	521–47	0,045	0,55	0,045	0,045	87,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,4
14	521–48	0,04	1,0	0,028	0,04	92,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,2
15	521–49	0,055	1,3	0,045	0,04	91,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,2
16	521–50	0,046	0,8	0,7	0,023	90,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,1
17	521–51	0,17	0,6	0,11	0,04	88,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,1
18	521–52	0,2	0,35	0,24	0,025	89,0	0,02	0,0	0,03	0,0	0,005	1,0
19	523–23	0,025	0,25	0,035	0,045	89,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,5
20	523–27	0,035	0,15	0,05	0,05	92,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,2

возможно, одной мастерской, так как металл почти идентичен. Небольшие расхождения по свинцу могут быть следствием очистки металла.

Группа 5. Предметы этой группы (ан. 523–23 и 523–27) изготовлены из сходного высокопробного серебра (89 и 92%) с содержанием

золота 1,5 и 1,2%, сотыми долями процента олова, цинка и висмута и десятыми долями — свинца. Металл очень близок предыдущему комплексу (группы 1–4). Возможно, все они связаны по происхождению металла и производственному центру. (Это предположение — в пользу возможного происхождения всех предметов из одного комплекта и одной коллекции, о чем говорилось в примеч. 3, хотя предметы одного комплекта могли оказаться и в разных коллекциях.) Чистое серебро во всех случаях свидетельствует о том, что использовалось первичное (рудное) серебро, полученное из стабильных (первичный металл) источников сырья, что характерно для рассмотренных предметов, а не из случайного переплавленного лома, который обычно дает большой разброс в составе металла по его микропримесям. Полиметаллические месторождения, содержащие серебряную руду, есть в Рудном Алтае, Казахстане и Средней Азии.

Рассмотренные коллекции относятся к различным хронологическим этапам истории Саяно-Алтая и прилегающих территорий, что отчетливо отразилось в художественных и технологических особенностях торевтики малых форм. При этом отметим, что коллекция «из Западной Сибири» абсолютно однородная (даже с включением предметов из коллекции Фролова) по всем характеристикам, включая художественную, макротехнологическую и состав металла. Коллекция Корнилова, напротив, представляет набор разнородных предметов, которые отличаются хронологически (в диапазоне VII–XI вв., некоторые предметы, возможно, относятся к более позднему времени), по декору, технологии и составу металла.

Таким образом, комплексное изучение разных коллекций XIX в. из Отдела Востока Государственного Эрмитажа, включающих торевтику малых форм, позволяет наглядно проследить этапы развития художественной обработки металла в средневековье на определенной территории, смену художественных традиций и технологий. Подобный подход, выработанный авторами в конце 1980–начале 1990-х гг. в ходе исследования торевтики малых форм степной Евразии, представленной в ряде музеев России и стран СНГ, оказался плодотворным и перспективным для дальнейшего использования и развития.

Археологическая карта..., 2004. — Археологическая карта России / Автор-сост. Т. Д. Николаенко. М., 2004. Ч. 1: Нижегородская область.

Богданова-Березовская, 1975. — *Богданова-Березовская И. В.* К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975.

Бокий, Плетнева, 1988. — *Бокий Н. М., Плетнева С. А.* Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула // *СА*. 1988. № 2.

Васильев, 2001. — *Васильев Л. С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001.

Горбунова и др., 2005. — *Горбунова Т. Г., Тишкин А. А., Хаврин С. В.* Использование спектрального анализа при изучении украшений конского снаряжения из средневековых памятников Алтая // *Снаряжение кочевников Евразии*. Барнаул, 2005.

Горбунова и др., 2006. — *Горбунова Т. Г., Тишкин А. А., Хаврин С. В.* Технично-морфологический и спектральный анализ украшений конского снаряжения из средневековых памятников Алтая // *Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. археол. съезда*. Новосибирск, 2006. Т. 2.

Дэвлет Е., Дэвлет М., 2000. — *Дэвлет Е., Дэвлет М.* Духовная культура древних народов Северной и Центральной Азии: Мир петроглифов. Нью-Йорк, 2000 (на рус. яз.).

Евтюхова, 1948. — *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.

Евтюхова, 1957. — *Евтюхова Л. А.* О племенах Центральной Монголии в IX в. // *СА*. 1957. № 2.

Конилов, 1980. — *Конилов Б. А.* Зооантропоморфные изображения эпохи раннего средневековья из Омского Прииртышья // *Духовная культура народов Сибири*. Томск, 1980.

Конькова, 1989. — *Конькова Л. В.* Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР (рубеж II–I тыс. до н. э.–XIII век н. э.). Л., 1989.

Конькова, 1990. — *Конькова Л. В.* Великий Шелковый путь и латунь на Дальнем Востоке // *Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье: Тез. докладов междунар. семинара ЮНЕСКО*. Ташкент, 1990.

Конькова, Король, 2001. — *Конькова Л. В., Король Г. Г.* Формирование и развитие традиций в обработке художественного металла в степной Евразии эпохи средневековья // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Новосибирск, 2001. № 1 (5).

Конькова, Король, 2004. — *Конькова Л. В., Король Г. Г.* Система «декор–технология» в моделировании этнокультурных процессов Средневековья (на материалах Саяно-Алтая) // *Евразия: Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы: Тез. докладов науч. конф.* М., 2004.

Конькова, Король, 2006. — *Конькова Л. В., Король Г. Г.* Проблемы адаптации раннесредневековых художественных и технологических традиций в Центральной Азии // *Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. археол. съезда*. Новосибирск, 2006. Т. 2.

Король, 2005. — *Король Г. Г.* Тухтятский клад: Декор ремненных украшений // *Археология Южной Сибири: Идеи, методы, открытия: Сб. докладов Междунар. науч. конф.* Красноярск, 2005.

Король, Конькова, 2004. — *Король Г. Г., Конькова Л. В.* Средневековые ремненные украшения из коллекции ГИМ (проблемы атрибуции, датировки, интерпретации) // *РА*. 2004. № 4.

Король, Конькова, 2007 а. — *Король Г. Г., Конькова Л. В.* Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в Центральной Азии // *РА*. 2007. № 2.

Король, Конькова, 2007 б. — *Король Г. Г., Конькова Л. В.* Южносибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия в X–XIII вв. // *АВ*. М., 2007. Вып. 14.

Крамаровский, 2001. — *Крамаровский М. Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.

- Кызласов, Король*, 1990. — *Кызласов Л. Р., Король Г. Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.
- Лубо-Лесниченко*, 1975. — *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975.
- Мандельштам*, 1970. — *Мандельштам А. М.* Отчет о полевых работах 2-го отряда СТАЭН Саяно-Тувинской археологической экспедиции в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4142.
- Медведев*, 1986. — *Медведев В. Е.* Приамурье в конце I–начале II тысячелетия (чжурчжэньская эпоха). Новосибирск, 1986.
- Митько*, 1991. — *Митько О. А.* Средневековые игольники // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1991.
- Мифы...*, Т. 1, 1988. — *Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т.* / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1988. Т. 1.
- Мифы...*, Т. 2, 1994. — *Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т.* / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1994. Т. 2.
- Могильников*, 1985. — *Могильников В. А.* Отчет о полевых исследованиях в Тюменской области и Алтайском крае в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10695.
- Могильников*, 2002. — *Могильников В. А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002.
- Мурашева*, 2000. — *Мурашева В. В.* Древнерусские ремесленные наборы украшения (X–XIII вв.). М., 2000.
- Радлов*, 1861. — *Радлов В. В.* Альбом рисунков В. В. Радлова из его путешествий по Алтаю. 1861 г. // МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. № 5041.
- Радлов*, 1989. — *Радлов В. В.* Из Сибири. М., 1989. (Перевод с нем. Л. Д. Цивинной, Б. Е. Чистовой книги: *Aus Sibirien lose blätter aus meinem tagebucha von Dr Wilhelm Radloff.* Leipzig, 1893).
- Решетов*, 1981. — *Решетов А. М.* Дракон в культурной традиции китайцев // Материальная культура и мифология. Л., 1981 (Сб. МАЭ. Вып. 37).
- Сказания...*, 1960. — *Сказания о богатырях: Тувинский героический эпос* / Предисл., пер. и коммент. Л. В. Гребнева. Кызыл., 1960.
- Спицын*, б/г. — *Спицын А. А.* Сибирь. Б/г. // НА ИИМК РАН, РА. Ф. 5. Д. 409.
- Троицкая, Новиков*, 1998. — *Троицкая Т. Н., Новиков А. В.* Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.
- Тувинские...*, 1997. — *Тувинские героические сказания.* Новосибирск, 1997 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12).
- Финно-угры...*, 1987. — *Финно-угры и балты в эпоху Средневековья* / Отв. ред. тома В. В. Седов. М., 1987 (Археология СССР).
- Excavation...*, 1996. — *Excavation of Yelu Yuzhi's Tomb of the Liao Dynasty* // *Wen Wu = Cultural Relics.* Peking, 1996. No. 1.
- Fettich*, 1937. — *Fettich N.* Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn: Tafelband // *Archaeologia Hungarica.* Budapest, 1937. Vol. 21.
- Gyllensvärd*, 1957. — *Gyllensvärd B.* T'ang Gold and Silver. Stockholm. (Diss. 1957). Göteborg, 1958.
- Loehr*, 1968. — *Loehr M.* Chinese Art from the Cloud Wamples and other collections in the Everson Museum. New York, 1968.
- Salmony*, 1934. — *Salmony A.* Ein chinesische Schmuckform und ihre Verbreitung in Eurasien // *ESA.* Helsinki, 1934. Т. 9.

Collections of the Oriental Department of the State Hermitage in Studies of the Medieval Toreutic Small Art of the Sayan-Altai Region and Nearby Areas

G. G. Korol', L. V. Kon'kova

Over a period of years the present authors used collections of the State Hermitage, particularly of the Oriental Department, during their studies of horses and riders' ornaments in medieval steppe Eurasia. In this paper, a discussion of two of the collections (and two items of a third one, in addition) is presented. The items were subjected to interdisciplinary analysis of their artistic features, including a review of their close parallels, macroanalysis of the technology of their manufacture, as well as analysis of the chemical composition of their metals. Interdisciplinary studies were concerned with 35 objects of which 34 were investigated not only in terms of their morphology, decoration and manufacturing technology, but also their chemical composition was analysed. Technology of the predominant number of the objects is peculiar to a large group of articles of the early medieval cultures of steppe Eurasia and adjoining territories. They were manufactured by casting in the technique of *cire perdue* which enables a wide range of artistic modelling of surfaces with creation of thin-walled three-dimensional objects with a relief decorative pattern. Analysis of the chemical

composition of the metals was carried out by means of semiquantitative emission spectre analysis with the use of a series of special standards. The analysis was conducted by V. A. Galibin in the Chemical Laboratory of IIMK RAS.

Collection of P. N. (I. P.) Kornilov, 19th cent. (from the region of Minusinsk, south of Krasnoyarsk krai). Of 15 objects investigated, the metal compositions of 14 have been analysed. The peculiarity of these belt decorations is in the fact that they are really miscellaneous (probably fortuitous) finds composing no sets united by the provenience from some single disturbed barrow. Two plaques (fig. 1, 2, 3) are exceptions. **Group 1** (fig. 1, 1–5, 8) is composed of undecorated objects. All the items are cast with the use of one-piece mould with inserted cores (to form the ledges). The casting is mostly of poor quality with occasional defects in the form of holes. Only two plaques demonstrated a high quality of execution (fig. 1, 4, 8).

The documentary data on each item and the metal compositions are presented in tables 1 A and 1 B. Two types of alloys have been distinguished — complex

brass (fig. 1, 2–4) and multicomponent bronze (fig. 1, 1, 5, 8). For the second alloy, possibly re-melted metal was used. The difference in the metal composition suggests different provenience of the objects. The investigations of the composition of metals of the same period from the Minusinsk Basin conducted previously by the present authors attest that brass is related with objects distinguishable in their decoration and high quality of manufacture. Production of brass in the early Middle Ages was predominantly in India and Central Asia. In China, the production of brass presumably developed only in the 11th century during the Song epoch whereas before it was obtained as imports from other sources.

Group 2 is composed of articles with geometric designs. It includes three items differing in form and decoration (fig. 1, 6, 7, 10). The technology is casting in one-piece moulds with an inserted core. The castings are of fine quality. All the three objects are made from tin-lead bronze differing in concentrations of tin and lead.

Group 3. This is a group of articles with floral designs including four miscellaneous end mounts variously decorated. Two have the relief pattern characteristic of the late 1st–early 2nd millennium BC (fig. 1, 9, 13). The two other (fragmentary) mounts are decorated with a deep (carved) design (fig. 1, 11, 12) rather uncommon for the bulk of the belt decorations of the period under consideration. Possibly they are slightly younger and closer in time to the early stage of the Askiz culture of the Yenisei Kyrgyzs of the late 10th–early 11th century when replacement of non-ferrous belt decorations for the iron ones was taking place. The large leaf-like pendant plaque (fig. 1, 14) has not been analyzed for the metal composition. We are aware of no close parallels for it.

The four items of this group were manufactured with application of various techniques of treating surfaces all based on casting into a one-piece mould with an insert. Of note is the plaque (fig. 1, 9) as an example of fine casting. For execution of the design, a high-quality mould was used producing a relief image with a flattened surface. Such a relief may have been produced if the mould was made from a strong material (stone, wood). The plaque (fig. 1, 11), by contrast, was cast after a worn original on which, it seems, no image was preserved. The surface of the cast blank was covered with a carved design produced by means of carving tools and punches. As a whole, the composition obtained copied rudely the originals with cast floral designs and scalloped edges. The techniques of manufacturing the mounts with carved designs suggest a younger provenience

of the materials discussed in comparison with the main part of the collections. The leaf-like plaque was damaged. It was manufactured by one-sided casting without the use of an insert for shaping ledges. In other words, the casting was flat with a large circular hole in the centre. It is of excellent quality and covered with a thick layer of gold (possibly produced with the use of a gold foil).

The composition of the metal vary in all the items described: tin bronze (fig. 1, 9); tin-lead bronze (fig. 1, 13); lead bronze (fig. 1, 11) — these alloys are fairly soft and well fit for working with burins, punches and other tools. The compositions of the metals (complex brass) and the techniques of their treatment are not common for the group of metals of the 9th–early 11th century from the Minusinsk Basin (fig. 1, 12).

The fragment of a mirror belonging to the investigated collection has some poorly discernible images on its rear side (fig. 1, 15). It was cast with the use of a wax model. The material was tin-lead bronze with high percentage of tin. Similar compositions are characteristic of mirror bronzes from medieval China. Considered as the closest parallel may be a find of half of a mirror of the second half of the 9th–first half of the 11th century from the burial ground of Kirillovka V in the steppe zone between the Ob and Irtysh rivers (Altai krai). The latter item had a well-preserved decoration.

Collection from Western Siberia, late 19th cent. Investigated were eighteen objects all analyzed for the metal composition. The collection consists, as it seems, of composite ornaments from a single complex. These are 12 lunate plaques (fig. 2, 1); two mounts (fig. 2, 2) with a suspension loop; two clips (fig. 2, 4); two large (one fragmentary) nearly rectangular plaques (fig. 2, 6). The main decoration of all these items was represented by a common motif: diverse variants of a dragon. The group under consideration included also two similar objects from P.K. Frolov's collection of the first third of the 19th century from the region of Zmeinogorsk (north-western piedmonts of the Altai, Altai krai): a fragment of a mount (fig. 2, 5) in high relief on the front side (dragon motif); a fragment of a thin plate (fig. 2, 3) with a carved «fish-scale» design. The image of a dragon was popular on the early Mongolian belts of the second half of the 13th–14th century. Parallels are reported mostly from the European part of the steppe. Furthermore, a similar carved «fish-scale» design is found on objects from Kyrgyzia.

The lunate mounts (fig. 2, 1) were manufactured with the use of a common technology and, possibly,

in a single mould. The technology was that of pressing images on silver plaques resulting in a thin article in deep relief. The surface was gilded. In addition, the inner volume of the lunates was filled with some mass which ensured the preservation of the shape and representations of the mounts. As a variant, probably wooden inserts were used. The mounts with loops (fig. 2, 2) were manufactured by a combined technology based on casting in one-piece mould with an insert. The resulting ornament (fairly rough) is cast, however the rest of the decoration was executed rather finely with cutting tools. The clips (fig. 2, 4) were made from silver by casting, the surface gilded. The castings were rough, the additional details carved by cutting tools. The two large plaques (fig. 2, 6) were made of deeply stamped silver and gilded. The surface of the main decorative design (dragon) and areas around it were treated additionally. The two plaques were manufactured both in a similar way, but on the back side of one (fragmentary) a «lid» was preserved — a thin silver plate soldered to the basic mount. The lid was decorated with a «fish-scale» design in form of tripetalous flowers executed with the use of some special tool. A fragment of a precisely identical plate is represented by an item from P. K. Frolov's collection (fig. 2, 3). The manufacturing technology of all the objects described is in accordance with their date (second half of the 13th–early 14th century).

The documents and metal composition for each item are summarized in table 2 A and 2 Б. All of the articles are made of sterling silver and gilded. Probably they all come from some single manufacturing centre, perhaps even a single workshop, since the metals are practically identical. The presence of pure silver always attests the use of the primary (ore) silver got from some stable sources of raw materials rather than from accidentally obtained melting scrap. The latter usually gives a broad scattering of trace admixtures in the composition of metals that is not the case with our objects. Polymetallic deposits containing silver ore are found in the Rudny Altai Mountains, Kazakhstan and Central Asia.

The collections described above represent different chronological stages of the history of the Sayan-Altai and the adjoining areas. These stages are clearly reflected in the artistic and technological peculiarities of the toreutic small art. It is further noteworthy that the collection from «Western Siberia» is absolutely uniform (even taken together with the items from Frolov's collection) in all characteristics including the artistic and macrotechnological ones and the composition of the metals. The collection of Kornilov, by contrast, is an assemblage of fairly diverse objects which differ also chronologically (within the range of the 7th–11th century, some of the items are perhaps even younger) and in terms of their decoration, technology and metal composition.

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В НЕКРОПОЛЕ ПЕРВЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

К. А. Михайлов¹

После долгих споров вокруг «норманнской» проблемы уже мало у кого из исследователей вызывает сомнение тот факт, что в начальный период формирования древнерусского государства его культура испытала сильнейшее скандинавское влияние (Носов, 1999. С. 117). Наиболее ярко следы скандинавского присутствия проявляются в материальной культуре первых древнерусских городов. Археологические открытия последних десятилетий продемонстрировали, что варяги входили в состав первых городских общин и часто составляли культурную основу той многонациональной группы, в которой находили опору своей власти первые русские князья. При участии скандинавских воинов, купцов и ремесленников в IX–X вв. на территории Восточной Европы формируется новая этническая группа — Русь (Носов, 2002. С. 33–37; Янссон, 1999. С. 36–38). В X столетии еще не существовало полностью сложившихся особых древнерусских, в том числе и погребальных, традиций и знакомой нам по памятникам XI–XIII вв. древнерусской культуры. Она только начинала формироваться в пестром, разноплеменном княжеском окружении. По этой же причине религиозные обычаи жителей Старой Ладого, Киева, Чернигова, Гнездова, Пскова и Тимерева, связанные с похоронным ритуалом, несли заметный североευропейский отпечаток.

Одним из таких погребальных обрядов, обших как для первых скандинавских, так и древнерусских городов, стал обычай погребать умерших в специальных деревянных сооружениях. На первый взгляд, по своей конструкции они напоминают подземные деревянные дома. Поэтому в Скандинавии такие «подземные палаты» для

умерших называют погребальными камерами — chamber-graves или kammergraber, а в Восточной Европе — «срубными гробницами» (Кирпичников и др., 1986. С. 278–279; Gräslund, 1980. P. 31–36, 45–46; Eisenschmidt, 1994). Широкое распространение получило мнение, что погребенные в камерах люди принадлежали к социальным верхам общества эпохи викингов. Такое предположение подтверждается многочисленными археологическими находками из Дании и Норвегии. Там в погребальных камерах из Маммен, Еллинг и Хеннинкирхе были захоронены представители королевской семьи и члены знатных датских фамилий (Krogh, 1982; Voss, 1991. P. 189–203).

Именно среди богатых погребений в камерах археологами были обнаружены несколько не совсем обычных захоронений. В них оказались детские погребения. Необычным оказалось то, что этих детей похоронили вместе с таким же многочисленным погребальным инвентарем и по тому же обряду, по которому хоронили взрослых мужчин-воинов и богатых домохозяек. В эпоху, предшествующую принятию христианства, жизнь ребенка не имела такого значения для общества, как жизнь и смерть взрослого. В голодные годы родители часто были вынуждены продавать своих детей в рабство или даже, как в Исландии, убивать младенцев (Романов, 1966. С. 187). До момента инициации или достижения физической зрелости дети зачастую не считались полноправными членами семьи или рода (Там же. С. 188). Например, византийские хронисты упоминают о том, что во время осады Доростола русы из армии Святослава приносили младенцев в жертву своим языческим богам (Лев Диакон, 1988. С. 78). Подобные факты известны как по скандинавским сагам, так и по другим средневековым источникам. Неполноправное положение детей в варварском раннесредневековом обществе находит своеобразное отражение и в погребальном обряде. Детей часто хоронили

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

в тесных земляных ямах без гробов и сопроводительного инвентаря (Романов, 1966. С. 182–186). Следует подчеркнуть тот факт, что до конца X столетия, вплоть до принятия христианства, погребения детей редко встречаются как в скандинавских языческих могильниках, так и в древнерусских курганных некрополях. Например, на крупнейшем скандинавском кладбище эпохи викингов в Бирке (Швеция) детские погребения составляли около 17% от всех ингумаций, в датском портовом городе Хедебю (Германия, Шлезвиг) — около 21%, в некрополе королевской крепости Треллеборг (Дания) — 12%, в могильниках на о. Лангелан (Дания) — от 3 до 7% (Grøn et al., 1994. S. 170–171, table 1, 6). Следует обратить внимание на две закономерности: первая — учтенные погребения относятся к одному хронологическому этапу — второй половине X в.; вторая — большинство детей, захороненных в датских могильниках IX–X вв., оказалось старше 5–6 лет. Так же как в Восточной Европе, в языческих могильниках Скандинавии детей хоронили или вместе со взрослыми, или в тесных ямах без гробов и сопроводительного инвентаря. В древнерусском некрополе Гнездово под Смоленском, как и в Скандинавии, детские погребения составляли около четверти от числа ингумаций в ямах (Жарнов, 1992. С. 236, табл. 2, 12, 22; 1998. С. 97–98). Например, в Заольшанской курганной группе Гнездовского комплекса было открыто 50 сожжений и 36 труположений. Из этого числа примерно 26 погребений принадлежали мужчинам, 16 — женщинам, восемь — детям и подросткам. В то же время не менее четырех мужских сожжений сопровождалось женскими кремациями, а два — детскими (Каменецкая, 1991. С. 164–174). Из 58 труположений древнерусского могильника Шестовицы только 8 (14%) погребений принадлежали детям (Блифельд, 1977. С. 18). В могильнике Тимерево на Верхней Волге исследователи выделяют не менее 127 мужских, 79 (+34 из парных с мужчинами) женских и 39 детских погребений, то есть дети составляют около 13% от общего числа захороненных (Недошивина, Фехнер, 1985. С. 103). В среднем детские погребения составляют от 1/5 до 1/4 от числа всех погребенных в некрополях городов и торговых мест эпохи викингов.

Известная статистика детских погребений в языческих некрополях и их соотношение с числом взрослых захоронений часто не соответствуют данным о реально существовавшей детской смертности в раннем средневековье, которая, как

считают демографы, составляла не менее 50% от числа детей в возрасте до 7 лет. На средневековых кладбищах Западной Европы доля детских могил достигает не менее 20% от общего числа. Например, в средневековых некрополях Киева доля детских захоронений составляет 22,7–30,8% (Козак, 2005. С. 117). По всей видимости, детские захоронения должны были бы составлять от трети до половины всех погребенных. Поэтому данные о возрастном составе захороненных на языческих кладбищах заставляют нас предположить искусственность выборки детских захоронений на этих кладбищах. Скорее всего, она не отражает существовавшей в средневековом обществе высокой детской смертности и реального числа умерших детей младшего возраста. Можно предположить, что далеко не всех детей хоронили на кладбищах вместе с взрослыми членами общины.

Вероятно, некоторое представление о реальном соотношении численности различных возрастных групп можно получить на примере единовременно погибшего средневекового поселка. Например, случайная серия человеческих останков со славянского городища Супруты, уничтоженного в середине-второй половине X в., состоит из: четырех мужских (от 18 до 60 лет), 10 женских (от 20–25 до 60 лет) и 18 детских (от 1 года до 18 лет). Следовательно, дети могли составлять до 50–53% от возможного общего числа жителей средневекового поселения (Исюмова, 1998. С. 114–116). Подобное соотношение между детским и взрослым населением подтверждается материалами первых северорусских могильников XI–XII вв. из восточного Прионежья, исследованных Н. А. Макаровым. Так, например, в могильнике Горка I детские захоронения составляли 26,4%, в Нефедьево IA и IB — 37,5%, в могильнике Шуйгино — 48,1%, в дружинном некрополе Никольское III (Кемский) — 21,6% (Макаров, 1990. С. 138–77). Высокая детская смертность в средние века подтверждается открытиями венгерских антропологов Д. Ачади и Я. Немешкери. На материалах венгерских могильников X–XII вв. они установили, что детские погребения в этот период составляли от 35 до 50% всех захоронений. В хорошо исследованных позднесредневековых некрополях Молдавии на захоронения детей до 15 лет также приходилось от 42 до 47% всех погребений, при этом значительное число (от 12,9 до 36,4%) приходилось на долю младенцев (Великанова, 1993. С. 16–20).

Можно предположить, что количество детских погребений в раннесредневековых древнерусских могильниках, где они составляли часто не более 10%, особенно до принятия христианства, является результатом определенной культурной традиции. По-видимому, небольшое число детских могил могло быть связано с религиозными представлениями средневекового населения о том, что дети в возрастной группе от 0 до 5 лет не считались полноправными членами родового коллектива. Для представителей княжеских семей этот возрастной порог был несколько ниже и мог опускаться до 3–5 лет. Например, постриг маленького князя, пережиток обряда инициации, происходил в три года (*Комарович*, 1960. С. 89).

В связи с вышесказанным важными для нашего исследования являются сведения о возрасте захороненных в камерах детей. Мне кажется, что богатые детские погребения в камерах выделяются на общем фоне детских захоронений X в. своей немногочисленностью и составом погребального инвентаря. Среди 76 (на 2006 г.) древнерусских погребений в камерах нет ни одного захоронения грудного ребенка или достоверного захоронения детей младше 7 лет (*Михайлов*, 2001). Эти цифры косвенно подтверждают тот факт, что этот престижный погребальный обряд был характерен для верхов общества, где возрастной порог достижения зрелости снижен до минимального предела. В то же время это языческий погребальный обряд. Те общины и группы, которые его практиковали, не считали грудных детей полноправными членами рода, что скорее свойственно язычникам, чем христианам. По-видимому, только с принятием христианства в обществе изменяется отношение к детям. За ними признают некоторые права, и с младенчества дети включаются в религиозную жизнь общины. Церковь следит за обращением с младенцами и вводит наказание за их невольное убийство. Например, новгородский епископ Нифонт рекомендует не откладывать и крестить младенцев сразу же после рождения. По-видимому, такое отношение к грудным детям — совершенно новое явление для сельских приходов Новгородской земли. Подобные изменения находят отражение в погребальном ритуале. Именно некрополи первых древнерусских городов, где христианские общины, вероятно, появляются еще до государственного акта крещения, демонстрируют во второй половине X в. рост числа погребений по обряду трупоположения (*Жарнов*, 1998. С. 95).

В Бирке, которая прекратила свое существование в 970-е гг., ингумации составляют около половины всех раскопанных погребений. В Шестовице на почти 150 исследованных погребений приходится 58 ингумаций. В Гнездово на 1000 исследованных погребений — 126 (Там же. С. 95). Вместе с увеличением числа захоронений по этому обряду растет и процент детских погребений. Как мне представляется, значительный рост детских захоронений в могильниках Восточной Европы происходит при переходе от обряда кремации к обряду ингумации, что было связано с принятием христианства.

Возраст, когда подростка начинали воспринимать уже в качестве полноправного взрослого, по-видимому, колебался около 14–16 лет. В то же время такой временной порог для представителей знати мог быть значительно ниже. Например, по данным из Эдды, в 8–9 лет мальчик из королевского рода уже достигал возраста правителя. К сожалению, часто мы узнаем о половозрастных различиях погребенных только после исследований, которые проводят антропологи. В тех случаях, когда костный материал не сохраняется, отличить погребение подростка от захоронения старика бывает сложно. Они могут не отличаться по составу погребального инвентаря или по каким-либо другим особенностям. Еще сложнее обстоит дело с захоронениями представителей древней аристократии, когда в погребальном инвентаре находит отражение социальный статус, а не возраст погребенного человека. По-видимому, наиболее ярко эта особенность восприятия средневековых людей через положение их рода и понимание этого статуса обществом нашла отражение именно в богатых детских захоронениях. Дети получают набор взрослого погребального инвентаря как бы «авансом» в силу того положения, которое занимает их род в обществе.

В качестве примера таких богатых детских захоронений следует привести могилы двух мальчиков, захороненных в могильниках Киева и Шестовицы, а также погребения девочек из древнейших древнерусских некрополей Киева и Тимерево. В этих захоронениях переплелись как типично скандинавские черты погребального обряда, характерного для эпохи викингов, так и особенности, которые отражают специфику уже формирующегося древнерусского общества.

Киевское погребение № 110 было обнаружено вблизи от стен Десятиной церкви, на территории огромного киевского некрополя, который некогда располагался на Старокиевской горе.

В обширной могильной яме археологи зафиксировали остатки деревянного сруба и фрагменты деревянного перекрытия могильной ямы. На груди погребенного мальчика лежали два серебряных арабских дирхема, переделанных в подвески. Там же нашли четырехконечную серебряную накладку и серебряную пуговицу. Около ног мальчика находились железные обручи от двух деревянных ведер, четыре глиняных сосуда, костяная ложка, орнаментированная плетенкой, а у левой ступни — набор из 157 бараньих астрагалов для игры в «бабки». Кроме этих вещей в камере были найдены: фрагмент одностороннего костяного гребня, железный ножик, спиралеконечная бронзовая фибула, маленький железный топор, два миниатюрных оселка, часть бронзовых весов, две маленькие серебряные пуговицы с ушками, множество раковин *unio* с отверстиями для подвешивания, обломки костяных и железных предметов, большое количество железных гвоздей (Каргер, 1958. С. 174–176, рис. 26, таб. XI–XIX; Килюевич, 1982. С. 150; Андрощук и др., 1996. С. 43).

По-видимому, погребенный был одет в рубаху, ворот которой застегивался на единственную пуговицу. Поверх рубахи он имел заколотый бронзовой фибулой плащ. Судя по положению скелета, мальчика поместили в могилу в сидячем положении, о чем свидетельствует смещение верхней части скелета относительно нижней, расположение пуговицы и подвесок в стороне от шейных позвонков. Обычно исследователи обращают внимание на то, что на умершем нашли монеты с христианской символикой, и называют его погребением христианина. В то же время сидячее положение тела умершего мальчика и разнообразный инвентарь являются вполне традиционными для погребальных камер в Скандинавии эпохи викингов. Следует также отметить, что 157 астрагалов для игры являются, безусловно, необычной находкой. Чаще всего в погребении находят от двух до 20 астрагалов. Такое многократное увеличение числа предметов для игры может быть заупокойным даром друзей или родственников умершего. В любом случае это не рядовое число предметов в погребении ребенка.

Второе погребение мальчика обнаружили в кургане № 61.1 известного могильника Шестовица под Черниговом. Могильное сооружение представляло собой гроб, поставленный в погребальную камеру с деревянным перекрытием (Михайлов, 1996. С. 52–60; Жарнов, 1991. С. 209). Ребенок лежал на спине, головой на запад. На его правом боку находилось несколько

вещей: бронзовая подвеска-печатка византийского происхождения с изображением Христа, просверленная таранная косточка бобра, два астрагала барана или козы для игры в бабки, обломок железного кресала и кремь, скорлупа двух лесных орехов. Около левой ноги находился небольшой железный топор. Рядом лежали обломок саманидского дирхема (935–936 гг.) и небольшая костяная трубочка. В углу гробовища стоял горшок с заупокойной пищей и лежали куриные кости (Блифельд, 1977. С. 150–151; Shepard, 1986. С. 252–274; Андрощук, 1995. С. 119).

В инвентаре этих двух погребений есть общий элемент, который отличает их от погребений взрослых мужчин. Это набор бараньих астрагалов — косточек для популярной игры «в бабки». Вплоть до XX в. в эту игру с азартом играли в русских деревнях. В киевском погребении обнаружили 157 астрагалов, а в шестовицком — только два. В этнографии народов Сибири и Центральной Азии бараньи астрагалы имели разнообразные функции. Две из наиболее распространенных — гадательные и игральные. По-видимому, обе эти функции могли сочетаться. Среди памятников X столетия самые многочисленные находки астрагалов отмечены археологами на раннесредневековых памятниках Подонья, Волжской Булгарии и Дунайской Болгарии. Например, при раскопках хазарской крепости Саркел–Белая Вежа исследователи обнаружили 367 орнаментированных астрагалов, среди которых были экземпляры, залитые свинцом, — биты (Флёрова, 2001. С. 108–111, рис. 55–58). Помимо находок из Саркела многочисленные орнаментированные бараньи астрагалы находили в слое славянских городищ роменско-боршевской культуры на р. Дон. Материальная культура населения этого лесостепного региона испытала сильное воздействие степного варианта салтовской культуры, связанной с Хазарским каганатом. Поэтому находки таких астрагалов, как считают некоторые исследователи, можно отнести к влиянию кочевых соседей донских славян (Винников, 1995. Рис. 24). Два набора астрагалов (шесть и две косточки) происходят из погребений мальчиков № 35 и 45 в кургане 17/10 саркельского некрополя. Одно из этих погребений исследователи отнесли к числу древнерусских христианских захоронений XI в. (Артамонова, 1963. С. 72, 97–99, 108, 112, 113, рис. 72, 75, 4; Флёрова, 2001. С. 111). Также шесть астрагалов, вместе с железным топориком и фрагментами горшка, были найдены в древнерусском сожжении

№ 4 из могильника у с. Клонов вблизи Чернигова (Моця, 1988. С. 113). Набор из 11 астрагалов открыли в детском погребении № 38.4 шестовицкого могильника (Блифельд, 1977. С. 133–134, рис. 16). Пять астрагалов лежали в погребении мальчика, обнаруженном на р. Ингул. Это погребение, скорее всего, является венгерским и также датируется X в. (Бокий, Плетнева, 1988. С. 108). Приведенные примеры указывают на то, что в X в. орнаментированные бараньи астрагалы связаны с культурой средневековых кочевников, где они являются отличительной чертой захоронений мальчиков. То есть они могут быть своеобразными индикаторами возраста погребенного. Если это предположение верно, то к числу таких погребений следует отнести еще одно захоронение X в., обнаруженное в 1984 г. на Михайловской площади в Киеве. Его нашли примерно в 300 м к юго-западу от Десятинной церкви, под остатками валов «города Владимира». Могильное сооружение состояло из камеры со стенами из досок, прикрепленных к четырем угловым столбам, деревянной крыши и гробовища (Кулиевич, Харламов, 1984. С. 14; Сагайдак, 1988. С. 128; Мовчан и др., 2003. С. 114–115, рис. 1). Скелет лежал в деревянном гробу, скрепленном кованными железными гвоздями. Под левой рукой умершего находился нож с костяной рукоятью и остатки пояса с бронзовыми заклепками. У колена лежал железный топор. В изголовье стояло одно деревянное ведро, а на уровне бедра — второе. Во втором ведре лежал набор из 16 астрагалов. Так же, как в погребении из Шестовиц, умершего поместили в гроб. И, так же как в двух других захоронениях мальчиков, единственным предметом вооружения в погребальной камере оказался боевой топор.

Существенным отличием этих трех погребений от скандинавских и древнерусских погребальных камер стало отсутствие оружия. Вместо него в могилу положили только один предмет из набора вооружения — боевой топор, который, по-видимому, символизирует статус погребенного как свободного человека. В то же время некоторые датские исследователи считают, что при переходе от язычества к христианству топор в погребении заменяет весь комплекс вооружения. Такие погребальные комплексы найдены в Дании и на о. Готланд. Самый известный из них — захоронение в Маммен (Trotzig, 1985. P. 83–87; Näslman, 1991. P. 163–180). В пользу высокого положения умерших подростков свидетельствует как сам обряд погребения, так и ряд

вещей, оказавшихся в могилах. Например, в захоронении из Шестовицы была найдена византийская печать-подвеска, а в киевском — серебряные монеты, превращенные в подвески (другого такого случая в мужском древнерусском погребении мне неизвестно). С одной стороны, этих мальчиков похоронили по обряду, характерному для взрослого члена общины, с другой — астрагалы в погребении демонстративно указывают на «детский» статус умерших. Эта двойственность не так заметна в погребениях девочек.

Среди погребений девочек, в первую очередь, следует упомянуть два захоронения в камерах могильника на Старокиевской горе. Первое обнаружено в северо-западной части Софийской площади, к юго-западу от Десятинной церкви. Археологами прослежены остатки курганной насыпи и погребальной ямы. Покойница лежала в камере, сооруженной из досок с деревянным полом и крышей. На шее девочки сохранилось ожерелье из восьми сердоликовых бусин и двух серебряных колец. Рядом стояло деревянное ведро с железными оковками. Как определили киевские археологи, захоронение принадлежало девочке 6–7 лет (Ивакин, Козюба, 2001. С. 50–55; Ивакин, Козюба, 2003. С. 39–40).

Второе погребение открыто под развалинами Михайловской церкви XII в. Михайловского Златоверхого монастыря, примерно в 300–400 м к юго-западу от Десятинной церкви. В погребальной яме находился сруб с полом из досок и крышей. Разрушенная верхняя часть скелета погребенной и ожерелье, находящееся в районе тазовых костей, по-видимому, указывают на сидячую позу умершей. В камере обнаружили четыре серебряных перстня и две сканые подвески, костяной наборный гребень с футляром, обломки железных оковок от сундука, железный ключ, под западной стеной — оковки от деревянного ведра. В западной части камеры лежали остатки заупокойной пищи — кости птиц и ребро животного. Захоронение принадлежало девочке в возрасте 11–12 лет. Исследователи датировали его последней четвертью X в. (Ивакин и др., 1999. С. 5–6; Ивакин, 2002. С. 39–40; Ивакин, Козюба, 2003. С. 40–41).

Третье погребение связано с могильником Тимерево на Верхней Волге вблизи Ярославля. Под курганом № 297 в яме с деревянными стенками находились два женских костяка, лежащие головами на запад. Погребение 2, по-видимому, являлось главным. Оно располагалось в северной половине ямы, несколько выше второго

захоронения. Костяк принадлежал девочке в возрасте около 11–13 лет. На груди умершей лежали две бронзовые посеребренные овалы фибулы с остатками ткани. Поверх фибул встречены кусочки дерева. На костяке лежали две бусины — глазчатая и горного хрусталя, скорее всего, служившие в качестве пуговиц от рубахи. Слева от девочки, в области кисти руки обнаружили серебряный перстень «салтовского» типа, надетый на фалангу медвежьей лапы. Рядом лежали два медвежьих когтя (*Дубов, Седых, 1992. С. 116–122*). Сопроводительное погребение принадлежало взрослой женщине в возрасте от 30 до 45 лет. Ее тело находилось в южной половине ямы, ниже тела девочки. В районе черепа лежали золотые нитки — остатки тесьмы от ворота одежды. От костюма женщины сохранились: серебряная подковообразная фибула со спиральными концами, костяной игольник с набором железных игл, железные пружинные ножницы и железный нож с деревянной рукоятью, обмотанной серебряной проволокой. В углу погребальной ямы находились два лепных горшка с едой и остатки деревянного ведра с железными обручами. Состав инвентаря из захоронения девочки совпадает с набором инвентаря из богатых скандинавских женских погребений. В свою очередь, вещи из захоронения взрослой женщины (погребение 1) находят аналогии в женском уборе славянских могильников X в. Такое сопоставление позволяет нам называть погребение девочки из кургана № 297 главным захоронением.

Древнерусские захоронения в камерах имеют яркие параллели в погребальной практике германцев, у которых положение ребенка было связано с положением рода, к которому он принадлежал. Это представление о неразрывной связи статуса умершего со статусом его рода нашло свое отражение в богатых детских «княжеских» захоронениях германцев. Для примера можно назвать погребение мальчика эпохи Меровингов, открытое под Кельнским собором, или захоронение эпохи Вендель под одним из больших королевских курганов в Старой Упсале (Швеция) (*Müller-Wille, 1982. S. 349–412*). До последнего времени традиция связывала этот курган с легендарным королем свеев Эгилем, умершим в весьма преклонном возрасте. Б. Аррениус продемонстрировала, что это элитарное погребение эпохи Венделя принадлежало ребенку.

Для эпохи викингов интересные открытия в этой области сделала А.-С. Грёслунд, которая исследовала погребение № 977 могильника

Бирка. Эта могила принадлежала к числу наиболее богатых захоронений в погребальных камерах. Среди сопровождающего инвентаря камеры № 977 нашли верхового коня и набор оружия, в который входили щит, меч, стрелы, «шумящая» плеть, а также ведро и сундук. Мальчик 9 лет был оставлен в могиле в сидячем положении, в расшитой золотой нитью одежде. Все эти многочисленные предметы указывали на его высокое социальное положение. Подобный набор считался характерным для мужских захоронений, но антропологический анализ позволил уточнить юный возраст погребенного (*Gräslund, 1998. P. 281–289*). Шведские исследователи считают, что в другой камере — № 974 могильника Бирка также был погребен ребенок — девочка 9–10 лет. Погребения мальчиков с оружием и в сопровождении верхового коня были открыты в могильнике Ире на о. Готланд. Анализ таких погребений показал, что дети после 6 лет получали в «загробный» мир весь набор инвентаря взрослого человека, и подобные детские погребения ничем не отличались от захоронений взрослых людей. В датском могильнике эпохи викингов Стенгаде II в двух погребальных камерах обнаружили детские захоронения (6–14 лет), что, по мнению С. Айзеншмидт, свидетельствует о том, что обряд захоронения в камерах практиковали целые семьи с высоким социальным статусом (*Eisen-schmidt, 1994. P. 82*). Например, в сельском семейном могильнике Туна Баделунда (Швеция) среди богатых захоронений женщин в погребальных камерах № 43 и 44 с обычным набором вещей были захоронены девочки 4–5 лет (*Nylén, Schönback, 1994. P. 90–93*).

Известно, что древнерусское общество в IX–X вв. тесным образом было связано с миром викингов и Скандинавией. Скандинавские погребения, оружие, украшения стали обычными находками во многих древнерусских некрополях. В этой связи встает вопрос: можно ли обнаружить отмеченную специфику в древнерусском погребальном обряде?

Исходя из приведенных аналогий, вероятно, следует предположить, что в раннесредневековом некрополе Киева и могильнике Шестовица были погребены мальчики. Скорее всего, астрагалы для игры «в бабки» получили распространение, в первую очередь, на древнерусских территориях, которые имели постоянные контакты с кочевниками, так как севернее Чернигова находки астрагалов-«бабок» в погребениях неизвестны. В могилах мальчиков, погребенных

с набором инвентаря взрослого мужчины, набор для игры в «бабки», по-видимому, служил своеобразным маркером возраста погребенных. Интересным представляется тот факт, что в скандинавских погребениях мальчиков из могильника Бирка и могильника Ире на о. Готланд, где они похоронены с разнообразным инвентарем и комплексом оружия, никаких следов игрушек или предметов, связанных с играми, обнаружено не было. В этих могилах не было найдено ярких возрастных индикаторов, как в аналогичных древнерусских камерах. Но, возможно, такие вещи были изготовлены из материалов, которые не сохранились до наших дней. Следует отметить, что в Скандинавии в могилах мальчиков игрушек не обнаружено. Можно предположить, что наличие игрушек в могилах подростков — это уже специфическая древнерусская черта обряда, появившаяся под влиянием населения, связанного культурой Хазарского каганата.

Для реконструкции социального положения погребенных в камерах детей можно привлечь свидетельства письменных источников. В скандинавских сагах в качестве действующих лиц часто упоминаются дети и подростки. При анализе подобных упоминаний в глаза бросается тот факт, что для составителей саг значимым являлся возраст 10–12 лет. Так, в Саге о Гуннлауге Змеином Языке, в Саге об Эгиле и Саге о людях из Лаксдаля, где рассказывается о событиях, происходящих в X–XI вв., возраст героев 10–12 лет упоминается девять раз (Исландские саги, 1956. С. 28, 64, 108–109, 131, 133, 181, 245, 282, 395). Это возраст, начиная с которого в исландских сагах герой из влиятельного и благородного рода начинает свою самостоятельную жизнь. Главное для общества саг то, что в 12 лет мальчик становится воином и начинает участвовать в кровной мести, то есть общество признает этого мальчика своим полноправным членом. Например, в 12 лет брат Эгиля Скаллаgrimсона Торольв отправился в свой первый викингский поход. Сам Эгиль в 10–11 лет первый раз убил своего обидчика (Там же. С. 64, 131). В то же время сыновей знатного человека в этом возрасте могли убить как кровника, хотя обычно, судя по сагам, детей не убивали. Так, например, отец и дед Эгиля из мести убили двоюродных братьев (10 и 12 лет) норвежского короля Харальда Прекрасноволосого. Эгиль же убил 12-летнего Рангвальда, сына самого короля Харальда (Там же. С. 108–109, 245). В Саге о людях из Лаксдаля 12-летние сыновья Боллмстят убийцам своего отца (Там же. С. 395, 408).

Все перечисленные примеры относятся к детям из знатных, аристократических семейств.

«Повесть временных лет» приводит аналогичный пример в связи с князем Святославом Игоревичем, который начинает сражение с древлянами, бросая копье к ногам своего коня «бо бе вельми детск». В малолетнем возрасте был посажен на владимирский стол Юрий (Георгий) Владимирович, которого опекал кормилец-воспитатель варяг Георгий Симонович (Пресняков, 1993. С. 197–200). В этих случаях современникам, конечно же, были важны не персональные качества юного князя, но его принадлежность к правящему роду. Эти и другие многочисленные примеры демонстрируют, что возраст в 14–15 являлся возрастом взрослого мужчины. Но для представителей знати и княжеского рода возраст возмужания и вступления в полноправную жизнь начинался и в 10–12 лет. По крайней мере, этот возраст считался временем «вхождения во власть». Бывали, конечно же, и экстраординарные случаи, когда той или другой группировке срочно требовался символ легитимности, и тогда ребенка из правящего рода могли объявить князем или королем и в два года, и в пять лет. Такие примеры известны и в Норвегии, и в Древней Руси.

Главным выводом из всего вышесказанного можно считать то, что число детских погребений в древнерусских и скандинавских камерах не отражает реального количества умерших детей и существовавшего в средневековом обществе соотношения возрастных групп. Статистика исследованных захоронений на городских кладбищах X в. демонстрирует незначительное число таких погребений. Вероятно, в дохристианский период значительное число умерших детей хоронилось за пределами некрополей и не получало собственного набора инвентаря. На фоне таких немногочисленных и малоинвентарных могил детские захоронения в камерах с богатым набором «взрослых» вещей выглядят особой, элитарной группой. По-видимому, в погребальных камерах хоронили детей из знатных семейств, которые уже прошли обряд инициации и получили символы своего взрослого статуса. На мой взгляд, это весомо подтверждает версию о нехристианской, языческой природе обряда погребальных камер.

Андрощук, 1995. — Андрощук Ф. А. Топографія та хронологія Шестовицького могильника // Археологія. Київ, 1995. № 3.

Андрощук и др., 1996. — Андрощук Ф., Панченко М., Ковалюх М. До передісторії спорудження Десятинної церкви (Хронологічний

- аналіз поховальних комплексів // Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000-ліття освячення. Київ, 1996.
- Артамонова, 1963. — *Артамонова О. А.* Могильник Саркела–Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М., 1963 (МИА. № 109).
- Блифельд, 1977. — *Блифельд Д. I.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
- Бокій, Плетнева, 1988. — *Бокій Н. М., Плетнева С. А.* Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула // СА. М., 1988. № 2.
- Великанова, 1993. — *Великанова М. С.* Антропология средневекового населения Молдавии (по материалам могильника Старый Орхей) // Антропологические исследования. М., 1993. Вып. 10, кн. 3.
- Винников, 1995. — *Винников А. З.* Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье VIII–начало XI вв. Воронеж, 1995.
- Дубов, Седых, 1992. — *Дубов И. В., Седых В. Н.* Новые исследования Тимеревского могильника // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992.
- Жарнов, 1991. — *Жарнов Ю. Э.* Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово. М., 1991.
- Жарнов, 1992. — *Жарнов Ю. Э.* Погребальный обряд Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя: [Рукопись]: дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Жарнов, 1998. — *Жарнов Ю. Э.* Гнездовские курганы с остатками трупоположения // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М., 1998.
- Ивакин, 2002. — *Ивакин Г. Ю.* Погребения X–XI вв. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (1996–1997) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга: Тез. докл. М., 2002.
- Ивакин и др., 1999. — *Ивакин Г. Ю., Козубовский Г. Ю., Козюба В. К., Поляков С. Е., Чмиль Л. В.* Исследования на территории Михайловского Златоверхого монастыря в 1998–1999 гг. // Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр. Київ, 1999.
- Ивакин, Козюба, 2001. — *Ивакин Г. Ю., Козюба В. К.* Похоронения X столетия на Софийській площі в Києві // Киевский альбом: Исторический альманах. Киев, 2001. Вып. 1.
- Ивакин, Козюба, 2003. — *Ивакин Г. Ю., Козюба В. К.* Нові поховання X–XI ст. верхнього Києва (з розкопок архітектурно-археологічної експедиції 1997–1999 рр.) // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів, 2003.
- Изюмова, 1998. — *Изюмова С. А.* К вопросу о «погребениях» на Супрутском городище // Историческая археология: традиции и перспективы. М., 1998.
- Исландские саги, 1956. — *Исландские саги* / Под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956.
- Каменецкая, 1991. — *Каменецкая Е. В.* Заольшанская курганная группа Гнездова // Смоленск и Гнездово. М., 1991.
- Каргер, 1958. — *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1.
- Килиевич, 1982. — *Килиевич С. Р.* Детинец Киева IX–первой половины XIII в.: По материалам археологических исследований. Киев, 1982.
- Килиевич, Харламов, 1984. — *Килиевич С. Р., Харламов В. А.* Отчет о раскопках Старокиевского отряда Киевской археологической экспедиции за 1984 г. // НА ІА НАНУ. Д. № 1984/18 Г.
- Киртичников и др., 1986. — *Киртичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Козак, 2005. — *Козак О.* Особливості демографічної структури населення середньовічного Києва за даними антропології // Наукові записки з української історії Переяслав-Хмельницького ДПУ. Переяслав-Хмельницький, 2005. Вып. 16.
- Комарович, 1960. — *Комарович В. Л.* Культ рода в княжеской семье XI–XIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. М.; Л., 1960. Т. 16.
- Лев Диакон, 1988. — *Лев Диакон.* История. М., 1988.
- Макаров, 1990. — *Макаров Н. А.* Население Русского Севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников Восточного Прионежья. М., 1990.
- Михайлов, 1996. — *Михайлов К. А.* Южноскандинавские черты в погребальном обряде Плакунского могильника // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Материалы науч. конф. Новгород, 1996. Вып. 10.
- Михайлов, 2001. — *Михайлов К. А.* Древнерусские камерные погребения и Гнездово // Гнездово: 125 лет исследованиям памятника: Археол. сб. М., 2001 (Тр. ГИМ. Вып. 124).
- Мовчан и др., 2003. — *Мовчан I., Боровський Я., Гончар В.* Нові знахідки з дружинного некрополя верхнього Києва // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів, 2003.
- Моця, 1988. — *Моця А. П.* Курганный могильник X в. у с. Клонов // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988.
- Недошивина, Фехнер, 1985. — *Недошивина Н. Г., Фехнер М. В.* Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2.
- Носов, 1999. — *Носов Е. Н.* Современные данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. № 5.
- Носов, 2002. — *Носов Е. Н.* Происхождение первых городов Северной Руси (постановка проблемы: История и археология) // Исторические записки. М., 2002. Вып. 5 (123).
- Пресняков, 1993. — *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993.
- Романов, 1966. — *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.; Л., 1966.
- Сагайдак, 1988. — *Сагайдак М. А.* О конструкциях погребальных комплексов Киевщины и Черниговщины IX–XI вв. // Чернигов и его округа в IX–XI вв. Киев, 1988.
- Флёрова, 2001. — *Флёрова В. Е.* Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII вв.: Искусство и ремесло: По материалам Саркела–Белой Вежи из коллекций Гос. Эрмитажа. СПб., 2001.
- Янссон, 1999. — *Янссон И.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.
- Eisenschmidt, 1994. — *Eisenschmidt S.* Kammergräber der Wikingerzeit in Altdänemark // Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. Bonn, 1994. Bd 25.
- Gräslund, 1980. — *Gräslund A.-S.* The Burial Customs. A study of the graves on Björkö // Birka IV. Stockholm, 1980.
- Gräslund, 1998. — *Gräslund A.-S.* A Princely Child in Birka // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes von der Eisenzeit zum Mittelalter. Festschrift für M. Müller-Wille. Neumünster, 1998.
- Grøn et al., 1994. — *Grøn O., Krag A. H., Bennike P.* Vikingetidsgavpladser på Langeland. Rudkøbing, 1994.
- Krogh, 1982. — *Krogh K.* The Royal Viking-Age Monuments at Jelling in the Light of recent Archaeological Excavations. A Preliminary Report // Acta Archaeologica. København, 1982. Vol. 53.
- Müller-Wille, 1982. — *Müller-Wille M.* Königsgrab und Königsgrabkirche. Funde und Befunde im frühgeschichtlichen und mittelalterlichen Nordeuropa // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Mainz am Rhein, 1982. Bd 63.
- Näsman, 1991. — *Näsman U.* Grav og økse. Mammen og den danske vikingetids våbengrave // M. Iversen, U. Näsman, J. Vellev (eds). Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid. Højbjerg, 1991 (Jysk arkæologisk selskabs; Skrifter 28).
- Nylén, Schönback, 1994. — *Nylén E., Schönback B.* Tuna i Badelunda. Guld kvinnor bätar. Västerås, 1994. Vol. 1.
- Shepard, 1986. — *Shepard J.* A cone-seal from Shestovitsy // Byzantion. Revue Internationale des Études Byzantines. Bruxelles, 1986. T. 56.
- Trotzig, 1985. — *Trotzig G.* An Axe as Sign of Rank in a Viking Community // Archaeology and Environment. Umeå, 1985. Vol. 4.
- Voss, 1991. — *Voss O.* Horning-graven. En kammergrav fra o. 1000 med kvinde begravet i vognfading // M. Iversen, U. Näsman, J. Vellev (eds). Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid. Højbjerg, 1991 (Jysk arkæologisk selskabs; Skrifter 28).

Child Burials at the Necropoleis of the First Russian Cities

К. А. Mikhaylov

In this paper, a series of uncommon child burials in ancient Russian funeral chambers of the 10th century is discussed. For analysis of that group of burials, the evidence of written documents and ethnographical sources on the status of child in early medieval eastern and northern Europe is used. The author presents the statistics of child burials from Christian and pagan necropoleis of Scandinavia and Ancient Rus. The amount of child graves uncovered at pagan cemeteries of the 10th century suggest that only few children and adolescents were buried with the observance of funerary rites. At the majority of burial grounds, child graves amounted to *c.* 10–15 percent of the total number of interred. Among the ancient Russian funerary chambers the percentage of child burials has proved to be still lesser — only 7 percent. These numbers are of special significance taking into account the studies of anthropologists and demographers. These attest the 50 percent children's mortality in countries of medieval Europe. The author therefore arrives at the conclusion that the sample of child burials in ancient Russian and Scandinavian chambers is of undoubtedly incomplete and artificial character relative to the medieval society.

Among 70 ancient Russian funerary chambers only five child burials have been found. These include the graves in Kiev, Timerevo and Shestovitsy. All these had an ample wooden funerary structure and grave goods of various kinds, differing almost in nothing from funerary offerings in the graves of adults. Uncovered were weapons and ornaments. Child aristocratic burials similar in rite were excavated in Sweden.

For reconstruction of the social status of the children buried in chambers the evidence of written sources may be attracted. Thus in Saga of Gunnlaug the Worm-Tongue, Egils Saga and Saga of the Men of Laxárdal, heroes 10–12 years old are mentioned nine times. This is the age beginning from which a

hero from an influential and noble kin in the Icelandic sagas begins his self-dependent life. Of the most importance for the society of the sagas is that from the age of 12 a boy became a warrior and commenced his participation in the blood feud, *i. e.* from that age on the commune recognized him as its full member. The Tale of Bygone Years mentions the instance of the young Prince Svyatoslav Igorevich who headed the Kievan armed force and entered a battle with Drevlyane having thrown symbolically a spear in the direction of the enemy's army. Numerous examples show that in the Middle Ages the age of 14–15 was that of an adult man and ruler. However, for the representatives of the nobility and Princely kins the age of manhood and entering the life of full rights may have commenced at 10–12. At least, that age was considered as the time of coming to rule. Of course, also extraordinary circumstances happened when that fraction or other needed immediately a symbol of legitimacy and in that case a child from a Princely kin could be declared the Prince or King even at the age of two or five. Such examples are known in the history of both Norway and Rus.

In my opinion, the main conclusion on the above-mentioned is the fact that the sample of child burials in ancient Russian and Scandinavian chambers is without doubt artificially biased. On the background of other funerary rites at urban necropoleis of the 10th century and the statistics of child burials, the unique character of the child graves under consideration, particularly the rich ones, is striking. In other words, a considerable number of deceased children came to no such graves. Given the high mortality, the majority of the deceased children, even those from noble and rich families, were undoubtedly buried outside the limits of the urban cemeteries. Only children of a certain age were interred in chambered tombs. This fact, in my opinion, is a weighty confirmation of the pagan rather than Christian nature of that funerary rite.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТИЛЯ ИЗ РАСКОПОК В ПСКОВЕ В 2006 г.

Е. С. Зубкова, О. В. Орфинская¹

Летом 2006 г. при проведении охранных археологических раскопок в южной части Окольного города в Пскове (руководитель Е. А. Яковлева) выявлено третье по счету «камерное» погребение скандинавского типа.² Камера была ограблена в древности, и костяк в ней отсутствовал. Однако характер набора уцелевших вещей позволил Е. А. Яковлевой определить захоронение как женское и датировать его по аналогии с погребением № 1 серединой X–началом XI в. (Яковлева, 2006. С. 70).

Почвенный монолит со следами текстиля, изъятый из-под остатков пола камеры, и явился объектом данного исследования. Расчистка и разборка монолита (0,3 × 0,26 м) проводилась в камеральных условиях в несколько этапов. Для получения необходимых характеристик применялись методы микроскопического исследования с использованием микроскопов МБС-10 и ПОЛАРМ Р-211. Для идентификации природы волокон применялись методы гистохимии, спектрометрические методы. Кроме того, были проведены микроскопические анализы образцов в отраженном и проходящем свете при увеличении ×16 — ×400.

Задачей первого этапа исследования являлась расчистка и выявление контуров и размеров остатков текстиля, а также выявление других возможных объектов. В итоге проделанной работы удалось: 1) установить, что текстиль помещался в берестяном

коробе, очевидно, с кожаной крышкой; 2) расчистить и оконтурить основной массив текстиля, отделив от него бронзовую скорлуповидную фибулу; 3) выделить ткани из различных видов сырья — ткани из растительных волокон с полотняным переплетением нитей и шелковые ткани; 4) идентифицировать растительные волокна как льняные; 5) определить технологические характеристики для каждой выделенной группы тканей.

На первом этапе выяснилось, что льняная ткань с полотняным переплетением нитей присутствовала практически во всех слоях исследованного почвенного монолита (табл. 1). Растительные волокна, на основе которых была изготовлена эта ткань, полностью утратили свои морфологические признаки и разрушились. Остатки ее представляли собой слой органического тлена черного цвета, покрывавший шелковую ткань, довольно хорошо сохранившуюся. Поэтому вопрос о сохранении полотняной ткани отпал. Все слои с этим типом текстиля были сняты до уровня шелка, а отдельные его фрагменты, сохранившие структуру, укреплены и стабилизированы.

На втором этапе был окончательно расчищен и развернут основной массив текстиля с шелком. В итоге его удалось разделить на два фрагмента. Из первого — выделены три детали из шелковой ткани, две из которых однозначно идентифицируются с манжетами рукавов какого-то одеяния (рис. 1). Третья деталь, выделенная из фрагмента 1 основного массива текстиля, представляет собой обрывок узкой (ширина 4,5 см) шелковой полосы. В процессе развертывания фрагмента 2 была обнаружена вторая бронзовая овальная фибула. На ее игле сохранились петли из льняной полотняной ткани и фрагмент ворота изделия из аналогичной ткани. Развернутый фрагмент 2 основного массива текстиля представляет собой одну большую деталь, общей длиной 1,5 м, шириной — более 0,3 м (рис. 2, 1).

¹ Зубкова Е. С. — Россия, 180000, Псков, ул. Некрасова, 7. Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Археологический отдел.

Орфинская О. В. — Россия, 129366, Москва, пр. Космонавтов, 2. Российский научно-исследовательский институт природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачева. Отдел центр исследований исторических и традиционных технологий.

² Погребение № 1 — 2004 г., руководитель Е. А. Яковлева; погребение № 2 — 2004 г., руководитель А. В. Михайлов.

© Е. С. Зубкова, О. В. Орфинская, 2010

Таблица 1. Условная стратиграфическая схема почвенного монолита

Table 1. Conventional stratigraphic scheme of the soil monolith

1	Слой песка с обломками дерева, обрывками бересты	
2	Слой деструктурированной ткани с полотняным переплетением нитей с примесью песка и фрагментами шелка	
3	Слой песка	
4	Слой шелковой ткани	← Фр. 2 о/м
5	Слой шелковой ткани и ткани с полотняным переплетением нитей	} Фр. 1 о/м
6	Слой ткани с полотняным переплетением нитей	
7	Слой песка с остатками ткани с полотняным переплетением нитей	
8	Слой песка с обломками дерева, древесным тленом	
9	Слой дерева	} Дно туеса
10	Слой бересты	
11	Слой песка	

Слой 1–7 — основной массив текстиля

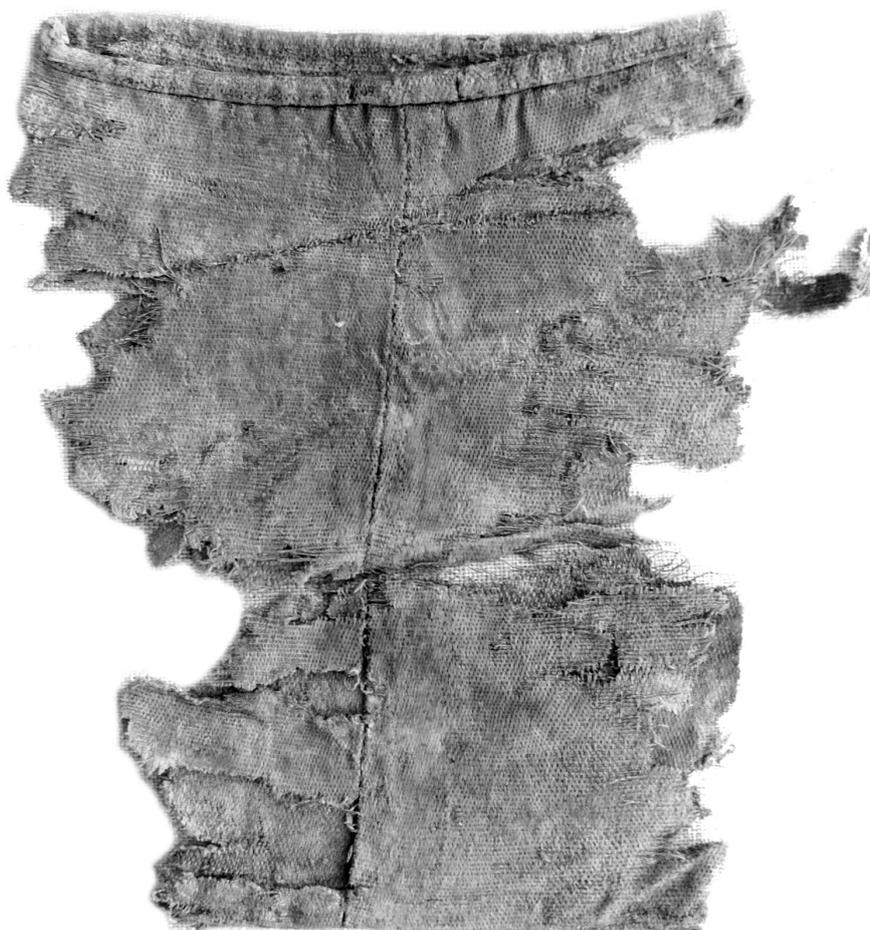

Рис. 1. Манжет рубашки (деталь 5)

Fig. 1. Cuff of the shirt (detail 5)

Таким образом, после полной разборки почвенного монолита были выявлены остатки берестяного дна короба, укрепленного деревом; 11 деталей одежды, изготовленных из двух видов тканей — льняной полотняной и шелковой,

а также две овальные фибулы, служившие для скрепления деталей костюма.

Учитывая данные проведенных исследований, можно сказать, что основную массу текстиля, помещенного в коробе, составляла льняная

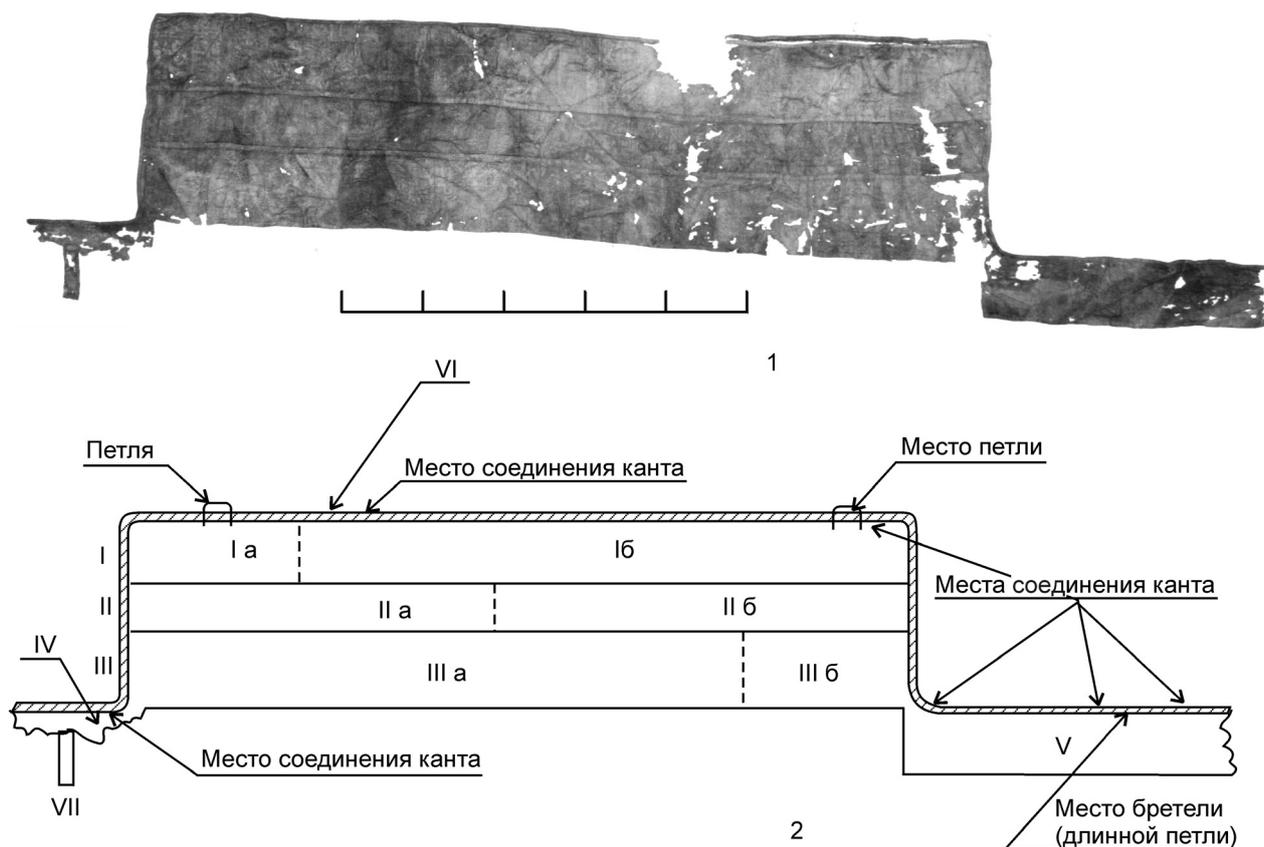

Рис. 2. Нагрудная часть «сарafана» (деталь б)

1 — общий вид; 2 — конструктивная схема: I a, b — верхняя полоса передней части каймы; II a, b — средняя полоса передней части каймы; III a, b — нижняя полоса передней части каймы; IV, V — сохранившиеся остатки каймы на спинке; VI — кант каймы; VII — обрывок детали неопределенного назначения

Fig. 2. The breast-side of the apron-dress (detail б)

1 — general view; 2 — schematic drawing: I a, b — upper band of the front of the hem; II a, b — middle band of the front of the hem; III a, b — lower band of the front of the hem; IV, V — preserved remains of the hem on the backside; VI — piping of the hem; VII — scrap of a detail of unclear purpose

полотняная ткань, сложенная в несколько слоев. Установлено также, что все детали, выполненные из шелка, с изнаночной стороны покрыты тонким слоем деструктурированной полотняной ткани, а подогнутые края и соединительные швы не обработаны. Эти факты, а также наличие остатков и следов пришитых нитей позволяют утверждать, что все шелковые детали являлись накладными и были нашиты на некое изделие из льняной ткани. В результате подробного изучения всех выявленных деталей было установлено, что в берестяном коробе находился комплект женской одежды, состоявший из двух предметов, сшитых из тонкой льняной ткани синего цвета и отделанных шелком. Датировка и тип погребального сооружения (камера), а также наличие двух овальных бронзовых фибул, несомненно относящихся к кругу скандинавских древностей эпохи викингов, обусловили поиски аналогий псковской находке.

В настоящее время существует несколько вариантов реконструкции женского костюма эпохи

викингов, предложенных в разное время такими исследователями, как А. Гейер, М. Хальд, И. Хэгг, Ф. Бау и др. (Geijer, 1938; Hald, 1950; Hägg, 1974; Bau, 1982). Все они основаны как на изобразительных, так и на археологических источниках, в первую очередь из могильников Швеции, Дании и Норвегии. При некоторой вариации деталей женский костюм в целом, как представляется, был комплектом из четырех изделий. На нижнюю рубаху надевалось платье с длинными рукавами. Поверх него — туникообразное одеяние, которое удерживалось на фигуре при помощи парных черепаховидных фибул, скреплявших петли, пришитые к заднему и переднему полотнищам. Дополнением к костюму служила накидка или плащ, края которого стягивались на груди равноплечной или круглой фибулой. Здесь следует отметить, что и археологический материал (в силу своей фрагментарности), и изобразительные источники (в силу определенной степени условности) не могут дать однозначного представления

о деталях костюма, а также принципах покрова того или иного типа одежды. Особый интерес вызывало туникообразное одеяние (*apron-dress*). Первые попытки его реконструкции были сделаны А. Гейер и И. Хэгг (*Geijer, 1938; Hägg, 1974. S. 53, 54*). Эта деталь женского костюма представляла собой отрезок ткани, свернутый пополам. Края сверху с одного из боков соединялись коротким швом и расходились книзу. Спереди и сзади к верхнему краю пришивались короткие и длинные петли, соединявшиеся с помощью фибул. На рис. 3 представлена реконструкция этой части костюма согласно А. Гейер (*Geijer, 1938. Abb. 49. S. 154*).

Продолжившая работу своих предшественников Ф. Бау предложила еще несколько вариантов реконструкции туникообразной одежды. Они основаны на сравнительном анализе результатов изучения расположения остатков петель на иглах фибул и изображений валькирий (*Bau, 1982*).

Вариант А. Данная часть женского костюма представляла собой отрез ткани, который обертывался вокруг тела, прикрывал спину и бока, оставляя открытым перед. На углах верхнего края пришивались петли. Две подобные петли от середины верхнего края ткани перекидывались через плечи и скреплялись с угловыми при помощи фибул.

Вариант Б. К открытому переду туники *варианта А* добавлялся нагрудник, пристегивавшийся к фибулам дополнительными петлями. Именно такая одежда якобы читается на фигурке валькирии из Туза (Дания) (*Ibid. P. 25. Fig. 9, B*).

Вариант В. На фигурках валькирий из Туны и Грёдинге (Швеция) туникообразная одежда с нагрудником дополнена еще одним элементом — своего рода «шлейфом», крепившимся с помощью тех же фибул и дополнительных длинных петель (*Ibid. P. 25. Fig. 9, C*).

Несомненно, что костюм скандинавских женщин в эпоху викингов состоял из нескольких предметов. Возможно, количество их могло меняться, но наличие рубахи и (или) платья, поверх которых надевалась некая вещь («сарафан» или туникообразная одежда/*apron-dress*), подтверждается всем комплексом источников (археологических, изобразительных), относящимся к эпохе викингов. Однако они не позволяют однозначно представить конструкцию того или иного типа одежды. Псковская находка в этом отношении значительно расширяет возможности по реконструкции костюма в целом и такой его детали как передник в частности.

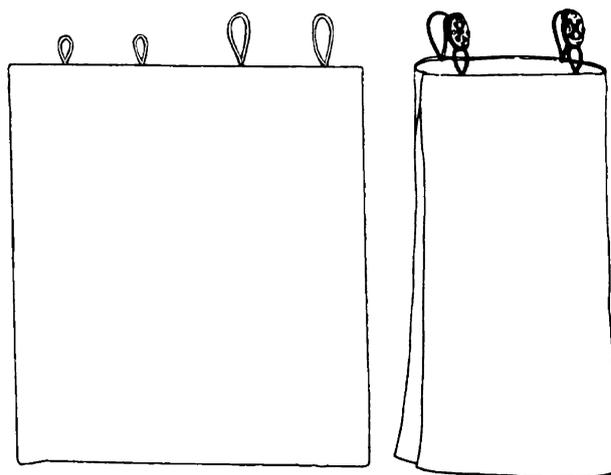

Рис. 3. Реконструкция туникообразного одеяния (*apron-dress*) по А. Гейер (*Geijer, 1938. Abb. 49. S. 154*)

Fig. 3. Reconstruction of the apron-dress according A. Geijer

После полной разборки почвенного монолита с остатками текстиля было выявлено 11 деталей одежды, изготовленных из льняной и шелковых тканей. Тщательный анализ этих деталей позволяет говорить о наличии комплекта женской одежды, состоявшего только из двух предметов. Оба они были сшиты из тонкой льняной полотняной ткани, окрашенной в синий цвет. С первым (рубаха или платье) связываются детали 3, 5, 7, 10. Детали 7 и 10 представляют собой остатки ворота (рис. 4), который по краю выреза подвернут наизнанку и заложен мелкими складочками. Спереди по центру имелся вертикальный разрез. Складки были закреплены тонким руликом, который одновременно стягивал края ворота. Детали 3 и 5 из шелковой ткани (манжеты), по всей видимости, были нашиты на длинные зауженные книзу рукава рубахи. Длина целого манжета (рис. 1) — 12,5 см, ширина у запястья — 10 см (в сложенном виде). Нижние края манжет обработаны узкой полосой ткани, верхние — подвернуты наизнанку.

Второе изделие (условно названное «сарафаном»), по-видимому, можно сопоставить со скандинавской туникообразной одеждой. С ним связываются детали 6 (рис. 2, 1) и 8 (петля). Деталь 6 представляет особый интерес с точки зрения реконструкции типа одежды, которую она украшала. Сшитая из нескольких полос шелковой ткани, она, вероятно, служила отделкой верхнего края «сарафана». С изнаночной стороны по всей ее поверхности фиксировался слой деструктурированной синей льняной ткани и остатки пришивных нитей. На широкой центральной части этой детали на равном расстоянии от центра с одной стороны сохранилось основание петли

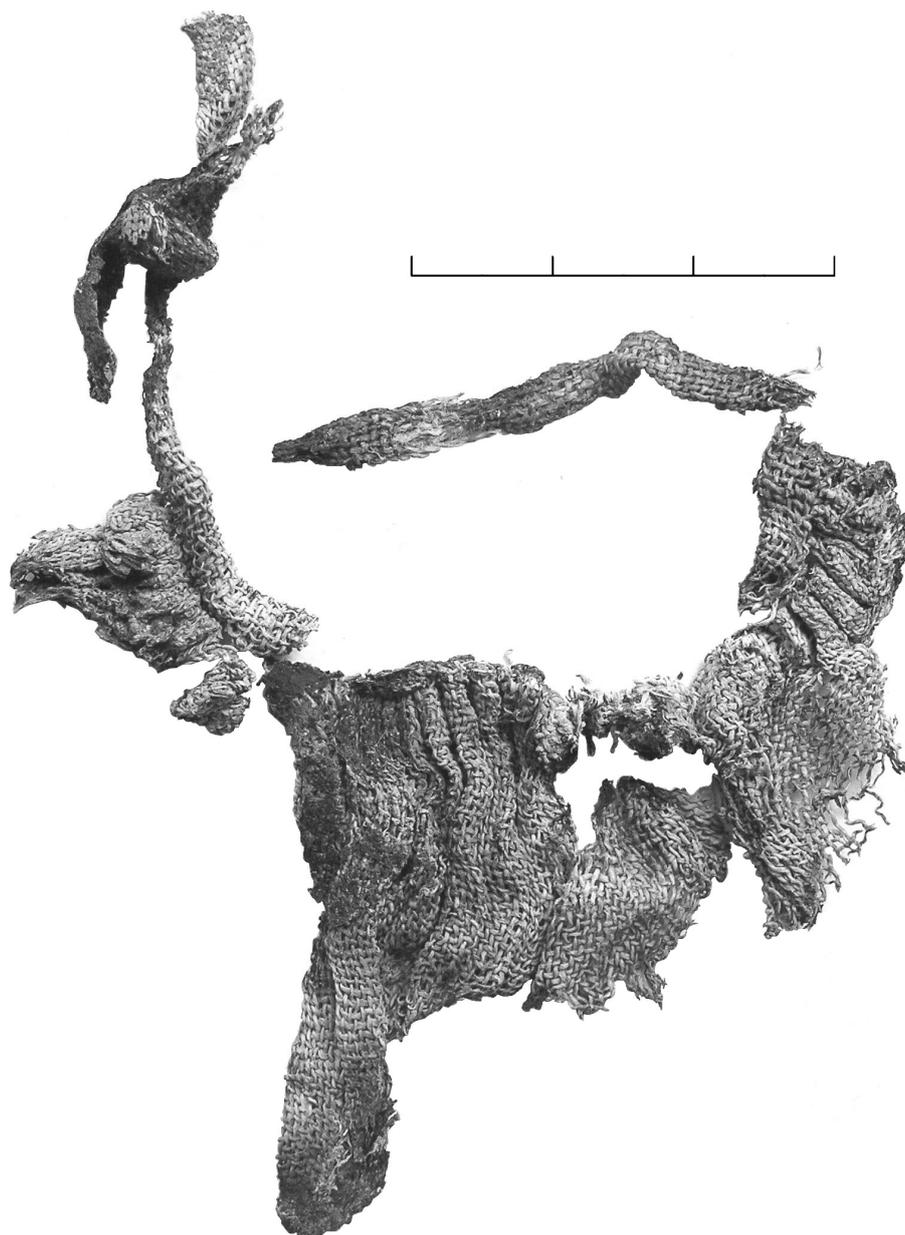

Рис. 4. Фрагмент ворота рубашки (деталь 7)

Fig. 4. Fragment of the collar of shirt (detail 7)

(или бретели) из льняной ткани синего цвета, а с другой — след от проколов иглой, по длине равный ширине сохранившегося фрагмента петли (или бретели), а также остатки пришивных нитей. На одной из узких боковых полос детали, на расстоянии 20 и 25 см от места соединения ее с широкой центральной частью, также фиксируются остатки нитей и следы пришивания петель (или бретелей), что дает основание предполагать наличие бретели и на второй несохранившейся узкой части каймы детали 6 (рис. 2, 2). Кроме того, принимая во внимание то, что след от пришивания петель (или бретелей) на узкой полосе прерывистый, следует говорить именно о длинных петлях. Такие петли упоминают и И. Хэгг,

и Ф. Бай (*Hägg, 1974; Bau, 1982*) при описаниях туникообразных конструкций одежды (*apron-dress*). Петли представляли собой узкую длинную полосу ткани, сложенную в несколько слоев, перегнутую по центру пополам. Концы полосы (каждый в отдельности, вплотную друг к другу) пришивались к верхнему краю одежды со спины, образуя, таким образом, длинную петлю.

Принимая во внимание имеющиеся факты, можно предположить, что деталь 6 представляет собой полную развертку верхней части «сарафана» — наиболее информативную для реконструкции этого типа одежды. Широкая центральная ее часть пришивалась к переду, переходя на спинку узкими полосами, которые соединялись,

очевидно, по центру. На груди к верхнему краю «сарафана» были пришиты короткие петли, со спины через плечи перекидывались длинные (закрепленные, возможно, по центру заднего полотнища). Передние и задние петли соединялись с помощью фибул, позволяя таким образом удерживаться «сарафану» на фигуре. Представляющаяся возможной реконструкция второго изделия из псковского погребения ближе всего к варианту реконструкции, предложенному А. Гейер (A. Geijer). К сожалению, полностью разрушенная нижняя часть изделия не дает представления ни о длине, ни об оформлении его боковых частей ниже шелковой отделки. Однако небольшая деталь в виде полосы шириной 2 см (без учета подгибов), пришитая к одной из узких боковых частей детали 6 (VII на рис. 2, 2), могла служить либо отделкой разреза в боковом шве, либо, напротив, перекрывать боковой шов. Ни одно из этих предположений не противоречит предложенной А. Гейер реконструкции (Geijer, 1938. Abb. 49. S. 154). Кроме того, тщательное обследование внутренних частей фибул, на иглах которых зафиксированы следы от одной пары петель, исключает наличие как нагрудника, так и шлейфа в реконструкциях этого типа одежды, выполненных Ф. Бау (Bau, 1982. P. 25. Fig. 9).

Остальные детали (1, 2, 4), представляющие собой обрывки полос ткани разной длины (рис. 5), невозможно уверенно связать ни с одним из двух предметов описываемого костюма. По всей вероятности, полосы шириной 4,5 см, подогнутые наизнанку с одной стороны и обработанные дополнительно подкройной деталью по противоположному краю, могли быть нашиты на подол либо рубахи, либо «сарафана». На изнаночной стороне каждого из трех обрывков, так же как и на манжетах и на детали 6, зафиксирован тончайший слой разрушенной льняной ткани и остатки пришивных нитей. На рис. 6 представлен общий вид костюма, несомненно находившегося в берестяном коробе и реконструированного с учетом данных различных анализов.

Рис. 5. Один из фрагментов отделки подола рубахи (деталь 4)

Fig. 5. One of the fragments of trimmings of the shirt lap (detail 4)

Как уже отмечалось, деталь 6 была сшита из нескольких полос шелковой ткани. При тщательном исследовании установлено, что каждый из составляющих ее отрезков был выкроен из разных, отличающихся по качеству ткацких кусков. По структуре текстильных переплетений они относятся к самитам, но имеют свои особенности, с учетом которых удалось выделить три вида шелка.

Вид I

Цвет	на синем фоне — золотисто-розовый узор (визуальная оценка), на отдельных участках вместо синего наблюдаются полосы зеленого цвета (сменные утки)
Рисунок	зооморфные и антропоморфные изображения с элементами растительного орнамента, раппорт не восстанавливается
Тип ткани	самит (направление саржи — S)
Основы:	две нити внутренней (на отдельных участках до трех одновременно) и одна нить связующей основы
Нити внутренней основы:	I порядка, Z-крутка (шаг 1,00 мм), толщина 0,20–0,30 мм
Нити связующей основы:	I порядка, Z-крутка (шаг 0,60–0,80 мм), толщина 0,25–0,35 мм
Нити утка:	четыре — синий, неопределенно-желтый, неопределенно-розовый, зеленый
Уток синий	без крутки, толщина 0,25–0,5 мм
Уток зеленый	без крутки, толщина 0,25 мм
Уток неопределенно-розовый	без крутки, толщина 0,25 мм
Уток неопределенно-желтый	без крутки, толщина 0,50–0,60 мм
Плотность:	16 нитей внутренней основы, 8 нитей связующей основы и 18–40 нитей утка на 1 см

Для полос отделочной каймы (деталь 6) использовались разные виды шелка: I-й вид — для выкраивания частей Ia, Ib, IIIa, IIIб, IV, V (рис. 2, 2); II-й вид — для частей IIa и IIб и III-й вид — для бейки на участке Ib.

На шелке I-го вида фиксировались элементы тканого рисунка, который включал зооморфные

Вид II

Цвет	красновато-фиолетовый (визуальная оценка)
Рисунок	мелкая проработка деталей. Раппорт не восстанавливается
Тип ткани	самит (направление саржи — S)
Основы:	две нити внутренней и одна нить связующей основы, на отдельных участках прослеживается до четырех нитей основы вместе
Нити внутренней основы:	I порядка, Z-крутка (шаг — 0,75 мм), толщина — 0,10–0,15 мм
Нити связующей основы:	I порядка, Z-крутка (шаг — 1,00–0,80 мм), толщина — 0,20 мм
Нити утка:	три — красно-фиолетовый, желтый, зеленый
Уток красно-фиолетовый	без крутки, толщина 0,35 мм
Уток зеленый	без крутки, толщина — 0,20–0,25 мм
Уток желтый	без крутки, толщина — 0,50 мм
Плотность:	40 нитей внутренней основы на 20 нитей связующей основы и 20–45 нитей утка на 1 см

Вид III

Цвет	не определяется
Рисунок	не читается
Тип ткани	самит
Основы:	одна нить внутренней и одна нить связующей основы
Нить внутренней основы:	I порядка, Z-крутка (шаг — 1,00 мм), толщина — 0,25 мм
Нить связующей основы:	I порядка, Z-крутка (шаг — 1,00 мм), толщина 0,20–0,25 мм
Нити утка:	три (цвет не определяется)
Уток 1	без крутки, толщина 0,20 мм
Уток 2	без крутки, толщина 0,50 мм
Уток 3	без крутки, толщина 0,35 мм
Плотность:	20 нитей внутренней основы на 20 нитей связующей основы и 20–50 нитей утка на 1 см

и антропоморфные изображения, а также элементы растительного орнамента. По прорисям удалось установить, что тканый орнамент на отдельных отрезках частей I, III, IV и V представляет собой фрагменты рисунка, воспроизводящего известный сюжет — сцену охоты сасанидского царевича Бахрама Гура, правившего в Персии в V в. (рис. 7, 2). Ткани с аналогичным сюжетом

известны по находкам в Европе. Одна из них хранится в Милане. Ею обтянута створка изготовленного около 835 г. золотого престола св. Амвросия. Еще один экземпляр ткани с изображением Бахрама Гура обнаружен в гробнице св. Кунберта в Кельне. По мнению ученых, ткань попала туда при вскрытии гробницы в 1168 г. Третий экземпляр с вытканной на нем сценой охоты

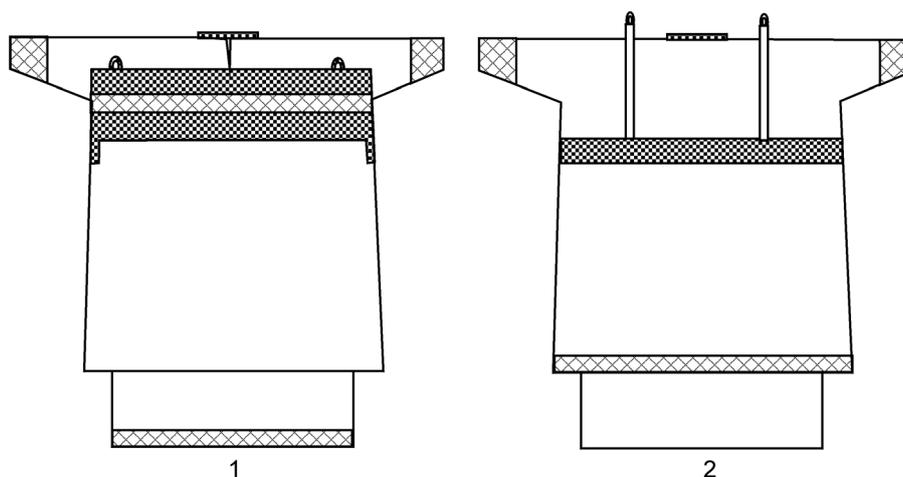

Рис. 6. Реконструкция костюма
1 — вид спереди; 2 — вид сзади

Fig. 6. Reconstruction of the costume
1 — front view, 2 — rear view

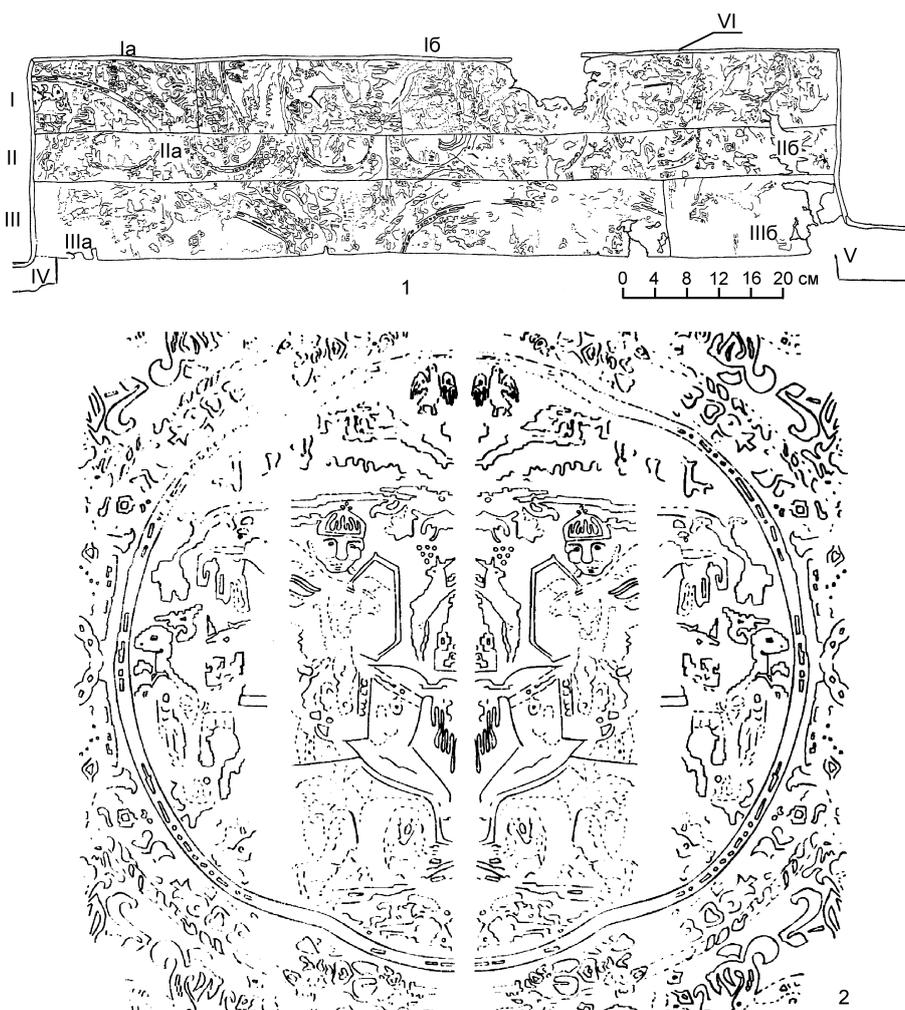

Рис. 7. Нагрудная часть «сарafана» (деталь 6)
 1 — схема с прорисью тканого рисунка; 2 — реконструкция раппорта рисунка с ткани вида I
Fig. 7. The breast-side of the apron-dress (detail 6)
 1 — scheme with drawing of the woven pattern; 2 — repeat of the cloth pattern on type I textile

сасанидского царевича обнаружен на переплете большого пергаментного евангелия из библиотеки Капитула в Праге, написанного в IX в. Однако ткань попала на его обложку предположительно в XIV в. По мнению Н. П. Толля, время изготовления тканей относится к середине VI в. (Толль, 1924. С. 192). А. А. Иерусалимская относит время их изготовления к первой половине VII в. (Иерусалимская, 1961. С. 49).

На территории России шелковые ткани с аналогичным орнаментом до настоящего времени известны по материалам археологических раскопок скальных могильников Северного Кавказа, время сооружения которых ограничивается VIII–IX вв. Это период, когда через Северный Кавказ проходило одно из ответвлений Великого шелкового пути из Китая в Византию. Ткань из Пскова, о времени изготовления которой на данном этапе исследования судить весьма

трудно, по технологическим характеристикам также относится к тканям византийского круга и является копией более ранних сасанидских тканей. В сюжете тканого рисунка описываемого вида шелка, безусловно, изображена сцена охоты Бахрама Гура. Однако в исполнении отдельных элементов и деталей орнамента обнаруживаются отличия от его известных аналогов, но это тема для другого исследования.

Приведем ряд наблюдений, сделанных при подробном исследовании детали 6. Средняя из полос центральной части этой детали составлена из шелка вида II красно-фиолетового цвета (IIa, IIb на рис. 2, 2). Отметим, что микроскопический анализ деталей 1, 2, 3, 4, 5 (обрывки отдельных полос и манжеты) показал, что они выкроены из той же ткани. Это позволяет предположить, что обрывки шелковых полос (имеющие одинаковую ширину — 4,5 см) являются

остатками украшения подола именно рубахи (или платья), что вполне логично в сочетании с отделкой рукавов такого же цвета. Некоторым доказательством в пользу этого предположения может служить и еще один факт. При исследовании частей детали 6, выкроенных из шелка I-го вида (Ia, Ib, IIIa, IIIб, IV, V), обнаружилось, что рисунок с изображением Бахрама Гура повторяется на них с разным набором элементов от целостной картины сюжета, при этом ориентировка (верх–низ) не соблюдается. В первый момент возникло предположение, что деталь 6 была сшита из остатков разного шелка или для ее изготовления использованы старые отслужившие изделия. Однако при попытке соединить все части детали 6 из ткани вида I выяснилось, что фрагменты орнамента на них совпадают, дополняя друг друга, и представляют полный раппорт рисунка со сценой охоты, повторяющийся при этом дважды по длине использованного отрезка (рис. 8). Таким образом, зная ширину каждого отрезка ткани, удалось установить размеры ткацкого куска, из которого они были выкроены. Ширина составляла не более 46 см, длина — как минимум 1,05 м (это обусловлено длиной центральных полос — I, II, III).

Принимая во внимание цвета средней (красно-фиолетовый) и обрамляющих ее крайних полос (сине-зеленый с желтым оттенком) детали 6, а также различное направление рисунка при сшивании частей из ткани вида I, можно предположить, что швея при отделке наряда руководствовалась только сочетанием деталей по цвету, пренебрегая целостностью и направлением орнамента на ткани. В таком случае более вероятно, что красно-фиолетовая полоса (в сочетании с такого же цвета отделкой рукавов) украшала подол именно рубахи (или платья). При этом узкая полоска (VII, на рис. 2, 2), пришитая к детали 6 так, что по всем расчетам она приходилась на линию бокового шва «сарafана» (синего цвета), могла быть также красно-фиолетового цвета (цвет при исследовании не определился).

Находки деталей одежды при археологических раскопках не так уж редки. Однако по большей части — это небольшие фрагменты, на которых в исключительных случаях сохраняются швы. Псковская находка с этой точки зрения содержит значительную информацию о характере швов и типах стежков. На детали 6, сшитой из семи частей, выделяются два вида соединительных швов, выполненных вручную.

Первый из них в современной терминологии швейного производства известен как «стачной вразутюжку» (Ханус, 1991. С. 21). Именно таким образом соединены между собой части Ia и Ib, IIa и IIб, IIIa и IIIб, III и IV, III и V детали 6, а также сшиты детали 3 и 5 (манжеты). Сшиваемые детали сложены лицевыми сторонами вовнутрь и прошиты с отступом от края на 0,5 см. Шов разложен на две стороны. Второй вид соединительного шва, который по современной терминологии называется «накладной настрочной» (Там же. С. 37), использован при соединении частей I, II, III детали 6. Этот шов одновременно является как соединительным, так и декоративным. Один из краев частей I и III подвернут наизнанку, наложен на лицевую сторону части II и пришит (рис. 9). Оба вида швов выполнены стежками, называемыми в современной терминологии «назад иглу» или «за иглу» (Там же. С. 43, 62). Такие стежки образуют очень прочную строчку. На изнаночной стороне длина их в два-три раза больше, чем на лицевой. В данном случае: по лицевой — 1 мм, по изнаночной — 2–3 мм.

Верхний край детали 6, срезы манжет у запястья и один из краев деталей 1, 2, 4 обработаны отдельно выкроенной полоской ткани, которая по способу пришивания напоминает современный кант (рис. 10). Полоска ткани шириной около 3 см изнаночной стороной накладывалась на лицевую сторону детали, перекрывая ее на 1 см от края, и пришивалась стежками «вперед игла». Свободный край полосы, огибая край обшиваемой детали, подвергивался таким образом, что соединительный шов оказывался с изнаночной стороны. Противоположный край канта подгибался и прикреплялся с лицевой стороны детали (ширина — 0,5 см) стежками «назад игла».

Необходимо отметить, что уникальность псковской находки заключается не только в возможности в значительной мере уточнить детали женского костюма эпохи викингов. Она дает богатый материал для понимания техники ручного шитья, принципов раскроя ткани, а также сведения об эстетических вкусах женщин средневековья. И это далеко не полный перечень вопросов, ответы на которые может дать более детальное изучение публикуемого материала. Можно сказать, что псковская находка представляет несомненный интерес для исследователей древних тканей, технологии швейного дела и для историков костюма.

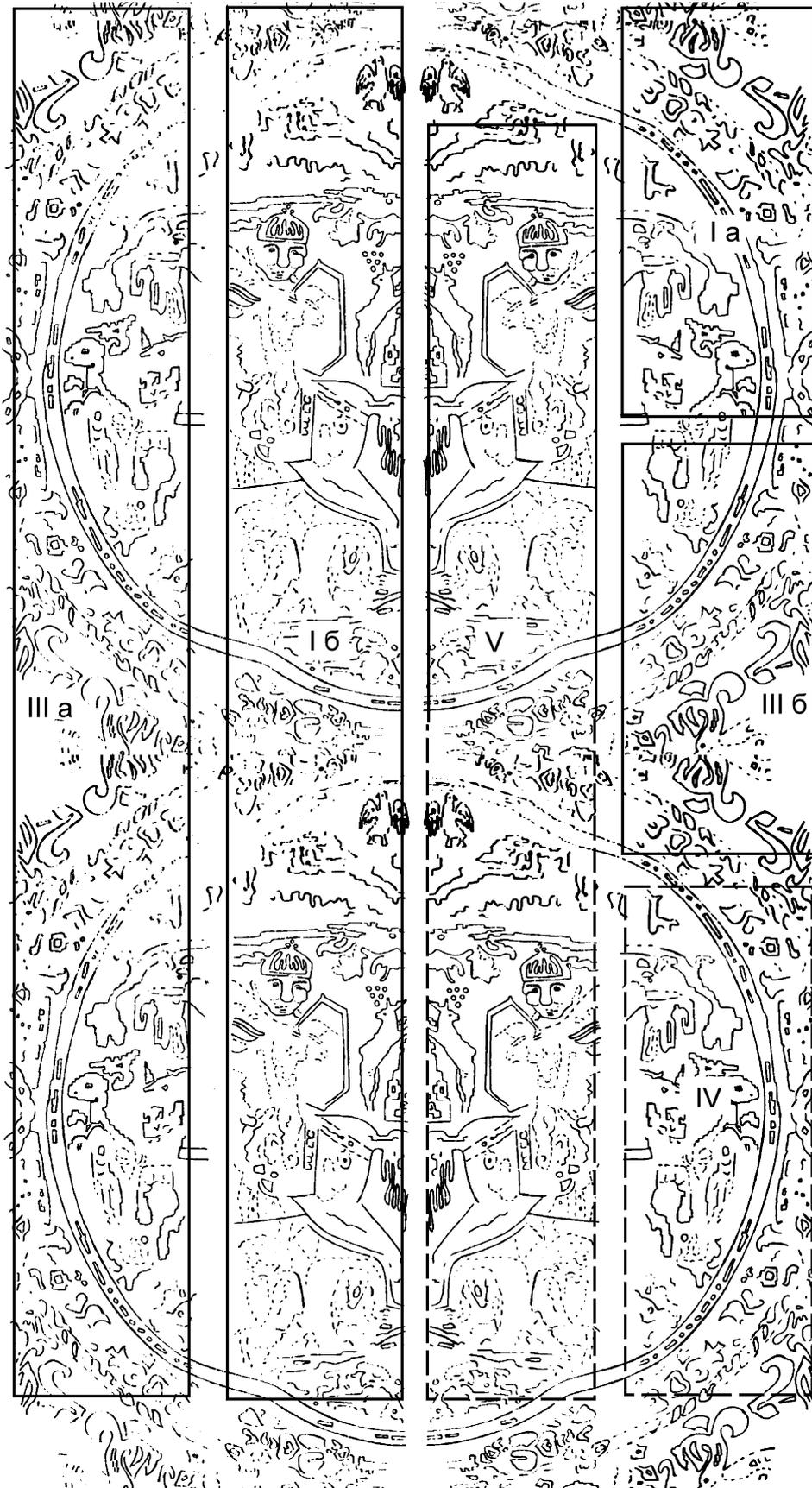

Рис. 8. Схема реконструкции раскроя ткани вида III

Fig. 8. Scheme of reconstruction of the cutting of the woven piece of type III textile

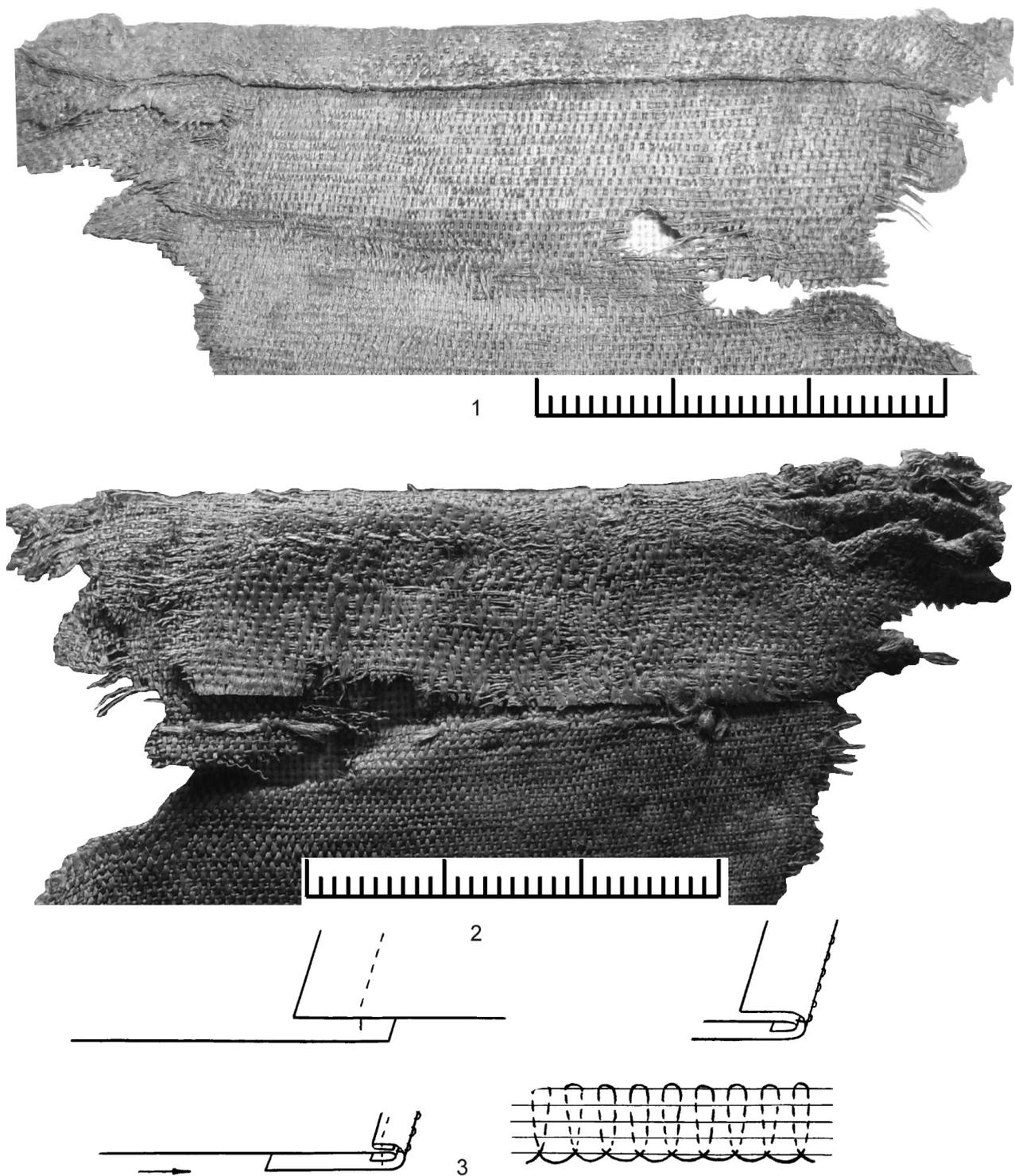
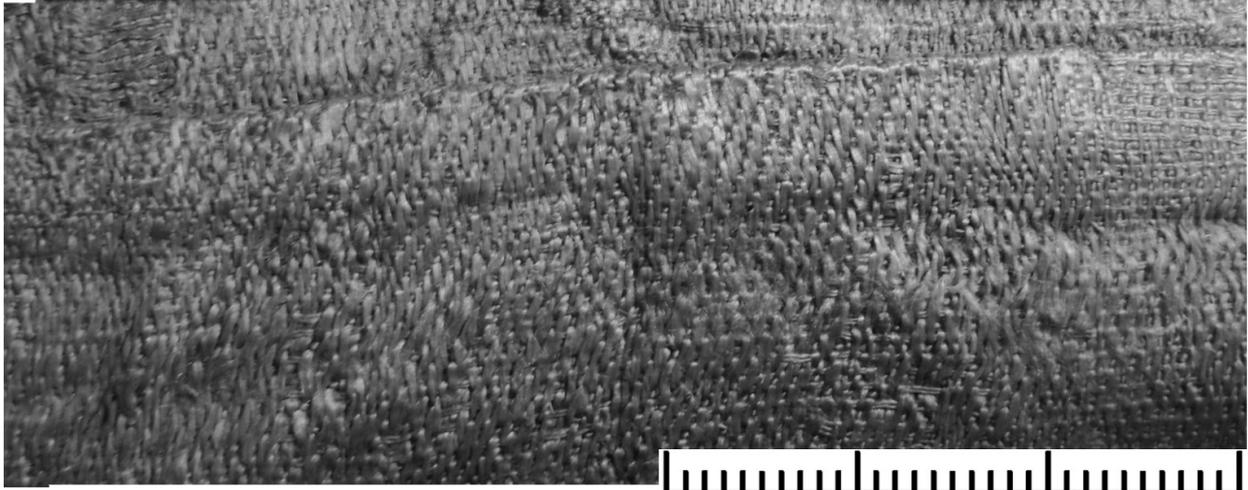
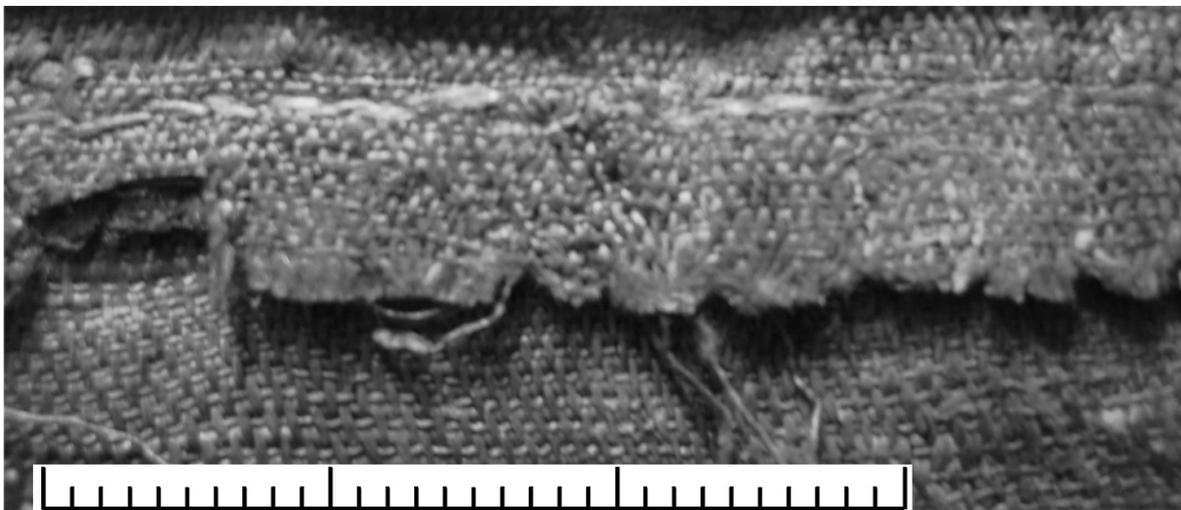

Рис. 9. Нагрудная часть «сарафана». Участок соединительного шва между частями I–II–III детали 6
 1 — лицевая сторона, 2 — изнаночная сторона, 3 — схема соединительного шва

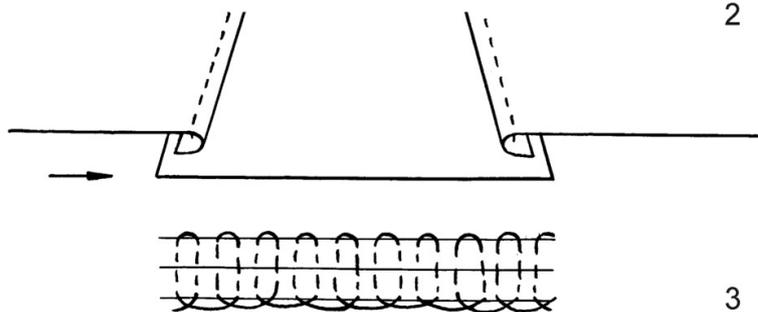
Fig. 9. The breast-side of the apron-dress. Area of the connecting seam between parts I–II–III of detail 6
 1 — right side, 2 — wrong sides; 3 — scheme of connecting seams

1

2

3

Рис. 10. Фрагмент детали, обработанной кантом
1 — лицевая сторона, 2 — изнаночная сторона, 3 — схема пришивания канта

Fig. 10. Fragment of the detail bordered with piping
1 — the right side, 2 — the wrong side; 3 — scheme of trimming of the details with piping

- Иерусалимская*, 1961. — *Иерусалимская А. А.* Ткань с Бахрамом Гуром из могильника Мошевая Балка // *Культура и искусство народов Востока*. Л., 1961 (ТГЭ. Т. 5).
- Толль*, 1924. — *Толль Н. П.* Сасанидские ткани с изображением Бахрама Гура // «*Seminarium*». Praga, 1924. Ч. 3.
- Ханус*, 1991. — *Ханус С.* Как шить? / Пер. с польского яз. М., 1991.
- Яковлева*, 2006. — *Яковлева Е. А.* Камерное погребение X в. из Старо-вознесенского раскопа // *Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы науч. семинара 2005 г. Псков*, 2006.
- Bau*, 1982. — *Bau F.* Seler og slæb i Vikingetid Birka's Kvindedragt i nyt lys // *Kuml København* (1981). Kommission hos Gyldendalske Boghandel; Nordisk Forlag, 1982.
- Geijer*, 1938. — *Geijer A.* Birka III. Die Textilfunde aus den Gräbern. Stockholm, 1938.
- Hägg*, 1974. — *Hägg I.* Kvinnodräkten i Birka. Livplaggens rekonstruktion på grundval av det arkeologiska materialet. (= Die Frauentracht in Birka. Eine Rekonstruktion der Körperkleidungsstücke auf Grund der archäologischen Funde). Uppsala, 1974 (AUN; 2).
- Hald*, 1950. — *Hald M.* Olddanske Tekstilen. København, 1950.

The Results of Investigation of the Textiles from the 2006 Excavations in Pskov

E. S. Zubkova, O. V. Orfinskaya

This publication here presented sheds light on some results of investigations of the remains of textiles from a female chamber burial found in 2006 in the southern section of the Okolnyi Gorod (*Round-about City*) of Pskov (Elena A. Yakovleva in charge of the excavation). The site excavated is dated to the mid-10th century.

During clearing of a soil monolith (0,3 × 0,26 m) under laboratory conditions there were found the remains of the bottom of a birchbark case, 11 details (in some cases fragmentary) of clothes, and two egg-shell fibulae.

On the basis of various analyses it came to be possible to distinguish several types of cloths identified as two groups — textiles from plant fibres and silken cloths, and to reconstruct a female costume consisting of two articles. The first was a blue flax-linen shirt with the collar sewn with fine pleats (fig. 4) and the sleeves and lap decorated with laid-on cuffs (fig. 1) and a sewn-on band (fig. 5) of red silk. The second article, also sewn of blue flaxen linen,

probably corresponded to the Scandinavian apron. Related to that object is detail no. 6 of silken cloth (fig. 2, 1) on which the remains of a loop and traces of sewing-on two other were preserved (fig. 2, 2), as well as fibulae with preserved remains of loops. It was determined that the silken details were cut from silk of three kinds that differ in their quality. On silk of type I, a woven pattern was recognized which copied a subject of some early Sasanian textiles — the scene of hunting of the Persian prince Bahram Gur (fig. 7, 2). For cutting out parts I, III, IV and V of detail no. 6 an entire woven piece at least 46 cm wide was used. The piece had an ornamental element repeated twice (fig. 8). It was possible to define the character of the seams and types of the stitches used to sew together the details and their parts and to trim the edges. Two kinds of connecting seams — plain seam pressed open with an iron and «lap seam» (fig. 9), — and a trimming «piped» seam (fig. 10) have been identified. All of the seams were executed by «needle backwards» stitches.

Мотив птиц в изделиях художественного ремесла XII–XIII вв., найденных на территории Белоруссии

К. А. Лавыш¹

Одним из самых распространенных мотивов в древнерусском прикладном искусстве являются птицы. Они значительно преобладают над изображениями животных. Такое же соотношение характерно и для искусства Византии и Ближнего Востока. Большинство изображений птиц отличается устойчивой иконографией, восходящей к византийским образцам. Видовая принадлежность, как правило, не ясна, — это обобщенный образ птицы. Во многих случаях характерной деталью является двойной хвост, одна часть которого соответствует обычному положению хвоста, а другая — полукругом поднимается вверх и часто завершается растительными завитками. Еще одна распространенная иконографическая особенность — изображение ошейников на шеях птиц, которая происходит из восточного и византийского искусства. Голова птицы часто повернута назад.

Семантику птиц в общих чертах можно определить как охранительную и благопожелательную, в христианской традиции связанную с темой рая и спасения души, а в светском аспекте — с представлениями о семейном благополучии. Хищные птицы связаны с символикой власти, однако в искусстве Руси их изображения встречаются реже, хищные черты часто нивелированы.

Очень популярна антитетическая композиция двух птиц, расположенных по сторонам древа жизни. В большинстве случаев эта композиция украшает колты, причем в очень сходной схеме. С территории Беларуси происходят четыре колта с подобной композицией: три из клада на городище близ д. Вишин Рогачевского р-на Гомельской области (два из них — серебряные позолоченные с перегородчатой эмалью — рис. 1, 1,

третий — серебряный черненный с ажурной каймой — рис. 1, 2), и один — из Минска — рис. 1, 3 (раскопки Э.М. Загорульского (*Загорульский*, 1983. С. 88–89; *Археология Беларуси*, 2000. С. 428,

Рис. 1. 1 — Колты. Серебро, золочение, перегородчатая эмаль. Клад 1979 г. на городище близ д. Вишин (2-я половина XII–1-я треть XIII в.; Минск, Музей исторического факультета Белгосуниверситета); 2 — Колт. Серебро, штамповка, гравировка, чернь. Клад 1979 г. на городище близ д. Вишин (2-я половина XII–1-я треть XIII в.; Минск, Музей исторического факультета Белгосуниверситета); 3 — Колт. Олово, штамповка, гравировка. Минск (2-я половина XII в.; Минск, Национальный художественный музей РБ) 1–3 — Раскопки Э.М. Загорульского

Fig. 1. 1 — Temple pendants (kolty). Silver, gilding, cloisonné enamel. The hoard of 1979 at the settlement-site near v. Vishchin (2nd half of the 12th–1st third of the 13th cent.; Minsk, Museum of the Historical Faculty, Belarussian State University); 2 — Temple pendant. Silver, stamping, engraving, niello. The hoard of 1979 at the settlement-site near v. Vishchin (2nd half of the 12th–1st third of the 13th cent.; Minsk, Museum of the Historical Faculty, Belarussian State University); 3 — Temple pendant. Tin, stamping, engraving. Minsk. (2nd half of the 12th century; Minsk, National Artistic Museum of Republic Belarus) 1–3 — Excavations of E. M. Zagorul'skiy

¹ Беларусь, 220072, Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси. Отдел изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

мал. 122)). Их можно датировать примерно второй половиной XII в. На эмалевых колтах из Вищина птички расположены спиной друг к другу, их головки повернуты к центральному, сильно стилизованному изображению древа жизни, хвост и крылья опущены вниз. На оборотной стороне находится такое же эмалевое изображение.

На колтах из Минска и Вищина с ажурной каймой одна и та же иконографическая схема: по сторонам стилизованного сердцевидного изображения древа жизни в виде трилистника изображены две птички спиной друг к другу, соединенные хвостами и крыльями, их головы обращены друг к другу и древу жизни. Вся композиция отличается связностью и органичностью построения. Эта иконографическая схема имеет очень близкие аналогии в сирийском, иранском и византийском искусстве, причем в разных видах — тканях, рукописях, торевтике, ювелирных изделиях. Такой вариант изображения парных птиц по сторонам древа жизни имеется, например, на византийской чаше XII в., найденной в с. Вильгорт (рис. 2, 1), византийских

браслетах XII в. из клада в Салониках (рис. 2, 3, 4), сирийской золотой серьге VIII в. из Национального музея Кувейта, сирийской ткани XIII в. из Эрмитажа (рис. 3), в инициалах византийской рукописи «Григорий Назианзин» XII в. из монастыря Св. Екатерины на горе Синай (рис. 4, 1–2) (Веймарн, 1974. С. 59, ил. 45; Искусство ислама, 1990. № 16; Даркевич, 1975. С. 32, рис. 33; С. 204, рис. 320; The Monastery of Saint Catherine, 1990. No. 498, 522). Еще Н. П. Кондаков указывал, что мотив парных птиц является отголоском восточной, в первую очередь сирийской, орнаментики, откуда он попал в Малую Азию, а затем через Византию в другие страны (Кондаков, 1896. С. 198).

Антитетическая композиционная схема (с парно-симметричным противостоянием), восходящая к древневосточным прототипам, получила широкое распространение в восточной орнаментике, откуда была заимствована искусством Византии и, далее, Западной и Восточной Европы. Эта композиционная схема, вероятно, являлась изобразительной фиксацией идеи вечности и постоянства космогонического порядка вещей, своего рода космологической формулой.

Рис. 2. 1 — Медальон чаши. Серебро, чеканка, позолота, чернь. Византия. XII в. Найдена в с. Вильгорт (Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж); 2 — Медальон чаши. Серебро, чеканка, позолота. Византия. XII в. Найдена в с. Березово (Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж); 3 — Браслеты из клада в Салониках. Золото. Византия. XII в. (коллекция Е. Стафатос); 4 — Резная пластинка. Византия. X–XI вв. Найдена в Херсонесе (Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж)

Fig. 2. 1 — Bowl medallion. Silver, stamping, gilding, niello. Byzantium. 12th cent. Found at v. Vil'gort (Saint-Petersburg, State Hermitage); 2 — Bowl medallion. Silver, stamping, gilding. Byzantium. 12th cent. Found at v. Berezovo (Saint-Petersburg, State Hermitage); 3 — Bracelets from a hoard from Thessalonica. Gold. Byzantium. 12th cent. (collection of E. Stafatos); 4 — Carved plaque. Byzantium. 10th–11th cent. Found in Chersonesos (Saint-Petersburg, State Hermitage)

Рис. 3. Шелковая ткань. Сирия. XIII в. (Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж)

Fig. 3. Silk cloth. Syria. 13th cent. (Saint-Petersburg, State Hermitage)

Рис. 4. Инициалы. Григорий Назианзин, 16 проповедей. Византия. 1136–1155. Монастырь Св. Екатерины на горе Синай. Кодекс 339

Fig. 4. Initials. Gregory of Nazianzus, 16 orations. Byzantium. 1136–1155. St. Catherine Monastery on Mount Sinai. Codex 339

Симметризм таких композиций исследователи связывают с бинарной логикой древнего мышления, которое упорядочивает и концептуализирует данные элементарно-чувственного процесса. Чувство постоянства, извечного порядка вещей и приводило к появлению представлений о симметрии как знаке, идеограмме вечности.

Одиночные изображения птиц, выгравированные в квадратных сводчатых клеймах на двустворчатых браслетах-обручах из Вищина (рис. 5, 1) и Романова (Горецкий уезд Могилевской губ.) (рис. 5, 2) (вторая половина XII в.) (Загорюльский, 2004. С. 138–139, цв. вкл. рис. 44, 45; Макарова, 1986. С. 79, рис. 36. № 227), имеют подобную стилизацию. При этом на браслете из Вищина они помещены по сторонам от расположенного в центре клейма с кринком. Головы птиц также повернуты назад, к хвосту. Изображения выгравированы техникой мелкого зигзага, поля выбраны резцом и покрыты чернью, остальная поверхность створок украшена зигзагами, придающими ей матовый оттенок. Поскольку изображения птиц очень похожи, Э.М. Загорюльский предполагает, что мастер пользовался специальными

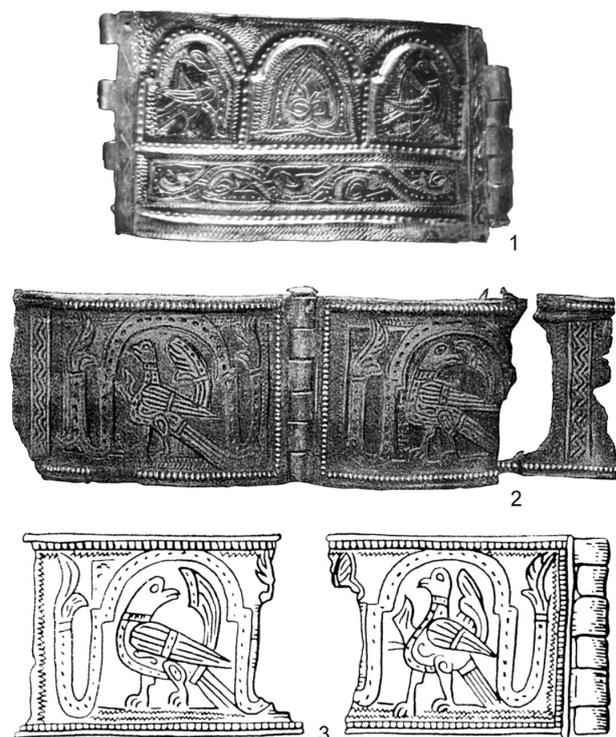

Рис. 5. 1 — Двустворчатый браслет. Серебро, позолота, гравировка, чернь. Клад 1979 г. на городище близ д. Вишин. 2-я половина XII–1-я треть XIII в. (Минск, Музей исторического факультета Белгосуниверситета); 2–3 — Двустворчатый браслет. Серебро, позолота, гравировка, чернь. Клад 1892–1893 гг. городище близ с. Романово. XII в. (Москва, Гос. Исторический музей)

Fig. 5. 1 — Folding bracelet. Silver, gilding, engraving, niello. The hoard of 1979 at the settlement-site near v. Vishchin. 2nd half of the 12th–1st third of the 13th cent. (Minsk, Museum of the Historical Faculty, Belarussian State University). Excavations of E. M. Zagorul'skiy; 2–3 — Folding bracelet. Silver, gilding, engraving, niello. The hoard of 1892–1893 at the settlement-site near v. Romanovo. 12th century (Moscow, State Historical Museum)

трафаретами для нанесения контура рисунка, который затем дорабатывался резцом (Загорюльский, 2004. С. 139). На браслете из Романова птицы изображены в разных позах, но в обоих случаях это один и тот же тип и одна и та же иконографическая черта — двойной хвост. Голова у одной из птиц смотрит вперед, у другой повернута назад. Оба браслета изготовлены из серебра и позолочены, изображения выполнены тщательно и профессионально. Серебряный браслет с изображением птиц найден также возле Кричева (Дучыц, 1995. С. 36).

Створчатые браслеты и колты с перегородчатой эмалью являются предметами южнорусского происхождения, известны близкие аналогии из Киева и Старой Рязани (Макарова, 1975. С. 27, табл. 3, 1, 3; Корзухина, 1954. С. 56, табл. XL; Макарова, 1986. С. 70, № 210, 216). Вероятно, такие вещи изготавливались на заказ ювелирами киевских мастерских. Колты с ажурной каймой

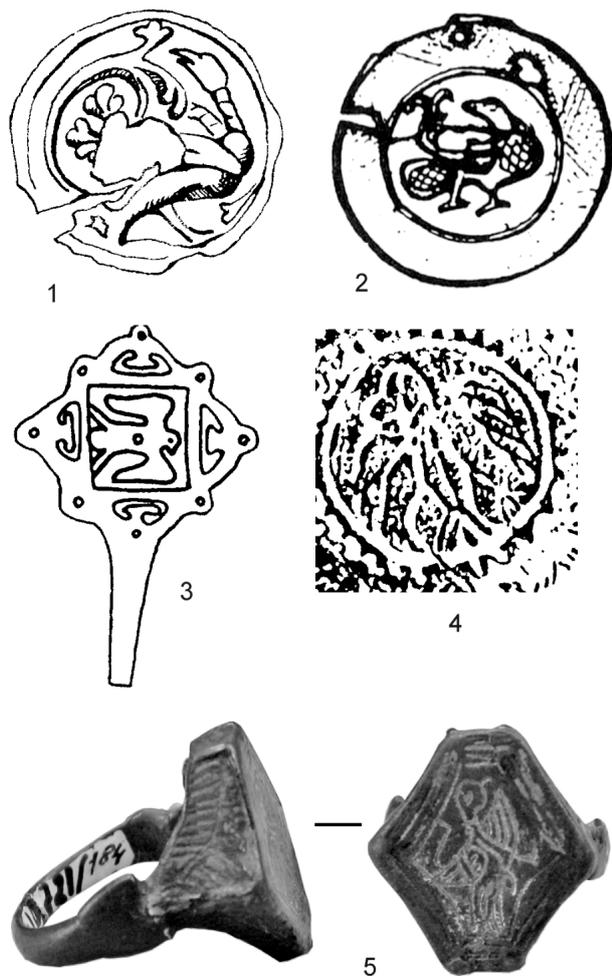

Рис. 6. 1 — Подвеска. Бронза, литье, гравировка. Полоцк. Середина XIII в. (Минск, Национальный музей истории и культуры РБ); 2 — Монетовидная подвеска. Литье, гравировка. Витебск. 1-я половина XII в. (Витебск, Витебский областной краеведческий музей); 3 — Булавка. Медь, литье, позолота, выемчатая эмаль. Городище близ д. Вишин. 2-я половина XII–1-я половина XIII в. (Минск, Музей исторического факультета Белгосуниверситета); 4 — Каменная литейная формочка для отливки щитков перстней. Гродно. XI–XIII вв.; 5 — Перстень. Биллон, литье, позолота, гравировка. Полоцк. XIII в.

Fig. 6. 1 — Pendant. Bronze, casting, engraving. Polotsk. Mid — 13th cent. (Minsk, National Museum of History and Culture of Republic Belarus); 2 — Coin-shaped pendant. Casting, engraving. Vitebsk. 1st half of the 12th cent. (Vitebsk, Vitebsk Oblast Museum of Regional Studies); 3 — Pin. Copper, casting, gilding, Champlevé enamel. The settlement-site near v. Vishchin. 2nd half of the 12th–1st half of the 13th cent. (Minsk, Museum of the Historical Faculty, Belarussian State University); 4 — Stone mould for casting bezels of finger-rings. Grodno. 11th–13th cent.; 5 — Finger-ring. Billon, casting, gilding, engraving. Polotsk. 13th cent.

из Минска и Вишина, скорее всего, — местные изделия. В Вишине были обнаружены многочисленные ювелирные инструменты, в том числе медные матрицы для изготовления вставок для колтов, две из них — с изображением фантастического существа наподобие грифона. На подобных матрицах были изготовлены пластины указанных выше колтов с изображением парных птиц и с ажурной каймой.

Мотив птиц часто встречается и на более простых изделиях. Из Полоцка происходит бронзовая подвеска с изображением птицы очень выразительной иконографической схемы (середина XIII в.) (раскопки Г.В. Штыхова). Это изображение ввиду плохой сохранности вещи исследователь определил как ящероподобное животное (*Штыхов, 1975. С. 69, рис. 34, 13*). Однако здесь изображена вписанная в круглую форму подвески птица с выраженными хищными чертами и изящной шейкой (рис. 6, 1). Голова ее обращена назад к высоко поднятому полукругом процветшему хвосту. Г.В. Штыхов считает, что эта подвеска — брак отливки: центральная часть рабочей полости формы не заполнилась металлом, вследствие чего изделие оказалось испорченным. Из этого можно сделать вывод, что такие подвески могли отливаться местными ювелирами. Аналогичное изображение помещено на монетовидной подвеске из Витебска (первая половина–середина XII в.) (раскопки Т.С. Бубенько (*Бубенько, 1996. С. 116, мал. 1, 17*)), где показана птица с двойным фантастическим хвостом, нижняя его часть опущена вниз, а верхняя, как и на подвеске из Полоцка, поднимается полукругом вверх, голова птички также обращена назад к процветшему хвосту (рис. 6, 2). Подобная схема изображения птицы, вписанной в круг, с повернутой назад головой к поднятому хвосту часто встречается в византийском искусстве (рис. 2, 2, 5) (*Даркевич, 1975. С. 97, рис. 151*).

Очень выразительны изображения хищных птиц на серебряных (?) ажурных квадратных бляшках-нашивках на одежду или головной убор из Друцка (вторая половина XII–XIII в.) (раскопки О.Н. Левко (*Ляўко, 2000. С. 95, 99*)). Они вписаны в квадратную форму бляшек, левое крыло опущено, правое серповидно поднято (рис. 7). Эти бляшки были найдены в погребении на территории, где, по мнению О.Н. Левко, располагалась княжеская резиденция, и, исходя из материала и декора этих изделий, они могли быть украшениями княжеской одежды или головного убора. О.Н. Левко определила изображения на этих бляшках как грифонов, хотя здесь нет никаких черт животного, это хищные птицы с загнутым клювом, тонкой шеей, раскрытыми крыльями, опущенным вниз хвостом, лапы массивные, но птичьи, а не звериные.

На quadrilobed головке булавки, найденной в Вишине, изображена птица, похожая на орла, с повернутой влево головой

и распростертыми крыльями (рис. 6, 3). Булавка из красной меди отлита в открытой форме, покрыта позолотой и украшена желтой выемчатой эмалью. Пластина головки украшена рельефным орнаментом в виде волот и шариков на лопастьях (Загорульский, 2004. С. 100, рис. 55, 1). Схожий мотив имеется на литейной формочке для отливки щитков перстней-печатей, найденной в Гродно (XI–XIII вв.) (рис. 6, 4 — раскопки Н. Н. Воронина (Воронин, 1954. С. 43–44)). Прямые аналогии этому мотиву имеются в восточном и византийском искусстве, такой его иконографический вариант был широко распространен и в средневековом искусстве Западной Европы. В качестве примера можно указать на византийскую шелковую ткань конца X в. из церкви Св. Евсевия в Оксерре (Франция) и инициалы византийской рукописи «Григорий Назианзин» XII в. из монастыря Св. Екатерины на горе Синай (рис. 4, 3–4) (The Glory of Byzantium, 1997. С. 225; The Monastery of Saint Catherine, 1990. No. 492, 572).

На биллоновом позолоченном перстне-печати тонкой ювелирной работы из Полоцка на шестиугольном щитке выгравирована птица с распростертыми крыльями (рис. 6, 5) (раскопки Г. В. Штыхова (Штыхов, 1975. С. 69–70, рис. 34, 23)). Перстень найден в слое 30-х гг. XIII в. Как отмечает В. Г. Пуцко, такие находки связаны в основном с Киевом и Поднепровьем, аналогичные перстни были найдены в Новгороде, Старой Рязани, известны они также и на Балканах, где встречаются среди инвентаря сербских погребений XII в. (Пуцко, 1996. С. 68).

Как видим, мотив птиц очень популярен среди мастеров и заказчиков Западной Руси. Он украшал как дорогие вещи женского ювелирного убора (колты, створчатые браслеты, перстни), так и более простые изделия, связанные с городской средой (различные подвески). В большинстве случаев изображения птиц отличаются определенными иконографическими и стилистическими признаками, восходящими к византийским образцам.

Археалогія Беларусі, 2000. — Археалогія Беларусі: У 4 т. / Нац. Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск, 1998–2001. Т. 3: Сярэднявеквы перыяд (IX–XIII стст.). 2000.

Банк, 1978. — Банк А. В. Прикладное искусство Византии IX–XIII вв. М., 1978.

Бубенька, 1996. — Бубенька Т. Ювелірыя ўпрыгожанні Віцебска X–IV стст. (па магэрыялах даследвання Ніжняга замка) // 3 глыбі выяў: Гіст.-культурал. зб. / Навук. рэд. А. К. Краўцэвіч. Мінск, 1996. Ч. 1.

Веймарн, 1974. — Веймарн Б. В. Искусство арабских стран и Ирана VII–VIII вв. М., 1974.

Воронин, 1954. — Воронин Н. Древнее Гродно. М., 1954 (МИА. № 41).

Рис. 7. Бляшки на одежду или головной убор. Серебро (?), литье, гравировка. Друцк. 2-я половина XII–XIII в. (Толочин, Толочинский районный краеведческий музей)

Fig. 7. Plaques for clothes or head-dress. Silver (?), casting, engraving. Drutsk. 2nd half of the 12th–13th cent. (Tolochin, Tolochin Museum of Regional Studies)

Даркевич, 1975. — Даркевич В. П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII вв. М., 1975.

Дучыц, 1995. — Дучыц Л. У. Касцюм жыхароў Беларусі X–XIII стст. Мінск, 1995.

Загорульский, 1983. — Загорульский Э. М. Исследования Вицинского замка // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева (1–3 декабря 1981 г.). Минск, 1983.

Загорульский, 2004. — Загорульский Э. М. Вицинский замок XII–XIII вв. Минск, 2004.

Искусство ислама, 1990. — Искусство ислама: Кат. выставки / Науч. ред. А. А. Иванов. Л., 1990.

Кондаков, 1896. — Кондаков Н. П. Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1896.

Корзухина, 1954. — Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.

Ляўко, 2000. — Ляўко В. М. Новыя археалагічныя даследванні Друцка і яго акругі // Друцк старажытны. Мінск, 2000.

Макарова, 1975. — Макарова Т. И. Перегородчатые эмали древней Руси. М., 1975.

Макарова, 1986. — Макарова Т. И. Черное дело древней Руси. М., 1986.

Пуцко, 1996. — Пуцко В. Полацк у гісторыі старажытнарускай дзяржавы // Мастацтва. Мінск, 1996. № 6.

Штыхов, 1975. — Штыхов Г. В. Древний Полоцк. Минск, 1975.

The Glory of Byzantium, 1997. — The Glory of Byzantium. Art and culture of the middle Byzantine Era A.D. 843–1263 / C. Evans, W. D. Wixom (eds.). New York, 1997.

The Monastery of Saint Catherine, 1990. — The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai. The illuminated Greek manuscripts. Princeton; New Jersey, 1990. Vol. 1: From the ninth to the twelfth century.

The Bird Motif on Ornamental Articles of the 12th–13th Centuries from Belarus

K.A. Lavysh

The motif of birds was very popular among craftsmen and *customers* of the Western region of Old Rus. It decorated expensive articles of female jewellery (temple pendants, folding bracelets, rings) as well as more ordinary articles connected with the urban environment (various pendants). In most cases images of birds are distinguished by certain iconographic and stylistic features, which originate from Byzantine samples. The antithetic composition of two birds on the sides of the Tree of life is very popular. In most cases this composition decorates temple pendants (finds from Vischin, Minsk)

in a very similar scheme. This iconographic scheme has very close analogies in many Syrian, Iranian and Byzantine art forms — textiles, manuscripts, artistic metal, jewellery. Single images of birds have similar *stylization* (finds from Polotsk, Vitebsk, Drutsk, Vischin). In many cases a characteristic feature is a double representation of the tail, the first of which corresponds to the usual position of a tail and the other goes up semicircularly and often ends with tendrils. The head of a bird is often turned backwards. Such iconographic peculiarities are also typical for Byzantine examples.

Актуальные проблемы археологии

К ВОПРОСУ О НАПРАВЛЕННОСТИ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОЙ АФРИКИ)¹

Л. Б. Вишняцкий²

Введение. Не вызывает сомнения, что на протяжении среднего палеолита культура не оставалась неизменной. Во всех регионах, где имеется достаточно большое количество памятников этой эпохи, относящихся к разным хронологическим периодам, наблюдается чередование во времени различающихся в технико-типологическом отношении индустрий. Возникает вопрос: как соотносятся и соотносятся ли вообще эти изменения с теми, которые имели место при переходе от среднего палеолита к верхнему? Можно ли в диахронной динамике среднепалеолитических комплексов видеть постепенное движение к этому переходу, его подготовку, или же она имеет иное направление, а развитие культуры в верхнем палеолите представляет собой не продолжение ранее намечившейся линии, а скорее крутой поворот, перелом прежней тенденции? Правы ли те, кто рассматривает становление верхнепалеолитической культуры как революцию, перерыв постепенности развития, или же никакой революции на самом деле не было, а было длительное постепенное вызревание и накопление новых культурных элементов?

С одной стороны, хорошо известно, что практически все черты, определяющие своеобразие верхнепалеолитической эпохи по сравнению с предшествующим периодом, хоть и не очень часто и, как правило, в несколько незаконченной форме, но все же встречаются в среднем, а иногда и в нижнем палеолите. С другой стороны, однако, без специального исследования крайне трудно сказать, появляются ли такие черты в среднепалеолитических индустриях со временем все

чаще и чаще, или же никакого «поступательного» движения здесь нет, и ни о какой эволюции в направлении верхнего палеолита говорить не приходится. Решить этот вопрос можно только путем сопоставления между собой индустрий, существовавших на разных хронологических этапах среднего палеолита, на предмет содержания в них верхнепалеолитических элементов. Разумеется, сравнения следует проводить в пределах отдельных регионов, причем это должны быть такие регионы, где среднепалеолитические индустрии образуют сколь можно более полную последовательность, охватывающую всю рассматриваемую эпоху или, по крайней мере, значительную ее часть. Идеальным «полигоном» в этом плане является Южная Африка, где на ограниченной территории сосредоточено большое количество представительных и относительно надежно датированных памятников среднего палеолита, давших комплексы начала, середины и конца этой эпохи.

Согласно весьма популярной сейчас точке зрения, в Африке, в отличие от Евразии, большинство перемен в культуре, традиционно связываемых с «верхнепалеолитической революцией», совершилось еще в среднем палеолите. В статье с красноречивым заголовком «Революция, которой не было» С. Макбрерти и А. Брукс приводят множество фактов, свидетельствующих об очень раннем появлении на юге и востоке Африканского континента технологий получения пластин, изготовления составных орудий, формальных костяных орудий,³ вещественных символов

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 08-06-00213-а).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры. Отдел палеолита.
© Л. Б. Вишняцкий, 2010

³ Под формальными костяными орудиями здесь и далее подразумеваются изделия из кости, рога или бивня, изготовленные не оббивкой (как делали еще в нижнем палеолите), а посредством шлифовки, резания, строгания, сверления.

и т. д., и представляют дело таким образом, будто, раз возникнув, эти и иные культурные новшества прочно укоренились в поведенческом репертуаре человека, и их развитие было непрерывным (McBrearty, Brooks, 2000. Fig. 13). Считается, что в то время как по материалам среднего палеолита Евразии трудно проследить какие бы то ни было направленные изменения (см., например: Kuhn, Hovers, 2006; Shea, 2006), африканские индустрии являют картину постепенного накопления различных инноваций, связанных с формированием «современного культурного поведения», причем утверждается, что это накопление началось еще с конца ашеля и продолжалось непрерывно «на протяжении следующих 250 000 лет» (McBrearty, Tryon, 2006. P. 270). Однако если сам по себе факт необычайно раннего появления в среднем палеолите Африки ряда важных новшеств в технологиях обработки камня и кости и в других сферах культуры не вызывает сомнений, то вопрос о том, действительно ли их развитие носило непрерывный поступательный характер, остается пока открытым. Его рассмотрению и посвящена эта статья.

Хронология и периодизация среднего палеолита Южной Африки. На юге Африки местный средний палеолит, или, как его здесь чаще называют, средний каменный век (далее MSA), сменяет нижний палеолит или ранний каменный век (далее ESA) примерно 250 тысяч лет назад. ОСЛ даты для песков, подстилающих и перекрывающих верхний ашельский слой памятника Дюйнефонтейн 2, говорят о том, что он не древнее 290 и не моложе 270 тысяч лет назад (Cruz-Uribe et al., 2003). Фауна ашельских памятников региона также указывает на то, что ни один из них не может датироваться временем моложе 250 тысяч лет назад (Klein, 2000. P. 109). Возраст самых поздних комплексов индустрии форсмита, занимающей, как считается, промежуточное положение между ранним и средним каменным веком Южной Африки, составляет, судя по трем почти идентичным ТУ датам из пещеры Вандерверк, примерно 250–300 тысяч лет (Beaumont, Vogel, 2006. P. 220, Table 2). Древнейшая дата для MSA региона происходит с местонахождения Флорисбад, где, судя по единственному ЭПР определению, соответствующие материалы появляются 279±47 тысяч лет назад (Kuman et al., 1999). В пещере Бордер ЭПР даты для древнейших слоев MSA указывают на возраст свыше 200 тысяч лет (Grün, Beaumont, 2001), в пещере 13 В на южном побережье Мыса Доброй

Надежды древнейшие слои MSA имеют даты порядка 180 тысяч лет, а в пещере Вандерверк их возраст, согласно результатам ТУ датирования, составляет 150–200 тысяч лет (Beaumont, Vogel, 2006. P. 220, Table 2).

Главным признаком начала новой археологической эпохи является исчезновение рубил, кливеров и вообще крупных бифасов. Они еще довольно часто встречаются в форсмите, сочетаясь там с леваллуазскими нуклеусами, пластинами и даже крупными сегментами (рис. 1), и в полной мере свойственны для санго, тоже занимающего, по-видимому, промежуточное положение между ESA и MSA, но в индустриях собственно среднего каменного века Южной Африки практически неизвестны. Кроме того, для MSA характерны подготовленные нуклеусы и, соответственно, серийные сколы, но этот критерий не столь абсолютен, как предыдущий, поскольку, во-первых, картина сильно варьирует от памятника к памятнику, а во-вторых, такие нуклеусы и сколы встречаются и в конце ашеля, и, как уже было сказано, в форсмите.

Хотя памятников, относящихся к началу среднего каменного века, в регионе известно пока не так много, и изучены они гораздо хуже, чем памятники середины и конца этой эпохи, имеющиеся данные позволяют говорить о том, что южноафриканские индустрии MSA прошли в своем развитии через ряд сходных стадий, которые сейчас рисуются следующим образом. Для самых ранних комплексов (стадия MSA 1) характерно пластинчатое расщепление, ориентированное на местное сырье (в основном кварцит), и преобладание среди заготовок пластин и удлиненных острий при очень небольшом, как правило, количестве изделий со вторичной обработкой. На следующей стадии (MSA 2) острия становятся более многочисленными, чем пластины, а пропорции тех и других несколько укорачиваются. Ретушированных изделий по-прежнему мало. Затем в регионе распространяются индустрии, широко использующие импортное сырье (различные мелкозернистые породы) и отличающиеся наличием иногда большего, иногда меньшего количества стандартизированных орудий, специально подготовленных для крепления. Сначала это бифасиальные наконечники с утончением основания (стадия стилбей), а затем к ним добавляются крупные сегменты и другие геометрические формы с притупленным отвесной ретушью краем (стадия ховисонс порт). Им на смену вновь приходят типологически невыразительные

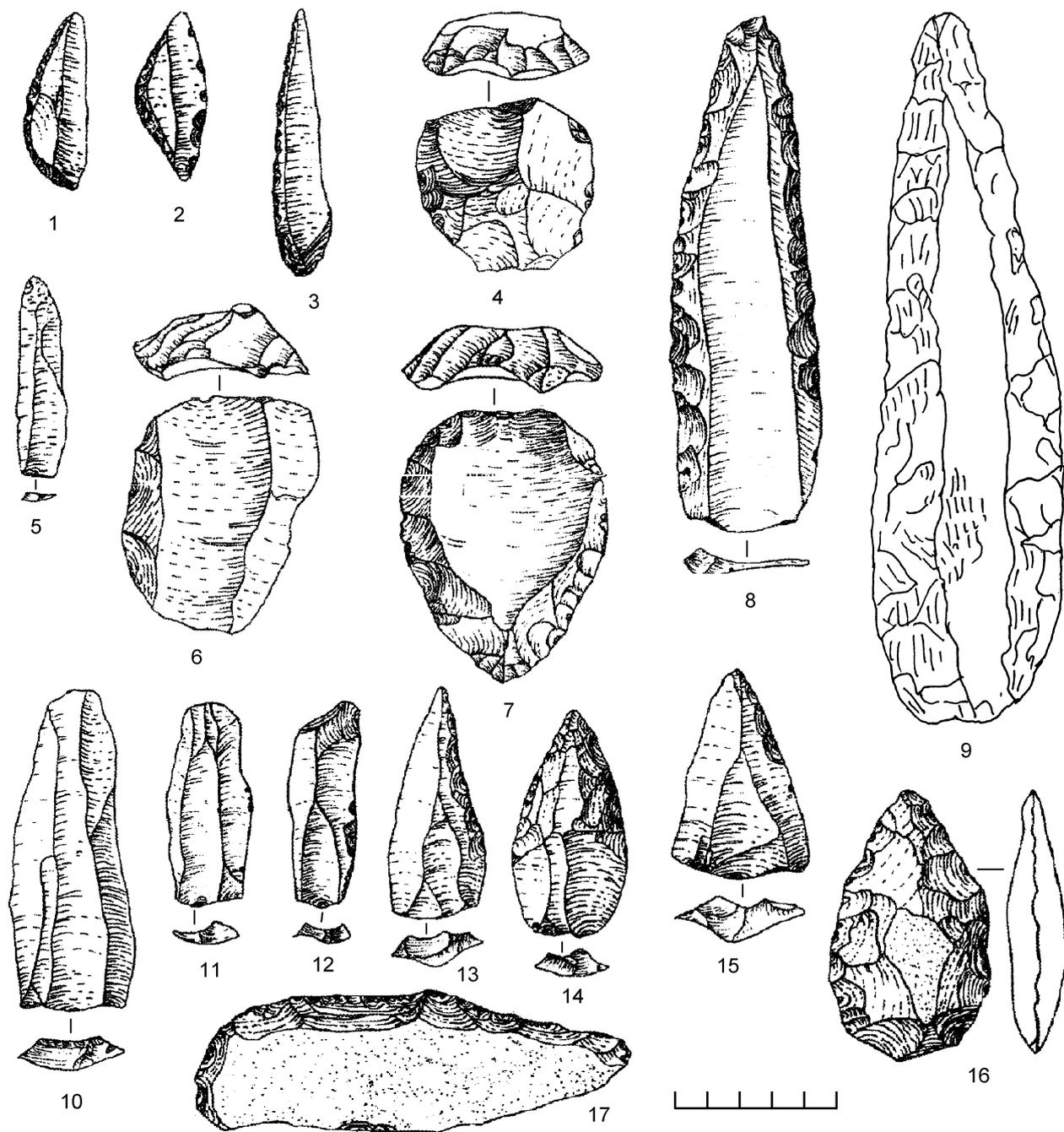

Рис. 1. Форсмит

1, 2 — сегменты; 3 — острие с притупленным краем; 5, 10–12 — пластины; 4, 6, 7 — нуклеусы; 8, 9 — удлиненные остроконечники — острия типа хагенштад; 13, 15 — леваллуазские острия с ретушью; 14 — остроконечник; 16 — рубило; 17 — скребло

1–6, 10, 13–17 — Кату Пан; 7, 8, 11, 12 — Ройдам; 9 — Флорисбад (Beaumont, Vogel, 2006)

Fig. 1. Fauresmith

1, 2 — Segments; 3 — backed tool; 5, 10–12 — blades, 4, 6, 7 — cores; 8, 9 — elongated points of the Hagenstad type; 13, 15 — retouched Levallois points; 14 — Mousterian point; 16 — handaxe; 17 — side-scraper

1–6, 10, 13–17 — Kathu Pan; 7, 8, 11, 12 — Rooidam; 9 — Florisbad

в большинстве своем комплексы с непластинчатой технологией (стадия MSA 3), которые продолжают существовать вплоть до начала южноафриканского позднего каменного века (далее LSA), хронологически отчасти сопоставимого с евразийским верхним палеолитом.

Описанная последовательность неизменно прослеживается там, где есть мощные толщи позднеплейстоценовых напластований с культурными остатками. Конечно, далеко не везде представлены все перечисленные стадии, но в то же время не описано пока и ни одного случая, когда бы культурная стратиграфия конкретного археологического памятника находилась в противоречии со схемой MSA 1 > MSA 2 > ховисонс порт > MSA 3. Впервые такая периодизация была построена Сингером и Уаймером на материалах многослойных пещерных стоянок в устье р. Класиес (*Singer, Wymer, 1982*). С тех пор она получила широкое признание и в целом, несмотря на некоторые уточнения и попытки заменить одни названия другими, выдержала проверку временем (табл. 1). Стадии, выделенные в Класиес, оказа-

поскольку, за исключением комплексов ховисонс порт, в них нет четких технологических и типологических маркеров» (*Thackeray, 2000. P. 149*), признают факт общей направленности изменений в MSA и пользуются периодизацией, введенной Сингером и Уаймером.

За последние несколько лет с помощью разных методов было получено множество абсолютных датировок, позволяющих более или менее уверенно определить хронологические рамки основных стадий MSA. Особенно важны результаты датирования образцов из отложений пещеры Бордер, где представлена не только наиболее продолжительная последовательность слоев MSA, но и слои, соответствующие, как считается, времени начала перехода к LSA (табл. 2).

Кроме того, несколько серий дат было получено разными методами для многослойной последовательности комплексов MSA из пещер в устье р. Класиес, а еще для ряда памятников имеются определения возраста отдельных слоев, сделанные одним или двумя методами (табл. 3).

Таблица 1. Основные стадии MSA и их примерная древность

Table 1. MSA main stages and their provisional chronology

<i>Singer, Wymer, 1982</i>	<i>Volman, 1984</i>	<i>Wurz, 2002</i>	Хронология
MSA 3–4	Пост-Ховисонс	Пост-Ховисонс	25/30–60/70
Ховисонс Порт	Ховисонс Порт	Ховисонс Порт Стилбей	55/60–80/85
MSA 2	MSA 2b	Моссел Бэй	>80
MSA 1	MSA 2a	Класиес	

Таблица 2. Хронология MSA в пещере Бордер

Table 2. MSA chronology at Border Cave

Стадия	ЭПР (<i>Grün, Beaumont, 2001</i>)	РУ (<i>Beaumont et al., 1978</i>)	РУ (<i>Bird et al., 2003</i>)	ТЛ (<i>Bird et al., 2003</i>)	АКР (<i>Miller et al., 1999</i>)
MSA/LSA	36±1	33–39(5),* 45±2(1)	38±1 (1)		
MSA 3	40–65	Сл. 2BS.UP: 45–50 (2), >49 (2)	Сл. 2BS.UP 40–49 (4) Сл. 2BS.LR 47–61 (8) Сл. 2WA 52–61 (5)	2BS.LR 57±7	42–76
Х. Порт	60–80	> 48 (2)			56–80
MSA 1	80–230				>100

* В скобках указано количество дат. Для переходных (MSA/LSA) слоев Бордер всего имеется более двух десятков РУ определений, и почти все они дают возраст от 33 до 40 тысяч лет назад.

лись вполне пригодными для культурно-хронологического упорядочивания комплексов других многослойных памятников, известных в регионе (пещеры Бордер, Бумплаас, Роуз Коттедж, Аполло 11, Сехонгхонг, Умхлатузана и др.). Даже те южноафриканские исследователи, которые считают, что «однозначное отнесение конкретных коллекций к той или иной стадии обычно невозможно,

Оценка направленности культурных изменений. Как видно из данных, приведенных в предыдущем разделе, и стратиграфия многослойных памятников, и имеющиеся абсолютные даты свидетельствуют о том, что в Южной Африке индустрии, характеризующиеся такими чертами, как преобладание пластин среди заготовок и наличие среди орудий изделий с подготовкой для

Таблица 3. Хронология MSA Южной Африки**Table 3.** South African MSA chronology

	Класиес					Флорисбад ЭПР	Бумплаас			Бломбос ОСЛ, ТЛ, ЭПР	Дьепклоф		Роуз Коттедж	
	ОСЛ, ТЛ	ЭПР	АКР	ТУ	РУ		АКР	ТУ	РУ		РУ	ОСЛ, ТЛ	ОСЛ, ТЛ	
													ОСЛ	ТЛ
MSA 3	50				>45		40–48	33–38	32–38		>55		30–60	37–60
Х. Порт	50–65	40–60		65	>50		60–70	58–66	>49		≥40	55–75	55–70	52–65
Стилбей										70–85				
MSA 2	70–85	60–93	90	77–101		115–180							60–90	
MSA 1	110		90–110	>108		279±47							60–90	

крепления, существовали на ранних и средних стадиях местного среднего палеолита. В конце же этой эпохи их сменили комплексы, практически лишенные каких бы то ни было верхнепалеолитических элементов как в технологии, так и в типологии. Вопреки возможным ожиданиям, материалы стадии MSA 3 выглядят архаичней, чем гораздо более древние материалы стадии MSA 1, не говоря уже о ховисонс порте.

Чтобы проверить и конкретизировать общие наблюдения, была предпринята попытка применить к южноафриканским индустриям метод

принимаются только такие параметры индустрий, которые можно более или менее уверенно оценить на материале любого сколько-нибудь представительного памятника. В идеале средний и верхний палеолит различаются по технологии первичного расщепления, технике скола, характеру заготовок, типологическому составу орудийного набора, технологии изготовления составных орудий, технологии обработки кости, количеству и степени выразительности свидетельств символизма (табл. 4). Другие различия, включаемые порой в перечень черт, разделяющих средний и вер-

Таблица 4. Основные различия между индустриями среднего и верхнего палеолита**Table 4.** Main differences between the Middle and Upper Paleolithic industries

Параметр	Идеальный средний палеолит	Идеальный верхний палеолит
Заготовки	Отщепы	Пластины
Нуклеусы	Плоские	Объемные
Техника скола	Некраевая	Краевая
Орудия	Остроконечники, скребла, зубчато-выемчатые и др.	Скребки, резцы, долотовидные и др.
Каменные орудия с подготовкой к креплению	Нет или редки	Обычны
Формальные костяные орудия	Нет	Обычны
Свидетельства символизма	Нет	Обычны

«эволюционного ранжирования», подробно описанный в другой работе (Вишняцкий, 2004). Суть его состоит в получении количественной оценки степени «продвинутой» среднепалеолитических и ранних верхнепалеолитических комплексов, или, иначе говоря, индекса соотношения в них среднепалеолитических и верхнепалеолитических черт — индекса СП–ВП. Этот показатель позволяет определить, какое место та или иная индустрия занимает в последовательности промежуточных состояний, располагающихся между двумя крайними полюсами — идеальным средним палеолитом и идеальным верхним палеолитом.

Каждый из двух названных полюсов характеризуется идеальным набором неперекрывающихся состояний признаков. При этом в расчет

хний палеолит (изменение структуры поселений, методов и стратегий жизнеобеспечения и т. д.), гораздо менее четко представлены в археологическом материале, так что не только их степень, но и само существование пока под вопросом.

Расчет индекса СП–ВП для каждой индустрии производится по 11 параметрам: 1) отщепы; 2) плоскостное расщепление; 3) некраевое скалывание; 4) среднепалеолитические типы орудий; 5) пластины; 6) объемное расщепление; 7) краевое скалывание; 8) верхнепалеолитические типы орудий; 9) подготовка камня к креплению; 10) формальные костяные орудия; 11) символизм. В зависимости от степени выраженности каждого из этих признаков его состояние оценивается как 0; 0,5 или 1. Для признаков 1–8 оценка 0 означает, что данная черта в индустрии отсутствует

или встречается крайне редко, 0,5 — обычна, 1 — типична. Черта считается редкой или отсутствующей, если ее индекс менее 10%, обычной — когда он составляет от 10 до 30% и типичной при индексе свыше 30%. Для признаков 9–11 индексы не выводятся. Здесь 0 соответствует полному отсутствию данной черты в комплексе, 0,5 означает, что она встречается, а 1 — обычна. Все значения, полученные для признаков 1–4, берутся со знаком минус, а для признаков 5–11 — со знаком плюс. Таким образом, идеальная среднепалеолитическая индустрия будет иметь итоговую оценку –4, а верхнепалеолитическая +7 (табл. 5).

Таблица 5. Индексы СП–ВП для идеального среднего и идеального верхнего палеолита

Table 5. MP/UP indices for the ideal Middle and Upper Paleolithic

Индустрия	СП черты (-)				ВП черты (+)							Индекс СП/ВП	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11		
Идеальный верхний палеолит	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	7
Идеальный средний палеолит	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	-4

К сожалению, в подавляющем большинстве случаев публикации, посвященные южноафриканским памятникам каменного века, не содержат подробного описания археологических материалов, а многие важные для характеристики индустрий параметры вообще остаются обойденными вниманием их исследователей. В то время как почти в любой работе можно найти самые детальные сведения об использовавшемся сырье, такие признаки, как характер заготовок и виды ударных площадок, если и характеризуются, то очень бегло и, как правило, без приведения необходимых количественных данных. Орудия и нуклеусы тоже зачастую описываются более чем суммарно, а используемая при этом терминология бывает настолько своеобразна, что понять, о чем идет речь, сложно даже читателю, обычно не испытывающему лингвистических трудностей. Лишь в последние годы появился ряд публикаций, где описание коллекций среднего палеолита Южной Африки приближено к общепринятым нормам. Особенно повезло в этом

Таблица 6. Индексы СП–ВП для индустрий ранних стадий MSA

Table 6. MP/UP indices for the early (pre-HP) MSA industries of South Africa

Комплекс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
MSA1, Класиес	0,5	1	1	?	1	0,5	0–0,5	0	0	0	0	-2/-0,5	Wurz, 2002; Wurz et al., 2003
MSA2, Класиес	1	1	1	?	0,5	0	0	0	0	0	0	-3,5/-2,5	Thackeray, Kelly, 1988; Wurz, 2002

отношении материалов пещеры Роуз Коттедж, анализ которых, данный в работе С. Сориано с соавторами (Soriano et al., 2007), позволяет

существенным образом расширить и уточнить существующие представления об особенностях каменных индустрий поздней и, особенно, средней (ховисонс порт) стадий MSA.

Что касается ранних стадий, предшествующих ховисонс порту, то сколько-нибудь подробная информация имеется только по слоям MSA 1 и 2 в пещерах Класиес. Правда, авторы, в работах которых эта информация содержится (Thackeray, Kelly, 1988; Wurz, 2002, Wurz et al., 2003), приводят далеко не все необходимые количественные данные, и все же имеющиеся описания позволяют заполнить большинство позиций

в таблице достаточно уверенно (табл. 6). Особо следует отметить, что в MSA 1, наряду с плоскими нуклеусами (рис. 2, 5–7), составляющими большинство, встречаются и полуповоротные пирамидальной формы (рис. 2, 8), причем и те, и другие служили преимущественно для получения пластинчатых сколов (рис. 2, 1–4). С. Вюрц не приводит данных о количестве точечных и линейных площадок у сколов, но зато сообщает, что в 30% случаев на них наблюдаются следы давяще-сминающего (*crushing*) или абразивного удаления карниза (Wurz, 2002. P. 1005). Однако, учитывая, что более половины площадок фасетированы, а их средняя толщина составляет 6,8 мм у пластин и 8,6 мм у остриев, скалывание, видимо, следует все же считать полностью или, по крайней мере, преимущественно некраевым. В MSA 2 нуклеусов объемного расщепления нет, следов удаления карниза тоже нет, а площадки сколов еще толще (10–11 мм). Изделий со вторичной обработкой в обеих индустриях мало и среди них нет специфических типов.

Индустрия следующей стадии среднего каменного века Южной Африки, получившая по имени эпонимного памятника название

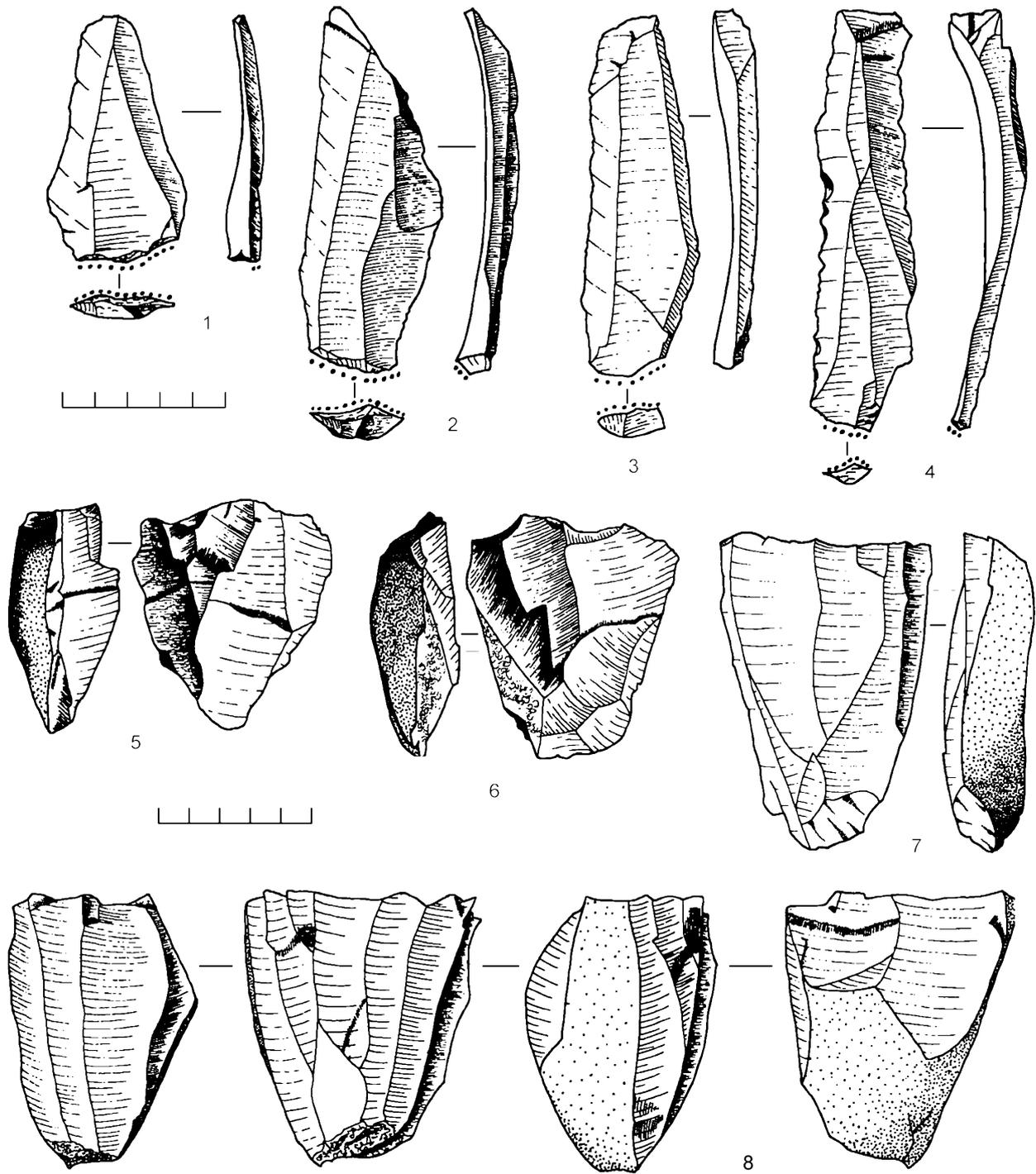

Рис. 2. Стадия MSA 1 из Класиес
 1-4 — сколы; 5-8 — нуклеусы (Wurz, 2002)

Fig. 2. MSA 1
 1-4 — flakes; 5-8 — cores from Klasies River Mouth

ховисонс порт и отличающаяся, прежде всего, широким использованием импортного сырья сравнительно высокого качества и наличием большого количества орудий геометрических форм (сегментов, трапеций), долгое время считалась переходной между MSA и LSA. Однако на рубеже 70-х и 80-х гг. прошлого века выяснилось, что это не так и что на самом деле на смену ховисонс порту вновь приходят обычные для MSA комплексы. В последнее десятилетие этот факт, установленный первоначально на основании стратиграфических наблюдений (пещеры Класиес, Бордер, Нельсон Бэй, Аполло 11 и др.), был подтвержден и результатами абсолютного датирования (см. табл. 2 и 3). На отдельных памятниках (пещеры Бордер, Дьепклоф, Нельсон Бэй, Пирса и др.) слоям с геометрическими орудиями предшествуют слои с бифасиальными лавроволистными наконечниками, имеющими, как правило, слегка приостренное основание и максимальную ширину на участке между нижней третью и серединой изделия (рис. 3). Комплексы

с такими наконечниками принято относить к индустрии стилбей, которая особенно хорошо исследована в пещере Бломбос, где она надежно датирована интервалом от 70 до 85 тысяч лет назад (*Henshilwood, 2004; d'Errico et al., 2005*). Памятники ховисонс порта неизвестны севернее р. Замбези, а ареал находок стилбей, кажется, вообще ограничен пока только Капской провинцией. В пещере Умхлатузана (*Kaplan, 1989; 1990*) бифасиальные наконечники, отчасти напоминающие стилбей, но имеющие овальное основание, найдены вместе с орудиями, характерными для ховисонс порт (рис. 4), и такая же картина наблюдается еще на ряде памятников (см. *Henshilwood, Sealy et al., 2001. P. 427*). За редкими исключениями, бифасиальные наконечники не встречаются ни в верхах отложений, содержащих ховисонс порт (например, в Умхлатузанае они есть в слоях 30–25, но отсутствуют в слоях 24–22), ни в комплексах MSA 3.

О ховисонс порте написано довольно много (обзор и библиография: *Lombard, 2005*),

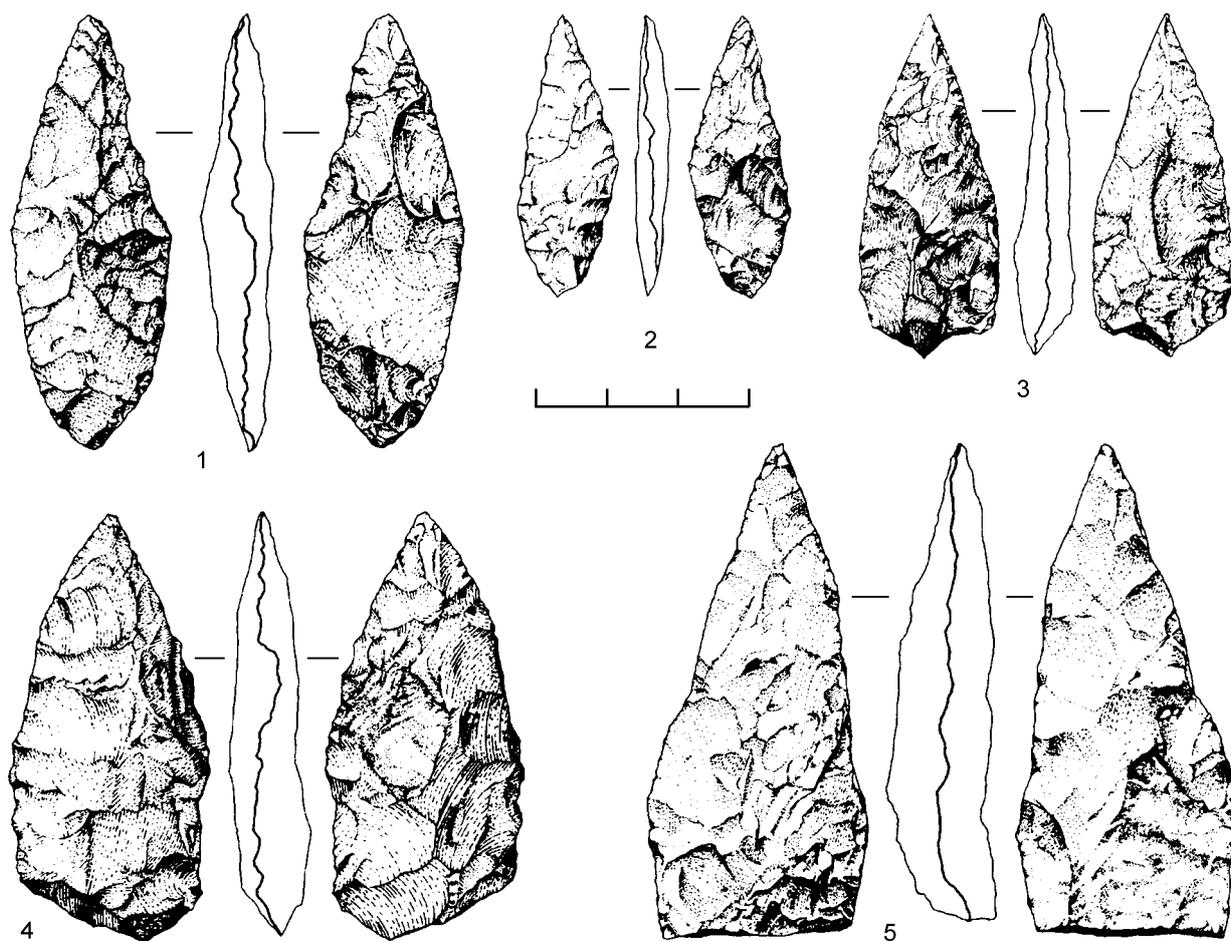

Рис. 3. Наконечники типа стилбей из пещеры Бломбос (*Henshilwood, Sealy et al., 2001*)

Fig. 3. Stilbay points from Blombos

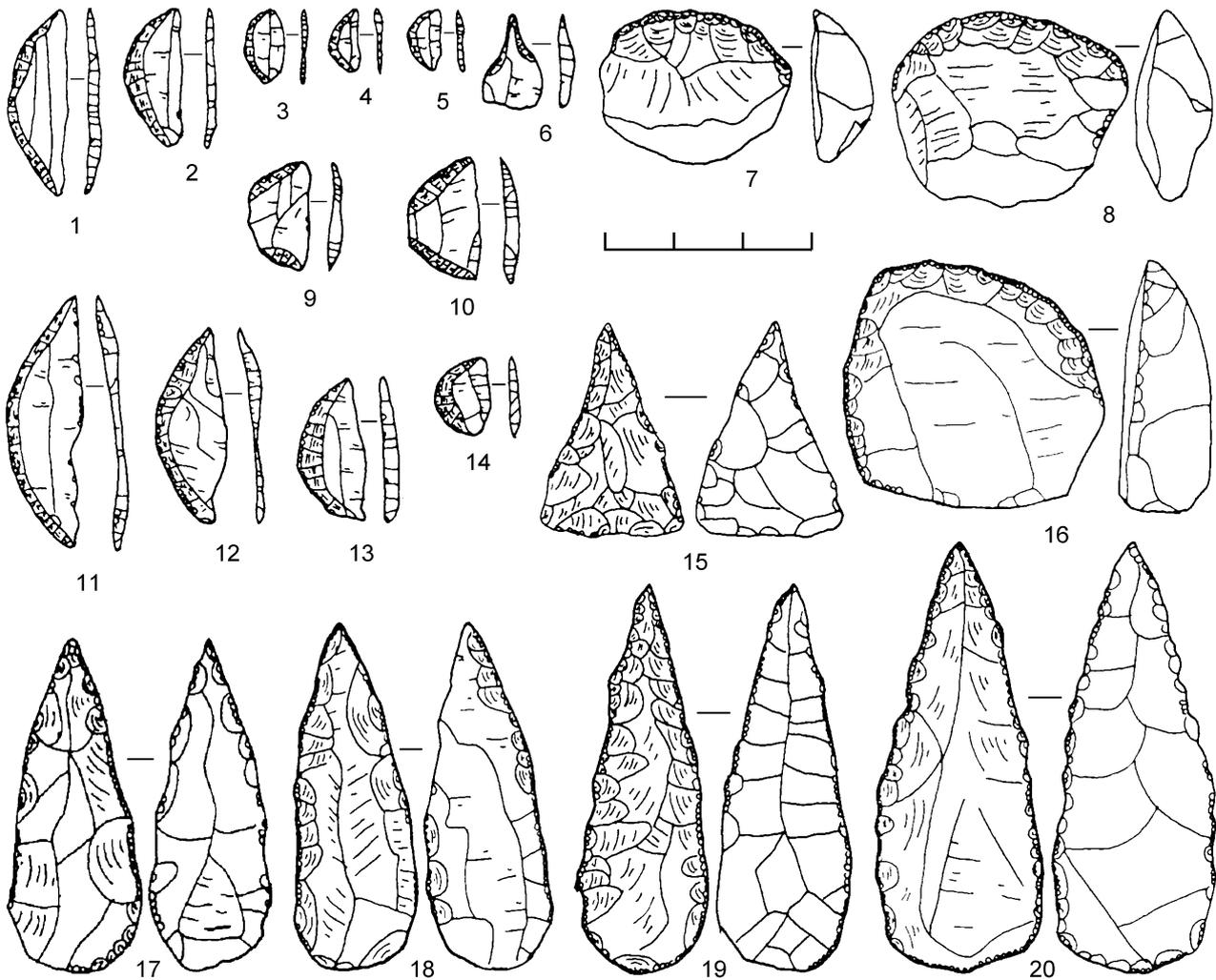

Рис. 4. Ховисонс порт. Орудия из слоев 25–30 грота Умхлатузана (Kaplan, 1990)

Fig. 4. Howiesons Poort. Tools from Umhlatuzana, layers 25–30

но в большинстве работ речь идет о хронологии, о сырье и о геометрических орудиях, тогда как многие базовые характеристики каменного инвентаря оставались до недавнего времени практически без внимания. В результате, несмотря на обилие публикаций, лишь единичные комплексы этой индустрии охарактеризованы достаточно подробно для того, чтобы можно было получить хоть сколько-нибудь удовлетворительное представление об ее технологии и типологии. Особенно выделяется на общем фоне своей детальностью и профессионализмом недавно опубликованное описание материалов из пещеры Роуз Коттедж (Soriano *et al.*, 2007).

Во всех комплексах ховисонс порт этого памятника основной формой заготовок являются пластины и пластинки (рис. 5, 9–13), ширина которых составляет в среднем 10–12 мм, а длина лишь в единичных случаях превышает 4 см (самая крупная пластина имеет длину 5,8 см). Малым

размерам сколов отвечают размеры отдельностей породы, служивших в качестве сырья (окатанные желваки и плиты опалина), — их длина по большей части не достигает и 6 см. В нижних слоях ховисонс порт (EMD, MAS) пластины и пластинки составляют около 90% всех заготовок, а в верхних (SUZ, ETH) — около половины. Скальвание начиналось, как правило, с естественного ребра на торце предмета расщепления, а затем часто переходило на одну из широких сторон, так что получавшиеся нуклеусы можно назвать полуповоротными. В некоторых случаях нуклеусы переоформлялись, и ребро создавалось уже искусственным путем. В верхних слоях появляются леваллуазские ядрища, а нуклеусы для отщепов становятся более многочисленными, чем нуклеусы для пластин.

Сочетание приема реберчатого скола с объемной концепцией расщепления позволяет, по мнению С. Сориано с соавторами, рассматривать

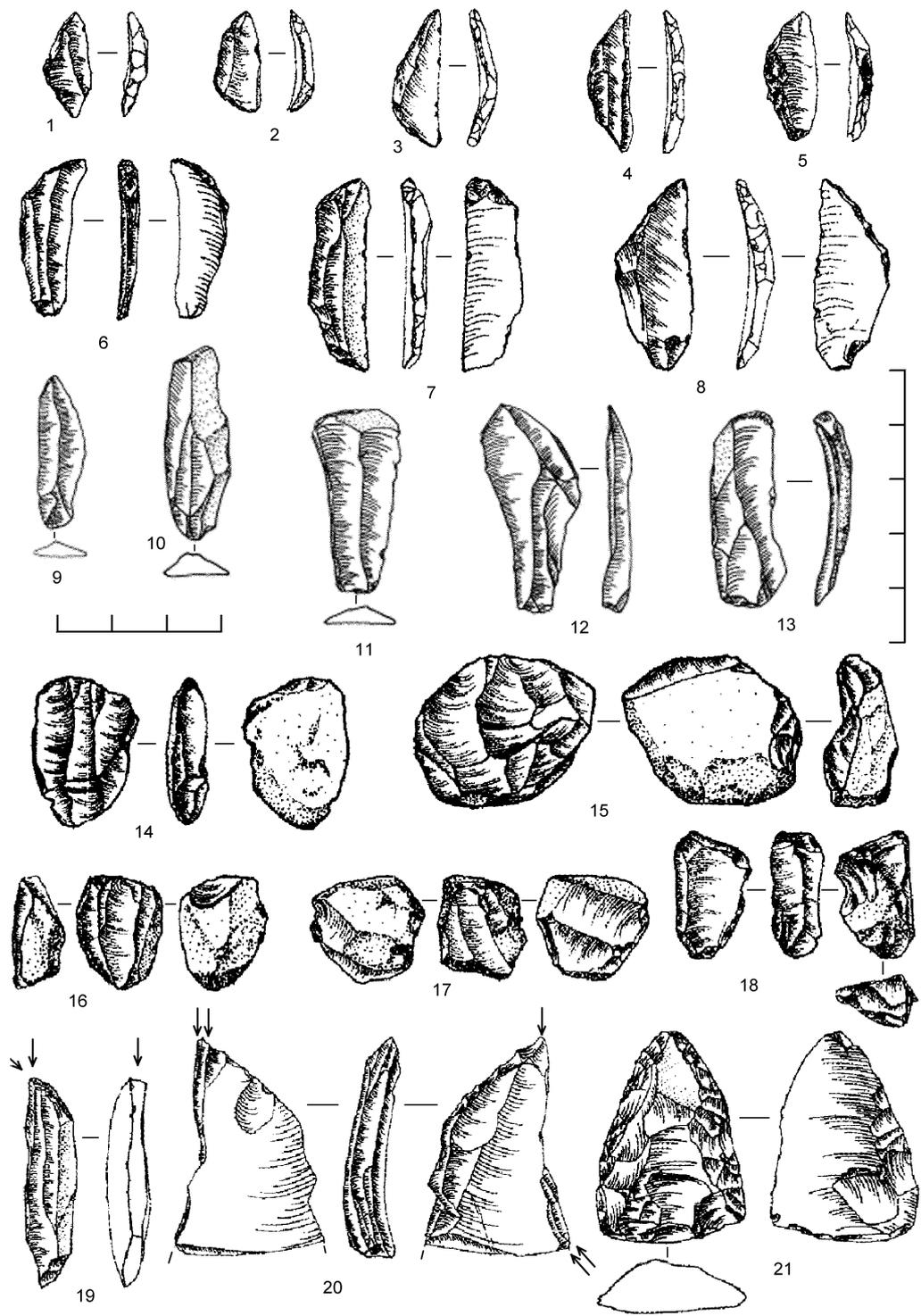

Рис. 5. Ховисонс порт

1–8, 19–21 — орудия; 9–13 — пластины; 14–18 — нуклеусы из пещеры Роуз Коттедж (*Soriano et al., 2007*)

Fig. 5. Howiesons Poort.

1–8, 19–21 — Tools; 9–13 — blades; 14–18 — cores from Rose Cottage Cave

описанную ими технологию получения пластин как в основных чертах верхнепалеолитическую и сопоставлять ее с технологией шательперрона (*Soriano et al.*, 2007. Р. 693–694). Приводимые в публикации рисунки нуклеусов заставляют, однако, осторожно относиться к выводу об объемном расщеплении в ховисонс порте Роуз Коттедж (рис. 5, 14–18), и потому в соответствующей колонке таблицы 7 дана двойная оценка этого признака. Напротив, техника скола в данном случае явно верхнепалеолитическая: преобладает краевое скалывание. Доля площадок толщиной менее 2 мм колеблется от 80% в слое EMD до 60% в слоях ETH/SUZ, причем от двух третей (EMD) до четверти (ETH/SUZ) всех площадок несут следы абразивной подготовки дорсального края.

Более половины всех вещей со вторичной обработкой в ховисонс порте Роуз Коттедж — это изделия с притупленным краем на целых или фрагментированных пластинах и пластинках (рис. 5, 1–8). Среди них выделяется довольно большая группа орудий геометрической формы, главным образом сегментов (треугольников только два, трапеций нет), имеющих среднюю длину около 3 см. Верхнепалеолитическая группа представлена также резцами (рис. 5, 19–20) и единичными *pieces esquillées*, скребок найден всего один. Орудия среднепалеолитической группы очень немногочисленны, в основном это простые и конвергентные скребла. Одно из последних при желании вполне можно определить и как остроконечник (рис. 5, 21), что для ховисонс порта большая редкость (в Сибуду и Класиес орудий этого типа, как будто, нет совсем).

Индекс СП–ВП всех комплексов ховисонс порта Роуз Коттедж оказывается неожиданно высок (табл. 7). Вероятно, его максимальные значения несколько завышены (например, вследствие отсутствия данных по позиции 2 и за счет переоценки по позиции 6), но в любом случае для слоев SUZ–ETH он не ниже 1, а для более ранних слоев EMD и MAS вряд ли ниже 2,5.

О ховисонс порте Класиес С. Вюрц сообщает, что пластины здесь — основная цель скалывания, что они короткие (в среднем 44 мм), тонкие, с относительно тонкой площадкой (в среднем 3,7 мм), а большинство нуклеусов имеет призматическую форму (рис. 6), хотя есть и плоские (*Wurz*, 2002. Р. 1009). В другой работе для несколько меньшей выборки пластин с того же памятника установлена средняя ширина площадки в 2,2 мм, причем 99% площадок гладкие, а в 11% случаев наблюдаются следы редукции их дорсального края посредством мелких снятий (*Wurz*, 1999. Р. 42). Говоря об орудиях, Вюрц упоминает лишь геометрические формы (сегменты и трапеции), хотя и в Класиес, и на других памятниках комплексы ховисонс порта включают, помимо этого, резцы, скребки, проколки, листовидные наконечники, скребла и т. д. (рис. 4, 5).

На основании наблюдений над коллекциями из Класиес было высказано мнение, что скалывание пластин на стадии ховисонс порт осуществлялось с помощью посредника (*Singer, Wymer*, 1982. Р. 93; *Wurz*, 1999), но специальное изучение этого вопроса путем сопоставления экспериментальных изделий с археологическими материалами из Роуз Коттедж привело к прямо противоположному выводу (*Winter*, 2000). Более того, тщательный анализ ударных площадок нескольких сотен пластин и пластинок из слоев ховисонс порт последнего памятника говорит о том, что для их снятия использовался каменный отбойник, хотя, по-видимому, предпочтение при этом отдавалось сравнительно мягким породам (*Soriano et al.*, 2007. Р. 690–692). По мнению исследователей материалов ховисонс порт из Дьепклоф, здесь снятие пластин с нуклеусов осуществлялось с помощью мягкого отбойника из органического материала, а отщепы скалывали твердым отбойником. Кроме того, в Дьепклоф, как и в Класиес и Роуз Коттедж, применялась абразивная подготовка края площадки нуклеусов (*Rigaud et al.*, 2006. Р. 845).

Таблица 7. Индексы СП–ВП для индустрий средней стадии MSA (ховисонс порт в Класиес и Роуз Коттедж, стилбей в Бломбос)

Table 7. MP/UP indices for the middle MSA industries of South Africa (Howieson's Poort at Klasies and Rose Cottage, and Stilbay at Blombos)

Комплекс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Класиес	?	1	1	?	1	1	0,5	0,5–1	1	0	0	0/2,5	<i>Wurz</i> , 2002
Роуз Коттедж, SUZ+ETH	1	1	1	0,5	1	0,5–1	1	1	1	0	0	1/1,5	<i>Soriano et al.</i> , 2007
Роуз Коттедж, MAS	0,5	?	0,5	0	1	0,5–1	1	1	1	0	0	2,5/4	–
Роуз Коттедж, EMD	0–0,5	?	0,5	0	1	0,5–1	1	1	1	0	0	2,5/4,5	–
Бломбос	1	1	1	?	0?	0?	0?	?	1	1	1	≥0	<i>Henshilwood, d'Errico et al.</i> , 2001; <i>Henshilwood, Sealy et al.</i> , 2001

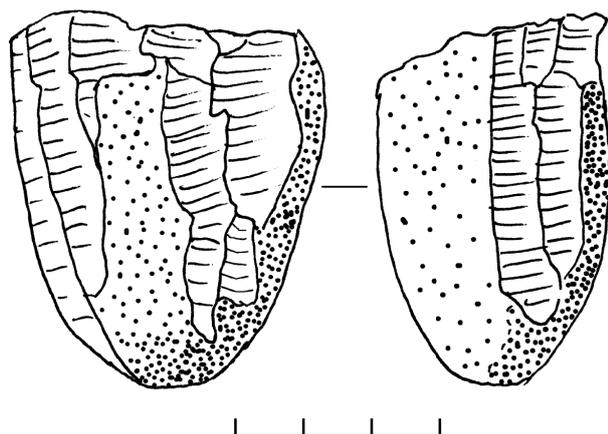

Рис. 6. Ховисонс порт. Нуклеус из Класиес (Wurz, 2002)

Fig. 6. Howiesons Poort. A core from Klasies

Индекс СП–ВП, полученный для ховисонс порт из Класиес, тоже весьма высок (табл. 7). Даже если брать минимально возможное его значение (0), оно окажется не ниже, а то и выше, чем у ряда «переходных» индустрий Евразии. Возможно, правда, что в данном случае оценка несколько завышена за счет позиции 6, но, с другой стороны, нельзя исключить, что она занижена за счет позиции 10, если костяной наконечник, найденный в слое 19 пещеры Класиес 1 А (Singer, Wymer, 1982. Fig. 8, 4), действительно происходит из этого слоя. Долгое время его считали интрузивным, но главным основанием для такого мнения была несовместимость этой находки с твердо, казалось бы, установленным фактом отсутствия формальных костяных орудий в среднем палеолите. Теперь, когда такие орудия найдены и на ряде других памятников MSA, включая расположенную неподалеку пещеру Бломбос, наконечник из Класиес не кажется столь уж необычным для своего контекста. Правда, морфологически, технологически и по размерам он напоминает костяные наконечники стрел, типичные для LSA (d'Errico, Henshilwood, 2007), но при этом обнаружен он был в слое, лишенном каких бы то ни было признаков нарушений, а по цвету и состоянию поверхности ничуть не отличался от других костей из этого же слоя (Singer, Wymer, 1982. P. 115). Следует также иметь в виду, что хотя в Класиес не найдено никаких свидетельств символизма, в некоторых других комплексах ховисонс порт они, хоть и очень редко, но встречаются (две перфорированные раковины *Conus* из Бордер, фрагменты скорлупы с процарапанным сетчатым узором из Дьепклоф), а в стилбее пещеры Бломбос представлены в большом количестве.

К сожалению, каменный инвентарь стилбейского комплекса пещеры Бломбос, в отличие

от костяных орудий и украшений, описан пока лишь в самых общих чертах, и с полной уверенностью в приведенной выше таблице можно заполнить лишь позиции 1–3 и 9–11 (табл. 7). В коллекции этого комплекса сейчас уже около 400 бифасиальных наконечников, не менее трех десятков костяных орудий и четырех десятков бусин из раковин *Nassarius kraussianus* (d'Errico et al., 2005; d'Errico, Henshilwood, 2007). Многие каменные наконечники имеют тонкий профиль и овальное основание. Сообщается даже, что некоторые из них, возможно, обработаны с помощью отжима. Костяные орудия изготовлены посредством строгания, а для отделки трех из них была применена и шлифовка абразивами. Судя по морфологии и следам износа, в основном это были шилья, а три шлифованных изделия, вероятно, являлись наконечниками (Henshilwood, d'Errico et al., 2001; d'Errico, Henshilwood, 2007). В качестве заготовок служили в основном фрагменты трубчатых костей бовид, либо намеренно откалывавшиеся, либо получавшиеся в результате добывания костного мозга. Попадание костяных орудий и бус в слой MSA из вышележащих слоев LSA практически исключено, поскольку соответствующие отложения разделены достаточно мощной толщей стерильных дюнных песков, ОСЛ анализ которых показал отсутствие в них каких-либо поздних примесей. Судя по множеству хорошо согласующихся между собой ЭПР, ОСЛ и ТЛ дат, полученных для слоев стилбея, а также для перекрывающего их песка (палеодюна), все перечисленные выше находки имеют возраст от 70 до 85 тысяч лет (Henshilwood, 2004; d'Errico et al., 2005).

Индустрии позднего MSA (MSA 3), сменявшие ховисонс порт где-то в интервале от 60 до 70 тысяч лет назад (см. табл. 3), заметно отличаются от него и по технологии, и по типологии. Расщепление здесь ориентировано, прежде всего, на получение укороченных остриев и отщепов, нуклеусы практически все плоские, орудия с подготовкой для крепления, будь то наконечники с утончением основания или изделия с притупленным краем, отсутствуют или единичны, а господствующими формами среди вещей со вторичной обработкой являются зубчато-выемчатые формы и скребла, иногда дополняемые остроконечниками (рис. 7). Формальных костяных орудий и свидетельств символизма в слоях MSA 3, если не брать самые поздние, относящиеся ко времени перехода к LSA, тоже нет (Wadley, 2001. P. 203). Лишь после 40 тысяч

лет назад, то есть уже в процессе перехода, эта довольно монотонная в целом картина начинает очень медленно меняться и становится более разнообразной, но в целом ряде случаев даже комплексы, имеющие возраст моложе 30 тысяч лет, сохраняют в общем типичный для MSA 3 облик.

Объем и степень детальности информации, которую можно извлечь об индустриях стадии MSA 3 из публикаций, как и в случае с более ранними стадиями, оставляет желать много лучшего. Тем не менее появившиеся в последние годы описания ряда комплексов рассматриваемого периода все же позволяют заполнить большинство позиций в таблице достаточно уверенно (табл. 8), так что итоговые оценки не должны быть сильно занижены или завышены. Единственным исключением из сказанного является, возможно, комплекс слоя BYR пещеры Роуз Коттедж, давший слишком высокое значение индекса СП–ВП, явно выбивающееся из общего ряда. Это может быть следствием того обстоятельства, что данный слой непосредственно налегает на слой SUZ, содержащий материалы ховисонс порта, и, таким образом, здесь вполне вероятно частичное смешение двух комплексов. В любом случае, даже крайние значения индекса СП–ВП, полученные для ховисонс порта, с одной стороны, и MSA 3 — с другой, не перекрываются.

Возраст соответствующих слоев всех четырех памятников, фигурирующих в таблице, составляет, по оценкам их исследователей, от 40 до 70 тысяч лет. Для пещеры Ди Келдерс эта оценка подкреплена ЭПР и ОСЛ датами от 60 до 70 тысяч лет назад, а для позднего MSA пещеры Сибуду, залегающего здесь над ховисонс портом, имеется 9 OSL дат от 35 до 65 тысяч лет назад (*Tribolo et al.*, 2005. P. 861; *Valladas et al.*, 2005. P. 174). Одна из них — порядка 53 тысяч лет назад — относится к слою RSP, описание материалов которого послужило основой для определения индекса СП–ВП, приводимого в таблице. Для слоев BYR и ТНО пещеры Роуз Коттедж получены ТЛ даты

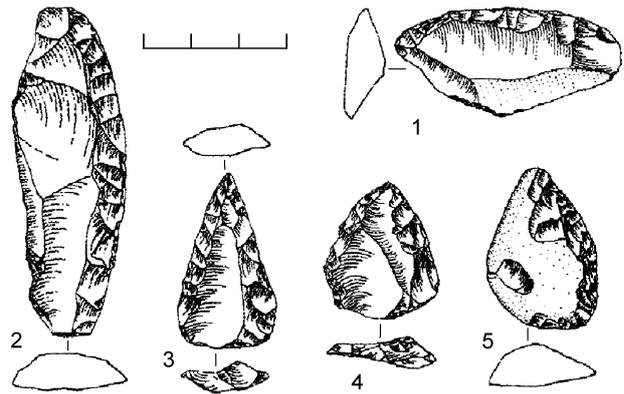

Рис. 7. Заключительная стадия MSA из пещеры Роуз Коттедж 1, 2, 5 — скребла; 3, 4 — остроконечники (*Soriano et al.*, 2007)

Рис. 7. MSA 3 of Rose Cottage Cave 1, 2, 5 — side-scrapers; 3, 4 — retouched points

50,5±4,6 и 47,1±10,2 тысяч лет назад, соответственно (*Soriano et al.*, 2007. P. 682).

Если сопоставить теперь итоговые оценки в таблицах 6–8, то окажется, что ни о каком постепенном движении от среднепалеолитического «полюса» к верхнепалеолитическому не может быть и речи. На протяжении всего среднего каменного века южноафриканские индустрии претерпевали скорее колебательные, чем направленные изменения. Вектор культурной динамики во времени не был постоянным (рис. 8), и поворот, который он сделал в период от 40 до 25/20 тысяч лет назад, кажется на этом фоне достаточно резким для того, чтобы рассматривать переход от MSA к LSA как культурную революцию.

Костяные орудия и символизм в среднем палеолите Африки. Особое место среди тех инноваций, которые, согласно широко распространенному мнению, сближают средний палеолит Африки с верхним палеолитом Европы, занимает появление в MSA формальных костяных орудий и вещественного символизма. Однако даже если не ограничиваться только югом Африки, а взять весь этот континент в целом, окажется, что для периода от 65–70 до 40–45 тысяч лет назад нет

Таблица 8. Индексы СП–ВП комплексов позднего MSA

Table 8. MP/UP indices for the late (post-HP) MSA assemblages of South Africa

Комплексе	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Ди Келдерс	1	1	1	1	0–0,5	0	0	0	0	0	0	-4/-3,5	<i>Thackeray</i> , 2000
Йстерфонтейн	1	1	1	1	?	0	0	0	0	0	0	-4/-3	<i>Halkett et al.</i> , 2003; <i>Klein et al.</i> , 2004
Сибуду, RSP	1	1	1	1	1	0–0,5	0	0	0–0,5	0	0	-3/-2	<i>Villa et al.</i> , 2005
Роуз Коттедж, ТНО	1	1	1	1	0,5–1	0–0,5	1	0	0–0,5	0	0	-2,5/-1	<i>Soriano et al.</i> , 2007
Роуз Коттедж, BYR	1	1	1	1	1	0–0,5	1	0,5	1	0	0	-0,5/0	–

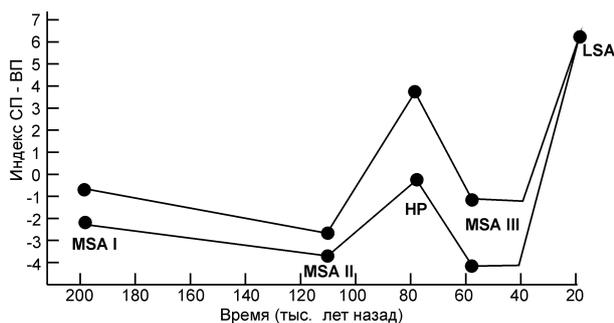

Рис. 8. Вектор эволюции индустрий среднего палеолита (MSA) Южной Африки. HP — ховисонс порт. Нижняя кривая построена по минимальным значениям индекса СП-ВП, верхняя — по максимальным

Fig. 8. A possible way of schematic representation of general patterns of cultural dynamics as applied to the MSA of South Africa. The low and upper curves reflect the minimal and maximal values of the MP/UP index, respectively

ни достоверных находок формальных костяных орудий, ни свидетельств символизма.

Первые спорадически встречаются в начале и середине MSA. Три фрагмента костей, которые рассматриваются с некоторыми оговорками как вероятные обломки орудий, происходят с местонахождения Брокен-Хилл в Замбии. Относительно характера залегания и возраста археологических материалов этого памятника существует много неясностей, но авторы исследования, посвященного упомянутым костяным предметам, датируют их концом среднего плейстоцена и относят к одной из ранних стадий MSA (Barham *et al.*, 2002). Несколько наконечников с зазубренным краем (гарпунов) найдено на стоянках Катанда 9, 2 и 16 в Конго (Yellen *et al.*, 1995; Yellen, 1998). Возраст этих находок, судя по результатам датирования разными методами, составляет более 70 тысяч лет. Наконечники изготовлены из ребер и трубчатых костей крупных млекопитающих посредством абразивной подготовки корпуса с последующим вырезанием шипов (рис. 9). Уже упоминавшиеся находки из пещеры Бломбос датируются интервалом от 70 до 85 тысяч лет назад, и примерно такой же или чуть более поздний возраст могут иметь единичные костяные наконечники, предположительно связываемые с другими комплексами стадий ховисонс порт и стилбей (Класиес, Бордер, пещера Пирса), а также не описанные пока подробно изделия из кости со стоянки под открытым небом Лойянгалани в Серенгети, Танзания (Thompson *et al.*, 2004). Что же касается комплексов MSA, хронологически промежуточных между ховисонс портом и началом перехода к LSA, то ни в одном из них формальных орудий из кости пока не обнаружено, хотя многие памятники этой стадии дали

богатый фаунистический материал (Ди Келдерс, Сибуду, Класиес, Пещера Очагов и т. д.), а на некоторых (пещера Страталан) сохранились даже остатки травы и веток (Wadley, 2001. P. 203).

Аналогичным образом дело обстоит и со свидетельствами символизма. Макбрерти и Брукс в упоминавшейся уже статье пишут, что, «несмотря на относительно небольшое число раскопанных памятников MSA, количество и качество свидетельств символического поведения на них далеко превосходит то, что известно для европейского среднего палеолита, где количество памятников в десять с лишним раз больше. Использование красящих веществ и производство бус, в частности, сопоставимы с тем, что мы видим в африканском LSA и европейском верхнем палеолите...» (McBrearty, Brooks, 2000. P. 531). Это утверждение, однако, представляет собой явное преувеличение.

Во-первых, охра и иные естественные красители представлены и в среднем палеолите Европы, причем ничуть не хуже, чем в MSA Африки. Находки такого рода известны не менее чем на 40 мустьерских памятниках, и по характеру они не отличаются сколько-нибудь существенно от африканских находок (d'Errico *et al.*, 2003. P. 19), а иногда превосходят их по выразительности контекста (см. напр.: Cárciumaru *et al.*, 2002). Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев охра могла выполнять не ритуальные, а чисто утилитарные функции, служа, например, для обработки шкур либо в качестве примеси к составам, использовавшимся для крепления каменных орудий к рукоятям (Wadley, 2005). Определить по характеру стертости так называемых охряных «карандашей», служили ли они для нанесения изображений или всего лишь как источник необходимого в быту порошка, как правило, невозможно. Что же касается бусин, — и это, в-третьих, — то в Африке они действительно появляются намного раньше, чем в Европе, но, как и формальные костяные орудия, до сих пор неизвестны в комплексах позднего MSA. Многочисленные бусины из ракушек есть в стилбее (Бломбос), единичные — в ховисонс порте (Бордер), а, кроме того, три бусины из скорлупы страусовых яиц найдены на стоянке Лойянгалани в Танзании, в слое, для которого получена ОСЛ дата $65 \pm 4,4$ тысяч лет назад, подтверждающая ранее высказанное предположение, что возраст этого комплекса составляет порядка 70 тысяч лет (Thompson *et al.*, 2004). Сообщалось также о находках единичных бус из скорлупы страусовых яиц в MSA грота Бушменов,

пещеры Очагов и пещеры Зомпбата, однако возраст этих вещей, происходящих из старых раскопок, неясен. Наконец, одна целая и одна незаконченная бусины из скорлупы были найдены в MSA пещеры Бумплаас (Deacon, 1995), но соответствующий слой относится уже к периоду перехода к LSA. Имеющиеся для него РУ, АКР и ТУ даты согласно указывают на возраст от 35 до 45 тысяч лет назад (d'Errico et al., 2005. P. 5). Говоря о свидетельствах символизма в MSA, нельзя, конечно, не вспомнить о плитках с изображениями из пещеры Аполло 11, но слой, где они были найдены, тоже очень поздний. Его древность на основании РУ дат оценивается в 25–27 тысяч лет, а некоторые авторы полагают, что ближе к истине может быть дата в 19 тысяч лет, полученная по образцу, взятому по соседству (Wadley, 1993. P. 276).

Заключение. Более раннее, чем где бы то ни было, появление на юге и востоке Африки пластинчатых технологий, составных орудий, формальных костяных орудий и свидетельств символизма само по себе вовсе не доказывает, что на протяжении среднего палеолита здесь происходило прогрессирующее развитие таких культурных элементов, которые в Евразии получают широкое распространение лишь в верхнем палеолите. В свете имеющихся сейчас данных ранняя история всех перечисленных «достижений» рисуется не как сплошная линия, а как пунктир, где разрывы между отдельными отрезками достигают десятков тысяч лет. Эти разрывы вряд ли можно объяснить только недостаточной исследованностью или тафономическими причинами, поскольку самый явный из них приходится на заключительный этап среднего палеолита, который в Южной Африке представлен десятками памятников, включая множество комплексов с хорошей сохранностью органических материалов. Таким образом, получается, что изменения, происходившие в MSA региона, имели скорее колебательный и обратимый, чем поступательный характер. В этом отношении ни Африка вообще, ни Южная Африка, в частности, не отличались сколько-нибудь существенно от Европы и Западной Азии, где индустрии конца среднего палеолита также в целом выглядят более «архаичными», чем некоторые комплексы начала или середины этой эпохи (подробней см.: Вишняцкий, 2008).

Вишняцкий, 2004. — Вишняцкий Л. Б. Опыт эволюционного ранжирования индустрий конца среднего и ранней поры верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 3.

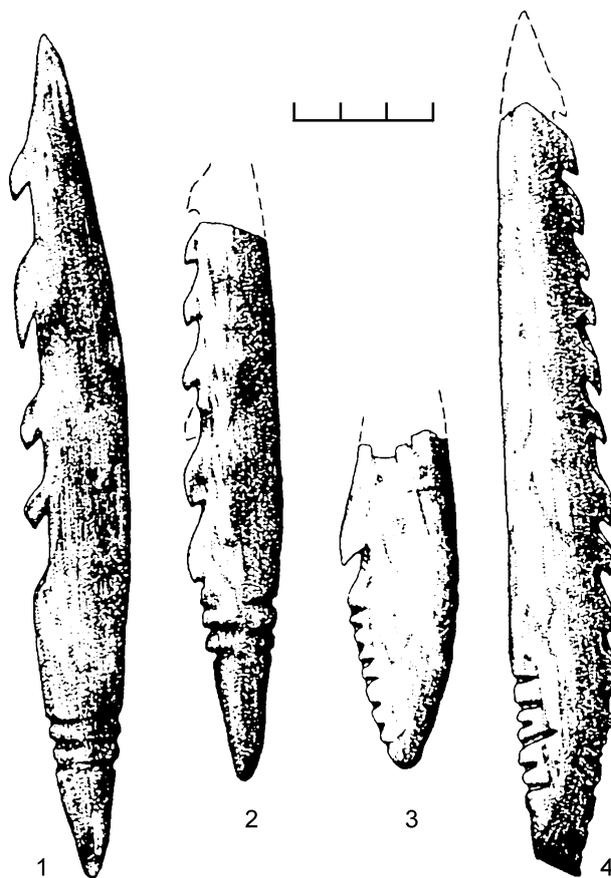

Рис. 9. Среднепалеолитические (MSA) костяные гарпуны из Катанды (Yellen, 1998)

Fig. 9. MSA bone harpoons from Katanda, Zangr

Вишняцкий, 2008. — Вишняцкий Л. Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб., 2008.

Barham et al., 2002. — Barham L. S., Pinto Llona A. C., Stringer C. B. Bone tools from Broken Hill (Kabwe) cave, Zambia, and their evolutionary significance // Before farming. 2002. Vol. 2. No. 3.

Beaumont et al., 1978. — Beaumont P. B., de Villiers H., Vogel C. Modern man in Sub-Saharan Africa prior to 49 000 years B. P.: A review and evaluation with particular reference to Border cave // South African Journal of Science. 1978. Vol. 74. No. 6.

Beaumont, Vogel, 2006. — Beaumont P. B., Vogel J. C. On a timescale for the past million years of human history in central South Africa // South African Journal of Science. 2006. Vol. 102. No. 3.

Bird et al., 2003. — Bird M. I., Fifield L. K., Santos G. M., Beaumont P. B., Zhou Y., di Tada M. L., Hausladen P. A. Radiocarbon dating from 40 to 60 ka BP at Border Cave, South Africa // Quaternary Science Review. 2003. Vol. 22. No. 8–9.

Cârciumaru et al., 2002. — Cârciumaru M., Moncel M.-H., Angheliniu M., Cârciumaru R. The Cioarei-Borosteni Cave (Carpathian Mountains, Romania): Middle Palaeolithic finds and technological analysis of the lithic assemblages // Antiquity. 2002. Vol. 76. No. 293.

Cruz-Uribe et al., 2003. — Cruz-Uribe K., Klein R. G., Avery G., Avery M., Halkett D., Hart T., Milo R. G., Garth Sampson C., Volman T. P. Excavation of buried Late Acheulean (Mid-Quaternary) land surfaces at Duinefontein 2, Western Cape Province, South Africa // Journal of Archaeological Science. 2003. Vol. 30. No. 5.

Deacon, 1995. — Deacon H. J. Two Late Pleistocene-Holocene archaeological depositories from the southern Cape, South Africa // South African Archaeological Bulletin. 1995. Vol. 50. No. 23.

D'Errico et al., 2003. — D'Errico F., Henshilwood C., Lawson G., Vanhaeren M., Tillier A.-M., Soressi M., Bresson F., Maureille B.,

- Nowell A., Lakarra J., Backwell L., Julien M. Archaeological evidence for the emergence of language, symbolism, and music — an alternative multidisciplinary perspective//Journal of World Prehistory. 2003. Vol. 17. No. 1.
- D'Errico et al., 2005. — D'Errico F., Henshilwood C., Vanhaeren M., van Niekerke K. Nassarius kraussianus shell beads from Blombos Cave: evidence for symbolic behaviour in the Middle Stone Age//Journal of Human Evolution. 2005. Vol. 48. No. 1.
- D'Errico, Henshilwood, 2007. — D'Errico F., Henshilwood C. Additional evidence for bone technology in the southern African Middle Stone Age//Journal of Human Evolution. 2007. Vol. 52. No. 2.
- Feathers, 2002. — Feathers J. K. Luminescence dating in less than ideal conditions: Case studies from Klasies River Main Site and Duinefontein, South Africa//Journal of Archaeological Science. 2002. Vol. 29. No. 2.
- Feathers, Bush, 2000. — Feathers J. K., Bush D. A. Luminescence dating of Middle Stone Age deposits at Die Kelders//Journal of Human Evolution. 2000. Vol. 38. No. 1.
- Grün, Beaumont, 2001. — Grün R., Beaumont P. Border Cave revisited: a revised ESR chronology//Journal of Human Evolution. 2001. Vol. 40. No. 5.
- Halkett et al., 2003. — Halkett D., Hart T., Yates R., Volman T. P., Parkington J. E., Ortona J., Klein R. G., Cruz-Uribe K., Avery G. First excavation of intact Middle Stone Age layers at Ysterfontein, Western Cape Province, South Africa: implications for Middle Stone Age ecology//Journal of Archaeological Science. 2003. Vol. 30. No. 8.
- Henshilwood, 2004. — Henshilwood C. Marine shell beads from 75 000-year-old levels at Blombos cave//The Digging Stick. 2004. Vol. 21. No. 2.
- Henshilwood, d'Errico et al., 2001. — Henshilwood C., d'Errico F., Marean C. W., Milo R. G., Yates R. An early bone tool industry from the Middle Stone Age at Blombos Cave, South Africa: implications for the origins of modern human behaviour, symbolism and language//Journal of Human Evolution. 2001. Vol. 41. No. 6.
- Henshilwood, Sealy et al., 2001. — Henshilwood C., Sealy J. C., Yates R., Cruz-Uribe K., Goldberg P., Grine F. E., Klein R. G., Poggenpoel C., van Niekerk K., Watts I. Blombos Cave, Southern Cape, South Africa: Preliminary report on the 1992–1999 excavations of the Middle Stone Age levels//Journal of Archaeological Science. 2001. Vol. 28. No. 4.
- Kaplan, 1989. — Kaplan J. B. 45 000 years of hunter gatherer history in Natal as seen from Umhlatuzana rock shelter//South African Archaeological Society Goodwin Series. 1989. Vol. 6.
- Kaplan, 1990. — Kaplan J. M. The Umhlatuzana rock shelter sequence: 100 000 year of Stone Age history//Natal Museum Journal of Humanities. 1990. Vol. 2.
- Klein, 2000. — Klein R. G. The Earlier Stone Age of southern Africa//South African Archaeological Bulletin. 2000. Vol. 55. No. 172.
- Klein et al., 2004. — Klein R. G., Avery G., Cruz-Uribe K., Halkett D., Parkington J. E., Steele T., Volman T. P., Yates R. The Ysterfontein I Middle Stone Age site, South Africa, and early human exploitation of coastal resources//Proceedings of the National Academy of Science of the USA. 2004. Vol. 101. No. 16.
- Kuhn, Hovers, 2006. — Kuhn S. L., Hovers E. General introduction//Transitions Before the Transition. Evolution and Stability in the Middle Paleolithic and Middle Stone Age/E. Hovers, S. L. Kuhn (eds.). New York, 2006.
- Kuman et al., 1999. — Kuman K., Imbar M., Clarke R. J. Palaeoenvironments and cultural sequence of the Florisbad Middle Stone Age hominid site, South Africa//Journal of Archaeological Science. 1999. Vol. 26. No. 12.
- Lombard, 2005. — Lombard M. The Howiesons Poort of South Africa: What we know, what we think we know, what we need to know//Southern African Humanities. 2005. Vol. 17.
- McBrearty, Brooks, 2000. — McBrearty S., Brooks A. S. The revolution that wasn't: a new interpretation of the origin of modern human behavior//Journal of Human Evolution. 2000. Vol. 39. No. 5.
- McBrearty, Tryon, 2006. — McBrearty S., Tryon C. From Acheulean to Middle Stone Age in the Kapthurin Formation, Kenya//Transitions Before the Transition. Evolution and Stability in the Middle Paleolithic and Middle Stone Age/E. Hovers, S. L. Kuhn (eds.). New York, 2006.
- Miller et al., 1999. — Miller G. H., Beaumont P. B., Deacon H. J., Brooks A. S., Hare P. E., Jull A. J. T. Earliest modern humans in southern Africa dated by isoleucine epimerization in ostrich eggshell//Quaternary Science Review. 1999. Vol. 18. No. 13.
- Rigaud et al., 2006. — Rigaud J.-P., Texier P.-J., Parkington J., Poggenpoel C. Le mobilier Stillbay et Howiesons Poort de l'abri Diepkloof. La chronologie du Middle Stone Age sud-africain et ses implications//Comptes Rendus Palevol. 2006. Vol. 5. No. 6.
- Shea, 2006. — Shea J. J. The Middle Paleolithic of the Levant: Recursion and convergence//Transitions Before the Transition. Evolution and Stability in the Middle Paleolithic and Middle Stone Age/E. Hovers, S. L. Kuhn (eds.). New York, 2006.
- Singer, Wymer, 1982. — Singer R., Wymer J. The Middle Stone Age at Klasies River Mouth in South Africa. Chicago, 1982.
- Soriano et al., 2007. — Soriano S., Villa P., Wadley L. Blade technology and tool forms in the Middle Stone Age of South Africa: the Howiesons Poort and post-Howiesons Poort at Rose Cottage Cave//Journal of Archaeological Science. 2007. Vol. 34. No. 5.
- Thackeray, 2000. — Thackeray A. I. Middle Stone Age artefacts from the 1993 and 1993 excavations of Die Kelders Cave 1, South Africa//Journal of Human Evolution. 2000. Vol. 38. No. 1.
- Thackeray, Kelly, 1988. — Thackeray A. I., Kelly A. J. A technological and typological analysis of Middle Stone Age assemblages antecedent to the Howiesons Poort at Klasies River main site//South African Archaeological Bulletin. 1988. Vol. 43.
- Thompson et al., 2004. — Thompson J., Bower J., Fisher E., Mabila A., Marean C. Loiyangalani: Behavioral and taphonomic aspects of a Middle Stone Age site in the Serengeti Plain, Tanzania. Paper presented to the Annual Meeting of the Palaeoanthropological Society. Montreal, 2004.
- Tribolo et al., 2005. — Tribolo C., Mercier N., Valladas H. Chronologies des technofaciès Howiesons's Poort et Still Bay (Middle Stone Age, Afrique du Sud): bilan et nouvelles données de la luminescence// Bulletin de la Société Préhistorique Française. 2005. T. 102. No. 4.
- Valladas et al., 2005. — Valladas H., Wadley L., Mercier N., Froget L., Tribolo C., Reyss J.-L., Joron J.-L. Thermoluminescence dating on burnt lithics from Middle Stone Age layers at Rose Cottage Cave//South African Journal of Science. 2005. Vol. 101. No. 3–4.
- Villa et al., 2005. — Villa P., Delagnes A., Wadley L. A late Middle Stone Age artifact assemblage from Sibudu (KwaZulu-Natal): comparisons with the European Middle Paleolithic//Journal of Archaeological Science. 2005. Vol. 32. No. 3.
- Vogel, 2001. — Vogel J. C. Radiometric dates for the Middle Stone Age in South Africa//Humanity from African Naissance to Coming Millennia/P. V. Tobias, M. A. Raath, J. Moggi-Cecchi, G. A. Doyle (eds.). Firenze, 2001.
- Volman, 1984. — Volman T. P. Early prehistory of southern Africa//Southern African Prehistory and Palaeoenvironments/R. G. Klein (ed.). Rotterdam, 1984.
- Wadley, 1993. — Wadley L. The Pleistocene Later Stone Age south of the Limpopo River//Journal of World Prehistory. 1993. Vol. 7. No. 3.
- Wadley, 2001. — Wadley L. What is Cultural Modernity? A General View and a South African Perspective from Rose Cottage Cave//Cambridge Archaeological Journal. 2001. Vol. 11. No. 2.
- Wadley, 2005. — Wadley L. Putting ochre to the test: replication studies of adhesives that may have been used for hafting tools in the Middle Stone Age//Journal of Human Evolution. 2005. Vol. 49. No. 5.
- Winter, 2000. — Winter L. Technological realism and the Howiesons Poort: A replication approach//Paper presented to the Biennial Conference of the Southern African Association of Archaeologists (University of Witwatersrand, April 25–28). Witwatersrand, 2000.
- Wurz, 1999. — Wurz S. The Howiesons Poort backed artefacts from Klasies River: an argument for symbolic behaviour//South African Archaeological Bulletin. 1999. Vol. 54. No. 169.

Wurz, 2002. — Wurz S. Variability in the Middle Stone Age Lithic sequence, 115 000–60 000 years ago at Klasies River, South Africa//Journal of Archaeological Science. 2002. Vol. 29. No. 6.

Wurz et al., 2003. — Wurz S., le Roux N.J., Gardner S., Deacon H.J. Discriminating between the end products of the earlier Middle Stone Age sub-stages at Klasies River using biplot methodology//Journal of Archaeological Science. 2003. Vol. 30. No. 9.

Yellen, 1998. — Yellen J.E. Barbed bone points: Tradition and continuity in Sahara and Sub-Saharan Africa//African Archaeological Review. 1998. Vol. 15. No. 3.

Yellen et al., 1995. — Yellen J.E., Brooks A.S., Cornelissen E., Mehlman M.J., Stewart K. A Middle Stone Age worked bone industry from Katanda, Upper Semliki Valley, Zaire//Science. 1995. Vol. 268.

On the directionality of cultural change in the Middle Paleolithic (with special reference to the MSA of South Africa)

L. B. Vishnyatsky

It is quite obvious that during the Middle Paleolithic (MP) time culture did not remain immutable. In all the regions where there are known sufficient numbers of representative and more or less reliably dated sites of this epoch, one can observe the alternation of MP assemblages, differing from each other both in technological and typological respects. What is not obvious, however, is how and whether these changes relate to those marking the Middle to Upper Paleolithic (UP) transition. Whether the diachronic dynamics of MP assemblages can be regarded as the movement towards this transition, or the former has nothing to do with the latter, and the development of culture (or at least stone/bone industries) after the beginning of UP represents not the continuation of the earlier tendency, but rather its radical break, a sudden turn in a new direction? Put in other words, should we consider the formation of the UP culture as a revolution, a break of continuity, or as a piecemeal process preceded by a long and gradual accumulation of new cultural elements during most of the MP, which reached its culmination some 40 kyr bp?

On one hand, it is well known that all or nearly all traits, constituting the hallmark of the UP stone and bone industries, can be found (even if rarely and in somewhat underdeveloped condition) in the Middle and sometimes even Lower Paleolithic. On the other hand, however, it is extremely difficult to say if there was a trend towards the increase in numbers of such traits during MP, or no «onward movement» had taken place until the very end of this epoch and the beginning of the MP/UP transition.

According to a popular view, the pattern of industrial change revealed by the African MP/MSA record is very different from that characteristic of Eurasian MP. While the latter is thought to have witnessed «few if any novel behavioral developments» (Kuhn, Hovers, 2006. P. 7), the former is often interpreted as showing a gradual accumulation

of various innovations associated with and indicative of what is often called «behavioral modernity» (McBrearty, Brooks, 2000). This accumulation is said to have started with the Acheulean-to-MSA transition and continued during the whole of the MSA «over the course of the next 250,000 years» (McBrearty, Tryon, 2006. P. 270). However, whereas it is certainly true that Africa witnessed very early appearances of many important innovations in stone- and bone-working technologies during the MSA times, it remains yet to be demonstrated whether the continuous accumulation of such traits really was the case.

For the time being the southern Africa is the only part of this continent where we have a continuous record of numerous well studied and reliably dated MSA assemblages concentrated within a relatively small area. On the basis of stratigraphic observations and absolute dates these assemblages are usually divided into three or four chronological groups or stages: MSA 1 and 2 or Pre-Howiesons, Howiesons Poort (hereafter HP), and MSA 3 or Post-HP. The industries characterized by the predominance of blades among blanks, the presence of tools with well pronounced preparation for hafting, and some evidence of symbolism existed in the early (MSA 1) and middle (HP) stages of the local Middle Paleolithic (MSA). At the end of this epoch (MSA 3) they were replaced by assemblages lacking any pronounced UP/LSA elements. Therefore the general impression is that contrary to what one should have expected if the continuous accumulation of novel traits really was the case, the materials of MSA 3 look much more archaic than those of MSA 1, let alone HP. To test this observation the author uses a simple method designed to evaluate the general degree of «advancement» of stone/bone industries of the Middle Paleolithic and early Upper Paleolithic by calculating what he suggests to call the MP/UP index (Вишняцкий, 2004). The comparison

of the MP/UP indices obtained for the early, middle and late MSA industries of South Africa (tables 6–8) leads to the conclusion that the available data give no grounds to speak of any gradual and continuous accumulation of novel traits during this epoch. The general pattern of industrial change in the MSA of South Africa seems to be as «recursive» as that described by Shea (2006) for the MP of Levant, where

«blade production, exosomatic symbol use, and spear point production appear, flourish, then either disappear or decline markedly in frequency during subsequent periods» (Shea, 2006. P. 199). Thus, it seems that in both regions the vector of cultural dynamics was not constant, and the turn it made during the MP-UP/MSA-LSA transition appears radical enough to be considered a revolution (fig. 8).

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КИРГИЗСТАНА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. А. Кольченко¹

Киргизстан — горная страна, лежащая между исконно степными номадическими районами на севере и традиционно оседло-земледельческими оазисами Средней Азии на юге. Ферганский хребет, достаточно высокий и труднопроходимый, делит ее на две части — север и юг. Культуры каждой из них развивались параллельно друг другу, сообразно с климатом и историческими влияниями окружения, лишь в отдельные периоды сближаясь между собой. Территория Северного Киргизстана также не является однородной в историко-культурном плане. Во всяком случае, в эпоху средневековья каждый из ее субрайонов — Таласская и Чуйская долины, котловина озера Иссык-Куль, небольшие межгорные долины Внутреннего Тянь-Шаня — имел свои особенности и динамику развития. Об этом свидетельствуют различные виды источников — письменные, этнографические (в том числе и современное состояние указанных областей), нумизматические и, конечно же, археологические. Впрочем, путь к пониманию этого феномена пройден далеко не до конца, а начался он около полутора сот лет назад.

На IV Археологическом съезде, проходившем в 1877 г. в Казани, состоялась первая официальная презентация для профессионалов-археологов древностей Киргизстана. На съезде было представлено два сообщения: генерал-губернатора Туркестанского края К. П. фон Кауфмана о башне Бурана (зачитано В. Д. Смирновым) и градоначальника уездного города Пишпек М. А. Терентьева о самом городище Бурана (зачитано Н. И. Ильминским). Информационная запись об этом имеется в Трудах съезда² (Труды..., 1884. С. LXIV). Появление данных сообщений,

по нашему мнению, обусловлено тем, что к середине 70-х гг. XIX в. было уже накоплено некоторое количество эмпирической информации о древностях Северного Киргизстана.

Открытие в 1885–1886 гг. крупных средневековых христианских кладбищ в Чуйской долине (*Ядринцев*, 1886; *Пантусов*, 1887) инициировало поездку по Северному Киргизстану в 1893–1894 гг. В. В. Бартольда, тогда еще начинающего ученого, и С. М. Дудина. В опубликованном отчете описывались археологические памятники, преимущественно средневековые городища, и приводились данные письменных источников, необходимые для их понимания (*Бартольд*, 1897; см. также: *Бартольд*, 1894). Тем самым были заложены солидные основы изучения средневековой исторической географии региона.³ Несколько позже В. В. Бартольдом была предложена историческая периодизация древней и средневековой культуры Семиречья (*Бартольд*, 1898; 1996).

В 1920-х–начале 1930-х гг. производится картографирование археологических памятников в отдельных районах Северного Киргизстана. Так, П. П. Ивановым зарегистрировано 15 средневековых поселений на Иссык-Куле (*Иванов*, 1957; *Заднепровский*, 1957. С. 113) и памятники верховьев Таласа (*Иванов*, 1934), а А. И. Тереножкиным — «один могильник с оссуариями, 16 развалин городов и поселений феодального времени» в Чуйской долине (*Тереножкин*, 1935. С. 138). Последний предложил и периодизацию открытых им памятников. В частности, А. И. Тереножкин писал, что о времени возникновения поселений «ничего неизвестно», но Сюань

¹ Кыргызская Республика, 720071, Бишкек, пр. Чуй, 265-А. Институт истории Национальной Академии наук Кыргызской Республики.

² Тексты самих докладов остаются неизвестными.

© В. А. Кольченко, 2010

³ Впрочем, данные письменных источников, прежде всего китайских, для понимания древностей края достаточно регулярно приводились уже географами и путешественниками XIX в. — первооткрывателями археологических памятников Северного Киргизстана (см. напр.: *Северцов*, 1867. С. 75–76).

Цзан в 629–630 гг. уже застал здесь достаточно развитую «городскую и земледельческую культуру». В то же время «основная масса укреплений», по А. И. Тереножкину, появилась в VIII в., а «в IX–X вв. городская культура достигла в местности по р. Чу высшего развития, после чего она начала клониться к упадку» и «в XVI в. в долинах рр. Чу и Талас стояли уже только развалины, причем даже названия городов были всеми забыты» (Там же. С. 143).

Однако данная работа А. И. Тереножкина не была оценена по достоинству, и А. Н. Бернштам, крупнейший исследователь археологических памятников Северного Киргизстана конца 30–40-х гг. XX в., приводит ссылки на нее лишь в связи с упоминаниями находок неолитических орудий. Вероятно, дело здесь не столько в научной ценности исследования А. И. Тереножкина, сколько в иных аспектах.

Собственная археологическая деятельность А. Н. Бернштама в регионе началась в 1936 г. с разведочно-рекогносцировочного изучения среднего и нижнего течения р. Талас. В 1938 г., производя раскопки в г. Тараз (= Аулеи-Ата, Мирзоян, Джамбул), исследователь на основе полученных за три года материалов создает периодизацию, в которой доминирующее положение отведено средневековой (*Бернштам*, 1941). Так, возникновение города он относит к V в. и связывает с согдийской колонизацией, а прекращение его активного существования — к позднемонгольскому времени.⁴ Тысячелетняя эволюция культуры в регионе подразделяется А. Н. Бернштамом на пять примерно равных отрезков: V–VI, VI–VIII, IX–X, XI–XII и XIII–XV (–XVI) вв. (*Бернштам*, 1997. С. 94–139). Однако, определяя границы хронологических «ячеек» и распределяя по ним наличный полевой материал, он руководствовался не столько археологическими, сколько историческими данными — свидетельствами письменных источников. Позже, производя раскопки в Чуйской и в верховьях Таласской долин, разведки на Иссык-Куле и Внутреннем Тянь-Шане, добытый материал А. Н. Бернштам прямо или опосредованно соотносил с этой археологически четко не обоснованной шкалой. Отсюда и постоянные ее корректировки, заключавшиеся в изменении названий периодов и их хронологических границ. Впрочем, содержание при этом практически не менялось (ср.: *Бернштам*, 1943; 1949; Чуйская долина, 1950; *Бернштам*, 1952).

⁴ В то же время им отмечается существование поселений вплоть до современности.

Все же А. Н. Бернштам сделал для археологии Киргизстана как никто другой много. Именно под его руководством осуществлялись первые профессиональные стационарные раскопки средневековых городищ Ак-Бешим и Красная Речка. В ходе работ впервые были выявлены объекты, связанные с развитием и распространением буддизма в средневековье, выделен комплекс артефактов «зороастрийско-шаманистского культа», получены материалы по эпиграфике на средневековой керамике, предложена первая типология местных тюркешских монет и т. д. Уже на киргизстанских материалах развитие культуры в домонгольское время более четко подразделяется им на три периода, которым присваиваются этнические названия: тюрко-согдийский (VI–VIII вв.), карлукский (VIII–X вв.) и караханидский (XI–XII вв.) (*Бернштам*, 1997. С. 214–230). Для каждого из периодов приводятся описания артефактов и составляются сводные таблицы «историко-археологической классификации памятников Семиречья и Тянь-Шаня» (Чуйская долина, 1950. Табл. XCV), но аргументы при отнесении того или иного объекта к конкретному периоду опускаются. Учитывая же, что исследованные комплексы никогда не публиковались полностью, а для части приведенного в таблицах материала не указано даже точное место происхождения, правильность датировок отдельных находок вызывает сомнения.

В целом развитие поселений в регионе в средневековый период трактуется исследователем как неравномерное, но непрерывное: на первом этапе осваиваются Чуйская и вся Таласская долины, в «карлукско-караханидский» период происходит сокращение числа поселений в верховьях Таласа, но подчеркивается их количественный и качественный рост в Чуйской долине и появление в горных районах, в «караханидский» период сеть поселений покрывает уже весь Тянь-Шань и побережье Иссык-Куля. При этом раскопки производились фактически только на трех городищах в Чуйской долине и двух в Таласской!

А. Н. Бернштам был поистине пионером археологии Киргизстана. Его многочисленные яркие, эмоционально окрашенные статьи во многом сформировали образ культуры древнего и средневекового Северного Киргизстана. Предложенные им схемы развития, несмотря на частные корректировки отдельных положений, продолжают господствовать и в настоящее время.

1953–1955 годы — период работы Киргизской комплексной историко-археологической

экспедиции АН СССР. В ее рамках проводилось интенсивное изучение городища Ак-Бешим — одного из крупнейших в Северном Киргизстане. За время работы ак-бешимского отряда (руководитель Л. Р. Кызласов) в непосредственной близости от центра городища были вскрыты раннесредневековый буддийский храм,⁵ христианская церковь VIII в. с кладбищем при ней, погребальный комплекс VII–VIII вв. и ряд других объектов, а также заложен стратиграфический раскоп на шахристане. Таким образом, был получен интересный и разнообразный археологический материал по истории культуры Северного Киргизстана. При его публикации основное внимание было уделено исследованию планировки объектов, строительной технике и найденной глиняной скульптуре (Кызласов, 1958; 1959; Зяблин, 1961). Публикация остальных находок, прежде всего керамики, осуществлялась не по комплексам, и даже не по отдельным объектам, а по-«бернштамовски» — суммарно-обобщенно, с целью показать в ней лишь «согдийское» (Распопова, 1960). Материалы стратиграфического раскопа не были опубликованы ни начальником ак-бешимского отряда, ни автором раскопок; ими сообщается лишь его площадь (84 кв. м; 14 × 6 м), мощность (7,5 м культурных напластований), количество выделенных слоев (четыре), датировки крайних из них — V–VI вв. (по керамике, которая не приводится) и IX–X вв. (по керамике, которая не приводится, и китайской монете Да-ли Юань-бао), а также даются профили раскопа и планы на уровне каждого из выделенных слоев (Кызласов, 1959. С. 227–229; Кожемяко, 1959. С. 75).⁶

С 50-х гг. XX в. исследованием древностей Киргизии стали заниматься преимущественно киргизстанские специалисты. Первым среди них должен быть назван П. Н. Кожемяко, который в 1952–1954 гг. производил систематические разведки и фиксацию поселений в Чуйской долине. Им учтено 62 поселения, разделенных по внешним признакам и месту расположения (предгорная или долинная часть) на три группы. На 27 из них были заложены 56 небольших стратиграфических раскопов и 16 разрезов стен, на остальных — проводились зачистки обнажений и сбор

подъемного материала. При монографическом издании результатов этой работы была дана подробная характеристика каждого городища, приведены их планы и описана стратиграфия раскопов. Однако вещественный материал, разделенный на три части по культурно-хронологическим признакам, публиковался только обобщенно. Правда, в описательной части работы П. Н. Кожемяко излагает некоторые доводы для подтверждения предлагаемой схемы, в том числе технологического и стратиграфического характера (Кожемяко, 1959), но они представляются недостаточными.

Аналогичные работы под руководством П. Н. Кожемяко были выполнены в Таласской долине в 1957–1958 и 1960 гг. (Кожемяко, 1963) и на Тянь-Шане в 1958–1959 гг., а на Иссык-Куле — в 1959–1964 гг. под руководством Д. Ф. Винника (Винник, 1967). При публикации материала по Таласу и Иссык-Кулю акцент делался на картографировании, топографии и хронологии поселений. Хронология дается на основании аналогий неприведенным находкам в чуйских материалах А. Н. Бернштама и П. Н. Кожемяко. Данные по исследованию Тянь-Шаня практически не были опубликованы (Кожемяко, 1968) и становятся доступными лишь в наши дни (Кожемяко, 2007).

Выступая в 1968 г. на V совещании по проблемам археологии Средней Азии, П. Н. Кожемяко подвел итоги проделанной работе, назвал количество выявленных средневековых поселений в разных районах республики и подчеркнул их особенности, а также декларировал: «Следующим этапом должны явиться многолетние раскопки одного города, а также одного из поселений» (Кожемяко, 1970. С. 18–19).

По всей видимости, таким средневековым «городом» должно было стать Краснореченское городище. Еще в 1961–1963 гг. П. Н. Кожемяко проводил на нем стационарные раскопки ряда объектов. В частности раскапывались два буддийских храма, замок, лежащий под одним из них, и серия жилых домов X–XII вв. Своевременно опубликованы были сведения только о последних, причем с описаниями керамики и других находок; часть из них приведена также в рисунках (Кожемяко, 1967). Результаты раскопок остальных объектов опубликованы гораздо позже и представляют собой лишь текстовую часть полевого отчета. Однако в них отчетливо видно, что автор подходит к датировке раскопанных сооружений с чисто археологических позиций — исходя из стратиграфии нумизматических

⁵ В 1955–1958 гг. на городище Л. П. Зяблиным был раскопан Второй буддийский храм.

⁶ В период нахождения статьи в издательстве автору стала известна новая публикация Л. Р. Кызласова о результатах работы на Ак-Бешиме в 1953–1954 гг. (Кызласов, 2006). Хотя в ней приводится ряд новых интересных данных, но общей оценки они не меняют.

находок, типологии керамики и соотношения ее форм в комплексах (Кожмяко, 1989 а; 1989 б).

В связи с проведением новостроечных работ (Кольченко, 2006. С. 114–117) стационарные раскопки были прерваны и возобновились лишь в 1972 г., а в 1973 г. П. Н. Кожмяко скоропостижно скончался. Из-за болезни он не успел составить даже отчет о работах 1972 г.; полевая документация практически вся исчезла.

В ходе работ на новостройках изучались и средневековые поселения Северного Киргизстана. Так, в зоне затопления Токтогульского водохранилища в Кетмень-Тюбинской долине Тянь-Шаня была изучена топография около 20 поселений (Заурова, 1974; Винник, Заурова, 1977); на одном из них проведены стационарные раскопки, выявившие парадное здание XIV–XV вв. (Заурова, 1977). С 1966 по 1969 г. также проводились крупномасштабные работы в Таласской долине в зоне строительства Кировского водохранилища, которое практически поглотило одно из крупнейших городищ долины — Садыр-Курган и ряд более мелких объектов. К сожалению, данные о результатах работы содержатся только в информационных отчетах (Абетеков и др., 1968; Кожмяко, 1969; Гаврюшенко, 1969).

К 70-м гг. XX в. бум больших новостроечных работ закончился. Это привело к некоторому сокращению объемов археологических полевых исследований в целом. Вместе с этим, особенно после смерти лидера киргизстанской археологии — П. Н. Кожмяко, утрачивается их программность и целенаправленность. Также сокращается количество и качество издаваемой специализированной археологической литературы: если с 1959 по 1967 г. такие книги выходили раз или два в год и носили сугубо научный характер, то впоследствии в пятилетие издавались одна-две книги научно-популярного характера.

Среди полевых исследований 70–80-х гг. прошлого века прежде всего необходимо выделить раскопки на городище Бурана. С 1970 г., изначально — в связи с ремонтно-реставрационными работами на минарете, они проводились ежегодно, с небольшими перерывами, до начала 1990-х гг. В это время были выявлены остатки трех мавзолеев вблизи минарета и выполнен ряд других работ (Горячева, 1983. С. 21–66; Массон, Горячева, 1985). Однако полная информация об объеме исследований до наших дней не нашла отражения в печати, а в опубликованных работах, написанных преимущественно в научно-популярной

или тезисной форме, основное внимание уделено топографии и архитектурным памятникам городища. О раскопках средневековой бани, замка, выполненном стратиграфическом раскопе, в ходе которых был получен большой объем материалов, имеются лишь информационные сообщения в «Археологических открытиях» соответствующих лет.

В 1978–1980 гг., также в связи с реставрационными работами, проводилось архитектурно-археологическое изучение Таш-Рабата — каменного сооружения в высокогорном районе Тянь-Шаня. В результате проведенных исследований была пересмотрена дата его сооружения (X в., а не XV в.) и предложена новая интерпретация функционального назначения — христианский монастырь⁷ (Перегудова, 1989; Горячева, Перегудова, 1994. С. 88–91).

К началу 1980-х гг. относятся археологические исследования на городище Кошой-Коргон — одном из крупнейших в горной части Киргизстана. Несмотря на многообещающее начало и наличие весьма интересных находок, работы были кратковременными и не внесли существенного вклада в понимание ситуации с поселениями Тянь-Шаня. К тому же публикация результатов была осуществлена поверхностно и неполно (Москалев, 1982; Федоров, 1987).

В 1970–1980-х гг. спорадически продолжались полевые работы на Иссык-Куле под руководством Д. Ф. Винника. Несмотря на регулярность публикаций (Винник, 1970; 1973; 1975; Винник и др., 1978; Винник и др., 1982), новой информации они фактически не дали.

В средней части Чуйской долины двухлетние полевые исследования проводились на городищах Тюлек и Беловодская Крепость. Опубликованная информация о них также крайне скудна (Москалев, 1978; 1979; Мокрынин, Заурова, 1979; Мокрынин, 1982).

С 1978 г. были возобновлены исследования на Краснореченском городище. За весь период раскопок, длившийся, с небольшими перерывами, более 20 лет, с той или иной полнотой изучено 11 объектов, в том числе цитадель, городской некрополь, Второй буддийский храм. Однако о проведении широкомасштабных системных раскопок на большой площади, как планировалось П. Н. Кожмяко, говорить не приходится. Большинство из объектов изучалось вынужденно, так как они разрушались и им грозило

⁷ Данное утверждение не нашло широкой поддержки в научных кругах в связи с его слабой аргументацией.

полное уничтожение в результате хозяйственной деятельности. Общая информация о раскопках ежегодно публиковалась в «Археологических открытиях». Имеется обобщенный обзор первого пятилетия исследований (*Байтаков, Горячева, 1989*). Относительно полно опубликованы два объекта, изученных на некрополе (*Горячева, 1989*), Второй буддийский храм (*Горячева, 1996*) и так называемый Караханидский дворец (*Перегудова, 1990*). Однако при публикации памятников внимание оказалось сосредоточено на планах и архитектуре, а портативные артефакты остались неопубликованными.

В конце XX–начале XXI в. крупномасштабные полевые исследования, в которых принимал участие и автор, проводились вновь на городище Ак-Бешим. В 1996–1998 гг. были вскрыты на всей площади объекта верхние и (шурфом в одном помещении) нижние слои цитадели, верхние слои в центре шахристана и крупный комплекс христианских церквей в его юго-восточном углу. Полученный материал был опубликован в виде отчета, с хорошими планами и разрезами, подробным описанием стратиграфии и заполнения каждого помещения. Однако находки, прежде всего керамика, изданы неполно и с некоторыми ошибками (*Семенов, 2002*). В 2000–2001 гг. были продолжены раскопки христианского комплекса, его «кухонно-бытовой» части, но материал этих работ еще не опубликован.

Современные полевые исследования средневековых поселений Северного Киргизстана проводятся на городищах Новопокровское-2 и Ак-Бешим в Чуйской долине. В 2004 г. были начаты раскопки первого из них. Цели и задачи исследования изложены в специальной статье (*Кольченко, Ротт, 2005*). За три полевых сезона была раскопана серия помещений, сооруженных на развалинах крепостных стен и снаружи примыкавших к ним. Они относятся к началу II тыс., что определено по нумизматическому материалу и индикативным находкам. Зафиксированы два-три уровня перестроек этих помещений. У внутренней грани крепостных стен на незначительной площади выявлены части двух помещений нижележащего строительного периода. Верхний и нижний строительные горизонты отделены друг от друга слоями, относящимися к периоду запустения в жизни городища. На Ак-Бешиме работы были возобновлены в 2006 г. — начато исследование нового объекта на шахристане, из которого происходят фрагменты буддийских скульптур.

Подведем итог нашему обзору.

Изучение средневековых памятников Северного Киргизстана началось еще в XIX в.

К середине–концу 20-х гг. прошлого века закончился период первоначального накопления информации, проявляются тенденции перехода к систематизации материала и планомерным разведочным исследованиям. Основной вопрос повестки дня — картографирование древностей.

В конце 1930–1940-х гг. историческая схема развития культуры края, предложенная В.В. Бартольдом еще в конце XIX в., усилиями А.Н. Бернштама иллюстрируется археологическими материалами (именно иллюстрируется, а не корректируется!); в это время устанавливается примат исторических посылок над собственно археологическими. На этом же этапе продолжается начатый еще В.В. Бартольдом процесс отождествления большинства известных городищ с известными по письменным источникам городами и селениями.

В 1950–1960-е гг. производятся стационарные раскопки отдельных объектов (Л.Р. Кызласов, Л.П. Зяблин), позволяющие более глубоко взглянуть на культурные реалии средневекового Киргизстана. Однако ничего принципиально нового, за исключением значительного влияния буддизма, выявлено не было. Осуществленное в это же время достаточно полное археологическое обследование территорий, в отдельных случаях связанное именно с изучением средневековых поселений (П.Н. Кожемяко, Д.Ф. Винник), позволяет представить масштабы оседлости в средневековье и наметить некоторую ее динамику по субрайонам Северного Киргизстана, а также разработать общую типологию этого явления. В этот же период подвергаются пересмотру результаты ряда работ по исторической географии. В связи с огромными объемами материалов из спасательных раскопок на новостройках с середины–конца 1960-х гг. намечается значительная задержка их публикации.

В 70–80-х гг. прошлого века утрачивается целенаправленность исследований. Вместо фундаментального планомерного изучения археологи зачастую выполняют лишь спасательные работы — нужные, но долженствующие быть сопутствующей, а не основной деятельностью. Вероятно, наряду с личностно-субъективными факторами это и стало одной из причин сокращения количества публикаций и резкого крена в сторону популяризации в ущерб научности. Закономерно, что, несмотря на многолетние раскопки двух городищ восточной части Чуйской

долины — Краснореченского и Бурана, цельного представления об археологических особенностях этих памятников не появилось. Ничего принципиально нового или расширяющего уже имеющиеся данные в публикациях не получило отражения. Более того, фактологическая, источниковедческая база по сравнению с 1940–1950-ми гг. практически не была пополнена. Однако в этот же период издается ряд работ, посвященных средневековой истории христианства и буддизма в регионе, а также уточнению отдельных исторических топонимов (*Байпаков, Горячева, 1989*).

В 1990-х гг., в связи с политическим и экономическим кризисом и последовавшей затем структурной перестройкой всех сфер, археологические работы были сведены к минимуму. Лишь в конце десятилетия намечается некоторая их активизация, связанная преимущественно с интересами зарубежных исследователей.

Учитывая все вышесказанное, одной из актуальных задач на современном этапе развития археологии Киргизстана следует считать количественное и качественное пополнение источниковедческой базы. Это справедливо как для изучения средневековых поселений северной части страны, так и для всех других отраслей археологии. Решение задачи лежит в области продолжения полевых исследований. Для каждого археолога должно стать нормой, что материалы о любом раскапываемом объекте должны быть максимально полно и достаточно оперативно опубликованы. При этом находки должны публиковаться по комплексам — по отдельным слоям и помещениям. Аналитика комплексов — выявление типологии, эволюции, функционального назначения, семантики, социальной значимости и пр. — отдельная задача. Возможно, исследование этих конкретных аспектов должно быть осуществлено в рамках специальных публикаций.

Исходя из наличных ресурсов, людских и финансовых, актуальные задачи, стоящие перед археологией Киргизстана, следует подразделять на стратегические (глобальные), решение которых, несомненно, продвинуло бы вперед местную археологию, но их выполнение требует значительных длительных работ, и тактические (частные).

К первым относится расширение исследований. Из приведенного обзора явствует, что наиболее долго и качественно исследовались три городища восточной части Чуйской области — Краснореченское, Ак-Бешим и Бурана. Облик материальной культуры средневекового населения этих городищ с большей или меньшей

четкостью определен, но для его анализа на фоне регионального контекста необходимо проведение сравнений. А сравнивать не с чем! Ибо не существует публикаций, в которых были бы представлены комплексы артефактов со средневековых поселений Иссык-Куля, Тянь-Шаня или западной и средней частей Чуйской долины; имеется едва ли не единственная подобная публикация для верховьев Таласской долины (*Бубнова, 1963*). К тому же все три поселения относятся к типу крупных городищ с длинными стенами. Остается неизученной материальная культура других типов поселений — предгорных и городищ округи. Исследования, начатые на одном из таких, Новопокровском-2, лишь частично решают этот вопрос.

Без сомнения, все еще актуальна так и не реализованная задача системного и планомерного изучения максимальной площади одного памятника, поставленная почти 40 лет назад П.Н. Кожемяко: «Только сплошные раскопки позволят выйти за рамки изучения отдельных вопросов и поставить проблему общих закономерностей развития городов и поселений и их социально-экономической и культурной жизни» (*Кожемяко, 1970. С. 19*). Это также стратегический проект, ибо в настоящее время для его реализации нет достаточных ресурсов.

Учитывая вышеизложенное, наиболее актуальным представляется решение достаточно частных вопросов.

Одним из таковых является исследование нижних слоев городищ для получения археологических данных о времени возникновения поселений. Вплоть до настоящего времени эта проблема решалась преимущественно на основе данных письменных источников (Сюань Цзан в 629–630 гг. застал в Чуйской долине порядка десятка городов), а также путем экстраполяции (наличие согдийских поселений первой половины I тыс. н. э. на территории современных Китая и Монголии — для согдийцев путь туда лежал через Северный Киргизстан).

Еще один вопрос состоит в том, что материальная культура поселений монгольского и постмонгольского времени фактически не выделена. Слои этого периода исследовались П.Н. Кожемяко на Садыр-Кургане, но материалы не были опубликованы. Наличие слоев этого времени нам известно по результатам сборов на ряде городищ Чуйской долины; также о существовании в долине поселений этого времени свидетельствуют данные нумизматики и известные крупные христианские кладбища у Бишкека и Токмока. Судя

по письменным источникам, монгольские и постмонгольские поселения должны быть на Тянь-Шане. Тогу-Айгырская баня на Иссык-Куле также относится к этому времени. Но более конкретных данных нет.

Представляется также актуальным и реальным проведение комплекса исследований для определения динамики и характера развития поселений на рубеже I и II тыс. н. э. По нумизматическим данным и некоторым предварительным наблюдениям в конце I тыс. н. э. намечается определенный перерыв в развитии — если не полное прекращение жизни на поселениях, то значительное ее замирание, стагнация. Следом за этим произошел своеобразный урбанистический взрыв: резкий рост количества городищ во всех субрайонах рассматриваемого ареала, датированных первыми веками II тыс. н. э.; качественный скачок в производстве керамики, выразившийся в стандартизации форм и технологическом сдвиге — доминировании гончарной посуды; появление новых форм в посуде и применение новых технологий обработки поверхностей — глазурирование и т. д. Данный феномен требует аргументированного объяснения. Провозглашаемый рядом исследователей тезис о массовом оседании кочевников представляется односторонним и недостаточным и, во всяком случае, не подкрепленным археологическими данными. Заметим, что вопрос о проникновении элементов кочевой культуры в культуру поселений должным образом не рассматривался.

Реализация последних рассмотренных пунктов в рамках исследований на одном городище наконец-то позволит создать хронологическую колонку для разных категорий находок, а наличие таковой, наряду с обобщением данных по стратиграфии, позволит скорректировать наши представления о развитии материальной культуры. Представляется, что в итоге это может привести к пересмотру количества этапов в истории существования древних поселений Северного Киргизстана.

И наконец, еще один актуальный аспект исследований — выявление различных традиций и этапов эволюции погребальной практики. Изучение этого вопроса было начато на основе данных, полученных с Краснореченского городища. Целесообразнее всего продолжить исследования на материалах того же памятника.

Безусловно, для реализации предложенной программы необходимо количественное увеличение числа археологов и кардинальные структурно-институциональные преобразования. Впрочем,

это уже не научный, а административно-управленческий вопрос.

Абетеков и др., 1968. — *Абетеков А. К., Гаврюшенко П. П., Заурова Е. З., Кожемяко П. Н., Кожомбердиев И. К.* Археологические работы в Киргизии // АО 1967 года. М., 1968.

Байпаков, Горячева, 1989. — *Байпаков К. М., Горячева В. Д.* Основные итоги археолого-топографического изучения Краснореченского городища за 1978–1983 гг. // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989.

Бартольд, 1894. — *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период // ЗВОРАО. СПб., 1894. Т. 8.

Бартольд, 1897. — *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. // ЗАН по ист.-филол. Отд. СПб., 1897 (VIII серия. Т. 1, вып. 4).

Бартольд, 1898. — *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья // Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета за 1889 год. Верный, 1898. Т. 2.

Бартольд, 1996. — *Бартольд В. В.* Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1996.

Бернштам, 1941. — *Бернштам А. Н.* Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.

Бернштам, 1943. — *Бернштам А. Н.* Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943.

Бернштам, 1949. — *Бернштам А. Н.* Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. 1949. Т. 11.

Бернштам, 1952. — *Бернштам А. Н.* Искусство и культура Тянь-Шаня и Семиречья в древний и средневековый период // Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952 (МИА. № 26).

Бернштам, 1997. — *Бернштам А. Н.* Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1997. Т. 1.

Бубнова, 1963. — *Бубнова М. А.* Средневековое поселение Ак-Тобе 1 у с. Орловки // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Винник, 1967. — *Винник Д. Ф.* К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.

Винник, 1970. — *Винник Д. Ф.* Древние города и поселения Прииссыккулья // Памятники Киргизстана. Фрунзе, 1970. Вып. 1.

Винник, 1973. — *Винник Д. Ф.* Исследования Иссык-Кульской экспедиции // АО 1972 года. М., 1973.

Винник, 1975. — *Винник Д. Ф.* Археологические памятники Иссык-Кульской котловины // Изв. Киргизского географического общества. Фрунзе, 1975. Вып. 12.

Винник, Заурова, 1977. — *Винник Д. Ф., Заурова Е. З.* Историческая топография оседлых поселений Западного Тянь-Шаня // Кетмень-Тюбе: Археология и история. Фрунзе, 1977.

Винник и др., 1978. — *Винник Д. Ф., Лисниченко Н. С., Санаров А. В.* Работы на Иссык-Куле // АО 1977 года. М., 1978.

Винник и др., 1982. — *Винник Д. Ф., Лисниченко Н. С., Москалев М. И.* Работы на Иссык-Куле и в долине р. Чу // АО 1981 года. М., 1982.

Гаврюшенко, 1969. — *Гаврюшенко П. П.* Раскопки на городище у с. Бейшеке // АО 1968 года. М., 1969.

Горячева, 1983. — *Горячева В. Д.* Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан). Фрунзе, 1983.

Горячева, 1989. — *Горячева В. Д.* Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989.

Горячева, 1996. — *Горячева В. Д.* Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. 1996. № 2.

Горячева, Перегудова, 1994. — *Горячева В. Д., Перегудова С. Я.* Памятники христианства на территории Кыргызстана // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.

- Заднепровский*, 1957. — *Заднепровский Ю. А.* Археологическое изучение котловины Иссык-Куля и значение исследования П. П. Иванова // ТИИ АН КиргССР. Фрунзе, 1957. Вып. 3.
- Заурова*, 1974. — *Заурова Е. З.* Оседлые поселения долины Кетмень-Тюбе // АО 1973 года. М., 1974.
- Заурова*, 1977. — *Заурова Е. З.* Раскопки на городище Акчий // Кетмень-Тюбе: Археология и история. Фрунзе, 1977.
- Зяблин*, 1961. — *Зяблин Л. П.* Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961.
- Иванов*, 1934. — *Иванов П. П.* К вопросу о древностях в верховьях Таласа // К 50-летию научно-общественной деятельности С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934.
- Иванов*, 1957. — *Иванов П. П.* Материалы по археологии котловины Иссык-Куля // ТИИ АН КиргССР. Фрунзе, 1957. Вып. 3.
- Кожмяко*, 1959. — *Кожмяко П. Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
- Кожмяко*, 1963. — *Кожмяко П. Н.* Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
- Кожмяко*, 1967. — *Кожмяко П. Н.* Раскопки жилищ горожан X–XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.
- Кожмяко*, 1968. — *Кожмяко П. Н.* Караван-сарай на р. Манакельды // ТФПИ. Фрунзе, 1968. Вып. 26: Архитектура и строительство.
- Кожмяко*, 1969. — *Кожмяко П. Н.* Городище Садыр-Курган // АО 1968 года. М., 1969.
- Кожмяко*, 1970. — *Кожмяко П. Н.* Основные достижения и проблемы археологии Киргизской ССР // Археологическое изучение Средней Азии. М., 1970 (КСИА. Вып. 122).
- Кожмяко*, 1989 а. — *Кожмяко П. Н.* Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989.
- Кожмяко*, 1989 б. — *Кожмяко П. Н.* Отчет о раскопках работ на Краснореченском городище в 1962–1963 гг. // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989.
- Кожмяко*, 2007. — *Кожмяко П. Н.* Отчет о полевых работах Тянь-Шанского археологического отряда // МИАК. Бишкек, 2007. Вып. 2.
- Кольченко*, 2006. — *Кольченко В. А.* Из истории археологии Кыргызстана (1950–начало 1970 гг.) // Кыргызстан: история и современность. Бишкек, 2006.
- Кольченко*, *Ротт*, 2005. — *Кольченко В. А., Ротт Ф. Г.* О Новопокровских городищах // МИАК. Бишкек, 2005. Вып. 1.
- Кызласов*, 1958. — *Кызласов Л. Р.* Остатки замка VI–VII вв. на городище Ак-Бешим // СА. 1958. № 5.
- Кызласов*, 1959. — *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ. М., 1959. Т. 2.
- Кызласов*, 2006. — *Кызласов Л. Р.* Городская цивилизация Средней и Северной Азии: Исторические и археологические исследования. М., 2006.
- Массон*, *Горячева*, 1985. — *Массон М. Е., Горячева В. Д.* Бурана. Фрунзе, 1985.
- Мокрынин*, 1982. — *Мокрынин В. П.* Беловодский некрополь // Памятники Киргизстана. Фрунзе, 1982. Вып. 6.
- Мокрынин*, *Заурова*, 1979. — *Мокрынин В. П., Заурова Е. З.* Исследование городища Беловодская крепость // АО 1978 года. М., 1979.
- Москалев*, 1978. — *Москалев М. И.* Раскопки на Тюлекском городище // АО 1977 года. М., 1978.
- Москалев*, 1979. — *Москалев М. И.* Исследования на Тюлекском городище // АО 1978 года. М., 1979.
- Москалев*, 1982. — *Москалев М. И.* Городище Кошой-Коргон // Памятники Киргизстана. Фрунзе, 1982. Вып. 5.
- Пантусов*, 1887. — *Пантусов Н. Н.* Христианское кладбище близ Пишпека // ЗВОРАО. СПб., 1887. Т. 1.
- Перегудова*, 1989. — *Перегудова С. Я.* Таш-Рабат. Фрунзе, 1989.
- Перегудова*, 1990. — *Перегудова С. Я.* Раскопки дворцового здания на Краснореченском городище // Изв. АН КиргССР. Фрунзе, 1990 (Сер. обществ. наук. № 1).
- Распопова*, 1960. — *Распопова В. И.* Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины // ТКАЭЭ. М., 1960. Т. 4.
- Северцов*, 1867. — *Северцов Н. А.* Поездка в Западную часть Небесного хребта (Тянь-Шаня) или Цун-Лин древних китайцев от западных пределов Заилийского края до Ташкента // Зап. РГО по общ. геогр. СПб., 1867. Т. 1.
- Семенов*, 2002. — *Семенов Г. Л.* Раскопки 1996–1998 гг. // Суяб — Ак-Бешим. СПб., 2002.
- Тереножкин*, 1935. — *Тереножкин А. И.* Археологические разведки по реке Чу в 1929 г. // ПИДО. М.; Л., 1935. № 5–6.
- Труды..., 1884. — Труды IV Археологического съезда в России. Казань, 1884.
- Федоров*, 1987. — *Федоров М. Н.* Крепостная стена Кошой-Коргон // Вопросы истории материальной и духовной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1987.
- Чуйская долина, 1950. — Чуйская долина: Труды Семиреченской археологической экспедиции / Под рук. А. Н. Бернштама. М.; Л., 1950 (МИА. № 14).
- Ядринцев*, 1886. — *Ядринцев Н.* Археологические изыскания и открытия д-ра Пояркова близ Токмака // ЗАН. СПб., 1886. Т. 52.

Medieval Settlements of North Kyrgyzstan: the History and Problems of Current Importance for their Studies

V. A. Kol'chenko

Kyrgyzstan is a mountainous country lying between the native steppe nomadic regions on the north and traditional settled agricultural oases of Central Asia on the south. The Fergana ridge, fairly high and impassable, divides it into two — the northern and southern parts. The cultures of each part were developing concurrently influenced by their climate and historical surroundings and drawn together only during particular periods. Neither the territory of Northern Kyrgyzstan is homogeneous in terms of its history and culture. During the medieval period, each

of its sub-regions — the Talas and Chui vales, the basin of Lake Issyk-Kul, small intermontane vales of the Inner Tien-Shan — had their own peculiarities and their dynamics of development.

Studies of medieval sites of Northern Kyrgyzstan began as early as the 19th century. By the middle — end of the 20th century the stage of the primary accumulation of information had passed to systematization of the evidence and regular surveys. On the current agenda is mapping of the antiquities.

In the late 1930s — 1940s, the historical scheme of developments of the culture of the region, proposed by V. V. Bartold as early as the late 19th century, was illustrated by archaeological materials obtained owing to A. N. Berstam's efforts.

In 1950s — 1960s, regular excavations of particular sites were conducted (L. R. Kyzlasov, L. P. Zyablin) allowing a deeper insight into the cultural realities of medieval Kyrgyzstan. From the middle — end of the 1960s, the publication of the results tends to lag behind the field investigations in consequence of the large-scale construction works.

Since the 1970s — 1980s the purposefulness of the studies is lacking ever more. Instead of systematic fundamental excavations, archaeologists often

fulfil rescue works which are necessary but should be only supplementary to the main studies. During the same period a series of works is published on the medieval history of Christianity and Buddhism in the region under consideration.

In the 1990s, due to the political and economical crisis and subsequent reconstruction of all spheres of life the archaeological studies were reduced to a minimum. Only in the end of the decade a certain revival connected mostly with the interests of foreign researchers shows itself.

One of the urgent problems of the present stage of the development of the archaeology of Kyrgyzstan is a qualitative and quantitative supplementation of the source-study base.

Обзоры и рецензии

ПАЛЕОЛИТ НА ЧЕТЫРЕХ ЯЗЫКАХ

*С. А. Васильев, Г. Бозински, Б. А. Бредли, Л. Б. Вишняцкий,
Е. Ю. Гиря, Ю. Н. Грибченко, М. Н. Желтова, А. Н. Тихонов.*

Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 264 с. in 8°, 82 рис.

Русские и все владеющие русским языком археологи-палеолитчики получили великолепный подарок — подспорье для повседневной работы: вышел четырехязычный словарь-справочник по археологии палеолита. Словарь составлен известными и очень компетентными археологами-палеолитчиками С. А. Васильевым, Л. Б. Вишняцким, Е. Ю. Гирей, М. Н. Желтовой в сотрудничестве с иностранными специалистами немцем Г. Бозински и американцем Б. А. Бредли, а также с отечественными палеонтологами, геологами и географами.

Около 3000 понятий квалифицированно разъяснено, и даны их соответствия (переводы) на английский, французский и немецкий языки. Помещено большое количество рисунков и схем, облегчающих понимание и дающих самые современные сведения о хронологических и генетических отношениях реалий. Это не первый опыт такого предприятия в археологии (были и переводные словари, двуязычные и многоязычные, и справочники энциклопедического типа), но перед нами несомненно самый полный, самый научный и самый профессиональный труд такого рода.

В справочнике шесть глав: 1) полевая археология, 2) геолого-геоморфологический анализ памятников, 3) комплексный палеогеографический анализ, 4) каменная индустрия, 5) изделия из органических материалов, украшения и произведения мобильного искусства, 6) интерпретация и реконструкция, периоды и культуры. К этому составу приложен библиографический список и список сокращений, а предварено всё

предисловием, в котором очень умно и с глубоким знанием дела проанализированы трудности, стоявшие перед авторами: несовпадения понятий в разных языках, неравномерность разработанности в них разных частей понятийной сетки (скажем, типология кремня больше разработана во французской археологии, понятия интерпретации — больше в англоязычной литературе и т. п.).

Авторов нужно поздравить с большим успехом. Книга их чрезвычайно полезна, и пользоваться ею будут многие, не только палеолитчики, и не только в России.

Издание несомненно будет переводиться на иностранные языки, а, учитывая небольшой тираж, возможно, потребуются и русское переиздание. Учитывая эту перспективу, а также то, что справочник станет понятийным и терминологическим нормативом для отечественных палеолитчиков, в данной рецензии стоит сосредоточиться на спорных сторонах этого значительного труда.

Спорным мне представляется само его построение. Если иметь в виду удобство пользователей, то нужно было избрать какой-то один принцип пользования справочником — либо алфавитный, либо системный. В этом смысле авторы поступили непоследовательно: материал разбит на главы по системному принципу, а внутри каждой главы — по алфавитному принципу. В итоге всё выглядит как шесть справочников, сброшюрованных в один том. В поисках разъяснения какого-то понятия читателю нужно сначала определиться, к какой отрасли оно принадлежит, а потом искать его в соответствующей главе по алфавиту. Общего алфавитного указателя нет, так что если вам потребуется термин «начальник экспедиции» (а он указан только как синоним «руководителя

работ»), то вы его с ходу и не найдете. Термин «преистория» указан только как синоним в тексте о «доистории».

Системный принцип деления материала требует последовательности, а непоследовательность сказывается сбивчивостью понятий. Скажем, в главе «Полевая археология» не сразу сообразишь, к чему относятся понятия «эпизод обитания» и «наблюдательный пункт» — к деятельности археологов в поле или к жизни древних людей. Было бы уж проще, если бы системное деление было последовательно проведено, и разделы «виды памятников», «археологический инструментарий» и «методы полевой работы» были поданы по отдельности. В главе об интерпретации и реконструкции нужно было бы номенклатуру (названия культур, периодов, типов человека и т. п.) отделить от процессов и методов интерпретации и реконструкции. Но в этом случае вообще материал внутри разделов стоило бы располагать не по алфавиту, а по логике структурных отношений. Если читатель хочет иметь под руками весь лексикон некой темы со всеми иностранными соответствиями, то именно такая группировка для него самая удобная. А если он ищет разъяснение некоего известного ему термина и его иностранные соответствия, то он, конечно, обратится к алфавитному расположению (а в случае системного нужен алфавитный указатель).

Не будучи палеолитчиком, я мог бы отметить и более конкретные спорные пункты и пробелы в двух главах, первой и последней, имеющих отношение не только к палеолитчикам. В главе «Полевая археология» французскому «co-directeur» приведено немецкое соответствие «Stellvetreter», но это неполное соответствие (можно сказать, оно соответствует только частице «со-»), а полное соответствие было бы «Stellvetreter des Direktors» или «stellvetretender Direktor». Как уже сказано, «заместитель начальника (экспедиции)» есть, а «начальника (экспедиции)» нет, нет и «начальника (отряда)», нет «рабочего-землекопа». «Бумага мягкая» есть, а «крафта» нет. Станным образом отсутствует понятие «профиль».

Под понятием «слоя культурного объекта» приведено в подстрочном примечании суждение, что в русском языке нет соответствия английскому «feature» как археологическому термину. Это не так, в данном смысле употребителен термин «сооружение» — в русском археологическом употреблении он охватывает и очаги, ямы,

выкладки и т. п. Понятию «раскопа квадрат» приведен синоним «пикет». Пикетами я всегда считал колышки, которыми размечен квадрат. Не отмечено некоторое несоответствие терминов «полевая археология» и англоязычного «field archaeology». В английском так (то есть буквально — «полевой археологией») именуют только разведки и обследование местности, работу на природе. Скажем, раскопки Кносса или Олимпии для англичан — это не полевая археология. Русскому «археолог-полевик» в английском соответствует «dirt archaeologist» (буквально — «грязный археолог»).

Неправильно дано объяснение термина «выборка» — «извлечение мелких находок и остатков при промывке или просеивании культурного слоя». Термин «выборка» давно уже ассоциировался в археологии с «репрезентативной выборкой» математиков, и sampling — это извлечение археологического материала репрезентативными выборками, например, по системе случайных цифр. Есть и руководства, специально посвященные такому sampling.

Первое, что бросается в глаза при чтении главы шестой, это непомерное введение галлицизмов при названии культур: «амудьен», «ареньен», «атлитьен», «бабоньен», «бадегульен», «бачокирьен» и т. д. вплоть до «ябрудьен» и «янкочичьен» (кое-где англицизмы: «альтмулиан»). Даже название культуры по немецкому эпониму Таубах, введенное чехом К. Валохом, превратилось в англизированное «таубахиан». Но и это массовое офранцузивание (с частичной англизацией) сделано непоследовательно: нет «аббевильена», а есть «аббевиль», нет «азильена», «шелльена», «ашельена», «мустерьена», «мадлениена» и т. д. Уж коль скоро в русской терминологии принято было в случае необходимости заимствования производить французские названия от существительных, а не от прилагательных с их флексиями (в русском ведь есть свои флексии!), то этого стоило бы придерживаться и далее, а не менять манеру в сторону усложнения. Язык спотыкается: «коломбаньен»! А как от них теперь производить русские прилагательные? «Коломбаньенский»?

Термин «ископаемое руководящее» (синоним «руководящий тип») приведен без отметки «устарел», а зря: давно уже в научных текстах вместо этого термина используются другие: ведущий тип, специфический, определяющий, диагностический. «Категория» определяется по Городцову как группа артефактов одного функционального назначения, и приведены иноязычные

соответствия. В русской терминологии городцовское употребление действительно закрепилось, но, хотя «Типологический метод» Городцова и был переведен в Америке, я не уверен, что англоязычное употребление этого термина тоже столь конкретизировано (то же относится и к немецкому, и французскому соответствиям — «Klasse», «classe»).

Есть некоторые возражения относительно объяснений некоторых понятий. «Эволюция» разъяснена как «процесс изменений, имеющий определенное направление, то есть не колебательный и в долгосрочной перспективе необратимый». Но под такое объяснение и «деволюция» подпадает и таким образом совпадает с эволюцией! Очевидно, без ссылки на прогресс не обойтись. В понятие «антропология» (как совокупность наук) не включены социальная и культурная антропология. А они ведь не вполне совпадают с этнографией. Да и этнологию стоило бы привлечь. Термин «диффузия» разъясняется как распространение культурных черт от одной культуры к другой, не сопровождаемое миграцией их носителей, то есть как результат влияний и заимствований.

Однако у классиков диффузионизма под диффузией понимается любой процесс распространения (например, неолита с Ближнего Востока в Европу), включая миграции. Для процесса влияний и заимствований нужен особый термин. Мортимер Уилер употреблял термин «трансмиссия», и я предложил термин «трансмиссионизм». Можно с ним не соглашаться, но тогда нужно оговорить двойное значение термина «диффузия». Не соглашусь я и с толкованием термина «археология» — для авторов это «наука о древних обществах, реконструируемых на основе материальных остатков». А что же такое тогда «преистория» (не как период, а как наука)? Мне всё же представляется, что археология — это источниковедческая наука, а именно наука о материальных остатках, их обработке и истолковании для использования в преистории и истории.

Но это уже теоретические разногласия. В большом коллективном труде не обойтись без пробелов и просчетов. Изложив свои критические замечания, я хочу еще раз подчеркнуть, что они никак не отменяют моей в общем очень высокой оценки этого труда.

Л. С. Клейн.

Россия. Санкт-Петербург

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Archaeology of the Russian Far East. Essays in Stone Age Prehistory.

S. M. Nelson, A. P. Derevianko, Y. V. Kuzmin, R. L. Bland (Eds.).

British Archaeological Reports international series, no. 1540. 191 pages. 2006.

Oxford: Archaeopress.

Юг Дальнего Востока России давно привлекает внимание исследователей далекого прошлого. Само географическое положение этой своеобразной природной зоны на стыке Северной и Восточной Азии дает уникальную возможность изучить сложные процессы взаимодействия древнего человека и природной среды, проследить контакты континентальных и приморских культур. Это область, где сходятся научные интересы исследователей России, Японии, Кореи и Китая (не говоря об археологах из США и Канады, занимающихся общими вопросами корреляции культур Тихоокеанского региона). В условиях не имеющего аналогов языкового разнообразия английский язык

выступает в качестве единственного средства международного научного общения.

Российские и американские соавторы проекта поставили перед собой непростую задачу — создать краткую сводку современных данных по наиболее ранним культурам региона. Учтем, что последняя книга на английском языке, посвященная археологии Дальнего Востока, вышла в свет более 40 лет назад и содержала лишь краткий очерк древнекаменного века, сведения о котором сводились тогда к находкам на Осиновском холме (*Okladnikov, 1965*).

Хорошо известно, что изучение древностей Востока Азии всегда было делом гораздо более сложным по сравнению с Южной Сибирью или Европой. Ввиду кислотности почв в регионе

почти не сохранилось костных остатков плейстоценового возраста. В большинстве случаев памятники представлены в виде горизонтов залегания изделий из камня, и трудно понять, имеем ли мы дело с остатками культурных слоев или переотложенными на эрозионную поверхность предметами. Порой палеолитический возраст приписывался тем или иным памятникам, исходя из типологического облика инвентаря, впоследствии эти определения опровергались другими археологами и т. д. Дополнительную сложность представляют языковые барьеры между исследователями различных стран и своеобразный подход к анализу археологического материала, традиционно практикуемый в Китае, Корее и Японии.

Благодаря активной деятельности археологов Владивостока, Хабаровска, Южно-Сахалинска и Новосибирска на протяжении последних десятилетий достигнуты немалые успехи. Для обширных территорий впервые выявлены четко стратифицированные палеолитические памятники: Огоньки 5 — для Сахалина, Голый Мыс 4 — для Нижнего Приамурья. Открытие серии поразительно древних комплексов с керамикой заставляет кардинальным образом пересмотреть сложившиеся представления о соотношении палеолита и неолита региона.

Во вступлении к книге С. Нельсон остановилась на сложных проблемах поиска взаимопонимания между исследователями соседних стран. Здесь сказываются и языковой барьер, и различное понимание статуса и задач археологии, и несходство понятий, используемых для пространственно-временного дробления археологического материала.

Открывает книгу раздел, посвященный вопросам палеоэкологии и хронологии каменного века, принадлежащий перу Я. В. Кузьмина. Здесь мы находим характеристику физико-географической среды Приморья и Приамурья, краткое описание основных вех позднечетвертичной палеогеографии региона, дан список радиоуглеродных датировок.

Далее следует глава о палеолите Приморья (А. П. Деревянко и А. В. Табарев). Авторы кратко затронули вопрос о возможности открытия здесь нижнепалеолитических объектов, рассмотрели дискуссию вокруг датирования нижнего горизонта Осинки. Отчетливее вырисовывается облик верхнего палеолита, ранняя фаза которого известна по немногочисленным материалам из Пещеры Географического общества с датами в диапазоне

от 40 до 31 тыс. лет. Далее, после не представленного пока памятниками среднего периода, наступает поздняя пора верхнего палеолита, которую характеризуют многочисленные стоянки, сосредоточенные в районе Суворово-Устиновки, относящиеся к периоду от 16 до 10 тыс. лет. Примерно от 9,3 тыс. лет назад (по некалиброванной радиоуглеродной шкале) начинается переход к неолиту, ознаменованный появлением первых керамических комплексов (Устиновка III). Остаётся надеяться, что серия недавно открытых памятников (Астраханка, Руга, Нововарваровка и др.) позволит прояснить многие моменты культурного развития в регионе.

В следующей главе, написанной А. П. Деревянко, В. Н. Зениным и И. Ю. Шевкомудом, рассмотрены вопросы палеолита Приамурья. Раздел открывается характеристикой галечных индустрий предположительно раннепалеолитического возраста (Филимошки, Усть-Ту, Кумары 1). В то же время говорится о сомнениях некоторых исследователей (Р. Пауэрс) относительно искусственного характера находок из этих пунктов. Авторы упоминают о сходстве изделий из Филимошек и Диринг-Юряха, тут же отмечая спорность датировки последнего памятника. Неясен характер каменной индустрии из Тамбовки (нижний или средний палеолит?). Увы, уникальная находка рубила близ с. Богородское только упомянута. Между тем данное открытие можно было бы использовать как отправную точку для обсуждения сложной проблемы географического распространения индустрий с бифасами и галечных индустрий в Азии. Как и в случае с Приморьем, большинство стратифицированных памятников относится к верхнему палеолиту. В главе дана характеристика памятников Среднего Приамурья (Новорыбачий, Кумары 3 и 4), долины Буреи (Малые Куруктачи), а также стоянок Селемджи, разделенных на основании стратиграфических данных на 4 фазы развития.

Особый интерес представляют материалы по верхнему палеолиту Нижнего Приамурья. Если в предыдущем тексте изложение в основном следует за известной монографией (Деревянко, 1991), то в разделе И. Ю. Шевкомуда приводятся результаты новых раскопок стоянки Голый Мыс 4 с серией радиоуглеродных датировок от 12,9 до 10,3 тыс. лет. Стоянка, вероятно представляющая собой остатки охотничьего лагеря, доставила следы ряда кратковременных эпизодов обитания. Упоминается значительное число новых пунктов с палеолитическими находками

(Чегдока, Осиновая Речка 6, 10 и 17). К сожалению, на прилагаемой к главе карте (fig. 4.1) показаны только памятники Среднего Приамурья, а стоянки нижнего течения реки по непонятной причине отсутствуют.

Палеолитическую часть тома включает глава по памятникам Сахалина (А. А. Василевский). Здесь мы находим подробное описание стоянок южной части острова (Огоньки 5 и 8, Сокол, Старорусское 1–4, Олимпия 1, Петропавловское и др.), материалы которых позволили построить периодизацию верхнего палеолита региона и провести прямую корреляцию пяти выделенных фаз развития с комплексами Хоккайдо. К сожалению, автор лишь упомянул открытое им нижнепалеолитическое местонахождение Сенная 2.

Центральное место в главе занимает изложение результатов тщательного планиграфического анализа культурных слоев стоянки Огоньки 5 с широким применением ремонтажа. Благодаря этому в третьем культурном горизонте памятника впервые в практике дальневосточной археологии палеолита удалось выделить следы как минимум двух жилых сооружений с очагами.

Неолитическому периоду в книге посвящены три главы: И. С. Жущиховской — о Приморье, В. Е. Медведева — о Нижнем Амуре, А. А. Василевского и О. А. Шубиной — о Сахалине и Курильских островах.

В разделе по неолиту Приморья дается обзор основных культур региона — руднинской, бойсманской и зайсановской. Первые две культуры относятся ко времени голоценового климатического оптимума. В этот период экономика неолитических культур Приморья была различной: бойсманская культура основывалась на эксплуатации морских ресурсов, руднинская — на горно-таежных. Очерчены основные направления связей двух названных культур: северное (Нижний Амур) для руднинской культуры и юго-западное (Корейский полуостров) для бойсманской культуры. Обе культуры представлены в основном поселениями, но при этом для каждой из них известны погребальные комплексы (Чертовые Ворота, Бойсмана 2). Анализ костных остатков позволил связать носителей обеих культурных традиций с арктическим антропологическим типом и ввести, таким образом, памятники бойсманской и руднинской культур в круг источников по проблеме происхождения арктических групп населения.

Третья культура — зайсановская — относится к следующему хронологическому этапу

и представляет поздний неолит Приморья. Эта культура, резко отличная от предшествующих, восходит корнями к культурам Северо-Восточного Китая. Палеоботанические исследования показали, что зайсановская культура была первой земледельческой культурой на юге Дальнего Востока. К сожалению, автор раздела не связывает между собой отличительные черты культурных связей и палеоэкономики зайсановской культуры, хотя данные факты важны для понимания общего хода культурных процессов в регионе.

Обзор неолитических культур Нижнего Амура начинается с осиповской культуры, которая ранее рассматривалась как относящаяся к мезолиту. Благодаря исследованиям последних лет ее статус был пересмотрен. Основанием для этого послужили находки архаичной керамики и неолитические инновации в наборе инструментов и технике их изготовления (наконечники стрел, бифасиальная обработка, топоры и тесла с подшлифовкой). Последующие культуры — малышевская, кондонская и вознесенская — последовательно разворачиваются во времени, сменяя одна другую. При этом автор не исключает, что на каких-то этапах они могли сосуществовать. В главе детально рассматриваются инвентарные комплексы каждой из трех культур, жилища и предметы искусства, которыми так богата амурская археология. К сожалению, проблематика, связанная с изучением трех названных культур, практически не затрагивается автором, остаются «за кадром» спорные вопросы, касающиеся хронологического соотношения малышевской и кондонской культур, вопросы преемственности и происхождения культур, хозяйственной активности и т. п. Бросается в глаза полное отсутствие информации о неолитических культурах Среднего Амура.

Раздел по неолиту Сахалина и Курильских островов представляется наиболее ценным. Последние годы для сахалинских археологов оказались чрезвычайно плодотворными. Открытие новых памятников позволило им концептуально осмыслить процессы, происходившие в регионе в эпоху неолита.

Начало неолита на Сахалине рассматривается авторами раздела как итог длительного процесса, происходившего в течение нескольких тысячелетий на рубеже плейстоцена и голоцена (развитие пластинчатой техники и постепенное замещение ее техникой отщепа, появление черешковых наконечников стрел, частично подшлифованных топоров и тесел, формирование новых типов

хозяйства, ориентированных на использование морских и речных ресурсов). Памятники, относимые к этому этапу, не объединены пока в археологическую культуру. Период развитого неолита связывается с хорошо известными культурами — южносахалинской и имчинской, для которых характерен полностью сформировавшийся неолитический комплекс: орудийный набор, керамика, углубленные в землю жилища, оседлый образ жизни. Обе культуры появляются почти одновременно в период голоценового климатического оптимума, впоследствии их судьба складывается по-разному. Южносахалинская культура очень скоро исчезает, тогда как на севере острова еще долго сохраняется и развивается имчинская культура. Поздний неолит Сахалина приходится на период, когда на соседних территориях Дальнего Востока — в Приморье и Приамурье — уже формируются культуры палеометалла. К этому времени относятся культуры анива, сусуя и северосахалинская. Авторы подробно анализируют инвентарные комплексы неолитических памятников и культур Сахалина, особое внимание уделяя описанию керамических коллекций, на основании облика которых в основном строится хронология.

Рецензируемый труд подводит итог большому этапу развития дальневосточной археологии. Он, несомненно, заинтересует специалистов из разных стран мира, особенно соседей российского Дальнего Востока. В книге отражены все наиболее известные и значимые памятники и находки,

представлена практически вся палитра культур и мнений. Англоязычный специалист теперь сможет составить целостное представление о каменном веке российского Дальнего Востока, а при желании найдет необходимые ссылки (в том числе и на англоязычную литературу) для получения более детальной информации. К числу общих недостатков работы, которое можно скорее адресовать издателям, чем авторам, относится нечеткое воспроизведение графических иллюстраций, в ряде случаев делающее нечитаемыми подписи на рисунках.

Представляется, что книга заметно бы выиграла, присутствуя в ней раздел, посвященный анализу основных проблем археологии каменного века юга Дальнего Востока, который бы суммировал изложенные материалы. Стоило бы рассмотреть такие ключевые вопросы, как характер переходного периода от палеолита к неолиту, формирование неолитических культур, место и роль ранней керамики и т. д. Здесь нашлось бы место и для целостной корреляции культур российской части Дальнего Востока с древними культурами сопредельных территорий — Японии, Кореи и Китая. Впрочем, данные сюжеты могут послужить основой еще не одной монографии.

Деревянко, 1991. — Деревянко А. П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. Новосибирск, 1991.

Okladnikov, 1965. — Okladnikov A. P. The Soviet Far East in antiquity. Toronto, 1965.

*С. А. Васильев
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН.
Отдел палеолита.*

*О. В. Яншина
Россия. Санкт-Петербург.
Музей антропологии и этнографии РАН.
Отдел археологии.*

КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ В ТУРКУ XIV–XV ВВ.: ЧЕХЛЫ ДЛЯ НОЖЕЙ, НОЖНЫ МЕЧЕЙ И ПОКРЫТИЯ РУКОЯТЕЙ

Janne Harjula.

Sheaths, Scabbards and Grip Coverings:

The use of leather for portable personal objects in the 14th–16th century Turku

(*Archaeologia Medii Aevi Finlandiae*, X).

Suomen keskiajan arkeologian seura. 163 P., 269 ill. 2005. Saarijärvi: Gummerus Kirjapaino Oy.

В 1998 г. в центральной части г. Турку (Финляндия) на месте строительства нового здания для Академии Або (*Åbo Akademi*) проводились охранные раскопки. Древнейшие культурные слои, мощностью не менее 3,5–4 м, исследованы здесь на площади 1000 кв. м (весь участок раскопок — 1350 кв. м). В них хорошо сохранились органические материалы, включая изделия из кожи. Эта самая крупная в Финляндии коллекция средневековых кожаных предметов насчитывает более 10000 различных деталей и обрезков от раскроя. Большая часть коллекции относится к раннему этапу становления города — ко второй половине XIV–XV в. В слоях второй половины XV в. число кожаных предметов резко сокращается, а находки XVI в., в основном, встречаются в переотложенных слоях. Среди кожаных предметов преобладают детали обуви (около 88%). Кроме них встречены кошельки, мешки, корбочки, ремни, завязки, рукавицы, подкладки, заплаты, вырезной декор (?). Второй по численности группой кожаных изделий в раскопе были чехлы для ножей и мечей — 163 единицы. Вместе с подобными предметами из других раскопов в Турку они составили большое собрание. Функционально с чехлами связаны кожаные покрытия рукоятей и детали, служившие защитой клинков от дождя. Всего в данной работе использованы 224 находки, полученные при раскопках в ряде районов Турку. Кроме раскопов у здания Академии Або (*Åbo Akademi*) чехлы и ножны встречены в раскопах на улицах Вяяхямеэнкату (*Vähä-Nämeenkatu*) 13b (1975, 1982), Ууденмаанкату (*Uudenmaankatu*) 6 (1986–1988), Старой Большой Торговой площади (*Old Great Market Place*) (фин. *Vanha Suurtori* 1986–1987, 1989), Або Ветус (*Aboa Vetus*) (1992–1995), на месте библиотеки (*Library site*) (2003), при

раскопках внешнего двора Замка Турку (*Turku Castle*), а также при строительстве канализации на Итййнен Рантакату (*Itäinen Rantakatu*) и других земляных работах в городе. Объем этой коллекции выделяется даже на фоне археологических собраний из крупнейших городов Европы. Например, в Новгороде за все годы раскопок коллекция ножен XI–XV вв. составила немногим более 450 предметов (*Варфоломеева*, 1993. С. 162), а каталог чехлов XII–XV вв., найденных в Лондоне, включает только 120 предметов (*Cowgill, de Neergaard, Griffiths*, 1987. P. 34).

Работа состоит из фактологической (каталог находок) и аналитической частей. В последней подробно рассмотрен широкий круг археологических и исторических вопросов, связанных с изготовлением и использованием чехлов. Отметим, что в терминологии автор различает ножны (*sheath*) как чехлы для ножей и чехлы (*scabbard*) — вместители для мечей. В качестве сравнительного материала используется широкий круг аналогий из разных регионов Европы, в основном — из ареалов Балтийского и Северного морей. В работе подробно рассмотрены все технические элементы и детали, связанные с изготовлением чехлов, что имеет большое значение для изучения аналогичных изделий в Финляндии и других регионах Европы. Коллекция чехлов и ножен из Турку, учитывая ее объем и относительно узкий хронологический период накопления, может служить основой для межрегиональных историко-культурных исследований. В настоящей рецензии подробно излагаются наблюдения и выводы по всем деталям чехлов из Турку для того, чтобы полнее ознакомить российских археологов с данной работой.

В историографическом разделе Янни Харьюла (*J. Harjula*) пространно разбирает историю изучения чехлов и ножен в разных странах Европы. Можно отметить, что среди русских материалов ему знакомы только ножны из Новгорода.

В Финляндии чехлы и ножны были найдены в Турку еще в начале XX в. Большинство их не имело привязки к археологическому контексту. Только систематические раскопки последних 20 лет дали много находок из стратифицированных слоев, изучаемых с применением современных методов. Чехлы и ножны становятся объектом самостоятельного изучения. Например, М. Кюкюри (М. Кукури) детально анализирует 13 таких предметов из замка Кастельхольм на Аландских островах (Кукури, 1996. Р. 9–22).

Для понимания истоков традиции изготовления средневековых типов чехлов и ножен автор рассмотрел материалы из погребений более раннего времени. В них найдены широкие чехлы с бронзовыми накладками, типичные для культуры Западной Финляндии в периоды викингов и крестоносцев (по финской периодизации), чехлы восточнофинского типа из Западной и Восточной Финляндии, а также Карелии. Помимо конструкции находки из погребений железного века проясняют и способ подвешивания чехлов. С X в. ранняя традиция горизонтального ношения на поясе ножей в чехлах постепенно сменяется вертикальным подвешиванием. Отметим, что прекрасный очерк Я. Харьюла (J. Harjula), дающий представление о производстве и использовании ножей и чехлов у древних насельников Финляндии, мало связан с темой настоящей работы.

Все чехлы в средневековом Турку, за одним исключением, сделаны из целого куска кожи, сложенного и прошитого нитью или кожаными ремнем, а также заклепанного с внешней или внутренней стороны. Некоторые из находок — внутренние прокладки или дополнительные чехлы (ножны) для сопутствующих предметов. В 152 случаях (88%) был определен вид кожи: из дубленой кожи телят сшит 141 предмет; из коровятины или выростка — один; из кожи овцы — четыре; три пошиты из кожи козы. Материалом трех чехлов служила неопределимая кожа овцы/козы. В основном кожа имела толщину 1–3 мм, для большинства изделий — 1,5–2,5 мм.

Основной шов на чехлах имеет различное положение — центрально заднее, боковое заднее, сбоку. Чехлы с боковым швом автор правомерно считает традицией раннего средневековья, медленно сменявшейся на прошивку сзади в течение средних веков. Находки у Академии Або (Åbo Akademi) показывают три типа сшивных соединений. Из 128 чехлов большинство имеют так называемый «шов обувщика», в котором две нити

проходили через одно и то же отверстие в коже. Автор правомерно рассматривает длину стежков как показатель качества сшивания и профессионализма мастера. Заклепки как способ сборки изделий встречены на десяти чехлах с боковым швом из слоев XIV в. В основном, это чехлы с вырезным декором по краю и с рядами парных прорезей на рукояти, служивших для подвешивания. Среди других вариантов — четыре чехла сшиты ремешком, который создавал и особый декоративный эффект.

Сшивные нити сохранились на 37 чехлах и ножнах. Материалом нитей были пенька (конопля), в меньшей степени — крапива и еще реже — лен. Преобладание нитей из конопли, по мнению автора, можно рассматривать как подтверждение местного производства чехлов или их импорта из стран Балтики и России. Импорт чехлов из Польши или Германии представляется менее вероятным, так как в этих странах в средневековье, в основном, культивировали лен.

Для 93 чехлов определяется способ подвешивания; их могли носить также заткнутыми под ремень или через сумку, как это видно на средневековых изображениях. Наиболее часто поясной ремень протягивали через парные прорези на верхнем конце чехла, хотя через них могли продевать и особые ремни, служившие для подвешивания. Среди других вариантов подвешивания использовали завязки или петли, вырезанные на устье чехла. Для этого могли делать и продольные разрезы у верха, которые в данной работе отнесены к возможным вариантам ремонта.

Автор обращает внимание на различия форм и размеров чехлов, отражающие широкий спектр типов ножей. Длина полностью сохранившихся чехлов (67 предметов, всего 40%) варьирует от 10,5 см до 33,5 см, но преобладали изделия длиной 12,5–20,0 см. Длина секции рукояти составляет 7,0–11,5 см, а клинковой секции — 6,5–15,5 см. Ширина чехлов измерена в 90 случаях и составляет 1,9–5,5 см. В целом, можно говорить о двух формах чехлов — асимметричных (92 предмета или 84,5%) и симметричных (17 находок или 15,5%). Обе формы были пригодны для одно- или двулезвийных клинков. При этом однолезвийный клинок мог храниться в чехлах любой формы. Симметричная форма чехла необязательно свидетельствовала о ношении ножа с симметричным клинком. В Финляндии чехлы для однолезвийных асимметричных ножей — «ruukko» — в XVIII–XIX вв. все были симметричными. Средневековая коллекция показывает, что

в Турку доминировал универсальный нож, тогда как финский «национальный» нож — «puukko», видимо, еще не появился. В исследуемом материале имеются и особые формы чехлов, происходящие из раскопа Академии Або (Åbo Akademi). Один из них был симметрично выгнут по всей длине, а другой — искривлен на спинке сильнее, чем со стороны лезвия. На примере этих находок автор рассуждает о возможности выделения чехлов для кинжалов и соглашается с исследователями, которые находят для этого некоторые критерии.

Качество изготовления чехлов автор рассматривает с точки зрения их функциональной пригодности и приходит к выводу, что около 10% изделий имели низкое качество, а остальные — хорошее или отличное. Из них не более 5% он считает высококлассными. При этом качество сшивания не всегда соответствовало качеству исполнения декора. Это показывает, что функция чехла считалась более важной, чем его декоративность. Непрофессионально сделанные чехлы (около 10%) в основном найдены в раскопах у Академии Або (Åbo Akademi) и Або Ветус (Aboa Vetus), в слоях второй половины XIV–первой половины XV в. Они отличаются от профессионально пошитых изделий неровными стежками разной длины. На них редко присутствует декор, имеющий также низкое качество и, вероятно, сделанный владельцем.

В коллекции Турку декор присутствует на большей части чехлов и представляет варианты инструментальной отделки. Автор различает технические приемы, при которых декор отражался только на лицевой поверхности кожи, и те, где он проходит через всю толщу кожи. Среди первых названы скобление, надрезание и тиснение. В тиснении выделяется — давление (embossing) — оттиск, проводимый на мокрой коже твердым (железным?) предметом, и штамповка холодным или горячим штампом (плоским, рельефным или формованным). Надрезание мерей — это самый распространенный вариант декоративной техники, которая встречается отдельно или в сочетании с другими. Менее распространен метод гравировки (engraving), которая может сочетаться со штамповкой. Реже применялась техника тиснения (impression), которая иногда сочеталась с гравировкой и другими. Среди технических приемов второго типа выделены вырубание (slashing), вырезание (excision), пробивание (punching). Помимо инструментальных приемов декора чехлов использовались также

декоративные заклепки, шнурование (braiding), представленное на двух чехлах на шивной секции рукояти, горизонтальная плетенка и декоративная строчка.

Поверхность чехлов делилась на декоративные панели. Передняя сторона имела две панели, соответствующие рукояти и клинку ножа. Декор на секции клинка всегда был вертикальным, а на секции рукояти мог быть горизонтальным, вертикальным или комбинированным. Декору на тыльной стороне чехлов мастера уделяли меньше внимания, нанося здесь преимущественно тисненные линии. Автор считает, что различия в качестве декора, выполненного мастером-производителем, связаны с функциональными особенностями изделий. Качественные различия видны в технике и изяществе исполнения декора. Некоторые чехлы, при высоком техническом и функциональном качестве, имеют плохое исполнение декора. Вероятно, такие изделия декорировал не производитель, а владелец. Кроме собственно декора на трех чехлах имеются значки, которые автор интерпретировал как знаки мастеров или как значки, сделанные владельцами. Это перекрещенные надрезы на лицевой стороне рукояти или оттиск Х-видной формы, пересеченный центральной линией.

Преобладали геометрические мотивы декора (встречены на 50 чехлах), а среди них — линейные, нанесенные преимущественно в технике надрезания (incision). Линейный декор мог быть дополнен шевронами или рядами штампованных кружков между двух диагональных линий. На одном чехле линии были кривыми пунктирными. Второй по употребимости геометрический мотив — это решетка разной плотности, оттиснутая или надрезанная на коже. Качество большинства решетчатых декоров автор называет «хорошим любительским уровнем». Значительно реже использовались иные варианты декора, такие как ромбы (lozenges) и «елочка», относимые к категории угловых мотивов. Среди округлых мотивов встречаются луновидные штампы, преимущественно парные. Декор образуют эллипсы, «расщепленные» вертикально и горизонтально двойными линиями. Пространство вокруг них заполнено ломаными линиями и наколами из точек. Плетение встречено на трех предметах, два из которых датированы второй половиной XIV–первой половиной XV в., а третий — «средневековым». Растительные мотивы включают изображения листьев, вырезанные или нанесенные штампом. Кроме того, на фронтальной стороне

одного чехла встречен зооморфный декор — оттиск трех фигур животных, подобных сказочным зверям на фресковых росписях церквей или в иллюстрациях средневековых книг. По наблюдениям Й. Аппельгрена (Hj. Appelgren), такой декор был распространен на чехлах в ареале Северного моря (Норвегия, Англия). Он встречается на лондонских чехлах середины XIII–XIV в.

На основании устойчивых наборов технических и декоративных элементов Я. Харьюла (J. Harjula) выделяет типы чехлов. «Чехлы с вырезным декором по краю», «с рядами прорезей для подвешивания» и «с луновидными вырезами», судя по аналогам из других стран Европы, имеют свои хронологические границы бытования. Чехлы «с шапкой»-колпачком и изделия «с пространством для дополнительного ножа или инструмента», кроме специфических черт, имеют и особые функциональные атрибуты. Последние по форме отличаются от чехлов основного назначения. Хранимый в них инструмент, видимо, имел и особое назначение.

«Шапки»-колпачки (9 экз.), используемые в чехлах, предупреждают выпадение ножа, особенно во время движения человека. Все они кроились из одного куска кожи, иногда совместно с чехлом. Предполагается, что в этом случае сначала чехол сшивался, а затем от него отрезался колпачок. Но это остается недоказанным, поскольку в культурном слое Турку чехлы и колпачки совместно не найдены. Декор «шапок»-колпачков, видимо, соответствовал орнаменту чехлов. Три из них были декорированы штампованными и вырезанными решетками, шевронами и кружками. Эти предметы из раскопок у Академии Або (Åbo Akademi) датированы второй половиной XIV–первой половиной XV в., тогда как колпачок из раскопа на Старой Большой Торговой Площади (Old Great Market Place) отнесен ко второй четверти XIV в. В других регионах Европы найдены единичные чехлы с колпачками: одна находка в Швеции, в слоях XIV в., пять — в Любеке (дата — 1220–1250 гг. и вторая четверть XV в.). Два вероятных чехла с колпачками, датированные первой половиной и концом XIV в., происходят из Лондона.

Единичные в Турку чехлы «с вырезами по краю», где проходит шов, по форме вырезов имеют параллели в других странах Европы. Судя по публикациям, такие чехлы были популярны в Колобжеге во второй половине XIII–XIV в. (Rębkowski, Polak, Wywrot, 1997. Tab. 9, 4; 58, 21; 60, 6; 1998. Tab. 16, 4, 8; 30, 7; 67, 1; 105, 6; 1999.

Tab. 32, 5, 6; 33, 1–3, 7). Чехлы с рядами парных прорезей для подвешивания на рукояти в Турку обычно имели вырезной декор. Автор датирует их в пределах конца XIII–начала XV вв. и соотносит с такими же чехлами, но без фигурных вырезов по краю, известными в Свендборге, Любеке, Амстердаме, Утрехте, Колобжеге. В Шлезвиге чехлы с парными прорезями на нескольких уровнях происходят из слоев XIII–XIV вв. Среди других в Турку найдены четыре чехла с парными луновидными прорезями на рукояти. Подобные чехлы известны в Свендборге и Колобжеге. В последнем они сосредоточены в слоях второй половины XIV в. Они сшивались нитью или собирались на заклепках, а на секции клинка встречены также металлические заклепки.

В Турку найдены 10 чехлов с внутренними дополнительными чехлами (два предмета) или отделениями (местом) для второго ножа или других предметов. Такие изделия найдены преимущественно вокруг современного квартала Академии Або (Åbo Akademi) в слоях конца XIV–начала XV в. В это время, по данным раскопок, в квартале прослеживается наибольшая строительная активность. Все чехлы имеют высокое качество изготовления и богатый декор. Кроме практического значения такие предметы, видимо, были и особенно престижными. По мнению К. Вилкуна (K. Vilkuna), чехлы с местом для дополнительного ножа (ножей?) приходят в средневековую Финляндию из ареала Нижней Германии одновременно с симметричным чехлом, но в письменных источниках они упоминаются только с 1578 г. В новое время чехлы с местом для дополнительных предметов, кроме Остроботнии (Ostrobothnia), использовали в Западной и Центральной Финляндии, в областях Каяани, Хяме, Уусимаа (Kajaani, Häme, Uusimaa). В диалектах Остроботнии (Ostrobothnia) слово «junkki» означает меньший, дополнительный нож в тех же чехлах, что и основной нож — «ruukko», имевших три места — для маленького ножа или инструментов, например, пары циркулей и карандаша. Чехлы с дополнительным местом найдены в археологических комплексах в Лунде и Лондоне. Известно, что чехлы с одним-двумя дополнительными местами использовались в средневековой Европе для охотничьих ножей или кинжалов. Место предполагалось для шила или нитки.

Кроме чехлов для ножей в средневековых материалах Турку выделены происходящие из разных мест города 36 ножен для мечей. В данном случае это только кожаное покрытие основы,

сделанной из металла, кожи или дерева. Выделена группа признаков, типичных для ножен: это материал (кожа телят), положение шва (на задней стороне, а не на боку), тип шва («шов обувщика»), стабильность длины стежков в швах, способ подвешивания, форма ножен (обычно прямые края или только слегка зауженные) и оттиски линий на краях или вокруг шва. Вид кожи определен в 33 случаях — это кожа телят толщиной 1–1,5 мм, вероятно, обработанная растительными дубителями. Длина стежков и «шов обувщика» предполагают профессиональное изготовление ножен. По мнению автора, отсутствие внутренних (деревянных или иных) конструкций в археологических материалах позволяет предполагать их изготовление из недубленой кожи (вместо дерева). Не исключено также, что кожаные покрытия, найденные в археологических слоях, были сняты с деревянных пластин ножен, которые повторно использовались. В любом случае, неизменным остается факт, что все кожаные ножны были порезаны на куски.

В своих работах специалисты показывают, как длина находок помогает разделять ножны и чехлы. Например, по классификации К. ван Шнак (C. van Schnack) материалов из Шлезвига, чехлы длиной более 35 см отнесены к ножнам мечей. В сравнении с ними все ножны из Турку, в той или иной степени, фрагментированы. Имеется пять фрагментов ножен длиной до 30 см или более и один фрагмент — 35 см. Поэтому разделение чехлов и ножен должно быть основано на других признаках. Максимальную ширину предметов можно измерить для 11 экземпляров. В одном случае она составляла около 4,5 см, в восьми — около 5,0 см и в двух — около 6,0 см. Эти данные показывают «стандартизацию» в производстве ножен, а следовательно, и мечей. Для сравнения можно привести находки из Лейдена, где К. ван Дриль-Мюррей (C. van Driel-Murray) различает широкие ножны — с клинком более 5,5 см ширины, промежуточные — для клинка шириной до 5 см и ножны для узкого клинка — шириной около 4 см. В соответствии с этим делением большинство ножен Турку, видимо, предназначалось для клинков «промежуточной» ширины.

Ножны из Турку были сделаны из куска кожи, сложенного в длину мерейной стороной наружу и прошитого нитью на задней стороне. Остаются нерешенными два вопроса по конструкции ножен. Обсуждая вопрос о возможных внутренних прокладках, автор упоминает о двух функциях ножен. Твердый материал прокладок должен

был позволять легко вынимать меч из ножен и в то же время не порезать их клинком. В исследуемых находках на внутренней стороне следы порезов не видны, что предполагает использование какого-то прочного материала для прокладок. Известно, что ножны с деревянными пластинами обычно много шире клинков, они должны быть не менее 5 см, что соответствует находкам в Турку. Однако трудность изготовления длинных деревянных пластин толщиной не более 0,2 см, пригодных для ножен, заставляет М. Волькен (M. Volken) предполагать, что их могла бы заменять сухая недубленая шкура. Ее отсутствие в археологическом материале может объясняться плохой сохранностью такого материала во влажном слое городов. Вторым из нерешенных остается вопрос о наличии дополнительных деталей в ножнах. В Турку имеются ножны со швами вокруг устья, что можно считать следами от обшивания их кожей, мехом, тканью или шерстью. Например, на одних ножнах из раскопа у Або Ветус (Aboa Vetus) в швах отмечены смятые волокна ткани на внутренней стороне.

Ряд технических приемов сшивания позволяет отличать фрагменты ножен мечей от чехлов для ножей. Обычно ножны сшивали выворотным швом, что объясняется использованием тонкой кожи. Другим признаком является стабильное расположение шва на тыльной стороне, посередине изделия. Исходя из этого, встречаемые в раскопах фрагменты с боковым швом, скорее всего, не являлись ножнами. Такие же наблюдения сделаны на материалах из Риги, Осло, Лейдена, Свендборга, Кастельхольма, Архуса и Шлезвига. Третьей особенностью ножен в Турку было их сшивание «швом обувщика». При этом автор не исключает, что иные типы швов могут указывать на непрофессиональное изготовление ножен.

Эвэрт Оукшот (Ewart Oakeshott) предложил два основных способа подвешивания средневековых ножен. Первый историки иногда называют «тип Намбурга» (по скульптурам с мечами в ножнах из кафедрального собора Намбурга). При этом способе портупейный ремень состоит из двух частей, и короткий широкий язычок кожи огибает ножны ниже устья слева направо. Во втором варианте широкий ремень был привязан значительно ниже на ножнах. Этот ремень опоясывал тело человека справа налево. Свободный конец ремня был разделен на два «язычка», продернутых сквозь две прорези. Когда ремень опоясывал бедра, два язычка были продеты сквозь прорези

клапана на лицевой стороне и завязаны в узел. Ремни с узлами использовались в Скандинавии и Германии, но не были популярны во Франции, Англии или на юге Европы, где вместо кожаного клапана использовали пряжку. На отдельных ножнах из Турку имеются следы, указывающие на способ подвешивания. На двух ножнах имелись прорезы около устья и другая прорезь ниже их. Они характерны для подвешивания «типа Намбург», где короткий язычок иногда привязывали к кожаным ножнам через такого рода прорезы и где также существовал диагональный ремешок, собиравший части ремня вместе, проходя через прорезь ниже.

В декоре ножен преобладали простые продольные тисненые линии, присутствующие на 19 (из 34) находках в Турку и которые можно считать отличительным признаком данных изделий. Чаще всего линии наносились с одной или обеих сторон от шва. На 9 ножнах они дополнялись линиями вдоль краев на двух сторонах ножен. Эти тисненые линии могли быть функционально связаны с изготовлением ножен. Возможно, при подклеивании кожи к подкладке оттиснутые линии усиливали склеивание деталей. Некоторые линии выглядят темными и глубокими и, вероятно, были сделаны горячим инструментом. Другие же линии вдоль шва едва видны и могли быть нанесены для облегчения сшивания, визуально направляя линию стежков.

На ножнах из раскопов на Старой Большой Торговой площади (Old Great Market Place) и Итяйнен Рантакату (Itäinen rantakatu) встречены другие виды декора. На четырех предметах двойными линиями были нанесены ромбы, «расщепленные» одной-двумя продольными линиями по середине ножен. В трех случаях ромбы составляют непрерывный орнамент, а в одном — пространство между ними заполнено гравированными точками, но ближе к наконечнику эти ромбы изменяются на шевроны. Двое ножен с ромбическим декором датируются по слою первой половиной XIV в., а двое других — 1350 г.–началом XV в. Точно такие ромбы можно видеть на ножнах XIII–XIV вв. из Лунда и Свендборга, а подобные шевроны — на предметах из Эребру (Örebro). Кроме описанных декоров на одном фрагменте ножен есть треугольник, изображенный оттиском трех параллельных линий, а на ножнах из Итяйнен Рантакату (Itäinen rantakatu) имеется оттиск в виде звезды. Аналогичный мотив встречен на изделиях из Шлезвига.

Дополнительными деталями, связанными с употреблением чехлов и ножен в Турку, являются покрытия рукоятей мечей или кинжалов, а также «защита от дождя». Ранее неизвестные в Турку такие детали редко встречаются и в других европейских странах. Известно, что рукояти мечей и кинжалов из дерева или кости сверху покрывали кожей, а поверх нее иногда накручивали металлическую проволоку. Это придавало поверхности рукояти «ребристость», важную для плотного захвата рукой. В ряде случаев ребристой делали поверхность самой деревянной рукояти. Кожаные покрытия рукоятей найдены при раскопках в Лейдене, Амстердаме и Констанце. В Турку найдено восемь таких деталей, выкроенных из одного куска кожи и сшитых сквозным швом. Четыре покрытия сохранились на всю длину. Первое имеет длину 13 см, а ширину 3,0–4,2 см. На поверхности кожи имеется отпечаток намотанной проволоки (?). Второе — длиной 13 см и шириной 2,5–4 см — декорировано штампами из трехлепестковых цветов. Оно датировано второй четвертью XIV в. Третье покрытие — длиной 15 см и шириной 4–6 см — сужалось в средней части. Оно декорировано оттисками полулиста по сторонам от продольной оси. Четвертое покрытие — длиной 16,5 см — имело цилиндрическую форму и поверхность, покрытую поперечными оттисками и перемычками между ними. Длина первых трех покрытий пригодна для обхвата рукояти одноручного оружия — кинжала или меча. Декор из цветов мог быть нанесен на рукояти кинжалов, которые носили как военные, так и гражданские люди. Четвертое покрытие могло быть отделкой рукояти меча, приспособленной для захвата одной или двумя руками. Для двуручного меча, скорее всего, было сделано и покрытие второй половины XIV–XV в. из раскопа у Академии Або (Åbo Akademi), имевшее длину более 17,8 см при ширине 3,5–4,5 см. Немного обрезанное с одного конца, оно декорировано поперечными полосами.

Кроме покрытий рукоятей в коллекции Турку имеются три кожаные детали, защищавшие клинок меча от дождя. Они крепились в том месте, где рукоять примыкала к гарде, и покрывали устье ножен, предупреждая попадание в них воды. Иногда детали дополнялись матерчатым клапаном, спускающимся поверх устья ножен. «Защита» делалась из одного куска кожи, сложенного и сшитого сбоку. Верхний и нижний концы оставались открытыми для рукояти. Все детали имели сходный декор из оттисков поперечных

линий. Подобные кожаные предметы найдены и в других городах — в Лейдене, Констанце и Колобжеге.

В дополнение к археологическим находкам Я. Харьюла (J. Harjula) рассмотрел письменные источники, связанные с ремесленниками Турку. Территория Финляндии входила в XIV–XV вв. в состав Швеции, и ее городские уложения регламентировали деятельность в Або. Со шведскими можно сравнивать и документы, называющие ремесленников в Турку. В большинстве случаев мастера определяются только по имени, которое не всегда соответствует реальному занятию горожанина. При изучении ремесла средневекового Стокгольма Ф. Линдберг (F. Lindberg) отметил, что имена ремесленников наследовались и прибавлялись к семейному имени, даже если сын не наследовал отцовскую профессию. Так, некоторые торговцы имели имена ремесленников. В Турку в середине XVI в. имена ремесленников также часто носили люди, занимавшиеся международной торговлей. Поэтому удостоверить статус горожанина могут только записи о практикующих ремесленниках. В средневековом Турку кожевенные специалисты упоминались очень редко. Для XIV–XV вв. известны всего три обувщика. Так, в документе 1336 г. упоминается Тетмарус Сутор (Thetmarus Sutor), а под 1425 г. отмечены Альбрехт (Albrecht) и Холлингер (Hollinger), бывшие среди 12 человек, пославших письмо королеве Филиппе и королю Эрику XIII Померанскому. Специалистами по коже могли быть Клаус Бельтаре (Claus Beltare) — один из тех, кто в 1347 г. засвидетельствовал продажу поместья Гёбелин Лён (Göbelin Lön) бюргеру из Турку, и Лауренс Свёрдслиппаре (Laurens Svärdslipare), который подтверждал в 1488 г. продажу своего имущества в Турку перед Советом Стокгольма.

При скудости документов автор считает возможным сделать некоторые косвенные выводы по имеющимся данным. Упоминание обувщика в Турку в 1336 г. говорит о наличии таких специалистов в городе, а названные под 1425 г. Альбрехт (Albrecht) и Холлингер (Hollinger) свидетельствуют, что в Турку работало более одного обувщика. С другой стороны, по мнению некоторых историков, например М. Каллиоинен (M. Kallioinen), мастера этой специальности могли составлять большинство ремесленников в Турку. Упоминающийся в 1347 г. Клаус Бельтаре (Claus Beltare) мог быть поясником (beltmaker), что показывает наличие специализации среди кожевенных

мастеров. Имя Лауренс Свёрдслиппаре (Laurens Svärdslipare) указывает на профессию полировщика мечей. В Швеции (и во всей Скандинавии) эти мастера собирали и обновляли мечи и ножи. Если балансировку и заточку клинков обычно делали ковальщики клинков, то сборку, полировку и окончательную отделку мечей выполняли полировщики. Изготовление фурнитуры для портупей также было их задачей. Но все сказанное историками на эту тему в значительной степени остается предположительным, поскольку до 1620-х гг. нет документов по ремесленным цеховым объединениям Турку.

Кроме прочего, финские исследователи традиционно обращаются к вопросам изучения национального состава горожан. К. Гардберг (C. J. Gardberg) считал, что латинское имя Тетмарус Сутор (Thetmarus Sutor) и его статус указывают на иммигрировавшего из Германии ремесленника. Он приводил примеры из других городов, где обувщики были немецкого происхождения. Его поддерживал М. Каллиоинен (M. Kallioinen), считавший, что Тетмарус Сутор (Thetmarus Sutor), как Альбрехт (Albrecht) и Холлингер (Hollinger), могли иметь немецкие корни. Клаус Бельтаре (Claus Beltare) мог быть финном, а национальность ремесленника, именуемого Лауренс Свёрдслиппаре (Laurens Svärdslipare), определить сложно.

Подводя итоги изучению чехлов и ножен в Турку, Я. Харьюла (J. Harjula) отметил, что весь массив кожаных находок в раскопах у Академии Або (Åbo Akademi) свидетельствует о наличии в этом районе города мест выделки кож. В то же время большое количество отходов от раскроя кож в слоях XIV–первой половины XV в. говорит о существовании здесь и мастерских по пошиву кожаных изделий. Концентрация отходов может быть связана с одной или несколькими постройками начала XV в. Мастерам-обувщикам, видимо, принадлежали и найденные здесь инструменты — полулунной формы обувной нож, шилья и другие приспособления. Тем не менее автор считает, что археологические свидетельства кожевенного ремесла (раскроенные отходы, обрезки, объекты, связанные с кожевенной деятельностью) и выброшенные жителями кожаные предметы составляют две отдельные группы материальных объектов, связь между которыми на сегодня не доказана, а полученные данные о технике раскроя, особенностях пошива и декора изделий допускают возражения против местного производства. Можно считать, что средневековое

кожевенное ремесло в Турку следовало основным тенденциям, отмеченным в большинстве городов Балтийского ареала. Это усиливает вероятность привнесения основ ремесла из-за границы. Конечно, местные ремесленники могли быстро освоить новые методы и технические новшества в кожевенном деле. Тем не менее найденные в культурном слое изделия были преимущественно иностранными.

Одним из свидетельств иноземного производства кожаных чехлов и ножен, найденных в Турку, Я. Харьюла (J. Harjula) считает результаты анализа шивных нитей. Если, по мнению Т. Лемпийнена (T. Lempiäinen), преобладание нитей из конопли особенно в ранних слоях отражает вероятную культивацию растения в средневековом Турку уже с XIII в., то Я. Харьюла (J. Harjula) предполагает их ввоз из балтийских стран и России. Вместе с финно-угорским и русским населением выращивание конопли распространилось шире, чем выращивание льна. В средневековом Турку стеблей льна найдено мало, что предполагает его культивацию и обработку вне города, но чехлы, сшитые льняными нитями, также могли быть привезены из Восточной Европы. Крапива же, напротив, в средневековом Турку была представлена широко и, скорее всего, обрабатывалась на месте. Хотя в целом, рассуждает автор, нельзя не принимать во внимание, что кожаные изделия должны были шиться общедоступными материалами, поэтому предметы, сшитые льняными и конопляными нитями, могли производиться на месте. Основываясь на подобных рассуждениях, автор склоняется к мнению, что большинство чехлов в Турку было пошито на месте или привезено из России и стран Балтики. Импорт из Германии или Польши маловероятен. Хотя нельзя не заметить, что такой вывод противоречит стилистическому анализу находок и приводимым в книге аналогиям.

Выводы автора об использовании ножен мечей в средневековом Турку не менее интересны. Все они найдены разрезанными на малые фрагменты. Этот же феномен отмечен для средневековых ножен в Шлезвиге, Лейдене, Бергене, Осло, Трондхейме и для поздних англосаксонских ножен с Британских островов. Исследователи связывают этот факт с повторным использованием внутренней основы ножен или самой кожаной обшивки. Остается дискуссионной и датировка ножен. В раскопах у Академии Або (Åbo Akademi) и Старой Большой Торговой Площади (Old Great Market Place) они встречены в слоях

второй половины XIV–первой половины XV в. Кроме того, выделяется концентрация обрезков ножен в районах Кемикум (Kemicum) и Косморамы А (Kosmorama A). Я. Харьюла (J. Harjula) пишет об отсутствии связи ножен с исследованными комплексами, что позволяет предполагать их нахождение в слое «во вторичном залегании», но это не противоречит мнению, что находки ножен именно здесь свидетельствуют о деловой активности в районе.

Определенные выводы Я. Харьюла (J. Harjula) делает и по пространственному распределению находок в слоях средневекового Турку. Ножны и чехлы для кинжалов, в основном, найдены в центральной части города. Сюда входят находки со Старой Большой Торговой Площади (Old Great Market Place), с Або Ветус (Aboa Vetus) и из квартала Конвента (Convent quarter). Место раскопок у Академии Або (Åbo Akademi) по наличию кожаных предметов с богатым декором в большей степени тяготеет к Кафедральному кварталу (Cathedral quarter), чем к кварталу Мятярви (Mätäjärvi quarter), у северной границы древнего города. Отсутствие ножен и минимум чехлов (3 экз.) в материалах раскопов на Ууденманкату (Uudenmaankatu) 6 и на Вякя-Хямеэнкату (Vähä-Hämeenkatu) 13b, находящихся в квартале Мятярви (Mätäjärvi quarter), также показательны на фоне большого количества чехлов в раскопах у Академии Або (Åbo Akademi). Считая, что 163 экземпляра чехлов и ножен здесь были утеряны или выброшены, ориентировочно в период 1360–1520 гг., можно полагать, что они попадали в слой со скоростью около одного предмета в год. По мнению автора, это показатель чрезвычайно интенсивной жизни в этом районе города, а учитывая то, что в комплексах у Академии Або (Åbo Akademi) высок процент неповрежденных чехлов, без следов ремонта и переделок, в этом видится своего рода показатель благополучия, отраженный в археологическом материале.

На шести фрагментах ножен из раскопов Академии Або (Åbo Akademi) есть особые знаки, расположенные в одном месте. Это — короткие парные косые линии или комбинация из парных косых и поперечных линий. Автор видит в них личные знаки изготовителей или собственников. Такие знаки собственности правомерно связываются с особым отношением к мечам, кинжалам и ножам, носимым на поясе. В средние века не только военные носили мечи и кинжалы. Как персональное снаряжение владельца разбираемые археологические находки отражают

ментальность и эстетические вкусы того времени. Чехлы и ножны были видны при ношении и отражали место их владельца в обществе. Сохраняющийся до XVI в. меч или кинжал был частью одежды знатных мужчин. По источникам с XVI в. известно, что в Финляндии и женщина могла носить нож в чехле на поясе. Однако начиная с XIV в. ношение оружия в городах стало регламентированным.

Работа Я. Харьюла (J. Harjula) показывает большие возможности самостоятельного археологического и историко-культурного анализа отдельно взятой категории кожаных изделий. Рассмотренная группа предметов личного употребления несомненно обладает особым информационным потенциалом, связанным со спецификой назначения их в повседневном быту. В средневековой культуре народов разных регионов Европы нож был не только функциональным предметом, постоянно носимым владельцем. Это своего рода показатель общественного статуса человека, жизненного успеха и благополучия для людей незнатного происхождения. Для представителей более высокого социального ранга ножи заменялись их «аристократическим аналогом» — кинжалом. Служа «визитной карточкой» владельца, нож отличается особым эстетизмом в оформлении и покрытии. Видимая декоративность чехла подчеркивает благополучие владельца.

Особую значимость коллекции кроме представительности придает дата ее формирования. Або (будущий Турку) был крупнейшим средневековым городом на территории современной Финляндии. Интересующие нас находки происходят из ранних слоев и датируются второй половиной XIV в. — временем коренных изменений в культуре всех народов Скандинавии. В XIII–XV вв. скандинавские города стали центрами немецкой колонизации, связанной с усилением торговых позиций Ганзейской Лиги. В течение XIII в. немецкие колонии были созданы в главных портах Швеции, включая финский Або, во всех заметных городах Дании и Норвегии. Особенно усилилось массовое переселение немецких бюргеров со второй половины XIV в. В нем участвовали большие группы ремесленников и торговцев, составлявших заметную часть скандинавских горожан, особенно их состоятельных слоев, а норвежский Берген вообще попал под власть ганзейцев. Немцы покупали в собственность участки в Бергене, где уже к 1330 г. были распределены места и для немецких сапожников. В 1350 г. сапожники Висбю образовали первую

в Швеции гильдию, а в Трондхейме в 1377 г. был издан специальный список товаров, подобие современного прайс-листа, для сапожников-немцев (Сванидзе, 1999. С. 135). Немецкую колонизацию ускорила эпидемия чумы, сильнейшая за всю средневековую историю, — «черная смерть» 1348–1350 гг. Она оказалась неожиданно сильной в сравнительно малонаселенной Скандинавии. По подсчетам историков, смертность в Швеции достигала 42–50% (Петина, 1999. С. 196). Описываемое во многих работах колонизационное заселение Скандинавии, повлиявшее на сложение ремесла в городах Финляндии, почему-то не было учтено автором. Поэтому его рассуждения о местном или импортном характере чехлов и ножен выглядят не очень убедительно.

С другой стороны, кроме немецких переселенцев в Або могли работать и иные группы мастеров. По мнению А. А. Сванидзе, для всей Скандинавии деревенские ремесла и торговля составляли значительную конкуренцию городским занятиям. Это противостояние заставляло правительства, заинтересованные в контроле за коммерческой деятельностью через городские органы власти, не раз издавать указы о переселении сельских ремесленников и торговцев в города (Сванидзе, 1999. С. 134). Именно с такими ремесленниками можно связывать изготовление части чехлов, которые Я. Харьюла считал «непрофессиональными» изделиями.

Коллекция Турку может быть эталоном при сравнении элементов бытовой городской культуры в средневековых городах Скандинавии и России. Здесь можно рассматривать количественные различия, выраженные в общем числе однотипных изделий, выпадающих в культурный слой; а также качественные различия, состоящие в нехарактерности определенных групп вещей для отдельных регионов, или декоративно-стилистические различия — по способам и вариациям декоративного оформления предметов.

С описываемым материалом особо диссонирующе выглядит заключение о возможном импорте изделий из Прибалтийских стран и России, совершенно не согласующееся с приводимыми многочисленными аналогиями из более южных и западных регионов, лежащих в ареалах Балтийского и Северного морей. Такой вывод можно объяснять ограниченным знакомством автора с материалами русских средневековых городов. Из обзора сравнительного материала видно, что среди русских городов автору знакомы только находки из Новгорода. Впрочем, других крупных

систематизированных коллекций кожаных чехлов для территории Руси на сегодня и нет.

Опубликованные в научных работах чехлы из средневекового Новгорода, представляющие едва ли не самую крупную выборку таких предметов в Европе, на фоне материалов из других регионов Европы имеют много своеобразия. Прежде всего надо отметить, что сам Новгород как крупнейший русский средневековый город, ориентированный на торговлю с регионами северной части Западной и Восточной Европы, является особенным среди других городов Руси. В археологических материалах Новгорода присутствует наибольшее число изделий, произведенных в городах Западной Европы. Они представляют своего рода стабильный «фон» материальной культуры, который по своему обилию исследователи частично считают «русским». На сегодня в Новгороде к изделиям западноевропейского производства Е. А. Рыбина относит немногие находки — коробочки, фрагменты сумок с растительным орнаментом на Нутном раскопе, ножны с таким орнаментом с Троицкого и Готского раскопов (Рыбина, 1994. С. 88–89; 2001. С. 59). По исследованиям Т. С. Варфоломеевой к ним можно добавить некоторые «кошельки» и кожаные коробочки для цер (Варфоломеева, 1995; 1997. С. 109–113). Напротив, большое число найденной обуви, в том числе и на Готском раскопе, который расположен на участке Готского торгового двора, исследователи склонны считать русскими изделиями. В то же время установлено, что многие специфические формы обуви находят многочисленные аналогии в разных западных городах и практически неизвестны во многих русских городах. К подобным кожаным изделиям, например, можно относить мягкие низкие туфли с вырезным и просечным декором, а также чехлы для ножей с орнаментом из листьев, сделанных надрезами и тиснением (Рыбина, 1978. С. 224. Рис. 22, 3; Древний Новгород, 1985. № 292, 293). Из находок в других русских городах такие обиходные предметы западного происхождения, как обувь, ранее были выделены в Твери (Курбатов, 2004. С. 64–66).

Среди новгородских чехлов для ножей наиболее ранними серийными аналогами западных изделий можно назвать группу чехлов с боковым швом, имевших также и металлические заклепки. В верхней части чехлов были сделаны несколько рядов парных прорезей, сквозь которые продевались кожаные ремешки. Такие предметы найдены в слоях последней трети XIII–второй

трети XIV в. (Варфоломеева, 1993. С. 164, рис. I, 31–33). Среди чехлов с симметричным швом к западным изделиям можно определенно отнести чехлы с декором из трилистников и мелких точек, окружностей, ромбов, в том числе включающих розетки. Эти узоры сделаны надрезами, штампами и выскабливанием. Такие чехлы найдены в слоях XIV–XV вв. (Там же. С. 164–165, рис. II, 42–45 и др.). Однако многие чехлы, имевшие богатый декор, вполне могли быть изготовлены и в самом Новгороде.

Количество находок чехлов для ножей в Новгороде вполне сопоставимо, в целом, с объемом в Турку, где для центрального района города автор подсчитывает примерную частоту их выпадения в слой — по одному чехлу в год. В Новгороде чехлы становятся массовыми находками в слоях XI–XV вв. К началу 1990-х гг. были учтены более 450 предметов (Там же. С. 162). Несмотря на кажущуюся многочисленность, чехлы найдены на раскопах, расположенных в разных районах древнего города. На крупном Нутном раскопе (площадь 674 кв. м), характеризующем Славенский конец Новгорода, в слоях XI–XV вв. найдено 46 чехлов (Гайдюков, 1992. С. 110, рис. 89); на небольшом Дмитриевском (площадь 360 кв. м) — 11 чехлов конца XIII–XV вв., из них 8 — на одной усадьбе «А» (Хорошев, 1982. С. 263, 264). На крупнейшем в Новгороде Неревском раскопе (8840 кв. м) встречено всего 28 чехлов, в том числе четыре — в слоях XII в., два отнесены к рубежу XII–XIII вв. и 22 — в слоях XIII–XV вв. (Изьмова, 1959. С. 215–216, табл. 4). В других русских городах число находок значительно меньше. Так, в центральной части Твери, на площади около 1400 кв. м, для периода последней четверти XIII–первой половины XV вв. найдено только 32 чехла. При этом объем обработанной коллекции кожаных предметов на сегодня можно назвать наибольшим — более 82 тыс. находок (Курбатов, 2004. С. 52–53). В Берестье в слоях XII–XIV вв. найдено 36 чехлов. Все они скроены из одного куска кожи и прошиты нитью или узким кожаным ремешком со стороны лезвия. В одном случае ножны были скреплены тремя заклепками. Поверхность предметов не украшена (Лысенко, 1985. С. 301–302, рис. 209, табл. 55). Здесь приведены данные только по тем городам, где раскопана значительная площадь и в слоях хорошо сохранились многочисленные кожаные изделия. Можно добавить, что декор древнерусских ножен также выглядит менее разнообразным и встречается на менее чем 50% находок.

Не только количественное различие в сохранности ножен в древнерусских городах и в Турку показывает разное отношение к этому элементу быта и костюма. Об этом свидетельствует и качество исполнения чехлов. Древнерусские чехлы, в массе своей, можно отнести к профессиональному пошиву, где добротность изготовления для многих изделий ограничивается именно функциональным сшиванием. Например, для Новгорода отчетливо видно, что декоративная отделка явно является необязательным второстепенным элементом. Она отсутствует на половине изделий XI–третьей четверти XII в. В слоях последней четверти XII–первой четверти XIV вв. доля декорированных чехлов заметно сокращается, хотя сама отделка становится более разнообразной. Среди ножен второй четверти XIV–XV в. только одна четвертая часть имеет декор. Декорировка чехлов в русских городах показывает, что русские люди видели в чехлах и самих ножах только предметы утилитарного назначения, без примеси знаковой функции — внешнего отражения того положения, которое человек занимает в обществе.

Это особо интересно на фоне большого числа изделий, говорящих об обратном. На поселениях и в погребениях древнерусского времени часто находят и бронзовые декоративные обкладки чехлов для ножей, и вотивные бронзовые модели чехлов, носимые на поясе вместе с другими такими же предметами хозяйственно-бытового назначения. Наиболее подробная сводка привесок-амулетов представлена в работе Н. Г. Недошивиной, где собрано около 200 отдельных предметов и комплексов с оберегами (*Недошвина*, 1997). По мнению Н. Б. Крыласовой, сама идея культивирования таких предметов в костюме зародилась в финно-угорской среде населения Пермского Приуралья. Вероятно, создавая свои амулеты-украшения и бытовые вещи, жители этого региона вкладывали в них настолько глубокий и многогранный смысл, что данные предметы становились значимыми и ценными далеко за пределами Пермского края. Такое понимание помогает объяснить большое число бытовых предметов на привесках-амулетах, известных на территории средневековой Руси.

В русских средневековых городах почти неизвестны такие находки, как кожаные ножны мечей или кинжалов, кожаные покрытия рукоятей, а также предохранительные накладки,

защищающие клинки мечей от дождя. Можно предполагать нахождение таких вещей в дальнейшем, но вряд ли это будут массовые находки. Скорее всего, их находки можно будет связывать с привозными изделиями западных оружейников. На сегодня средневековые кожаные ножны мечей среди находок в русских городах упоминаются только в Новгороде. На Неревском раскопе, в слоях XI–XIII вв., найдено несколько деревянных ножен больших ножей, мечей и сабель, представляющих собой тонкий деревянный каркас, обтянутый кожей и окованный железными пластинами с кольцами (*Колчин*, 1968. С. 84–85, табл. 80, 4, 5). С. А. Изюмова упоминает фрагмент чехла со следами вышивки или аппликации среди находок XIV–XV вв. с этого раскопа. Длина сохранившегося куска 40 см, ширина 13 см (*Изюмова*, 1959. С. 218). Фрагмент кожаных ножен найден в комплексе шведского времени в Ивангородской крепости (*Курбатов*, 1995. С. 203).

Таким образом, даже поверхностное сравнение кожаных чехлов для ножей, кинжалов и мечей, найденных в русских средневековых городах, позволяет видеть их формальное отличие от аналогичных предметов из средневекового Турку. Возможно, эти различия являются отражением того значения, которое придавалось ношению ножа (кинжала, меча) наряду со многими другими предметами личного пользования в повседневном быту древнерусского общества. Самостоятельное исследование этого вопроса является делом будущих исследователей.

Варфоломеева, 1993. — *Варфоломеева Т. С.* Кожаные ножны XI–XV вв. из раскопок Новгорода // ННЗИА. Новгород, 1993. Вып. 7.

Варфоломеева, 1995. — *Варфоломеева Т. С.* Кожаные футляры в виде коробочек // ННЗИА. Новгород, 1995. Вып. 9.

Варфоломеева, 1997. — *Варфоломеева Т. С.* Средневековые кожаные футляры для торгового инвентаря // ННЗИА. Новгород, 1997. Вып. 11.

Гайдуков, 1992. — *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992.

Древний Новгород, 1985. — *Древний Новгород: Прикладное искусство и археология. Альбом* / Б. Колчин, В. Янин, С. Ямщиков (сост.). М., 1985.

Изюмова, 1959. — *Изюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции / Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М., 1959. Т. 2 (МИА. № 65).

Колчин, 1968. — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968 (САИ. Вып. Е1–55).

- Курбатов, 1995. — Курбатов А. В. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. 1995. № 2.
- Курбатов, 2004. — Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери XIII–первой половины XV в. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб., 2004.
- Лысенко, 1985. — Лысенко П. Ф. Берестье. Минск, 1985.
- Недошивина, 1997. — Недошивина Н. Г. Древнерусские амулеты в виде миниатюрных предметов быта и их роль в погребальном обряде // Археологический сборник: Погребальный обряд. М., 1997 (Труды ГИМ. Вып. 93).
- Ретина, 1999. — Ретина Л. П. «Черная смерть» и демографический кризис XIV–XV вв. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 1999. Т. 1.
- Рыбина, 1978. — Рыбина Е. А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.
- Рыбина, 1994. — Рыбина Е. А. Западноевропейские находки XIII–XIV вв. из раскопок в Новгороде // [I] Новгородские археологические чтения. Материалы науч. конф., посвящ. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского (Новгород, 28 сентября–2 октября 1992 г.) / Под ред. В. Л. Янина, П. Г. Гайдучука. Новгород, 1994.
- Рыбина, 2001. — Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001.
- Сванидзе, 1999. — Сванидзе А. А. Средневековые города Северной Европы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 1999. Т. 1.
- Хорошев, 1982. — Хорошев А. С. Новые материалы по археологии Неревского конца // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- Cowgill, de Neergaard, Griffiths, 1987. — Cowgill J., Neergaard M. de, Griffiths N. Medieval finds from excavations in London. London, 1987. Т. 1.
- Kykyri, 1996. — Kykyri M. Medeltida kniv- och svärdsidor från Kastelholms slott // Åländsk Odling. Årsbok. 1996. No. 56.
- Rębkowski, Polak, Wýwrot, 1997. — Rębkowski M., Polak Z., Wýwrot B. Źródła archeologiczne // Archeologia średniowiecznego Kołobrzegu. Kołobrzeg, 1997. Т. 2.
- Rębkowski, Polak, Wýwrot, 1998. — Rębkowski M., Polak Z., Wýwrot B. Źródła archeologiczne // Archeologia średniowiecznego Kołobrzegu. Kołobrzeg, 1998. Т. 3.
- Rębkowski, Polak, Wýwrot, 1999. — Rębkowski M., Polak Z., Wýwrot B. Źródła archeologiczne // Archeologia średniowiecznego Kołobrzegu. Kołobrzeg, 1999. Т. 4.

А. В. Курбатов
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН.
Отдел славяно-финской археологии

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ АРХЕОЛОГИИ В БРИТАНСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Archaeology: The Key concepts / C. Renfrew, P. Bahn (Eds.).
London; New York, 2005. 298 pages.

Между современной российской археологией и археологией ведущих стран Запада образовалось заметное расхождение в теоретическом осмыслении нашей дисциплины. Если принципы Новой Археологии живо обсуждались и в нашей науке и оказали в ней некоторое воздействие на облик практических исследований, то постпроцессуальное и последующее развитие почти не затронуло нашу археологию. С западной точки зрения наша археология выглядит весьма консервативной. Я не склонен придавать здесь этому определению негативно-оценочный характер, так как далеко не все новации постпроцессуализма считаю благотворными. Однако я далек и от огульного отвержения всего, что внесено в археологию постпроцессуализмом и прочими

современными тенденциями. Во всяком случае их нужно знать.

В 2005 г. в Лондоне и Нью-Йорке английским издательством Раутледж издан том, названный «Археология: ключевые понятия» (Archaeology: The Key concepts, 2005). Статьи расположены в алфавитном порядке, так что том имеет характер энциклопедического словаря. Составители и редакторы из Кембриджа Колин Ренфру и Пол Бан собрали очень представительный состав — 40 авторов (с ними самими — 42). Авторы — главным образом из Великобритании (Стивен Шеннан, Мартин Карвер, Джулиан Томас и др.) и США (Джереми Сэблф, Майкл Шиффер и другие, в том числе переехавшие из Англии Ян Ходдер и Майкл Шэнкс), только двое авторов из других стран — Кристиан Кристиансен из Швеции и Натан Шланже из Франции. Немцев, не говоря

уже о более восточных коллегам, в составе авторов нет, и вклады археологии их стран (хотя бы понятия, введенные Эггерсом, Гахманом и Шахермейром) в список не включены. Поскольку выбирали авторов и темы, планировали содержание тома Ренфру и Бан, том отражает прежде всего их видение археологии.

Том состоит из 55 статей. Каждая написана одним из основных специалистов в мире по данной теме и снабжена списком литературы, разбитым на две части: «рекомендуемое чтение» и «дальнейшее чтение». Если учесть вес, место и роль Колина Ренфру в археологии Британии и мировой археологии и состав авторов, том приобретает значение вехи в теоретической археологии.

Совершенно четко во введении указано, что том мыслится как пособие по теории археологии. «Археологическая теория» — это первые слова введения: «Теоретическая археология уже сама является чем-то из новых понятий» (Р. XI), но этого понятия в списке «ключевых понятий» нет. Составители продолжают: «Кажется, время созрело для книги, имеющей целью представить в ясной и читабельной форме ключевые понятия, используемые в археологии и в том, что может быть названо археологической теорией» (Р. XII). Однако в аннотации на шмуцтитуле и на обложке содержание тома сформулировано несколько иначе — «современный и сжатый обзор ключевых идей в археологии и их воздействия на археологическое мышление и метод». И это более точная формулировка, потому что, по крайней мере, в названиях статей сами понятия археологии фигурируют редко, чаще — темы, разделы дисциплины и течения. Между тем, коль скоро статьи расположены в алфавитном порядке, читатель ожидает увидеть в списке прежде всего сами «ключевые понятия». За ними, однако, нужно лезть в указатель, где они даны вперемежку с фамилиями исследователей и другими терминами.

Вполне очевидно, что Ренфру, один из крупнейших и старейших теоретиков археологии нашего времени, автор систематических учебников, не представлял себе археологию беспорядочно (в виде алфавитного списка тем), а имел в голове некую систему, по которой и отбирал понятия для описания. Теория вообще есть система. К сожалению, во введении эта изначальная система не представлена, за исключением примерной разбивки понятий по основным течениям археологии и новациям (униформитаризм, процессуализм, постпроцессуализм, технические новации).

Попытаемся рассортировать статьи по основным тематическим категориям, как их видно со стороны российского читателя.

Непосредственно понятиям археологии (собственно археологии — науки о материальных древностях как археологических источниках) посвящено пять статей. Это именно статьи о понятиях, занимающих ключевые позиции в археологической теории и методике. Я отношу сюда следующие статьи: «Археологические формационные процессы» (речь идет о формировании археологического источника), «Операционная цепь» (понятие Леруа-Гурана), «Принципы стратиграфической последовательности», «Идеи в относительном и абсолютном датировании», «Три Века» (о периодизации археологического материала).

Две статьи укладываются в рубрику философии археологии. Это статьи «Концепции времени» и «Приспособление к материалу (material engagement) и материализация». В последней статье идет речь о новейших соображениях Ренфру насчет способов приспособления человеческого интеллекта к оперированию материальными вещами.

Тринадцать статей характеризуют отрасли археологии. Почти половина (6 статей) имеет дело с отраслями, сформированными по направленности, по объектам изучения, по сферам приложения археологических исследований. Это статьи: «Энвйронментная археология», «Экологическая археология» (кстати, разделение между ними очень условное), «Анализ ресурсов местонахождения», «Думы о ландшафте» (всё это та же энвйронментно-экологическая археология), «Социальная археология», «Археология культа и религии».

Более половины статей (остальные 7) имеют дело с методическим разделением археологии по видам и этапам исследований. Это статьи: «Разведка/обследование», «Ключевые идеи раскопок», «Историческая археология и текст», «Эпистемология», «Этноархеология», «Экспериментальная археология» (все три суть разделы теоретической археологии), «Публичная археология/музеология/консервация/наследие».

Современным течениям археологии уделено 12 статей. Две из них описывают течения, возникшие давно, но все еще влиятельные. Это «Униформитаризм» (речь идет об одном из принципов эволюционизма) и «Материализм, марксизм и археология». Остальные десять таковы: «Системное мышление», «Процессуальная

археология», «Постпроцессуальная и интерпретативная археология», «Символическая и структуралистская археология», «Феноменологическая археология», «Холистическая/контекстная археология», «Феминистская археология», «Гендерная археология», «Туземные археологии», «Дарвиновская археология». Легко заметить, что процессуальная археология (Новая Археология) ужата до одной статьи, а постпроцессуальная разбита на шесть-семь. Конечно, под шапкой постпроцессуальной скрывается много разнородных течений, но ведь и Новая Археология имела минимум три разновидности: бинфордскую (гемпелианскую), кларковскую (аналитическую) и серутанскую, упирившуюся на естественную регуляцию. Некоторые статьи, отнесенные мною к другим рубрикам, могли бы также войти и сюда («Энвайронментная археология», «Когнитивная археология»), если бы в этих статьях были больше акцентированы историографический и группировочный аспекты.

Две статьи относятся к методам и отраслям точной науки, которыми пользуется современная археология. Это «Археогенетика» и «Симуляция» (в последней имеется в виду моделирование на компьютере процессов, предполагаемых в древности).

Далее, 13 статей относятся не собственно к археологии, а скорее к истории первобытного общества, древней истории, истории культуры, психологии. Это проблемы, для комплексного решения которых археология поставляет данные, но которые решаются все-таки в основном другими науками. Сюда я отнес бы такие статьи, как: «Древность человека», «Происхождение человека», «Когнитивная археология» (изучение древних мыслительных процессов), «Мыслительная модульность» (о том же), «Археoaстрономия» (представления древних об астрономии), «Эволюция культуры», «Нелинейные процессы и археология» (оппозиция к абсолютизации эволюции), «“Темные века” в археологии/коллапс систем», «Теоретизирование о диффузии и передвижках населения», «Революции Чайлда», «Иновация и изобретение — независимое событие или исторический процесс?», «Эволюция социальной сложности и государства», «Мультирегиональная эволюция». Обо всех этих темах и проблемах археологи, конечно, думают при своей профессиональной деятельности, но мало ли о чем они вынуждены думать!

Теоретизирование о диффузии и миграциях можно было бы отнести к собственно археологии,

если бы речь шла о способах и критериях выявления этих феноменов средствами археологии, но в статье речь идет о причинах и роли этих явлений в истории, а это уже не дело археологии. В статье «Революции Чайлда» говорится о периодизации археологического материала, как и в статье «Три Века», и можно было бы также включить ее в статьи, непосредственно относящиеся к археологии. Но концепция «Трех Веков» построена на независимом типологическом упорядочении археологического материала, тогда как «Революции Чайлда» исходили из стремления ввести в археологический материал исторические критерии группирования, надеть на археологические этапы исторические периоды, совместить археологическую периодизацию (Томсена) с этнографической (Моргана–Энгельса). Вообще марксизм стремился придать археологии как можно больше функций истории, в результате чего смазывалось различие между ними. Так что статью «Революции Чайлда» я рассматриваю как относящуюся скорее к истории первобытного общества, чем к археологии.

В связи с этой группой тем и проблем находятся также еще 8 статей, посвященных понятиям и теориям других наук, не археологии. Это такие статьи, как: «Деятели (Agency)», «Понятия личности», «Хабитус», «Теория социальной практики», «Катастрофистская археология», «Организация общества, включая вождества», «Характеризация и теория обмена», «Взаимодействие равных политий». Эти понятия и теории, правда, оказались в конце XX–начале XXI в. модными в археологических дискуссиях, но эти дискуссии неизменно уходят в смежную с археологией тематику — в культурную антропологию, сравнительную социологию, этнографию, преисторию. Например, говоря об *agency*, исследователи имеют в виду определение роли индивидов и групп сравнительно с другими факторами (природными и социальными) в ходе истории. Говоря о хабитусе, имеют в виду осознание человеком своей принадлежности к тому или иному сообществу или категории — полу, возрастной группе, классу, вкусовому единству и т. п. Средствами решения этих проблем археология не обладает, она может лишь посылать материал для комплексного их решения, но методы синтеза разных видов источников сосредоточены в других науках (Клейн, 1991, Klejn, 1993; Esparza Arroyo, 1996).

Коль скоро в Англии и США эти темы дискутируются именно в археологической среде, включение их в том естественно и закономерно.

Более того, раз уж многие археологи занимаются одновременно и историей первобытного общества (гораздо чаще, чем археологи-античники — историей древнего мира), то вполне рационально издать и справочный том сразу по двум наукам. Хотелось бы только, чтобы проводилось четкое различие между понятиями собственно археологии и смежных дисциплин. Всегда полезны стремление к решению комплексных проблем и работа на стыках наук, но при этом не стоит терять из виду границы необходимой компетенции (и пределы своей собственной профессиональной компетентности). Размытость границ обычно ведет к дилетантизму. Хотелось бы также, чтобы был значительно больше относительный вес понятий самой археологии и чтобы были представлены современные взгляды на них. Например, на понятия и методы типологии и хорологии, на аналогию, на тип и стиль, на археологическую культуру (если даже эти взгляды на Западе негативные). Всё это ускользнуло от внимания составителей, затмилось «деятельностью», «мыслительной модульностью» и «приспособлением к материалу». Из смежных понятий выпали этногенез и понятие расы.

Было бы ошибочно думать, что в этом томе отражено общезападное или хотя бы общеанглийское представление об археологии. Мы имеем дело с очень популярным, очень влиятельным, но все же представлением только одной группы археологов. В вышедшем вторым изданием в том же издательстве Раутледж введении известного палеолитчика Клайва Гембла «Археология: основы» (*Gamble*, 2000; 2008) есть глава

«Основные понятия». В ней рассматриваются такие понятия, как *процедура, признак, артефакт, комплекс, археологическая культура, антропологическая культура, стиль, археологический источник, теория среднего уровня*. Мне кажется, что это значительно ближе к ядру археологии.

Все же для русского читателя книга Ренфру и Бана очень интересна, так как дает сжатое и компетентное представление о наиболее дискутируемых на Западе идеях и связанных с ними понятиях, а также о взглядах влиятельной группы западных археологов на нашу дисциплину. Возможно, следовало бы перевести книгу на русский язык, но значительная часть ее ценности — в отлично подобранной современной библиографии, а для русского читателя она остается почти недоступной: всё это библиография англоязычная, большей частью отсутствующая в наших библиотеках. Так что если переиздавать книгу здесь, то следовало бы эту библиографию хотя бы превратить в пространно аннотированную.

Klejn, 1991. — *Klejn L. S.* Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1991. № 4.

Archaeology: The Key concepts, 2005. — *Archaeology: The Key concepts / C. Renfrew, P. Bahn (eds.)*. London; New York, 2005.

Esparza Arroyo B., 1996. — *Esparza Arroyo B.* Pie a tierra: por la distinción entre la prehistoria y la arqueología // Homenaje al Profesor M. Fernández-Miranda. Madrid, 1996 (Complutum Extra. No. 6, 2).

Gamble, 2000. — *Gamble Cl.* *Archaeology: The basics*. London; New York, 2000 (2nd ed. 2008).

Klejn, 1993. — *Klejn L. S.* To separate a centaur: On the relationship of archaeology and history in Soviet tradition // *Antiquity*. 1993. Vol. 67. No. 255.

Л. С. Клейн
Россия. Санкт-Петербург

Сотрудничество Восток–Запад

XV КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ДОИСТОРИЧЕСКИХ И ПРОТОИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

(Лиссабон, Португалия, 4–9 сентября 2006 г.)

В 2006 г. в Лиссабоне под председательством проф. Л. Остербека состоялся очередной Конгресс Международного Союза доисторических и протоисторических наук. В работе собрания принимала участие делегация отечественных археологов (на этот раз представленная почти исключительно специалистами по палеолиту из Новосибирска), в том числе автор.

Работа Конгресса была организована по 89 секциям, 22 рабочим группам и 7 коллоквиумам (две последние формы проведения заседаний отличались, по сравнению с секциями, меньшим числом участников и более узкой тематикой). Проблематика собрания охватывала все разделы нашей науки от древнейших каменных индустрий до средневековья. В качестве отдельных тем было проведено широкое обсуждение археологии Латинской Америки и вопросов исследования наскального искусства. Один из дней Конгресса был отведен на экскурсии с посещением археологических памятников.

Не имея возможности осветить все стороны деятельности столь внушительного научного форума, кратко остановлюсь на близкой мне тематике древнекаменного века.

Что касается изучения древнейших памятников, то в центре внимания Конгресса находился вопрос о первых обитателях Европы в свете новых данных по Иберийскому полуострову и Грузии (Дманиси). Особыми темами обсуждения стали закономерности эволюции нижнепалеолитических каменных индустрий и попытки выявления следов познавательной деятельности у гоминид по материальным остаткам.

Традиционными для международных встреч европейского и мирового уровня стали заседания

Комиссии по изучению систем расселения в среднем палеолите и среднем каменном веке. На этот раз европейско-ближневосточная и африканская проблематика была удачно дополнена серией докладов по материалам Южной Сибири. Отметим также заседание, посвященное проблемам термолюминесцентного датирования среднепалеолитических памятников.

Целый ряд секций работал по проблематике распространения человека современного физического типа в Евразии, хронологии процесса перехода от среднего к верхнему палеолиту, особенностям и составу переходных индустрий в различных регионах Европы, на Кавказе, Ближнем Востоке, в Северной Африке и Сибири, сопоставлению пластинчатых техник расщепления камня в среднем и верхнем палеолите и др. Что касается собственно верхнепалеолитической тематики, то подробно рассматривались культурные взаимодействия в финальном палеолите на побережье Адриатики и на Северо-Европейской равнине.

Были проведены симпозиумы, посвященные вопросам пространственного анализа поселений позднего палеолита и мезолита Европы, критериям выделения на этой основе жилищ, роли технологического анализа кремневой индустрии и выявления «связей» по ремонту для реконструкции облика стоянок.

Многие семинары затрагивали проблемы изучения палеолитических древностей различных эпох и территорий. Особое внимание участников Конгресса было приковано к проблеме выделения палеолитических сообществ. Поэтому в центре внимания находились вопросы изучения территориальности, характер распределения разнофункциональных стоянок на местности, сопоставление зон, эксплуатируемых древним

человеком в поисках источников каменного сырья, и промысловых территорий. Среди других семинаров упомянем заседания, где обсуждались методика раскопок и история исследования пещерных памятников, расселение древнего человека в горных районах Южной Европы, новые открытия палеолитических памятников на Балканах, формы приморских адаптаций в среднем и верхнем палеолите, роль некремневого сырья (и отдельно — кварцита) для производства каменных орудий, виды топлива, использовавшиеся палеолитическим человеком, и др. Одно из заседаний было посвящено разновременным памятникам Керси, одного из ключевых палеолитических микрорегионов юго-запада Франции. Важное теоретическое значение имела дискуссия по проблеме поиска моментов перехода между различными эпохами палеолита, отражения исследовательских факторов при проведении подобного рода границ.

В качестве отдельных тем обсуждался палеолит Ирана и Северо-Западной Африки — регионов, где сейчас осуществляется ряд крупных международных проектов.

Кроме того, были представлены результаты новейших междисциплинарных исследований (применение ГИС-технологий при анализе палеолитических памятников, реконструкция времени и путей расселения древнего человека на основании анализа ДНК, выявление тафономических факторов, влияющих на видоизменение

поверхности каменных орудий и костей). Вопросы археозоологии были в центре внимания семинаров, посвященных реконструкции видов охотничьей деятельности, стратегии использования животных как источника пищи и костных остатков как сырья для изготовления орудий.

Что касается изучения художественного палеолитического творчества, то интересным дополнением к традиционной тематике явилась дискуссия о возможности выявления территориальных групп на основании изучения стиля произведений пещерного и мобильного искусства Европы.

Конгресс в очередной раз продемонстрировал усиленное внимание исследователей к технологии каменных и костяных индустрий. Предметом оживленных споров стала оценка роли типологического и технологического методов изучения камня. Особо отметим посвященный Ж. Тиксье и М.-Л. Инизан семинар по изучению техники отжима и вопросам исследования микропластинчатых индустрий. Много докладов было представлено на заседании о технологическом и функциональном анализе серий верхнепалеолитических наконечников охотничьего вооружения. К сожалению, заявленная в программе секция по методологическим проблемам функциональных исследований не состоялась.

Начата полная публикация материалов Конгресса в серии *British Archaeological Reports*. Очередной Конгресс будет проведен в 2011 г. во Флорианополисе, Бразилия.

С. А. Васильев
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН
Отдел палеолита

5-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «РАДИОУГЛЕРОД И АРХЕОЛОГИЯ»

(Цюрих, Швейцария, 26–28 марта 2008 г.)

В течение нескольких десятилетий проводятся международные конференции, связанные с вопросами применения радиоуглеродного метода в археологических исследованиях. Среди них необходимо отметить международную конференцию по радиоуглероду «Radiocarbon», которая проводится регулярно раз в три года. В 2007 г. в Оксфорде была проведена уже 19-я конференция. На конференции «Radiocarbon» одна секция всегда посвящена археологии. Работа основных секций связана с рассмотрением теоретических и методических проблем, аппаратного оформления и других вопросов, связанных с радиоуглеродным датированием. Обычно археологи редко участвуют в ее работе. Международный симпозиум «Radiocarbon and Archaeology» проводится независимо от этой конференции и целиком посвящен проблемам взаимодействия специалистов в области радиоуглерода и археологов. Он проводится раз в четыре года: 3-й — состоялся в апреле 1998 г. в г. Лионе, Франция; 4-й — в апреле 2002 г. в Оксфорде, Великобритания; и наконец, 5-й — в марте 2008 г. в Цюрихе, Швейцария.

Оба форума, как правило, проводятся на базе ведущих радиоуглеродных лабораторий мира, поэтому всегда есть возможность познакомиться с работой самих лабораторий. Пятый симпозиум проходил в Цюрихе на базе радиоуглеродной лаборатории Института физики Швейцарского Федерального Технологического института (ETH — Eidgenössische Technische Hochschule Zürich / Swiss Federal Institute of Technology Zürich).

На симпозиуме было представлено 44 устных доклада и 48 стендовых. Общее число участников составило около 150 человек. Присутствовало много молодых исследователей из различных стран и студентов. Тематика симпозиума охватывала практически весь современный круг проблем абсолютного датирования, археологической

хронологии и палеоклиматических реконструкций. В числе участников были представители практически всех научных дисциплин, имеющих отношение к их решению: физики, химии, геологии, палеогеографии, археологии. Российская группа участников была представлена сотрудниками ГИН РАН, ИГ РАН, ИА РАН, ИИМК РАН, МГУ, СПбГУ.

С докладами выступили сотрудники ведущих радиоуглеродных лабораторий мира (Германии, Великобритании, Швейцарии, США, Польши и др.).

Программа конференции включала пять основных секций: 1) разработка календарной временной шкалы палеолита — распространение калибровки на период древнее 10 тыс. лет; 2) радиоуглеродная хронология, дендрохронология, корреляция и калибровка; 3) радиоуглерод, археология и ландшафтно-климатическая изменчивость; 4) радиоуглеродное датирование костного материала, проблемы и методы; 5) радиоуглеродная хронология памятников эпохи неолита и металла.

Вводный доклад о последних достижениях в области ускорительной масс-спектрометрии (AMS-метод) и ее применении для целей археологии был сделан сотрудниками швейцарских институтов: Лаборатории физики ионных частиц (Цюрих), Департамента химии и биохимии университета г. Берн. С момента внедрения в практику AMS-метода прошло уже 30 лет, в течение последних 10 достигнут большой успех в области аппаратного оформления процесса, в частности, в создании менее объемных по размеру и более компактных ускорителей, снижено напряжение до 200 kV, уменьшено время измерения и увеличена точность измерений. Прогресс достигнут и в подготовке образцов для измерения (графита), улучшена процедура очистки образцов, что особенно важно, если вес образца составляет 20–100 мг.

Секция 1: Календарная временная шкала палеолита — протяженность временной шкалы далее 10 000 лет до н.э.

В краткой информации невозможно представить все доклады, поэтому остановимся лишь на тех, которые имеют особое значение для археологии. В первую очередь, речь пойдет о калибровке радиоуглеродных дат. Подробно современное состояние калибровочной кривой рассмотрено в коллективном докладе ведущих ученых из США, Великобритании, Нидерландов, представленном К. Хаген (K. Hughen) из Института океанографии США. В настоящее время сконструирована и принята международным сообществом калибровочная кривая IntCal04, которая до 12 400 лет основана на дендрохронологии, далее до 14 700 лет — на измерениях с высоким разрешением отложений ленточных глин бассейна Кариако (Cariaco). Датирование ленточных глин и кораллов уран-ториевым методом позволило удлинить кривую до 26 тыс. лет. Наибольшие проблемы вызывает конструирование кривой в диапазоне 26–55 тыс. лет, так как здесь наблюдаются слишком большие флуктуации и имеется значительное расхождение данных различных лабораторий. Кроме того, трудно учесть вклад резервуарного эффекта на этих участках кривой. Работа продолжается, и есть уверенность, что скоро калибровочная кривая будет перекрывать не только голоцен, но и необходимую для археологии часть плейстоцена. Пока, однако, рекомендовано использовать калибровочную кривую в диапазоне до 26 тыс. лет. Это важный вывод, который должен учитываться пользователями радиоуглеродного метода.

Вопросам уточнения калибровочной кривой был посвящен коллективный доклад ученых из Германии (Гейдельберг, Лейпциг, Гогенхейм), Швейцарии (Цюрих), Франции, Швеции (Лунд), представленный Б. Кромером (B. Kromer) из Гейдельбергского университета. Б. Кромер вместе с Б. Беккером (B. Becker) стоял у истоков создания первых калибровочных кривых в начале 1990-х гг.

Как и ранее, при конструировании калибровочной кривой используются годовые древесные кольца. Содержание радиоуглерода в атмосфере прошлого измеряется в CO_2 , полученном из выделенной из годового кольца целлюлозы на пропорциональном счетчике. В настоящее время таким образом датированы дуб и сосна из Центральной Европы, и калибровочная кривая по ним простирается до 12 594 лет, перекрывая период «Молодого Дриаса». Для позднего ледникового сейчас существуют две «плавающие» хронологии, построенные

независимо в Гогенхейме и Цюрихе для интервала 12 200 и 10 600 ВР. Для этого же интервала построена кривая по альпийской сосне. Исследователями использован четкий сигнал для совокупности дат периода «Молодого Дриаса», чтобы «привязать» плавающую кривую к датам, полученным по отложениям бассейна Кариако; рассчитан резервуарный эффект, что позволило согласовать калибровочную кривую IntCal04 для интервалов периода Аллеред-Беллинга. Для проверки данных по годовым кольцам были использованы данные по концентрации ^{10}Be в ядрах гренландских льдов, по которым есть шкала GICC05. Несмотря на значительный прогресс и интенсивность исследований, проблема остается дискуссионной.

Проблеме создания калибровочной кривой для палеолита за пределами 10 тыс. лет до н.э. был посвящен доклад М. Надью (M.-J. Nadeau) с соавторами из университета и Геологического института г. Киль (Германия). Концентрация радиоуглерода измеряется в кораллах и планктоне, при этом есть допущение, что возраст «местного» резервуара постоянен. Пока предлагается калибровать ^{14}C даты до 26 тыс. лет. Имеются тренд данных и различные сведения о вариабельности концентрации радиоуглерода, которые требуют обсуждения, чтобы уверенно распространить калибровочную кривую на период верхнего палеолита.

На этой же секции был представлен доклад А. Синицына (ИИМК РАН) о календарной хронологии восточноевропейского палеолита, для чего использованы данные как радиоуглеродного и OSL датирования для опорных памятников Молодово 5 и Костенки 14, так и данные о хронологических маркерах «высокой разрешающей способности», таких как магнитные экскурсы и вулканический пепел. С этим докладом согласуется сообщение П. Эзарца (P. Haesaerts) (Брюссель, Бельгия), в котором были обобщены все имеющиеся данные для корреляции опорных памятников палеолита Сибири (Куртак), Восточной (Костенки 14, Молодово 5) и Центральной Европы (Миток, Виллендорф), полученные различными методами: радиоуглеродным, термлюминесцентным, уран-ториевым. В докладе приведены и данные об окружающей среде. Проведено сравнение данных со шкалой по ядрам гренландских льдов. В докладе Н. Конарда (N. Conard) (Тюбинген, Германия) «Датирование позднего среднего и раннего верхнего палеолита Европы» на примере серийных датировок мустерских и верхнепалеолитических культурных слоев

пещер Гайсенккестерле и Холе Фельс акцент был сделан на проблемах хронологии переходного периода, имеющего принципиальное значение для понимания всего палеолита.

Палеолитическая тематика нашла также отражение в стендовых докладах. Среди них наибольший интерес представляют: новая серия датировок для грота Фумане (Италия), полученная совместным исследованием Оксфордской лаборатории — Ф. Брок, Т. Хайем (F. Brock, T. Higham) — и университета Феррары — М. Перезани, А. Брوليو (M. Peresani, A. Broglio); разработка усовершенствованной методики датирования раковин четвертичных моллюсков в Оксфордской лаборатории и ее применение для решения проблем хронологии переходного периода от среднего к верхнему палеолиту — К. Дука (K. Douka) и др.; развитие проблемы длительно (более 10 тыс. лет) сосуществования неандертальского населения и людей современного физического облика на Иберийском п-ове — Р. Вуд, Т. Хайем (R. Wood, T. Higham), перспективы решения которой связываются с совершенствованием методики очистки образцов и методики датирования на «критическом» для радиоуглерода временном отрезке.

Секция 2: ^{14}C хронологии, дендрохронологии, метод согласования (wiggle matching method) и инструменты калибровки.

Метод согласования (wiggle matching method) широко и активно вошел в практику хронологических исследований в археологии. Доклад С. Мэннинга (St. Manning) из США был посвящен истории применения этого метода и его современному состоянию. В настоящее время с увеличением точности датировок, полученных ускорительной масс-спектрометрией, этот метод широко применяется как для установления хронологии археологических памятников, так и для реконструкции окружающей среды прошлого.

Как всегда, был интересен доклад С. Бронк Рэмсэя (S. Bronk Ramsey) (Оксфорд, Великобритания), где были рассмотрены вопросы анализа совокупности радиоуглеродных определений, создания удобной формы базы данных, включающей информацию о радиоуглеродных определениях, и др. Убедительно была показана необходимость использования статистических критериев для обработки и корреляции хронологической информации. Проблеме применения статистических критериев при работе с радиоуглеродными данными были посвящены доклады К. Бак (C. Buck) (Великобритания) с соавторами

из Мексики и США и Ф. Лано и Ф. Дюфресна (Ph. Lanos, Ph. Dufresne) из Франции.

Использование метода «wiggle matching» в совокупности с дендроопределениями и согласование данных с калибровочной кривой IntCal04 было продемонстрировано в сообщении Л. МакКолла (L. McColl) с соавторами (Великобритания) на примере исследования серии артефактов, связанных с извержениями вулканов в Южном Юконе (Канада).

Доклад Л. Брюнса (L. Bruins) (Израиль) с коллегами из Гронингена и Лейдена (Нидерланды) был посвящен извержению вулкана в минойское время на о. Санторин и отложениям цунами на Крите (Палайкастро). Это очень показательный и прекрасно выполненный пример перекрестного датирования (геологическое, археологическое и радиоуглеродное)

В интерпретации радиоуглеродных дат сейчас особое внимание уделяется резервуарному эффекту — доклад М. Ди (M. Dee) с соавторами (Великобритания), — с влиянием которого, скорее всего, связаны некоторые различия между результатами датирования и историческими данными на примере истории Древнего Египта.

Секция 3: Радиоуглерод, археология и изменения природной среды.

На этой секции были представлены доклады по реконструкции окружающей среды прошлого на основе датирования органического материала. Методический интерес представляли доклады Ф. Фавилли (F. Favilli) (Швейцария) с соавторами (Италия, Великобритания) и Е. Экмайера (E. Eckmeier) (Швейцария), посвященные проблеме определения возраста почв из района Альп и долины Рейна. В последнем — обожженный органический материал в почвах рассматривается как показатель изменения природного и культурного ландшафта (обожженный субстрат в геологических отложениях — следы массового выжигания лесов человеком в раннем неолите, а в отдельных случаях и в более раннее время).

В совместном докладе М. Кульковой и С. Красниенко (ИИМК РАН) «Влияние климата в голоцене на древние сообщества в Южной Сибири» были проведены сопоставления развития древних сообществ, населявших Назаровскую, Минусинскую и Тувинскую котловины, с изменениями климата в голоцене и показано, что определяющим фактором, влиявшим на экономику древнего населения исследуемых территорий (расширение пастбищ), было изменение влажности. В частности наглядно было продемонстрировано

значение горных хребтов для защиты территории от влияния океанических муссонов.

Ряд докладов был посвящен реконструкции окружающей среды прошлого территорий Польши, Перу, Боливии и Африканского континента (Мали).

Нельзя не отметить исключительно интересный доклад, представленный Н. Шишлиной, Э. Зазовской и О. Чичаговой (ГИМ, ИГ РАН) совместно с Х. Ван дер Плихтом (J. van der Plicht) (Нидерланды) и Р. Хеджесом (R. Hedges) (Великобритания), в котором были рассмотрены палеоэкологические аспекты и хронология культур бронзового века памятников степной зоны бассейна Каспийского моря. Показано влияние резервуарного эффекта на достоверность радиоуглеродных дат, приведены данные по исследованию диеты древнего населения на основе измерения концентрации стабильных изотопов азота и углерода. Доклад вызвал дискуссию, что свидетельствовало об интересе и важности решаемых проблем.

Секция 4: Проблемы и методы датирования костного материала.

Костный материал является одним из широко используемых для датирования археологических памятников. Иногда он является единственным органосодержащим материалом, особенно при датировании памятников кочевников степных зон. Поэтому важно получать надежные даты, но для этого требуется «правильная» химическая подготовка материала для датирования с возможным полным извлечением коллагена и контролем его качества. Подобные исследования проводились в СССР в 70-х гг. прошлого века. Методы обработки костного материала для датирования и выделение чистого коллагена в лабораториях России были отражены в стендовом докладе Х. Арсланова (СПбГУ).

В зарубежных лабораториях в настоящее время проводятся исследования по извлечению коллагена практически теми же способами, что и в России. Однако контроль качества коллагена осуществляется путем определения в нем соотношения углерода и азота — доклад Т. Хайема (T. Higham, Великобритания), а проверка качества коллагена — путем инфракрасной спектроскопии — доклад Е. Боаретто (E. Boaretto, Израиль) с соавторами. Альтернативным материалом для датирования кости кроме коллагена может быть и неорганическая фракция, например апатит, который используется не так широко, как коллаген, — доклад А. Заццо (A. Zazzo, Франция) с соавторами. Специальные исследования были

проведены по обжигу костного материала при разных температурах, при этом оценка качества материала осуществлялась по потере веса, содержанию ^{13}C , степени кристаллизации апатита и т. д. Для очистки коллагена применяются разные способы ультрафильтрации, при которой удаляются малые количества загрязняющих примесей и низкомолекулярный протеин, — М. Хулс (M. Huls) с соавторами (Киль, Германия).

Своей необычностью выделялся доклад известного специалиста в области стабильных изотопов М. Ван Стридонк (M. Van Strydonck, Бельгия) с коллегами, в котором были приведены результаты исследования скелетных остатков мощей святых из средневековых протестантских церквей. Радиоуглеродный анализ, дополненный данными антропологии, показал, что костные останки датируются VIII–IX вв. н. э., в то время как до этого полагалось, что они относятся к XII–XIII столетиям.

Кость является одним из основных материалов при датировании памятников европейского неолита. Отмечается эффект «старого» дерева и «молодой» кости: в большинстве случаев отмечалось, что даты по углю древнее, чем по костному материалу, — А. Денэр (A. Denaire, Франция). В докладе А. Черкинского (A. Cherkinsky, США) поднят вопрос, можно ли получить достоверные даты из костного материала плохой сохранности. Для положительного ответа на него была предложена методика обработки костного материала путем нагрева образца в вакууме в растворе уксусной кислоты. При такой методике коллаген не разрушается, но удаляются вторичные карбонаты. Показано, что биоапатиты также могут быть датирующим материалом для получения достоверных значений возраста.

Секция 5: Радиоуглеродная хронология неолита и эпохи металла.

Работа секции началась с доклада В. Штокли (W. Stockli) (Берн, Швейцария), посвященного противоречиям археологической и радиоуглеродной хронологии, встречающимся на практике достаточно часто. Когда встречаются такие противоречия, однозначный ответ на вопрос — кто прав? — предполагает два возможных варианта: 1) археологическое датирование верно. В этом случае даже калибровочное значение дат для значений 2σ не может снять противоречия. Возможно, имеются ошибки при датировании, за которые отвечают физики и химики; 2) радиоуглеродное датирование верно: если проведено перекрестное датирование образцов различными лабораториями. Не рекомендуется использовать единичные

даты. Возможно, ошибочна относительная археологическая хронология, определяемая так называемым типологическим методом. Успех здесь во многом связан с достижением взаимопонимания археологов и специалистов по радиоуглероду.

В докладе П. Долуханова с соавторами о распространении неолита на юго-западе Европейской равнины были проведены хронологические сопоставления неолита Греции, Среднего Дуная и других территорий Европы. Время распространения агрикультурных сообществ определяется диапазоном 4800–4500 лет до н.э. Хронологии культуры воронковидных кубков был посвящен доклад М. Пигэ (M. Piguet) и М. Бесса (M. Besse) (Швейцария), в котором на основании обобщения дат для 956 памятников была предложена модель диффузионного распространения главных типов внутри сообщества культуры воронковидных кубков. Хронологии культуры шнуровой керамики был посвящен доклад П. Влодарчака (P. Włodarczak, Краков), в котором возникновение поселений этой культуры определяется в интервале 2880–2580 BC, а продолжительность существования поселений оценивается до 600–700 лет.

Интересен подход исследователей из Великобритании К. Бака (C. Buck), П. Блэквелла (P. G. Blackwell) и других (Шеффилд) к моделированию движения древнего населения и древних культур. Эти проблемы дискутируются в литературе не одно десятилетие. В качестве инструмента для исследований авторы наряду с датированием археологических слоев, ассоциирующихся с неолитом, используют датирование непосредственно культурных растений. Авторами создан архив, состоящий в настоящее время из 250 новых дат для 50 памятников неолита.

Вопросы о времени перехода от неолита к энеолиту на материалах памятников Греции, Македонии и Болгарии были рассмотрены в сообщении исследователей из Германского Археологического института А. Рейнгрубера и Л. Тиссена (A. Reingruber, L. Tissen).

Вопросы датирования керамики неолита были представлены в докладе Г. Зайцевой (ИИМК РАН) с соавторами, в котором показано, что при правильной химической подготовке органическое

вещество самой керамики может быть источником получения достоверных дат. Это было продемонстрировано серией дат по неолитической керамике южных регионов России (Прикаспийский регион, Нижнее Поволжье).

Хронологии памятников бронзового–раннего железного веков Центральной Европы был посвящен доклад итальянских исследователей В. Давида, М. Давид-Элбьяли и Р. Де Мариниса (W. David, M. David-Elbiali, R. de Marinis), в котором наряду с радиоуглеродным методом использовались данные дендрохронологии.

Серии новых дат по неолитическим памятникам представлены на стендовых докладах: «Даты известного памятника Звейниекы, Латвия» — И. Загорска (I. Zagorska, Институт археологии Латвии); «Хронология неолитических культур в Верхневолжском регионе» — А. Энгватова (ИА РАН, Москва)

В заключительной дискуссии участниками были отмечены высокий научный уровень конференции, возможность заслушать и увидеть на стендах результаты исключительно интересных исследований. Подчеркивалось, что такие форумы, в которых участвуют как археологи, так и естествоиспытатели, очень продуктивны для обеих сторон, поскольку только взаимопонимание приводит к успеху.

Во время симпозиума его участники посетили радиоуглеродную лабораторию Университета г. Цюрих, где используется только ускорительная техника. В лаборатории имеются четыре ускорителя, один из которых, самый современный, занимающий меньшую площадь, имеет более низкую энергетическую составляющую, что не ухудшает, а даже улучшает точность радиоуглеродных определений. Аппаратура и установки для получения графитовых «мишеней» для ускорителя значительно модернизированы и упрощены. К сожалению, такая аппаратура для отечественных лабораторий пока недоступна.

Кроме того, участники симпозиума ознакомились с краеведческим музеем и его археологическими экспонатами, также к началу симпозиума были выпущены тезисы докладов, сами доклады будут опубликованы позже в течение года.

*Г. И. Зайцева
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН
Лаборатория археологических технологий
А. А. Синицын
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН
Отдел палеолита*

**К ИСТОКАМ ТРАСОЛОГИИ:
«“ПЕРВОБЫТНАЯ ТЕХНИКА” 40 ЛЕТ СПУСТЯ:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РУССКОЕ НАСЛЕДИЕ»**

(Верона, Италия, 20–23 апреля 2005 г.)

Конгресс «“Первобытная техника” 40 лет спустя: функциональные исследования и русское наследие», организованный Л. Лонго и Н. Скакун в апреле 2005 г. в Вероне (Италия), предоставил уникальную возможность обратиться к истокам трасологии, этого детища выдающегося русского археолога С. А. Семенова (1898–1978) (рис. 1). Результаты международных симпозиумов в Петербурге (в 2000 и 2003 гг.), Ханты-Мансийске (в 2002 и 2006 гг.), Барселоне (в 2002 г.), организация в 2002 г. в рамках Международного конгресса UISPP комиссии по трасологии (руководитель Н. Скакун) свидетельствуют о всемирном признании этого оригинального направления

С. А. Семенов (1898–1978)

S. A. Semenov (1898–1978)

кун в апреле 2005 г. в Вероне (Италия), предоставил уникальную возможность обратиться к истокам трасологии, этого детища выдающегося русского археолога С. А. Семенова (1898–1978) (рис. 1). Результаты международных симпозиумов в Петербурге (в 2000 и 2003 гг.), Ханты-Мансийске (в 2002 и 2006 гг.), Барселоне (в 2002 г.), организация в 2002 г. в рамках Международного

в первобытной археологии (*Семенов*, 1957; 1968; 1974а; 1974б; Экспериментально-трасологические исследования..., 1994; Современные экспериментально-трасологические..., 1999; Петербургская трасологическая школа..., 2003; *Análisis funcional*, 2002; и др.).

Выход в свет в 1964 г. английского издания основополагающего труда Сергея Аристарховича «Первобытная техника» (*Semenov*, 1964) послужил толчком к структурному оформлению данного направления в международном масштабе,

так как до этого момента существовали лишь редкие разрозненные попытки подобных исследований. С. А. Семенов известен, прежде всего, своими работами по изучению функций первобытных орудий, но область его научных интересов была более обширной. Важно отметить, что основной труд создателя нашей дисциплины в английском переводе имеет название «Первобытная технология», что отвечает сути комплексных исследований С. А. Семенова, которые включали анализ и следов изготовления орудий и предметов, и следов их утилизации. Сергей Аристархович увязал археологические факты и антропологическую интерпретацию в единую систему как в плане конкретных исследований, так и на теоретическом уровне. Он был человеком своего времени и своего общества, в его научном творчестве отразились мировоззренческие концепции, порожденные исторической ситуацией в столь грандиозной стране как СССР. С. А. Семенов взял из марксистской материалистической философии те элементы, которые позволили развить универсальный научный подход, основанный на строго объективных критериях. Если обратиться к методологии, то комплексный анализ признаков износа, следов обработки на самих орудиях и обрабатываемом материале, верификация полученных результатов параллельно из этнографии и данными экспериментов никогда не рассматривались С. А. Семеновым как самоцель. Все эти данные служили средством для моделирования на основе археологического контекста технико-экономических процессов прошлого в их взаимосвязи (Семенов, 1957; 1968; 1974 а). Исследования Сергея Аристарховича не ограничивались только изучением изделий из какого-то одного вида материалов, анализом отдельной категории диагностических признаков износа или разработкой только одного специфического метода их фиксации. Он занимался изучением предметов из разного сырья: камня, кости, бивня, керамики, дерева, металла, восстанавливал приемы обработки этих материалов, опробовал различные виды оптического анализа, разработал вместе с В. Е. Щелинским методику микрометрии — количественного измерения изношенности микрорельефа на рабочих частях инструментов (Семенов, Щелинский, 1971). Не будет преувеличением сказать, что С. А. Семенов открыл в археологии новое поле исследований, чрезвычайно обширное как в хронологическом, так и в географическом плане. Он считал одной

из важнейших задач выявление путей эволюции техники, определение социально-экономических следствий, и если научное творчество Сергея Аристарховича считается столь актуальным, то только потому, что его работы до сих пор по глобальности охвата проблем остаются непревзойденными. В них взаимосвязаны данные трасологии, экспериментов и этнографии с анализом археологического контекста и природной среды (Семенов, 1968).

В настоящее время трасология прочно вошла в практику археологических исследований как в России, так и на Западе. Нужно отметить, что западные ученые под влиянием работы Л. Х. Кили (Keeley, 1980), сыгравшей в свое время роль посредника между русской и западной школами, долго воспринимали трасологию только как изучение изношенности на рабочих кромках орудий, находящиеся где-то на периферии типологического метода. Представители петербургской трасологической школы, напротив, вслед за своим патриархом С. А. Семеновым всегда рассматривали задачи экспериментально-трасологического исследования гораздо шире, считая их результаты важнейшим источником для изучения путей технического прогресса и реконструкции социально-экономических основ жизни древних обществ (Семенов, 1957; 1968; 1970; 1974 а; Семенов, Коробкова, 1983; Коробкова, 1969; 1980; 1981; 2001; Щелинский, 1977; 1983; 2001; Филиппов, 1983; Матюхин, 1983; 2003; Скакун, 1978; 2006; Гиря, 1997; и др.).

Конгресс в Вероне продемонстрировал современный уровень экспериментально-трасологического анализа и перспективы его развития. Подчеркнем, что в настоящее время область этих исследований существенно расширилась, включив новые категории орудий из различных видов сырья (камня, кости, рога, бивня, раковин, керамики, металла и др.). Кроме того, налицо факт расширения сферы применения трасологии как в географическом, так и в хронологическом аспектах. В большинстве работ анализируются целые производственные комплексы, а не просто выборки предметов.

Организация конгресса. Встреча в Вероне, собравшая большое число специалистов, прибывших из республик бывшего СССР и других стран, была первой, состоявшейся вне пределов России. Она проводилась по инициативе Л. Лонго Музеем естественной истории и Университетом Вероны. Надо отметить, что благодаря энергии Лауры Лонго конгресс был организован

на самом высоком уровне. Устроителями были хорошо продуманы научная и культурная программы. Каждый участник при регистрации получил выполненное на CD факсимильное воспроизведение ныне раритетного первого английского издания книги «Первобытная техника» и том статей С. А. Семенова. Эти работы, собранные Н. Скакун, переведенные на английский язык Л. Вишняцким, снабженные иллюстрациями, откорректированными Е. Гирей, были подготовлены непосредственно к конгрессу Л. Лонго с помощью П. Андерсон и Г. Плиссона. Они демонстрируют различные стороны богатого научного наследия С. А. Семенова, отдельные аспекты которого до сих пор были неизвестны западным исследователям (*The Roots of Use-Wear Analysis*, 2005).

Около сотни сообщений, представленных на конгрессе в виде докладов и постеров, принадлежали как маститым исследователям, так и молодым ученым, причем иногда научный уровень последних никак не уступал первым. Как стало уже привычным для участников трасологических симпозиумов, общая атмосфера и этой встречи была очень теплой и дружеской. Причин тому несколько. Американский коллега Р. Йоркес отметил, что одной из них является сочетание итальянского гостеприимства и русской души. Однако есть и другие моменты, объясняющие столь необычные личные взаимоотношения специалистов данной отрасли. Некоторая обособленность трасологов в археологической среде привела к возникновению прочных неформальных связей между учеными, рассеянными по разным учреждениям, связей, которые со временем укрепились, что способствовало тесным научным контактам. Эта атмосфера подкрепляется относительной малочисленностью трасологов, поэтому работа каждого исследователя привлекает пристальное внимание всех коллег. Все это чувствовалось во время конгресса, где, несмотря на крайне насыщенную и разнообразную программу, проявилась не ослабевающая ни на минуту собранность участников. Ведь каждый из нас мог извлечь немало ценного для себя даже из далеко отстоящих по тематике докладов. Наконец, речь идет о встрече специалистов, принадлежащих, в каком-то смысле, к единой научной «семье». Очень трогательно, как и во время предыдущих встреч в Санкт-Петербурге, было видеть людей, приехавших со всех концов Европы,

Северной и Южной Америки, республик бывшего СССР, Азии и Австралии для того, чтобы почтить память С. А. Семенова — выдающегося русского ученого.

Тематика конгресса. Согласно первоначально заявленной тематике, доклады должны были быть сгруппированы в соответствии с уровнем технического и экономического развития древних обществ, а выходящие за рамки указанных разделов сообщения — стать темой постеров. В итоге были проведены пять секций, посвященных вопросам методологии; исследованиям материалов, происходящих из памятников охотников-собирателей; первых обществ с производящим типом хозяйства; иерархически организованных обществ. На отдельном заседании были заслушаны доклады о находках из разновременных погребальных комплексов.

Учитывая большое число участников, было решено задавать вопросы и обсуждать доклады в конце работы каждой секции. Это привело к некоторой утрате непосредственности реакции и в какой-то мере сдерживало накал споров. Параллельно с секциями в первые дни работы конгресса было выставлено около сорока постеров, однако их просмотр и обсуждение были ограничены недостатком времени. Это тем более обидно, что тематика и научный уровень большинства постеров заслуживали того, чтобы быть представленными в развернутом полном виде. В последний день конгресса Н. Скакун и Г. Плиссоном было проведено заседание круглого стола на тему «С Востока на Запад: функциональный анализ и мышление на основе аналогии. Размышление над проблемами практики научного исследования». Заседание открывали пять докладов методологического плана, служившие отправной точкой для широкой дискуссии по поводу определения места нашей дисциплины и перспектив ее развития. На этот раз обсуждение, происходившее без формальных ограничений по времени, не прекращалось вплоть до вечера и завершающего день коктейля. На этом встреча трасологов не закончилась, так как на следующий день были проведены две великолепные экскурсии, в ходе которых участники конгресса имели возможность оценить богатство культурного наследия северо-восточной Италии, посетить археологические памятники и музеи, не говоря уже о дегаустации преподнесенных всем участникам образцов продукции местных виноделов!

Обзор работы конгресса. Трудно в рамках данного краткого обзора описать содержание

около сотни докладов и постеров. Как нам кажется, читателю было бы скучно видеть комментарии ко всем состоявшимся выступлениям далеко не равного качества. Поэтому рассмотрим программу конгресса в самых общих чертах, останавливаясь лишь на наиболее важных, на наш взгляд, конкретных примерах. Приглашаем всех заинтересованных лиц ознакомиться с тезисами докладов на интернет-сайте по адресу:

<http://www.weartraces.com/abstracts.asp>.

В программе конгресса вопросы методологии в той или иной степени затрагивались в большинстве сообщений, но наиболее полно эти проблемы были освещены Г. Коробковой. К сожалению, она не смогла приехать на конгресс, и ее доклад был зачитан. В нем первая ученица С.А. Семенова подробно охарактеризовала методологические основы трасологии, отметила многоплановость исследований Сергея Аристарховича, дала оценку современному состоянию трасологических работ и очертила круг наиболее актуальных проблем. Логическим продолжением этого доклада явилось выступление Н. Скакун, в котором на конкретном примере изучения материалов эпохи энеолита юго-восточной Европы было показано значение комплексных технико-морфологических и экспериментально-трасологических исследований производственного инвентаря с анализом археологического контекста, привлечением этнографических наблюдений и данных о природной среде. В докладе было особо подчеркнуто, что при построении на этой базе историко-экономических реконструкций необходимо соблюдение корректной процедуры исследования. Сообщение С. Бери и В. Ротс было посвящено значению данных этноархеологии, в частности, следов использования на этнографических орудиях для интерпретации функций древних инструментов и реконструкции на этой основе различных технологических процессов, в том числе многочисленных способов обработки шкур. Л. Лонго и ее соавторы в своем докладе о каменных орудиях из местонахождений эпохи плейстоцена Италии продемонстрировали значение комплексного технико-типологического и трасологического анализов. К. Хамон и Г. Плиссон изложили методику и критерии технических и трасологических приемов диагностирования функций абразивных орудий из гранитных пород камня. Полученные ими результаты анализа зернотерок и терочников прошли проверку с помощью слепого теста. А. Олле и Й. Верджес рассказали

о перспективах применения сканирующего электронного микроскопа для изучения пластической деформации рабочих поверхностей орудий в ходе утилизации. Темой выступления Н. Уomini и Дж. Стиле стало выяснение вопроса, затронутого еще С.А. Семеновым, о право- или леворукости изготовителей и пользователей древнейших орудий по характеру износа на них. Особенности методики анализа изношенности на инструментах из обсидиана были рассмотрены в докладе А. Тозелли с соавторами. М. Урбановски и его коллеги в серии экспериментов попытались проанализировать корректность обычных реконструкций процесса производства и переоформления бифасиальных изделий из кремня. К методологической секции по своему содержанию примыкает и доклад Г. Плиссона с соавторами, посвященный проблемам микролитизации индустрий эпохи мезолита. В этой безупречной с методологической точки зрения работе на основе данных технико-морфологического и функционального анализов рассматриваются технические и социально-экономические причины возникновения этого явления.

В программах других секций были представлены доклады различного характера, содержание которых можно обсудить по ряду основных моментов, связанных с особенностями трасологического анализа.

Следы и материалы. Напомним, что, в зависимости от происхождения, существуют различные виды следов изношенности. Как правило, основное внимание уделяется следам, возникшим в результате активной утилизации рабочих лезвий, которые выявляются только в ходе трасологического изучения, а не косвенных типологических или морфологических наблюдений. В то же время другие разновидности следов, а именно: следы изготовления вещей, различных действий, производившихся с предметами, или следы их ношения, привлекают внимание гораздо реже, поскольку изделия такого рода (украшения, рукоятки, предметы конской сбруи и др.) не являются орудиями труда. Именно поэтому такой большой интерес вызвало сообщение С. Боннардена об украшениях из погребальных комплексов раннего неолита Западной Европы, в котором были представлены результаты анализа следов производства и использования. Таким же образом было построено исследование Т. Шаровской о костяных предметах из античных памятников, материалы которых редко подвергаются трасологическому изучению. Автору

удалось проанализировать технологию изготовления украшений из костей и зубов животных и выяснить назначение ряда костяных изделий. Не менее интересным был доклад В. Ротс о так называемых «пассивных» следах — следах крепления орудий к рукоятям. На основании экспериментальных данных она сумела выделить образцы повторяющихся следов, которые позволяют установить наличие исчезнувших рукояток и воссоздать их вид. М. Жилин привел свидетельства использования в мезолите Поволжья костяных пластин с отверстиями для калибровки шнуров из травы и веревок из сухожилий. Что касается работ по анализу предметов из разных видов сырья, то в Вероне прозвучал ряд выступлений, посвященных трасологическому исследованию изделий из тех материалов, которые реже, чем кремень, привлекают внимание трасологов. К их числу относятся: обсидиан (работы Ф. Ди Марко, М. Р. Иовино и М. С. Мартинелли); кварцит (Л. Хроникова с соавторами); кварц (М. Е. Мансур и А. Лаза); базальт (Л. Дюбрей); другие породы камня (М. Альварес, Э. Кристиани с соавторами, А. Атцори, Л. Лонго и М. Мильявакка, С. Дельгадо Раак и Р. Рич, Н. Скакун и Л. Яковлева, Э. Мореро с соавторами, Б. Заманьи); раковины (С. Боннарден, И. Ламмерс-Кейзерс); керамика (М. Культраро, М. Р. Иовино и Л. Манискалько, Н. Скакун и Л. Яковлева, А. Шаманаев), а также металл (С. Гутьеррес Саец с соавторами). Разнообразие и количество работ, посвященных различным приемам трасологического изучения материалов из кости рога, бивня, зубов, показало, что в настоящее время данное направление активно развивается (доклады Р. Аразовой, Т. Шаровской, М. Жилина, П. Астути и А. Галотта, А. Атцори с соавторами, К. Бельдиман и Д. М. Штанц, Э. Кристиани, Р. Христиду, А. Гальди с соавторами, Б. Куфель, А. Легран, И. Мегро, Н. Алексашенко и Н. Скакун).

Изучение изделий из разнообразного сырья приводит к необходимости усовершенствования методики анализа. Если традиционный микроанализ следов с помощью слабого и сильного увеличения остается основным приемом, то параллельно развиваются исследование микроостатков (доклады Р. Фуллагара с соавторами; Т. Л.-Д. Лу; А. Печчи и Л. Сальвини) и разработка систем количественной оценки следов, особенно применительно к криптокристаллическим породам камня. Многочисленные попытки количественной оценки и математического

анализа различных параметров следов износа являются современным продолжением разработок С. А. Семенова и В. Е. Щелинского (Семенов, Щелинский, 1971). Подобные исследования направлены на достижение большей точности в измерении неровностей рабочего края в профиле и трехмерной реконструкции микрорельефа (работы М. Альварес с соавторами, П. Андерсон с соавторами, И. Мегро, М. Е. Мансур, А. Тозелли с соавторами). Некоторые приемы анализа микрорельефа, заимствованные из сферы изучения износа материалов, активно используются сейчас в археологии, как это показали Э. Мореро с соавторами, продемонстрировавшие трехмерное компьютерное исследование технологии сверления каменных ваз, бусин и печатей на минойском Крите.

В целом можно сказать, что расширение сферы приложения трасологических методов к вещам из различных материалов позволило существенно дополнить реконструкцию видов деятельности, имевших место в хозяйстве тех или иных памятников, установить связи между орудиями и иными изделиями и воссоздать взаимоотношения между отдельными сферами технической деятельности древнего человека. Так, М. Р. Иовино, Л. Манискалько и А. Риволи сопоставили следы использования, зафиксированные на орудиях из кремня, обсидиана и кости, с морфологией декоративных нарезок на поверхности сосудов в неолите Сицилии. Н. Скакун и Л. Яковлева доложили результаты технико-экономического исследования, объединившего анализ следов утилизации на изделиях из кремня, кости и на зернотерках из энеолитического поселения Бодаки, показав, в каком качестве орудия из этих материалов использовались на разных стадиях керамического производства. А. Ван Гин сходным образом на материалах стоянки среднего неолита Шиплюйден в Голландии продемонстрировала связь различных технических систем обработки кремня, других пород камня, кости и рога оленя. В том же ключе работает А. Шаманаев, изучая производственные комплексы ряда памятников энеолитической ташковской культуры в Западной Сибири. Особый интерес представляет выделение им группы орудий, связанных с древнейшей металлургией. Прямым продолжением этой темы стал доклад С. Дельгадо Раак и Р. Рича, которые описали каменные орудия, использовавшиеся на различных стадиях металлургии меди и бронзы. Р. Христиду по материалам двух балканских

памятников сумела выделить различия между предметами из кости, изготовленными при помощи инструментов из бронзы и кремневых орудий. При этом две указанные группы изделий имели различное техническое и, возможно, социальное значение. Эти наблюдения дополняются исследованием Э. Кристиани, посвященным костяным наконечникам из могильников Италии.

Значение данных этнографии было показано в ряде выступлений, где использовались документальные источники и сведения о традиционных технологиях (доклады Х. Ибаньеса с соавторами о приемах жатвы злаковых; П. Андерсон — о жатве и молотье; Н. Скакун — о молотье, обработке шкур и дерева; Б. Арангурен с соавторами — об использовании граветийцами водных растений; Л. Харкомб — о технике изготовления корзин и веревок). Данная область исследований гораздо шире, чем это обычно представляется. Обращает на себя внимание тот факт, что иногда в одном и том же регионе этноисторические наблюдения о некоторых технических приемах имеют прямые аналогии с археологическими данными (доклады М. Мансур и А. Лаза о кварцевых скребках из Патагонии; Н. Алексашенко и Н. Скакун — об орудиях из лопаток оленя в Западной Сибири). В то же время встречаются случаи, когда этнография может дать сведения, которые трудно смоделировать, а некритическое использование этнографических параллелей иногда может привести к существенным искажениям интерпретации функций орудий. Первый случай хорошо показали Э. Кристиани, К. Леморини с соавторами на примере полированных топоров и изделий в форме полумесяца из Бразилии, второй — Н. Алексашенко и Н. Скакун — на примере идентичных по форме орудий из лопаток животных, имевших различное назначение. Несмотря на то что этноархеологическая тематика присутствовала в ряде докладов, только в одном случае речь шла о методологически завершеном исследовании (доклад С. Бейри и В. Ротс о процессах обработки шкур). Упомянем здесь же несостоявшийся, но представленный в виде развернутых тезисов доклад К. Харди относительно использования каменных орудий у папуасов Новой Гвинеи.

Контекст. Хронологические и культурные рамки заслушанных докладов простирались от древнего палеолита до средневековья. Большинство из них было связано с материалами

Евразии, и только около 10% докладов касались археологии других континентов: Южной Америки, Австралии, Океании.

Спектр рассмотренных проблем был столь же разнообразен — от анализа конкретных предметов до широких обобщений экономического, социального и культурного порядка. Значение результатов трасологического анализа зависит от широты синтеза исследуемых артефактов и различных аспектов контекста их находки. Функциональный анализ, проводимый параллельно с другими видами исследований (изучением сырья, технологии его обработки, морфологии изделий, планиграфии, данных природной среды и т. д.), может преследовать как собственные цели, так и служить в качестве источника для последующего обобщения информации.

Первичному уровню анализа, непосредственному выяснению технологии изготовления и функций тех или иных категорий находок был посвящен ряд докладов и постеров. К ним относятся сообщения Г. Синицыной о широком применении мягкого отбойника для получения крупных пластин на памятниках переходного периода от плейстоцена к голоцену на обширной территории Северной Европы (техно-комплекс бромме); К. М. Молины — о зубчато-выемчатых орудиях, составляющих 90% от числа ретушированных изделий в мустьерском гроте Романи в Каталонии; работы М.-Э. Монсель и М. Г. Чакон Наварро о макроследах износа на скреблах и изделиях треугольной формы из мустьерского поселения Пайр в Ардеше; М. Арзарелло с соавторами — о мустьерских и эпиграветтийских комплексах Рипаро Тальенте (Италия); В. Борджия — о граветийских остриях с притупленным краем из грота Пальизи (Италия); С. П. Панноккия рассказала об индустрии раннего неолита в Рипателла (Италия); Ф. Е. Оккини — о находках из неолитической мастерской Луго ди Греццана (Италия); Н. Скакун с соавторами — о специфических орудиях, применявшихся при подготовке ударных площадок нуклеусов в поздненеолитической кремнеобрабатывающей мастерской Пти Польми (Турень); М. Гюрова — об особом типе зубчатых жатвенных пластин из бронзового века, найденных в Трое; М. Е. Мансур и А. Лаза — о кварцевых скребках со стоянки Тунель 1 в Патагонии; И. Клементе Конте и Э. Гассиот Бальбэ — о каменной индустрии стоянки, существовавшей 2000 лет назад на карибском побережье Никарагуа.

Трасология в сочетании с технологическими данными и петрографическими определениями позволяет рассмотреть вопросы технического и экономического использования различных видов сырья (сообщения Х. Риос Гарайзар с соавторами о протоориньякской индустрии слоя С4П в Истюрице; М. Р. Иовино и М. С. Мартинелли — об обсидиановой индустрии неолитической стоянки Контрада Диана на Сицилии), определить функциональную роль стоянки (исследование С. Зиджотти об эпиграветтийском памятнике Валь Ластари, расположенном в среднегорном поясе у подножия Венецианских Альп) или выявить стратегию использования региональных источников каменного сырья (доклады Л. Кимболла о граветтийской индустрии слоя 7 грота Флажоле I в Дордони; Н. Скакун — о переходе в энеолите Болгарии к использованию добруджского кремня и новой технологии его расщепления. Эту тему продолжила Б. Матеева, доложив о результатах изучения материалов энеолитических поселений-мастерских на северо-востоке Болгарии).

В некоторых докладах прослеживалось развитие тех или иных орудий на протяжении нескольких исторических периодов. Этой проблематике был посвящен доклад М. Галимовой о наконечниках верхнего палеолита-раннего неолита Средневожского региона, проанализированных автором с технико-морфологической и функциональных сторон.

Если рассматривать вопросы организации древнего хозяйства, то результаты сочетания трасологического анализа с данными планиграфии дают интересную информацию о структуре стоянок и поселений с точки зрения производственной деятельности, а также социального устройства. Обращают на себя внимание исследования П. Хардон Хинер и И. Жадена на неолитическом поселении линейно-ленточной керамики в Бельгии; сообщение Л. Чайкиной об основных направлениях хозяйства поселений Ленделя (заметьте, что материалы этой культуры с территории Польши были подвергнуты трасологическому анализу впервые); Т. Шаровской — о характере производств и пищедобывающих отраслей на одном из интересных энеолитических памятников Кубани — Свободное; Т. Цигвинцевой — о специфике распределения орудий в жилищах энеолитических поселений Поволжья; Н. Скакун и Б. Матеевой — о поселениях-мастерских по обработке кремня в энеолите Северной Болгарии.

Привлечение в трасологических исследованиях данных о древней природной среде позволяет выявить неожиданное значение того или иного типа орудий, как, например, резцов из граветтийской стоянки Билланчино, расположенной в болотах Тосканы (доклад Б. Арангурен с соавторами). Функциональный анализ комплексов находок из ряда одновременных памятников дает возможность установить сезонность обитания (доклад Г. Сапожниковой и И. Сапожникова о верхнепалеолитических поселениях на равнинах Восточной Европы), а также проследить аналогии в производственных комплексах разнокультурных памятников (сообщение О. Лоллековой о древнейших земледельческих сообществах нижней Месопотамии и Туркменистана). Перечисленные исследования включают анализ материалов в синхронном плане, что позволяет проследить и временную динамику. При этом особо подчеркивается роль технических и экономических сдвигов, которые сопровождали изменения природной среды. В этом плане отметим работы К. Эсакия об экономической эффективности хозяйства древних обществ на территории Грузии в диапазоне от мезолита до энеолита; Р. Азатовой — о развитии орудий труда и агротехники в древнеземледельческих культурах Азербайджана; работы М. Альварес о связи характера орудий труда и природной среды на Огненной Земле; Д. Комсо с соавторами — о функции стоянок в связи с расселением древнего человека в Истрии на рубеже плейстоцена и голоцена; С. Гримальди с соавторами — об адаптивных стратегиях в раннем мезолите; Т. Лу — о хозяйственных изменениях от финального плейстоцена к голоцену по материалам стоянки Зенгпьян в Китае; Р. Баркай с соавторами — о роли топоров в процессе перехода от кочевой охоты к оседлому земледелию на юге Леванта. Интересно отметить также информацию Г. Сапожниковой о факте появления ножей для срезания растений в материалах памятников верхнего палеолита Северного Причерноморья. Коллективный доклад, представленный шестью испанскими (Х. Ибаньес, Х. Е. Гонсалес, Х. Ф. Хибаха Бао, А. Родригес, Б. Маркес и И. Клементе Конте) и одним французским (Б. Гассен) археологами, иллюстрирует значение разностороннего изучения производственного инвентаря. В нем, на базе изучения вкладышей серпов из Испании и Прованса, была предложена модель неолитизации Иберийского полуострова, учитывающая

две традиции различного происхождения, участвовавшие в этом процессе.

Специальное заседание конгресса было выделено для докладов об исследованиях предметов погребального инвентаря, трасологический анализ которых позволяет выяснить обстоятельства помещения некоторых из них в могилы, раскрыть их функциональное значение, а иногда и статусную роль. Большой интерес вызвал обстоятельный доклад Н. Кунгуровой о практике намеренной порчи предметов вооружения в неолитических погребениях Алтая, другие доклады по этой тематике содержали сведения об особенностях использования некоторых категорий погребального инвентаря. Доклады А. Сажнеровой и И. Свободы были посвящены функциям египетских ножей времени пятой династии; Э. Кристиани — костяным наконечникам из двух энеолитических могильников Италии; Б. Маркеса с соавторами — наконечникам из коллективных погребений неолита и энеолита Испании; Х. Ф. Хибаха Бао с соавторами — крупным кремневым пластинам из погребений финального неолита на северо-востоке Испании; С. Красной — подобным изделиям из погребения бронзового века Чехии.

Таким образом, проаннотированные выступления убедительно свидетельствуют о больших успехах современной трасологии. Данные, полученные в ходе микроскопического анализа, являются важным источником информации, они по мере расширения исследований становятся значимыми для реконструкций не только древней техники и экономики, но также некоторых социальных аспектов первобытной истории. Встреча в Вероне дала массу подтверждений такой логике исследования, и связанность конгресса с именем С. А. Семенова весьма показательна. По сути дела, данное собрание стало важным этапом в историческом развитии нашей области знания. Весьма показательно, что в настоящее время наблюдается активное сближение западной и русской трасологических школ, и результаты функционального анализа рассматриваются не просто как подлежащие расшифровке данные, а как ключ к пониманию организации и эволюции древних сообществ (*Anderson, 1994; 2000; Traces et Fonction, 1993; Astruc, 2002; Industries lithiques, 1988; Análisis funcional, 2001; Gassin, 1996; Gijn A. van, 1989; Lithic Use-Wear Analysis, 1979; Hurcombe, 1992; Jensen, 1994; Keeley, 1980; Knutsson, 1988; Proceedings of XIII Congress, 1998; The Roots of Use-Wear Analysis, 2005; Plisson, 1988; 1999;*

Plisson, Mauger, 1988; Plisson, Beyries, 1998). Именно ради решения этих задач была создана С. А. Семеновым трасология, и по этому пути пошли его ученики.

Круглый стол. Круглый стол, состоявшийся во время последнего заседания, позволил провести развернутое обсуждение указанных выше проблем. Он начался с серии докладов, в которых были проанализированы различные стороны исследовательской практики: от простейших приемов визуального анализа и регистрации следов, на которых основаны наши определения назначения археологических предметов, до обобщающих выводов о путях эволюции древнего хозяйства. Доклад Г. Плиссона был сконцентрирован на одной из самых важных проблем — передаче наших наблюдений, то есть на вопросах создания общего языка. Далее следовали выступления: Р. Рича, посвященное значению изучения следов производства и утилизации для социальных реконструкций; А. Ван Гин — критическому анализу возможных пределов применения метода и пробелов в наших знаниях; П. Андерсон — общей оценке влияния идей С. А. Семенова на развитие трасологической школы на Западе; Н. Алексащенко и Н. Скакун — проблемам использования данных этноархеологии в экспериментально-трасологических исследованиях. С. Васильев в своем выступлении остановился на истории открытия С. А. Семеновым трасологического метода анализа древних орудий, отметив глубину его исследований и их значение для археологической науки. В заключение прозвучал прекрасный доклад А. Филиппова о некоторых страницах биографии С. А. Семенова, позволивший всем присутствующим соприкоснуться с необыкновенной личностью великого ученого и необыкновенно талантливого человека.

Выводы. Празднование юбилея английской публикации монографии С. А. Семенова «Первобытная техника» и чествование памяти создателя книги, состоявшееся на фоне великолетия Вероны, позволило не только обратиться к историческим обстоятельствам возникновения нашей своеобразной дисциплины, но и затронуть фундаментальные исследовательские вопросы археологии. Как подчеркивают организаторы конгресса в предисловии к сборнику статей С. А. Семенова, материальные следы деятельности людей прошлого составляют основу археологии, и при их изучении мы с необходимостью должны прибегнуть к актуалистическим

исследованиям, историческим и этнографическим данным, дополняемым экспериментальными работами (The Roots of Use-Wear Analysis, 2005). С. А. Семенов был пионером в развитии такого подхода, нацеленного на изучение взаимосвязи перекрещивающихся познавательных, технических, экономических, общественных и символических факторов. Говоря по правде, вся археология — это рассуждение о следах...

- Гиря, 1997. — Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. СПб., 1997.
- Коробкова, 1969. — Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. М., 1969 (МИА. № 158).
- Коробкова, 1980. — Коробкова Г. Ф. Палеоэкономические разработки в археологии и экспериментально-трасологические исследования // Первобытная археология: Поиски и находки. Киев, 1980.
- Коробкова, 1981. — Коробкова Г. Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. Л., 1981.
- Коробкова, 2001. — Коробкова Г. Ф. Методика изучения каменных, костяных и других изделий из неметаллического сырья эпохи палеометалла // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001.
- Матюхин, 1983. — Матюхин А. Е. Орудия раннего палеолита // Технология производств в эпоху палеолита. Л., 1983.
- Матюхин, 2003. — Матюхин А. Е. О целях, роли и соотношении типологического и технологического подходов в первобытной археологии // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии. СПб., 2003.
- Петербургская трасологическая школа..., 2003. — Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии. СПб., 2003.
- Семенов, 1957. — Семенов С. А. Первобытная техника: (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М., 1957 (МИА. № 54).
- Семенов, 1968. — Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
- Семенов, 1970. — Семенов С. А. Производство и функции каменных орудий // Каменный век на территории СССР. М., 1970 (МИА. № 166).
- Семенов, 1974 а. — Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л., 1974.
- Семенов, 1974 б. — Семенов С. А. Географическая среда и орудия каменного века // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.
- Семенов, Коробкова, 1983. — Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств: Мезолит—энеолит. Л., 1983.
- Семенов, Щелинский, 1971. — Семенов С. А., Щелинский В. Е. Микрометрическое изучение следов работы на палеолитических орудиях // СА. 1971. № 1.
- Скакун, 1978. — Скакун Н. Н. Орудия труда раннетрипольского поселения Александровка (в свете экспериментально-трасологических исследований) // СА. 1978. № 1.
- Скакун, 2006. — Скакун Н. Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). СПб., 2006.
- Современные экспериментально-трасологические..., 1999. — Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии: Первые Семеновские чтения: Тез. докл. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Сергея Аристарховича Семенова (Россия, Санкт-Петербург, 30 января—5 февраля 2000 г.). СПб., 1999.
- Филитов, 1983. — Филитов А. К. Проблемы технического формирования орудий труда в палеолите // Технология производств в эпоху палеолита. Л., 1983.
- Щелинский, 1977. — Щелинский В. Е. Экспериментально-трасологическое изучение функций нижнепалеолитических орудий // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977.
- Щелинский, 1983. — Щелинский В. Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производств в эпоху палеолита. Л., 1983.
- Щелинский, 2001. — Щелинский В. Е. О соотношении формы и функции орудий труда нижнего и среднего палеолита // АВ. СПб., 2001. Вып. 8.
- Экспериментально-трасологические исследования..., 1994. — Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб., 1994.
- Análisis funcional, 2002. — Análisis funcional: Su aplicación al estudio de las Sociedades Prehistóricas: 1er Congreso de Análisis Funcional de España y Portugal (Barcelona, 28–30 November, 2001) / I. Clemente, R. Risch, J. Gibaja (eds). Oxford, 2002 (BAR, International Series. Vol. 1073).
- Anderson, 1994. — Anderson P. C. Interpreting traces of Near Eastern Neolithic craft activities: an ancestor of the threshing sledge for processing domestic crops? // Helinium. Revue consacrée à l'archéologie des Pays-Bas, de la Belgique et du Grand-duche de Luxembourg. Wetteren, 1994. Vol. 34.
- Anderson, 2000. — Anderson P. C. La tracéologie comme révélateur des débuts de l'agriculture // Les premiers paysans du monde. Naissances des agricultures / J. Guilaine (ed.). Paris, 2000.
- Astruc, 2002. — Astruc L. L'outillage lithique taillé de Khirokitia. Analyse fonctionnelle et spatiale. Paris, 2002.
- Gassin, 1996. — Gassin B. Evolution socio-économique dans le Chasséen de la grotte l'Eglise supérieure (Var): L'apport de l'analyse fonctionnelle des industries lithiques. Paris, 1996 (Monographie du CRA. 17).
- Gijn A. van, 1989. — Gijn A. L., van. The wear and tear of flint. Principles of functional analysis applied to Dutch Neolithic assemblages // Analecta Praehistorica Leidensia. Leiden, 1989. Vol. 22.
- Hurcombe, 1992. — Hurcombe L. Use-wear analysis and obsidian: theory, experiments and results. Sheffield, 1992 (Sheffield Archaeological Monographs. No. 4).
- Industries lithiques, 1988. — Industries lithiques: Tracéologie et technologie / S. Beyries (ed.). Oxford, 1988 (BAR, International Series. No. 411. Vol. 1–2).
- Jensen, 1994. — Jensen H. J. Flint tools and plant working: Hidden Traces of Stone Age Technology — A Use Wear Study of Some Danish Mesolithic and TRB Implements. Aarhus, 1994.
- Keeley, 1980. — Keeley L. H. Experimental Determination of Stone Tool Uses: a Microwear Analysis. Chicago, 1980.
- Knutsson, 1988. — Knutsson K. Making and using stone tools: the analysis of the lithic assemblages from Middle Neolithic sites with flint in Västerbotten Sweden, Northern Sweden. Uppsala, 1988.
- Lithic Use-Wear Analysis, 1979. — Lithic Use-Wear Analysis / B. Hayden (ed.). New York, 1979.
- Plisson, 1988. — Plisson H. Aperçu sur la tracéologie soviétique contemporaine // Industries lithiques: Tracéologie et technologie / S. Beyries (ed.). Oxford, 1988 (BAR, International Series. No. 411. Vol. 1–2).
- Plisson H., 1999. — Plisson H. Typologie et fonction: éléments pour un débat // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии / Г. Ф. Коробкова, Х. Плиссон (ред.). СПб., 1999.
- Plisson, Beyries, 1998. — Plisson H., Beyries S. Pointes ou outils triangulaires? Données fonctionnelles dans le Moustérien levantin // Paléorient. Paris, 1998. Vol. 24. No. 1.
- Plisson, Mauger, 1988. — Plisson H., Mauger M. Chemical and mechanical alteration of microwear polishes: an experimental approach // Helinium. Revue consacrée à l'archéologie des Pays-Bas, de la Belgique et du Grand-duche de Luxembourg. Wetteren, 1988. Vol. 28. No. 1.

Proceedings of XIII Congress, 1998. — Proceedings of XIII Congress: Union International des Sciences Pré- et Protohistoriques (UISPP) (Forli, Italy, September 8–14, 1996). Forli, 1998.

Semenov, 1964. — *Semenov S. A.* Prehistoric technology; an experimental study of the oldest tools and artefacts from traces of manufacture and wear. London, 1964.

The Roots of Use-Wear Analysis, 2005. — The Roots of Use-Wear Analysis: Selected Papers of S. A. Semenov. Published on the occasion

of the Congress 'Prehistoric Technology' 40 years later: Functional Studies and the Russian Legacy / L. Longo, N. Skakun, P. Anderson, H. Plisson (eds.). Verona, 2005 (Memorie del Museo Civico di Storia Naturale di Verona: Sezione Scienze dell'Uomo. No. 7)

Traces et Fonction, 1993. — Traces et Fonction: Les Gestes Retrouvés: Actes du colloque international de Liège (8–10 Decembre, 1990) / P. C. Anderson, S. Beyries, M. Otte, H. Plisson (eds.). Liège, 1993. Vol. 1–2.

Н. Н. Скакун
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН.
Экспериментально-трасологическая лаборатория.
С. А. Васильев
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН
Отдел палеолита
Г. Плиссон
University of Aix-Marseille I, Maison Méditerranéenne
des Sciences de l'Homme (MMSH),
Aix-en-Provence, France
Э. Клод
Institut de Préhistoire et de Géologie
du Quaternaire (IPGQ) at the University of Bordeaux I,
Bordeaux, France

КРАТКИЙ ОБЗОР НОВЕЙШИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

За минувшее десятилетие (1995–2005) в Туркменистане осуществлен ряд международных научных проектов по археологическому изучению памятников истории и культуры. Эти исследования стали логическим продолжением работ прежних лет.

Наиболее репрезентативными, безусловно, являются результаты исследования памятника эпохи бронзы Гонур-депе в старой дельте Мургаба, которые ведутся с 1972 г. Маргианской экспедицией под руководством В.И. Сарияниди. Эта экспедиция, долгое время работавшая под эгидой Института археологии РАН, в настоящее время является совместным проектом Национального управления Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры и Института этнологии и антропологии РАН. В течение более чем 30 лет на территории древней Маргианы собирался, а затем систематизировался огромный фактический материал по древнеземледельческой культуре, процветавшей здесь в III–II тыс. до н. э. На основании этих данных В.И. Сарияниди выдвинул тезис о том, что бактрийско-маргианский археологический комплекс (БМАК) является пятым центром древневосточной цивилизации наряду с Египтом, Месопотамией, Индией и Китаем. С 2002 г. Гонур-депе служит «полигоном» для изучения проблем физической антропологии древнего населения благодаря деятельному участию в экспедиции таких специалистов-антропологов, как Н. А. Дубова и ее коллеги.

С 1996 г. внимание экспедиции было приковано к так называемому дворцовому комплексу (раскопки соседнего храма-теменоса были завершены еще в 1994 г.). Параллельно продолжались исследования некрополя, которые были начаты в 1991 г. совместно с археологической экспедицией Научно-исследовательского центра Лигабуе

(Венеция, Италия). В составе итальянской экспедиции принимали участие С. Сальватори, Г. Росси-Осмида и другие специалисты. Позже к этим работам подключился археолог Б.Н. Удеумуратов из Национального управления Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры, на смену которому затем пришла археолог Э. А. Мурадова. В течение ряда сезонов в составе экспедиции плодотворно работал также археолог Т. Ходжаниязов из Туркменского государственного университета.

Обнаруженные в значительном количестве уникальные предметы изобразительного искусства из золота, серебра, бронзы и керамики и резные изделия из кости и камня не только обогатили коллекции музеев Туркменистана, но и коренным образом поменяли представление исследователей о носителях этой ярчайшей культуры — древних насельниках Мургабского оазиса. Несомненно, что образцы изобразительного искусства страны Маргуш, открывающие совершенно новую страницу в истории культуры Древнего Востока, еще не раз станут предметом специальных исследований и научных дискуссий, но и сейчас можно констатировать, что уже в бронзовом веке вырисовываются четкие контуры многих жанров изобразительного искусства Центральной Азии. Богатая коллекция произведений искусства Гонур-депе не оставляет сомнений, что творческий взлет древнемаргианских мастеров на много веков определил ход дальнейшего развития местной художественной культуры.

Раскопки на Гонур-депе пополнили также реестр памятников монументальной архитектуры БМАК, еще раз подтвердив справедливость ранее высказанных предположений о существовании во II тыс. до н. э. самобытной бактрийско-маргианской архитектурной школы.

В 2001 г. экспедиция Центра Лигабуе во главе с Габриелем Росси-Осмида и при участии археолога Берды Удеумуратова и архитектора

Аннамурада Оразова начала планомерные раскопки на другом древнемаргианском памятнике — Аджиджу. За первые пять лет помимо большого количества ценного археологического материала была выявлена планировочная структура поселения, которая оказалась традиционной для древнемаргианской архитектуры. Это та же самая планировочная схема, которая ранее была выявлена на памятниках Келлелинского и Гонурского оазисов Маргианы. В основе ее композиции лежит прямоугольное дворовое пространство, образованное сырцовыми стенами, фланкированными прямоугольными башнями.

Следует отметить, что параллельно со стационарными раскопками в эти годы проводились и разведочные исследования. Памятники древней Маргианы оказались в центре внимания большого проекта Итальянского института по изучению стран Африки и Востока (IsIAO), нацеленного на составление археологической карты старомургабской дельты. В проекте вместе с итальянскими исследователями М. Тоси, В. Марколонго, Б. Черазетти, М. Каттани, С. Сальватори и другими в разные годы принимали участие и российские специалисты Г. А. Кошеленко, В. А. Гаиров, А. Н. Бадер, а также туркменские археологи А. Губаев, А. Бабаев, И. С. Масимов, Б. Н. Удеумурадов и др. Опубликованная IsIAO археологическая карта охватывает памятники, начиная с периода поздней бронзы до сасанидского времени как внутри мургабской дельты, так и вокруг нее.

В рамках другого крупного международного проекта (International Merv Project, IMP), осуществляемого Институтом археологии Лондонского университета (Великобритания), проводятся исследовательские и консервационные работы на городищах Древнего Мерва. Этими работами с самого начала руководила Джорджина Херрманн, а ее преемником с 2001 г. стал Т. Вильямс из того же института. Соруководителем проекта с туркменской стороны долгое время являлся археолог К. Курбансахатов. По программе IMP изучались сырцовые сооружения, фортификация мервских городищ, осуществлялась зачистка старых раскопов на Эрккале и Гяур-кале и проводились обследования крепостной стены Гяур-калы, выявившие ряд новых данных по фортификации античной Маргианы (работы В. А. Завьялова, ИИМК РАН, Санкт-Петербург). Устроен разрез и в стене Султан-калы, а также изучена фортификация

поздних мервских городищ — Абдуллахан-кала и Байрамалихан-кала (П. Брун, Лондонский университет). Осуществлена также археологическая расчистка сооружений на территории Шахрияр-арка в Султан-кале. В частности, при вскрытии «дворцовых» построек выявлена еще одна резная ганчевая панель (резные панели Мерва известны еще по раскопкам Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ)) с геометрическим орнаментом в виде ромбических фигур, имеющим параллели с резьбой на сводах галереи мавзолея султана Санджара.

Силами IMP, кроме того, проведена работа по систематизированию штампованной керамики Мерва XI–XII вв., выявленной в ходе исследований ЮТАКЭ и хранящейся в музеях Туркменистана. Наконец, изучено большое количество архивных материалов с изображениями средневековых архитектурных памятников Мерва и их деталей. Изданные в виде каталога с приложенной к нему электронной версией, они, безусловно, смогут в дальнейшем оказать огромную помощь исследователям и реставраторам этих памятников.

Параллельно с Мервским оазисом за последние десять лет археологическими исследованиями были охвачены также некоторые древние объекты и на прикопетдагской равнине Южного Туркменистана. По сути, это были исследования тех памятников, которые в той или иной степени уже изучались в разные периоды XX в. Новые исследования существенно обогатили фактический материал по конкретным памятникам.

Знаменитые раскопки американской экспедиции 1904 г. под руководством Рафаэля Пампелли на южном холме Анау продолжил в конце XX в. другой американский исследователь Ф. Хиберт (Пенсильванский университет) совместно со своим туркменским коллегой К. Курбансахатовым и российским специалистом В. А. Завьяловым (ИИМК РАН). В раскопках этого памятника в 2005 г. с туркменской стороны принимали участие исследователи Т. Ходжаниязов и О. Гундогдыев.

Археологи ИИМК РАН проводили исследование знаменитого городища эпохи бронзы Алтын-депе на протяжении многих лет под общим руководством В. М. Массона, внесшего значительный вклад в развитие археологии Туркменистана. Раскопками последних лет на Алтын-депе, в ходе которых продолжались стратиграфические исследования, руководила Л. Б. Кирчо.

Отряд под руководством Н. Ф. Соловьевой в течение четырех сезонов изучал энеолитическое поселение Илгынлы-депе, расположенное в этой же историко-культурной зоне. Этот памятник, непрерывно функционировавший с конца V до конца IV тыс. до н. э., дал уникальный материал по одному из самых ранних культовых комплексов энеолита. Здесь, прежде всего, сохранились остатки внутреннего убранства помещений с полихромной настенной росписью. Значительная часть поселения была застроена архитектурными комплексами, каждый из которых включал домашнее святилище. В них обнаружены уникальные настенные росписи и скульптура, глиняные и деревянные (обугленные) скамьи, крашенные полы, алтари, каменные статуи, а также изделия, намеренно оставленные на полах перед разрушением зданий. Это медные орудия и украшения, терракота, каменные статуэтки, керамика, каменные и костяные орудия. Обилие и качество найденных на Илгынлы-депе произведений искусства, архитектуры и других объектов не утилитарного характера, отражающих идеологические представления обитателей поселка, ставит это поселение в один ряд со всемирно известными памятниками неолита Анатолии.

Улуг-депе — другой крупный памятник равнинных предгорий Копетдага — изучается экспедицией Национального центра археологических исследований Франции во главе с О. Леконтом. Ранее под его руководством было осуществлено комплексное исследование обширной территории архаического Дахистана на юго-западе Туркменистана. В ходе этих работ, в которых принимали участие туркменские археологи Е. Атагардыев (соруководитель экспедиции) и Э. А. Мурадова, была составлена археолого-географическая карта Машат-Мисрианской равнины, учитывавшая памятники, относящиеся к длительному историческому периоду от раннего железного века до арабского завоевания. Исследовано городище Геокчик-депе, располагавшееся около современного поселка Мадау, выявлена его полная стратиграфия. В результате подтвердилось то, что древняя аграрная экономика в значительной мере базировалась на очень развитой ирригационной системе, одной из самых мощных в Центральной Азии того периода.

В раскопках Улуг-депе, которые ведутся с 2001 г., периодически также принимали участие французские исследователи А.-П. Франкфорт, Р. Бушерла, Ф. Бруне. На Улуг-депе, где в разные годы закладывались небольшие разведочные

раскопы советскими археологами, французская экспедиция развернула планомерные стационарные раскопки. Проведено топографическое изучение как самого памятника, так и местности вокруг него. Расчищены старые раскопы и заложен новый стратиграфический разрез у подножья холма. Раскопки в центральной части памятника выявили остатки стен крупной неординарной постройки середины I тыс. до н. э. с вымощенным булыжником обводным коридором, который образован параллельными стенами, оформленными мощными пилястрами. Причем для освещения коридора в наружной стене устроены узкие и глубокие световые проемы. Вскрытый наружный угол постройки имеет раскреповку типа «ласточкин хвост». По предположению французских исследователей, это интереснейшее архитектурное сооружение могло служить цитаделью, хотя не исключен здесь и культовый аспект. В планировочной структуре постройки прослеживаются также некоторые параллели с архитектурой Тепе-Нуши-Джана в Иране.

Археологические исследования продолжают также на одном из ключевых объектов парфянской эпохи — городище Старая Ниса. Известный исследователь парфянской культуры, посвятивший многие годы археологическому изучению Старой Нисы, В. Н. Пилипко (Институт археологии РАН) ведет раскопки так называемого башнеобразного сооружения, в ходе которых найдены ответы на многие вопросы, касающиеся планировочной и конструктивной структуры этой, видимо, в свое время самой высокой постройки городища — ее оплывшие руины до сих пор доминируют в окружающем рельефе. Раскопки вскрыли парадный портик главного фасада с колоннами и входной проем на тыльной стороне храма, который, по всей вероятности, также был оформлен колоннами, увенчанными коринфизированными капителями. Здесь выявлен крупный блок такой капители с акантовыми листьями из терракоты. При раскопках этого объекта найдены многочисленные фрагменты настенной живописи, которые благодаря настойчивости В. Н. Пилипко подвергаются тщательной консервации.

Главный фасад башнеобразного храма оказался на одной линии с фасадом ранее неизвестного сооружения Старой Нисы, которое было вскрыто экспедицией Туринского центра археологических раскопок (Италия), работающей здесь с 1991 г. под научным руководством А. Инверниции (с 1999 г. полевой руководитель экспедиции — К. Липполис). Вновь выявленное здание

непосредственно вписывается в пространство, образованное с южной стороны «круглым залом» и с восточной — башнеобразным сооружением, вычерчивая с последним единую линию фасада. Само здание состоит из обширного квадратного зала с четырьмя мощными каменными базами несохранившихся колонн посередине (их расположение идентично четырехстолпному залу ранее раскрытого здания Старой Нисы), с южной стороны зал сообщается проходом с коридорами «круглого зала», с восточной и западной сторон — анфилада вытянутых помещений, а северный фасад встречает широким и глубоким колонным айваном, где итальянскими археологами открыты каменные раскрашенные плиты, которыми был облицован цоколь айвана. Среди наиболее ценных артефактов, найденных этой экспедицией, особо выделяется сохранившийся фрагмент скульптуры из обожженной глины (часть человеческого лица, черты которого имеют сильное сходство с профилем парфянского царя Митридата II, известным по изображениям на монетах).

На другом парфянском памятнике — Мансур-депе, расположенном неподалеку от Нисы, а также на Гебеклы-депе в Маргиане, продолжила исследования еще одна российская археологическая экспедиция, возглавляемая крупным специалистом по античной археологии Г. А. Кошеленко (Институт археологии РАН). В работе экспедиции принимали также участие В. А. Гаيبов (Институт археологии РАН) и А. Губаев (Туркменский госуниверситет).

И наконец, археологическая экспедиция Варшавского университета (Польша), руководимая Б. Каим и при участии другого польского археолога М. Вагнера, исследует памятники Серахского оазиса. Из туркменских археологов в раскопках периодически принимали участие К. Ханмуратов и Т. Ходжаниязов. В результате раскопок на городище Кене Серахс установлен характер фортификации крепостных стен этого города в сельджукскую эпоху, на основе стратиграфического анализа прослежены этапы формирования памятника на протяжении нескольких веков.

Археологические раскопки на памятнике Меле-Хейран выявили остатки зороастрийского храма огня, функционировавшего в сасанидское время. В хорошей сохранности оказались нижняя часть стен с проходами и нишами, алтарь. Большую ценность представляют гипсовые панели, покрытые резной декорацией, — первый случай обнаружения художественной резьбы

сасанидской эпохи в Южном Туркменистане. Это прекрасное произведение изобразительного искусства свидетельствует о глубоких местных традициях резной декорации на территории Хорасана, расцвет которых наблюдается в архитектуре XI–XII вв. Примечательно то, что эта резьба найдена именно в Серахском оазисе, где в XI–XII вв. процветала местная архитектурная школа, выходцы из которой создавали художественные произведения не только на территории родного края. Об этом свидетельствуют надписи на сохранившихся архитектурных памятниках того периода как в Хорасане, так и за его пределами. Высшим мерилем таланта мастеров, несомненно, является знаменитый мавзолей султана Санджара в Мерве с сохранившейся тонкой высокохудожественной резьбой по ганчу на стенах и сводах обводной галереи.

Археологическими исследованиями были также затронуты архитектурные памятники — мавзолей Абу-Саида в местечке Меана (XI–XIV вв.) и мечеть Сейит Джамал-ад-Дина в Анау (XV в.), на которых туркменские реставраторы провели консервационно-укрепительные работы. Мечеть в Анау, которая рухнула еще в 1948 г. в результате катастрофического землетрясения, требовала следующих работ: извлечения из-под завалов, консервации и музеефикации фрагментов уникального мозаичного панно с изображением двух симметрично расположенных, динамично извивающихся змеевидных драконов на богатом растительном фоне. В этих работах принимали участие специалисты И. Н. Зубанов, М. А. Мамедов, Р. Г. Мурадов и Б. Н. Удеумурадов. В ходе археологических исследований подверглось изучению и консервации связанное с именем шейха Сейит Джамал-ад-Дина захоронение, находящееся в этой мечети.

Археологическое обследование мавзолея Абу-Саида проводилось параллельно с работами по укреплению конструктивных узлов четверика и подкупольного барабана. В ходе рытья траншей вдоль стен четверика внутри мавзолея (необходимость была продиктована работами по укреплению кладки стен) выявлено большое количество фрагментов люстровых плит, которыми была облицована панель в нижней части зала. Часть фрагментов этой панели обнаружили еще четверть века назад во время архитектурных обмерных изысканий, но этот факт не получил отражения в публикациях. Панель была набрана из крупных расписных люстровых керамических плит двух видов: восьмиконечной звезды (размер по диагонали 31 см) и креста с заостренными углами

(размер по длине также 31 см). Фрагменты этих плиток сохранились лишь в самой нижней части стены, которая находилась под толстыми слоями грунта, образовавшегося, видимо, от ремонтного мусора, накопившегося за несколько веков. Находясь долгое время в сырости, плитки потеряли первоначальный блеск и цветовую гамму, и, к сожалению, не сохранилось ни одного целого образца. Характер расположения их на стенах свидетельствует о том, что панель подвергалась частым ремонтам — упавшие плитки вновь крепили к стене на ганчевом растворе. Причем со временем крепили уже битые на несколько фрагментов плитки, поэтому не всегда удачно совпадал их рисунок, но, несмотря на фрагментарное состояние, выявленные остатки позволяют восстановить целостную картину рисунка и композиционного решения как самих плит, так и всей панели в целом. Лицевое поле плиток покрыто белой краской, поверх которой бордовым цветом наносился орнаментальный рисунок. Причем бордовая краска, предположительно, на одни плитки наносилась до покрытия глазурью, на другие после. Таким образом подглазурная краска принимала золотистый оттенок.

Композицию центральной части крестообразных плит составляет распустившийся четырехлепестковый цветок, от которого по осевым лучам креста отходят миндалевидные бутоны, посаженные один на другой. Края как крестообразных плит, так и восьмиконечных звезд окаймляют арабские надписи. Несмотря на то что орнаментальный мотив на всех крестообразных плитках один и тот же, исполнение линий и завитков различается, видимо, плитки расписывали несколько художников. Плитки же в виде восьмиконечной звезды содержали два различных по сюжету орнаментальных рисунка: один состоит только из растительных переплетений, другой — из геометрического узора с небольшими растительными вставками.

Еще одна характерная деталь интерьера мавзолея Абу-Саида была выявлена в ходе археологических исследований: пол на уровне XIII в. имеет выстилку из кирпичей, поверхность которых покрыта глазурью зеленовато-синего цвета. Пол, покрытый подобными кирпичами, известен

также по раскопкам богатого дома на городище Новая Ниса, проводившимся ЮТАКЭ.

Археологическими исследованиями интерьера мавзолея Абу-Саида, которые осуществлялись под наблюдением археолога Э.А. Мурадовой, установлено точное месторасположение двух могил похороненных здесь людей. К сожалению, раскопки не достигли уровня XI в., а остановились на уровне XIII в. Крайне необходимо заложить хотя бы шурф до материка, и надеемся, что это станет задачей будущих исследований. Проведенное же исследование ответило на главный вопрос, долгое время мучивший ученых: какова функциональная атрибуция этого памятника, действительно ли здесь существует захоронение? Этот вопрос особенно остро встал после того, как вскрытия полов в мавзолеях султана Санджара в Мерве, Абул-Фазла в Серахсе и Текеша в Куня-Ургенче не выявили захоронений. В результате стали появляться суждения о непогребальном характере этих сооружений, было поставлено под сомнение наличие захоронений и в других подобных мавзолеях, при этом само слово мавзолей стали помещать в кавычки. Я уже излагал свою точку зрения о мавзолее султана Санджара, что же касается мавзолеев Абул-Фазла и Текеша, то после профессионального археологического изучения мавзолея Абу-Саида и захоронения перед мечетью Сейит Джамал-ад-Дина в Анау возникает справедливое сомнение по поводу научности исследований, якобы проводившихся при реставрационных работах в указанных мавзолеях Серахса и Куня-Ургенча. Это сомнение усиливается и ввиду отсутствия полноценных научных отчетов и публикаций о проведенных там археологических изысканиях.

Резюмируя десятилетний этап в изучении памятников истории и культуры Туркменистана, можно констатировать продуктивность результатов археологических исследований. Накопленные научные факты и археологический материал не только расширили наши знания по многим ключевым проблемам археологии и древней богатой материальной культуры Туркменистана, но и выдвинули перед специалистами новые вопросы, ответы на которые предстоит отыскать в ходе будущих исследований.

М.А. Мамедов

Туркменистан. Ашгабад.

*Национальное управление Туркменистана
по охране, изучению и реставрации
памятников истории и культуры*

ВИЗАНТИЯ КАК «КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ».

21-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(Лондон, Великобритания, 21–26 августа 2006 г.)

Очередной престижный научный форум, более известный в России как Международный конгресс византинистов или Византийский конгресс, состоялся в 21-й раз в Лондоне. История этих конгрессов еще не написана. Традиция подобных встреч, ставших академической проекцией национально-политического пробуждения Балкан, берет свое начало в 1924 г. с I съезда в Бухаресте (Румыния), который состоялся по инициативе румынского византиниста Николая Йорги (*Compte-rendu*, 1925; *Nystazopolou-Pelekidou*, 2006. P. 357). II съезд прошел в 1927 г. в Белграде (Югославия) (*Compte-rendu*, 1929; *Lebedeva*, 2006. P. 355–356). III конгресс состоялся в Афинах в 1930 г. (*Compte-rendu*, 1932). В Софии (Болгария) в 1934 г. был созван IV съезд (*Actes*, 1935–1936). V конгресс состоялся в Риме 20–26 сентября 1936 г. (*Atti*, 1939, 1940), VI конгресс должен был пройти в Алжире в октябре 1939 г., но этому помешала начавшаяся Мировая война (*Résumés*, 1940), зато VI–VII конгресс, словно V–VI Вселенский, иначе Трулльский Собор (691–692), прошел одновременно в Париже и в Брюсселе в июле и августе 1948 г. (*Programme*, 1948; *Actes*, 1950). Именно тогда была создана Международная Ассоциация византийских исследований (*Association Internationale des Études Byzantines*) с резиденцией в Париже. Для VIII конгресса (3–10 апреля 1951 г.) был выбран город Палермо (Италия) (*Atti*, 1953), а для IX (12–25 апреля 1953 г.) — Фессалоники (Греция).

X конгресс проходил в Стамбуле (Турция) 15–21 сентября 1955 г., впервые в бывшей столице Византии. Однако гражданская война на Кипре, начатая в апреле 1955 г. сторонниками «энозиса» — объединения с Грецией из «Национальной организации кипрских бойцов», привела к волне антигреческих выступлений в самой Турции. В ночь с 6 на 7 сентября была разгромлена

Вселенская Патриархия в Фанаре, что сопровождалось человеческими жертвами. Греческие ученые отказались от участия в конгрессе, и многие европейцы последовали их примеру. Самые отважные византинисты, приехавшие на конференцию, посетили тогда патриарха Афиногора (Спиру) и выразили ему свои соболезнования. XI Византийский конгресс проходил в Мюнхене (ФРГ) 15–20 сентября 1958 г. (*Пигулевская*, 1959. С. 204–205), XII — 11–16 сентября 1961 г. в Охриде (Югославия) под «высоким патронажем» маршала Тито и председательством Георгия Острогорского (*Miakotine*, 1961). Начиная с этой встречи, подобные мероприятия проводятся раз в пять лет, а советские, а затем и российские византинисты традиционно выпускают в их преддверии (за исключением XIII и XVII конгрессов) сборник статей «Византийские очерки» (Византийские очерки, 1961); с середины 1990-х гг. собственное издание к конгрессам стал готовить Государственный Эрмитаж.

XIII конгресс состоялся в Оксфорде (Великобритания) 5–10 сентября 1966 г. (*Пигулевская*, 1967. С. 194–196), XIV прошел в городе своего рождения — Бухаресте в 1971 г. (Византийские очерки, 1971; *Actes*, 1976), XV — 5–11 сентября 1976 г. в Афинах (Греция) (Византийские очерки, 1977; *Карпов, Фонкич*, 1977. С. 181–184), XVI — в 1981 г. в Вене (Австрия) (Византийские очерки, 1982), XVII — 3–8 августа 1986 г. в Вашингтоне (США), XVIII — 8–14 августа в 1991 г. в Москве (тогда еще СССР) (Византийские очерки, 1991; *Бибиков и др.*, 1993. С. 207–219; XVIII Международный конгресс византинистов, 1991. С. 59; Резюме сообщений, 1991), XIX — в Копенгагене (Дания) 18–24 августа 1996 г. (Византийские очерки, 1996; Византия и византийские традиции, 1996; *Литаврин*, 1997. С. 257–262; *Литаврин и др.*, 1999. С. 276–291; *Лидов*, 1999. С. 291–292; *Byzantium. ...Major papers*, 1996; *Byzantium. ... Index of Colloquia. Abstracts of Communications*.

Index of authors, 1996). Предпоследний и юбилейный XX конгресс проходил 19–25 августа 2001 г. в Париже (Франция) (Пилигримы, 2001; Византийские очерки, 2001; Pré-actes, 2001; *Литтаврин и др.*, 2003. С. 201–223).

Настоящий конгресс, об участии в котором заявили более 1000 специалистов из более чем 40 стран (реально участвовали свыше 800 человек), проходил под высоким патронажем принца Уэльского Чарльза и под председательством леди Марины Маркс. Первый объявил в своем приветственном послании о близости византийской культуры его сердцу и о важности византийского наследия для XXI в. Реальную работу по организации встречи возглавили Э. Брейер (convenor конгресса) и Е. Джефферис. Вынесенной в заглавие темой встречи стал «Display» — экран, отражение, показ, но, похоже, более точно — демонстрация, самосвидетельство Византии во внешней атрибутике своей словесной и материальной культуры. Недаром логотипом конгресса были павлины у источника жизни, изображенные на позднеантичном рельефе из Венеции. Именно с этих павлинов Ю. Херрин (Королевский колледж, Лондон) и начала свой opening address, посвятив выступление различным способам социокультурной демонстрации в древности как средствам самовыражения и самоотражения византийского общества. Впрочем, теме «отражения» как противостояния в тематике конгресса также нашлось свое место.

Структуре конгресса нельзя отказать в логической стройности и изяществе, отвечающей представлениям англосаксов об «идеальном полисе», гражданство в котором обеспечивается принадлежностью к научному сообществу. «Магический квадрат», состоящий из восьмерок — символа бесконечности знания и приобщения к нему, определял параметры этой структуры: каждое из восьми пленарных заседаний возглавляло свою «восьмерку», состоящую из дискуссий и секций. Стоит их перечислить, дабы дать представление о проблематике конгресса:

I. Империя; I.1. Империи-конкуренты; I.2. Теория империй; I.3. Западное и восточное; I.4. Институты империи; I.5. Греческие общины после 1204 г.; I.6. Искусство империи; I.7. Христианизация; I.8. Быть византийцем/ Не быть византийцем.

II. Труды и дни; II.1. Ландшафт, археология и общество; II.2. Логистика и транспорт; II.3. Пособия; II.4. Погребения; II.5. Мирское пространство; II.6. Мир природы; II.7. Экономика; II.8. Медицина.

III. Инфраструктуры; III.1. Instrumenta Studiorum; III.2. Технология; III.3. От BZ к Byzantium@display; III.4. Объяснить Византию через компьютер и Интернет; III.5. Сфрагистика; III.6. Нумизматика; III.7. Просопография; III.8. Естествознание.

IV. Слова; IV.1. Слова на странице; IV.2. Слово прочерченное; IV.3. Слова в ритуале; IV.4. Слова-изображения; IV.5. Слово наставления; IV.6. Словесные сокровища; IV.7. Печатное слово: средневековые собрания, современные издания; IV.8. Историзированные слова.

V. Тексты; V.1. Историография и хронология; V.2. Созидая «всамделишные истории»; V.3. Эмоции; V.4. Церемония; V.5. Перевод и пересказ; V.6. Акты как литература; V.7. Отражение знаний; V.8. В жанре «фэнтези».

VI. Православие; VI.1. Правило веры; VI.2. Независимость философии; VI.3. Богословие, тексты и православие; VI.4. Чужие; VI.5. Сакральное пространство; VI.6. Горы и пустыни иночества; VI.7. Культовые места и паломничество; VI.8. Искусство и православие.

VII. Византия как демонстрация; VII.1. Православие на марше; VII.2. Во дворце; VII.3. В городе; VII.4. На селе; VII.5. В движении: носимые вещи; VII.7. Заграница; VII.8. Одежда и мода.

VIII. Будущее нашего прошлого; VIII.1. Отражения сквозь музейное стекло; VIII.2. В заботе о наследии; VIII.3. Коллекции; VIII.4. Фальсификаты; VIII.5. Восстановление памятников; VIII.6. Монастырские труды; VIII.7. Восточная Анатолия и Кавказ; VIII.8. Египет и Левант.

Впрочем, гармония идеального была нарушена выпадением содержания, скрывающегося за цифрами VII.6. Зато отдельно было представлено заседание, посвященное историографии византийских исследований, возглавляемое петербуржцем И. Медведевым, которое согласилось с необходимостью написать самостоятельную историю Византийских конгрессов. Содержание нынешнего конгресса отражено в трех томах текстов докладов и тезисов выступлений (Proceeding, I–III, 2006), а также весьма рационально представлено в программе конференции, включающей в себя «индекс» докладчиков с указанием секции, в которой они намеревались выступать, и номера страниц, где можно найти упоминание. Не отставал и Интернет. Вообще, лондонский конгресс был первым конгрессом, штаб которого обеспечил себя реально действующим сайтом <http://www.byzantinecongress.org.uk>. Действительно, display. Отдельно был издан 60-страничный список участников, а российские исследователи

опубликовали свои «Очерки» и сборник научных статей (Византийские очерки, 2006; Византийская идея, 2006).

Пленарные заседания традиционно привлекли к себе общее внимание, показав современную озабоченность византиноведческого сообщества. Эта озабоченность может быть представлена триадой «идейных» понятий: идеи источника, идеи в воплощении, идеи, объясняющие Византийскую цивилизацию. В последнем случае преобладал вполне понятный подход, который, пользуясь названием популярной передачи ВВС, можно было одновременно назвать «Глядя из Лондона» и «Глядя из Константинополя». Дж. Шепард (Оксфорд) предложил свое развитие теории «Византийского содружества», сформулированной еще в 1971 г. Д. Д. Оболенским (1918–2001). Как и его предшественник, докладчик вдохновлялся британской политической моделью и лексикой. В данном случае отправной точкой стала речь У. Черчилля 1949 г., адресованная Европейскому сообществу. В ней он говорил о трех взаимосвязанных «кругах», сферах: Британская империя вместе с Содружеством, англоговорящие страны и объединенная Европа. Ныне предлагаются те же три «обволакивающие» (overlapping) византийскую цивилизацию окружности: «круг первый» — Византийское содружество, «круг второй» — христианско-исламский мир Востока, «круг третий» — латинское христианство. Все три сферы различаются по степени востребованности византийской христианско-политической модели и ее отдельных составляющих, которая сама по себе, как имперско-клерикальный комплекс, характеризуется взаимопроникновением своих элементов, их изменчивостью и противоречивостью.

Если в речи 1949 г. преобладал пафос единения всех трех сфер для противостояния советскому тоталитаризму, то не вполне понятно, «отражением» чего или ради «отражения» чего функционировала в истории настоящая модель. В отличие от противостояния двух систем XX в., византийская картина мира была экуменична и серьезного вызова со стороны «союзного» *Barbaricum*'а не испытывала. Характеризовалось ли *imitatio Imperii* в различных сегментах каждой из трех сфер схожими особенностями? К тому же Византийское содружество наций вроде бы мыслилось исследователями включающим в себя и саму Византию. В данном случае все три круга являются лишь активными рецепторами или пассивными отражателями византийской

модели. Сама же модель оказывается вне этих сфер, будучи лишь образцом для подражания. Собственно, доклад и назывался «Byzantium's Overlapping Circles». Впрочем, подражание не всегда изначально. Дж. Мелвил-Джонс (Австралия) поставил под сомнение тезис о том, что Константинополь осознанно создавался Константином как новый или второй Рим: современные событиям памятники об этом молчат, и мы имеем дело лишь с идеологическим переосмыслением императорских деяний, отстоящим от них как минимум на 50 лет. Н. Несипоглу (Стамбул) говорила об «Империи эпохи вызовов: Традиция, трансформация и рецепция в общественной и политической жизни поздней Византии» и пыталась показать, что декларируемого источниками разрыва между идеологией и реальностью эпохи Палеологов в действительности могло и не быть, поскольку изменился механизм согласования этих исторических сфер. Различные общественные слои Византии по-разному пытались восполнить неспособность правителей соответствовать идеалу, обеспечить политическую стабильность и противостоять давлению латинского Запада и мусульманского Востока.

Внимание к источникам на пленарных заседаниях «Инфраструктур» было связано с их обобщением и изданием, причем речь шла не только о письменных памятниках. Так, в рамках «*Instrumanta Studiorum*» П. Вокотопулос (Афины) говорил об итогах и перспективах работы над Корпусом монументальной византийской живописи VII–XV вв., задуманным еще в 1982 г. директором музея Бенаки М. Хатзидакис (1909–1998). Одной из проблем было создание общего научного словаря издания: так, было принято решение сохранить греческие эпитеты известных святых. Примечателен отказ от стилистического анализа памятников, деления на школы, то есть от всего, что плохо согласуется с иконографическим методом. К 1983 г., согласно О. С. Поповой, 35 росписей на территории бывшего СССР должны были войти в запланированный свод (в самой Греции — 1852). Политические проблемы остановили этот проект. Однако созданный в 2003 г. в Афинах коллоквиум, посвященный перспективам Корпуса, закончился практически ничем, в том числе и в связи с ненаучными мотивами. Среди причин, приведших к свертыванию работы по созданию Корпуса, докладчик назвал сокращение финансирования и уменьшение роли государства в этих проектах. Национальные ученые сообщества не подтвердили первоначального интереса

к созданию такого Корпуса. Сегодня лишь каталоги византийской живописи в Греции и Италии имеют определенные перспективы

Воплощение идей было преимущественно связано с темой «Византия как демонстрация». Доклад А. Джуровой (София) «Слово и дело: к вопросу о зрительном воплощении догмата» обратил внимание собравшихся на связь между литургическими текстами и украшающими их орнаментированными инициалами преимущественно в славянских рукописях XI–XV вв. Дублирование заглавных букв, которое, вопреки распространенному мнению, все же ведет свое начало от греческих рукописей X в., сохранилось лишь на периферии империи, в Южной Италии и Эпире. Так отмечались наиболее догматически важные тексты в составе всего сборника. Подобную же функцию выполняли и иные украшения инициалов в богослужебных текстах. Г. Магуаэр (Балтимора) в докладе «Императрица и Богородица в изобразительном искусстве VI в.» подчеркнул, возможно, не без скрытой полемики с Т. Метьюзом, единство принципов изображения Божией Матери и светской правительницы в искусстве малых форм, при изображении как костюма, так и интерьера.

На страницах археологического издания, прежде всего, было бы естественно отразить соответствующую проблематику конгресса, которая в этот раз оказалась весьма насыщенной. Вообще, результаты исследований науки истории материальной культуры не привлекали особого внимания участников подобных форумов до недавнего времени, чему существовали причины как объективные, так и субъективные. Секции, объединяющие в себе археологию и историю искусства, существовали в их составе всегда. Так было и на конгрессе 1958 г., где работа секций была посвящена «различным отраслям византистики», но «прогрессивные ученые группировались вокруг исторической секции, проявляя большой интерес к социально-экономическим вопросам» (Пигулевская, 1959. С. 205). В 1976 г. в Афинах, где общей темой были «Центральные и центростремительные силы в византийском мире (1071–1261)», археология тоже растворилась в искусстве, и участникам был показан кинофильм «Искусство Византии в собраниях Эрмитажа».

Определенный перелом произошел на XVIII конгрессе в 1991 г. в Москве. Интерес к теме крещения Руси в контексте русско-византийских связей и результаты, достигнутые отечественными

специалистами в археологическом изучении Причерноморья, привели к тому, что «Археология» стала отдельной секцией (Бибиков и др., 1993. С. 217). В основном, были подняты проблемы «городской» археологии. А. Данн поставил вопрос о взаимоотношении археологических и исторических исследований и отметил игнорирование археологических данных при изучении социально-экономических проблем византийского общества. Т. Грегори объяснил «темные века» византийской археологии и характерное для них сокращение количества находок в культурном слое не упадком экономики, а экстенсификацией производства вообще и рассредоточением его центров. Обсуждались на встрече и результаты раскопок анатолийских крепостей и крымских памятников.

Однако в 1996 г. на конгрессе в Копенгагене археологическое направление вновь было недостаточно представлено, хотя существовали такие разделы, как «Археология и материальная культура» и «Керамика и стекло». Новый подход к проблеме образования «археологических лакун» в процессе формирования слоя был предложен А. И. Романчук, которая, после тщательной критики материального источника, охарактеризовала ряд традиционных представлений о запустении Херсонеса в XI и XIV вв. как факты историографии (Романчук, 1996. С. 234–244). Отдельной темой пленарного заседания стали «Византия и Север», где С. Х. Фуглесанг предложила критический обзор византийского влияния в Скандинавии, иногда совершенно напрасно отрицающая византийские истоки некоторых явлений материальной культуры Балтики, а В. Дучко создал археологическую версию взаимных отношений шведских викингов и Византии. В 2001 г. в Париже преобладала архитектурная археология, как раз и созданная во многом трудами французских специалистов, а секция «Археология и история искусства» была наполнена докладами, посвященными торевтике и ювелирному искусству, где особое место занимало изучение художественного оформления реликвий Святых Страстей (Les reliques de la Passion, 2004). Совершенно очевидно, что археологическая проблематика конгрессов была напрямую связана с интересами организаторов, успехами и достижениями принимающей стороны в этой области.

Однако кроме причин подобного рода нельзя не отметить особенности, связанные с традициями европейского византиноведения, существующими археологическими приоритетами

и спецификой памятников археологии региона, о чем свидетельствуют сами византилисты. Еще на XVI конгрессе Х. Бурас говорил о срыве византийских слоев ради классической древности (Bouras, 1982. P. 611–653), об отсутствии выработанной методики полевых исследований, когда целью раскопок на территории византийского города становился поиск античных памятников, причем основное внимание уделялось монументальным сооружениям. Тогда же и А. Гийу отмечал, что пренебрежение требованиями стратиграфического метода в византийской археологии зачастую приводит к разрушению памятников (Guillou, 1982. P. 19). Подобная ситуация складывалась и в христианской археологии (Février, 1989. P. LXXXV–XCIX; см.: Хрушкова, 1998. С. 207–214). Попытки преодолеть ее характерны для новой европейской литературы по археологии (Хрушкова, 2002. С. 241–244; Zanini, 1994), здесь можно заметить рецепцию «новой» или общей археологии, уход от классического искусствоведческого подхода и т. д. Стоит отметить, что ситуация с исследованием византийских памятников Черноморского региона все же несколько иная, что связано напрямую с существующими научными школами и исследовательскими традициями.

Именно поэтому для византийской археологии в чем-то переломной оказалась московская встреча 1991 г. Это отчасти доказывается концептуальным докладом Ж. П. Содини, прочитанным в том же году и опубликованным двумя годами позже. Текст был посвящен вкладу археологической науки в понимание Византии (Sodini, 1993. P. 139–184). Крупный французский византист-археолог отмечал, что такой вклад не может быть признан достаточным как по состоянию самих исследований, так и по их рецепции научным сообществом. Естественно, некоторые проблемы нельзя назвать присущими исключительно византийской археологии, некоторые из них в той или иной степени оказались преодолены региональными исследованиями, например, в Херсонесе. Однако приведенный перечень представляется знаменательным. Исследователь обратил внимание на постоянное смещение археологии с историей искусств, на иллюстративное применение материала, на невнимание коллег к различению материальных культур и структур. При этом в ряде случаев археолог-византист оказывался «скромным сотрудником» археолога-классика, о котором вспоминали слишком поздно, были отмечены проблемы организационного

и идейного характера, оторванность археологии погребального обряда от антропологии, невнимание археологов-византистов к «истории материальной культуры», которая, по мнению Ж. П. Содини, во многом обязана своим появлением «русской школе» и весьма успешно применяется при изучении памятников Черноморского региона и в сравнительных исследованиях, привлекающих памятники этого круга.

Несмотря на то что интерес к повседневной жизни и материальной культуре Византии существовал в европейской науке всегда, мир археологических находок играл в удовлетворении этого интереса весьма скромную роль, что можно заметить при знакомстве с целым рядом выдающихся трудов (сравни: Oikonoimidis, 1990. P. 205–214; Byzantine Constantinople, 2001; Talbot Rice, [1967]; Byzantine Hours, 2001). За редким исключением, раскопанные памятники и их коллекции так и остались не опубликованы, всеобъемлющие каталоги чрезвычайно редки (Davidson, 1952; Harrison, 1986. P. 226–278; Moore, 1993; Crawford, 1990; Foss, 1976; Waldbaum, 1983; Gough, 1985). На ситуацию оказывали влияние проблемы методологического характера и приоритета в исследованиях. В силу сложившихся традиций в основном в поле зрения исследователей входили вопросы архитектуры и культурного ландшафта (The Archeology of Medieval Greece, 1996), а приоритетное внимание уделялось керамике и кладкам (Hayes, 1972; Dark, 2001; Vroom, 2003; 2005; Mango, 2003. P. 119–140), но никак не такой категории находок, как «minor objects», составляющих основу изучения истории материальной культуры.

Вообще, по мнению некоторых специалистов, материальная культура и повседневная жизнь рядового византийца после 700 г. просто пренебрегалась исследователями, точно так же как памятники этого времени не изучались широкими площадями. Отмечалось, что ситуацию усугубляют проблемы материального характера, когда исследователям в Турции и Греции недостает ресурсов для реализации крупных проектов, сказывается также и отсутствие общественной поддержки в виде существования археологических обществ и деятельности археологов-энтузиастов. Сегодня состояние изученности материальной культуры византийской цивилизации оказывается в разительном противоречии со степенью осмысления этого феномена в европейской и славяно-русской археологии (Dark, 2001; Secular Buildings, 2004. P. 18–20). При этом известно, что

изучение «малых объектов» ранневизантийской эпохи дает превосходную историческую информацию, стало быть, следует попытаться приложить этот принцип ко времени средней и поздней Византии. Отсутствие подобных исследований оборачивается отсутствием надежной региональной хронологии даже для керамики, которая, по заключению современных специалистов, в целом подлежит пересмотру (Sanders, 2004. P. 163–193).

Отечественные специалисты уже обращались, так или иначе, к осмыслению общего состояния византийских археологических исследований в Средиземноморье (Романчук, Шандровская, 1995. С. 3–4). К числу субъективных причин, не способствующих развитию этого направления, были отнесены невнимание археологов к средневековым слоям, избирательность вторжения в слой и приоритетное внимание к монументальным памятникам. Объективные причины рассматривались в связи с особенностями поселенческой культуры региона. Прежде всего, здесь упоминался территориальный континуитет городов, где византийские слои оказались перекрыты современными строениями, так или иначе нарушившими постройки предшествующего времени (Там же. С. 10, 13).

Представляется, что все эти особенности, влияющие на сохранность и степень изученности памятника, стоит дополнить характеристикой собственно исторической материальной культуры, депозиции ее объектов и их археологизации. Исследователи уже обращали внимание на то, что массовое выпадение предметов повседневной культуры в слой не может однозначно свидетельствовать об интенсификации местной жизни, точно так же, как отсутствие культурного слоя и депозитов не может рассматриваться исключительно как признак запустения города (Там же. С. 36). Иными словами, понимание источника под названием «культурный слой» сопряжено с пониманием процесса слоеобразования.

В то же время специалистам, привыкшим к особенностям культурного слоя древнерусских поселений с их разнообразным и обильным материалом, характеризующим древний быт, относительная «бедность» византийских и особенно «средневизантийских» памятников Средиземноморско-Понтийского региона может показаться непривычной. Нам представляется, что дело заключается не только в отсутствии обобщающих публикаций. В византийском мире мы сталкиваемся с совершенно иной, «ромейской» культурой

отношения к вещи, в чем-то противостоящей варварскому миру. Этот тип бытовой культуры не предполагал «варварской роскоши» в быту, избытка инструментов и украшений повседневной жизни (бусы здесь могут послужить наиболее характерным примером), а существовавшее отношение к миру повседневных предметов препятствовало их активной депозиции, насыщению ими дневной поверхности и культурного слоя. Этим, отчасти, может объясняться археологический феномен, который мы готовы назвать «относительной бедностью культуры» средиземноморских памятников, особенно в том, что касается металлических предметов. Эта бедность преодолевалась лишь при продвижении римской и ромейско-византийской культуры на границы экумены, в процессе «варваризации» этой культуры. Так, традиция предметов личного благочестия, несомненно, византийская в своих истоках, своего наивысшего расцвета достигла не в Византии, а на Руси. Впрочем, эта тема требует самостоятельного дальнейшего исследования.

Определенные причины отмеченной «относительной бедности материальной культуры», на наш взгляд, связаны с характером слоя и поселенческой традицией региона, влияющей на слоеобразование, о чем речь шла несколько выше. Здесь мы сталкиваемся с сильно спрессованным, достаточно сухим камнесодержащим, зачастую перенасыщенным песком, галькой и глинистыми прослойками и линзами слоем. Такие характеристики, в ряде случаев способствуя консервации некоторых категорий предметов быта, приводят к активным постдепозиционным изменениям других предметов материальной культуры, включая их быструю деструкцию и коррозию. Такие условия делают проблемным и сохранение органических останков в значительных количествах. Однако последнее слово все-таки остается за характером повседневной культуры местного населения, определяющей формирование культурного слоя и его насыщенность предметами быта.

Поселенческая традиция интересующего нас «беломоро-черноморского» региона также не способствует сохранению предметов повседневной культуры в слое. Эта традиция в целом характеризуется постоянным возрождением поселения на традиционном месте, допуская незначительный «дрейф» заселенной территории и отдельных архитектурных комплексов. Строительство из века в век на одном и том же месте приводит в некоторых случаях к нивелировке и уничтожению предшествующих культурных

напластований, их деформации и компрессии. Все это влечет за собой гибель археологических предметов.

Дополнительным фактором «бедности» слоя является нахождение памятника в зоне антропогенной жизнедеятельности. В условиях повышенного интереса Европы к древностям региона и становления «колониальной» археологии это приводило и приводит к разграблению памятника местным населением с целью сбыта на рынках относительно ценных вещей, прежде всего изделий из черных и цветных металлов, представленных в том числе и христианскими древностями. Этим до некоторой степени может объясняться тот факт, что коллекции ведущих европейских музеев со второй половины XIX в. полны и продолжают пополняться уникальными беспаспортными артефактами из Восточного Средиземноморья, тогда как систематические раскопки в тех же регионах не всегда приводят к обретению археологических ценностей, подобных тем, что нам известны в музейных собраниях. Таким образом, причины «неизвестности науке» памятников «малой археологии» из культурного слоя поселений оказываются в значительной степени комплексными.

Нельзя сказать, что на лондонском конгрессе эти проблемы и негативные тенденции оказались преодолены, но к этому преодолению было приложено немало сил и внимания. Основная «археологическая нагрузка» легла на направление «Труды и дни». Уже на пленарном заседании 22 августа М. Манго выступила с докладом, заглавие которого можно было бы перевести привычным для российского уха «Полевые работы не ждут! Призыв к активной археологии ранней Византии». Отметив раздробленность и фрагментарность исследований в этой области и отсутствие исчерпывающих и обобщающих публикаций, она кратко остановилась на обзоре последних работ (Urban centers, 2001). При этом исследовательница обратила внимание на необходимость более широкого понимания византийской археологии, вбирающей в себя и артефакты, найденные вне рамок византийского общества и границ империи. Вновь были противопоставлены европейская и византийская археология. Говорилось и о важности расширения хронологических рамок исследований, где бы переплелись интересы позднеантичной и средневековой археологии. В качестве подобного примера был приведен исследовательский проект «Амориум».

Перечислив масштабные раскопки и разведки последних лет в Кесарии Палестинской, Аскалоне, Петре, Пафлагонии, Вифинии, Эфесе, Пергаме, Милете, Аномерии, Скифополисе, Хаммат-Гадаре, Бейруте, Амарне, Александрии, Абу-Мена, Никополисе и Стамбуле, связанные с такими именами, как К. Холум, А. Рабан, И. Хиршфельд, И. Израель, З.Т. Фима, Т. Валишевски, Р. Шик, Д. Х. Хампфри, К. Штрубе, М. Конрад, Г. Брандс, И. Цаффир, Р. Мэтьюз, М. Клинтотт, Д. Барид, Б. Гейер, Л. Лутс, Х. Элтон, К. Багчер, Р. Торпе, Дж. Кроу, Р. Ходжес, Н.К. Стамполидес и другие, докладчица отметила, что в основном исследования охватили периферию, а не «сердце» империи. К тому же состояние документации и публикаций результатов экспедиционных исследований оказывается не на высоте в силу «полевых» особенностей работ.

В качестве выхода в докладе были предложены кооперация исследований и их компьютеризация. Это предполагает объединение действующих и намечающихся проектов в единую информационную систему и активное использование электронных версий отчетов, что восполнит недостаток публикуемой информации. Основой такой «сетевой» археологии должны стать широкомасштабные разведки и фиксация их результатов, а также картирование памятников на микрорегиональном уровне, особенно при невозможности проведения больших раскопок. В качестве примера был приведен региональный оксфордский проект по исследованию области Андроны в северной части центральной Сирии, начатый в 1997 г. Область представляет собой агломерацию сельских поселений на пространстве в 256 га с 11 церквями, крепостью, построенной в 558 г., и термами, сооруженными ок. 560 г. В качестве исследовательских приоритетов автор предлагает обратить особое внимание на торговлю и на циркуляцию товаров, а не только на монументальные памятники, однако вновь ничего не прозвучало по поводу необходимости изучения материальной культуры в целом. В заключение исследовательница предложила перейти и к более масштабным городским проектам, включающим Стамбул. Расширение штата компьютерщиков и интенсификация связей и совместного планирования будет способствовать экономии времени, однако эта интерактивная составляющая проектов потребует дополнительной грантовой поддержки.

М. Попович (Белград) представил большое археологическое полотно «Погребение ктиторов

в средневековых храмах: археологический аспект», опираясь в основном на сербские материалы. Здесь он коснулся норм ктиторского права вообще, так никогда и не кодифицированного. Он отметил, что в целом за погребениями ктиторов была закреплена юго-западная зона храма, и лишь в Пече несколько архиепископов были погребены в северной части. Темами доклада стали топография и конструкция погребений, погребальный инвентарь, весьма бедный, представленный в основном сохранившимися фрагментами одежды, вопросы взаимоотношения формы надгробного памятника и конструкции гробницы, соотношения гробницы с фресковыми росписями компартамента, а также перспективы исследований. М. Попович подчеркнул исключительность захоронения в Славковице, где погребенный держал в руках иконку из оникса с образом свт. Николая (X в.). В докладе R. Santangeli Valenzani (Рим) «Городской пейзаж и экономические структуры раннесредневекового Рима по данным археологии» была представлена эволюция этих явлений в VI–X вв. К сожалению, не состоялся доклад директора Археологического музея в Стамбуле И. Карамут «Раскопки в Ени Капи».

Три основные «археологические» секции отразили не только прогресс, но приоритет Альбиона как хозяина встречи в этой области. На секции «Ландшафт, археология и общество» были представлены самые «полевые» доклады. А. Данн (Бирмингем) выступил с докладом «Археологические наблюдения в Восточном Средиземноморье и византиноведение». Он подчеркнул, что лишь после сплошного обследования территорий, их мониторинга и каталогизации памятников возможен переход к историческим реконструкциям. Уже начиная с 1980-х гг. интенсификация исследований имела место на Кипре и Пелопоннесе путем применения методики разведки территорий до 25 кв. км. Это привело к развитию дискуссии о типологии поселений как артефактов человеческой жизнедеятельности.

В докладе Н. Бодри (Монреаль) повествовалось об исследованиях в районе Рас-Эл-Бассит в северной Сирии и Апамее, где под престолом одной из церквей V–VI вв. был найден реликварий в форме сосуда для масла. В целом для исследований в этом регионе характерен переход к изучению церковных комплексов и городского контекста. Доклад К. Жиро (Лион) «Район Изника в средние века: сельские поселения и освоение пространства» был посвящен местным исследованиям в Вифинии в 1989–2003 гг.

Выступление Т. Грегори (Огайо) «Ландшафт, археологические разведки и письменные источники: методы, проблемы и решения» оставило ощущение, что эта область исследований, несмотря на солидный стаж, находится еще в состоянии становления теоретической и методологической базы и борется за право на существование, доказывая свою полезность. В свою очередь, болгарские коллеги, отмечая снижение плотности населения в Западном Причерноморье в XI в., успешно решают исторические проблемы на основе археологических исследований, как это показала в своем докладе Р. Костова (Тырново) «Западное Причерноморье в XI–XV вв.: перекресток или периферия?».

Доклад Е. Папафанасиу (Афины) «Неподатливая Византия: ландшафт, археология и общество в Самофракии эпохи поздних Палеологов» продемонстрировал пространственную организацию региона, где на основе сгустков поселений этого времени были выявлены три самостоятельные экономические зоны. В докладе Ф. Кондли (Бирмингем) «Поздние византийские поселения и их округа на Лемносе» анализировалась структура округа, а также возможные функции местной особенности архитектурного ландшафта — каменных башен, чья роль могла быть связана не только с обороной. В выступлении И. Штольд (Оксфорд) говорилось об открытиях подводной археологии в Мемфисе, где были обнаружены фрагменты раки свв. Кира и Иоанна. В докладе Х. Цетинкья (Стамбул) «Недавние исследования в Вефа-килиссе-джами в Стамбуле» сообщалось о находках архитектурных деталей V–VI вв. на месте храма V в., о чем, с опорой на данные эпиграфики, писал еще Н. Брунов.

В целом «дораскопочный уровень» в византийской археологии оказывается весьма распространенным и весьма информативным, особенно в связи со сложностями исследований в регионе, отмеченными ранее, как это еще в свое время предполагали представители Думбартона Оакса, создавая новую, независимую от Византийского института Т. Уитмора, стратегию исследований (Constable, 1983. P. 171–175).

Тема «Посуда» была не менее археологична. Всеобщее внимание привлек доклад И. Врум (Утрехт) «Новый взгляд на старые горшки: керамика в византийском обществе». Исследовательница посвятила его эволюции бытовой функции посуды в обществе в связи с изменением технологии и орнаментации как следствия прогресса ремесла в период 700–1500 гг. Кроме установления

возможной схемы соответствия «форма-функция» было указано на необходимость создания новой надежной типохронологии на основе материалов раскопок и разведок, а также музейных коллекций.

А. Драндаки (Афины) в докладе «Особая посуда для особых гостей: серебряная и бронзовая столовая посуда за византийской трапезой» продемонстрировала важность перехода от искусствоведческих подходов в изучении металлической посуды к археологическим. Здесь также говорилось о соотношении формы и функции, о проблемах, связанных с заменой и имитацией материала. Выступление Т. Папамастаракис (Афины) «Цена престижа» примыкало по своей тематике и выводам к предыдущему выступлению: речь шла о роли металлической посуды в социальной репрезентации. М. Парани (Кипр) в докладе «Послание в бутылке: изображение посуды в византийском искусстве и ее смысл» исходила из диахронистического подхода к эволюции формы и изобразительному контексту, с явной оглядкой на историю искусств. В весьма интересном докладе Т. Антонарос (Фессалоники) «К вопросу о раннехристианской и византийской стеклянной посуде» аргументированно отмечалось, что этот род бытовой и церковной посуды практически ускользнул от исследователей массового археологического материала. В докладе содержалась попытка объяснить почти полное отсутствие подобной посуды в средневизантийский период и ограниченное число поселений, в материалах которых она представлена. Лишь в поздневизантийский период стеклянные сосуды вновь появляются на поселениях в достаточном количестве. Ранневизантийскому производству стекла был посвящен доклад Н. Шибилл (Стэнфорд, США).

В докладе С. Арванити (Афины) «Посуда Средневековья и Нового времени: керамика из греческих Фив» обилие посуды в этом месте объяснялось тем, что здесь функционировал производственно-коммерческий центр, продукция которого была представлена в определенное время преимущественно сграффито и майоликой, впрочем, без уточняющей хронологии. В выступлении Т. Папаиоанну (Думбартон) «Производство средневековых амфор и реконструкция византийской торговли западной Малой Азии» было указано на аналитическое исследование 105 типов местной посуды, лишь 23 из которых восходят к позднеримским формам. Вместе с тем малоазийская продукция зафиксирована для XII–XIII вв. в таких пунктах, как Стамбул,

Отранто, Крым, Бутринт и Албания. В докладе А. Вионис (Пирей) «Византийские занятия: средневековая керамика и бытовые стандарты на территории Танагры (Греция) и Сагалосс (Турция)» был подведен итог многолетних исследований керамики этих регионов. В последнем случае ее состав позволяет говорить о проживании здесь воинского контингента. Доклад Т. Вордерстрассе (Лейден) был посвящен средневековой бытовой посуде, представленной полихромной керамикой типа сграффито.

А. Сазанов (Москва) собирался прочесть доклад «Византийская посуда типа “Поливные белые кувшины IV” по J. Hayes в Северном Причерноморье: распространение, типология, хронология и технология». Судя по всему, сосуды этого типа GWWIV изготавливались в 1120/1140–1204 гг. в Константинополе. В. Залеская (Санкт-Петербург) также говорила о средневековой посуде и ее распространении. Ее доклад назывался «Византийская керамика Зевксийского типа в эпоху Мануила I (1143–1180)».

Тема погребального обряда отразила новые направления в исследованиях, сложившиеся после выхода в свет капитальной работы по этой теме (Laskaris, 2000). Все предварял концептуальный доклад Х. Бакаритис (Фессалоники) «Погребения в Византии». Доклад А. Хедегар Краг (Дания) назывался «Византийское влияние в датских погребениях эпохи викингов» и был посвящен серебряному и золотому шитью из погребения в Лэдби 1935 г., которое может быть реконструировано как остатки кафтана, что доказывается находкой бубенчиков. Е. Налбани (Париж) в докладе «Смерть и погребальное пространство на Балканах в раннем средневековье» уделила внимание появлению новых практик в связи с урбанизацией и переселением коллективов: и в сельской местности можно проследить сложение традиции организации некрополей вокруг мест культа, как и в городах.

Совместный доклад П. Тристароли и Е. Гини-Тсафопулу (Париж, Афины) назывался «Кого, когда и как хоронили в Византии? Биоархеологический анализ двух кладбищ эпохи средней Византии из Аттики и Беотии (XI–XIV вв.)». Согласно их данным средний возраст погребенных составлял 34 года, а остеологический анализ позволяет говорить о сопротивлении организма привходящим болезням. Схожим проблемам был посвящен еще один совместный доклад А. Агеларакис и Х. Бакаритис (Нью-Йорк, Фессалоники) «Физическая антропология и костные останки:

проект “Абдера” и “Полистиллон” (три кладбища VI–XIV вв.)). Доклад А. Ламбропулу (Афины) «Развитие Патр и его некрополи в раннехристианский период» анализировал взаимоотношение кладбищ с городской средой и предлагал ознакомиться с типологией могил и каталогом надписей. Д. Макрополу (Фессалоники) в докладе «Погребальный инвентарь и обряд в Фессалониках (IV–XV вв.)» уделила основное внимание демонстрации вещей из погребений (кольца, в позднее византийское время появляются стеклянные ампулы, энколпии, редко нательные кресты, браслеты, серьги, поливная керамика). В выступлении отмечались практическое отсутствие эволюции обряда с раннехристианского времени, а также факт использования могил для неоднократных захоронений. Доклад Е. Ивизон (Айленд) был посвящен частичным итогам исследований в Аморе — «Погребения провинциальной элиты Малой Азии на примере Амориума». В ходе раскопок в нартексе церкви нижнего города (IX в.), вблизи старого баптистерия, было открыто 34 погребения (X–XI вв.). В них зафиксированы остатки облачений из шелка и фрагменты кожаной обуви, а также элементы погребальных носилок, упоминаемых в монастырских уставах. Одной из возникших проблем стала проблема консервации находок. Необходимо отметить находку в 2006 г. креста-энколпиона (тип I/1 по Г. Ф. Корзухиной и А. А. Песковой — крест с прямыми слегка расширяющимися концами и низкорельефным изображением Распятия и Божией Матери и евангелистов), весьма редкого на Руси, но известного в Балкано-Дунайском регионе. К сожалению, контекст погребения не позволил уточнить дату самого креста.

Еще одной археологической секцией стала «Одежда и мода». В докладе В. Вудфин (Пенсильвания) «Мантия св. Кунегунды из Бамберга и судьбы византийских тканей» анализировались изображения на ткани рубежа XI–XII вв., представляющие фигуры в императорских облачениях, которые интерпретировались здесь как портретные изображения Генриха II (1002–1024). Выступления Е. Магуайер (Балтимор) «Длинные рукава, охранительные пояса и социальные функции», М. Парани (Кипр) «Византийцы и их одежда: отражение функций» и И. Албани (Афины) «Блеск женского кокетства: серьги средне-византийской эпохи из коллекций Греции» также были посвящены иконографии византийских облачений и частям женского костюма. В докладах подчеркивалась необходимость полной

реконструкции костюма для итоговых выводов. Т. Томас (Мичиган) в докладе «Иноческое облачение на примере монастыря св. Епифания из Фив» проанализировал находки фрагментов иноческой одежды из 11 погребений (раскопки 1924 г.), отметив при этом вариативность монашеских облачений. С. Цвирн (Вашингтон) в докладе «К переатрибуции эмальерных “пуговиц” из коллекции Думбартон Оакс» интерпретировал их не как пуговицы или подвески, а как элементы височных колец.

Интересно, что традиционные темы, связанные с архитектурой и искусством Византии, оказались где-то на периферии внимания конгресса. Они были сопряжены с параллельными темами — «Искусство империи» и «Искусство и православие». Доклад Е. Рабери (Кембридж) был посвящен анализу италийского иконописания эпохи папы Иоанна V (705–707) в Санта Мариа Антика с точки зрения идеологии и богословия и в связи с отношениями с Константинополем. Чрезвычайно интересным для истории русского искусства был доклад В. Тсамакда (Хайдельберг), посвященный критскому иконописцу первой половины XIV в. Иоанну Погому, в творчестве которого важное место занимал образ Софии-Премудрости, однако не в виде характерного для новгородского извода тронного ангела, а в виде античной аллегории, помещенный в храмовый деисус. Эти наблюдения будут необходимо учесть при дальнейшем анализе софийной иконографии. К. Уолтер (Париж) говорил об иконографии Константина Великого и Никейского Собора. В этих секциях все же наблюдалось преобладание славян и греков, как и региональной тематики; часть докладов касалась иконописных собраний и описаний поздних икон.

Архитектурная и искусствоведческая темы почти полностью переключались в «сакральные пространства»: здесь можно было услышать про западные влияния в архитектуре Родоса эпохи госпитальеров (Г. Деллас, Родос), о трехнефных храмах южной Греции (Н. Контогианис, Пилос, кстати, доклад был построен на материалах археологических раскопок, свидетельствующих о расцвете православного храмоздательства и при франкском владычестве), о фресковых росписях Яшаницы (Б. Цветкович, Ягодина) и Крита (А. Катселаки, Афины) в связи с отображением здесь темы донаторов и отшельников, об алтарных преградах Мистры (Г. Марину, Афины). В этой же секции был заслушан доклад Р. Остерхаут (Иллинойс) «История строительства

монастыря Пантократора в Константинополе». С. Филипова (Скопье), выступая в искусствоведческой секции, анализировала уникальные находки деревянных раннехристианских рельефов с изображением жертвы Авраама, найденных в процессе раскопок в 2002 г. в местечке Баргала у Штипа. В разделе, посвященном паломническому искусству, Е. Архипова (Киев) намеревалась говорить о византийских стеатитовых иконках в Киевской Руси, обоснованно доказывая их средиземноморское или киевское происхождение и возражая против мнения о находении мастерской во Владимиро-Суздальской Руси, а С. Бангет (Оксфорд) проанализировал надписи на паломнических реликвиях и реликвариях. Свидетельствует ли все это о закате классического искусствоведения с его объективацией личных эстетических переживаний?

Материальная культура была представлена и на секции «В движении». Все началось с доклада Д. Бактон (Лондон) «В движении: искусство переносных предметов в Византии», где он не только указал факт византийского влияния на каролингскую и оттоновскую эмаль, но и проследил изменение направления культурных влияний: в постиконоборческую эпоху второй половины IX в. особенности европейской эмали с ее любовью к зеленому цвету, закрывающему всю поверхность изделия, а также искусство резьбы по кости и камню вернули Византии утраченные традиции. В докладе Л. Лонеса (Филадельфия) «“Большими усилиями и большой ценой”: приобретение и использование византийских реликвий Святого Креста на средневековом Кавказе» рассмотрен поиск этих реликвий как средства самоидентификации региона в качестве Византии. Сообщение Г. Нога-Бани (Иерусалим) «Ручные кресты из Мюнхена: инновации местной традиции» связало поясное изображение Христа в медальоне и окружающих его апостолов на одном из крестов мюнхенской коллекции с распространившимся в VI в. паломничеством на Елеон. В докладе В. Павловой и Л. Пекарской (Киев) «Византийский процессионный крест из Киева» серия медальонов из коллекции Думбартона была идентифицирована с пропавшими в 1920-е гг. накладки на процессионный крест, некогда найденный при раскопках. Это позволило завершить реконструкцию иконографической схемы этого предмета литургического обихода.

Археология активно вторгалась в вопросы политической истории и имперского искусства. Отметим доклад Ш. Герстель (Лос-Анджелес)

«Греческие земли после 1204 г.: археологическая перспектива». Здесь говорилось о необходимости их комплексного изучения с учетом данных археологии. Одной из важных была обозначена проблема выделения франкских вещей в местном универсуме. Доклад Д. Бакарци (Фессалоники) «Гончарное ремесло и искусство империи» прозвучал достаточно смело. Зафиксированное различие провинциального и столичного производств и распространение соответствующей керамики отражало экспансию имперской культуры. Так, поливная посуда на Кипре XIII в. сохраняла традиционную технику своего изготовления и после 1192 г., хотя здесь прослеживалось привнесение новых орнаментальных и иконографических элементов с территории Сирии и Палестины. Все это предполагало единство судьбы керамического дизайна с более «интеллектуальными формами» искусства. Археологическими по своей тематике были и доклады на секции «Православие на марше». Ф. Дела Аква (Флоренция) в докладе «Стекло в византийском интерьере» говорил о находках в нижнем городе Амориума-Афиона и настаивал на их местном производстве. Доклад Б. Киилерих (Берген) «Эстетика мрамора и цветного камня в интерьере» был посвящен характеристике разноцветных мраморов в византийской литературе в связи с описанием богослужебного ритуала. В чем-то традиционным для христианской археологии был доклад Дж. Патриш (Иерусалим) «Великий вход: археологические и письменные свидетельства о богослужебных изменениях раннехристианских церквей Палестины и Аравии».

Тема археологических источников звучала и в разделе христианизации империи и ее окрестностей. Л. Хрушкова (Москва) собиралась представить доклад «Херсонес Таврический в IV–V вв.: пригородные мартирии», где исследовательница выделила три фазы развития мартирия в Карантинной бухте, жестко разделяя собственно евхаристический и крещальный культы и эволюцию базилики № 13, включающей в свой состав крестчатый мавзолей. М. Волошин (Краков) представил доклад «Крест идет на Восток: обращение Центральной и Восточной Европы (1000–1300) в свете новых археологических находок», где анализировал предметы личного культа восточнохристианского мира, которые достаточно четко маркируют границы Киевской Руси и латинской Польши, хотя бытовые древнерусские вещи, в частности лировидные пряжки, свободно циркулировали на западных территориях.

Отмечалось, что на территории Польши предметов восточнохристианского культа и их реплик найдено меньше, чем в Скандинавии. По мнению исследователя, их происхождение из женских погребений лишь подтверждает общую идею о том, что христианизация имела четкие гендерные ориентиры. Несколько странно воспринимался доклад П. Балкарек (Олмоуц) «Пути проникновения византийских идей». Здесь он отнес известные в великоморавских памятниках амулеты в форме книг к иудейским филиakterиям, а энколпионы с тройной композицией, традиционно относимые к X в., датировал VI в. и соотнес с теопасхизмом. Значимым и интересным был доклад А. Захаровой (Москва) «Между Синаем и Петербургом: прибытие Синайского кодекса в Петербург», в котором с документами в руках доказывалась легальность приобретения кодекса Россией и опровергались сомнения И. Шевченко, высказанные им еще в 1964 г.

Секции «Мирское пространство» и «Сельская жизнь» также содержали археологические доклады. Здесь были прочитаны доклады Г. Ивакина (Киев) «Городское развитие Киева в X–XI вв.», М. Джексон (Ньюкасл) «Материальная культура, архитектура и повседневность в византийской деревне» и В. Калас (Анкара) «Резиденции знати в каппадокийской деревне». В последнем докладе, в частности, рассматривались включение домашнего храма в комплекс ойкоса, а также способы декорирования фасадов домов в регионе в X–XI вв. Среди стендовых докладов надо отметить тексты А. Евдокимовой (Москва) «Греческие граффити Софии Киевской», М. Манго «Раскопки и разведки в Андроне, Сирия: работы Оксфордской экспедиции», К. Снивли (Вашингтон) «Укрепления эпохи Юстиниана городища Големо (Македония)», откуда происходят кресты с циркульным орнаментом, бытовавшие до рубежа VI/VII вв., а также М. Квятковска (Сопот) «Византийский некрополь в Чаталгуюк».

Весьма «археологическим» мероприятием было и новшество конгресса — пленарное заседание «инфраструктур», которое имело особое название «Молодые византилисты — Новости» и было посвящено инновационным проектам и предложениям тех нестарых еще исследователей, которые участвовали в подобном конгрессе впервые. Здесь были зачитаны доклады М. Грюнбарт (Вена) «Библиография византийской материальной культуры и повседневности», с каталогом которой можно ознакомиться в Интернете: <http://lists.univie.ac.at/mailman/listinfo/zephyr>,

М. Джеффрис (Оксфорд), представлявшего не менее интересный проект «Византийские печати — историкам: база данных on-line на 5000 матриц», О. Карагеоргу (Мюнхен) «Византийские фемы и сфрагистика», Г. Метке (Берлин) «Роль архитектурного декора Киликии в изучении ранневизантийской истории», посвященный исследованиям вблизи монастыря Алахан. Автор настоящих строк в докладе «Центр и периферия: материальная культура христианства Византии и Древней Руси X–XV вв. во взаимном освещении» предложил мировому византиноведческому сообществу приобщиться к российским научным возможностям без трудоемкого изучения русского языка. Основу такого приобщения должна составить интенсификация изучения византийского компонента древнерусской материальной культуры. Это позволит не только представить Русь как часть Содружества, но и обрести уникальные памятники византийской культуры, малоизвестные исследователям, и уточнить хронологию византийских древностей. Решение такой задачи лежит на пути создания квалифицированного международного проекта.

Пожалуй, лишь доклад К. Маса и П. Ван Ден (Лувен) «Археология византийского энциклопедизма в Лувене» был связан с археологией только броским названием: речь шла о традиционной текстологии. И. Шевченко, который должен был в заключение этого пленарного заседания выступить с докладом «Старые византилисты и современная византистика», к сожалению, не приехал, в его роли выступал М. Джеффрис. Вообще, молодежи на этом конгрессе было очень много, и то, что она была весьма «археологична», — обнадеживает.

Своеобразным откликом на наше предложение искать Византию на Руси оказался доклад Дж. Шепарда «Точки соприкосновения Руси и Византии: княжеские визиты и византийские мастера», в котором докладчик обратил внимание на то, что не только духовенство, но и миряне были носителями византийской культурной традиции на Руси. Недостаток текстовых свидетельств может быть компенсирован изучением ремесленной деятельности и быта византийцев в Восточной Европе, причем не только в области религиозной культуры, но и гораздо шире. В качестве различных типов широкого и узкого культурного заимствования были приведены русские князья Олег Святославович и Всеволод Юрьевич.

Конгресс завершился эмоциональным выступлением Р. Кормак «Это будущее?», где автор

продемонстрировал процесс «иконизации» современной массовой культуры на вполне византийский манер. Здесь же были подведены итоги очередных выборов. Президентом Международной ассоциации византийских исследований остался профессор П. Шрайнер (Кельн), казначеем стал профессор Сорбонны М. Каплан, а глава болгарских византистов В. Гиезелев анонсировал XXII конгресс, проведение которого намечено на 2011 г. в Софии (Болгария). Заседания секций конгресса проходили в аудиториях Института образования (Bedford Way), находящегося в одном квартале от Британского музея, в залах которого можно было заметить многочисленных участников конгресса, прогуливающих здесь как между заседаниями, так и вместо них.

Конгресс традиционно сопровождали выставки и культурные мероприятия. Одна из них «Путь в Византию. Античные традиции в византийском искусстве» была создана на основе коллекций Эрмитажа, Британского музея и Музея Виктории и Альберта и объединила более 160 экспонатов от V в. до н. э. до XIII в. Выставка организована в комнатах Эрмитажа в Somerset House совместно с Институтом искусств Курто. Ее посещение участниками конгресса сопровождал «Вечер на Темзе», где посещение экспозиции живописи Института сменилось византийскими песнопениями в часовне King's College и демонстрацией нового сайта «Просопография византийского мира». Музыкальная культура христианского Востока была представлена на вечере «Вдохновенное Византией», во время которого в церкви св. Панкратия состоялся концерт традиционной духовной музыки и возникшего под ее влиянием фольклора Армении, Грузии и Ливана под руководством Константина и Матфея Тсауридисов. Библиотека архиепископов Кентерберийских в Ламбетском дворце позволила познакомиться участникам встречи с ее рукописными и старопечатными греческими книгами (www.lambethpalacelibrary.org), некоторые из которых (MS 1187, XI в.) на переплетах сохранили интереснейшие памятники археологии, способные пролить свет на генезис некоторых форм византийских и древнерусских нательных крестов. Состоялся прием в Британской библиотеке, на котором был представлен исследовательский проект, посвященный Синайскому кодексу, а также выставка коллекции икон Велимезиса (*Adoration and passion*, 2006). Появилась специальная выставка в Нумизматической галерее Британского музея «Пересечения: путешествия

и деньги в Византийском мире», галерея TempI выставила греческие и критские иконы, выставку икон XIV–XVI вв. организовал аукцион Christies. В Йоркшире в дни конгресса проходила выставка «Константин — римский император Йорка».

Подводя некоторые итоги, стоит сказать, что, пожалуй, после Москвы лондонский съезд был самым археологичным. И этому во многом, как кажется, способствовала «рука Москвы», пусть и не представленная непосредственными участниками, но словно протянутая из 1991 г. О серьезном «русском следе» в византийской археологии вспомнила в Лондоне М. Манго, упомянув о том, что еще в Софии в 1934 г. Н. Окунев, поддержанный отцом Г. де Джерфанионом, призывал к широкомасштабным городским исследованиям, в том числе и археологическим. Тематика выступлений настоящего конгресса показала растущий приоритет новых методов, связанных со сплошным обследованием византийских микрорегионов неdestructивными способами, и их реальный вклад в изучение социально-политических и экономических проблем, развитие традиционных для археологического византиноведения тем керамического производства и бытовой посуды, а также интерес к решению вопросов погребального обряда. Параллельно чувствовалась обычная неудовлетворенность нынешним состоянием археологических исследований и состоянием невозможности практической кооперации для того, чтобы эту неудовлетворенность изжить. Однако понимание того, что Византия — это не просто высокая духовная культура, но и втоптанная в культурный слой ее материальная ипостась, следы материализации этой культуры, оказывается все более присуще международному сообществу византийских исследований.

Бибиков и др., 1993. — Бибиков М. В., Карпов С. П., Богданова Н. М., Ближнюк С. В., Пономарев Н. М., Шукуров Р. М. XVIII Международный Конгресс византистов // ВВ. 1993. Т. 54.

Византийская идея, 2006. — Византийская идея: Византия в эпоху Комнинов и Палеологов: Сб. науч. тр.: К XXI Междунар. конгрессу византистов (Лондон, 21–26 августа 2006 г.) / Ред. В. Н. Залеская. СПб., 2006.

Византийские очерки, 1961. — Византийские очерки / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1961.

Византийские очерки, 1971. — Византийские очерки: Тр. советских ученых к XIV конгрессу византистов / Отв. ред. З. В. Удальцова, А. П. Каждан. М., 1971.

Византийские очерки, 1977. — Византийские очерки: Тр. советских византистов к XV Междунар. конгрессу византистов / Отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1977.

- Византийские очерки, 1982. — Византийские очерки: Тр. советских ученых к XVI Междунар. конгрессу византистов / Отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1982.
- Византийские очерки, 1991. — Византийские очерки: Тр. советских ученых к XVIII Междунар. конгрессу византистов (8–15 августа 1991 г., Москва) / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1991.
- Византийские очерки, 1996. — Византийские очерки: Тр. российских ученых к XIX Междунар. конгрессу византистов: Посвящается академику Г. Г. Литаврину в честь его 70-летия. М., 1996.
- Византийские очерки, 2001. — Византийские очерки: Тр. российских ученых к XX Междунар. конгрессу византистов / Отв. ред. Г. Г. Литаврин, И. С. Чичуров. СПб., 2001.
- Византийские очерки, 2006. — Византийские очерки: Тр. российских ученых к XXI Междунар. конгрессу византистов: Византийская библиотека: Исследования / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. СПб., 2006.
- Византия и византийские традиции, 1996. — Византия и византийские традиции: К XIX Международному конгрессу византистов (Копенгаген, 18–24 августа 1996 г.): Сб. науч. трудов / Ред. В. Н. Залеская. СПб., 1996.
- XVIII Международный конгресс византистов, 1991. — XVIII Международный конгресс византистов // Журнал Московской Патриархии. М., 1991. № 11.
- Карпов, Фонкич, 1977. — Карпов С. П., Фонкич Б. Л. XV Международный конгресс византистов // ВИ. 1977. № 4.
- Лидов, 1999. — Лидов А. М. Доклады по истории искусства на XIX Международном конгрессе византиноведческих исследований в Копенгагене // ВВ. 1999. Т. 58.
- Литаврин, 1997. — Литаврин Г. Г. XIX Международный конгресс византиноведческих исследований // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 1997. № 3.
- Литаврин и др., 1999. — Литаврин Г. Г., Бибииков М. В., Карпов С. П., Романчук А. И. Краткое обозрение итогов XIX Международного конгресса византиноведческих исследований (Копенгаген, 18–25 августа 1996 г.) // ВВ. 1999. Т. 58.
- Литаврин и др., 2003. — Литаврин Г. Г., Бибииков М. В., Шукуров Р. М., Захарова А. В., Казарян А. Ю., Стерлигова И. А., Герд Л. А., Талызина А. А. Обозрение итогов XX Международного конгресса византиноведческих исследований (Париж, 19–25 августа 2001 г.) // ВВ. 2003. Т. 62 (87).
- Пигулевская, 1959. — Пигулевская Н. В. XI Международный конгресс византистов в Мюнхене // ВИ. 1959. № 8.
- Пигулевская, 1967. — Пигулевская Н. XIII Византийский международный конгресс в Оксфорде 5–10 сентября 1966 г. // Палестинский сборник. Л., 1967. Вып. 17 (80).
- Пилигримы, 2001. — Пилигримы: историко-культурная роль паломничества: К XX Междунар. конгрессу византистов (Париж, 19–25 августа 2001 г.): Сб. науч. трудов / Ред. В. Н. Залеская. СПб., 2001.
- Резюме сообщений, 1991. — Резюме сообщений XVIII Международного конгресса византистов (Московский государственный университет, 8–15 августа 1991 г.). М., 1991. Т. 1–2.
- Романчук, 1996. — Романчук А. И. Два сюжета из истории Херсона или проблема традиционных датировок археологических источников // Византийские очерки: Тр. российских ученых к XIX Междунар. конгрессу византистов: Посвящается академику Г. Г. Литаврину в честь его 70-летия. М., 1996.
- Романчук, Шандровская, 1995. — Романчук А. И., Шандровская В. С. Введение в византийскую археологию и сфрагистику. Екатеринбург, 1995.
- Хрушкова, 1998. — Хрушкова Л. Г. О Международных конгрессах по христианской археологии // РА. 1998. № 1.
- Хрушкова, 2002. — Хрушкова Л. Г. Раннехристианская и византийская археология: книги последних лет // ВВ. 2002. Т. 61 (86).
- Actes, 1935–1936. — Actes du IVe Congrès international des études byzantines (Sofia, septembre 1934) / Publ. sous la réd. de Bogdan D. Filov. Sofia, 1935–1936 (Bulletin de l'Institut archéologie Bulgare; Vol. 9–10).
- Actes, 1950. — Actes du VIIe Congrès des Etudes Byzantines (Bruxelles, 1948) // Byzantion. Bruxelles, 1950. T. 20.
- Actes, 1976. — Actes du XIVe Congrès International des Études byzantines (Bucarest 6–12 sept. 1971). Bucarest, 1976.
- Adoration and passion, 2006. — Adoration and passion. Icons from the Velimezis collection: (Sir John Ritblat Treasures of the British Library Gallery: 21 August–21 September 2006) / British Library; Benaki Museum; [preface Nano Chatzidakis]. Athens, 2006.
- Atti, 1939, 1940. — Atti del V Congresso Internazionale di Studi Bizantini: (Rome 20–26 set. 1936). Rome, 1939, 1940. Vol. 1–2.
- Atti, 1953. — Atti dello VIII Congresso internazionale di studi bizantini: (Palermo, 3–10 aprile 1951) // Studi Bizantini e Neoeellenici; 7–8. Roma: Associazione nazionale per gli studi bizantini, 1953. Vol. 1: Filologia, letteratura, linguistica, storia, numismatica; Vol. 2: Agiografia, archeologia, arte, diritto, liturgia, musica.
- Bouras, 1982. — Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien, 1982. Bd 31/2.
- Byzantine Constantinople, 2001. — Byzantine Constantinople: Monuments, topography and everyday life / Ed. N. Necipoğlu // The Medieval Mediterranean. Leiden; Boston; Köln, 2001. No. 33.
- Byzantine Hours, 2001. — Byzantine Hours: Works and Days in Byzantium: The City of Mistras. Athens, 2001.
- Byzantium. ... Index of Colloquia. Abstracts of Communications. Index of authors, 1996. — Byzantium. Identity, Image, Influence: XIX International Congress of Byzantine Studies (University of Copenhagen, 18–24 August 1996): Index of Colloquia. Abstracts of Communications. Index of authors. Copenhagen, 1996.
- Byzantium. ... Major papers, 1996. — Byzantium. Identity, Image, Influence: XIX International Congress of Byzantine Studies (University of Copenhagen, 18–24 August 1996): Major papers. Copenhagen, 1996.
- Compte-rendu, 1925. — Compte-rendu du 1er Congrès International des Études Byzantines, Bucarest 1924 / Éd. C. Marinescu. Bucarest, 1925.
- Compte-rendu, 1929. — Compte-rendu du 2ème Congrès International des Études Byzantines (Belgrade, 1927) / Éd. D. Anastasijevic, Ph. Granic. Belgrade, 1929.
- Compte-rendu, 1932. — Compte-rendu du 3ème Congrès International des Etudes Byzantines (Athènes, 1930) / Anastasios Orlandos. Athènes, 1932.
- Constable, 1983. — Constable G. Dumbarton Oaks and Byzantine field work // Dumbarton Oaks Papers. 1983. Vol. 37.
- Crawford, 1990. — Crawford J. S. The Byzantine shops at Sardis // Archeological exploration of Sardis / Ed. G. M. Hanfman, J. A. Scott. Harvard, 1990. Monographs 9.
- Dark, 2001. — Dark K. Byzantine Pottery. Gloucestershire, 2001.
- Davidson, 1952. — Davidson G. R. The Minor objects // Corinth: Results of excavations. Princeton, 1952. Vol. 12.
- Février, 1989. — Février P. A. Une archéologie chrétienne pour 1986 // Actes du XIe Congrès international d'Archéologie Chrétienne (Lyon-Aoste, 21–28 sept., 1986). Rome, 1989. V. 1.
- Foss, 1976. — Foss C. Byzantine and Turkish Sardis. London, 1976 (Archeological exploration of Sardis; Monograph 4).
- Gough, 1985. — Gough M. Alahan. An Early Christian Monastery in Southern Turkey. Toronto, 1985.
- Guillou, 1982. — Guillou A. Technology: XVI Internationalen Byzantinistenkongress (Wien, 4–9 October 1981). Akten, I-1 // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien, 1982. Bd 31/1.
- Harrison R. M., 1986. — Harrison R. M. Excavation at Sarachane in Istanbul. Princeton, 1986. V. 1: The Excavation, structures, architectural decoration, Small Finds, coins, bones, and Molluscs.
- Hayes, 1972. — Hayes J. Late Roman Pottery. London, 1972.
- Laskaris, 2000. — Laskaris N. G. Monuments funéraires paléochrétiennes (et byzantins) de Grèce. Athènes, 2000.
- Lebedeva, 2006. — Lebedeva G. The Academic F. I. Uspenskiy and Second International Congress of Byzantine Studies (1927) // Proceeding of the 21st International Congress of Byzantine Studies (London, 21–26 August, 2006). Aldershot, 2006. Vol. 3: Abstracts of communications.

- Les reliques de la Passion, 2004. — Les reliques de la Passion: Table ronde du XXe Congrès international des études byzantines, Paris, 2001 / Ed. J. Durand, B. Flusin. Paris, 2004 (Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies 17).
- Mango, 2003. — *Mango M.M.* The centre in and beyond the periphery: material culture in the early Byzantine Empire // *Byzantina-Metabyzantina: La périphérie dans le temps et l'espace.* Paris, 2003.
- Miakotine, 1961. — *Miakotine H.* Le congrès d'Ohrid (études byzantines) // *Cahiers du monde russe.* 1961. Vol. 2/4.
- Moore, 1993. — *Moore J.* Tille Hoyok 1. The medieval Period. Oxford, 1993.
- Nystazopolou-Pelekidou, 2006. — *Nystazopolou-Pelekidou M.* L'histoire des Congrès Internationaux Byzantines une première approche // *Proceeding of the 21st International Congress of Byzantine Studies* (London, 21–26 August, 2006). Aldershot, 2006. Vol. 3: Abstracts of communications.
- Oikonoimidis, 1990. — *Oikonoimidis N.* Contents of the Byzantine House from the Eleventh to the Fifteenth Century // *Dumbarton Oakes Papers.* 1990. Vol. 44.
- Pré-actes, 2001. — Pré-actes: XXe Congrès international des Études byzantines (Collège de France — Sorbonne, 19–25 août 2001). Paris, 2001. Vol. 1: Séances plénières; Vol. 2: Tables rondes; Vol. 3: Communications. Index.
- Proceeding, I–III, 2006. — *Proceeding of the 21st International Congress of Byzantine Studies* (London, 21–26 August, 2006). Aldershot, 2006. Vol. 1: Plenary papers; Vol. 2: Abstracts of panel papers; Vol. 3: Abstracts of communications.
- Programme, 1948. — Programme du VIe Congrès International des Études Byzantines (Paris, 27 juil–2 août 1948). Paris, 1948.
- Résumés, 1940. — Résumés des rapports et communications du VIe congrès international des Études Byzantines (Alger, 1939) / Préf. Gabriel Millet. Paris, 1940.
- Sanders, 2004. — *Sanders G.D.R.* Problems in Interpreting Rural and Urban Settlement in Southern Greece AD 365–700 // *Landscape of Change. Rural Evolutions in Late Antiquity and the Early Middle Ages* / Ed. N. Christie. Aldershot, 2004.
- Secular Buildings, 2004. — *Secular Buildings and the Archeology of Everyday Life in the Byzantine Empire* / Ed. K.R. Dark. Oxford, 2004.
- Sodini, 1993. — *Sodini J.P.* La contribution de l'archéologie a la connaissance du monde byzantin (IVème–VIIème siècles) // *Dumbarton Oakes Papers.* 1993. Vol. 47.
- Talbot Rice, [1967]. — *Talbot Rice T.* Everyday life in Byzantium. London; New York, [1967].
- The Archeology of Medieval Greece, 1996. — *The Archeology of Medieval Greece* / Ed. P. Lock, G. Sanders. Oxford, 1996.
- Urban centers, 2001. — *Urban centers and Rural Contexts in Late Antiquity* / Ed. T.S. Burns, J.W. Eadie. East Lansing, 2001.
- Vroom, 2003. — *Vroom J.* After antiquity: ceramics and society in the Aegean from the 7th to the 20th century A.C.: a case study from Boeotia, Central Greece. Leiden, 2003.
- Vroom, 2005. — *Vroom J.* Byzantine to modern pottery in the Aegean: 7th to 20th century: an introduction and field guide. Utrecht, 2005.
- Waldbaum, 1983. — *Waldbaum J.C.* Metalwork from Sardis: The finds through 1974 // *Archeological exploration of Sardis* / Ed. G.M. Hanfman, J.A. Scott. Harvard, 1983. Monographs 8.
- Zanini, 1994. — *Zanini E.* Intruduzione all'archeologia bizantina. Roma, 1994.

А. Е. Мусин
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН
Отдел славяно-финской археологии

СЕМИНАР «ВОЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ»

В последние десятилетия XX в. отечественная и мировая наука накопила значительный массив информации по вооружению, снаряжению и военному искусству древности и средневековья. Привлекались всевозможные группы источников от вещественных (археологических, антикварных), изобразительных, письменных до этнографических. Для сбора информации и ее исследования были разработаны и применены различные специализированные методики. Помимо общих археологических приемов собирания, фиксации и изучения данных особое развитие получила оружиеведческая классификация. Отдельного подхода потребовали и изобразительные источники в ходе привлечения их к оружиеведческому анализу. Начиная с 1990 г. большое распространение получила так называемая «экспериментальная археология», связанная с точной научной реконструкцией предметов с последующим их опытным апробированием.¹

Можно констатировать несомненный исследовательский интерес к проблематике военной истории. С начала XIX в. отечественные ученые то и дело обращались к данной тематике. Пожалуй, первой работой по истории средневекового вооружения в России можно признать исследование хрестоматийно известного шлема из Лыкова, предпринятое Президентом Санкт-Петербургской Академии художеств А. Н. Олениным.² Вслед за ней последовали работы таких авторов, как А. В. Висковатов, Н. Е. Бранденбург, Э. Э. Ленц, В. В. Аренд и др. Позднее в СССР целый ряд исследователей занялся разработкой

военно-исторической тематики древностей и средних веков. Нельзя не упомянуть некоторых из них: А. В. Арциховский (оружие и археология), А. Ф. Медведев (лук и стрелы), А. Н. Кирпичников (древнерусское вооружение и военное дело), П. А. Раппопорт (оборонительное зодчество), Л. И. Тарасюк (огнестрельное оружие), В. В. Мавродин, Ю. А. Нацваладзе (европейское и русское огнестрельное оружие), А. Н. Кулинский, Ю. А. Миллер (европейское, русское и азиатское строевое, охотничье и декоративное оружие и снаряжение) и др. На настоящий момент представляется возможным говорить о сложении определенной традиции русской оружиеведческой науки. Работы отечественных исследователей охватывают широчайший тематический диапазон как в географических, так и временных рамках. Ведется тесное сотрудничество с зарубежными коллегами, чей опыт и творческие разработки всесторонне изучаются и привлекаются к работе.

Помимо профессиональных историков и археологов указанная тема привлекает значительное число любителей и энтузиастов по всей стране. Из-под их пера выходят работы различного объема и содержания, которые укладываются в общий контекст отечественной науки и отвечают ее высоким стандартам. Определенная часть таких любителей собственными усилиями создает общественные организации, занимающиеся «экспериментальной археологией» и исторической реконструкцией на самом серьезном уровне. Сферой приложения их творческих усилий является воссоздание предметов воинского обихода, вооружения, снаряжения, бытовых принадлежностей, а также приемов боя европейских и азиатских народов. Начиная с 80-х гг. XX в. было создано более 200 подобных обществ, многие из которых оказывают неоценимую помощь профессиональным историкам, предоставляя качественную экспериментальную базу и обеспечивая

¹ В Западной Европе и США подобные опыты известны с XIX в. Они получили повсеместное распространение с 1960–1970 гг.

² Данный шлем хранится в Оружейной палате Московского Кремля. Относится к концу XII–XIII в. и приписывается историографической традицией князю Ярославу Всеволодовичу.

музейные экспозиции научно обоснованными реконструкциями разнообразных предметов: от одежды и аксессуаров до доспехов и элементов вооружения. Например, при поддержке общественных организаций «Меченосец» (Санкт-Петербург), «Крепость» (Тула), «Ратник» (Москва), «Княжеская дружина» (Санкт-Петербург) были сформированы экспозиции музея-заповедника «Куликово поле», музея «Ландскрона. Невское устье. Ниеншанц» (Санкт-Петербург), а также многих временных археологических выставок в Государственном Эрмитаже, ГИМе, и др.

Кроме того, любители военной истории, даже не вовлеченные в процесс изучения предмета непосредственно, создают определенное «информационное поле», необходимое для результативной работы. Чрезвычайно широкий положительный резонанс в обществе имеют военно-исторические фестивали — массовые слеты участников движения реконструкции, проводимые по всей стране, посвященные различным эпохам и знаменательным датам отечественной истории. В ходе данных мероприятий происходит непосредственная апробация реконструированных археологических и исторических комплексов вооружения, снаряжения и бытовых принадлежностей. Помимо возможной научно-практической ценности такие фестивали неизменно являют собой красочные зрелища, служащие популяризации родной истории и воспитанию патриотизма в обществе.

В Российской империи успешно функционировало Военно-историческое общество, которое организовывало профессионалов и любителей, объединяя и координируя их усилия. В советское и постсоветское время предпринимались попытки возродить данное течение в науке. Собирались конференции и симпозиумы историков военного дела самого разного уровня, от региональных и всесоюзных до международных. Знаковая конференция такого рода имела место в Санкт-Петербурге в 1998 г. Она носила название «Военная археология» и проводилась на базе ИИМК

РАН и Государственного Эрмитажа. В 2005 г. в Санкт-Петербурге по распоряжению Президента РФ В. В. Путина была успешно проведена международная научно-практическая конференция «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем». В ней участвовали 450 специалистов и слушателей.

Над проблемой объединения и организации военных историков продуктивно работают некоторые семинары и круглые столы, проводимые в различных регионах страны. К сожалению, все эти мероприятия носят достаточно нерегулярный или локальный характер и не могут обеспечить желаемый уровень упорядоченности организации в общегосударственных рамках.

По возможности активизировать решение данной проблемы призван семинар «Военная археология», который проводится с декабря 2002 г. на базе ИИМК РАН (руководитель А. Н. Кирпичников, научный секретарь К. А. Жуков). Помимо решения чисто научных задач семинар должен исполнить важную организационную роль. Его целью является объединение усилий упомянутых организаций в нашей стране. Высшим выражением такого объединительного процесса можно было бы считать создание регулярной конференции с привлечением коллег из Белоруссии, Украины, Молдавии и т. д., а также из-за рубежа. В конечном счете планируется учредить, а точнее возродить, Всероссийское Военно-историческое общество. Подобные общества результативно работают в Англии, Скандинавии, США. Необходимо также регулярное единое печатное издание с возможным названием «Вестник исторического оружиеведения», об актуальности которого А. Н. Кирпичников писал еще в 1972 г. Особенно важны перечисленные мероприятия для отечественной науки, единое поле которой оказалось грубо разорванным после расчленения Советской державы в 1991 г.

Научные задачи, стоящие перед семинаром «Военная археология», перечислены в его программе, которую мы приводим полностью.

Программа межрегионального научно-практического семинара по проблемам истории вооружения и военного дела, проводимого на базе Института истории материальной культуры Российской Академии наук

В плане реализации целей и задач научно-практического семинара по проблемам истории вооружения и военного дела, проводимого на базе ИИМК РАН, рассмотрению и исследованию подлежат следующие темы в рамках всемирной, особенно русской, истории.

1. Теория изучения защитного и наступательного вооружения и боевых вспомогательных средств (понятийный

аппарат оружиеведения и военной археологии — типология и терминология).

2. Комплексное изучение оборонительного и наступательного вооружения и вспомогательных средств.

3. История развития конструкции, технологии изготовления и художественного оформления холодного оружия.

4. Введение в научный оборот новообнаруженных предметов воинского снаряжения.
5. Метательное оружие, его возникновение, конструктивные особенности, технология изготовления и художественное оформление.
6. История развития ручного огнестрельного оружия и артиллерии.
7. Эволюция защитного снаряжения и технологии его изготовления и отделки.
8. История снаряжения верхового коня.
9. Развитие фортификационного искусства.
10. Эволюция осадной и метательной техники.
11. История развития тактики, стратегии и принципов комплектации войск.
12. Эволюция родов войск.

Результаты, полученные в итоге изучения вышеперечисленных тем, будут опубликованы под эгидой ИИМК РАН. Заседания семинара, некоторые совместно с Отделом славяно-финской археологии ИИМК РАН, проходят два-четыре раза в год. Они привлекают широкий круг ученых, членов военно-исторических обществ и всех интересующихся историей военного дела. В ходе работы семинара его участники разработали ряд актуальных научных тем, что выразилось в публикации ряда статей в периодических изданиях, сборниках и материалах конференций. Отметим, что аспирант ИИМК РАН, научный сотрудник отдела археологии ГИМа О. В. Двуреченский написал кандидатскую диссертацию:

13. Военная геральдика.
14. История развития костюма и тюрники военного сословия.
15. Оценка поражающей способности оружия и защитных качеств оборонительного снаряжения.
16. Эволюция военного флота и конструкция боевых судов.
17. История применения боевых средств.
18. Быт и психология военного сословия на основании письменных, вещественных и этнографических источников.
19. История художественно оформленного оружия.
20. История оружия как символического атрибута.
21. История происхождения и бытования нестандартных предметов вооружения и оружейных систем, экспериментального оружия и оружия необычных конструкций.
22. История оружейных коллекций и отдельных предметов из различных оружейных собраний.

«Наступательное вооружение Московского государства XV–XVII вв.». Другая диссертация, также выполняемая в рамках аспирантуры ИИМК РАН, «Русское защитное снаряжение XIII–XV вв.» (К. А. Жуков) находится в стадии завершения. При непосредственной поддержке семинара были успешно завершены две монографии: К. А. Жуков. «Итальянский доспех раннего Ренессанса»; Д. С. Коровкин. «Европейское гражданское платье XIV в.».

Семинаром выдвинута инициатива проведения Международной конференции «Военное дело России и соседей в прошлом, настоящем и будущем» или «Проблемы военной безопасности России в прошлом, настоящем и будущем».

*А. Н. Киртичников
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН
Отдел славяно-финской археологии
К. А. Жуков
Россия, Санкт-Петербург*

ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕРСОНЕСА И ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ В 1860 г.

А. В. Шаманаев, А. Е. Мусин¹

К 150-летию Императорской Археологической Комиссии

Императорская Археологическая Комиссия (ИАК) сыграла огромную роль в деле изучения и сохранения историко-археологического наследия Российской империи вообще и Северного Причерноморья в частности. В течение длительного времени приоритетами ИАК были античные памятники Керченского полуострова (*Тункина*, 2002. С. 255; *Федосеев*, 2005. С. 160–167). В конце 1880-х гг. Комиссия начала реализацию одного из самых масштабных исследовательских проектов царской России — исследования Херсонеса Таврического. В июне 1887 г. по повелению императора Александра III контроль над раскопками памятника был передан ИАК совместно с Одесским обществом истории и древностей (ООИД) (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 4, д. 110, л. 446–447), но уже в 1888 г. Комиссия получает право самостоятельного руководства исследованиями и охраной памятника (*Бобринский*, 1905. С. 178; *Тихонов*, 2004. С. 104; ГАГС. Ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 286–288; *Мусин*, 2006. С. 75–78).

В фондах Государственного архива города Севастополя (Крым, Украина) сохранилась коллекция документов, характеризующая историю изучения Херсонесского городища в период 1850–1880-х гг. Она входит в фонд Херсонесского мужского монастыря св. кн. Владимира (ГАГС. Ф. 19, оп. 1), в составе которого находится

69 дел за период с 1853 по 1919 г. (*Шаманаев*, 2004. С. 251–261). Эти материалы представляют большой интерес не только в контексте исследований данного памятника, но и как источник по истории российской археологии. В составе собрания имеются два документа, свидетельствующие о внимании председателя ИАК графа С. Г. Строганова к раскопкам, осуществлявшимся на Херсонесском городище. Следует отметить, что документы относятся к 1860 г., то есть к началу периода существования ИАК.

Первый документ представляет собой официальный запрос за подписью С. Г. Строганова, адресованный настоятелю монастыря св. кн. Владимира в Херсонесе игумену Евгению (Отмарштейну) (ГАГС. Ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 4–4 об.). Второй является проектом ответа настоятеля (Там же, л. 5). Особый источниковедческий интерес эти документы представляют при их сравнении с материалами дела из фонда ИАК, связанными с изучением Херсонесского городища на рубеже 1850–1860-х гг. (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1860, д. 33, л. 1–6). Здесь наличествуют не только проект запроса С. Г. Строганова и официальный ответ настоятеля монастыря, но и предыстория этой переписки. Она представлена письмом министра Императорского двора В. Ф. Адлерберга на имя председателя ИАК и последовавшим ответным рапортом С. Г. Строганова на имя министра. В деле также находится план церкви и зданий, открытых раскопками на центральной площади Херсонеса к 1861 г. Этот план с рукописными пометами, присланный непосредственно в ИАК игуменом Евгением, содержит уникальные указания на не учтенные в исследованиях детали храмового убранства

¹ Шаманаев А. В. — Россия, 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. Уральский государственный университет. Исторический факультет. Кафедра археологии, этнологии и специальных исторических дисциплин.

Мусин А. Е. — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

© А. В. Шаманаев, А. Е. Мусин, 2010

и топографические подробности Херсонесского акрополя.

Херсонесский монастырь с момента своего основания в качестве киновии был связан с городищем не только топографически. Создание обители на месте легендарного крещения князя Владимира Святого осуществлялось в рамках программы возрождения православных святынь Крыма, инициированной архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием (в миру Иван Алексеевич Борисов, 1800–1857). История этого проекта и многосторонняя деятельность его автора, возглавлявшего епархию в 1848–1857 гг., неоднократно становилась предметом исследований (*Востоков*, 1879. С. 668–708; *Тункина*, 2002, С. 523–530; *Бабинов*, 2005).

Архиепископ Иннокентий изначально проявлял большой интерес к древностям Крыма. Осенью 1849 г. он представил наместнику на Кавказе князю М. С. Воронцову (1782–1858), бывшему в 1823–1844 гг. генерал-губернатором Новороссийского края и наместником Бессарабской области, «Записку о восстановлении древних святых мест по горам Крымским», дабы тот содействовал ее продвижению в правительстве (*Востоков*, 1879. С. 682–683). Главная цель создания этого «Русского Афона» заключалась в том, чтобы поддержать «особенно в глазах иноверцев честь веры христианской и самого правительства». Кроме того, планировалось сохранить от разрушения «места, по многим причинам стоящие внимания всякого просвещенного человека» (*Гроздов*, 1888а. С. 88). В число этих памятников были включены руины четырех церквей на территории Херсонеса. Так как вопрос о строительстве собора в память крещения князя Владимира на Центральном холме в Севастополе был решен еще в 1843 г., архиепископ Иннокентий предлагал построить на древнем городище лишь небольшую церковь «в византийском стиле» (Там же. С. 90–91).

План восстановления христианских древностей Крыма получил поддержку правительства, и 4 мая 1850 г. последовал указ, по которому епархиальному начальству разрешалось основать Успенский скит в окрестностях г. Бахчисарая и постепенно создавать киновии в других местностях, названных в «Записке» (Там же. С. 90–91). Весной 1852 г. было получено разрешение императора Николая I на передачу земельного участка Херсонесского городища под создание храма, что позволило основать киновию и приступить к строительству небольшой церкви во имя св. кн.

Ольги, освященной 23 февраля 1853 г. (*Гроздов*, 1888 б. С. 76–77; *Тункина*, 2002. С. 525).

При составлении проекта воссоздания святых мест в Крыму архиепископ Иннокентий предполагал, что одним из направлений деятельности монашествующих может стать собирание «исторических преданий» и описание древностей (*Гроздов*, 1888а. С. 96). Херсонесское городище предоставляло широкие возможности для такого рода деятельности. Необходимо учитывать и то, что к середине XIX в. сложилось устойчивое представление о локализации средневекового Херсона на этом месте, в отличие от города античного времени, который связывали с археологическими памятниками на Гераклеяском полуострове. Кроме того, были опубликованы многочисленные описания памятника и некоторые исследования его истории (см.: *Маркевич*, 1888. С. 116–129; *Гриневич*, 1927. С. 9–40; *Сорочан и др.*, 2000. С. 16–38).

В 1852 г. настоятель киновии, прибывший с Афона игумен Василий (Юдин, † 1856), получил от архиепископа Иннокентия поручение организовать археологические раскопки на территории городища. Цель работ, проводившихся в летние месяцы 1852 и 1853 гг., заключалась в поиске остатков церкви Богородицы, в которой, согласно Повести временных лет, состоялось крещение князя Владимира (*Тункина*, 2002. С. 526). Такая цель исследования была обусловлена не только слишком прямолинейным сопоставлением данных письменных и археологических источников. Херсонесское городище находилось на удалении от городской черты. В начале 1870-х гг. это была пустынная местность, где монастырские постройки были почти единственными зданиями (*Ливанов*, 1874. С. 3–4). Такая обособленность препятствовала привлечению паломников в обитель. В этих обстоятельствах епархиальному руководству становилось особенно важным установить связь предания о крещении Владимира с конкретным объектом, даже в условиях отсутствия твердого научного основания. Стоит заметить, что для массового сознания материальное воплощение религиозно-идеологических образов и установок всегда оказывается более привлекательным, чем их научная аргументация.

Раскопки игумен Василий производил в центральной части городища. В июле 1852 г. на этих работах присутствовал Н. Н. Мурзакевич (1806–1883), один из основателей ООИД, в то время его секретарь, специально прибывший из Одессы. Участие в исследованиях принимал

также З. А. Аркас (1793–1866), морской офицер, который с 1845 г. занимался изучением и охраной городища (*Гриневиц*, 1927. С. 14–16). Итоги раскопок были отражены в донесении настоятеля киновии архиепископу Иннокентию, а художник И. Н. Медведев и архитектор А. Авдеев составили план выявленных остатков построек (*Авдеев*, 1859. С. 206–217; *Айналов*, 1905. С. 55, 57, рис. 42), однако нарушение пропорций и неудовлетворительность экспликации не позволяют превратить его ныне в полноценный исторический источник. Найденные объекты были интерпретированы как руины церкви Богородицы и дома (дворца), в котором, согласно легенде, останавливалась будущая супруга князя Владимира — Анна. Кроме того, в 1853 г. лейтенант Шемякин при участии графа А. С. Уварова провел исследования остатков большой базилики, известной сейчас как «Уваровская» (*Уваров*], 1855. С. 129–173). Прекращение раскопок было вызвано отсутствием финансирования и началом Крымской войны 1854–1856 гг. (*Тункина*, 2002. С. 526–527).

В результате военных действий здания киновии и церкви св. Ольги были разрушены, серьезный ущерб был нанесен и культурному слою городища от траншей и батарей, устроенных французскими войсками (*Крестьянников*, 2005. С. 69). В 1857 г. был освящен новый храм во имя Семи Священномучеников Херсонесских, а 18 марта 1861 г. возрожденная киновия была возведена в ранг первоклассного монастыря. Настоятелем монастыря был назначен произведенный в игумены иеромонах Архиерейского дома, впоследствии архимандрит Евгений (Отмарштейн), из принявших православие шведов, руководивший обителью с 1857 по 1874 г. Именно он в 1860 г. и был адресатом С. Г. Строганова (*Анфим (Казимиров)*, 1877. С. 428).

Дальнейшая история раскопок городища и участие в них монашествующих были связаны с началом строительства собора во имя св. кн. Владимира. Идея, зародившаяся еще в 20–30-х гг. XIX в. и поддерживавшаяся архиепископом Иннокентием, получила наконец одобрение правительства. В начале 1858 г. Александр II разрешил строительство храма на территории Херсонесского городища (*Лашков*, 1888. С. 10).

Подготовительные работы начались летом 1858 г., а через год был образован Комитет по строительству, в состав которого вошел и игумен Евгений. Проект, разработанный академиком архитектуры Д. И. Гриммом (1823–1898),

предусматривал строительство собора по образу церкви свв. Сергия и Вакха в Константинополе. В нижнем помещении двухэтажного храма должен был быть сохранен фундамент крестовидного храма, открытого в 1827 г. лейтенантом К. Крузе и доследованного в 1852–1853 гг. (*Мурзакевич*, 1863. С. 996–997; *Шевякова*, 2006. С. 62–63).

В связи с началом строительства собора игумен Евгений провел в 1860–1861 гг. новые раскопки на площади, предназначенной для возведения храма. К сожалению, сведений о них сохранилось мало. Н. Н. Мурзакевич, посетивший Херсонес в октябре 1860 г., видел результаты исследований, о чем доложил на заседании Одесского общества истории и древностей (*Тункина*, 2002. С. 533). Позже он опубликовал в «Записках» ООИД план исследованного участка с подписью «План местности, расчищенной под площадь сооружаемого храма св. равноапостольного князя Владимира в Херсонессе, с показанием старых частей прежде существовавших зданий», который, согласно тексту публикации, был «доставлен» Обществу его «действительным членом» игуменом Евгением (*Мурзакевич*, 1863. Табл. 6, с. 996–997) (рис. 1). Однако опубликованный им план отнюдь не тождествен тому, который был прислан отцом игуменом в ИАК, ибо последний содержит существенные подробности, которые проанализированы ниже.

В публикуемом письме министра Императорского двора графа В. Ф. Адлерберга от 26 ноября 1860 г., а также в отношении председателя ИАК С. Г. Строганова на имя игумена Евгения от 3 декабря 1860 г. упоминается, что настоятель открыл в ходе раскопок «одну улицу», «множество фундаментов и отчасти стен, одну молитвенную храмину при усыпальнице, где на стенах сохранилась живопись, много древних монет, крестов и икон» (ГАГС. Ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 4; НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1860, д. 33, л. 1–1 об., 3). Согласно письму министра, настоятель просил его о возможности выделения денежного «пособия» для производства археологических изысканий. Эта просьба была передана на усмотрение графа С. Г. Строганова, который для решения вопроса просил отца игумена представить ему информацию о подробностях «сделанных открытий», о цели, на которую предназначается «желаемое... денежное пособие», и о «размере последнего» (ГАГС. Ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 4; НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1860, д. 33, л. 3–3 об.).

Планъ местности расчищенной подъ площадь сооружаемаго храма Св.Равноапостольнаго Князя Владимира въ Херсонессѣ, съ показаніемъ старыхъ частей прежде существовавшихъ зданій.

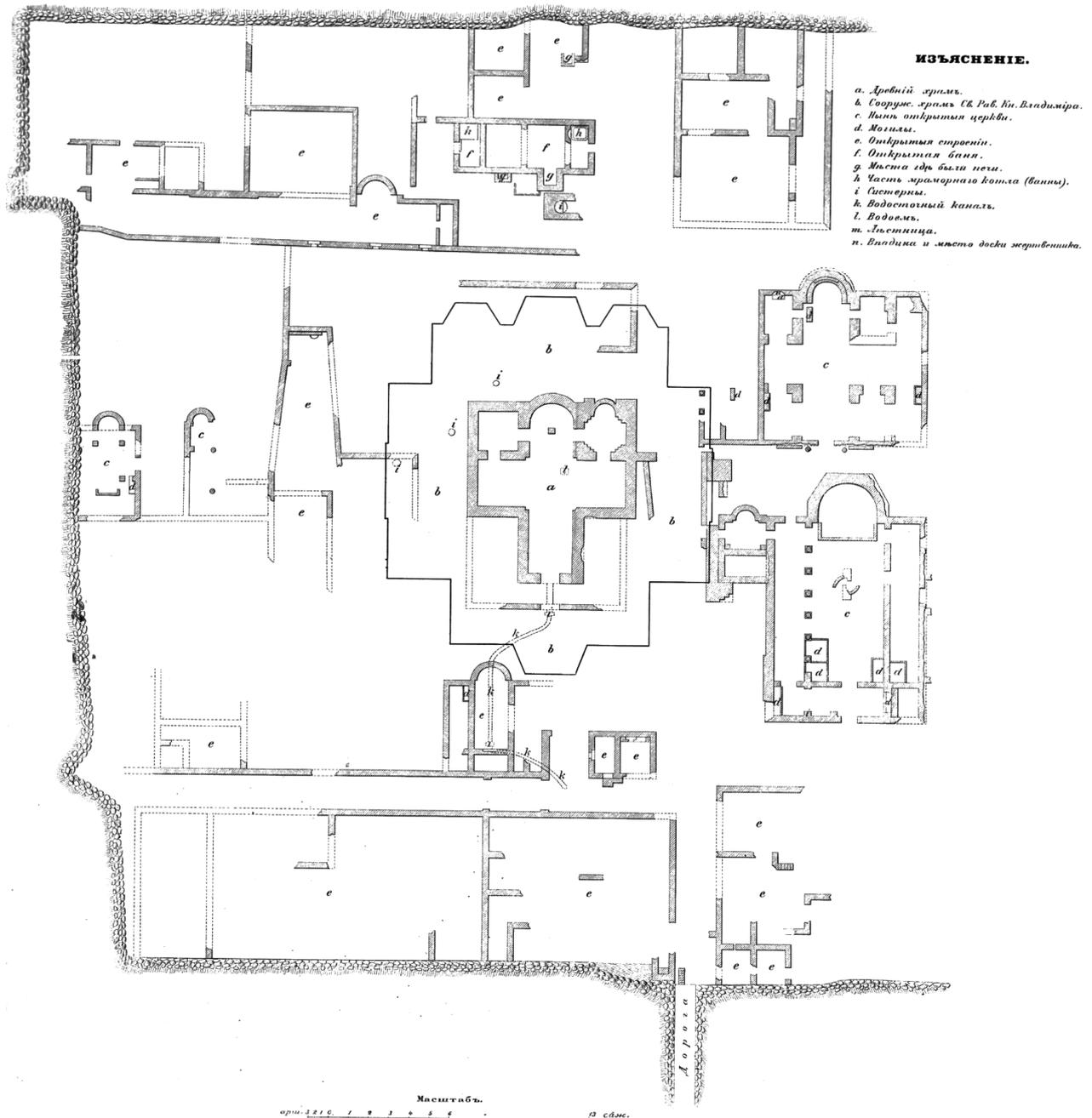

Рис. 1. «Планъ местности, расчищенной подъ площадь сооружаемаго храма св. равноапостольнаго князя Владимира въ Херсонессѣ, съ показаніемъ старыхъ частей прежде существовавшихъ зданій» (Мурзакевич, 1863. Табл. 6)

Fig. 1. Plan of excavation of the central square of Chersonesos published by N. Murzakevich in 1863

В ответе игумена Евгения содержатся краткие сведения о его исследованиях. Из документа явствует, что настоятель монастыря проводил раскопки в течение 10 месяцев. Кроме того, игумен Евгений обещал представить в Санкт-Петербург «список мелких древних вещей». В отношении финансирования раскопок настоятель дипломатично замечает, что «назначать от себя размер пособия произвольно я не имел права», но называет сумму фактически понесенных им расходов — 3708 руб. (ГАГС. Ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 5; НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1860, д. 33, л. 4 об.). Обращает на себя внимание величина затрат на раскопки. По указу 1861 г. о возведении кинобии в ранг монастыря первого класса сумма на его содержание была установлена в 3185 руб. (*Гроздов*, 1888а. С. 103), тогда как ООИД получало из казны ежегодное пособие в размере 1428,57 руб., а расходная часть его бюджета в 1860–1862 гг. составляла от 779,11 до 1819,03 руб. (Отчет... за 1859, 1860. С. 22; Отчет... за 1860, 1861. С. 20; Отчет... за 1861, 1862. С. 14, 20). Можно предположить, что приведенная настоятелем сумма была истрачена не только на сами раскопки, но и на часть строительных работ «нулевого цикла».

Из дальнейшего известно, что ИАК денег на исследования не выделила, хотя С. Г. Строганов и был готов исполнить «желание» игумена о «пособии», и даже размышлял о возможности выделения 300 руб., тем более, что игумена для этих целей рекомендовало ООИД. Монастырские раскопки практически прекратились. Однако состоявшаяся переписка представляет определенный интерес, так как характеризует не только ранний этап исследований Херсонеса, но начальный период деятельности ИАК, руководство которой весьма неохотно откликалось на исследовательские предложения, которые непосредственно не относились к открытиям скифских и античных древностей, да еще были связаны со значительными расходами (*Мусин*, 2007. С. 269–286).

Впрочем, отсутствие всякой дальнейшей заинтересованности со стороны С. Г. Строганова в происходящем в Херсонесе могло быть продиктовано и личными причинами, связанными с игуменской необязательностью. Письмо графа отправлено игумену 3 декабря 1860 г. и получено 20 декабря, однако ответ игумена датирован 26 ноября 1861 г. Получен он был в Петербурге 15 декабря, то есть более чем через год после запроса председателя Комиссии. В черновике письма игумен изначально предполагал

оправдать промедление своим желанием «доставить» графу «более подробное и по опыту верное открытие образков древнего периода» (ГАГС. Ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 5). В тексте письма адресант сохранил лишь ссылку на предпринятые им «обширные раскопки». Именно из-за них он и «считал себя обязанным помедлить ответом, дабы иметь возможность предоставить» председателю ИАК «сведения и подробный очерк всего того, что могло быть найдено». Здесь же отец игумен выражал надежду, что С. Г. Строганов «не поставит» ему «в вину этого промежутка времени, в который археология обогатилась довольно капитальными открытиями» (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1860, д. 33, л. 5). Монашеские надежды почти оправдались, председатель был готов ждать подробностей (Там же, л. 4), но обещанный список найденных при раскопках «древних мелких вещей» так и не был доставлен в Комиссию. К тому же и сам план, не дававший никакого представления о месте раскопа в общей топографии городища, вряд ли удовлетворил интерес председателя ИАК, выраженный в его письме.

Позднее переписка игумена и графа все же продолжилась, но уже совсем по другому поводу (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 17, д. 1, л. 60–62). 18 декабря 1861 г. игумен Евгений отправил С. Г. Строганову письмо, в котором поздравлял с Новолетием и сопровождал поздравление «небольшой просьбой»: передать наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (1843–1865) чертеж высочайше утвержденного проекта храма во имя св. кн. Владимира в Херсонесской обители, «сооружаемого над купелью равноапостольного просветителя России». Второй экземпляр чертежа предназначался для самого графа. С. Г. Строганов уже 10 января 1862 г. отправил в Херсонес любезный ответ. Об археологических делах не было сказано ни слова. Любопытной деталью переписки оказался факт давнего знакомства игумена и графа, настоятель писал о «внимании» со стороны С. Г. Строганова, «руководившего» им «еще от юности».

Впрочем, как уже было отмечено, состоявшаяся переписка способна обогатить наши знания о византийском Херсоне. Наиболее ценным археологическим источником публикуемой переписки является план, присланный в Петербург игуменом Евгением. В своем письме С. Г. Строганов, дабы знать, «на каких местах города» были сделаны открытия, предлагает игумену Евгению представить результаты работ на плане,

составленном З. А. Аркасом (рис. 2),² или ином, какой адресат признает для себя «более удобным» (ГАГС. Ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 4; НА ИИМК РАН, Ф. 1, 1860, д. 33, л. 3 об.; ср.: *Аркас*, 1848. Табл. VII; 1879. Табл. II). Необходимо отметить,

автора вроде бы исключает участие в этом деле З. А. Аркаса — на плане стоит «Строитель храма поручик Вяткин» (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1860, д. 33, л. 6). Правда, план не давал ответа на просьбу С. Г. Строганова, так как не содержал

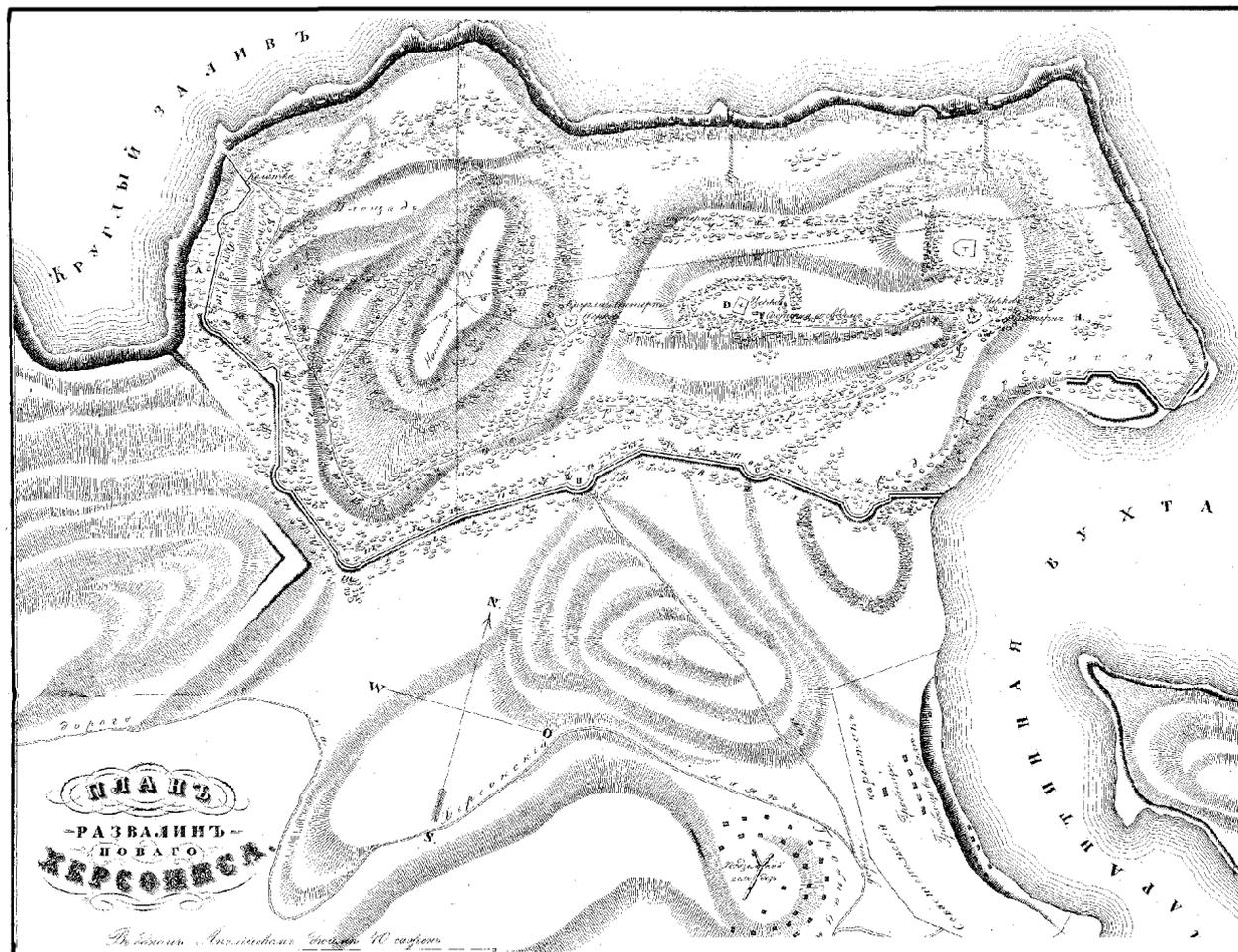

Рис. 2. «План развалин нового Херсониса» (Аркас, 1848. Табл. VII)

Fig. 2. Plan of Chersonesos townsite drawn by Z. Arkas in 1840–1845, published in 1848

что З. А. Аркас входил в состав комиссии по постройке храма св. Владмира (*Золотарев, Ханавев*, 2002. С. 82). В 1852 г. он уже составлял план раскопок в Херсонесе. Можно было бы предположить, что в 1860 г. съемка выявленных объектов осуществлялась под его непосредственным наблюдением. Эти подробности раскопок и должен был прояснить «прилагаемый при сем план открытых развалин, с пояснением на нем всего, заслуживающего уважения», назовем его «план ИАК» (ГАГС. Ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 5; НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1860, д. 33, л. 4 об.). Однако подпись

информации о местоположении раскопа на территории городища.

До сих пор в археологической науке считалось, что опубликованный Н. Н. Мурзакевичем в 1863 г. план является единственной графической фиксацией раскопок 1861 г. Этому мнению весьма способствовал Д. В. Айналов, который писал, что план «доставлен был игуменом Евгением Одесскому обществу истории и древностей и издан Мурзакевичем, Авдеевым, а затем о. П. Лебединцевым, Толстым и Кондаковым» (*Айналов*, 1905. С. 55), что не вполне соответствует действительности. Если публикация в «Русских древностях» действительно повторяет план из «Записок» ООИД, лишенный экспликаций

² План был выполнен З. А. Аркасом в 1840–1845 гг. по приказу адмирала М. П. Лазарева, к которому с соответствующей просьбой обратилась ООИД.

(Толстой, Кондаков, 1891. С. 16, рис. 9), то протоиерей Петр Лебединцев, воспроизводя «план Мурзакевича»,³ решительно отвергает интерпретацию позиции «л» в центре крестообразного храма как «водоема» (рис. 1, л) и справедливо видит в ней «могилу, обделанную каменными плитами» (П.Л., 1889. С. 56–73). Если публикация плана 1861 г. А. Авдеевым остается нам неизвестной,⁴ то сам Д. В. Айналов, печатая «План, составленный по поручению архимандрита о. Евгения Вяткиным в 1861 г.» (Айналов, 1905. С. 59, рис. 44), воспроизводит совершенно иной план, нежели тот, что нам известен из публикаций (рис. 3). Поскольку автор ссылается на «рукописный отчет» К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1891 г. (Там же. С. 57), можно было бы предположить, что этот план заимствован именно оттуда (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1891, д. 20, л. 79–130, особенно л. 119–120). Однако в тексте К. Вяткин не упоминается, а прилагаемый к отчету «план № 1» (НА ИИМК РАН, РА. Р-1, д. 393, л. 2), имеющий название «План площади, раскопанной в 1861 году, дополненный по результатам разведок, проведенных в 1890 и 1891 гг. по распоряжению Императорской Археологической Комиссии», соответствует совершенно иному плану, опубликованному тем же Д. В. Айналовым (Айналов, 1905. С. 58, рис. 43).

Откуда Д. В. Айналовым был взят «план 1861 г.» для своей книги, остается жгучей тайной. «План ИАК» был ему явно не знаком, ибо, описывая базилику № 28 (не упоминая, впрочем, ее порядкового номера), он не учитывает отмеченную на этом плане информацию (Там же.

³ Д. В. Айналов считал, что протоиерей совместил план А. Авдеева и план игумена Евгения (Айналов, 1905. С. 55).

⁴ Предполагаем здесь неточность самого Д. В. Айналова, который не приводит никакой ссылки. Однако ему было известно, что А. Авдеев опубликовал план раскопок крестообразного храма и близлежащих зданий 1852–1853 гг. (Авдеев, 1859. Ст. 206–217). При этом он считал, что на этом плане «паперть и стены перивола» заслуживают «большого доверия», чем на плане 1861 г. (Айналов, 1905. С. 55, 56, рис. 42). Выше мы уже оценили этот план как источник. Как явствует из так и оставшейся неопубликованной рецензии Я. И. Смирнова на эту книгу, опубликованные самим Д. В. Айналовым планы никакого доверия вообще не заслуживают как непрофессиональные и не имеющие органической связи с описанием памятников (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 11, д. 75, л. 7, 9, 26, 27): «Появление книги не снимает с Археологической комиссии обязанности издания наконец в надлежащем, отрецензированном специалистом архитектором виде всех развалин, всех многочисленных церквей, которые раскопки, производимые вот уже около 15 лет под [оставлен пробел] Комиссии, вывели из земли на свет божий и... на быстрое разрушение природой и человеком».

С. 61–63). Однако отличия «плана Айналова» от «плана Мурзакевича» также очевидны. Автор пишет: «Относительно могилы, обделанной камнем и показанной на плане Медведева, следует заметить, что она под буквой В⁵ особо выделена на плане игумена Евгения 1861 г. с пометой “Водоем, предполагаемый арх. Евгением”» (Там же. С. 57). Однако на «плане Мурзакевича» под этой позицией значится просто «водоем». Точно так же если на «плане Мурзакевича» позиция «п» в северо-восточном компартименте храма № 29 обозначена как «впадина и место доски жертвенника», то на «плане Айналова» прибавлено: «предп[оложение] арх. Евгения».

В остальном планы совпадают, за исключением двух деталей. На «плане Мурзакевича» сохранившиеся части фундаментов затушеваны штриховкой. На «плане Айналова» показана продольная ось нового храма, а в апсидах открытых церквей вместе с продольными осями изображено направление сторон света, демонстрирующее отклонение ориентировки зданий от оси N–S к востоку на 52–55°. Таким образом, располагаясь параллельно древней улице, храмы были ориентированы апсидами на северо-восток. По-разному изображена и каменная кладка ограды вокруг центральной площади.

Упоминание монастырского настоятеля как архимандрита дает нам *terminus post quem* для редактирования плана — время возведения игумена Евгения в этот сан, а именно Пасха 1863 г. Предположительно, Д. В. Айналов воспользовался неким планом, полученным им непосредственно в Херсонесе, возможно, от К. К. Косцюшко-Валюжинича. Сам план с отображением продольной оси нового храма и ориентацией церкви акрополя по сторонам света производит впечатление документа, связанного со строительством или проектированием. Очевидно, составленный К. Вяткиным план послужил основой для целой серии его картографических редакций.

Уже после выхода в свет книги Д. В. Айналова «план Мурзакевича» с весьма критической оценкой был опубликован краеведом В. Д. Емельяновым (Емельянов, 1909. С. 1–21), который, впрочем, пытался изучать топографию Херсонеса еще в конце 1890-х гг. Однако в своей работе он упоминает некий «точный план архитектора Грима 1861 г.», где «купель» (имеется в виду спорная позиция в центре крестообразного храма № 27, о полемике по этому поводу см. выше) якобы

⁵ На самом деле, это буква «л», которая одинаково читается как на «плане Айналова», так и на «плане Мурзакевича».

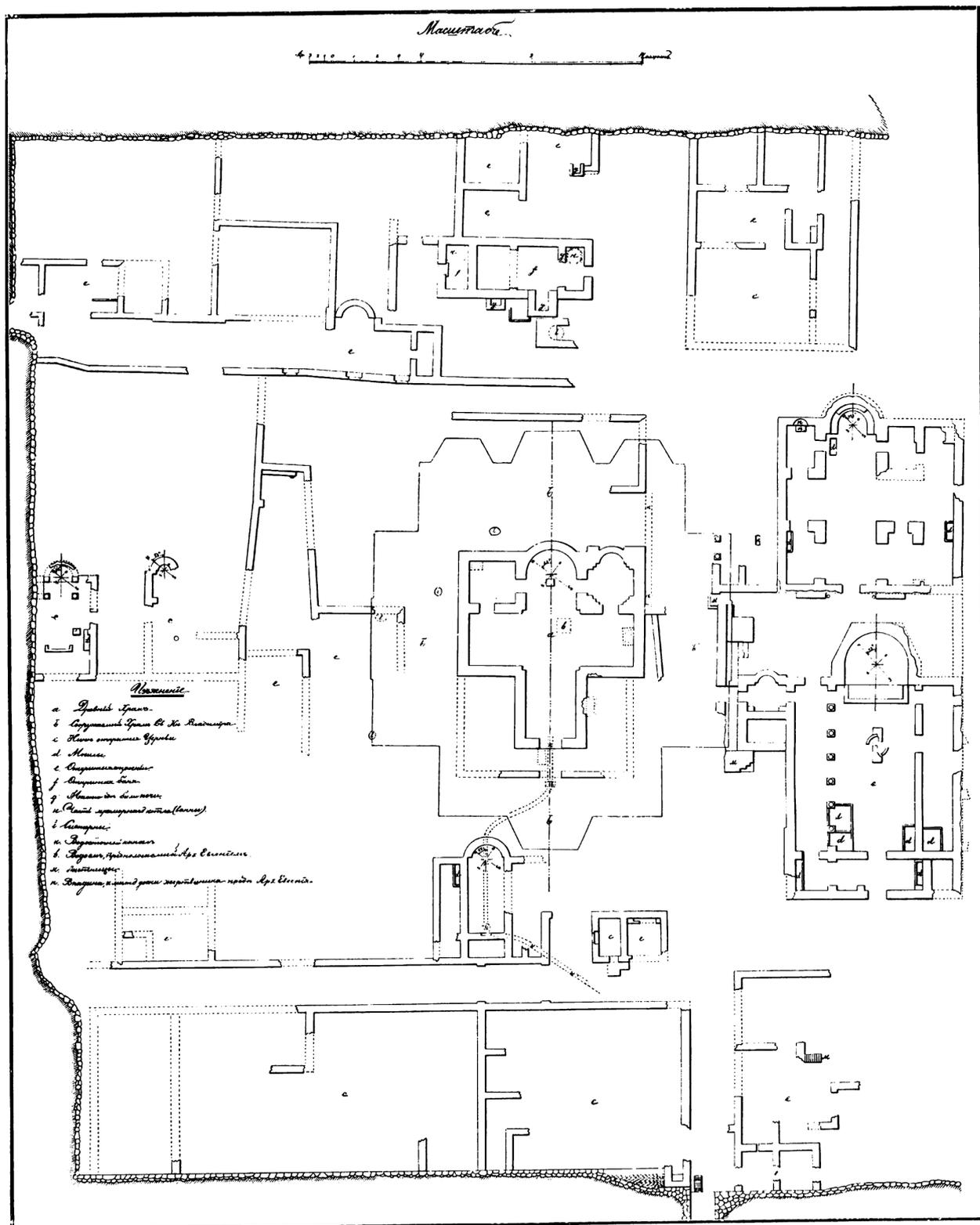

Рис. 3. «План, составленный по поручению архимандрита о. Евгения Вяткиным в 1861 г.» (Айналов, 1905. Рис. 44)

Fig. 3. Plan of excavation of the central square of Chersonesos, published by D. Aynalov in 1905

не отмечена «и только рукою одного тогдашнего игумена Евгения (также подписавшего план) прибавлен квадрат и написано несмело слово водоем»⁶ (Емельянов, 1909. С. 8). Это утверждение плохо объяснимо, поскольку автор не только был знаком с «планом Авдеева», опубликованным в 1859 г., но и высоко его оценивал: «квадрат» на этом плане уже присутствует. Очевидно, речь идет лишь о его интерпретации. Предпочитая «план Авдеева» «плану Мурзакевича», В. Д. Емельянов, полагая, что крещальня в византийских храмах могла находиться только «справа», то есть к югу, ошибочно считал изолированно изображенный А. Авдеевым северо-восточный компартимент базилики № 28 изначальным баптистерием крестообразного храма. Он свидетельствует, что один из мастеров, ломавших эту пристройку в конце 1890-х гг., якобы сообщил ему, что в середине ее существовал «мраморный бассейн» (?), а стены были покрыты мраморными плитками (Там же. С. 10).

Так или иначе, все последующие публикации восходят к «плану Айналлова». А. Л. Якобсон считал, что план раскопок 1861 г. был издан Н. Н. Мурзакевичем и переиздан Д. В. Айналловым, полагая его важным источником, поскольку после исследований ИАК 1891 и 1896 гг. все постройки, за исключением двух храмов, были засыпаны землей, а сама площадь вымощена булыжником. Он опубликовал часть этого плана под названием «Комплекс средневековых построек на акрополе Херсонеса (на площади нового собора). По чертежу поручика Вяткина, 1860 г.» (Якобсон, 1959. С. 9–10, 168–174, рис. 79) (рис. 4). Описывая базилику № 28 и ее архитектурные особенности, он ссылается на работу Д. В. Айналлова, отмечая лишь ремесленные метки проконисских мастеров на мраморных плитах пола («монограммы» Д. В. Айналлова). Более обширный участок плана под названием «культовые сооружения на центральной площади города» был опубликован А. И. Романчук (Романчук, 2000. С. 69, рис. 20). Не исключено, впрочем, что авторы несколько скорректировали изображения храмов № 28 и 33, а также ориентацию построек на основе натуральных наблюдений. Описанием А. Л. Якобсоном базилики № 28 и его планом (иногда с вариантами) пользовались И. А. Завадская и Ю. Г. Лосицкий (Завадская, 2001. С. 263, 269, 280, 282; Табл. I.1.д; III. 4; Лосицкий, 1991. С. 83, 88, рис. 1.V), а также авторы наиболее

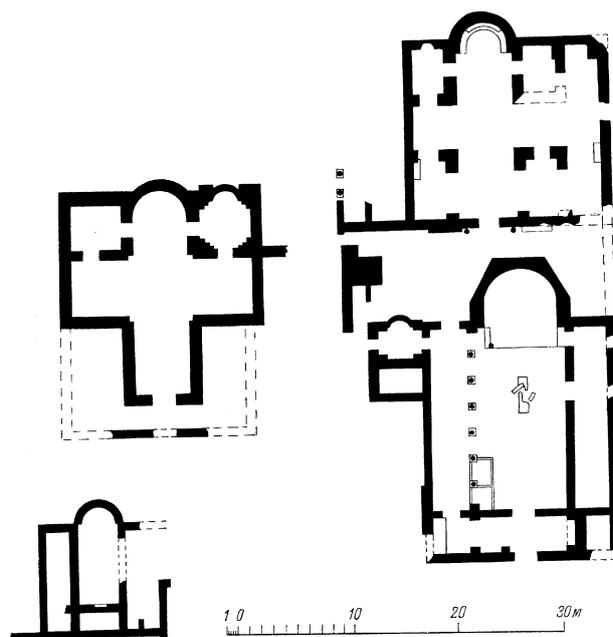

Рис. 4. Комплекс средневековых построек на акрополе Херсонеса (Якобсон, 1959. Рис. 79)

Fig. 4. Plans of the temples excavated in the central square of Chersonesos, published by A. Yakobson in 1959

полного исследования ранневизантийских сакральных построек Херсонеса (Ранневизантийские сакральные постройки, 2004. С. 83–84, 171–174, 197; рис. 23; 55; 63, 5). Авторы монографии «Жизнь и гибель Херсонеса» воспроизвели план А. Л. Якобсона со ссылкой на чертеж поручика Вяткина (Сорочан и др., 2000. С. 559). «План Мурзакевича» был воспроизведен и С. Б. Сорочаном (Сорочан, 2005. С. 887, рис. 296), который уточнил инициалы автора и его должность до выхода в отставку — «городской архитектор Севастополя».⁷ План базилики № 28 автор публикует «по А. Л. Якобсону» (Там же. С. 889, рис. 297).

Обратимся к источнику. На «плане ИАК», присланном игуменом Евгением С. Г. Строганову (рис. 5; НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1860, д. 33, л. 6), изображены крестообразный храм № 27 («базилика крестообразного типа», согласно И. И. Толстому и Н. П. Кондакову), храмы № 26, 32 и 33 («мелкие церковные постройки, по-видимому фамильные усыпальницы», согласно тем же авторам), храм № 29 и базилика с пятигранной апсидой № 28 и пристроенной к ней с северо-востока боковой капеллой («боковая церковь или боковой придел», по Толстому–Кондакову,

⁷ Подпись к плану, опубликованному в 1863 г., гласит: «План средневековых строений, открытых на большой агоре к 1861 г. и дополненных данными раскопок 1890–1891 гг.».

⁶ По этому поводу см. примеч. 7.

Планъ местности расчищенной под площадь сооружаемаго Храма св. равноапостольнаго князя Владимира въ Херсонисе, съ показаніемъ открытых частей прежде существовавшихъ зданій.

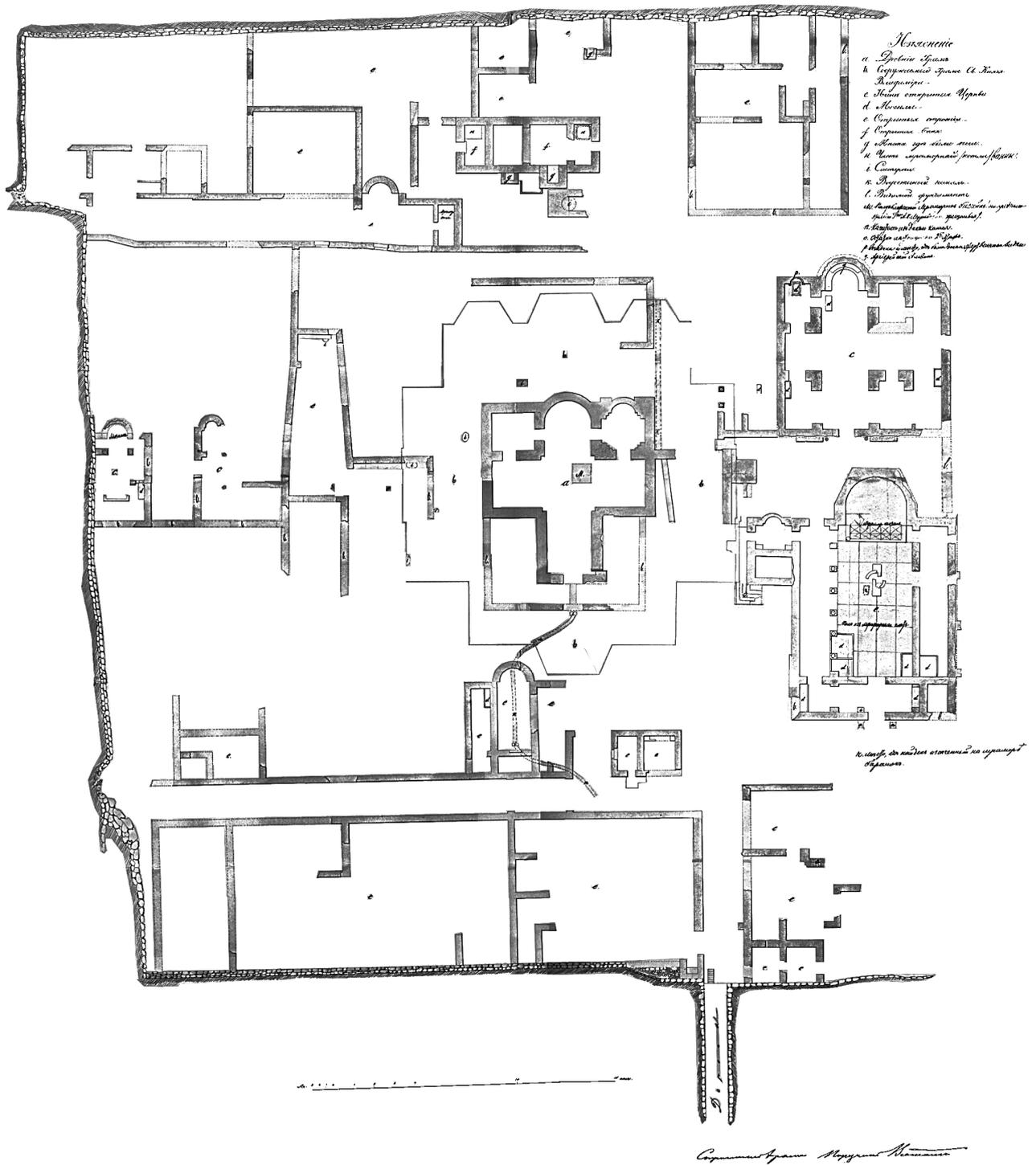

Рис. 5. «План местности, расчищенной под площадь сооружаемаго храма св. равноапостольного князя Владимира в Херсонисе, с показанием открытых частей прежде существовавших зданий». Составлен «служителем храма поручиком Вяткиным». С приписками игумена Евгения (Отмарштейна). До 26 ноября 1861 г. (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1860, д. 33, л. 6)

Fig. 5. Plan of excavation of the central square of Chersonesos, drawn by abbot Evgeniy (Otmarschtein) and K. Vyatkin in 1861

«баптистерий», по Косцюшко-Валюжиничу), к 1905 г. уже не существовавшей. Н. Н. Мурзакевич, принимая во внимание наличие водопровода, интерпретировал окрестные здания как паломнический комплекс, тогда как И. И. Толстой и Н. П. Кондаков просто писали о «священных участках с группами церквей». Таким образом, общая ситуация аналогична представленной на планах, опубликованных Н. Н. Мурзакевичем и Д. В. Айналовым.

Перейдем к имеющимся отличиям. В экспликации позиции а-1 писаны писарским почерком, а позиции m-г дописаны позднее рукой игумена Евгения. Позиция «l» соответствует «видимому фундаменту», очевидно, вскрытому раскопками, и нанесена на обозначенные пунктиром фундаментные линии. Позиция «m» в центре храма № 27 названа «полуобложенный мраморный бассейн (по предположению г-на А. Н. Муравьева крещальня)». На планах «Мурзакевича» и «Айналова» это позиция «l», она обозначена как водоем. На «плане Айналова» предположение приписано архимандриту Евгению.⁸

Водосточный канал «к» проходит у южной стены храма № 27, он обозначен пунктиром и идет вдоль стены здания, находящегося к востоку от храма. Другой водосточный канал к западу от храма № 27 заканчивается цистерной у дверей нартекса, тогда как на опубликованных планах он доходит до порога западной ветви храма или даже заходит внутрь, как на «плане Айналова».

⁸ Судя по всему, «автором идеи» действительно являлся отец настоятель, и экспликация «плана Айналова» ближе к истине, чем изъяснение «плана ИАК». В. Д. Емельянов, справедливо отрицая, вслед за протоиереем П. Лебединцевым и Д. В. Айналовым, «функции» баптистерия, приписанные могильной яме в центре крестообразного храма, указывает, что это мнение необоснованно связывается с архиепископом Иннокентием (Борисовым) и С. А. Уваровым (*Гермоген (Добронравин)*, 1887. С. 466). В то же время он явно осуждает «усиленное и спешное искание» места крещения князя Владимира Святого игуменом Евгением, который, в конце концов, и решил остановиться на одной из могил храма № 27 (*Емельянов*, 1909. С. 8). Похоже, что упоминание А. Н. Муравьева на «плане ИАК» является не более чем стремлением прикрасить собственные домыслы известным авторитетом. 15 июля 1858 г. Муравьев действительно был в Херсонесе, где на память св. кн. Владимира игумен Евгений совершал водосвятный молебен на каменной куче, сложенной «перед развалинами древнего соборного храма»: «Умилительно было слышать молитвы освящения над тем местом, где некогда освящалась вода для крещения самого Владимира; показывают посреди храма углубление купели, в которой спала чешуя с очей новопросвещенного» (*Муравьев*, 1863. С. 214). Следовательно, ко времени появления А. Н. Муравьева в Херсонесе «идентификация» уже состоялась.

Остатки цистерны «i» у северной стены нового храма, известные на «плане ИАК», отсутствуют на «плане Мурзакевича». Здесь же изображена еще одна цистерна у южного фундамента неизвестной постройки, расположенной между храмами № 27 и 33. Она отсутствует на обоих опубликованных планах. Здесь же читается непосредственно под литерой «b» изображенный пунктиром четырехугольный фундамент (яма — ?) к северу от храма № 27.

В храме № 33 изображены две колонны с южной стороны, как и на «плане Мурзакевича». На «плане Айналова» они отсутствуют. В апсиде храма № 32 отмечена мозаика, отсутствующая на опубликованных планах. В компартименте к югу от здания с апсидой в северной части плана обозначен «мрамор.<ный> пол». На «плане Айналова» позиция «n» между северными стенами храмов № 28 и 29 обозначена как «лестница», на «плане ИАК» лестница не имеет буквенного обозначения, а на «плане Мурзакевича» объект отсутствует вовсе. Позиция «o» на «плане ИАК» обозначает «остатки лестницы на второй этаж», здесь схематично переданы сами лестничные ступени. На «плане Мурзакевича» литера отсутствует, на «плане Айналова» она заменена на «m». Лестница при здании в южном углу площади указана только на «плане ИАК» и на «плане Айналова».

В храме № 29 синтрон обозначен литерой «q» и назван в экспликации «архиерейским амвоном». Интересны различия в изображении северо-восточного компартимента этого храма. На «плане Мурзакевича» присутствуют две позиции: «n» — «впадина и место доски жертвенника» и «d» — «могила». Они изображены расположенными вплотную друг к другу. На «плане Айналова» эта конструкция обозначена, согласно предположению архимандрита Евгения, как «впадина и место доски жертвенника», могила здесь отсутствует. На «плане ИАК» могила «d» помещена непосредственно в нише «p» и указано: «впадина и место, где была доска жертвенника видна».

Наиболее интересные подробности касаются базилики № 28. Перед входом в нартекс изображены две подчетыреугольные фигуры, обозначенные литерами «n» — «капители из дикого камня». Обозначена северо-западная колонна алтарной преграды в углу солеи. Слева от входа в нартекс обозначена цистерна, а не контрфорс. Показана разгранка мраморного пола в центральном нефе, сопровождаемая соответствующей

надписью: «пол из мраморных плит». Солея орнаментирована, очевидно, мраморными плитами: имеется надпись «мрамор. мозаик.».⁹ Самая интересная деталь найдена к северу от остатков амвона. Здесь показана обеденная пунктиром литеры «г». Вне текста основной экспликации дано «изъяснение»: «место, где найден изсеченный на мраморе барашек». Даже изображение каменной ограды вокруг раскопанной площади отличается от известного по публикациям. На документе имеется автограф Вяткина, «строителя храма».

Считаем целесообразным сделать несколько дополнительных замечаний в связи с проведенным исследованием. Наличие могильной ямы в северо-восточном компартименте храма № 29, вновь упущенное историографией, позволяет предположить его мемориативные функции, связанные с совершением заупокойной Евхаристии. И сам план, и обнаружение при раскопках 1896 г. многочисленных фрагментов мозаичной смальты,¹⁰ некогда покрывавшей конху базилики № 28, и «изгнанием» архимандритом Александром (Сухоруковым) 17 июня 1896 г. «раскопщиков», работавших в восточной части храма (Отчет ИАК за 1896 г., 1898. С. 172–173; НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1896, д. 4, л. 28 об.–29; ГАГС. Ф. 19, оп. 1, д. 35, л. 11–13; ср.: *Бертье-Делагард*, 1893. С. 47), свидетельствуют, что в 1860–1861 гг. алтарные части храмов не исследовались, возможно, из соображений определенным образом понятого благочестия.

Находка мраморного фрагмента с изображением Агнца вблизи амвона, которая не упоминается ни в одном исследовании, позволяет уточнить наши представления об орнаментации и типологии амвонов херсонесских храмов.¹¹ К сожалению, в собрании Национального заповедника «Херсонес Таврический» (НЗХТ) этот артефакт неизвестен (*Домбровский*, 1963. С. 76–86). Амвон этого храма традиционно относится к «константинопольскому типу» (*Бернацки*, 2002. С. 75). С. Б. Сорочан связывает с ним «мраморную чашу», найденную в западной части агоры в 1902 г. (*Сорочан*, 2005. С. 890–891).

⁹ Д. В. Айналов описывал эту часть базилики № 28 как «мраморную солею из одного ряда блоков с профилем на лицевой стороне».

¹⁰ Из работы в работу кочует упоминание о находке 756 фрагментов мозаики, из которых 472 были с позолотой, тогда как в отчете дополнительно сообщается о 110 черных, 108 синих, 36 красных и 30 зеленых фрагментах.

¹¹ В настоящее время один из авторов данной статьи готовит публикацию на данную тему.

Судя по чертежу, амвон был близок к подобной литургической конструкции в Западной базилике (Ранневизантийские сакральные постройки, 2004. С. 42, фото 5), которая имеет прямые малоазийские аналогии не только в храмах Милета (*Завадская*, 2001. С. 264), но и, по нашим наблюдениям, в базилике св. ап. Иоанна Богослова в Эфесе. К 1905 г. от амвона сохранились лишь следы в виде дыр и выбоин в плитах пола. А. Бернацки считает, что «в главном нефе так называемой базилики при соборе» сохранились фрагменты его фундамента (*Бернацки*, 2002. С. 75).¹² В то же время можно предположить, что разница в подсчете колонн базилики № 28 между Д. В. Айналовым (восемь колонн) и А. Л. Якобсоном (шесть колонн) связана с тем, что первый мог учитывать Т-образные конструкции оплечья апсиды и крестообразные конструкции западной стены нефа, а второй — лишь сохранившиеся постаменты на северной стороне храма. Интересно, что С. Б. Сорочан полагает, что колонн здесь было не менее 10 (по пять в ряд) (*Сорочан*, 2005. С. 889).

Авторы статьи почитали своим долгом опубликовать не только различные редакции планов раскопанных в 1861 г. храмов, но и сохранившуюся переписку, сверяя окончательный вариант писем с черновыми. Документы публикуются с сохранением основных особенностей стиля, орфографии и пунктуации подлинников. Сокращения, имеющиеся в тексте, расшифрованы и помещены в угловые скобки. Слова, написанные неразборчиво, отмечены многоточием. Документ № 1 выполнен на официальном бланке Отделения канцелярии Министерства Императорского двора. Документы № 2 и 3 выполнены на официальных бланках Императорской Археологической Комиссии, при этом № 3 написан четким почерком. Документ № 4 написан на листе обычной бумаги. Черновик, сохранившийся в ГАГС, имеет большое количество исправлений, зачеркнутых строк, что в каждом случае оговаривается в примечаниях. Он не подписан, авторство игумена Евгения (Отмарштейна) устанавливается

¹² Со ссылкой на Н. И. Репникова исследователь пишет, что все детали, использованные во время реконструкции этой базилики в 1929 г., к ней не относятся. Однако сам Н. И. Репников свидетельствует лишь о колоннаде с капителями как о чужеродном для базилики элементе и датирует их установку 1935 г. (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 10, д. 3, л. 2). Следовательно, утверждение С. Б. Сорочана, что базилика № 28 «примечательна... стройными колоннами высотой 3,38 м» (*Сорочан*, 2005. С. 890), имеет отношение лишь к ее современной «реконструкции».

как из содержания, так и на основании письма археологического делопроизводства и делового из архива ИИМК РАН. Переписка свидетельствует не только о некоторых особенностях этикета XIX в., но и об упущенных возможностях отечественной археологической науки.

Документ № 1

**Письмо министра Императорского двора графа В. Ф. Адлерберга
председателю Императорской Археологической Комиссии С. Г. Строганову о раскопках Херсонеса в 1860 г.
и просьбе настоятеля местного монастыря о выделении пособия на исследования**

Министерство Императорского Двора
Канцелярия
Отделение
В С.-Петербурге¹³
26 ноября 1860 г.
№ 5276

Можно на землекопов 300 руб.
29 ноября 1860¹⁴

Господину Председателю Императорской Археологической Комиссии.
Настоятель Херсонесской обители св. Владимира, Игумен Евгений сообщил мне, что, занимаясь археологическими разысканиями в развалинах древняго города Херсонеса, он открыл одну улицу, одну молитвенную храмину при усыпальнице, где на стенах сохранилась живопись, много древних монет, крестов и икон, и просит об отпуске на сей предмет какаго-либо пособия.

Имею честь сообщить о сем на усмотрения Вашего Сиятельства.
Министр Императорского Двора Гр.<аф> Адлерберг.

НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1860, д. 33, л. 1–1 об.

Документ № 2

**Писарская копия рапорта председателя Императорской Археологической Комиссии С. Г. Строганова
министру Императорского двора графу В. Ф. Адлербергу
по поводу просьбы настоятеля Херсонесского монастыря св. кн. Владимира игумена Евгения**

М. И. Д.
Императорская Археологическая Комиссия
2 Декабря 1860
№ 138
В С.-Петербурге

Его Сиятельству
Господину Министру Императорского Двора
Председателя Императорской Археологической Комиссии
Рапорт

Вследствие предложения Вашего Сиятельства от 26 ноября за № 5276, при котором вы изволили передать на мое усмотрение, производившего Археологические розыскания в развалинах древняго Херсониса, настоятеля Херсонской Обители Св. Владимира, Игумена Евгения, о выдаче ему пособия, долгом считаю довести до сведения Вашего Сиятельства, что я вместе с сим сношусь с ним для разъяснения, на какой именно предмет и в каком количестве он желает получить денежное пособие.

Подл.<иная> подп.<ись> Председатель Граф Строганов

Верно: Производитель дел Линевиц.¹⁵

НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1. 1860, д. 33, л. 2.

¹³ Вписано от руки.

¹⁴ Вписано рукою С.Г. Строганова карандашом. Благодарим научную сотрудницу НА ИИМК РАН Н.А. Белову за помощь в атрибуции и расшифровке надписи.

¹⁵ Линевиц Александр Станиславович, в 1859–1861 гг. делопроизводитель ИАК, скончался 23 ноября 1861 г.

**Запрос председателя Императорской Археологической Комиссии С.Г. Строганова
настоятелю монастыря св. кн. Владимира игумену Евгению о раскопках Херсонеса в 1860 г.¹⁶**

М. И. Д.
Императорская Археологическая комиссия
3 декабря 1860 г.
№ 139
В С.-Петербурге
№ 66 Получено 20 декабря 1860 года¹⁷

Его Высокопр.<сподо>бию Отцу¹⁸ Игумену Евгению¹⁹
Ваше Высокопреподобие
Милостивый Государь²⁰ отец Игумен

Г. <осподин> Министр Императорскаго Двора²¹ сообщил мне, что, занимаясь Археологическими разысканиями в развалинах древняго²² Херсониса, Вы открыли²³ множество фундаментов и отчасти стен, одну молитвенную хранину при усыпальнице, где на стенах сохранилась живопись, много древних монет, крестов и икон, и просите об отпуске Вам на сей предмет какаго либо пособия.

Будучи готов исполнить Ваше желание, тем более что²⁴ Одесское общество истории и древностей, признавая полезными²⁵ Археологические разыскания на месте древняго Херсониса, указало на Вас и г.<осподина> Аркаса²⁶ как могущих принять на себя это дело; покорнейше прошу Вас сообщить мне,²⁷ насколько это Вас не затруднит, подробности²⁸ сделанных Вами открытий, цель,²⁹ на какую именно Вы предназначаете³⁰ желаемое Вами денежное пособие, и размер последняго.

Вместе с тем я очень бы желал знать — на каких местах города сделаны Вами открытия для чего может быть употреблен план Херсониса, составленный г.<осподином> Аркасом, или иной, какой Вы признаете для себя более удобным.

Поручая себя молитвам Вашим, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении.
Граф Сергей Строганов.³¹

Публ. по: ГАГС. Ф. 19, оп. 1, д. 10, л. л. 4–4об.

¹⁶ Разночтения даны по писарской копии в примечаниях: НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1860, д. 33, л. 3–3 об.

¹⁷ Приписка выполнена почерком отличным от основного документа, скорее всего, адресатом.

¹⁸ В копии стоит «О.».

¹⁹ Приписка внизу листа. Игумен, позже архимандрит, Евгений возглавлял монастырь в 1857–1874 гг.

²⁰ В писарской копии, одновременно послужившей черновиком, стоит «Всечестнейший», которое было впоследствии зачеркнуто и сверху вписано настоящее обращение.

²¹ Адлерберг Владимир Федорович (1790/1791–1884) — граф (1847), генерал от инфантерии (1843), член Государственного совета (1842), министр Императорского двора и уделов в 1852–1870 гг.

²² В копии стоит зачеркнутое слово «города».

²³ В копии стоит «одну улицу», первое слово зачеркнуто.

²⁴ В копии стоит зачеркнутое «и».

²⁵ В копии стоит зачеркнутое слово «произвести».

²⁶ Аркас Захарий Андреевич (1793–1866) — генерал-лейтенант, с 1845 г. занимался изучением и охраной Херсонесского городища, с 1846 г. действительный член Одесского общества истории и древностей.

²⁷ Вместо последних двух слов в копии стоит зачеркнутое «ознакомить меня».

²⁸ В копии стоит зачеркнутое падежное согласование «с подробностями». Далее зачеркнуто «и с целью».

²⁹ В копии стоит зачеркнутое «и с целью, для которой». Слова «на какую именно» вписаны сверху.

³⁰ В копии зачеркнуто «употребить».

³¹ Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882) — граф, государственный деятель, коллекционер, историк искусства, археолог, основатель и первый председатель Императорской Археологической Комиссии (1859–1881). В копии стоит: «Подл.<инная> подп.<ись> Председатель Граф Строганов Верно: Производитель дел Линевич».

**Проект ответа настоятеля монастыря св. кн. Владимира игумена Евгения
председателю Императорской Археологической Комиссии С. Г. Строганову, составленный до 26 ноября 1861 г.³²**

+³³ Ваше Сиятельство,
граф Сергей Григорьевич!

Причины, по коим я замедлил ответить на почтенное уведомление Ваше, заключались в желании доставить В.<ашему> С.<иятельству> более подробное и по опыту верное открытие образков древняго периода. На прилагаемом при сем плане означены главные работы, произведенныя в течении года и на них употреблено³⁴

Вашему Сиятельству³⁵ угодно было в истекшем году обратиться ко мне с предложением от 3-го декабря № 139, полученным мною 20-го того же декабря доставить сведения о древностях, находимых в Херсонисе. А как ...³⁶ по получении Вашей бумаги я располагал в скором времени приступить к более обширным раскопкам, посему я считал себя обязанным помедлить ответом, дабы иметь возможность предоставить Вашему Сиятельству сведения и подробный очерк всего того, что могло быть найдено. Поэтому я надеюсь, что В.<аше> С.<иятельство>³⁷ не поставит мне в вину этого промежутка времени, в который Археология обогатилась довольно капитальными ...³⁸ открытиями. Ныне же³⁹ с окончанием работ позвольте мне поднести⁴⁰ прилагаемый при сем План открытых развалин, с пояснением на нем всего заслуживающего уважения и присовокупив, что на эти работы употреблено 10 месяцев времени и руб. суммы 3.708 рублей суммы.

Если В.<аше> С.<иятельство>⁴¹ сочтет возможным оказать пособие для производства работ в этой замечательной местности, то из выше приведенных цифр довольно ясно, в каком размере требуются денежные расходы на известное пространство раскопок; назначать от себя размер пособия произвольно я не имел права, дабы не сделать ошибки. Список мелких древних вещей доставлен будет Вашему Сиятельству в непродолжительном времени.

Будучи уверен, что просвященная деятельность Вашего Сиятельства на пользу отечественной археологии поддержит и мои слабые труды по этому предмету, призываю на Вас благословение Боже и с отличным уважением к Вам и душевной преданностью имею честь быть

Вашего Сиятельства⁴²

Его Сиятельству, господину Председателю Императорской Археологической Комиссии, Генерал-Адъютанту, Графу Сергею Григорьевичу Строганову 1-му.

Публ. по: ГАГС. Ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 5.

³² Текст, выделенный курсивом, зачеркнут автором. Разночтения черновика и окончательного варианта письма даны в подстрочных примечаниях по: НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1860, д. 33, л. 4–5.

³³ Крест как своеобразное invocatio в отправленном письме отсутствует. Текст письма в НА ИИМК РАН, РА (Ф. 1, 1860, д. 33, л. 4) предварен выполненным чернилами входящим номером № 114/1861 и карандашной пометой С.Г. Строганова: Ожидать высылки и доложить 15 Дек. 1861.

³⁴ Здесь и далее выделенный курсивом текст зачеркнут автором документа.

³⁵ В окончательном варианте письма присутствует.

³⁶ Слово неразборчиво. В отправленном письме отсутствует.

³⁷ В отправленном письме приведено полностью.

³⁸ Слово неразборчиво. В отправленном письме отсутствует.

³⁹ Слово неразборчиво. Восстановлено по тексту отправленного письма.

⁴⁰ Слово неразборчиво. Восстановлено по тексту отправленного письма.

⁴¹ В отправленном письме приведено полностью.

⁴² В тексте отправленного письма (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1860, д. 33, л. 5) основной текст до сих пор и последующая фраза писаны писарским почерком. Имеющаяся подпись «усердный слуга и богомолец Настоятель Первоклассного Херсонесского Св. Равноапостольного Князя Владимира Монастыря игумен Евгений», исходящий номер (№ 226) и дата («26 ноября 1861 г.») принадлежат, несомненно, руке самого игумена.

- Авдеев, 1859. — Авдеев А. Нынешнее состояние развалин Херсонеса и проекты для постройки храма в память крещения св. Владимира (Письмо к редактору Вестника) // Архитектурный вестник. СПб., 1859. № 3.
- Айналов, 1905. — Айналов Д. В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. 1.
- Анфим (Казимиров), 1877. — Анфим (Казимиров), архимандрит. Историческая записка о Херсонисском св. Владимира монастыре // ЗООИД. Одесса, 1877. Т. 10.
- Аркас, 1848. — Аркас З. А. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса // ЗООИД. Одесса, 1848. Т. 2. Отд. 1.
- Аркас, 1879. — Аркас З. А. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса. Николаев, 1879.
- Бабинов, 2005. — Бабинов Ю. А. Архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий в духовном наследии Крыма // Церковные древности: Сб. материалов III Междунар. конф. «Церковная археология: литургическое устройство храмов и вопросы истории христианского богослужения» (Севастополь, 2003). Симферополь, 2005.
- Бернацки, 2002. — Бернацки А. Б. Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья // Церковная археология Южной Руси: Сб. материалов междунар. конф. «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 2001 г.). Симферополь, 2002.
- Бертье-Делагард, 1893. — Бертье-Делагард А. Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. СПб., 1893. № 12.
- Бобринский, 1905. — Бобринский А. А. Херсонес Таврический: Исторический очерк. СПб., 1905.
- Востоков, 1879. — Востоков Н. М. Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический // РС. СПб., 1879. № 24.
- ГАГС. — Государственный архив города Севастополя. Ф. 19, оп. 1, д. 10, 35.
- Гермоген (Добронравин), 1887. — Гермоген (Добронравин), епископ. Таврическая епархия. Псков, 1887.
- Гриневич, 1927. — Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927). Севастополь, 1927.
- Гроздов, 1888 а. — Гроздов А. В. Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря // ИТУАК. Симферополь, 1888. № 5.
- Гроздов, 1888 б. — Гроздов А. В. Историческая записка о Херсонисском св. равноапостольного великого князя Владимира монастыре // ИТУАК. Симферополь, 1888. № 5.
- Домбровский, 1963. — Домбровский О. Я. Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей // Сообщения Херсонесского музея. Севастополь, 1963. Вып. 3.
- Емельянов, 1909. — Емельянов В. Д. Поиски места крещения св. князя Владимира в Херсонесе (Корсунь) // Труды III Областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире 20–26 июля 1906 г. Владимир, 1909. XV пагинация.
- Завадская, 2001. — Завадская И. А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь, 2001. Вып. 8.
- Золотарев, Хапаев, 2002. — Золотарев М. И., Хапаев В. В. Херсонесские святыни. Севастополь, 2002.
- Крестьянников, 2005. — Крестьянников В. В. Возрождение севастопольского благочиния и монастырей после Крымской войны // Sacrum et Profanum: Культ святых мест в древних и современных религиях. Севастополь, 2005. Вып. 1.
- Лашков, 1888. — Лашков Ф. Ф. Историческая записка о сооружении в Херсонесе храма св. равноапостольного князя Владимира // ИТУАК. Симферополь, 1888. № 5.
- Ливанов, 1874. — Ливанов В. Ф. Херсонес (древний Корсунь) в Крыму с открытым в нем первоклассным монастырем святого Владимира: Историческое описание. М., 1874.
- Лосицкий, 1991. — Лосицкий Ю. Г. Про Візантійські базиліки Херсонеса // Археологія. Київ, 1991. № 2.
- Маркевич, 1888. — Маркевич А. И. Указатель сочинений, касающихся древнего Херсониса // ИТУАК. Симферополь, 1888. № 5.
- Муравьев, 1863. — Муравьев А. Н. Впечатления Украины и Севастополя // Путешествие по святым местам русским. СПб., 1863.
- Мурзакевич, 1863. — Мурзакевич Н. Н. Херсонисская церковь св. Василия (Владимира) // ЗООИД. Одесса, 1863. Т. 5.
- Мусин, 2006. — Мусин А. Е. Вопиющие камни. Русская Церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб., 2006.
- Мусин, 2007. — Мусин А. Е. О роли личности в археологии. Императорская Археологическая Комиссия на первом этапе своего существования (1859–1882) // Записки ИИМК РАН. СПб., 2007. № 2.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1860, д. 33, 1891, д. 20, 1896, д. 4; Ф. 4, д. 110; Ф. 10, д. 3; Ф. 11, д. 75; Ф. 17, д. 1; Р–1, д. 393.
- Отчет... за 1859, 1860. — Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1859 по 14 ноября 1860 года. Одесса, 1861.
- Отчет... за 1860, 1861. — Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1860 по 14 ноября 1861 года. Одесса, 1862.
- Отчет... за 1861, 1862. — Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1861 по 14 ноября 1862 года. Одесса, 1863.
- Отчет ИАК за 1896 г., 1898. — Отчет заведывающего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валожинича за 1896 г. // Отчет ИАК за 1896 г. СПб., 1898.
- П. Л., 1889. — П. Л. Остатки церквей на развалинах древнего Корсуна или Херсонеса, их открытие и значение, с двумя планами церквей на развалинах Херсонеса // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. Киев, 1889. Апрель. Т. 25.
- Ранневизантийские сакральные постройки, 2004. — Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Кленина, С. Г. Рыжов. Познань, 2004. Т. 1. Архитектура ранневизантийских сакральных построек Херсонеса Таврического / Ред. А. Б. Бернацки.
- Романчук, 2000. — Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
- Сорочан, 2005. — Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI–первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 2.
- Сорочан и др., 2000. — Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
- Тихонов, 2004. — Тихонов И. Л. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринский // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб., 2004.
- Толстой, Кондаков, 1891. — Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1891. Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева.
- Тункина, 2002. — Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII–середина XIX в.). СПб., 2002.
- [Уваров], 1855. — [Уваров А. С.] Археологические исследования близ Симферополя и Севастополя // Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических раскопках в 1853 г. СПб., 1855.
- Федосеев, 2005. — Федосеев Н. Ф. Пантикапей и «охрана памятников» в Керчи // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 9.
- Шаманаев, 2004. — Шаманаев А. В. Документы по истории археологических исследований Херсонеса в государственном архиве города Севастополя // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2004. Вып. 4.
- Шевякова, 2006. — Шевякова Д. П. Роль архиепископа Иннокентия, великого князя Константина Николаевича и контр-адмирала Г. И. Бутакова в сооружении храма св. Владимира в Херсонесе // Севастополь: взгляд в прошлое. Севастополь, 2006.
- Якобсон, 1959. — Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М.; Л., 1959 (МИА. № 63).

АРХЕОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В 70-Е ГГ. XIX В.¹

Е. В. Торопова²

В 1870 г. внимание научной общественности привлекли раскопки жальничных могильников в Валдайском уезде Новгородской губернии (Труды II АС, 1881. С. XIX; НА ИИМК РАН, РА. Ф. 3, 1871, № 395, л. 200 об.), выполненные студентом Санкт-Петербургской медико-хирургической академии А. П. Волкенштейном,³ позднее опубликованные в трудах II Археологического съезда (*Волкенштейн*, 1881. С. 1–56). В предисловии к статье исследователь писал о становлении в России новой науки — антропологии: «...еще не далеко то время, когда ученые занимались изучением только древних остатков рук человеческих, следов его жизни, забывая о следах его самого и совершенно игнорируя едва ли не существеннейший памятник древности рода человеческого — это его кости» (Там же. С. 1). А. П. Волкенштейн серьезно подготовился к работе, изучил имеющиеся письменные источники об этом виде погребальных древностей. Он хорошо знаком с трудами ведущих антропологов К. М. Бэра (о нем: *Левин*, 1960. С. 17–39), А. П. Богданова (о нем: Там же. С. 80–105; *Юровская*, 2004) и других, на работы которых периодически ссылается.

Начинающего исследователя беспокоит несовершенство существующей методики археологических раскопок, отсутствие у него необходимых

знаний и опыта: «...много трудностей было встречено мною при производстве моего труда и, особенно, в навыке был большой недостаток» (*Волкенштейн*, 1881. С. 2). В итоге А. П. Волкенштейн принимает единственно правильное решение делать максимально подробные описания: «...не важно, если будет обращено внимание на лишнее, но весьма неприятно было бы, если бы вещь, необходимая и составляющая сколько-нибудь научное значение, утратила его, вследствие того, что по кажущейся небрежности не была бы описана» (Там же). В этой связи автор особо отмечает: «...все то, что здесь записано, было видно мною лично и занесено мною на месте же в записную книжку:⁴ все кости были вынимаемы мною самим, все положения костяков — тоже видены и записаны тотчас». Подробно были им зафиксированы также предания о каждом жальнике, потому что, по его мнению, «они могут, быть может, со временем играть роль документов, так как каждое предание имеет свои основания и бросает хотя слабую тень на истину» (Там же. С. 18). А. П. Волкенштейн исследовал семь жальничных могильников, расположенных компактно, у деревень Стекляницы, Лысино, Кузнецкое, Костково, Горушки, Ватцы, Быково на территории современного Валдайского района. Прежде чем приступить к описанию каждого изученного могильника, он отмечает несколько общих моментов:

- традиционное положение погребенного в могиле: «...в каком лежат обыкновенно покойники»;
- при раскопках могил на жальниках фактически всегда «недалеко уже под поверхностью» фиксировалось значительное количество «черепков глиняной посуды, как кажется, от горш-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Древнее население Новгорода и Новгородской земли по данным антропологии» (№ 06-01-46102 а/3).

² Россия, 173014, Великий Новгород, Антоново, Гуманитарный институт НовГУ. Учебно-научная лаборатория «Старорусская археологическая экспедиция».

³ В историографии встречается другое написание фамилии — Волькенштейн. К сожалению, не удалось найти никаких сведений о биографии и судьбе этого исследователя. По всей видимости, он рано ушел из жизни и раскопки жальников в Валдайском уезде Новгородской губернии — это его единственная археолого-антропологическая работа. Удалось выяснить, что он был владельцем усадьбы Терешкина (по-видимому, в настоящее время д. Терехово на берегу оз. Ужин Валдайского района) (см.: *Аничков*, 1916. С. 180).

© Е. В. Торопова, 2010

⁴ Дневники раскопок А. П. Волкенштейна обнаружить не удалось.

ков круглых форм... Видно, однако, что горшок кладен был не цельным, а разбивался»;

– «редко на жальниках мы находим гробы и то только следы их: по большей части труп был кладен без гроба»;

– «остовы на жальниках лежат головой на запад или, вернее, на закат, лицом же чаще на юг» (Там же. С. 16–17);

Все исследованные жальничные могильники подробно описаны автором по единой схеме: местоположение (при этом он отмечает, что расстояния приблизительные); предания, связанные с этим жальником; описание памятника; описание погребений. Всего А. П. Волкенштейном было изучено 31 погребение. При описании каждого он указывал наличие скелета/скелетов (мужского, женского, детского), ориентировку, положение и сохранность костей, особенности погребального обряда, стратиграфические особенности могильной ямы. Индивидуальных находок в погребениях исследователем не было обнаружено никаких, кроме фрагментов керамики и костей животных.

В заключительной части статьи А. П. Волкенштейн подробно описал методику обследования антропологических материалов, привел таблицы с описанием и обмерами черепов, заметив при этом, что ни один череп не был им распилен, так как, во-первых, еще окончательно не решено, что эти измерения обязательны для данного вида исследований, и, во-вторых, он «не решился производить такие операции над добытыми черепами, которые могли бы вредить им, если бы производились не опытной рукой» (Там же. С. 34). Результаты исследования позволили автору сделать следующие предположения по поводу населения, оставившего эти погребальные памятники. Этим людям были свойственны следующие особенности:

– обладали хорошо развитыми интеллектуальными способностями;

– умирали между 24 и 55 годами, смертность среди мужчин была выше;

– средний рост мужчин 2 арш. 5,8 верш., женщин 2 арш. 2,1 верш. (выше современных потомков);

– «брахицефалия была единственным, господствующим типом», что свидетельствует об их славянском происхождении.

Таким образом, впервые в истории археологического изучения Новгородской земли в результате целенаправленных археологических раскопок была получена значительная выборка

антропологических материалов (по-видимому, позднесредневекового времени), выполнены все необходимые обмеры и сделаны первые выводы о населении этого региона. Археологические раскопки были проведены на хорошем уровне, особо следует отметить соответствующую степень фиксации материала и в целом исключительную научную добросовестность исследователя. Антропологические материалы, собранные А. П. Волкенштейном, хранятся в фондах Научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (*Алексеева и др.*, 1986. С. 125, № 3294–3297, 3299, 3300).

В феврале 1871 г. член Предварительного комитета II Археологического съезда от Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете, Ф. П. Ландцерт в своем докладе сообщил, что «студентом Волкенштейном в прошлое лето произведены были раскопки жальников Валдайского уезда Новгородской губернии и описание их будет представлено съезду, равно как и самые черепа и полные остовы. Весьма желательно было бы иметь и черепа из курганов Новгородской губернии» (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 3, 1871, № 395, л. 200–200 об.). При этом, со ссылкой на графа А. С. Уварова, он указывает в качестве наиболее перспективного района «берег озера Ильменя, как на местность, где можно встретить черепа чисто славянского типа» (Там же, л. 200 об.). Ф. П. Ландцерт предложил командировать для выполнения этой работы своего ученика Л. К. Ивановского: «В настоящее время я могу рекомендовать для означенной цели г. лекаря Ивановского, состоящего ассистентом при кафедре описательной анатомии. В 1869 году г. Ивановский кончил курс в Императорской медико-хирургической академии с золотой медалью, был награжден премией... и оставлен при кафедре анатомии на три года. Г. Ивановский согласен отправиться для раскопок в Новгородскую губернию недели на две или три в июне месяце» (Там же, л. 201). В итоге на собрании Императорского Русского археологического общества принимается решение «командировать г. Ивановского в Новгородскую губернию... для раскопок курганов в июне месяце сроком на три недели... На путевые издержки... определено выдать 300 рублей серебром из сумм Общества» (Там же, л. 201 об.). Впервые в Новгородскую губернию была отправлена археологическая экспедиция, финансируемая на средства Императорского

Русского археологического общества, которая «увенчалась весьма интересными результатами» (Труды II АС, 1881. С. XIX).

Л. К. Ивановским (при участии студента Медико-хирургической академии Петра Бельского) были исследованы четыре жальничных могильника в Старорусском уезде у деревень Суховерховье, Пинаевы Горки, Марфино и Старокурско, а также сопки у Селяха, Марфино и Коровитчино (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 3, 1871, № 47, л. 10–15; Труды II АС, 1881. С. 57–67 [3-я паг.]).

Автор подробно описывает методику раскопок («способа разрытия»). Он пишет, что исследовать курганы послойно слишком трудоемко, «ибо пришлось бы иметь дело с сотнями кубиков работы, а потому [он] делал полупродольный разрез кургана траншеей и прокладывал к ней еще две траншеи с противоположной половины, так что весь разрез представлял подобие печатной буквы У». Подобная методика, по мнению Л. К. Ивановского, позволяла получить полное представление о структуре и стратиграфии («архитектуре») насыпи. Кроме того, «каждый курган был обмерен по основанию, по окружности верхней площадки... и по боку» (Труды II АС, 1881. С. 61 [3-я паг.]).

При раскопках жальничных могильников использовались следующие методические приемы: «...обнажив почву от верхнего слоя камней, щупом находится подземная обкладка могилы и затем последняя вскрывается послойно». И обязательно «как курганная, так и жальниковая земля, на месте положения костяка и около, кроме тщательного осмотра, должна быть просеяна через мелкие проволочные грохоты» (Там же).

Следует отметить, что при организации полевых работ Л. К. Ивановский получал всевозможное содействие со стороны местных властей всех уровней. Сам исследователь неоднократно отмечает этот факт в письме к своему учителю Ф. П. Ландцерту. Например, он описывает организацию раскопок в д. Марфино (в настоящее время Старорусский р-н): «...явился к Исправнику и получил от него открытые предписания к сельским властям о содействии. Вечером отправился в ближайшее село Марфино, в 8 верстах от города, по р. Порусьи, и здесь осмотрел курганы... Утром 9 человек слободских саперов отпросил у их начальства и 24 [июня] наутро прямо приступил уже к работе в Марфино, людям платил по-тамошнему баснословно дешево, а именно первые два дня по 50 к., а остальные 3 по 75 к. человеку за рабочий день от 6 ч. утра до 8 вечера. Люди эти работали быстро и умелою

рукой... Кроме платы за работу, я должен был несколько раз в день давать людям по чарке водки, потому что при сильных, господствующих в это время ветрах их буквально засыпало песком, из которого построены курганы, и поэтому работа была чрезвычайно затруднена» (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 3, 1871, № 47, л. 12–12 об.). Еще более показательны раскопки сопок в д. Коровитчино. По-видимому, по крайней мере до начала страды, Л. К. Ивановскому предоставлялась возможность нанимать любое необходимое количество рабочих: «...2-го августа прибыли в Коровитчино и начали работы 10-ю рабочими. ...3 августа работали 30 человек... 4 августа работали 30 человек... 5 [августа] работали 40 человек... 7-го [августа] работали 60-ю человеками... вышли до грунта и окончили работы» (Там же, л. 13).

Всесторонний анализ изученных курганных насыпей позволил Л. К. Ивановскому разработать первую в истории новгородской археологии классификацию погребальных древностей. Им было выделено два типа погребальных насыпей: «I — курганы без жертвенника и II — курганы с жертвенником». Он подробно описал стратиграфию каждого типа памятников, выделил общие и отличительные признаки, отметил сопутствующие находки (Труды II АС, 1881. С. 61 [3-я паг.]). Главное отличие курганов второго типа (к которому отнесен 2-й Марфинский курган) от первого состоит, по его мнению, в том, что «в центре кургана груда камней, покрытая одним большим камнем в форме плиты, — вся постройка производит впечатление стола, покрытого и окруженного золою и углями». Он упоминает, что аналогичные конструкции, по словам местных крестьян, встречаются в «Зоробынских лесах и известны там под именем “колес” (имен. «коло»))» (Там же. С. 62 [3-я паг.]). Возможно, речь идет о группе памятников, известной в современной историографии под наименованием «каменный круг». Следует отметить, что впускные погребения, зафиксированные при раскопках, были правильно интерпретированы им как позднейшие.

Все исследованные жальничные могильники (кроме Марфинского) описаны автором без подробностей. Ни из статьи, ни из архивных материалов не ясно общее количество исследованных погребений. Указаны только некоторые характерные особенности:

— конструкция (гл. от 2 до 4 ½ арш., стены и дно выложены кусками гранита, «чернозем с довольно заметным затхлым запахом»);

– положение погребенного («кости лежат лицом и ногами к восточной четверти компаса; руки не имеют определенного положения, — один раз они согнуты в локтевых сочленениях и кисти приходятся по бокам черепа, другой раз вытянуты по бокам костяка, иногда кости лежат одна над другой над лонным сочленением») (Там же. С. 66 [3-я паг.]).

В заключение исследователь пишет, что цель написания статьи состояла в «изложении фактов». Он удерживается от всяких выводов как «вследствие небольшого количества материалов», так и потому, что выводы могли бы выйти за рамки его специальности: «...я невольно мог бы увлечься в область несправедливых догадок и заблуждения» (Там же. С. 67 [3-я паг.]).

Высокую оценку проведенным работам дал А. С. Уваров, который при обсуждении доклада на съезде указал, что характерные признаки устройства сопок, замеченные при раскопках З. Золенга-Ходаковского и Л. К. Ивановского, совпадают (Там же. С. 15 [1-я паг.]).

Работа археолога увлекла Л. К. Ивановского, возможно, в дальнейшем он планировал продолжить раскопки в Новгородской губернии. В письме к Ф. П. Ландцверту он отмечает, что «весь Старорусский и Демянский уезды, в археологическом смысле, местности крайне интересные и неразработанные» (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 3, 1871, № 47, л. 14 об.). Тем не менее в истории отечественной археологии Л. К. Ивановский более известен как исследователь курганов на Ижорском плато в Санкт-Петербургской губернии, материалы раскопок которых были подготовлены к изданию в 1896 г. А. А. Спицыным (*Спицын*, 1896).

В конце 70-х гг. XIX в. территория Новгородской губернии была обследована А. В. Елисеевым. Всего им было зафиксировано 113 археологических памятников, из которых, в той или иной степени, были раскопаны 29 курганных могильников в Демянском, Крестецком, Новгородском и Старорусском уездах.

Методику («способ») изучения курганных могильников сам автор описывает следующим образом:

1) «насколько возможно тщательно мы изучали внешний вид кургана и осматривали все его склоны, обвалы, ямы, рывины, каналы, идущие около него, его подошву»;

2) «употребляли зондирование, причем щупом нам служил шомпол от ружья... Если... определялось что-нибудь интересное, то ручная

кирка и широкий нож доканчивали дело» (*Елисеев*, 1881. С. 326).

При этом он заявляет: «Памятуя правило, что по возможности надо щадить памятники такой глубокой древности, как курганы, там, где нельзя произвести их раскопку по всем правилам археологической науки, мы можем, положив руку на сердце, сказать, что не испортили ни одного кургана. Где можно было добыть что-нибудь — мы добывали; где это было нам не по силам — мы оставляли для будущих исследователей» (Там же).

Несмотря на столь «щадящий» способ изучения курганных насыпей, А. В. Елисеев сделал несколько важных наблюдений об особенностях погребального обряда. В 1878 г. при раскопках кургана у д. Котово (Старорусский р-н), на вершине которого, по преданию, стоял идол, исследователь обнаружил «настоящее кострище с остатками пережженных и обуглившихся костей». Аналогичные находки были зафиксированы им и в других курганах. Отмечен исследователем и факт помещения сожженных костей в урну («показания крестьян д. Горцы») (Там же. С. 326–329). Также он обратил внимание и на многочисленные случаи нахождения человеческих скелетов в курганных насыпях, из чего А. В. Елисеев делает неверный вывод: «...мы... твердо убеждены, что Ильменские Славяне в курганное время и сжигали и погребали покойников, хотя последняя форма была более употребительною» (Там же. С. 329). Курганные насыпи, содержащие человеческие кости, исследователь делит на две категории: I — могилы для одного человека и II — общие могилы, «покрывающие останки нескольких или многих людей». Курганы II категории дали основную массу антропологических материалов: «...у д. Ускибья, двух Подгощинских, трех Солоницких, Солобской первой и второй, двух Лобыньских, двух Рябковских, Фадеевской, Мало-Витонской и 3 Больше-Витонских, Лунышинской, Залучьевской, Нагаткинской, Боровицкой, Ладышкинской, Стехновской, Рыковской, двух Коньковских, обеих Льзинских и некоторых других мы выкапывали кости сами», — пишет А. В. Елисеев. Он также перечисляет ряд пунктов, из которых известны находки костей «по словам местных обитателей» (Там же. С. 334).

Исследователь всесторонне изучил антропологические материалы. Для определения древности человеческих костей он применил метод, предложенный химиком Куэрбом,

закрывающийся в том, что «зарытая кость в течение столетия теряет около 3 частей органического вещества и что если цифру, выражающую потерю органических веществ разделить на три, то частное покажет возраст или древность кости в столетиях» (Там же. С. 335). В результате были получены данные, что кости одного и того же кургана содержат разное количество органических веществ. По мнению А. В. Елисеева, «всего проще и естественнее эти различия объясняются неодновременным погребением в данную почву тех или других костей» (Там же. С. 338).

Обмеры костных остатков дали данные о росте древних новгородцев. Краниометрические обследования, выполненные автором, показали наличие как «долихоцефалических» черепов, так и «брахицефалических», что позволило А. В. Елисееву предположить, что «в курганное время мы имеем в бассейне Ильменя два совершенно отличные друг от друга народа: один — по анатомическим признакам близко подходящий к современным обитателям этой местности, и другой — сродный курганному человеку всей Европы» (Там же. С. 349).

Археолого-антропологические раскопки в Новгородской губернии были продолжены по инициативе основателя Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете А. П. Богданова, под руководством которого в 1877–1879 гг. велась подготовка Антропологической выставки (Лебедев, 1992. С. 133; Юровская, 2004. С. 64–80). В феврале 1877 г. он посетил Новгород, где его сопровождал о. Н. Г. Богословский (о нем: Мусеев, 1999), и уже в июле этого же года в протоколах заседаний комитета по устройству выставки зафиксировано, что «постановлено просить Н. Г. Богословского из Новгорода принять на себя труд раскопок курганов, собирание каменных орудий и фотографий местного населения, для чего передать в его распоряжение 100 рублей». В этом же протоколе сообщено об избрании Н. Г. Богословского в члены Комитета по устройству Антропологической выставки (Девятое заседание..., 1878. С. 213).

Н. Г. Богословский уже имел к этому времени некоторый опыт ведения археологических исследований. Помимо сбора сведений и обследования археологических памятников он занимался и их раскопками. Им были раскопаны сопки у деревень Аксентьево, Яжелбицы, Великий Двор, Едрово (совр. Валдайский р-н), Корытница (совр. Окуловский р-н), Святое (совр. Боровичский

р-н), Витин Бор (совр. Любытинский р-н) (ОПИ НГОМЗ. Ф. 16, оп. 1, № 302, л. 10, 11–11 об., 12 об., 13, 14). Из этого списка опубликовано краткое сообщение о раскопках курганов у д. Едрово в 1865 г. (Богословский, 1866. С. 12–15; Двенадцатое заседание..., 1878. С. 315–316), а найденный череп с костями был передан в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и в настоящее время хранится в фондах Научно-исследовательского института и Музея антропологии МГУ (Алексеева и др., 1986. С. 109, № 3303). Также есть краткая информация о раскопках сопки в д. Волоотово Никольской волости Новгородского уезда (Новгородский р-н): «...обнаружил, что курган был насыпан поверх земли, ничего не найдено» (Богословский, 1866. С. 315). Основная цель раскопок состояла, по всей видимости, в приобретении археологических древностей для формирующегося музея, основанного в середине 60-х гг. XIX в. в Новгороде, но они не принесли ожидаемых результатов, в рукописи напротив исследованных памятников лаконичная пометка: «Ничего не найдено».

Н. Г. Богословский активно включается в работу, порученную Комитетом по подготовке Антропологической выставки. В течение 1877–1878 гг. были исследованы следующие памятники:

1. Курган у с. Горцы Подгощской волости Старорусского уезда (совр. Шимский р-н) (Десятое заседание..., 1878. С. 243);

2. Древнее кладбище «Богатырское поле» д. Волоотово Никольской волости Новгородского уезда (Новгородский р-н) (Двенадцатое заседание..., 1878. С. 315–316);

3. Курган у д. Ушерско Никольской волости Новгородского уезда (Новгородский р-н) (Богословский, 1878а. С. 206);

4. Курган у д. Радионово (Новгородский р-н). Раскопки проводились в присутствии великих князей Сергея и Павла Александровичей, Константина и Дмитрия Константиновичей, а также графа А. С. Уварова и профессора кафедры русской истории Петербургского университета К. Н. Бестужева-Рюмина. Найденные черепа были отправлены «лейб-медику Здекауцеру», выяснить дальнейшую судьбу этих находок не удалось (Богословский, 1878 б. С. 205);

5. Курган и три жальничных могильника у с. Косицкое Косицкой волости Новгородского уезда (Батецкий р-н) (Богословский, 1878 в. С. 206).

Все антропологические материалы, полученные в результате этих раскопок (за исключением

кургана у д. Радионово), переданы в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и в настоящее время хранятся в фондах Научно-исследовательского института и Музея антропологии МГУ (*Алексеева и др.* 1986. С. 97, № 3252–3273, 3275–3280, 3282, 3284, 3286, 3288; С. 105, № 3304–3314, 3316–3330, 3332–3334; С. 116, № 3230–3243, 3246; С. 140, № 3337–3341, 3343, 3344, 3346–3348).

Все отчеты Н.Г. Богословского об исследованных памятниках были опубликованы в трудах Антропологического отдела Известий Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Описания раскопок в целом очень запутанные. Очевидно, что у автора отсутствует необходимый опыт и знания, тем не менее он максимально добросовестно старался зафиксировать вскрытые в процессе раскопок стратиграфические слои и объекты. Исследователь также не претендует на анализ результатов своих изысканий, основная задача — получение антропологических материалов. Все коллекции были им тщательно, соответствующим образом документированы (например, в одном из отчетов написано: «На всех черепахах наклеены гуммиарабиком ярлыки, и на обертке костей надписи. При сем прилагается ящик с остатками погребальной урны, жженных костей из кургана в Горцах. Подробный отчет расходов приложен особо») и отправлены в Москву (Десятое заседание... 1878, С. 243). Отчетные заметки, опубликованные в Известиях Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, свидетельствуют, что Н.Г. Богословский был чрезвычайно увлечен раскопками. Например, он пишет: «Завтра 19 августа начинаю раскопку Богатырского поля в Волотове, близ Новгорода. Расходу на эту операцию предвидится до 35 рублей, потому что разрытое поле надо будет разровнять. Потом поеду за Ильмень озеро в пустошь, разрывать древнее кладбище, на что примерно потребуется расходу до 30 рублей. Таким образом, из присланных мне 100 рублей к сентябрю будет все израсходовано, между тем в разных местах Новгородской губернии есть до 60 курганов и жальников, в которых непременно найдутся черепа и кости разных периодов и которые бы можно было исследовать, хотя половину, если бы Комитетом выслана была на этот предмет сумма». Резолюция Комитета по подготовке Антропологической выставки: «постановлено: ...выслать еще 50 рублей на продолжение раскопок» (Там же).

Следует отметить, что Н.Г. Богословский в целом выполнил поставленную задачу. На Антропологической выставке, которая состоялась в 1879 г., были представлены в том числе и новгородские материалы. Выставка стала «важным этапом в развитии отечественной антропологии и привлекла к ней внимание широких общественных кругов... [и] оценивалась как крупнейшее событие в науке» (Колыбель российской антропологии, 2004. С. 93).

Краниологические коллекции, собранные Н.Г. Богословским и А.П. Волкенштейном, были изучены и опубликованы известным антропологом А.П. Богдановым (*Богданов*, 1879. С. 462–475). Тщательно изучив и проанализировав коллекции, полученные в результате раскопок в Новгородском (деревни Ушерско, Волотово), Валдайском, Лужском (с. Косицкое), Старорусском (д. Горцы) уездах, исследователь выдвинул основной тезис, который заключался в том, что «первоначальный чистый краниологический тип славян был длинноголовый» (Там же. С. 475).

Таким образом, в 70-е гг. XIX в. внимание научных центров Санкт-Петербурга и Москвы обращается к древностям Новгородской земли, идет формирование антропологических коллекций, публикуются первые результаты исследований, выдвигаются первые научные гипотезы о древнем населении Северо-Запада.

Алексеева и др., 1986. — *Алексеева Т.И., Ефимова С.Г., Эренбург Р.Б.* Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии Московского государственного университета. М., 1986.

Аничков, 1916. — *Аничков И.В.* Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии // Труды XV АС в Новгороде, 1911 г. / Под ред. гр. Уваровой. М., 1916. Т. 2.

Богданов, 1879. — *Богданов А.П.* Древние новгородцы в их черепах // ИОЛЕАЭ. М., 1879. Т. 35 (Тр. Антроп. отд. Т. 5: Антроп. выст. Т. 3 (с фотографиями и с полиטיפажами), ч. 1 / Под ред. А.П. Богданова).

Богословский, 1866. — *Богословский Н.Г.* О раскопках у с. Едрово Валдайского уезда // Новгородский сборник. Новгород, 1866. Вып. 5: Приложения.

Богословский, 1878а. — *Богословский Н.Г.* Раскопка близ с. Ушерка // Антропологическая выставка ОЛЕАЭ / Под ред. А.П. Богданова. М., 1878. Т. 2 (ИОЛЕАЭ, Т. 31: Тр. Антроп. отд. Т. 4).

Богословский, 1878б. — *Богословский Н.Г.* Раскопка близ д. Радивново // Антропологическая выставка ОЛЕАЭ / Под ред. А.П. Богданова. М., 1878. Т. 2 (ИОЛЕАЭ, Т. 31: Тр. Антроп. отд. Т. 4).

Богословский, 1878в. — *Богословский Н.Г.* Раскопка в с. Косицком // Антропологическая выставка ОЛЕАЭ / Под ред. А.П. Богданова. М., 1878. Т. 2 (ИОЛЕАЭ, Т. 31: Тр. Антроп. отд. Т. 4).

Волкенштейн, 1881. — *Волкенштейн А.П.* Несколько слов об антропологии жальников Валдайского уезда // Труды II АС в Санкт-Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2.

- Двенадцатое заседание..., 1878. — Двенадцатое заседание 10 октября 1877 года: [О раскопках Н. Г. Богословского в с. Волоотово] // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1878. (Т. 27: Труды Антропологического отделения. Т. 3: Антропологическая выставка Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 1: Заседания по устройству выставки в 1877 году / Под ред. А. П. Богданова).
- Девятое заседание..., 1878. — Девятое заседание 22 июля 1877 года: [Об избрании Н. Г. Богословского в члены Комитета] // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1878 (Т. 27: Труды Антропологического отделения. Т. 3: Антропологическая выставка Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 1: Заседания по устройству выставки в 1877 году / Под ред. А. П. Богданова).
- Десятое заседание..., 1878. — Десятое заседание 22 августа 1877 года: [О раскопках Н. Г. Богословского в с. Горцах и сообщении о планируемых раскопках в с. Волоотове] // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1878 (Т. 27: Труды Антропологического отделения. Т. 3: Антропологическая выставка Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 1: Заседания по устройству выставки в 1877 году / Под ред. А. П. Богданова).
- Елисеев*, 1881. — *Елисеев А. В.* К археологии и антропологии Ильменского бассейна: [начало] // ЖМНП. СПб., 1881. Ч. 214, апрель.
- Колыбель российской антропологии, 2004. — Колыбель российской антропологии / Под ред. проф. В. П. Чтецова. М., 2004.
- Лебедев*, 1992. — *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992.
- Левин*, 1960. — *Левин М. Г.* Очерки по истории антропологии в России. М., 1960.
- Моисеев*, 1999. — *Моисеев С. В.* Николай Гаврилович Богословский, 1824–1892. Новгородский краевед, протоиерей: К 175-летию со дня рождения. Великий Новгород, 1999.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 3. 1871. № 47. О командировке лекаря Л. К. Ивановского в Новгородскую губернию для произведения раскопок жальников на берегах озера Ильмень; Ф. 3. 1871. № 395. Протоколы собраний Русского археологического общества. О раскопках А. П. Волкенштейна и Л. К. Ивановского.
- ОПИ НГОМЗ. Ф. 16, оп. 1, № 302. Сведения о городищах, насыпях и курганах, находящихся в Новгородской губернии (по материалам, собранным Н. Г. Богословским).
- Спицын*, 1896. — *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб., 1896.
- Труды II АС, 1881. — Труды II Археологического съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2.
- Юровская*, 2004. — *Юровская В. З.* Анатолий Петрович Богданов (1834–1896). М., 2004.

ВЫДАЮЩИЙСЯ АРХЕОЛОГ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ТЕРЕНОЖКИН: к 100-летию со дня рождения¹

С. А. Скорый²

Масштабы деятеля археологической науки оцениваются не только с учетом широты и глубины разрабатываемой им проблематики, но и размаха его полевой работы, ее географии, которые в немалой степени и определяют исследовательские диапазоны. В этом смысле судьба и научная деятельность профессора Алексея Ивановича Тереножкина, 100-летие со дня рождения которого отметили в 2007 г. Институт археологии НАН Украины и его Отдел археологии раннего железного века, а по большому счету — в целом широкая археологическая общественность, показательны и во многом поучительны.

О биографии и научной деятельности А. И. Тереножкина написано немало, во всяком случае, на Украине (*Лесков, 1967; Мозолевський, Черненко, 1978; Алексей Иванович Тереножкин, 1982. С. 297–298; Березанская, 1987; 60 років Інституту археології..., 1994. С. 35–40; Мурзін, 1996; 1998; Черняков, 1998; Скорий, 2005а. С. 7–8; 2005б. С. 253–257*). В последнее время опубликованы небольшой книгой и дневниковые записи самого Алексея Ивановича, а также часть эпистолярного наследия, относящиеся к различным периодам его жизни (*Из жизни..., 2006*).

И все же в этот юбилейный год, безусловно, необходимо вспомнить главные жизненные вехи А. И. Тереножкина, закономерно сосредоточив основное внимание на его исследовательской работе.

Алексей Иванович Тереножкин родился 26 ноября 1907 г. в небольшом заволжском степном городке Николаевск Самарской губернии

(позже — Пугачев Саратовской области) в семье книготорговца, купца второй гильдии Ивана Александровича Тереножкина. Он был вторым ребенком в семье: брат Александр был старше его на два года.³ Начальное образование Алексей получил в церковно-приходской школе, затем перешел в гимназию, вскоре преобразованную в среднюю школу (тогда с девятилетним сроком обучения), которую окончил в 1926 г. (рис. 1). Безусловно, наряду с различными природными дарованиями Алексею Тереножкину уже с раннего детства были присущи невероятная целеустремленность и настойчивость в достижении

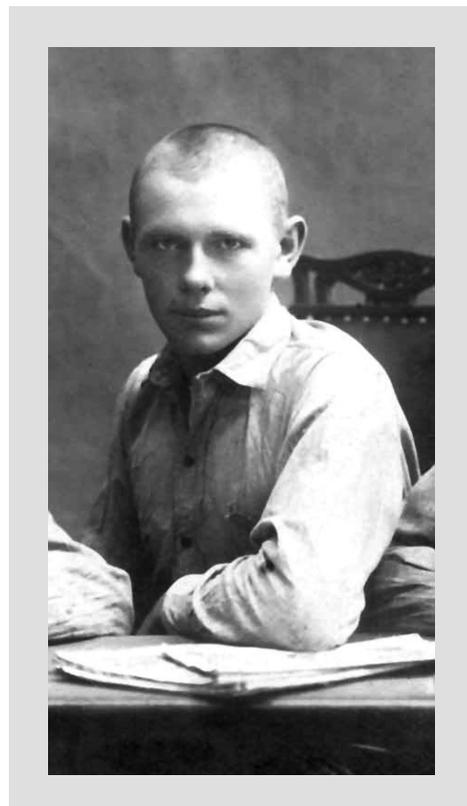

Рис. 1. Далекая юность

Fig. 1. Remote youth

¹ Доклад, прочитанный на конференции «Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження О. І. Тереножкіна» (Чигирин, 16–19 мая 2007 г.).

² Украина, 04210, Киев, пр. Героев Сталинграда, 12. Институт археологии НАНУ. Отдел археологии раннего железного века.

© С. А. Скорый, 2010

³ Впоследствии известный ученый-аграрий.

поставленных целей. Интерес к древней истории и археологии у него пробудился очень рано. Одной из первых книжек, прочитанных им, была «Борьба за огонь» Дж.-Рони (Старшего). По воспоминаниям самого Алексея Ивановича, он в 1919–1920 гг. (то есть в возрасте 12–13 лет) обнаружил на берегах р. Большой Иргиз поселения бронзового века (срубной культуры). Несомненно, именно тогда и зародилась любовь к полевой археологической работе, которой Тереножкин был верен на протяжении всей жизни, внося в ее методику существенный вклад. Голод в Поволжье 1921 г., от которого семья спасалась до 1923 г. на Украине (в с. Пеньковка и Жмеринке), прервал школьные занятия и поиски археологических памятников. Вернувшись в Пугачев, Тереножкин начинает активно сотрудничать с Пугачевским краеведческим музеем, проводя археологические разведки. В итоге им и заведующим музеем К. И. Журавлевым в 1928 г. была составлена подробная карта поселений срубной культуры в Пугачевском уезде. В 1926 г., по окончании школы, в жизни 19-летнего Алексея Тереножкина произошло, безусловно, знаковое событие, определившее его дальнейшую судьбу: он познакомился с профессором В. В. Гольмстен и принял участие в археологической разведке Высших курсов при Самарском обществе краеведения, которая проводилась на территории восточнее Самары, по рекам Самара и Кинешо. Осенью того же года А. И. Тереножкин поступил на археолого-этнологическое отделение названного учебного заведения. Так началось обретение профессии археолога. В 1927 г., в период обучения, А. И. Тереножкин осуществил раскопки на двух селищах срубной культуры — Успенском и Клопихинском, а также исследовал несколько курганов эпохи бронзы в группах вдоль правого берега р. Мокрая Клопиха.

В 1928 г. А. И. Тереножкин после окончания курсов перешел на историко-археологическое отделение этнологического факультета при 1-м Московском государственном университете, окончив его в 1930 г. и завершив, таким образом, археологическое образование. Научными руководителями А. И. Тереножкина в студенческие годы были профессор В. В. Гольмстен и В. А. Городцов. К этому же времени относится знакомство молодого Тереножкина с Б. Н. Граковым.

Мы не случайно столь подробно остановились на отрезке биографии Алексея Ивановича до поступления его в университет. Разумеется, по сравнению с последующими двумя периодами

его жизни и научной деятельности — среднеазиатским и украинским, он менее значителен и по времени, и, главное, — по полученным результатам. Но забывать о нем не следует, ибо формирование А. И. Тереножкина как археолога-исследователя началось на *российской земле* и вклад его в развитие российской археологии несомненен. Добавим также, что, увлекшись еще в студенческие годы среднеазиатской археологией, А. Тереножкин несколько позже принимал участие в масштабных археологических разведках на востоке России, в Приуралье. В 1932 г. он произвел разведку по р. Урал, от г. Уральск до г. Лбищенск (300 км), в 1933 г. под руководством Б. Н. Гракова участвовал в обследовании зон проектируемых гидроэлектростанций в районе Орска и Магнитогорска.

Истоки интереса к среднеазиатским древностям, побудившего А. И. Тереножкина посвятить им значительную часть своей жизни и научной деятельности, сам он объяснял впоследствии следующим образом: «Проведя детство и юношество в Заволжье, в пограничье между Европой и Азией, в университете обратился к археологии Средней Азии, увлечение которой составило в моей жизни многое» (Из жизни..., 2006. С. 98). Следует подчеркнуть, что в конце 20-х гг. прошлого века в археологии Средней Азии было чрезвычайно много белых пятен. Неизученными оставались, по сути, целые регионы огромной территории, содержавшие древности различных эпох. На молодого исследователя в эти годы сильное воздействие оказали труды выдающегося востоковеда В. В. Бартольда (особенно его отчеты о научных поездках в Киргизию), работы специалиста по среднеазиатской архитектуре Б. Н. Засыпкина, также историко-археологические исследования А. Ю. Якубовского, посвященные первым поездкам в Хорезм 1929–1930 гг.

Уже первое непосредственное знакомство с археологическими памятниками Средней Азии укрепило мнение молодого исследователя в правильности сделанного выбора. Речь идет об участии в раскопках в 1927 г. в Узбекистане, на цитадели г. Пянджикент VI–VIII вв., которые проводились под руководством А. Ю. Якубовского (в 1948 г. Алексей Иванович вновь примет участие в работе этой экспедиции и осуществит исследование храма № 2 в Шахристане, интереснейшего по архитектуре и сохранившимся настенным росписям), а также в двух самостоятельных археологических разведках в Киргизии (1929 г. по долине р. Чу к востоку и к западу от

г. Фрунзе; 1930 г. — разведка по долине р. Талас), в ходе которых Тереножкину удалось выявить неизвестные ранее огромные средневековые городища.

Однако следует при этом заметить, что его служебное положение в эти годы было далеким от какой-либо стабильности. Об этом свидетельствует следующий перечень, приведенный в одной из автобиографий А.И. Тереножкина: 15.X.1929–10.III.1930 — научный сотрудник археологического отдела Исторического музея и преподаватель обществоведения в геологоразведочном техникуме в Москве; 24.X.1930–7.VIII.1931 — заведующий краеведческим музеем в г. Алапаевск Свердловской области; 16.VIII.1931–13.XI.1931 — научный сотрудник Московского областного краеведческого музея; I.1932–XII.1934 — инструктор отдела кадров Центрального совета общества пролетарского туризма и экскурсий в Москве (Из жизни..., 2006. С. 98).

Несмотря на эти жизненные обстоятельства, молодой исследователь тщательно готовился к дальнейшим археологическим работам в Средней Азии. Из его воспоминаний видно, что он глубоко прорабатывал всю доступную ему литературу по среднеазиатской проблематике, имеющуюся в Ленинской библиотеке, копировал карты и схемы, на которых были изображены селения и руины древних городов, каналы и пр. Уже тогда он пришел к выводу, что наиболее перспективными для археологических открытий являются территории Правобережья Амударьи: «Можно было ожидать, что на этих землях окажутся памятники не только средневековья, но и более ранней античной поры» (Там же. С. 16). Его предположение стало реальностью буквально через несколько лет. С 1934 г. начался поистине плодотворный период археологических исследований А.И. Тереножкина в Средней Азии, который продолжался до 1948 г. (и был прерван лишь войной, с 1941 по 1945 г.). Он стал участником и организатором разведок и раскопок многих экспедиций на территории Казахстана, Таджикистана и особенно Узбекистана. В 1934 г. в составе экспедиции М.В. Воеводского, совместно с А.А. Потаповым, молодой археолог осуществил исследования в Хорезме, в области нижнего течения Амударьи. Основным объектом изучения тогда явилось средневековое городище Замахшар с прекрасно сохранившимися фортификационными сооружениями. Здесь были произведены небольшие раскопки на местах горнов для

обжига расписной поливной керамики. В ходе этих работ были собраны и фрагменты терракотовых и алебастровых статуэток, которым вначале не придали особого значения. Оказалось, что это были находки из античного Замахшара, остатки которого залегали под слоем наносного песка, но это стало понятным позже.

В 1937 г., когда С.П. Толстов (в тот период ученый секретарь Московского отделения ГАИМК) решил создать многолетнюю экспедицию для исследования в Средней Азии, А.И. Тереножкин (тогда аспирант ИИМК АН СССР) предложил произвести работы в Хорезме, с целью поиска памятников домусульманского времени, причем начать их на Правобережье Амударьи. Летом 1937 г. А.И. Тереножкин, который, по сути, был и начальником, и единственным научным сотрудником Хорезмской экспедиции 1937 г., в пустынных безжизненных местностях к востоку от г. Тырткуль обнаружил группу (более 30) выдающихся памятников доарабского Хорезма. Среди них особенно выделялись своими масштабами и сохранностью раннесредневековая крепость Беркут-кала (то есть Орлиная крепость) и комплекс античных крепостей Аяз-калы. Как позже писал Алексей Иванович: «В оазисе Беркут-кала мне приоткрылась завеса над главной тайной древности, над античным Хорезмом». И далее: «Открытие в 1937 г. памятников домусульманского Хорезма считаю своим важнейшим достижением» (Там же. С. 22–23). Это открытие положило начало многолетним плодотворным работам Хорезмской экспедиции под руководством С.П. Толстова.

В начале 1939 г. А.И. Тереножкин стал научным сотрудником Института истории и археологии Узбекской Академии наук и из Москвы переехал в Ташкент. В качестве объекта диссертационного исследования он выбрал совокупность памятников VII–VIII вв., составляющих комплекс Беркут-кала, однако противодействие со стороны начальника Хорезмской экспедиции не позволило выполнить намеченную работу.

В сложившейся ситуации А.И. Тереножкин в 1940 г. несколько изменил географию своих научных изысканий и перенес археологические исследования на окрестности Ташкента. Здесь для него особый интерес представлял могучий замок Ак-тепе на канале Боз-су. В ходе его раскопок в 1940–1941 гг. были получены весьма успешные результаты по истории среднеазиатской монументальной архитектуры и материальной культуры домусульманского времени.

Одновременно с этим, весной 1940 г., Алексей Иванович осуществлял наблюдения на строительстве Большого Ташкентского канала, получив ценные разнородные материалы от эпохи бронзы до начала II тыс. н.э. В ходе новейших исследований ему удается доказать ошибочность отнесения культур Каунчи II в Ташкентском оазисе и Талли-Барзу I к ахеменидскому времени, установив, что их необходимо датировать временем не ранее рубежа новой эры. В среднем течении Сырдарьи он выделил неизвестную ранее культуру раннего железного века — бургулюкскую.

В свете этих исследований тема, связанная с разработкой историко-археологической периодизации культур Средней Азии — от эпохи раннего железа до раннего средневековья, абсолютно не исследованная область знаний, стала особенно актуальной. Именно ее А. И. Тереножкин избрал в качестве темы диссертации.

Начавшаяся война прервала археологические исследования молодого ученого. Осенью 1941 г. А. И. Тереножкин ушел на фронт (рис. 2). В рядах 4-й гвардейской армии он прошел славный боевой путь от Сталинграда до Вены и был награжден орденом Красной Звезды и медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией». Следует сказать, что, будучи на фронте, Алексей Иванович по поручению Военного совета 4-й гвардейской армии принял участие в написании большой книги «Боевой путь Н-ской гвардейской армии от Сталинграда до Вены» (в соавторстве). Она была издана в 1945 г. и роздана на память бойцам и командирам.

После демобилизации А. И. Тереножкин вернулся в Ташкент и восстановился в прежней должности научного сотрудника Института истории и археологии АН Узбекистана. Основным объектом исследований он выбирает городище Афрасиаб — руины древнего Самарканда (Марканда античных авторов), одного из важнейших центров среднеазиатской цивилизации, разрушенного в 1220 г. полчищами Чингиз-хана.

В 1946 г. Алексей Иванович переезжает из Ташкента в Самарканд, где создает постоянную Археологическую базу Института истории и археологии АН Узбекистана. Три года упорных работ в Афрасиабе (1945–1947 гг.) позволили исследователю получить важнейшие материалы для историко-археологической периодизации этого памятника. Ему удалось убедительно доказать, что Самарканд как большой город возник

Рис. 2. Старший лейтенант Алексей Тереножкин. Румыния, 14 ноября 1944 г.

Fig. 2. Senior lieutenant Aleksey Terenozhkin. Romania, November 14, 1944

на месте городища Афрасиаб еще в ахеменидское время, в VI в. до н.э. Забегая несколько вперед, отметим, что открытие А. И. Тереножкина получило широкий общественный резонанс, и позже, в 1970 г., в Самарканде прошли юбилейные торжества, посвященные 2500-летию основания города.

Итоги обширных и весьма результативных работ, осуществленных в 1940–1941, 1945–1947 гг., были подведены А. И. Тереножкиным в кандидатской диссертации «Согд и Чач», посвященной историко-археологической периодизации культур Средней Азии, блестяще защищенной 28 апреля 1948 г. в Ленинграде в Институте истории материальной культуры АН СССР.

В свете всего сказанного становится вполне понятным, почему А. И. Тереножкина справедливо считают одним из основателей современной среднеазиатской археологии.

Весной 1948 г., немногим более месяца до защиты диссертации, а точнее, 17 марта, в Самарканде на раскопках Алексей Иванович познакомился с молодой женщиной, сыгравшей

огромную роль в его судьбе и таким образом оказавшей немалое влияние на развитие среднеазиатской и украинской археологии. Этой женщиной была Варвара Андреевна Ильинская, в то время аспирантка Института археологии АН УССР.

Она стала самой большой любовью в жизни А.И. Тереножкина, женой и верной соратницей в его последующей работе.⁴ Ей удалось убедить Алексея Ивановича заняться украинской археологией. Разумеется, сделать это было весьма нелегко. Во-первых, после выдающихся открытий в Средней Азии, блестящей защиты кандидатской диссертации перед А.И. Тереножкиным открывались заманчивые перспективы дальнейших масштабных исследований (рис. 3). Во-вторых, не хотелось терять ценного работ-

курганов, в том числе скифских, в Нижнем Поднепровье, в районе Никополя (*Кривцова-Гракова*, 1962. С. 5). Свои сомнения на этот счет Алексей Иванович изложил в одном из писем к В. А. Ильинской в достаточно поэтической форме: «...мне так хочется работать на Украине, но я не уверен, что гладко привьюсь к вишневой веточке у хаты» (*Из жизни...*, 2006. С. 57). Но обоюдная любовь и настойчивость Варвары Андреевны победили. Все перипетии этого небольшого по времени, но достаточно напряженного периода в жизни Алексея Ивановича ярко отражены в его эпистолярном наследии (Там же. С. 55–69) (рис. 4).

В декабре 1948 г. по приглашению академика П.П. Ефименко, директора Института археологии АН Украинской ССР, А.И. Тереножкин

Рис. 3. На раскопках Пенджикента. Храм № 2 с настенными росписями. Август 1948 г.

Fig. 3. Excavation of Pendzhikent. Temple no. 2 with wall paintings. August, 1948

ника и руководству Института истории и археологии Узбекской Академии наук. Наконец, в-третьих, и у самого Алексея Ивановича были некоторые сомнения в том, нужно ли столь резко менять сферу своих научных интересов. Украина не была *terra incognita* для А.И. Тереножкина. Как известно, в 1921–1923 гг. еще мальчиком он спасался здесь от страшного голода в Поволжье, позже, в годы Великой Отечественной войны, в составе 4-й гвардейской армии с боями прошел по лесостепной Украине. Однако от археологической проблематики, связанной с этим регионом, он был далек. Лишь однажды, в 1938 г., ему пришлось участвовать в экспедиции Б.Н. Гракова, осуществлявшей раскопки

переехал в Киев и был принят на должность старшего научного сотрудника в Отдел скифо-античной археологии. Так начался украинский период жизни и научной деятельности Алексея Ивановича. 1 апреля 1949 г. он стал заведующим Отделом и работал в этой должности до 1981 г., то есть 32 года. В статье, посвященной 60-летию Отдела археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины, я назвал время его руководства отделом — «эпохой Тереножкина» в истории этого подразделения, что считаю вполне объективным (*Скорий*, 2005а. С. 5, 253). Сферой научных интересов А.И. Тереножкина становятся предскифский и скифский периоды на юге европейской части СССР. «Мне, — как напишет Алексей Иванович в наиболее поздней, незавершенной автобиографии, — пришлось резко и быстро перестроиться в своей исследовательской работе, как того потребовал переход

⁴ В. А. Ильинская (1920–1979) — выдающийся украинский археолог, скифолог, биография которой требует особого рассмотрения. См. о ней: Памяти Варвары Андреевны Ильинской, 1981.

Рис. 4. С женой и сыном Андреем.
Киев, ноябрь 1952 г.

Fig. 4. With his wife and son Andrey.
Kiev, November, 1952

от среднеазиатской к восточноевропейской тематике» (Из жизни..., 2006. С. 102).

Остается только поражаться тому, как стремительно и результативно вошел в восточноевропейскую проблематику А. И. Тереножкин. Сейчас, по прошествии значительного времени, оценивая сделанное Алексеем Ивановичем в развитии украинской археологии, совершенно определенно можно утверждать, что на украинской почве еще более рельефно, нежели в Средней Азии, проявилось не только его умение масштабно оценивать то ли иное историческое явление, но и безошибочно видеть наиболее актуальные проблемы археологии и, главное, — четко определять верные пути к их решению.

Одной из таких «болевыми» проблем являлась проблема хронологии так называемой белогрудовской культуры эпохи бронзы, выделенной еще в 20-х гг. прошлого века, прежде всего на материалах памятников в районе Умани, а также ее хронологические позиции относительно древностей собственно скифской поры.

Произведя разведки и небольшие раскопки весной 1949 г. на белогрудовских памятниках вблизи Умани, Алексей Иванович четко установил, что белогрудовская культура относится к концу бронзового века.

Остро стал вопрос о возможности существования неких архаических памятников железного века между белогрудовской культурой и древностями скифской поры.

И такие памятники были обнаружены А. И. Тереножкиным весной 1949 и поздней осенью

1950 г. в ходе обширных разведок, проведенных на севере Черкасской и юге Кировоградской областей. Он открыл группу неизвестных ранее городищ, среди которых по масштабам выделялось городище в урочище Черный Лес, в верховьях р. Ингулец, на севере Кировоградской области. Осуществленные раскопки показали, что все эти поселения относятся к предскифской поре. Это позволило А. И. Тереножкину выделить особую культуру начала раннего железного века в Среднем Поднепровье, являющуюся звеном между поздним бронзовым веком и собственно скифской эпохой. Эта культура получила название чернолесской. Выделение данной культуры имело огромное значение для понимания позднейшего предскифского периода не только в Лесостепном Правобережье, но и на Украине вообще. Уже в это время А. И. Тереножкин приходит к оригинальному выводу о том, что скифская культура не сформировалась на основе срубной культуры бронзового века, как считал ряд специалистов, в первую очередь московские скифологи, а между культурами есть некий переходный период — от бронзы к железному веку. В последующее время ученый вплотную занялся этой проблемой.

В 1958 г. в Москве в Институте археологии АН СССР, Алексей Иванович успешно защитил докторскую диссертацию «Предскифский период в Днепровском Лесостепном Правобережье», изданную тремя годами позже в виде основательной монографии (*Тереножкин, 1961*). Одним из важнейших положений этой работы был вывод о глубоких местных корнях и этнокультуральной

преимущественности населения Правобережного лесостепного региона, начиная от тшинцево-комаровской культуры эпохи бронзы до зарубинецкой культуры включительно. Это население, по мнению исследователя, должно быть соотнесено с праславянами. Данная монография и донныне считается одной из наиболее глубоких и важных работ по изучению предскифского периода, хотя с годами появились новые материалы, которые позволили уточнить некоторые представления об этом времени, в частности хронологические позиции чернолесской культуры и другие вопросы.

Занимаясь проблемами предскифского времени в украинской Лесостепи, А. И. Тереножкин еще с 50-х гг. параллельно начал работать и над вопросами археологии доскифского периода юга Восточной Европы, а также — собственно скифской археологии.

Он прекрасно осознавал: в зависимости от того, как будут решаться вопросы позднейшего предскифского периода на юге Восточной Европы, зависит и понимание ряда проблем собственно скифской археологии.

Значительное внимание изучению древностей позднейшего предскифского времени в эти годы уделяли помимо А. И. Тереножкина еще два известных специалиста — московский исследователь Е. И. Крупнов и ленинградский — А. А. Иессен.

Е. И. Крупнов в процессе раскопок Каменномостского могильника кобанской культуры на Северном Кавказе (Кабарда) обратил внимание на группу погребений с вещами переходного периода — от эпохи бронзы к раннему железному веку, найдя при этом аналогии ряду изделий в степных памятниках юга Восточной Европы. Датируя эти погребения концом VIII—началом VII в. до н. э., Е. И. Крупнов объяснял наличие в них вещей «восточного облика» степным киммерийским влиянием (Крупнов, 1950. С. 273). В 1952 г. Алексей Иванович опубликовал статью, где он впервые, опираясь на материалы Каменномостского могильника и фрако-киммерийских древностей Карпато-Подоунавья, объединил в культурно-хронологическую группу степные погребения конных воинов из курганов Черноговровского, Камышевахского и Малой Цимбалки. Он датировал их позднейшим предскифским временем (не позже конца IX—VIII в. до н. э.), правда, воздержавшись от этноисторической трактовки этих памятников (Тереножкин, 1952).

Как известно, еще более рельефно комплекс вещей степного (предскифского) времени был

очерчен в работах А. А. Иессена 1953–1954 гг., который выделил на материалах Степного Предкавказья и Северного Кавказа Новочеркасскую группу археологических памятников VIII—начала VII в. до н. э. (название от клада бронзовых вещей, случайно найденного на окраине Новочеркаска Ростовской обл. в 1939 г.). При этом исследователь полагал, что древности подобного типа могли принадлежать как киммерийцам, так и древнейшим скифам, материальная культура которых, по его мнению, была весьма близкой (Иессен, 1953. С. 108–109; 1954. С. 119–126).

Но основная заслуга в разработке периодизации, хронологии и культурно-этнической трактовке позднейших предскифских памятников юга Восточной Европы, бесспорно, принадлежит А. И. Тереножкину. Детально и тщательно исследовав весь круг известных источников, он в ряде обстоятельных статей и в своем завершающем по этой проблематике труде — монографии «Киммерийцы» (Тереножкин, 1976) — показал, что позднейшая предскифская культура, сложившаяся на базе культур эпохи поздней бронзы (в первую очередь — срубной), может быть разделена на два последовательных хронологических этапа (или группы) — черноговровский (900–750 гг. до н. э.) и новочеркасский (750–650 гг. до н. э.). При этом ученым были сделаны два важнейших вывода: 1) указанная позднейшая предскифская культура принадлежит историческим киммерийцам; 2) культура черноговровско-новочеркасского типа не трансформировалась в скифскую культуру, а была сменена ею механически. Это открытие вносило ясность не только в понимание предскифского периода, но и открывало новые перспективы для скифоведения. А. И. Тереножкин хорошо понимал значение сделанного им в изучении предскифского периода: «Книгу “Киммерийцы” считаю главным итогом своей научно-исследовательской деятельности за прошедшие 30 лет: в ней найдены подступы к правильному освещению культуры киммерийцев в нашей стране, она завершила поиск этих начал, о чем мечтали многие наши предшественники» (Из жизни..., 2006. С. 105).

Монография «Киммерийцы» вызвала широкий положительный резонанс в кругу специалистов как отечественных, так и зарубежных, занимающихся проблемами раннего железного века. Вместе с тем необходимо отметить, что не все положения А. И. Тереножкина были восприняты уже в то время однозначно. Так, например, А. М. Лесков, принимая в целом периодизацию

А. И. Тереножкина, предложил иную этнокультурную трактовку и хронологию черногоровской и новочеркасской групп, относя первую из них (середина VIII–начало VII в. до н. э.) к позднейшим киммерийцам, а новочеркасскую (конец VIII–начало последней четверти VII в. до н. э.) — к древнейшим скифам (Лесков, 1981. С. 98). Позже появились иные точки зрения, в частности, о возможности соотнесения с киммерийцами только одной из двух групп позднейших предскифских памятников, а именно новочеркасской группы, и пр. И все же, по прошествии 30 лет, несмотря на определенное увеличение источниковой базы, можно с ответственностью утверждать, что в целом разработки А. И. Тереножкина по киммерийской проблеме (и сама монография «Киммерийцы») не устарели. Значительная часть специалистов в области археологии раннего железного века по-прежнему работает в системе научных координат, четко определенных в предскифской проблематике А. И. Тереножкиным.

Уже первые успехи в изучении предскифского периода в лесостепной и степной частях Украины давали Алексею Ивановичу хорошую основу для познания скифской культуры и Скифии — темы, которая занимала большое место в его научно-исследовательской работе на протяжении всей жизни. При этом надо подчеркнуть, что скифская тема, по сути, разрабатывалась им параллельно с изучением предскифского периода. Основными направлениями, привлекавшими его внимание, были: формирование скифского этноса и происхождение скифской культуры, возникновение и характер скифской государственности, вопросы этногеографии Скифии. Каждый из этих кардинальных вопросов освещался им на протяжении значительного времени в многочисленных работах, написанных как самостоятельно, так и совместно с В. А. Ильинской, и, в конечном счете, нашел концентрированное выражение в ряде блестящих основополагающих статей Алексея Ивановича, таких, как «Об общественном строе у скифов» (Тереножкин, 1966), «Скифская культура» (Тереножкин, 1971), «Класи і класові відношення у Скіфії» (Тереножкин, 1975) и др. Квинт-эссенцию этих разработок содержат написанные совместно с В. А. Ильинской обстоятельные разделы для «Археології Української РСР» (1971), «Археологии Украинской ССР» (1986) и фундаментальная монография «Скифия VII–IV вв. до н. э.» (Ильинская, Тереножкин, 1983).

Уже с конца 1960-х гг. в работах А. И. Тереножкина, в противовес доминирующей в то время

концепции о скифском этносе и культуре, сложившихся в Северном Причерноморье на основе населения позднеархаической культуры, о территории Скифии, ограничивающейся исключительно степной частью Северного Причерноморья, и Лесостепи, заселенной земледельческо-скотоводческими племенами со скифоидной культурой, была предложена иная стройная концепция. Согласно этой концепции, скифы-иранцы, принесшие свою кочевническую культуру из глубин Азии, завоевали древнее автохтонное население Северного Причерноморья, ассимилировали его и широко распространили свою культуру (элементы местной культуры были «заслонены» новой яркой культурой). В Степи и Лесостепи, подчеркивал в своих трудах исследователь, существовали не две культуры (как считали представители, прежде всего, московской школы скифоведения), а единая скифская, принадлежавшая племенам, различающимся по этносу и хозяйственному укладу. В степной части Северного Причерноморья обитали скифы-иранцы, занимающиеся кочевым скотоводством. Скифами (как и В. А. Ильинская) исследователь считал и большую часть населения Левобережной Лесостепи, основным занятием которого было земледелие. Что же касается Правобережья Среднего Приднепровья, а также бассейна р. Ворскла на левом берегу, то здесь А. И. Тереножкин помещал земледельческо-скотоводческое население нескифского этноса, вероятных праславян (скифы-пахари Геродота?). Вся территория Степи и Лесостепи входила в состав единого политического объединения — Скифии. Надо сказать, что этим взглядам А. И. Тереножкин следовал до конца своей жизни, стремясь постоянно подкреплять их новыми аргументами.

Разумеется, широта обобщений, должная аргументация тех или иных положений нуждались в конкретных археологических материалах из памятников скифской культуры в различных регионах Северного Причерноморья. Алексей Иванович осуществил весьма результативные раскопки древностей скифской поры, причем, как правило, выступал новатором как с точки зрения масштабов изучаемых им памятников, так и применяемой методики.

Перечень раскопанных исследователем памятников скифского времени весьма значителен, но остановимся на наиболее ярких. В Лесостепи к таковым, безусловно, относится 9-метровый (при диаметре 60–70 м) курган, исследованный в 1950 г. у с. Глеваха на Киевщине (Тереножкин, 1954), содержащий под насыпью обширную

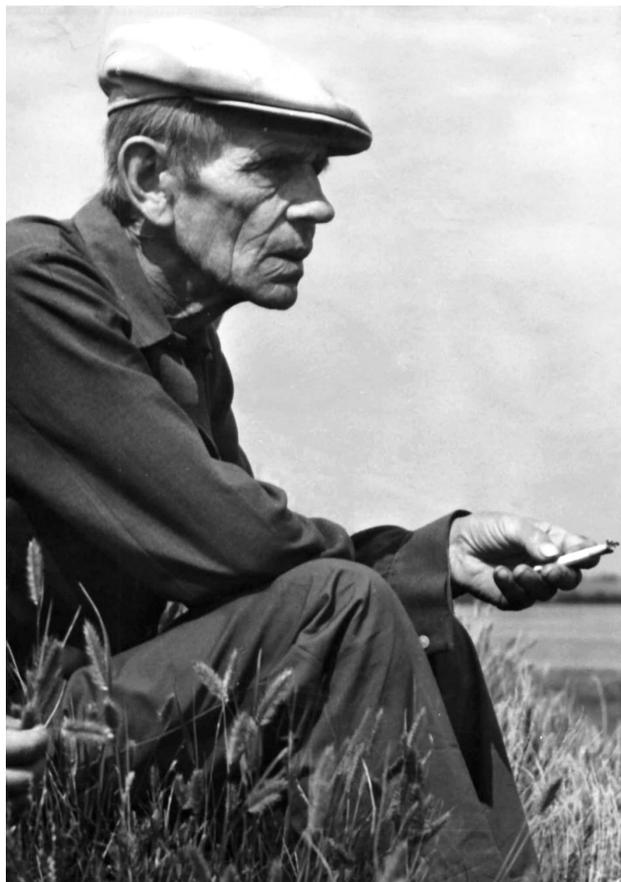

Рис. 5. Размышления на кургане Чертомлык. 1971 г.

Fig. 5. Lost in thought at the Chertomlyk barrow. 1971

погребальную камеру. Без учета опыта раскопок А.И. Тереножкиным этого выдающегося погребального памятника, принадлежавшего, по-видимому, скифскому вождю архаического времени, последующие исследования больших лесостепных курганов вряд ли были бы успешными. В еще большей степени сказанное касается исследования в 1954 г. «царского» скифского кургана вблизи Мелитополя (Тереножкин, 1955). По сути, это были первые раскопки памятника подобного класса после известных дореволюционных открытий Н.И. Веселовского.⁵ Понятно, что опыт, полученный в ходе этих исследований, трудно переоценить. Именно при раскопках Мелитопольского кургана Алексеем Ивановичем была не только выяснена сложная вальвовая структура насыпи (по сути — не насыпи, а архитектурной конструкции), но и впервые успешно применена методика исследования глубоких подземных погребальных сооружений с использованием специальных материалов для их крепления

⁵ Впоследствии материалы Мелитопольского кургана были подготовлены и изданы учеником А.И. Тереножкина — Б.Н. Мозолевским (Тереножкин, Мозолевский, 1988).

и привлечением квалифицированных специалистов. Впоследствии этот опыт был закреплен при исследовании кургана скифской знати Гайманова Могила (1969–1970 гг.), раскопками которого руководил В.И. Бидзиля (а Алексей Иванович являлся консультантом этих работ), и широко применен при исследовании целого ряда выдающихся курганов скифской аристократии.

С именем А.И. Тереножкина с середины 1960-х гг. связано и начало массовых раскопок скифских курганов, в основном IV–III вв. до н. э., в районах крупных новостроек на юге Украины (рис. 5). Именно тогда довольно широко стала применяться методика определения скифских курганов с помощью ручного бурения. Вот как писал по этому поводу сам Алексей Иванович: «Первые попытки бурения курганов были предприняты при раскопках около Борисполя на левом берегу Днепра к востоку от Киева, когда было прочно установлено, что они очень эффективны: из массы окружающих древнеямных и других курганов стало возможным безошибочно находить скифские» (Из жизни..., 2006. С. 105).

Было бы несправедливо не упомянуть, хотя бы кратко, и о вкладе А.И. Тереножкина в изучение степных культур эпохи бронзы. Достаточно вспомнить его раскопки кургана Сторожевая Могила, где впервые были обнаружены остатки повозки древнеямной культуры, великолепные результаты, полученные экспедицией под его руководством, при изучении курганов ямной, катакомбной, срубной культур на р. Молочная (1951–1952), где в общей сложности было исследовано более 500 погребений. При этом им были внесены зачастую серьезные поправки в атрибуцию и хронологию некоторых категорий памятников. Так, например, А.И. Тереножкину удалось доказать, что каменные антропоморфные изваяния, относимые ранее к киммерийцам, на самом деле принадлежат ямной культуре.

Следует также подчеркнуть, что именно в результате раскопок на р. Молочная были исследованы обширные сарматские могильники, составившие основательную источниковую базу для занятия сарматской проблемой на Украине.

И все же, наверное, одним из важнейших научных достижений А.И. Тереножкина в ходе его многолетних работ на Украине, помимо открытия новых культур или исследования ярких археологических памятников, было создание и воспитание киевской школы специалистов в области археологии раннего железного века, в которую вошли его единомышленники и ученики (рис. 6).

Рис. 6. В археологической разведке с молодыми коллегами. Сверху, крайний справа — Е. В. Черненко. Покровское, район Орджоникидзе Днепропетровской обл., 1964 г.

Fig. 6. Archaeological surveys with young colleagues. Top rightmost — E. V. Chernenko. v. Pokrovskoye, Ordzhonikidze region of Dnepropetrovsk oblast, 1964

Рис. 7. В рабочем кабинете. 1970-е гг.

Fig. 7. In the office study. 1970s.

Со времени ухода А. И. Тереножкина (19 мая 1981 г.) прошло более четверти века. В коллективе Отдела археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины и ныне плодотворно работают ученики Алексея Ивановича. Есть уже ученики и у его учеников, некоторые стали за эти годы докторами наук. При этом проблематика, разрабатываемая специалистами Отдела, во многом находится в рамках тех научных ориентиров, которые объективно и прозорливо были намечены на будущее А. И. Тереножкиным.

Труды А. И. Тереножкина в области археологии Украины получили при жизни исследователя широкий научный резонанс и официальное

признание. В начале 1970-х гг. он стал профессором (рис. 7), в 1977 г. решением Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Заслуженного деятеля науки Украины и в этом же году в составе коллектива авторов трехтомной «Археології Української РСР» (совместно с В. А. Ильинской) Алексей Иванович был удостоен высокого звания лауреата Государственной премии Украины за написание и редактирование основной части второго тома этого издания.

Завершить юбилейную статью хочется не строгим перечнем официальных заслуг профессора А. И. Тереножкина, а строчками из стихотворения известного археолога и поэта Б. Н. Мозолевого, одного из учеников Алексея

Ивановича, в которых лаконично, но емко определена масштабность этого выдающегося археолога XX столетия:

Світ, зачитаний як читанку,
Я відкрив — і зацікавив:
Так, як ти, його, Учителю,
Ще ніхто читав не вмів.⁶

Алексей Иванович Тереножкин, 1982. — Алексей Иванович Тереножкин // СА. 1982. № 3.

Археология Української РСР, 1971. — Археология Української РСР. Київ, 1971. Т. 2.

Археология Украинской ССР, 1986. — Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 2.

Березанская, 1987. — Березанская С. С. А. И. Тереножкин — исследователь бронзового века на Украине // Киммерийцы и скифы. Кировоград, 1987. Ч. 1.

Иессен, 1953. — Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР // СА. 1953. Т. 18.

Иессен, 1954. — Иессен А. А. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

Из жизни..., 2006. — Из жизни Алексея Тереножкина. Киев, 2006.

Ильинская, Тереножкин, 1983. — Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.

Кривцова-Гракова, 1962. — Кривцова-Гракова О. А. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // Памятники скифо-сарматской культуры. М., 1962 (МИА. № 115).

Крупнов, 1950. — Крупнов Е. И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. // Учен. зап. Кавказского НИИ. Нальчик, 1950. Т. 5.

Лесков, 1967. — Лесков А. М. К 60-летию А. И. Тереножкина // СА. 1967. № 4.

Лесков, 1981. — Лесков А. М. Курганы: находки, проблемы. Л., 1981. Мозолевський, Черненко, 1978. — Мозолевський Б. М., Черненко С. В. Олексій Іванович Тереножкін (до 70-річчя від дня народження) // Археологія. Київ, 1978. № 25.

Мурзін, 1996. — Мурзін В. Ю. О. І. Тереножкін — видатний дослідник скифської культури // Археологія. Київ, 1996. № 4.

Мурзін, 1998. — Мурзін В. Ю. Засновник київської школи скифознавства О. І. Тереножкін // Музейні читання. Київ, 1998.

Памяти Варвары Андреевны Ильинской, 1981. — Памяти Варвары Андреевны Ильинской // СА. 1981. № 2.

Скорий, 2005а. — Скорий С. А. Відділ скифо-сарматської археології: історія, підсумки, перспективи // Археологія. Київ, 2005. № 1.

Скорий, 2005б. — Скорий С. А. 60 лет Отделу скифо-сарматской археологии Института археологии НАН Украины: история, итоги, перспективы // АВ. СПб., 2005. № 12.

Тереножкин, 1952. — Тереножкин А. И. Памятники предскифского периода на Украине // КСИИМК. 1952. Вып. 47.

Тереножкин, 1954. — Тереножкин О. І. Курган біля с. Глеваха // Археологія. Київ, 1954. Т. 9.

Тереножкин, 1955. — Тереножкин А. И. Скифский курган в г. Мелитополье // КСИА АН УССР. Киев, 1955. Вып. 5.

Тереножкин, 1961. — Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.

Тереножкин, 1966. — Тереножкин А. И. Об общественном строе у скифов // СА. 1966. № 2.

Тереножкин, 1971. — Тереножкин А. И. Скифская культура // Проблемы скифской археологии. М., 1971.

Тереножкин, 1975. — Тереножкин О. І. Класи і класові відношення у Скифії // Археологія. Київ, 1975. Т. 15.

Тереножкин, 1976. — Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.

Тереножкин, Мозолевский, 1988. — Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.

Черняков, 1998. — Черняков І. Т. Тереножкін на перехресті проблем киммерійської археології // Музейні читання. Київ, 1998.

60 років Інституту археології..., 1994. — 60 років Інституту археології НАН України. Київ, 1994.

⁶ Мир, зачитанный как букварь,
Я открыл — и онемел:
Так, как ты, его, Учитель,
Еще никто читать не умел.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН в 2007 году

В 2007 г. сотрудники ИИМК РАН успешно продолжали научно-исследовательскую работу по 15 фундаментальным и прикладным темам в области археологии и древней истории, в рамках базового бюджетного финансирования:

1. Ориньякоидные индустрии и проблема становления верхнего палеолита Евразии (происхождение, эволюция, сходство и разнообразие).

2. Палеолит Евразии: общие черты и особенности регионального развития.

3. Первоначальное заселение и расселение древнего человека на приморских территориях Севера России.

4. Культурогенез и организация социального пространства в древнеземледельческих обществах юга Центральной Азии (архитектура, обряды, культурные взаимодействия).

5. Культурные контакты и взаимодействия народов Центральной Азии в пределах Великого Шелкового пути (древность и средневековье).

6. Миграции и внешние контакты в культурно-историческом процессе эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа и Нижнего Подонья.

7. Культурная стратиграфия эпохи бронзы и раннего железного века Южной Сибири (бассейн среднего и верхнего Енисея и Тува).

8. Торговля, ремесло градостроительство Северной Руси в свете международных этнокультурных связей.

9. Славяне и финские племена в процессе межэтнического, культурного и хозяйственного развития.

10. Проблема взаимодействия центра и периферии в процессе становления христианской культуры X–XV вв. (по материалам археологии).

11. Греческие города и поселения Северного Причерноморья в контексте межэтнических процессов на периферии античного мира.

12. Хронологические и географические аспекты распространения памятников археологии на территории Северо-Западной части России, Прикамья, Приуралья и Южной Сибири.

13. Технология производств и культурная вариативность в каменном веке и эпохе ранних металлов (функционально-трассологические и технологические исследования индустрий).

14. Памятники гунно-сарматского времени Евразии: радиоуглеродная хронология, изучение изменений климата и реконструкция древних технологий с использованием естественнонаучных методов.

15. Археологическая и реставрационная деятельность на территории европейской части Российской империи в конце XIX–начале XX в. (по материалам научного архива ИИМК РАН).

Сотрудниками ИИМК РАН были выполнены задания по семи проектам Федеральной целевой программы «Культура России 2006–2010 гг.». Они вели научно-исследовательскую работу по 10 проектам Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и по 3 проектам программы ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории».

Санкт-Петербургский научный центр РАН профинансировал по программе научных исследований 16 проектов сотрудников ИИМК РАН. В 2007 г. РФФИ сотрудникам ИИМК РАН профинансировал 13 новых и продолжающихся инициативных и издательских проектов, а также

грантов на проведение полевых исследований. Особо следует отметить работы по 4 совместным проектам РГНФ: два проекта с Украинской Академией наук (руководители к. и. н. Н. Н. Скакун и к. и. н. О. В. Шаров), один проект с Белорусской Академией наук (руководитель к. и. н. Г. Н. Поплевко) и один проект с Молдавской Академией наук (руководитель к. и. н. Н. Н. Скакун).

В 2007 г. сотрудники Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН принимали активное участие в работах по проекту INTAS № 03-51-4445 и проекту Европейского Союза FEPRE № 2321 (руководитель к. х. н. Г. И. Зайцева). Д. и. н. М. В. Аникович работал по двум международным проектам: NSF USA № 071-55-19 и проекту Leakey Foundation (USA).

В институте были организованы полевые исследования 29 экспедиций и отдельных отрядов в различных регионах России, на Украине и в Туркмении. Кроме того, сотрудники института принимали участие в работах совместных международных экспедиций на Украине и в Средней Азии.

В настоящее время практически все экспедиции ИИМК РАН проводят комплексное изучение памятников археологии с участием специалистов смежных наук. В 2007 г. проводились комплексные работы с привлечением специалистов из Зоологического института РАН и Института озероведения РАН (С.-Петербург); Геологического института РАН и Института географии РАН, Палеонтологического института РАН, Института геоэкологии РАН, Института физики Земли РАН (Москва); Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону); геологического и географического факультетов СПбГУ, ВСЕГЕИ и ААНИИ (С.-Петербург); Геологического и географического факультетов МГУ и многих других.

Значительным вкладом в изучение палеолита в Евразии стал выход в свет четырехязычного словаря-справочника по древнему каменному веку под руководством С. А. Васильева (с привлечением археологов из США и Франции). Словарь включает несколько тысяч терминов, используемых в археологии палеолита, с их английскими, французскими и немецкими эквивалентами.

Значительным достижением в изучении каменного века России стало издание монографии: *Герасимов М. М., Астахов С. Н., Величко А. А.* Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания (иллюстрированный каталог палеоантропологических находок в России и на смежных территориях). СПб.,

2007. Книга содержит полную публикацию палеоантропологических находок палеолитического времени на территории России в границах бывшего СССР. Такое издание является незаменимым пособием исследователей каменного века Евразии.

Значительным вкладом в изучение духовной культуры народов, обитавших в античное время на территории Северного Причерноморья, стала монография И. Ю. Шауба «Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.)» (СПб., 2007). В книге подведены итоги многолетних исследований автора, посвященных сложным вопросам религиозной жизни варварского, греческого и греко-варварского населения Скифии и городов Северного Причерноморья (Ольвии, Херсонеса и Боспора). Важным этапом изучения античного и римского времен на территории России стал выход в свет монографии О. В. Шарова «Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римскими импортами» (СПб., 2007).

Результаты раскопок и анализа материалов Рюрикова городища — древнейшего Новгорода русских летописей и вопросы, связанные с изучением его материалов, нашли свое отражение в сборнике статей, посвященных актуальным вопросам исследования истории и археологии Древней Руси IX–XV вв. В издании обобщены результаты 30-летних исследований Рюрикова городища — первой княжеской резиденции новой династии на Русском Севере и вводятся в оборот уникальные материалы, демонстрирующие широкие международные связи Новгородской земли. Показана роль Городища в становлении Новгорода и русской государственности (ред. чл.-корр. РАН Е. Н. Носов и д. и. н. А. Е. Мусин).

Важным результатом полевой работы института стала деятельность созданной в 2006 г. Экспериментальной экспедиции ИИМК РАН (к. и. н. Е. Ю. Гиря), которая на базе всемирно известной позднепалеолитической группы памятников у с. Костенки (Воронежская обл.) проводит экспериментальное изучение каменных орудий.

В апреле 2007 г. ИИМК РАН провел международную конференцию, посвященную 50-летию создания радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН «Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях», в которой приняло участие около 100 археологов и специалистов-естественников. К началу работы конференции было подготовлено издание «Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических

исследованиях: Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, 9–12 апреля 2007 г., Санкт-Петербург. СПб., 2007».

В ноябре 2007 г. ИИМК РАН совместно с Государственным Эрмитажем и Музеем истории религии организовал и провел седьмой по счету международный конгресс «Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок». К работе конгресса было осуществлено двухтомное издание его материалов.

Сотрудники ИИМК РАН принимали активное участие в проведении целого ряда международных научных форумов как в России, так и за рубежом, где прочитали 252 доклада. В Российской Федерации сотрудники института приняли участие в конференциях в Москве, Твери, Иркутске, Барнауле, Санкт-Петербурге, Казани, Брянске, Великом Новгороде, Пскове, Сочи, Тюмени. В странах ближнего зарубежья сотрудники института выступали с докладами на конференциях на Украине, в Белоруссии, Латвии, Литве, Узбекистане, Молдавии, Казахстане и Азербайджане. В дальнем зарубежье сотрудники института приняли участие в работе научных форумов в Италии, Франции, Великобритании, Иране, Хорватии, Испании, Турции, Норвегии, Дании, Швеции и Финляндии.

В 2007 г., так же как и ранее, материалы Научного архива ИИМК РАН активно привлекались для экспонирования на различных выставках:

1. «Французская фотография второй половины XIX в.» в Государственном центре фотографии Санкт-Петербурга.

2. «Французская фотография второй половины XIX в.» в Нижнем Новгороде.

3. «Туркестан в старых фотографиях и керамике» в Государственном музее Востока (Москва).

Основные итоги работы ученых ИИМК РАН в 2007 г. нашли отражение в многочисленных публикациях (более 400), в том числе в 13 монографиях; 8 сборниках статей, 2 сборниках материалов научных конференций, № 2 «Записок ИИМК РАН» и ежегоднике ИИМК РАН «Археологические вести» № 14.

Ученый совет ИИМК РАН в 2007 г. провел шесть заседаний. Заслушаны доклады: к. х. н. Г. И. Зайцевой «Радиоуглеродная лаборатория ИИМК РАН: история создания, современное состояние», к. и. н. Н. Ф. Соловьевой и Р. Г. Мурадова «Илгынлы-депе: продолжение исследований и новые открытия “10 лет археологических исследований в Туркменистане”», Г. П. Григорьева

«Изучение костенковской культуры в Авдеево», доктора У. Фицхью (Смитсоновский музей, США) «Люди современного вида и структура археологических данных». Два расширенных заседания Ученого совета ИИМК РАН совместно с Отделом палеолита ИИМК РАН были посвящены актуальным проблемам современного палеолитоведения и приурочены к юбилеям сотрудников института Г. П. Григорьева и Н. Д. Праслова.

Диссертационный совет ИИМК РАН провел защиты одной докторской и шести кандидатских диссертаций, из которых две были защищены сотрудниками ИИМК РАН.

Состоялась защита на степень доктора исторических наук с. н. с. Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН А. И. Сакса по теме «Древняя Карелия во второй половине I–первой половине II тыс. н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли». Степень кандидата исторических наук была присуждена м. н. с. Научного архива ИИМК РАН М. В. Медведевой по теме «Изучение и охрана памятников археологии и архитектуры эпохи средневековья Северо-Запада России в деятельности Императорской Археологической Комиссии».

В аспирантуре ИИМК РАН проходили подготовку 18 соискателей ученых степеней (восемь из них сотрудники ИИМК РАН).

Сотрудники ИИМК ведут регулярную педагогическую деятельность в вузах Санкт-Петербурга.

В 2007 г. ИИМК РАН продолжал интенсивно поддерживать научные контакты с зарубежными коллегами. В институте выступали с докладами, проходили стажировку и работали с археологическими материалами 13 исследователей из Франции, США, Японии и стран СНГ. Сотрудники института выступили с 61 докладом на научных форумах в странах СНГ и дальнего зарубежья. В 2007 г. д. и. н. С. А. Васильев прочитал курс лекций в Феррарском университете (Италия), выступал с лекциями в Сиенском и Римском университетах, Европейском центре доисторических исследований в Изернии (Италия). К. и. н. А. А. Синицын читал лекции в Сиенском университете (Италия). Д. и. н. А. Е. Мусин прочитал курс лекций в Каенском университете (Франция), д. и. н. Ю. А. Виноградов читал лекции в университете г. Нанси (Франция).

ИИМК РАН имеет давние и прочные контакты со многими родственными археологическими учреждениями дальнего зарубежья, которые закреплены договорами о сотрудничестве, а именно с университетами Хельсинки и Турку (Финляндия),

с университетом г. Тарту (Эстония), с Южным Институтом общественных наук (Вьетнам), с Фондом Гогурёских исследований (Республика Корея).

В отчетный период ИИМК РАН продолжал активно развивать сотрудничество с родственными учреждениями стран СНГ. В настоящий момент у института заключено 19 договоров, которые являются основой для более конкретных договоренностей о совместных мероприятиях, экспедициях и т. д. Особо следует отметить развитие и упрочение контактов ученых ИИМК РАН с украинскими, молдавскими и белорусскими коллегами.

В 2007 г. зав. Отделом палеолита ИИМК РАН д. и. н. С. А. Васильев являлся представителем России в Комиссии по верхнему палеолиту Международного Союза доисторических и протисторических наук. К. и. н. В. А. Трифонов избран членом-корреспондентом Германского института археологии (Берлин). Д. и. н. В. И. Распоповой за многолетние исследования и публикацию материалов городища Ниса (Узбекистан) была присуждена премия Prix Ghirshman de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (Institut de France).

С. А. Кулаков
Ученый секретарь ИИМК РАН

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКОВ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ», № 11–15

І. Статьи и заметки

1. Абдуразаков А., Болиев Б. Исследование химического состава строительных и облицовочных материалов архитектурных материалов Узбекистана. 12. С. 153–159.
2. Анисюткин Н. К., Тимофеев В. И. Каменные изделия из пещеры Тхамкуэн на севере Вьетнама. 11. С. 13–22.
3. Бельский П. Е. Трехпрестольные храмы в новгородской архитектуре второй трети XII века. 15. С. 186–192.
4. Билде Пиа Гулдагер. Что скифского было в «Скифской Диане» из Неми? 12. С. 209–218.
5. Брун Пьер. Средневековые укрепления Султан-Кала (Мерв, Туркменистан): Раскоп 7 (Куртина 6 и башня 7, Цитадель, Северная стена). 11. С. 174–189.
6. Буйских А. В., Зубарь В. М. К проблеме функциональной атрибуции памятников Маячного полуострова. 15. С. 91–101.
7. Булкин Вал. А. К юбилею Николая Николаевича Воронина. 15. С. 164.
8. Вадецкая Э. Б. Сибирские погребальные маски (предварительные итоги и задачи исследования). 11. С. 298–323.
9. Васильев С. А. Древнейшие памятники Аляски: хронология, палеоэкология и культурное взаимодействие (к проблеме первоначального заселения Америки). 11. С. 244–256.
10. Васильев Ст. А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие. 11. С. 275–297.
11. Васильева Н. Б., Суворов А. В. Жилище 3 энеолитического поселения Павшино-2 на реке Юг: технология кремнеобработки. 13. С. 46–56.
12. Васильева Р. В. «Устали скитаться. Пора домой...». 12. С. 11–25.
13. Вахтина М. Ю. О змеях на ручке бронзового кратера из села Мартоноша. 15. С. 84–90.
14. Вахтина М. Ю., Стоянов Р. В. Новые данные о некрополе Порфмия (по материалам археологических раскопок 2003–2005 гг.). 13. С. 182–194.
15. Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю. О семантике изображений на золотых статерах Пантикапея. 12. С. 219–223.
16. Виноградова Н. М. Земледельческие памятники Южного Таджикистана в эпоху поздней бронзы. 11. С. 71–94.
17. Габуня М. К. Ранние этапы древнекаменного века в регионе Южно-Грузинского вулканического нагорья. 14. С. 11–19.
18. Гаврилюк Н. А. Чернолаковые килики и канфары из степных скифских погребений. 13. С. 151–181.
19. Гаврилюк О. М., Ягодинская М. О. Древнерусские предметы христианского культа с Западной Подолии и Юго-Западной Волыни. 12. С. 123–141.
20. Гавритухин И. О., Казанский М. М. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V–VI вв. 13. С. 297–344.
21. Гордин А. М. Фрески Боголюбовской церкви (по материалам раскопок Н. Н. Воронина 1934–1939 гг.). 15. С. 172–181.
22. Городилов А. Ю. Неопубликованные погребения Оленеостровского могильника на Онежском озере (по данным разведки М. Б. Эмлер 1936 г.). 14. С. 51–55.
23. Грибов Н. Н., Лапшин В. А. Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках. 15. С. 141–156.
24. Григорьева Г. В. Планиграфия бус-нашивок верхнепалеолитического поселения Юдиново (1988–1990, 1995–1997, 2000–2003). 12. С. 31–43.
25. Денисова В. И. К боспорским монетам с пятиколонным храмом. 11. С. 114–127.
26. Дюков Ю. Л., Т. Н. Смекалова, А. В. Мельников, Н. М. Вечерухин. Исследование серебряных монет Александра Македонского из собрания Государственного Эрмитажа. 11. С. 146–155.

27. Егорьков А. Н. О цементационном получении бронзы и латуни в древности. 15. С. 157–162.
28. Егорьков А. Н., Гак Е. И., Шишлина Н. И. Состав металла Калмыкии в бронзовом веке. 12. С. 71–76.
29. Егорьков А. Н., Щетенко А. Я. К вопросу о составе металла изделий эпохи бронзы и железа Южного Туркменистана. 11. С. 95–101.
30. Еремеев И. И. Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги. 12. С. 98–122.
31. Жервэ А. В. К вопросу об организации плинфяного строительства в Северо-Восточной Руси в конце XI–первой четверти XIII века. 15. С. 181–185.
32. Жущиховская И. С. Динамика техники обжига в древнем гончарстве Дальнего Востока в контексте культурно-исторического процесса. 11. С. 42–51.
33. Жущиховская И. С. Технология формовки на шаблоне в древнем гончарстве Дальнего Востока России. 12. С. 62–70.
34. Каспаров А. К. Некоторые проблемы интерпретации костных материалов на примере археологических памятников Восточного Крыма. 11. С. 102–106.
35. Каспаров А. К. Новые данные по фауне Алтын-депе. Некоторые детали эволюции скотоводческого хозяйства протогородских социумов. 13. С. 69–76.
36. Кокорина Ю. Г. Меч, акинак, кинжал — какой термин выбрать? (к постановке проблемы). 15. С. 75–83.
37. Колпаков Е. М., Назаренко В. А. Новый тип погребальных сооружений Приладожской курганный культуры. 11. С. 196–201.
38. Корниенко Т. В. К проблеме культового строительства в Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита. 12. С. 179–187.
39. Корниенко Т. В. Культовые постройки Тепе Гавры в период Убейд. 13. С. 57–68.
40. Король Г. Г., Конькова Л. В. Южносибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия в X–XIII вв. 14. С. 145–156.
41. Кубло Э. К., Леонтьев Л. Л., Колосова М. И., Кокуца Л. В. Изучение свойств археологической древесины и проблемы консервации. 12. С. 160–171.
42. Курбанов Ш. Ф. Тали Хамтуда. 11. С. 156–173.
43. Курбатов А. В. Кожаные предметы из раскопок на Рюриковом Городище в 2001–2002 гг. 11. С. 218–225.
44. Курбатов А. В. Региональные черты в бытовой материальной культуре (на примере кожаных находок из раскопок в Таллине). 13. С. 264–272.
45. Курбатов А. В. Этапы освоения Русского Севера и развитие кожевенного ремесла. 14. С. 157–165.
46. Кутимов Ю. Г. Степные элементы в погребальном обряде могильника Заманбаба (к вопросу о происхождении и хронологии заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии). 12. С. 188–208.
47. Кушнарёва К. Х. Новая датировка кармирбердской культуры Кавказа. 14. С. 166–183.
48. Кушнарёва К. Х., Рысин М. Б. Парадная посуда и ювелирные изделия из триалетско-кировкаканских «царских» курганов. 11. С. 55–70.
49. Лазаретов И. П. Могильник Тюрим (о времени появления атипичной керамики в карасукских комплексах). 15. С. 37–54.
50. Лазаретов И. П. Памятники баиновского типа и тагарская культура. 14. С. 93–105.
51. Леонтьев С. Н. Керамика андронидного типа в верховьях р. Тубы. 13. С. 77–81.
52. Леус П. М. Каменные стелы из Хаккари (Турция) и некоторые параллели к ним. 14. С. 56–61.
53. Леус П. М. О цитировании китайских письменных источников по истории древних тюрков. 13. С. 273–280.
54. Липатов А. А. Этуд о разрушающейся штукатурке: материалы наблюдений над штукатурными растворами фасадов церкви в Тракумле (о. Готланд, Швеция). 11. С. 233–243.
55. Массон В. М. Древние общества степей Евразии и структура мировой истории. 12. С. 172–178.
56. Матюхин А. Е. Бирючья Балка 2. Многослойный палеолитический памятник на Северском Донце. 14. С. 20–42.
57. Матюхин А. Е. Позднепалеолитические индустрии с двусторонними острями долины Северского Донца. 12. С. 44–61.
58. Матюхин А. Е. Типология и технология двусторонних треугольных острий из позднепалеолитических слоев Бирючьей балки 2. 11. С. 257–274.
59. Медведева М. В. Документальное наследие Николая Николаевича Воронина в Научном архиве ИИМК РАН. 15. С. 165–171.
60. Миллер Брайан К., Оллард Франсис, Эрдэнэбатор Димаджав, Ли Кристин. Погребальный

комплекс сюнну: раскопки могильника Гол Мод 2 (Монголия, 2002–2005 годы). 15. С. 55–70.

61. Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Ханьская колесница из могильника Царам. 14. С. 130–140.

62. Михайлов К.А., Ёлшин Д.Д. Новые архивные материалы по археологическому изучению древнего Киева. 11. С. 226–232.

63. Мурашкин А.И. Археологические памятники Кольского полуострова и проблема происхождения саамов. 12. С. 148–152.

64. Немейцова-Павукова В. Результаты новых раскопок фортификационных сооружений лендельской культуры. 11. С. 52–54.

65. Никитинский И.Ф. Ранние земледельческие орудия бассейнов Ваги и Сухоны. 11. С. 190–195.

66. Новичихин А.М. Бронзовый клевец из станицы Гостагаевской. 12. С. 77–79.

67. Новичихин А.М. Бронзовый котел из окрестностей станицы Гостагаевской. 14. С. 118–120.

68. Носов Е.Н. К 60-летию победы в Великой Отечественной войне. 12. С. 9–10.

69. Овчинникова Б.Б. «На древнем берегу Иртыша...» (из раскопок Уральской археологической экспедиции). 12. С. 92–97.

70. Переводчикова Е.В., Фирсов К.Б. Орнаментированный предмет из кургана Козел: пережиточный гальштатский стиль в скифских царских курганах? 11. С. 128–137.

71. Пираццоли-Серстевенс М. Китайская надпись из элитного кургана сюнну в могильнике Царам. 15. С. 71–74.

72. Плохов А.В. Уникальная литейная форма из Старой Ладogi. 11. С. 202–217.

73. Поляков А.В. Лапчатые привески карасукской культуры (по материалам погребений). 13. С. 82–101.

74. Пуцко В.Г. Об одной группе каменных икон Спаса на престоле. 12. С. 142–147.

75. Пуцко В.Г. Резная иконка в Ельце: Деисус в новгородской каменной пластике XIV века. 15. С. 133–140.

76. Рысин М.Б. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации). 14. С. 184–220.

77. Рысин М.Б. Успенский этап кавказской металлообработки среднего бронзового века. 15. С. 193–230.

78. Савинов Д.Г., Поляков А.В. Могильник Арбан I. 14. С. 62–92.

79. Сингатулин Р.А. Палеофонография: проблемы новых технологий. 11. С. 324–328.

80. Сеницына Г.В. Сырье — как показатель определения возраста стоянок каменного века Валдая. 13. С. 34–45.

81. Сеницына Г.В., Колокольцев В.Г. Разновидности кремневого сырья как хронологический показатель стоянок каменного века Валдая. 14. С. 43–50.

82. Скржинская М.В. Главные храмы и праздники античных государств Северного Причерноморья в литературных и эпиграфических источниках. 15. С. 102–111.

83. Скржинская М.В. Изображения растений и их роль на памятниках искусства VI–V вв. до н.э. из Тире, Ольвии, Херсонеса и Боспора. 13. С. 195–203.

84. Скржинская М.В. Праздники Аполлона на Боспоре и в Ольвии. 11. С. 107–113.

85. Смекалова Т.Н., Смекалов С.Л. Системы дорог и клеров городов Европейского Боспора по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок. 13. С. 204–225.

86. Смирнов А.М. «Женское божество и храм» в искусстве монументальной скульптуры и архитектуры Европы в IV–III тыс. до н.э. 13. С. 281–296.

87. Соболев В.Ю. Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI. 15. С. 118–132.

88. Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников Пазырькской культуры. 13. С. 102–150.

89. Стоянов Р.В. К хронологии участка эллинистического некрополя возле гончарных мастерских в Херсонесе Таврическом. 14. С. 121–129.

90. Стрельник М.А., Хомчик М.А. Античные веретена из Северного Причерноморья (по материалам Национального музея истории Украины). 12. С. 80–87.

91. Торгоев А.И. Геральдический пояс с верхнего Таласа. 12. С. 88–91.

92. Трейстер М.Ю. Ожерелье из Одесского Музея — малоизвестная находка из Ольвии или подделка? 11. С. 138–145.

93. Чхаидзе В.Н. Гермонасса–Томы–Таматара: позднеантичный и раннесредневековый город на Боспоре. 14. С. 141–144.

94. Шаблавина Е.А. О раннесредневековой продукции боспорских ювелиров (на примере орлиноголовых пряжек). 13. С. 230–253.

95. Шарыгина М.В. К вопросу о происхождении зооморфных гребней эпохи Великого переселения народов в Европе. 13. С. 254–263.

96. Шауб И. Ю. Культ Диониса и свинцовые вотивы из Ольвии. 15. С. 112–117.

97. Шауб И. Ю. О семантике находок из ольвийского некрополя VI–IV вв. до н. э. 14. С. 106–117.

98. Шауб И. Ю. Херсонесская Дева, Артемида и олень. 13. С. 226–229.

99. Щелинский В. Е. Азербиевское ашельское местонахождение на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа. 15. С. 18–36.

100. Щелинский В. Е. Среднепалеолитический комплекс местонахождения Широкий Мыс (Черноморское побережье Северо-Западного Кавказа). 13. С. 11–33.

101. Юдин А. И. Варфоломеевская стоянка — опорный памятник Орловской неолитической культуры Степного Поволжья. 11. С. 23–41.

II. Рецензии

102. Березкин Ю. Е. Археология американского Юго-Востока. Рец. на: Handbook of North American Indians. Vol. 14, Southeast. Raymond D. Fogelson, ed. 1042 p., ill. 2004. Washington: Smithsonian Institution. 14. С. 222–226.

103. Васильев С. А. Древнейшие предки индейцев в Заполярье. Рец. на: M. Kunz, M. Bever, C. Adkins. The Mesa Site: Paleoindians above the Arctic Circle. BLM-Alaska Open File Report, no. 86. VI + 81 pages, 39 figures. 2003. Anchorage: US Department of Interior. 12. С. 224–225.

104. Васильев С. А. Начало верхнего палеолита: евразийское измерение. Рец. на: The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe. P. J. Brantingham, S. L. Kuhn, K. W. Kerry (Eds.). 295 pages. 2004. Berkeley: California University Press. 12. С. 226–228.

105. Васильев С. А. Последние мадленцы на севере Франции. Рец. на: Les derniers magdaléniens d'Etiolles. Perspectives culturelles et paléohistoriques. N. Pigeot (Dir.). XXXVIIe Supplement à Gallia Préhistoire. 351 pages. 2004. Paris: Ed. CNRS. 14. С. 221–222.

106. Ветюков В. А. Украшения древних вьетов. Рец. на: Tròn Sinh, Nguyeãn Vaên Huyeãn. Trang sôüc cuïa ngöðøi vieät soã. 154 p., 70 ill, 25 photo. 2001. Hàø Noãi: Nhaø huaát baün vaên hoùa daãn toãc. 11. С. 335–341.

107. Виноградов Ю. А. Важное исследование об истории древнегреческого оружия. Рец. на: Baitinger H. Die Angriffsaffen aus Olympia. Olympische Forschungen. Bd XXIX. 257 s., 67 taf. 2001. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 15. С. 237–241.

108. Вишняцкий Л. Б. Еще раз о культуре. Рец. на: Philip G. Chase. The Emergence of Culture. The Evolution of a Uniquely Human Way of Life. 227 p. (hardback). 2006. New York: Springer. 15. С. 231–234.

109. Григорьев Г. П. Происхождение знакового поведения. Рец. на: Я. А. Шер, Л. Б. Вишняцкий, Н. С. Бледнова. Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир. 2004. 279 с. 8 л. ил. 13. С. 345–347.

110. Григорьев Г. П., Булочникова В. А. Методика исследования палеолита: микростратиграфия и хронология. Рец. на: Х. А. Амирханов. Зарайская стоянка. 243 с., 92 ил., 7 табл. 2000. РАН. М.: Научный мир. 11. С. 329–332.

111. Жилина Н. В. Клады Болоховской земли. Рец. на: Якубовський В. І. Скарби Болохівської Землі. 2-е вид., доп. 159 с.: ілюстр. 2003. Кам'янець-Подільський: Медобори. 15. С. 244–246.

112. Засецкая И. П., Фурсев А. Г. Новые погребальные памятники эпохи Великого переселения народов на Среднем Дунае. Рец. на: V. Ivanišević, M. Kazanski, A. Mastykova. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. 352 pages, 78 figures, 46 plates. 2006. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. Monographies 22. 15. С. 241–244.

113. Клейн Л. С. Облик Косинны на пороге XXI века (новая биография Косинны в труде Г. Грюнерта). Рец. на: Grünert H. Gustaf Kossinna (1858–1931). Vom Germanisten zum Prähistoriker. Ein Wissenschaftler im Kaiserreich und der Weimarer Republik (Vorgeschichtliche Forschungen. Bd 22). 2002. Leidorf; Rahden, VML. 15. С. 234–237.

114. Клейн Л. С. Ознакомление с не-археологической не-теорией. Рец. на: Johnson M. H. Archaeological theory: An introduction. 239 p., 32 ill. 1999. Oxford, Blackwell. 14. С. 226–232.

115. Курбатов А. В. История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели. Рец. на: June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. P. 357, fig. 443. 2001. Stockholm. 12. С. 231–244.

116. Курбатов А. В. Музееведение и археология — две составляющих в изучении древнерусской моды и кожаного ремесла. Рец. на: Д. О. Осипов. Обувь московской земли XII–XVIII вв. 200 с., 323 ил. 2006. М.: ИА РАН (Материалы охранных археологических исследований, Т. 7). 15. С. 246–254.

117. Курбатов А. В., Т. А. Матехина. Мех и кожа в раннесредневековой Европе. Рец. на: Leather

and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology. Edited by Esther Cameron. 105 p., 22 ill. 1998. London. 11. С. 350–357.

118. Лурье Е. В. С чем проходили свой путь викинги. Рец. на: Neil S. Price. The Viking way: religion and war in late Iron Age Scandinavia. Uppsala, 2002. 435 pages, 159 figures, 3 tables. 13. С. 348–350.

119. Массон В. М. Новые данные о синташинской культуре. Рец. на: Н. Б. Виноградов. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. 360 стр. 2003. Челябинск: Южноуральское книжное издательство. 11. С. 333–335.

120. Мусин А. Е. Византийская провинция, трансплантация или рецепция? Новая книга о древнерусских энколпионах. Рец. на: Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликвии XI–XIII вв. 432 с. 159 табл. 2003. СПб.: Петербургское востоковедение. 12. С. 244–250.

121. Мусин А. Е. Ex Oriente Lux: возвращение христианской археологии. Рец. на: Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). 499 с. 146 ил. LXXX табл. 2002. М.: Наука. 11. С. 358–365.

122. Пуцко В. Г. Все о крестах-энколпионах средневековой Руси. Рец. на: Г. Ф. Корзухина, А. А. Пескова. Древнерусские энколпионы. Кресты-реликвии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2003. 432 с. (Archaeologica Petropolitana, XIV). 13. С. 350–352.

123. Хвоцинская Н. В. Юго-Восточная Эстония в эпоху железного века. Рец. на: Silvia Laul. Rauaaja kultuuri kujunemine Eesti kaguosas (500 e. Kr. — 500 p. Kr.). 278 lk., 77 joon. Muinasaja teadus 9. Õpetatud Eesti Seltsi Kirjad 7. 2001. Tallinn. 12. С. 228–231.

124. Широкова Н. С. Этно- и культурогенез эллинской народности бронзового и раннего железного веков, процесс становления цивилизации нового типа в архаической Греции. Рец. на: Ю. В. Андреев. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III–начало I тыс. до н. э.). 862 с., 250 ил., 5 вкл., библи.: С. 801–820. 2002. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин». 11. С. 341–350.

III. Организация науки и сотрудничество Восток–Запад

125. Васильев С. А. Возобновляя традиции отечественной науки: Всероссийский археологический съезд «Современные проблемы

археологии России» (Россия, Новосибирск, 23–27 октября 2006 г.). 15. С. 255–258.

126. Васильев С. А. Международные конференции по палеолиту Северной и Средней Азии. 15. С. 259–262.

127. Васильев С. А. Французская археология палеолита: новые открытия, новые тенденции. 14. С. 233–236.

128. Видейко М. Ю. «Кукутень — 120 лет исследований. Время подводить итоги». Коллоквиум и праздник экспериментальной археологии (Румыния, г. Пятра-Нямц, 21–24 октября 2004 г.). 12. С. 271–273.

129. Видейко М. Ю. Международная научно-практическая конференция «Древние земледельцы Европы: новые открытия и гипотезы» (Украина, г. Збараж, 16–19 августа 2004 г.). 12. С. 269–270.

130. Зайцева Г. И., Алексеев А. Ю. Конференция «Влияние окружающей среды на миграции в Евразии» (Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia) (Россия, Санкт-Петербург, 15–18 ноября 2003 г.). 12. С. 266–269.

131. Кирпичников А. Н., Платонова Н. И. I Международный симпозиум «Археология и история Литвы и Северо-Запада России» (Россия, Санкт-Петербург, 4–8 декабря 2006 г.). 15. С. 269–273.

132. Кирчо Л. Б. Семь тысячелетий культуры и цивилизации Тепе Гиссар (Seven Thousand Years of Culture and Civilization of Tepe Hissar) (Иран, Дамган, 17–18 февраля 2007 г.). 15. С. 263–264.

133. Мешкерис В. А. Хроника зарубежной музыкальной археологии (лидирующая роль Международного общества — Study group on music archaeology of the International Council for Traditional Music [ICTM]). 11. С. 366–368.

134. Мусин А. Е., Торопова Е. В. Конференция «Старая Русса и Приильмень в контексте древнерусской культуры — от тысячелетия к тысячелетию. Проблемы археологии и комплексного источниковедения» (Россия, г. Старая Русса, 21–24 сентября 2004 г.). 13. С. 354–360.

135. Мусин А. Е., Торопова Е. В. Международная научная конференция «У истоков русской государственности» (Россия, г. Великий Новгород, 4–7 октября 2005 г.). 14. С. 239–244.

136. Мусин А. Е. Sacralia Ruthenica: 12-ая Ежегодная встреча Европейской Ассоциации археологов (Польша, Краков, 19–24 сентября 2006 г.). 15. С. 265–268.

137. Нуорлуото Юхани, Йоуни Ваахтера. Конференция «Славянизация Русского Севера. Механизмы и Хронология» (Финляндия, Биостанция Хельсинкского университета в Ламми, 22–25 сентября 2005 г.). 13. С. 360–362.

138. Скорый С.А. 60 лет Отделу скифо-сарматской археологии. Института археологии НАН Украины: история, итоги, перспективы. 12. С. 251–261.

139. Смирнов Н.Ю. Своевременная археология (опыт европейского строительства науки) (Греция, Афины, 5–9 ноября 2004 г.). 12. С. 262–266.

140. Смирнов Н.Ю. Symbols, iconography & material culture. Практический семинар Северной Археологической Школы для аспирантов из серии «Диалоги с прошлым» (Швеция, Гетеборг, 21–22 сентября 2005 г.). 13. С. 353–354.

141. Смирнов Н.Ю. «Violence, Coercion and Warfare. The Archaeology of Martial Culture». Очередной Семинар Северной Археологической Школы для аспирантов из серии «Диалоги с Прошлым» (Greece, Nauplion, 26–30.04.2005 г.). 14. С. 237–238.

IV. История науки и персоналии

142. Белановская Т.Д. Светлой памяти Татьяны Сергеевны Пассек (15 августа 1903 г.–4 августа 1968 г.). 11. С. 389–390.

143. Васильев С.А. С.А. Семенов как теоретик археологии. 13. С. 363–368.

144. Виноградов Ю.А. К 100-летию со дня рождения В.Ф. Гайдукевича. 12. С. 323–330.

145. Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Слово об Учителе. 11. С. 391–393.

146. Всевиов Л.М. Памяти Рахили Шнееровны Левиной. 13. С. 373–374.

147. Григорьев Г.П. Портрет одинокой женщины. 13. С. 368–372.

148. Длужневская Г.В. Фонд «Библиотека Мраморного дворца» в Научном архиве ИИМК РАН. 12. С. 274–290.

149. Длужневская Г.В. Фотографы Императорской археологической комиссии. 14. С. 245–258.

150. Егорьков А.Н. Памяти Валентина Александровича Галибина. 13. С. 375–376.

151. Кирпичников А.Н., Седых В.Н. Памяти профессора Игоря Васильевича Дубова. 11. С. 394–396.

152. Медведева М.В. Деятельность архитектора К.К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества по до-

кументам из собрания Научного архива ИИМК РАН. 12. С. 291–301.

153. Медведева М.В. Из истории «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины». 14. С. 259–267.

154. Медведева М.В. Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников (по материалам архивов ИИМК РАН). 11. С. 379–387.

155. Моисеева Н.Д. О русских князьях и царях (по материалам Научного архива ИИМК РАН). 12. С. 316–322.

156. Мусин А.Е. Памяти Татьяны Александровны Чуковой. 13. С. 377–381.

157. Платонова Н.И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: судьба ученого (по страницам семейного архива). 12. С. 301–316.

158. Распопова В.И. Памяти Р.М. Джанполадян. 12. С. 331–334.

159. Рысин М.Б. Памяти Каринэ Христофоровны Кушнаревой. 14. С. 268–269.

160. Скакун Н.Н., Шаровская Т.А., Щелинский В.Е. Памяти Галины Федоровны Коробковой (9.03.1933–27.08.2007). 15. С. 274–275.

161. Тимофеев В.И. К юбилею Т.Д. Белановской. 11. С. 387–389.

162. Ханутина З.В. Неизвестные терракоты из собрания Генриха Шлимана в античном фонде Государственного музея истории религии. 11. С. 369–379.

163. Шумкин В.Я. Памяти Владимира Ивановича Тимофеева (14.06.1947–08.08.2004). 12. С. 335–336.

164. Шумкин В.Я. Памяти Ирины Викентьевны Верещагиной (25.11.1947–03.03.2006). 14. С. 270–272.

V. Хроника

165. Кулаков С.А. ИИМК РАН в 2001–2002 гг. 11. С. 397–401.

166. Кулаков С.А. ИИМК РАН в 2003 г. 12. С. 337–343.

167. Кулаков С.А. ИИМК РАН в 2004 г. 13. С. 389–392.

168. Кулаков С.А. ИИМК РАН в 2005 г. 14. С. 273–276.

169. Кулаков С.А. ИИМК РАН в 2006 г. 15. С. 276–279.

170. Носов Е.Н. Совещание «Взаимодействие археологических учреждений России в изучении и сохранении археологических памятников» (Россия, Москва, 24 ноября 2005 г.). 13. С. 382–388.

VI. Библиография

171. Головачева Н.В. Содержание сборников «Археологические вести» № 1–10. 11. С. 432–442.

172. Головачева Н.В. Алфавитный указатель авторов сборников «Археологические вести» № 1–10. 11. С. 442–443.

173. Кирчо Л.Б., Всевиов Л.М. Издания, подготовленные сотрудниками ИИМК РАН в 1998–2002 гг. 11. С. 430–432.

174. Сажина О.Н., Левина Р.Ш. Работы отечественных ученых, опубликованные в зарубежных изданиях (1941–1991 гг.) (окончание). 11. С. 402–429.

Составитель Т.С. Дорофеева

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ СБОРНИКОВ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ», № 11–15

- Абдуразаков А. 1.
Алексеев А. Ю. 130.
Анисюткин Н. К. 2.
- Белановская Т. Д. 142.
Бельский П. Е. 3.
Березкин Ю. Е. 102.
Билде Пиа Гулдагер 4.
Болиев Б. 1.
Брун Пьер 5.
Буйских А. В. 6.
Булкин Вал. А. 7.
Булочникова В. А. 110.
- Ваахтера Йоуни. 136.
Вадецкая Э. Б. 8.
Васильев С. А. 9, 103–105, 125, 127, 143.
Васильев Ст. А. 10.
Васильева Н. Б. 11.
Васильева Р. В. 12.
Вахтина М. Ю. 13, 14.
Ветюков В. А. 106.
Вечерухин Н. М. 26.
Видейко М. Ю. 128, 129.
Виноградов Ю. А. 15, 107, 144, 145.
Виноградова Н. М. 16.
Вишняцкий Л. Б. 108.
Всевиов Л. М. 146, 173.
- Габуня М. К. 17.
Гаврилюк Н. А. 18.
Гаврилюк О. М. 19.
Гавритухин И. О. 20.
Гак Е. И. 28.
Головачева Н. В. 171, 172.
Гордин А. М. 21.
Городилов А. Ю. 22.
Горончаровский В. А. 145.
Грибов Н. Н. 23.
Григорьев Г. П. 109, 110, 147.
Григорьева Г. В. 24.
- Денисова В. И. 25.
Длужневская Г. В. 148, 149.
Дюков Ю. Л. 26.
- Егорьков А. Н. 27–29, 150.
Ёлшин Д. Д. 62.
Еремеев И. И. 30.
- Жервэ А. В. 31.
Жилина Н. В. 111.
Жушиховская И. С. 32, 33.
- Зайцева Г. И. 130.
Засецкая И. П. 112.
Зубарь В. М. 6.
- Казанский М. М. 20.
Каспаров А. К. 34, 35.
Кирпичников А. Н. 137, 151.
Кирчо Л. Б. 131, 173.
Клейн Л. С. 113, 114.
Кокорина Ю. Г. 36.
Кокуца Л. В. 41.
Колокольцев В. Г. 81.
Колосова М. И. 41.
Колпаков Е. М. 37.
Конькова Л. В. 40.
Корниенко Т. В. 38, 39.
Король Г. Г. 40.
Кубло Э. К. 41.
Кулаков С. А. 165–169.
Курбанов Ш. Ф. 42.
Курбагов А. В. 43–45, 115–117.
Кутимов Ю. Г. 46.
Кушнарёва К. Х. 47, 48.
- Лазаретов И. П. 49, 50.
Лапшин В. А. 23.
Левина Р. Ш. 174.
Леонтьев Л. Л. 41.
Леонтьев С. Н. 51.

- Леус П. М. 52, 53.
Ли Кристин. 60.
Липатов А. А. 54.
Лурье Е. В. 118.
- Массон В. М. 55, 119
Матехина Т. А. 117.
Матюхин А. Е. 56– 58.
Медведева М. В. 59, 152– 154.
Мельников А. В. 26.
Мешкерис В. А. 132.
Миллер Брайан К. 60.
Миняев С. С. 61.
Михайлов К. А. 62.
Моисеева Н. Д. 155.
Мурашкин А. И. 63.
Мусин А. Е. 120, 121, 133– 135, 156.
- Назаренко В. А. 37.
Немейцова-Павукова В. 64.
Никитинский И. Ф. 65.
Новичихин А. А. 66, 67.
Носов Е. Н. 68, 170.
Нуорлуото Юхани. 136.
- Овчинникова Б. Б. 69.
Оллард Франсис. 60.
- Переводчикова Е. В. 70.
Пираццоли-Серстевенс М. 71.
Платонова Н. И. 137, 157.
Плохов А. В. 72.
Поляков А. В. 73, 78.
Пуцко В. Г. 74, 75, 122.
- Распопова В. И. 158.
Рысин М. Б. 48, 76, 77, 159.
- Савинов Д. Г. 78.
Сажина О. Н. 174.
Сахаровская Л. М. 61.
Седых В. Н. 151.
Сингатулин Р. А. 79.
Синицына Г. В. 80, 81.
- Скакун Н. Н. 160.
Скорый С. А. 138.
Скржинская М. В. 82–84.
Смекалов С. Л. 85.
Смекалова Т. Н. 26, 85.
Смирнов А. М. 86.
Смирнов Н. Ю. 139–141.
Соболев В. Ю. 87.
Степанова Е. В. 88.
Стоянов Р. В. 13, 89.
Стрельник М. А. 90.
Суворов А. В. 11.
- Тимофеев В. И. 2, 161.
Торгоев А. И. 91.
Торопова Е. В. 134, 135.
Трейстер М. Ю. 92.
- Фирсов К. Б. 70.
Фурасьев А. Г. 112.
- Ханутина З. В. 162.
Хвощинская Н. В. 123.
Хомчик М. А. 90.
- Чхаидзе В. Н. 93.
- Шаблавина Е. А. 94.
Шаровская Т. А. 160.
Шарыгина М. В. 95.
Шауб И. Ю. 15, 96– 98.
Широкова Н. С. 124.
Шишлина Н. И. 28.
Шумкин В. Я. 163, 164.
- Щелинский В. Е. 99, 100, 160.
Щетенко А. Я. 27.
- Эрдэнэбатор Димаджав. 60.
- Юдин А. И. 101.
- Ягодинская М. О. 19.

Составитель Т. С. Дорофеева

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААНИИ — Арктический и антарктический научно-исследовательский институт. СПб.
- АВ — Археологические вести. СПб.; М.
- АКР — Археологическая карта России.
- АЛЛУ — Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
- АО — Археологические открытия. М.
- АС — Археологический съезд.
- АСГЭ — Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
- БИ — Боспорские исследования. Симферополь.
- БЭС — Большой энциклопедический словарь. М.
- ВВ — Византийский временник. М.
- ВДИ — Вопросы древней истории. М.
- ВИ — Вопросы истории. М.
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. СПб.
- ВСЕГЕИ — Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского. СПб.
- ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
- ГАГС — Государственный архив города Севастополя.
- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
- ГИМ — Государственный Исторический музей. М.
- ГИН РАН — Геологический институт РАН. М.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ЗАН — Записки Академии наук. СПб.
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
- ИА НАНУ — Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
- ИА РАН — Институт археологии РАН. М.
- ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
- ИГ РАН — Институт географии РАН. М.
- ИИМК — Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
- ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М.
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Л.; СПб.
- ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
- КГИКЗ — Керченский государственный историко-культурный заповедник. Керчь.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.
- л. с. — лицевая сторона.
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МАР — Материалы по археологии России. Пг.
- МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. СПб.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МИАК — Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек.
- Мм — Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова. Минусинск.
- НА ИИМК РАН, РА — Научный архив Института истории материальной культуры РАН, Рукописный архив. СПб.
- ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород.
- НЭ — Нумизматика и Эпиграфика. М.
- ОАВЕиС — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. СПб.
- ОВНМ — Одесский виртуальный музей нумизматики. Одесса.
- ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.
- ОПИ НГОМЗ — Отдел письменных источников Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.
- о. с. — оборотная сторона.
- ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.
- ПСА — Проблемы скифской археологии (Сборник). М., 1971 (МИА. № 177).
- ПВЛ — Повесть временных лет.
- ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л.
- РА — Российская археология. М.
- РГО — Императорское Русское географическое общество. СПб.
- РС — Русская старина. СПб.
- СА — Советская археология. М.
- САИ — Свод археологических источников. М.
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
- СОИМК — Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина.
- СЭ — Советская этнография. М.; Л.
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.
- ТИИ АН КиргССР — Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе.
- ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.
- ТКБАЭ — Труды Костенковско-Боршевской археологической экспедиции ИИМК РАН. СПб.
- ТФПИ — Труды Фрунзенского политехнического института. Фрунзе.
- УтР — утопленный ряд.
- AA — Archäologischer Anzeiger. Berlin.
- ACSS — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden.
- AJA — American Journal of Archaeology. New York.
- AMI — Archäologische Mitteilungen aus Iran. Berlin.
- BAR — British Archaeological Reports. Oxford.
- BerRGK — Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Mainz am Rhein.
- CNRS — Centre national de la recherche scientifique (Национальный центр научных исследований). Франция.
- CRA — Centre de recherches archéologiques. Paris.
- DOP — Dumbarton Oaks Papers. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. Washington, DC. 1940–
- EO — Échos d'Orient. Paris, 1897/1898–1940.
- ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
- HMS — Historical Metallurgy Society. Oxford.
- IAEG — International Association of Engineering Geology. Greece.

- IAMS — Institute for Archaeometallurgical Studies. London.
- IPGQ — Institut de Prehistoire et de Geologie du Quaternaire (Институт доистории и четвертичной геологии). Бордо. Франция.
- JAS — Journal of Archaeological Science. Oxford.
- JDI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin.
- MASCA Journal — Museum applied science center for archaeology. Philadelphia.
- MMSH — Maison Méditerranéenne des Sciences de l'Homme (Отдел гуманитарных исследований Средиземноморья при Университете Экс-ан-Прованс). Франция.
- MRS — Materials Research Society.
- RILEM — Reunion Internationale des Laboratoires d'Essais et the Recherches sur les Materiaux et les constructions.
- SC I — Латышев В. В. Scythica et Caucasia. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. 1. Греческие писатели.
- SC II — Латышев В. В. Scythica et Caucasia. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1906. Т. 2. Латинские писатели.
- UISPP — Union International des Sciences Pre- et Protohistoriques.

Научное издание

**Археологические
вести
Выпуск 16**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской Академии наук*

*Издательская группа ИИМК РАН
А. В. Гилевич, Н. В. Головачева,
Т. С. Дорофеева, Г. А. Кузнецова,
В. Я. Стеганцева*

Адрес редакции:

Россия, 191186, Санкт-Петербург.
Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры
Российской Академии наук.
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93; 95 3001 — книги;
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

*Редактор С. С. Атапин
Художественный редактор А. П. Бакланова
Технический редактор А. Л. Блинский
Корректор Е. А. Гольдич*

Подписано к печати 01.12.2010. Формат 60×90 1/8.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 33,54. Усл.-печ. л. 40
Тираж 500 экз. Заказ № 3460

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок
